

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2018. № 428. Март

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2018. № 428. March

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р
пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук,
проф.; В.И. Канов, д-р экон. наук, проф.; А.Г. Коротаев, канд.
физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук,
проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского
государственного университета; Т.С. Портнова, канд. физ.-мат.
наук, доц., директор Издательства НТЛ; А.И. Потекаев, д-р физ.-
мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф.;
З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; Ю.Г. Слизов, канд. хим.
наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор Издательства ТГУ;
С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.; П.Ф. Тарасенко,
канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьянин, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; Э.И. Черняк, д-р
ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); D. Katunin, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of
Philosophy, Professor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate
Professor; S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of
Engineering, Professor; L. Grinkevitch, Dr. of Economics,
Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina,
Dr. of Philology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; V. Kanov, Dr. of Economics,
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of
Tomsk State University Publishing House; T. Portnova, PhD in
Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific
and Technical Literature Publishing House; A. Potekaev, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor; L. Prozumentov, Dr. of Law,
Professor; Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor;
Yu. Slizhov, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko, PhD
in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin, PhD
in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr. of
Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr. of
Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –

Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor

Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Агратин А.Е. Поэтика имплицитного повествования: в поисках теоретической модели	5
Большев А.О. Авторитарное слово в произведениях А. Солженицына	12
Завгородний А.М. Французская рецепция поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»: Вторая мировая война – начало XXI в.	17
Кононова Н.О. Слово как «заклятие вещей» (феномен детской речи в повести «Котик Летаев» А. Белого и исследованиях Л. Выготского)	29
Шуйская Т.В. Аллофонное варьирование ударных гласных в речи детей трех лет (по данным акустического анализа)	36

ИСТОРИЯ

Анисимова И.В. Проблема реформирования традиционной судебно-правовой системы Туркестана и степных областей в конце XIX – начале XX в.	44
Баранцева Н.А. Динамика брачно-семейных отношений населения юга Красноярского края в конце 1940-х – конце 1980-х гг.	54
Бурнаков В.А. Бык и корова: образы и символы в традиционной культуре хакасов (конец XIX – середина XX в.)	64
Бытко С.С. Полемическая культура староверов и структура рукописного сборника конца XIX в.: особенности взаимодействия	72
Гнездилова И.С., Иванова Д.А. Монументальные сооружения в древних культурах Японского архипелага: период кофун	78
Дудайти А.К. От мирного процесса к войне с террором: ближневосточная политика Евросоюза в 1995–2003 гг.	87
Зеляк В.Г. Внедрение технических новаций на предприятиях золотодобывающей промышленности Магаданского совнархоза (1957–1962 гг.)	96
Кежухин А.Н. Борьба с социальными болезнями в Нижегородской губернии накануне и в годы Первой мировой войны	103
Кискидосова Т.А. Города Восточной Сибири второй четверти XIX в. в путевых записках В.П. Паршина	108
Коновалов И.А. Формирование сибирской полицейской бюрократии в XVIII в.	112
Никулина А.В., Зольников И.Д., Кузьмин Я.В., Софеев О.В., Чупина Д.А., Глушкова Н.В., Пчельников Д.В. Методика использования ГИС-технологий для анализа пространственной локализации поселений на примере эпох бронзы, раннего железного века и Средневековья в центральной части Барабинской низменности	117
Носова Н.П. От царизма к новой экономической политике. Налоговый механизм регулирования крестьянской экономики Советской России в дискурсе власти	126
Павлова И.П., Катцина Т.А. Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации (март – октябрь 1917 г.)	134
Павловская Е.Э., Клименко В.А. Дизайн и государство: пространства взаимодействия	141
Печерский В.А. Некоторые аспекты деятельности исправительно-трудовых учреждений Красноярского края в годы Великой Отечественной войны	151
Прокопенко К.А., Хрулева О.С. Участие еврейского населения в развитии аптечного дела сибирского города во второй половине XIX – начале XX столетия на примере Томска	160

CONTENTS

PHILOLOGY

Agratin A.E. Poetics of implicit narration: in search of a theoretical model	5
Bolshev A.O. Authoritarian word in Solzhenitsyn's works	12
Zavgorodnii A.M. French reception of Gogol's <i>Dead Souls</i> : the Second World War – the beginning of the 21st century	17
Kononova N.O. The word as a “spell on things” (the phenomenon of children's speech in Andrei Bely's <i>Kotik Letaev</i> and Lev Vygotsky's <i>Thinking and Speech</i>)	29
Shuiskaya T.V. Allophonic variation of stressed vowels in 3-year-olds' speech (based on acoustic analysis)	36

HISTORY

Anisimova I.V. The problem of reformation of the traditional judicial and legal system of Turkestan and the Steppe regions at the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries	44
Barantseva N.A. Dynamics of marriage-family relations of the population of the south of Krasnoyarsk Krai in the late 1940s – late 1980s	54
Burnakov V.A. Bull and cow: images and symbols in the traditional culture of the Khakas (late 19th – mid-20th centuries)	64
Bytko S.S. Polemic culture of the Old Believers and the structure of a manuscript collection of the late 19th century: features of interaction	72
Gnezdilova I.S., Ivanova D.A. The tradition of monumental constructions in ancient cultures of the Japanese archipelago: the Kofun period	78
Dudaiti A.K. From peace process to war on terror: the Middle East policy of the European Union in 1995–2003	87
Zelyak V.G. The introduction of technical innovations in the gold mining industry of the Magadan sovarkhoz (1957–1962)	96
Kezhutin A.N. Combating social diseases in Nizhny Novgorod Province on the eve and during the First World War	103
Kiskidosova T.A. Towns of Eastern Siberia in the second quarter of the 19th century in Vasily Parshin's travel notes	108
Kononov I.A. Formation of the Siberian police bureaucracy in the 18th century	112
Nikulina A.V., Zolnikov I.D., Kuzmin Ya.V., Sofeikov O.V., Chupina D.A., Glushkova N.V., Pchelnikov D.V. Methodology of GIS-based spatial analysis of the Bronze Age, the Early Iron Age, and the Medieval settlements in the central part of the Baraba Lowland	117
Nosova N.P. From tsarism to the new economic policy. The tax mechanism of regulating the Soviet Russia peasant economy in the discourse of power	126
Pavlova I.P., Kattsina T.A. The social policy of the Provisional Government: ideas and experience of implementation (March – October, 1917)	134
Pavlovskaya E.E., Klimenko V.A. Design and the state: interaction spaces	141
Pecherskiy V.A. Some aspects of the activities of correctional labor institutions of Krasnoyarsk Krai during the Great Patriotic War	151
Prokopenko K.A., Khrulyeva O.S. The Jews' contribution to the pharmacy of a Siberian city in the second part of the 19th – early 20th centuries based on Tomsk archives	160

Расколец В.В. Статистико-экономический отдел Института исследования Сибири: организация, деятельность и вклад в развитие сибирского края	165	Raskolets V.V. The Economics and Statistics Department of the Institute for the Study of Siberia: foundation, operation and contribution to the development of the Siberian region	165
Рынков В.М. Геополитические вызовы и модернизационные ответы: железнодорожный транспорт востока России в условиях Гражданской войны	175	Rynkov V.M. Geopolitical challenges and modernisation responses: railway transport in the east of Russia under the conditions of the Russian Civil War	175
Стаф В.С. Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае	183	Staf V.S. Memorialization of the “negative heritage” in modern Russia on the basis of the camp museums in Perm Krai	183
Троицкий Е.Ф. Реформа политики сплочения Европейского Союза 2013 г.	188	Troitskiy E.F. The European Union’s cohesion policy reform of 2013	188
Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Из жизни научного сообщества г. Томска в период Гражданской войны: научный семинар «Собеседования по отдельным вопросам физики и сопредельных с нею отраслей знания»	193	Fominykh S.F., Stepnov A.O. From the life of the academic community of Tomsk during the Civil War: a scientific seminar “Interviews on Specific Issues of Physics and Related Branches of Knowledge”	193
Шевченко С.А. Источниковедческий анализ материалов архива штата Вашингтон, посвящённых вопросу организации труда заключённых в дорожном строительстве в начале XX в.	199	Shevchenko S.A. Source analysis of the Washington State archive documents related to organization of convicts’ labor at road construction at the beginning of the 20th century	199

ПРАВО

Богданова О.А. Греческое законодательство о печатных и интернет-СМИ (1931–2017 гг.)	204	Bogdanova O.A. Legislation on the press and online media in Greece (1931–2017)	204
Груздев В.В. Об основном делении права	211	Gruzdev V.V. On the main division of law	211
Майоров В.И., Данилова Н.В., Геймур О.Г., Краснова Т.В. Формирование новых видов ответственности в российском праве	216	Mayorov V.I., Danilova N.V., Geymur O.V., Krasnova T.V. The formation of new types of liability in the Russian law	216
Николюк В.В., Марковичева Е.В. Решение судом вопросов, связанных с направлением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение замкнутого типа: уголовно-процессуальные и организационно-правовые проблемы	230	Nikolyuk V., Markovicheva E.V. The solution of issues dealing with sending minors to special closed educational and rehabilitative institutions by court: criminal procedural, organizational and legal problems	230
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	236	BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	236

LAW

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.09

А.Е. Азратин

ПОЭТИКА ИМПЛИЦИТНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ: В ПОИСКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Рассмотрены феномен имплицитного повествования и его реализация в художественном тексте. Разные способы не прямой репрезентации событий неоднократно вызвали интерес у нарратологов, но обычно описывались в качестве дополнительного, факультативного параметра повествовательного дискурса. Тем не менее подразумеваемые, «скрытые» нарративы выполняют специфические функции и, как показывает анализ прозы А.П. Чехова, могут стать организующим компонентом поэтики литературного произведения.

Ключевые слова: импликация; пресуппозиция; имплицитное повествование; повествовательный дискурс; художественный текст; А.П. Чехов.

В нарратологии неоднократно высказывалась мысль о том, что литературное произведение наряду с актуализированным повествованием содержит завуалированные, подразумеваемые нарративы, не озвученные или только частично артикулированные нарратором и персонажем.

Еще К. Бремон в статье «Логика повествовательных возможностей» (1966), опираясь на открытия В. Проппа, рассмотрел элементарную последовательность функций не изолированно, а в связи с другими, потенциальными последовательностями (перспективами), без учета которых реализованная в тексте история не может быть идентифицирована [1].

Впоследствии концепция возможной событийности была подведена под более широкую философскую базу и стала рассматриваться в рамках семантики возможных миров, которая разрабатывалась Р. Карнапом [2], С. Крипке [3], Д. Льюисом [4], Р. Столнейкером [5], Я. Хинтикой [6]. Возможные миры – «мыслимые состояния бытия, альтернативные наличному» [7]. Было предложено фиксировать их в процессе логического анализа. Таким образом, предметом внимания философов стали суждения, снабженные различными модальными операторами («необходимо», «возможно», «плохо», «хорошо» и т.д.). Кроме того, возникла гипотеза модального реализма (Д. Льюис): она допускает буквальное существование потенциальных универсумов, ничем не уступающих действительному.

Понятие возможных миров вошло в практику нарратологического анализа благодаря исследованиям 70–80-х гг. XX в., в которых оно использовалось для характеристики феномена фикциональности (Т. Павел [8], Л. Долежел [9], У. Эко [10]). Пионером собственно нарратологических исследований подобного рода по праву считается М.-Л. Райан. Различая в повествовательном тексте два «измерения» – «план» нарратора и «план» героя, она выделяет в последнем так называемые встроенные нарративы (*embedded narratives*) – представления персонажа, имеющие форму истории (намерения, желания, обязательства, планы на будущее, реконструкции прошлого и т.д.). Референтное поле таких «нарративов» – потенциальные события. При этом описываемые структуры, как правило, выражены имплицитно, что следует из приводимых Райаном аналитических пассажей [11].

С исследовательницей полемизирует Дж. Принс. По его мнению, «скрытый» рассказ о возможных событиях не всегда ограничен точкой зрения героя. При этом ученый, в отличие от Райан, ставит вопрос о потенциальном нарративе не в логическом, а скорее коммуникативном аспекте: важно не то, что произошло или не произошло (могло иметь место), а то, о чем было или не было рассказано и почему. Отсюда и типология нереализованных повествований у Принса: 1) «the unnarratable» – «неповествуемое» в принципе (ввиду общественных табу, контекстуальных ограничений, неограниченных возможностей самого нарратора); 2) «the unnarrated» – умолчания, необходимые для решения определенных повествовательных (художественных) задач (характеристика героя, непредсказуемый финал, ритм, саспенс и пр.); 3) «the disnarrated» – подразумеваемый рассказ о «событиях, которые не случились, но к которым, тем не менее, отсылает повествовательный текст (в негативной или гипотетической форме)» [12. С. 1–2]¹.

Идея Принса видится весьма продуктивной. Коммуникативный ракурс изучения нарратива позволяет выдвинуть на передний план проблему имплицитной наррации – именно эта проблема явилась импульсом для настоящих рассуждений. В самом деле, активность читателя, его ответная позиция в значительной степени обусловлены необходимостью восстановить пропущенные (индексально обозначенные) фрагменты повествования. Вот почему имплицитность – признак нарратива, имеющий самостоятельное значение. Отметим, что в современных исследованиях он трактуется как факультативный, дополнительный. Так, Х. Данненберг пишет об «альтернативных возможных мирах в вымышленном нарративе», однако лишь вскользь упоминает, что они «действительно нарративизированы или явно имплицированы в тексте» [13]. С.М. Милич изучает так называемые виртуальные нарративы, но рассматривает их имплицитность / эксплицитность в ряду других свойств [14].

Если в нарратологии пока нет завершенной теории имплицитной наррации, где же искать подходящий терминологический инструментарий для ее создания? По всей видимости, в лингвистике, которая располагает весьма разветвленным категориальным аппаратом, служащим описанию феномена имплицитности.

Среди всего многообразия входящих в него понятий отметим наиболее общее по смыслу, а именно «имплицитное содержание» (ИС), т.е. «такое содержание, которое, не имея непосредственного выражения, выводится из эксплицитного содержания языковой единицы в результате его взаимодействия со знаниями получателя текста, в том числе с информацией, черпаемой этим получателем из контекста и ситуации общения» [15. С. 12]. В качестве «языковой единицы» обычно выступает предложение или – реже – единицы более низкого порядка. Исследователи, тем не менее, отмечают, что имплицитность проявляется и на уровне дискурса [16].

Попробуем определить, какое место среди различных типов ИС занимает имплицитное повествование (ИП)². Прежде всего, с уверенностью можно сказать, что это разновидность *коммуникативного ИС* (согласно типологии М.Ю. Федосюка, на нее мы будем ориентироваться в дальнейшем как на самую исчерпывающую [15, 19]), иными словами, имплицитно выраженное в тексте сообщение [15. С. 18–19]³.

Такие сообщения обычно делят на две группы: а) *презюмции (пресуппозиции)* – они выводятся из предложения и сохраняются при его отрицании – и б) *импликации (следствия)* – такие сообщения не сохраняются при отрицании исходного высказывания, никак не связаны с его формой, а их выведение полностью зависит от неязыковых знаний получателя. Вместе с тем импликации могут порождаться содержанием не только предложений, но и больших или меньших, чем предложения, компонентов текста⁴.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что ИП в подавляющем большинстве случаев относится к импликациям. Предположим, нам рассказывают историю «А» о том, как мальчик крадет яблоки и убегает от разгневанного соседа. Отсюда следует, что мальчик хотел съесть что-нибудь вкусное, продумал план своих действий, призванных удовлетворить возникшее желание и т.д. (история «В»), и только после этого приступил к решительным действиям. Однако при отрицании «А» «В» не сохраняется. Если мальчик не крал яблок, мы не можем сделать вывод, что он готовился или, наоборот, не готовился к воровской операции. «В» не связано с формой «А» и его содержание определено неязыковыми знаниями получателя о человеческом поведении. Кроме того, история «А» в реальной речевой практике вряд ли будет состоять из одного предложения.

В то же время допустим случай, когда исходное высказывание меньше не только предложения, но и слова. Приведем один показательный пример из прозы А.П. Чехова (мы еще не раз обратимся за иллюстративным материалом к произведениям писателя, поскольку в них ИП используется чрезвычайно широко). В конце «Скучной истории» Катя, взывая к Николаю Степановичу о помощи, начинает плакать. Доставая из сумочки платок, она рассыпает несколько писем. Герой замечает на одном из них почерк Михаила Федоровича (он регулярно гостил у девушки дома, явно оказывая ей знаки внимания) и «нечаянно прочитывает кусочек какого-то слова «страстн...» [20. Т. 7. С. 309]. История романа Кати с филологом обозначается даже не одной лексиче-

ской единицей, а лишь ее частью. Таким образом писатель «прячет» узнаваемый читателем сюжет⁵.

Конечно, существует и так называемая событийная пресуппозиция. Скажем, в предложении «Он не взял меня в Англию» имплицитно содержится утверждение «Он уехал в Англию»⁶. В отрывке из процитированной ранее «Скучной истории» – «...в этой портерной я обдумывал свою диссертацию и написал первое любовное письмо к Варе. Писал карандашом...» [20. Т. 7. С. 257] – фраза «писал карандашом» указывает на событие создания письма, которое непосредственно передано глаголом совершенного вида «написал» в предшествующем предложении⁷. Однако событийная пресуппозиция, судя по всему, обладает куда более скромными возможностями, поскольку отсылает адресата не к опущенному сегменту сюжета, а лишь к одной из его «точек», которую говорящий по тем или иным причинам не снабдил прямым словесным выражением. Добавим, что причины эти чаще всего носят чисто прагматический характер: адресант старается избежать повторов, вынести «за кулисы» не относящиеся к сюжету события. Вот почему основной предмет внимания в настоящей статье – именно повествовательные импликации.

Нас интересует специфика применения ИП в художественном тексте. В повседневной коммуникации процедура имплицирования служит языковой экономии [24. С. 11]. Однако писателю она нужна не столько для уменьшения объема текста или упрощения читательского труда, сколько для расширения идейно-эстетических возможностей литературного произведения. Самые мелкие его компоненты (деталь, заглавие) благодаря содержащимся в них аллюзиям и недоговоренностям могут обладать чрезвычайно богатым смысловым потенциалом [25, 26]. Имплицитность способствует «гармонической диалогизации автора и читателя» [27], формируя «смысловые проекции» (гипотезы, догадки), которые «привлекаются к рассмотрению основной проекции текста (очевидной интерпретации)», когда «возникает «порог сложности» для понимания, требующий творческого переосмысления (категоризации)» [28]. Кроме того, художественный дискурс «остраивает» само имплицитное содержание, деавтоматизируя его восприятие.

Говоря об ИП в литературном произведении, прежде всего, нужно помнить об иерархии повествовательных инстанций. Самую высокую ступень занимает автор. Он коммуницирует с читателем опосредованно – сквозь призму сознаний нарратора и героя. А значит, ИП будут лимитированы точкой зрения одной из названных инстанций: эти модальные ограничения обуславливают функции ИП в художественном тексте.

ИП, относящиеся к «измерению» персонажа, – это ретроспективные или проспективные гипотезы героя о ходе событий. ИП данной разновидности могут играть чисто «техническую» роль – мотивировать поступки персонажей. Чаще всего такие нарративы *не маркированы* автором, поскольку выводятся из самого хода повествования – без их учета текст будет понят неверно или вовсе станет недоступен пониманию. Рассматриваемые импликации следует назвать *текстовыми*: они «выражены в таких контекстно-

ситуативных условиях, которые не позволяют получателю текста не воспринять их» [15. С. 12].

Вероятно, сюда относятся произведения Чехова, подчиненные схеме «казалось-оказалось» (В.Б. Катаев [29]). В сценке «Теща-адвокат» Мишель Пузырев через месяц после свадьбы с Лизой Мамуриной встречается с тещей. Та обвиняет зятя в жестоком отношении к молодой жене: он замучил ее «науками, книгами, теориями» и даже ни разу не отвез на бал. Новоиспеченный муж крайне удивлен, поскольку до нынешнего момента не сомневался в добровольном желании супруги заниматься интеллектуальным трудом и ее пренебрежительном отношении к пустым и праздным развлечениям. Однако появившаяся в следующую минуту Лиза подтверждает слова матери: оказывается, она притворялась из-за страха быть отвергнутой женихом. Мишель с отчаянием обращается к самому себе: «Ах ты, дурак!» [20. Т. 7. С. 120].

В произведении фигурируют три персонажа, и каждый мог бы рассказать по меньшей мере одну историю, в рамках которой он трактует отношения со своими родственниками.

1. Согласно «нерассказанной истории» мужа, которая возникает задолго до изображенной встречи (в период знакомства Мишеля с будущей невестой), Лиза находится в конфликте с матерью, презирует мешчанское существование и мечтает работать и учиться ради идеи.

2. Тем временем Лиза планирует выйти замуж за Мишеля и тщательно продумывает свой обман.

3. Это вынуждает ее реконструировать историю Пузырева, возможно, в несколько утрированном, дополненном виде («Лиза интеллигентная девушка, и я женюсь на ней, но, если это не так, я ее брошу»). Иначе говоря, внутри «нерассказанной истории» Лизы возникает еще одна версия «нерассказанной истории» Мишеля.

4. После свадьбы в отношения супругов вмешивается теща. Она рисует в своих фантазиях мучения Лизы и бессердечие зятя.

Предложенный нами анализ произведения Чехова направлен на выявление упоминавшихся в начале доклада «встроенных нарративов» (М.-Л. Райан [11], А. Палмер [30]) – «любых похожих на истории представлений, возникающих в сознании героя» [11. С. 320] и «связывающих состояния и события» повествоваемого мира «в каузальную цепь» [31. С. 108].

Однако «встроенные нарративы» также служат проблематизации одного из важнейших свойств человеческой психологии – идентичности. По мнению П. Рикера, ответить на вопрос «Кто я?» возможно только посредством повествовательной деятельности. Субъект в процессе обнаружения «самости» пользуется нарративом, думает о себе как о другом, осуществляет «идентификацию с другим» [32]. ИП этого типа *подтекстовое* [15. С. 12], поскольку его выявление читателем обязательно и выполняет не «сюжетообразующую», а смыслопорождающую функцию. Автор *маркирует* такое ИП посредством синтаксических конструкций с прямой, косвенной и несобственно-прямой речью, чтобы привлечь к нему внимание читателя.

Кокин из рассказа «Тряпка» мечтает о том, как пойдет на обед к советнику Блудыхину: «Он воображал, как он, пахнущий духами, завитой и галантный, войдет в большую освещенную залу. На лицо он напустит меланхолию и равнодушие, в походку и в пожимание плечами вложит чувство собственного достоинства, говорить будет небрежно, нехотя, взгляду постарается придать выражение усталое, насмешливое, одним словом, будет держать себя как представитель печати!» [20. Т. 4. С. 239]. Более того, героя ждет романтическое приключение с участием Клавдии Васильевны, которую он по окончании вечера проводит до дома. Непредвиденная случайность перечеркивает надежды Пантелея Диомидыча: его не пускают на праздник, потому что Блудыхину не пришлось по душе статья одного из корреспондентов «Гусиного вестника» и советник распорядился закрыть дверь для всех сотрудников издания. Теперь эффектная роль франта неуместна, бессмысленна: Кокину «было стыдно, противно. Противны были ему и его запах духов, и новые перчатки, и завитая голова. Так бы он и ударил себя по этой голове!» [Там же. С. 245].

«Имплицитные автонарративы» [33. С. 292] (иллюзии, планы, прогнозы, интерпретации) – это своего рода «маршрутная карта», которой пользуется герой: он когнитивно ограничен⁸, не знает, чем закончатся происходящие с ним события, или вовсе о них не подзревает.

Нарратор не нуждается в подобной «маршрутной карте». Конечно, он так или иначе указывает на нереализованные версии сюжета⁹, ведь само событие – минимальный референт повествовательного дискурса – идентифицируется только через его сопоставление с альтернативными возможностями¹⁰ (в этом случае мы имеем дело с текстовыми, немаркированными ИП). Однако нарратору известен финал истории, а значит, в отличие от героя, он ретроспективно, «издалека» рассматривает эти возможности и в каком-то смысле их обесценивает, связывая случившиеся события в каузальную цепь, где «полная совокупность имевших место (а не каких-либо других) причинных условий была необходимой для того, чтобы имело место реально произведенное следствие» [34. С. 233]. Иными словами, «нереализованные возможности превращаются для нас в такие, какие фатально не могли быть реализованы» [35. С. 426]. Анна Каренина в романе Толстого не могла не броситься под поезд. Все, произошедшее с героиней, вело только к этому событию и было им предопределено – неслучайно автор намекает на трагический финал еще в начале произведения, рассказывая о гибели сторожа под колесами паровоза [36. С. 60–61].

Однако ИП нужны отнюдь не только для того, чтобы оттенить состоявшийся нарратив: они вступают с ним в отношения дополнительности.

В чеховском рассказе «Страх» Дмитрий Петрович делится с другом своей тревогой: «Сегодня я делаю что-нибудь, а завтра уж не понимаю, зачем я это сделал» [20. Т. 8. С. 131]. Выпрошенное согласие Марии Сергеевны на брак, казавшееся когда-то судьбоносным обретением истинного счастья, теперь видится

необязательным: «Так она сказала мне: “Я вас не люблю, но буду вам верна”... Я тогда понимал, что это значит, но теперь, клянусь богом, не понимаю... Я люблю ее теперь так же сильно, как в первый день свадьбы, а она, мне кажется, по-прежнему равнодушна и, должно быть, бывает рада, когда я уезжаю из дому... но ведь мы живем под одной крышей, говорим друг другу ты, спим вместе, имеем детей, ответственность у нас общая... Что же это значит? К чему это?» [20. Т. 8. С. 133].

Герой-рассказчик оказывается в аналогичной ситуации. Он вступает в незаконную связь с женой приятеля, но спустя какое-то время уже не понимает, «почему это вышло именно так, а не иначе», «кому и для чего это нужно было, чтоб» Мария Сергеевна «любила... серьезно» [Там же. С. 138]¹¹.

Произведение Чехова лишено развязки, которая определяла бы единственность рассказанной истории. Вот так завершается повествование: «В тот же день я уехал в Петербург, и с Дмитрием Петровичем и его женой уж больше ни разу не виделся. Говорят, что они продолжают жить вместе» [Там же]. К «нейтральной» концовке могли привести различные конфигурации событий (ср. с финалом «Анны Карениной»).

Имплицитный нарратив данного типа носит подтекстовый характер, поскольку не играет определяющей роли в координации повествуемых событий, хотя и нужен, чтобы корректно «декодировать» авторский посыл: человеческая жизнь носит вероятностный характер, не ограничена единственным «сценарием». ИП данного типа так или иначе маркируется – с помощью реплик героев, деталей и т.п. Однако бросается в глаза еще одна его особенность, о которой скажем подробнее.

Подтекстовые ИП, ограниченные точкой зрения персонажа, выступают в качестве предмета изображения и оценки, поэтому транслируются достаточно детально. Аналогичные структуры, вмененные нарратору, не рассматриваются со стороны, представляя собой как бы «нулевые» высказывания, а значит, не могут быть столь же точно реконструированы – в конечном счете индицируется лишь их наличие, но не содержание: так литературный текст получает особый «налет» недоговоренности. Данный параметр (индикация наличия / содержания) актуален и для всех остальных типов ИП, что и отражено в итоговой схеме ниже.

Имплицитное повествование.

1. Текстовое – обычно немаркированное, выполняет инструментальную («техническую») функцию.

1. Ограничено точкой зрения нарратора.

А. Индицировано наличие и содержание => позволяет читателю восстановить сюжет, восполнив его событиями, о которых нарратор по тем или иным причинам не рассказал.

Б. Индицировано наличие (факультативно – содержание) => позволяет читателю идентифицировать актуальную (рассказанную) историю (произошло «А», следовательно, могло не произойти «А» / могло произойти «не-А» / могло произойти не «А», а «В»).

2. Ограничено точкой зрения героя => индицировано наличие и содержание, позволяет читателю понять мотивы поведения персонажей.

II. Подтекстовое – обычно маркированное, выполняет смыслопорождающую функцию.

1. Ограничено точкой зрения нарратора.

А. Индицировано наличие => применяется в целях изображения вероятностной картины мира.

Б. Индицировано наличие и содержание => используется, чтобы умолчать о событиях, о которых нельзя, не нужно или не принято рассказывать. Эти события не значимы для сюжета, но сам факт их «сокрытия» может сигнализировать об отношении автора к тем или иным коммуникативным запретам – от уважительного принятия («Историю X не разрешено рассказывать, и я лишний раз указываю на это, возможно, неосведомленному читателю») до саркастического отрицания («Не допускается рассказывать историю X, и я специально об этом напоминаю как о нелепом табу»).

2. Ограничено точкой зрения героя => индицировано наличие и содержание, проблематизирует идентичность персонажа¹².

Предложенная функциональная дифференциация может показаться не очень удачной: ведь ИП I, подобно ИП II, способно передавать некую отвлеченную мысль. Например, сюжетные лакуны в детективе, изначально «запрограммированные» на ретроспективное воссоздание в финале, косвенно постулируют собой представление о мнимости любой тайны, ее принципиальной «разгаываемости» (все тайное рано или поздно станет явным и т.п.). Однако в схеме указана *доминантная (квалификационная)* функция ИП I. То же самое касается ИП II. Чтобы понять мотивы Кокина («Тряпка»), необязательно знать все подробности истории, овладевшей воображением героя («встроенный нарратив» даже не нужно было бы маркировать – совершаемые сотрудником газеты приготовления к вечеру выдали бы его с головой). Но эти подробности подчеркиваются Чеховым – ведь их нельзя игнорировать, если мы хотим уловить авторскую иронию по поводу зыбкости человеческого «я», зиждущегося на столь ненадежном «фундаменте», как повествование.

Нас интересуют *минимальные* критерии идентификации ИП. Вот почему в статье не рассматриваются их вторичные функции, в частности характерологическая. Нарративные построения, возникающие в голове персонажей «Тещи-адвоката», конечно, информируют читателя об их личностных качествах (эгоизм и недалекость Мишеля, закомплексованность Лизы, авторитаризм тещи), но «встроенные нарративы» нужны, прежде всего, для реконструкции сюжета, предшествующей более абстрактным выводам о характерах действующих лиц. Свойства Кокина («Тряпка») – вычурный, недалекий – имеют свой исток в повествовательной идентичности героя, который видит себя участником авантюрно-любовной истории.

В то же время из всех предшествующих рассуждений вытекает вполне закономерный вопрос: предопределены ли выявленные в статье функции повествования его имплицитностью? Другими словами, может ли их выполнить эксплицитный нарратив?

Очевидно, что ИП I функционирует лишь благодаря своей «сокрытости»: как только опущенные (подразумываемые) сегменты нарратива, повествователь-

ные альтернативы или мотивы поведения героя будут артикулированы, читателю больше не понадобится их восстанавливать.

Функциональность ИП II 1, на первый взгляд, не страдает в результате его экспликации. Предположим, в фантастическом романе нарратор не намекает на другой вариант развития событий, а напрямую говорит о нем как о совершившемся в некой параллельной реальности. На выходе мы получаем нечто вроде фикционального подтверждения гипотезы модального реализма Льюиса. Тем не менее нарратив утрачивает вероятностную природу: перед читателем разворачиваются две истории, взаимная альтернативность которых заявлена автором не на повествовательном, а идейно-эстетическом уровне. Перед нами последовательный ряд актуальных сюжетов – их «параллелизм» не обеспечивается какой-то особенной повествовательной конструкцией.

Как же быть, если потенциальная история все-таки артикулирована, но при помощи форм сослагательного наклонения? Ведь тогда событийность нарратива качественно меняется: перед нами не еще один действительный универсум, а возможный мир в полном смысле слова. Например, в «Евгении Онегине» автор размышляет над тем, как бы сложилась судьба Ленского, останься он в живых: «...Расстался б с музами, женился, // В деревне, счастлив и рогат, // Носил бы стеганный халат; // Узнал бы жизнь на самом деле, // Подагру б в сорок лет имел, // Пил, ел, скучал, толстел, хирел, // И наконец в своей постеле // Скончался б посреди детей, // Плаксивых баб и лекарей» [37. С. 126–127]. Однако у Пушкина потенциальный «сценарий» независим от актуального и носит сугубо ирреальный характер, что объясняется самой семантикой условного наклонения. Неслучайно поэт восклицает: «*Но что бы ни было*»¹³, читатель, // Увы, любовник молодой, // Поэт, задумчивый мечтатель, // Убит приятельской рукой!» [37. С. 127]. Пушкин предлагает *квазивероятностную* картину мира: по сути, перед нами «развернутое» ИП I Б,

просто нереализованная версия сюжета интересна автору сама по себе.

Функционально значима трансформация ИП II 2 в первоначальный нарратив: идентичность героя (я-для-себя) уступит место его самопрезентации (я-для-другого). Подтверждение нашим словам вновь находим в прозе Чехова. Рябович, главный герой рассказа «Поцелуй», «человек робкий и необщественный» [20. Т. 6. С. 409], приходит в гости к фон Раббеку вместе с другими офицерами. Перебравшись по дому, герой нечаянно оказывается в «совершенно темной комнате» [Там же. С. 411], где его по ошибке целует какая-то девушка, очевидно, пришедшая на свидание с возлюбленным. Секундное, ничего не значащее приключение надолго остается в памяти Рябовича и приводит к трансформации его идентичности. «Самый робкий, самый скромный и самый бесцветный офицер во всей бригаде» [Там же. С. 409] чувствует себя в хорошем смысле «обыкновенным человеком» [Там же. С. 419], которому доступны удовольствия, радость, свобода: «Он уже смело, как хотел, рисовал ее и свое счастье и ничем не стеснял своего воображения...» [Там же. С. 420]. Однако «каркас», на котором держится новое «я» героя, разрушается под действием слова. Изложенный в виде устного повествования эпизод утрачивает всю свою прелесть: Рябович «стал рассказывать очень подробно историю с поцелуем и через минуту умолк... В эту минуту он рассказал всё, и его страшно удивило, что для рассказа понадобилось так мало времени. Ему казалось, что о поцелуе можно рассказывать до самого утра» [Там же. С. 420].

Добавим, что предложенная нами характеристика ИП может быть дополнена вместе с привлечением более широкого текстового материала. Небезынтересным представляется вопрос о реализации перечисленных функций ИП в истории литературы. Наконец, важно понять, у каких писателей, помимо Чехова, непрямая репрезентация событий становится организующим компонентом поэтики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перевод наш. – А.А.

² Данный термин носит чисто инструментальный характер. По всей видимости, его можно было бы с легкостью заменить сочетанием «имплицитный сюжет» или «имплицитная история», однако мы берем на вооружение один из ключевых постулатов современной нарратологии о «нерасторжимом внутреннем единстве обоих полюсов наррации» [17. С. 24] – рассказываемого события и события рассказывания. Поэтому в статье применяется термин «имплицитное повествование» (о возможности широкого толкования выделенного курсивом слова – как обобщенного названия всей совокупности компонентов рассказывания – см. в [18. С. 5]).

³ Ср. с конститутивным ИС, охватывающим синтаксически незамещенные позиции и номинативные компоненты высказывания, и с коннотативным ИС, включающим в себя скрытые смысловые или стилистические оттенки [15. С. 13–18].

⁴ Федосюк называет предложение высказыванием, подчеркивая коммуникативный подход к трактовке объекта, рассматриваемого также традиционной грамматикой [15. С. 10].

⁵ Здесь и далее под термином «сюжет» мы понимаем «художественно целенаправленный ряд *событий, ситуаций, и коллизий... в мире персонажей*» [21. С. 258].

⁶ Подробнее аналогичные случаи разобраны, например, в [22. С. 94–95].

⁷ Этот и другие сходные примеры подробно анализируются в [23].

⁸ Примечательно, что когнитивную ограниченность В.Б. Катаев рассматривает как типологическое свойство героев Чехова [29].

⁹ См. подробнее в: [13, 14].

¹⁰ Согласно П. Рикеру, «событие – это то, что могло произойти по-другому» [34. С. 115].

¹¹ Курсив наш. – А.А.

¹² ИП I А и ИП II Б не рассматривались в настоящей статье, поскольку они хорошо изучены в литературоведении: это разного рода умолчания, анализ которых можно найти, в частности, у Принса [12].

¹³ Курсив наш. – А.А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бремон К. Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствометрия. М.: Мир, 1972. С. 108–135.

2. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М. : ЛКИ, 2007.
3. Kripke S.A. Naming and Necessity. Cambridge, Mass : Harvard University Press, 1980.
4. Lewes D. On the plurality of worlds. Oxford : Blackwell, 1986. 276 p.
5. Stalnaker R. C. Possible Worlds and Situations // Journal of Philosophical Logic. 1986. № 15. P. 109–123.
6. Hintikka J. Impossible Possible Worlds Vindicated, in: Game-Theoretical Semantics // Journal of Philosophical Logic. 1975. Vol. 4. P. 475–484.
7. Можейко М.А. Возможные миры // Новейший философский словарь. Минск : Книжный Дом. 2003. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_dict/126.php (дата обращения: 16.11.2017).
8. Pavel T. Fictional Worlds. Cambridge : Harvard UP, 1986. 178 p.
9. Doležel L. Heterocosmica: Fiction and Possible Worlds. Baltimore : Johns Hopkins UP, 1998. 352 p.
10. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб. : Симпозиум. 2007. 502 с.
11. Ryan M.-L. Embedded Narratives and Tellability // Style. 1986. Vol. 20, № 3. P. 319–340.
12. Prince G. The Disnarrated // Style. 1988. Vol. 22, № 1. P. 1–8.
13. Данненберг Х. Онтологическая сюжетность: нарратив как множественность темпоральных измерений // Narratorium. 2017. № 1 (10). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2637258> (дата обращения: 16.11.2017).
14. Милич С.М. Виртуальный нарратив как повествовательная альтернатива // Narratorium. 2017. № 1 (10). URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2637247>
15. Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте : учеб. пособие по спецкурсу. М. : МГПИ им. В.И. Ленина, 1988. 83 с.
16. Акимова И.И. Способы выражения имплицитной информации художественного дискурса (на материале произведений В. Набокова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 20 с.
17. Тюпа В.И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Новосибирск, 2002. Вып. 5. С. 5–31.
18. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971. 291 с.
19. Федосюк М.Ю. Имплицитная предикация в русской речи : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989. 415 с.
20. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. // Сочинения : в 18 т. М. : Наука, 1974–1982.
21. Тамарченко Н.Д. Сюжет // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М. : Изд-во Кулагиной, Intrada, 2008. С. 258.
22. Колесникова Э. Введение в теорию риторики. М. : Языки славянской культуры, 2014. 160 с.
23. Гренн А., Филюшкина-Краве М. Конкуренция видов: прагматические импликатуры и анафорические презумпции несовершенного вида // Вопросы языкознания. 2007. № 4.
24. Багдасарян В.Х. Проблема имплицитного (логико-методологический анализ). Ереван : Изд-во АН АРМССР, 1983. 138 с.
25. Ветошкин А.А. Подтекст как выразительное средство языка : дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1999. 145 с.
26. Просяникова О.И. Актуализация имплицитности художественной детали в текстах психологической прозы (на материале английского психологического рассказа XX в.) : дис. ... канд. филол. наук. СПб. : Пушкин, 2004. 174 с.
27. Дугинова И.Л. Прагматика подтекста (на материале русской прозы XX в.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2000. URL: <http://www.dissercat.com/content/pragmatika-podteksta-na-materiale-russkoi-prozy-xx-veka> (дата обращения: 18.11.2017).
28. Ермакова Е.В. Имплицитность в художественном тексте : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. URL: <http://www.dissercat.com/content/implitsitnost-v-khudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 18.11.2017).
29. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во Московского ун-та, 1979. 326 с.
30. Palmer A. Fictional Minds. Lincoln : London : University of Nebraska Press, 2004. 276 p.
31. Ryan M.-L. Embedded Narratives and The Structure of Plans // Text. 1986. № 6 (1). P. 107–142.
32. Рикер П. Повествовательная идентичность // Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью. М. : ACADEMIA, 1995. С. 19–37. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/ pov_ident.php (дата обращения: 16.11.2017).
33. Тюпа В.И. Нарративная идентичность: характер и самость // Белые чтения: к 85-летию Галины Андреевны Белой : сб. науч. ст. М. : Эдитиус, 2016. С. 285–296.
34. Рикер П. Время и рассказ. М. ; СПб. : Университетская книга, 1998. Т. 1. 313 с.
35. Лотман Ю.М. Смерть как проблема сюжета // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 417–430.
36. Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях. М. : Наука, 1970. 911 с.
37. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Собрание сочинений : в 10 т. М. : Художественная литература, 1960. Т. 4. 595 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 декабря 2017 г.

POETICS OF IMPLICIT NARRATION: IN SEARCH OF A THEORETICAL MODEL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 5–11.

DOI: 10.17223/15617793/428/1

Andrey E. Agratin, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: andrey-agratin@mail.ru

Keywords: implication; presupposition; implicit narrative; artistic text; narrative discourse; A.P. Chekhov.

Various methods of indirect representation of events have repeatedly provoked interest in narratologists (M.-L. Ryan, J. Prince, A. Palmer, H. Dannenberg). However, usually implicitness was seen as an optional attribute of narrative discourse. The article proves that the implied, “hidden” narratives have specific functional properties, and can also become an organizing component of the poetics of a literary work. The prose of A.P. Chekhov is a vivid example of this. In a literary text, the implicit narration (IN) is inevitably limited by the point of view of one of the narrative instances: a narrator or a hero. In the latter case, we are talking about so-called “embedded narratives”: any representations of a character similar to a story (plans, dreams, intentions, interpretations of the past, etc.). Most often, this type of IN is needed for the reader to correctly reconstruct the plot. The short story “The Mother-in-Law” is built on a system of “untold stories”, the account of which is necessary for a proper understanding of what is happening. Also, “embedded narratives” serve to problematize one of the most important properties of human psychology, namely identity. The subject uses the narrative in the process of discovering the self, thinks of oneself as another (P. Ricoeur). The image of the self, created with the help of the story, is conditional and, therefore, extremely fragile (“Softie”). “Embedded narrative” is a kind of a “route map” used by the hero for orienting in the world. It would seem that the narrator does not need such a “map”. Of course, he somehow points to unrealized versions of the plot, because the event itself is identified only through its comparison with alternative possibilities. However, the narrator knows the finale of the story and, therefore, unlike the character, he retrospectively, “from afar” considers these possibilities and, in a sense, depreciates them, linking the events that happened to the causal chain. But IN is needed not only to shade the narrative that has taken place. IN enters into a complementary relationship with it. This is what happens in Chekhov’s story “The Fear”. The narrator doubts that treachery (an event that would be postulated as critical in the classic narrative) has a fatal meaning: first, the narrator does not understand why he entered into an illegal relationship with his friend’s wife and, secondly, this act did not affect anything: the couple continued living as usual. IN, imputed to the narrator, generates a special type of fictional reality in

which events are not subject to laws of strict determination. At the end of the paper, the author proposes a generalizing scheme for the characteristics of IN with a detailed commentary.

REFERENCES

1. Bremon, K. (1972) Logika povestvovatel'nykh vozmozhnostey [Logic of narrative possibilities]. In: Lotman, Yu.M. & Petrov, V.M. (eds) *Semiotika i iskusstvometriya* [Semiotics and artometry]. Moscow: Mir, pp. 108–135.
2. Carnap, R. (2007) *Znachenie i neobkhodimost'. Issledovanie po semantike i modal'noy logike* [Meaning and necessity. A study on semantics and modal logic]. Translated from English. Moscow: LKI.
3. Kripke, S.A. (1980) *Naming and Necessity*. Cambridge: Harvard University Press.
4. Lewes, D. (1986) *On the plurality of worlds*. Oxford: Blackwell.
5. Stalnaker, R.C. (1986) Possible Worlds and Situations. *Journal of Philosophical Logic*. 15. pp. 109–123.
6. Hintikka, J. (1975) Impossible Possible Worlds Vindicated, in: Game-Theoretical Semantics. *Journal of Philosophical Logic*. 4. pp. 475–484.
7. Mozheyko, M.A. (2003) Vozmozhnye miry [Possible worlds]. In: Gritsanov, A.A. (ed.) *Noveyshiye filosofskiy slovar'* [The newest philosophical dictionary]. Minsk: Knizhnyy Dom. [Online] Available from: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_dict/126.php. (Accessed: 16th November 2017).
8. Pavel, T. (1986) *Fictional Worlds*. Cambridge: Harvard University Press.
9. Doležel, L. (1998) *Heterocosmica: Fiction and Possible Worlds*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
10. Eco, U. (2007) *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts]. Translated from English. St. Petersburg: Simpozium.
11. Ryan, M.-L. (1986) Embedded Narratives and Tellability. *Style*. 20:3. pp. 319–340.
12. Prince, G. (1988) The Disnarrated. *Style*. 22:1. pp. 1–8.
13. Dannenberg, H. (2017) Ontological Plotting: Narrative as a Multiplicity of Temporal Dimensions. Translated from English by E.Yu. Sokruta. *Narratorium*. 1 (10). [Online] Available from: <http://narratorium.rgu.ru/article.html?id=2637258>. (Accessed: 16th November 2017).
14. Milić, S.M. (2017) Virtual Narrative as Narrative Alternative Translated from Serbian by M. Bojanić Ćirković. *Narratorium*. 1 (10). [Online] Available from: <http://narratorium.rgu.ru/article.html?id=2637247>.
15. Fedosyuk, M.Yu. (1988) *Neyavnye sposoby peredachi informatsii v tekste* [Implicit ways of transferring information in the text]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
16. Akimova, I.I. (1997) *Sposoby vyrazheniya implitsitnoy informatsii khudozhestvennogo diskursa (na materiale proizvedeniy V. Nabokova)* [Ways to express the implicit information of artistic discourse (based on the works of V. Nabokov)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
17. Tyupa, V.I. (2002) Ocherk sovremennoy narratologii [Essay on Contemporary Narratology]. *Kritika i semiotika – Critique & Semiotics*. 5. pp. 5–31.
18. Chudakov, A.P. (1971) *Poetika Chekhova* [Poetics of Chekhov]. Moscow: Nauka.
19. Fedosyuk, M.Yu. (1989) *Implitsitnaya predikatsiya v russkoy rechi* [Implicit predication in Russian speech]. Philology Dr. Diss. Moscow.
20. Chekhov, A.P. (1974–1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols]. Moscow: Nauka.
21. Tamarchenko, N.D. (2008) Syuzhet [Plot]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: dictionary of current terms and concepts]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy, Intrada.
22. Kolesnikov, E. (2014) *Vvedenie v teoriyu ritoriki* [Introduction to the theory of rhetoric]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
23. Grenn, A. & Filyushkina-Krave, M. (2007) Konkurentsiya vidov: pragmaticheskie implikatury i anaforicheskie prezumpcii nesovershennogo vida [Competition of aspects: pragmatic implicatures and anaphoric presumptions of imperfect aspect]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4.
24. Bagdasaryan, V.Kh. (1983) *Problema implitsitnogo (logiko-metodologicheskoy analiz)* [The problem of the implicit (logical-methodological analysis)]. Erevan: Izd-vo AN ARMSSR.
25. Vetoshkin, A.A. (1999) *Podtekst kak vyrazitel'noe sredstvo yazyka* [Subtext as an expressive means of language]. Philology Cand. Diss. Saransk.
26. Prosyannikova, O.I. (2004) *Aktualizatsiya implitsitnosti khudozhestvennoy detali v tekstakh psikhologicheskoy prozy (na materiale angliyskogo psikhologicheskogo rasskaza XX v.)* [Actualization of the implicitness of the artistic detail in the texts of psychological prose (on the basis of the English psychological story of the 20th century)]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg: Pushkin.
27. Duginova, I.L. (2000) *Pragmatika podteksta (na materiale russkoy prozy XX v.)* [Pragmatics of subtext (on the basis of Russian prose of the 20th century)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Cherepovets, [Online] Available from: <http://www.dissercat.com/content/pragmatika-podteksta-na-materiale-russkoy-prozy-xx-veka>. (Accessed: 18th November 2017).
28. Ermakova, E.V. (2010) *Implitsitnost' v khudozhestvennom tekste* [Implicacy in the artistic text]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov, [Online] Available from: <http://www.dissercat.com/content/implitsitnost-v-khudozhestvennom-tekste>. (Accessed: 18th November 2017).
29. Kataev, V.B. (1979) *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's prose: problems of interpretation]. Moscow: Moscow State University.
30. Palmer, A. (2004) *Fictional Minds*. Lincoln: London: University of Nebraska Press.
31. Ryan, M.-L. (1986) Embedded Narratives and The Structure of Plans. *Text*. 6 (1). pp. 107–142.
32. Ricoeur, P. (1998) *Germenevtika. Etika. Politika: Moskovskie leksii i interv'y* [Hermeneutics. Ethics. Politics: Moscow lectures and interviews]. Translated from French. Moscow: ACADEMIA. pp. 19–37. [Online] Available from: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/pov_ident.php. (Accessed: 16th November 2017).
33. Tyupa, V.I. (2016) Narrativnaya identichnost': kharakter i samost' [Narrative identity: character and the self]. In: Malkina, V.Ya. (ed.) *Belye chteniya: k 85-letiyu Galiny Andreevny Beloy* [Belye readings: to the 85th birthday of Galina Belaya]. Moscow: Editius.
34. Ricoeur, P. (1998) *Vremya i rasskaz* [Time and story]. Translated from French. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
35. Lotman, Yu.M. (1994) Smert' kak problema syuzheta [Death as a problem of the plot]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow school of semiotics]. Moscow: Gnozis.
36. Tolstoy, L.N. (1970) *Anna Karenina: Roman v vos'mi chastyakh* [Anna Karenina: A novel in eight parts]. Moscow: Nauka.
37. Pushkin, A.S. (1960) Evgeniy Onegin [Eugene Onegin]. In: Gennadi, G.N. (ed.) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Works: in 10 vols]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Received: 22 December 2017

АВТОРИТАРНОЕ СЛОВО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Рассматривается вопрос о природе и специфике «авторитарного» слова в текстах А. Солженицына. Анализ таких произведений, как «Матренин двор» и «Архипелаг ГУЛАГ», приводит к выводу о том, что солженицынская авторитарно-проповедническая риторика зачастую обнаруживает в себе исповедально-автобиографическую направленность. За одами в честь неукоснительной святости, как и за обличительными инвективами, прячутся признания в собственных грехах, обусловленных несовершенством человеческой природы.

Ключевые слова: Солженицын; «Матренин двор»; «Архипелаг ГУЛАГ»; проповедь, авторитарное слово; обличение; исповедь.

Как известно, М. Бахтин не скупился на негативные характеристики авторитарного слова, подчеркивая его инертность, догматичность, окостенелость, а также и отсутствие «внутренней убедительности» [1. С. 154–158]. Признавая справедливость всех этих суждений, хотелось бы подчеркнуть одно важное обстоятельство: в литературе нового времени авторитарное слово (об особенностях, присущих авторитарному слову в основных его разновидностях, см.: [2. С. 157; 4; 5. С. 15–16]) крайне редко встречается в чистом, беспримесном виде – скорее можно говорить о периодических переключениях повествования на авторитарно-этологический регистр. Транспонируясь же в конструкцию современного фикционального текста, авторитарное слово ожидаемо претерпевает изменения, связанные главным образом с существенным ослаблением монологической ригидности.

Именно таким образом, например, дело обстоит в художественных произведениях А. Солженицына, включающих в себя авторитарное слово. Изучение этих текстов позволяет сделать вывод: безапелляционные проповеднические суждения автора «ГУЛАГа» всякий раз вступают в сложные конфликтно-диалогические отношения с другими элементами соответствующей художественно-смысловой структуры; более конкретно и точно процесс трансформации солженицынской проповеди можно охарактеризовать как приобретение ею некоторых свойств исповеди.

Ярким примером подобного явления служит проповедь аскетизма (и обличение жадности и стяжательства) в знаменитой концовке рассказа «Матренин двор». Здесь Матрёна окружена ореолом праведничества, и ее добровольная аскеза (она не откармливала поросенка, не держала корову, была равнодушна к деньгам, одежде и вообще к любым материальным благам) противопоставляется патологической меркантильности односельчан (в их ряду особенно выделяется воистину inferнальный Фаддей), занятых исключительно хлебом насущным и равнодушных к хлебу духовному.

В самом деле! – ведь поросенок-то в каждой избе! А у нее не было. Что может быть легче – выкармливать жадного поросенка, ничего в мире не признающего, кроме еды! Трижды в день варить ему, жить для него – и потом зарезать и иметь сало.

А она не имела...

Не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни.

Не гналась за нарядами. За одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев.

<...> Она не скопила имущества к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы...

Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша [3. Т. 3. С. 146].

Как же соотносится проповеднический финал с другими, «неавторитарными» компонентами текста? На первый взгляд, следовало бы ожидать, что событийный ряд рассказа «Матренин двор» станет наглядной иллюстрацией к авторитарному слову, подтверждением его несомненной истинности. Однако на самом деле содержание основной части произведения не вполне стыкуется с проповедническими выводами рассказчика Игнатича. Начнем с того, что действия самого рассказчика-проповедника довольно очевидным образом вступают в противоречие с финальной апологией праведнического бескорыстия. Рассказ начинается с того, что апологет аскетизма отвергает путь, связанный с аскезой. Летом 1956 г. Игнатич после лагерей и ссылки вознамерился вернуться в «кондовую Россию»: «Мне просто хотелось в среднюю полосу – без жары, с лиственным рокотом леса. Мне хотелось затесаться и затеряться в самой нутряной России – если такая где-то была, жила». Вскоре Игнатичу удалось отыскать прекрасное место, которое в полной мере соответствовало его мечтам: «И вдруг-таки дали мне местечко – Высокое Поле. От одного названия веселела душа. Название не лгало. На взгорке между ложков, а потом других взгорков, цельно-обомкнутое лесом, с прудом и плотинкой, Высокое Поле было тем самым местом, где не обидно бы и жить и умереть» [Там же. С. 113]. Однако рассказчик не остался жить в Высоком Поле, и причиной расставания с мечтой стала роковая (и, как становится ясно в дальнейшем, ключевая для смысловой структуры рассказа) проблема насыщения плоти: «Там я долго сидел в рощице на пне и думал, что от души бы хотел не нуждаться каждый день завтракать и обедать, только бы остаться здесь и ночами слушать, как ветви шуршат по крыше – когда ниоткуда не слышно радио и все в мире молчит. Увы, там не пеки хлеба. Там не торговали ничем съестным» [Там же].

Мы видим, что телесная природа человека неумолимо требует удовлетворения потребностей в пище.

Ежедневное насыщение желудка («каждый день завтракать и обедать») – это не роскошь, а необходимость, без которой невозможны устремления к ценностям высшего порядка. Можно сколько угодно прославлять и проповедовать бескорыстие, но в отсутствие хлеба насущного человек чаще всего не способен посвятить себя хлебу духовному – во всяком случае, именно так происходит с Игнатием: плотские, «утробные» потребности берут свое. Линия Игнатия и в дальнейшем разворачивается в координатах все той же антиномии духовно-нравственных идеалов и насыщения плоти: он декларирует свое равнодушие к пище, заявляет, что не в еде находит смысл существования, но анализ его собственных поступков, а также оговорки и невольных полупризнаний убеждает в серьезном и заинтересованном отношении героя к хлебу насущному. Вот фрагмент, где Игнатий характеризует свой рацион в доме у Матрёны, а в сущности же, жалуется на скверное качество крестьянской пищи:

Что на завтрак, она не объявляла, да это и догадаться было легко: картошь необлупленная, или суп картонный (так выговаривали все в деревне), или каша ячневая (другой крупы в тот год нельзя было купить в Торфопроducte, да и ячневую-то с бою...). Не всегда это было посолено, как надо, часто пригорало, а после еды оставляло налет на нёбе, деснах и вызывало изжогу.

Но не Матрёны в том была вина: не было в Торфопроducte и масла, маргарин нарасхват, а свободно только жир комбинированный. <...>

Я покорно съедал все наваренное мне, терпеливо откладывал в сторону, если попадалось что неурядное: волос ли, торфа кусочек, тараканья ножка. У меня не хватало духу упрекнуть Матрёну. В конце концов она сама же меня предупреждала: «Не умемши, не варёмши – как утрафишь?»

– Спасибо, – вполне искренне говорил я.

– На чем? На своем на добром? – обезоруживала она меня лучезарной улыбкой. И, простодушно глядя блекло-голубыми глазами, спрашивала: – Ну, а к ужоткому что вам приготовить?

К ужоткому значило – к вечеру. Ел я дважды в сутки, как на фронте. Что мог я заказать к ужоткому? Все из того же, картошь или суп картонный.

Я мирился с этим, потому что жизнь научила меня не в еде находить смысл повседневного существования [3. Т. 3. С. 119].

Дефекты деревенской пищи – важный лейтмотив рассказа. Взыскательный Игнатий неодобрительно отзывался не только о повседневных картофельных блюдах, но и, например, о пирожках, испеченных для Матрёниных поминок: «Из плохой муки пекли невкусные пирожки» [Там же. С. 144].

Впрочем, человеческое несовершенство Игнатия и не должно удивлять читателя, ведь герой-рассказчик отнюдь не претендует на статус праведника и последовательно презентует себя в качестве простого смертного. Праведником в рассказе названа Матрёна, и житийно-проповеднический финал воспекает равнодушие героини к пище и любым матери-

альным благам. В этом плане финальная часть произведения представляется ярко выраженной контрфактурой по отношению к зачину и основной части, где показано торжество человеческой плоти над духом. Однако и с праведническим бескорыстием Матрёны дело обстоит не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Ведь легко заметить, что концепт добровольного аскетизма вступает в некоторое противоречие с реалиями биографического текста героини. Из основной части рассказа явствует, что аскеза носила в жизни Матрёны, несчастной жертвы антинародного режима, по преимуществу, вынужденный характер. Сползание трудолюбивой и хозяйственной крестьянки в нищету («грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы») стало следствием ее старческих недугов, одиночества и – главное! – уродливых тоталитарных порядков. Матрёна вовсе не отказывалась от достатка, она, например, долго вела борьбу за причитающуюся по праву восьмидесятирублевую пенсию, упорно пыталась копить «к смерти», радовалась, когда что-то стало получаться: «Всё же к той зиме жизнь Матрёны наладилась как никогда. Стали-таки платить ей рублей восемьдесят пенсии. Ещё сто с лишком получала она от школы и от меня. <...> И в середине зимы зашила Матрёна в подкладку этого пальто двести рублей – себе на похороны. Повеселела: – Маненько и я спокой увидела, Игнатич» [3. Т. 3. С. 125]. Матрёна ценила красивую добротную одежду и, как только появилась возможность, с удовольствием «справила» новые валенки, пальто и телогрейку:

Заказала себе Матрёна скатать новые валенки. Купила новую телогрейку. И справила пальто из ношенной железнодорожной шинели, которую подарил ей машинист из Черустей, муж её бывшей воспитанницы Киры. Деревенский портной-горбун подложил под сукно ваты, и такое славное пальто получилось, какого за шесть десятков лет Матрёна не нашивала [Там же. С. 125].

Итак, возвышенно-героическая программа преодоления человеческой телесности («не нуждаться каждый день завтракать и обедать») ограничивается в произведении по преимуществу рамками авторитарно-проповеднической риторики, не находя основательного подтверждения на уровне событийного ряда. Анализ рассказа «Матрёнин двор» убеждает: переключение повествования с обиходно-информативного регистра на авторитарно-проповеднический обусловлено, кроме всего прочего, сомнениями рассказчика в том, что идеалы бескорыстия и нестяжательства могут быть воплощены в жизнь. В первую же очередь рассказчик-проповедник, очевидно, озабочен собственной роковой слабостью. Возможно, авторитарно-проповедническое аффективное возбуждение в какой-то степени следует признать признаком подспудного скепсиса – отчасти именно персональные колебания герой-идеолог и пытается заглушить «вещающим» словом. Как подчеркивал М. Уваров, «часть исповедь становится как бы скрытой проповедью, и наоборот» [6. С. 27]. В рассказе «Матрёнин двор»

перед нами как раз ситуация «наоборот»: проповедь фактически становится скрытой исповедью. «...В проповеди могут содержаться автобиографические и исповедальные оттенки» [7. С. 34]. Впрочем, возможно, перед нами ситуация, суть которой М. Уваров охарактеризовал так: «Исповедь, не выдерживающая собственного напряжения, обращается в проповедь» [6. С. 169]. Обрушивая свой аффективный гнев на жадных земляков Матрены, рассказчик, по существу, горько раскаивается в собственной неспособности преодолеть низменный зов плоти.

Аналогичным образом авторитарный дискурс обнаруживает исповедальную, покаянную природу и в «Архипелаге ГУЛАГе». Пожалуй, наиболее ярким образцом проповеднической риторики являются здесь обличительные инвективы, направленные против лагерных доносчиков. Массовые убийства «стукачей» (с них началось восстание в Кенгире) трактуются рассказчиком в 10-й главе 5-й части книги как возвышенно-героическая акция, очистительный ритуал, превращающий рабов в свободных людей – не случайно рассказчик с «поразительной воинственностью» [6. С. 47] повторяет, что кровь доносчиков «пролилась, чтобы освободить нас от тяготеющего проклятия». Любые могущие возникнуть возражения гуманистического свойства гневно отменяются как «болтовня сытых вольняшек»:

«Убей стукача!» – вот оно, звено! Нож в грудь стукача! Делать ножи и резать стукачей – вот оно!

Сейчас, когда я пишу эту главу, ряды гуманных книг нависают надо мной с настенных полок и тускло-посверкивающими неновыми корешками укоризненно мерцают, как звезды сквозь облака: ничего в мире нельзя добиваться насилием! Взявши меч, нож, винтовку – мы быстро сравняемся с нашими палачами и насильниками. И не будет конца...

<...> Стукачи – тоже люди?..

<...> Какие же стукачи – люди?!

<...> На пять тысяч человек убито было с дюжину, – но с каждым ударом ножа отваливались и отваливались щупальцы, облепившие, оплетшие нас. Удивительный повеял воздух!

<...> Небывалое, невозможное на земле время: человек с нечистой совестью не может спокойно лечь спать! Возмездие приходит не на том свете, не перед судом истории, а осязаемое живое возмездие заносит над тобой нож на рассвете [3. Т. 7. С. 160–164].

И здесь, как в случае с «Матрениным двором», приходится признать, что событийный ряд произведения вступает в очевидное противоречие с проповеднической риторикой, трактующей доноительство как несмываемый грех, который превращает человека в нелюдя, чье убийство есть безусловное благо. При этом усомниться в безусловной истинности авторитарного слова рассказчика вновь заставляет его же собственное поведение. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на 12-ю главу 3-й части «ГУЛАГа» под названием «Стук-стук-стук». В ней повествуется о том, как сам герой-рассказчик был завербован в доносчики в лагере на Калужской заста-

ве. Все началось с того, что в беседе с оперуполномоченным герой согласился признать себя советским человеком:

– Ах, советский! Ну вот это другой разговор, – радуется опер. – Теперь мы можем с вами разговаривать как два советских человека. <...>

Я чувствую, что я уже пополз... <...> А он набрасывает и набрасывает аккуратные петельки: я должен помочь им быть в курсе дела. Я могу стать случайным свидетелем некоторых разговоров. Я должен буду о них сообщить... [2. Т. 6. С. 228].

Когда же герой-рассказчик твердо отказался стучать на товарищей, опер мгновенно «поворачивает разговор к блатным»:

Он слышал от надзирателя Сенина, что я редко высказываюсь о блатных, что у меня были с ними столкновения. Я оживляюсь: это – перемена ходов. Да, я их ненавижу.

<...> Так неужели я откажусь сообщить оперуполномоченному о готовящихся побегах блатных, если мне станет это известно?

Что ж, блатные – враги, враги безжалостные, и против них, пожалуй, все меры хороши...

<...> И уже чистый лист порхает передо мной на стол:

«Обязательство.

Я, имя рек, даю обязательство сообщать оперуполномоченному лагучастка о готовящихся побегах заключенных...»

– Но мы говорили только о блатных!

– А кто же бежит кроме блатных?.. Да как я в официальной бумаге напишу «блатных»? Это же жаргон. Понятно и так. <...>

– Неужели нельзя обойтись без этой бумажки?

– Таков порядок.

Я вздыхаю. Я успокаиваю себя оговорочками и ставлю подпись о продаже души. О продаже души для спасения тела. <...>

Так ловят птичек. Начиная с коготка [3. Т. 6. С. 230–231].

Ситуация вербовки автобиографического героя в «ГУЛАГе» явно перекликается с зачином «Матрениного двора», где рассказчик, идеолог аскезы, легко, без борьбы пожертвовал прелестями Высокого Поля ради гарантированного двухразового питания. И здесь контраст между проповеднической риторикой рассказчика и его собственным поведением оказывается не менее впечатляющим: кроважанные оды в честь расправ над доносчиками озвучивает тот, кто ранее сам поставил подпись «о продаже души для спасения тела» под обязательством «стучать» о готовящихся побегах, и сделал это без какого-либо серьезного давления со стороны лагерных спецслужб. В результате же возникает сложное, подлинно полифоническое художественно-смысловое целое, в системе координат которого любая авторитарная инвектива обнаруживает относительность и неполноту. Исповедально-покаянные интенции разрушают монологичность проповеднического слова, яростный призыв убить стука-

ча в значительной степени нейтрализуется проникновенными пожеланиями понять и простить чужие грехи: «Брат мой! Не осуди тех, кто так попал, кто оказался слаб и подписал лишнее» [3. Т. 5. С. 90]; «Ты слабым узнал себя – можешь понять чужую слабость» [Там же. Т. 6. С. 381]. В этой связи мнение Солженицына о том, что «Архипелаг ГУЛАГ» – «не памфлет, а зов к раскаянию» [9. С. 619], представляется абсолютно справедливым.

Итак, авторитарное слово у Солженицына нередко обнаруживает исповедально-покаянную направленность: за гневными инвективами в адрес чужих пороков (будь то жадность советских колхозников или подлость лагерных стукачей), точно так же, как и за проповедническими одами в честь неукоснительной святости, прячутся признания в собственных при- скорбных грехах, обусловленных несовершенством человеческой природы [8]. Представляется, что солженицынская авторитарная риторика в данном смысле вовсе не является каким-то исключением из правил. Напрашивается предположение, что зачастую

авторитарное слово в той или иной степени включает в себя исповедально-автобиографическую составляющую. В этом плане заслуживают внимания наблюдения М. Бахтина над особенностями толстовского авторитарного слова, содержащиеся в статье, посвященной «Воскресению». Так, по Бахтину, Толстой в романе доказывает несостоятельность любого суда (если он направлен не на самого человека), но при этом фактически вершит суд над судьями, т.е., вопреки собственным постулатам, сам выступает в роли судьи. [10. С. 199–204]. Возможно, подобного рода парадоксальный синтез в особенности характерен для отечественной культуры, и следует согласиться с М. Уваровым, утверждавшим, что «символика национальной ментальности оказывается в скрижалях дилеммы “исповедь-проповедь”» [6. С. 34]. Впрочем, это, разумеется, не более, чем предположения, для подтверждения (или опровержения) которых требуется основательный и кропотливый анализ широкого и разнообразного литературного материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Степанов А. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
3. Солженицын А. Малое собр. соч.: в 7 т. М.: Инком НВ, 1991.
4. Волкова Т. Воскресение слова (функции жанра проповеди в последнем романе Л.Н. Толстого) // Критика и семиотика. М., 2000. Вып. 1–2. С. 136–154.
5. Тюпа В. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. М., 2002. Вып. 5. С. 5–31.
6. Уваров М. Архитектоника исповедального слова. СПб.: Алетейя, 1998. 243 с.
7. Шелудякова О. Исповедь и проповедь как феномены искусства (на примере музыкальной культуры позднего романтизма) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 1. С. 161–178.
8. Нива Ж. Солженицын. М.: Художественная литература, 1992. 101 с.
9. Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Париж: YMCA-PRESS, 1975. 629 с.
10. Бахтин М. Идеологический роман Л.Н. Толстого. Предисловие // Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, 2000. Т. 2. С. 185–204.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 февраля 2018 г.

AUTHORITARIAN WORD IN SOLZHENITSYN'S WORKS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 12–16.

DOI: 10.17223/15617793/428/2

Aleksandr O. Bolshvov, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: olegovich1955@mail.ru

Keywords: Solzhenitsyn; “Matryona’s Home”; *The Gulag Archipelago*; preaching; authoritarian word; condemnation; confession.

The aim and objectives of the article are connected with studying the changes that happen with the authoritarian word in the course of its transposition to the contemporary literary-art discourse. The study is based on the works of A. Solzhenitsyn (“Matryona’s Home” and *The Gulag Archipelago*), in which the authoritarian predicatory element plays an important role. The methodological basis of the study was the combination of the principles of motive analysis and a psychobiographical approach. As is known, the authoritarian word is characterized by such features as inertia, dogmatism, hardness (M. Bakhtin); in the literature of modern times it is rarely found in its pure, uncompounded form – we can rather talk about the periodic switching of the narrative to the authoritarian-ethological register. The analysis of Solzhenitsyn’s works leads to a conclusion that the inclusion into the construction of a fictional and ideological text, as a rule, leads to a significant weakening of monologue rigidity for the authoritarian word. Both in “Matryona’s Home” and *The Gulag Archipelago* the transformation the preaching judgments of the narrator undergo shows a similar nature: preaching acquires some characteristics of confession. Thus, in “Matryona’s Home”, the concept of voluntary austerities that is strongly promoted at the level of authoritarian rhetoric in a rather obvious way comes into contradiction with the behavior of the main characters including the hero-narrator. Apparently, switching of the narrative from an everyday informative register to preaching is caused, among other things, by the doubts of the narrator that the ideals of selflessness can be translated into reality. Perhaps, the authoritarian preaching pathos should be recognized as a sign of hidden skepticism to some extent: partly it is personal hesitations that the hero-ideologist is trying to obliterate with the “pontificating” word. Similarly, authoritarian discourse detects a confessional nature in *The Gulag Archipelago*. Confessional and penitential intentions destroy the monologism of preaching invectives. A call to kill snitches is largely neutralized with insightful wishes to understand and forgive the sins of others. As a result, there is a complex, truly polyphonic artistic and meaningful entity, in the coordinate system of which any authoritarian judgment becomes relative and incomplete. The final part of the article suggests that any authoritarian word involves a confessional-autobiographical component to a greater or lesser degree; perhaps, this sort of paradoxical synthesis is especially typical for the national culture.

REFERENCES

1. Bakhtin, M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Stepanov, A. (2005) *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Problems of communication in Chekhov]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Solzhenitsyn, A. (1991) *Maloe sobr. soch.: v 7 t.* [Small collection of works: in 7 vols]. Moscow: Inkom NV.
4. Volkova, T. (2000) Voskresenie slova (funktsii zhanra propovedi v poslednem romane L.N. Tolstogo) [Resurrection of the word (functions of the genre of preaching in the last novel by Leo Tolstoy)]. *Kritika i semiotika – Critique & Semiotics*. 1–2. pp. 136–154.
5. Tyupa, V. (2002) Ocherk sovremennoy narratologii [Essay on Contemporary Narratology]. *Kritika i semiotika – Critique & Semiotics*. 5. pp. 5–31.
6. Uvarov, M. (1998) *Arkhitonika ispovedal'nogo slova* [Architectonics of the confessional word]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Sheludyakova, O. (2011) Ispoved' i propoved' kak fenomeny iskusstva (na primere muzykal'noy kul'tury pozdnego romantizma) [Confession and preaching as the phenomena of art (on the example of musical culture of late romanticism)]. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii – Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 1. pp. 161–178.
8. Niva, Zh. (1992) *Solzhenitsyn*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
9. Solzhenitsyn, A. (1975) *Bodalsya telenok s dubom. Ocherki literaturnoy zhizni* [The Oak and the Calf. Essays on literary life]. Parizh: YMCA-PRESS.
10. Bakhtin, M. (2000) *Sobr. soch.: v 7 t.* [Works: in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkie slovari. pp. 185–204.

Received: 18 February 2018

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»: ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА – НАЧАЛО XXI в.

Исследуется специфика усвоения поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» во Франции в период между Второй мировой войной и началом XXI в. Акцент при изучении восприятия произведения делается на критико-литературоведческой рецепции, рассматриваемой диахронически. Выделяются фазы повышенного интереса к произведению. Анализируются новые трактовки поэмы, оказавшиеся в распоряжении франкоязычного читателя во многом благодаря русским интерпретаторам. Приводится информация обо всех переводах произведения, вышедших в рассматриваемый период.

Ключевые слова: Гоголь; «Мертвые души»; рецепция; литературная критика; французский перевод.

Скорбные годы Второй мировой войны не могли не сказаться на процессе проникновения «Мертвых душ» во французское культурное пространство; на этом «фронте» наблюдалось затишье¹. После же окончания войны произошло то, что можно было назвать скачком интереса к гоголевской поэме (объяснявшимся во многом просоветским настроением французских левых сил). Появляются новые переводы: в 1945 г. – переводчика Николая Полтавцева [2, 3]; в 1946 г. – переводчика Ростислава Гофмана [4]; в 1952 г. – переводчиков Мадлен Эристовой-Чингисхан и Бориса де Шлецера [5]; в том же 1952 г. в Швейцарии выходит еще один новый перевод [6, 7], автора которого установить не удалось. Переиздаются старые: в 1948 г. – переводы Марка Семенова² и Анри Монго³; в 1949 г. выпущено еще одно переиздание перевода А. Монго. Также в 1946 г. переиздается книга Б. де Шлецера «Гоголь» [8], выходит труд Модеста и Ростислава Гофманов «Гоголь, его жизнь и творчество» [9], который на самом деле «является переработкой книги Модеста Гофмана, изданной еще в 1934 г.» [10. С. 269]. Стоит отметить, что после Второй мировой войны и вплоть до юбилейного 1952 г., «когда внимание к Гоголю достигнет своей высшей точки, – мы насчитываем такое же число публикаций о Гоголе и переводов его произведений, как и за все двадцать лет, что отделяли Первую мировую войну от Второй» [Там же. С. 270].

Одним из основных ракурсов толкования «Мертвых душ» в этот период становится проведение параллели между поэмой и «Божественной комедией» Данте (ад, чистилище, рай). Такая трактовка, впервые дошедшая до французов в начале 1930-х гг. благодаря Монго [11. Р. 481], получает все большее распространение. Ее мы находим и в предисловии к переводу поэмы, выполненном Н. Полтавцевым [2. Р. 9], и у М. Гофмана в его «Истории русской литературы» [11. Р. 183–184], и в его предисловии к переводу поэмы, сделанном его сыном Ростиславом [4. Р. 13], и у Б. де Шлецера в предисловии к переводу 1952 г. [12. Partie III⁴], в котором он был соавтором.

В упомянутой выше «Истории русской литературы» (1946) М. Гофман настойчиво проводит еще одну мысль: Гоголь был не самодостаточен, залогом его успеха являлся Пушкин. Так, он отмечает, что Гоголю было всего 27 лет, когда умер Пушкин, и «его гений, вместо того, чтобы продолжать раскрываться, начинает чудовищно убывать» [11. Р. 182]. Достаточно

только указать, продолжает автор, что за последние пятнадцать лет своей жизни он напишет меньше, чем за три года «под покровительством Пушкина» [11. Р. 182]. Причем, по мнению М. Гофмана, это касалось не только количественной стороны, но и качественной. Если до смерти Пушкина, указывает критик, Гоголь каждый год приносил в литературу что-то новое, то в течение последних пятнадцати лет он «лишь будет трудиться над *Мертвыми душами* и погружаться все глубже и глубже в неразрешимость противоречий, возникавших на стыке его религиозных верований – мистических и аскетических – литературного пути, указанного Пушкиным» [Ibid.]. Не исключено, что формированию у М. Гофмана такого отношения к Гоголю способствовала и статья Г.Л. Лозинского «Пушкин и Гоголь («Евгений Онегин» и «Мертвые души»)» [13], вышедшая в Париже на русском языке в феврале 1937 г. М. Гофман неоднократно проводит параллели между этими двумя произведениями, правда делает это (в отличие от Г.Л. Лозинского) с очевидным намерением продемонстрировать отсутствие у Гоголя творческой цельности. Дело доходит до того, что, сообщая французскому читателю о подсказке Гоголю Пушкиным сюжета поэмы, М. Гофман восклицает: «Как жаль, что он (Пушкин. – А.З.) сам не воспользовался этим сюжетом!» [11. Р. 182]. И вот он уже строит такого рода предположения: «...Пушкин должно быть произнес в присутствии Гоголя – или даже адресовал ему лично – один дорогой для него афоризм: “Единый план Дантова «Ада» есть уже плод высокого гения»» [Ibid. Р. 183]. Поэтому-то, заключает он, «Мертвые души» и «должны были быть написаны по образу и подобию... *Божественной комедии*» [Ibid.].

Хочется верить, что такие оценки и предположения выходили из-под пера критика не столько из неблагоприятного отношения к Гоголю, сколько из особой любви к Пушкину (М. Гофман был в первую очередь пушкинистом). Ведь когда он говорил о реализме (в этой работе он попытался дать этому явлению определение), и в частности о гоголевском реализме, его кажущаяся предубежденность в отношении автора «Мертвых душ» исчезала.

Особый интерес в это время начинает приобретать литературоведческий подход, предпринятый Дмитрием Мережковским (перевод его книги «Гоголь и черт» стал доступен во Франции в 1939 г., но по объективным причинам не сразу получил должное внимание).

Наряду с этим прослеживается тенденция к сопоставлению феноменов Гоголя и Достоевского; последним многие так восхищались во Франции, о Гоголе же знали только, как его зовут [14. Р. 3]. Клод де Грев отмечает, что ни в 1930-е гг., ни даже перед Второй мировой войной о Гоголе нельзя было сказать того, что Ж.-Л. Бакес написал по поводу Достоевского: «Достоевский стал одним из тех авторов, которых должен был прочесть каждый претендующий на образованность молодой человек» (Цит. по: [10. С. 213]). В итоге получалось, что как в свое время Гоголь и Марк Шагал «продвигали» друг друга во Франции⁵, так и в данном случае оба автора способствовали друг другу (все же, в первую очередь Достоевский Гоголю) на пути дальнейшего проникновения в иноязычную культуру. И «Мертвые души» играли в этом одну из ключевых ролей.

В 1948 г. выходит статья Жака Мадоль «Черт у Гоголя и у Достоевского» [19], в которой, как уже видно из названия, связующим элементом становится демоническое начало. Его, это начало, автор видит, например, уже в самом факте незаконченности «Мертвых душ» и «Братьев Карамазовых». Демоническое присутствует и в главном герое поэмы, Чичикове, «посредственном персонаже <...> который великолепно умеет воспользоваться посредственностью других» [Ibid.], и воспользоваться не во благо. К тому же, как обращает внимание Ж. Мадоль, информация о нем противоречива: «Мы не совсем понимаем, откуда он взялся и дело, которым он занимается, выглядит подозрительным» [Ibid.]. Чичикова критик отождествляет – как уже не раз это делали другие исследователи⁶ – с самим автором поэмы. Корни этого демонического у Чичикова и, соответственно, у Гоголя «берут свое начало в той тоске, скуке, аккумуляировавшейся в душах из-за монотонного безграничного пространства (в котором они пребывали. – А.З.)» [Ibid.]. Это та самая тоска, скука, указывает Ж. Мадоль, которая «уносит тройку, так приходящуюся по душе Чичикову...» [Ibid.]. Сцена с тройкой как бы является мостиком к демоническому у Достоевского в его «Братьях Карамазовых» – Ж. Мадоль отсылает нас здесь к речи прокурора, в которой слышатся гоголевские строки [21. Т. 10. С. 206].

Более масштабной работой в подобном ключе стала книга еще одного⁷ русского эмигранта, богослова Павла Евдокимова «Гоголь и Достоевский, или сошествие во ад» (1961) [25]. Эта книга «шла в русле идей Д. Мережковского (а также, определенно, Василия Розанова [26. С. 41–176]. – А.З.), оспаривая их, освещая и тем самым проливая новый свет на творчество Гоголя в целом» [10. С. 353]. В лучших символистских традициях автор ставит под сомнение реализм Гоголя: «На самом деле Гоголь ничего не знает о русской действительности» [25. Р. 152]. По его мнению, гоголевские типы не принадлежат ни к помещицкой, ни к чиновничьей среде России XIX в. «Это *типы метафизические*, которые существуют везде и всегда» [Ibid.]. Появляются они благодаря «неистовому скальпелю этого inferнального художника», который «отделяет живую плоть и создает персонажей, действующих на автомате⁸» [Ibid.]. Они,

конечно, как выражается П. Евдокимов, «двигаются, но движения их отрывистые как у восковых фигурок. В его поэме не чувствуется никакого динамизма»⁹ [25. Р. 152]. Все персонажи «Мертвых душ» – это существа, лишенные духовной материи, для них «душа человеческая – лишь безделица» [Ibid. Р. 159]. При этом среди них (и не только) Чичиков, «окутанный таинственным ореолом» [Ibid. Р. 160], стоит особняком: «После *Портрета, Носа, Ревизора* Гоголь представляет нам наиболее совершенное воплощение дьявола, поскольку оно наиболее неброско. Чичиков – Антихрист “во фраке наваринского дыма с пламенем”» [Ibidem].

Гоголь «видит указующий перст Судии» [Ibid. Р. 161], хочет найти спасение, но не может. У Чичикова в его опустошенной душе, отмечает богослов, нет ничего, что бы привело к подлинному, искреннему обращению в веру, как это было в случае со Степаном Верховенским из *Бесов*. Достоевский любит своего героя; он как ангел хранитель «склоняется над старым бездельником, пробуждает его *in extremis* и, наконец, спасает его» [Ibid. Р. 170]. У него был дар, подчеркивает П. Евдокимов, видеть образ Бога в каждом, даже падшем, человеке, понимать, что в силу милости Божией возрождение всегда возможно. У Гоголя, заявляет автор, все по-другому – смех его слишком язвительный, чтобы человек, оказываясь обращенным в прах, мог возродиться, как птица Феникс [Ibid.]. Однако, цитируя это сравнение, нельзя не привести и другой тезис П. Евдокимова: Достоевский – это «Гоголь, получивший искупление, освобожденный от своего страха, возвратившийся на землю после ужасного испытания смертью, дабы завершить предчувствия своей души. Без Гоголя Достоевский не мог бы существовать; без Гоголя его невозможно понять полностью» (Цит. по: [10. С. 356]).

Говоря о проблемах, с которыми сталкивался Гоголь, богослов намекает на присутствие демонического в жизни самого писателя. В качестве иллюстрации он приводит строки одного из лирических отступлений поэмы:

«Русь! <...> Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи? <...> Что пророчит сей необъятный простор?»

Здесь, отмечает автор, чувствуется определенная торжественность, значительность у Гоголя, на какое-то мгновение его охватывает воодушевление, и вдруг он «уходит в себя, произнося загадочную фразу. Как будто он слушает *кого-то невидимого* (курсив мой. – А.З.)» [25. Р. 164].

Непреходящее значение Гоголя, по его мнению, заключалось в точном определении Противника; «убедительнее всех он доказал <...> существование Зла, его безусловное присутствие» [Ibid. Р. 162]. Оно, существование зла, утверждает П. Евдокимов, означает, что гоголевский мир «Мертвых душ» настоящий, что где-то существует «мир *Воскресших душ*, мир *Абсолютного Смысла*» [Ibid. Р. 163].

Первой же работой, в которой прозвучала мысль, одновременно охватывающая и демоническое у Гоголя, и основанную на этом связь с Достоевским, стали «Заметки о Жераре де Нервале и Николае Гоголе»

(1946) [27] католического священника Жана Стейнмана. Определяя поэму как «тесное соединение мощного символизма и отталкивающего (*sordide*. – А.З.) реализма»¹⁰, он именует Гоголя мастером карикатуры, русским Домье, но Домье, не забывающем о Данте [Ibid. P. 339]. По его мнению, «Мертвые души» – это сошествие во ад, дьявол же у Гоголя кроется не в леденящем бесстрастии, а в его смехе [Ibid.]. При этом, отмечает Ж. Стейнман, Гоголь не показывает путь к спасению, Бог не явлен в поэме, а у дьявола развязаны руки [Ibid.]. Для еще одной характеристики «Мертвых душ» он прибегает к словам Андре Жида, которые, отмечает он, подходят для этой поэмы как ни для какой другой и которые были высказаны последним в свое время по отношению к Достоевскому: «Нет произведения искусства без пособничества дьявола» [Ibid. P. 342]. И делает он это не случайно: «Ад Достоевского, ад психологический, – по его мнению, – произошел из ада Гоголя. Гримасничающие персонажи *Бесов* – это сыновья Чичикова» [Ibid.].

Среди других работ в духе Д. Мережковского, в которых рассматривалась поэма, можно отметить труд Сержа Михельсона¹¹ «Великие русские прозаики» (1946) [29]. Он, как и русский символист, называет Чичикова одной из ипостасей вечного и всеобщего зла и считает, что суть главной битвы Гоголя состоит в направлении зла против зла, обращении «демонического» смеха человека против демона. Отголоски Д. Мережковского можно услышать и у Андре Мазона [30], и у Андре Моруа [31]. Но если первый в итоге трактует поэму как «благотворную», поскольку она заставляла задуматься общество над тем, на что оно обычно закрывало глаза [30. P. 18], то второй считает, что «скрытое значение книги было достаточно мрачным: глупое, алчное, лицемерное человечество представало в ней проклятым, лишенным всякой надежды на отпущение своих грехов» (Цит. по: [10. С. 303]).

Заметим, что последние две статьи [30, 31] вышли в 1952 г., в 100-летие со дня смерти писателя, закономерно вызвавшее к жизни множество работ о творчестве Гоголя, в которых трактовка «Мертвых душ» не ограничивалась использованием идей Д. Мережковского. Интерпретации Гоголя, которыми к этому времени уже оперировали во Франции, были удачно обобщены Эльзой Триоле¹², подчеркивавшей допустимость всех их для постижения феномена автора «Мертвых душ». В соответствии с ее видением понимание становится возможным:

«...между теми, кто считает Гоголя, – человека и писателя, – загадочным фанатиком, одержимым чертом;

...между теми, кто считает творчество Гоголя реалистическим, но, вместе с тем, отражающим эпоху в зеркале бессознательного;

...между теми, кто считает гоголевский реализм сознательным приемом, призванным показать обществу его чудовищное лицо;

...между теми, кто считает Гоголя сторонником реакционных славянофилов, человеком, связанным с николаевским режимом, церковью и крепостным рабством;

...между теми, кто считает Гоголя – друга Пушкина, писателя, которым восхищались революционные демократы, – человеком, находящимся в постоянной борьбе с существующим режимом, крепостничеством, официальной церковью и т.д.» (Цит. по: [10. С. 307–308]).

Сама Триоле по большей части считала Гоголя реалистическим писателем [32. P. 8]. И, собственно, в этом, по ее мнению, заключалась неудача, которая постигла писателя со вторым томом поэмы: «Он (Гоголь. – А.З.) сам говорил, что не умеет придумывать, не может описывать то, что плохо знает, что находится вне поля его зрения. Типов, которых он задумал изобразить во второй части, не было в природе», поэтому они плохо получились [Ibid.]. Тогда же, когда надо было описывать чиновничью и помещичью Россию (не обновленную Россию), у него это прекрасно получалось [33. P. 71]. «Мертвые души» Триоле определяла как «ужасное обличение николаевской России, наполненное любовью, восхищением и состраданием, которое автор испытывает к своей родине и своему народу...» [34. P. 10].

Оценки Гоголя как реалиста особенно часто в это время встречаются в коммунистической прессе, в *Ce soir*, *L'Humanité*, *L'humanité-dimanche*. Например, вот что отмечает Жан Перюс:

«Гоголь вскрывает законы мира, в котором предпринимательство и махинации оказываются тесно переплетены, он выявляет самую суть капиталистического общества: мир Дюкре, Жоановичей (*sic*)¹³, взяточников, мир, в котором загнивает правящий класс страны, а банда мошенников спекулирует “душами” своих соотечественников и продает их оптом и в розницу – друг другу и за границу» (Цит. по: [10. С. 304–305]).

Похожий взгляд на Гоголя, хотя и не столь идеологически заостренный, обнаруживается в журналах *Les Lettres françaises*, *Europe*, *La Nouvelle critique*, газете *La pensée* – органах печати, которые, как отмечает Клод де Грев, играли роль серьезного посредника, знакомявшего французскую публику с тем, что происходило в это время в советской критике [10. С. 305]. Так, Виктория Ашер, будущий автор еще одного перевода поэмы, в специальном выпуске *Europe*, посвященном юбилею Гоголя, говоря о втором томе, отмечает: «...Реализм, который является неотъемлемой частью произведения, кажется, с трудом соотносится с теми идеями, которые Гоголь стремится впредь превозносить» [35. P. 59]. А вот в статье Рене Энцбюклера «Гоголь» идеологический пафос, который отчетливо слышался у Ж. Перюса, возвращается – в стране, в которой исчезли «мертвые души», «народ сегодня знает, как и где посвятить себя делу на свободной советской земле!» [36. P. 104].

Воспользуемся моментом (юбилейной датой) и для того, чтобы осознать, что главное произведение Гоголя было отнюдь не во главе списка его наиболее востребованных творений во Франции. Тот же Ж. Перюс в номере *L'Humanité* от 5 марта 1952 г. [37] задавался вопросом: «Кто из читавших “Тараса Бульбу” – самое популярное произведение классической русской литературы (курсив мой. – А.З.) – помнит, что его написал Гоголь, наименее известный из всех великих писателей русских!» (цит. по: [10. С. 287]).

Та же мысль звучала в 1947 г. у Бугчика: «Наиболее часто переводимое и переиздаваемое произведение (во Франции. – А.З.) – это повесть Гоголя *Тарас Бульба*»¹⁴ [38. Р. 12].

В 1953 г. выходит в свет перевод на французский язык книги Владимира Набокова «Николай Гоголь»¹⁵ [39], безусловно, представлявшей интерес для французов и отличавшейся, например, по мнению Клод де Грев, «особым поэтическим видением, свободой тона и изложения» [10. С. 352]. Схожую общую оценку книге дал и критик журнала *Études* [40. Р. 421]. В главе, посвященной «Мертвым душам», французский читатель мог найти не только то, что он уже встречал у адептов Д. Мережковского, но и почувствовать то *особое*, о котором говорила Клод де Грев и объяснение которого, возможно, кроется в словах Сергея Залыгина, замечавшего, что книга В. Набокова – не что иное, как «его столкновение с Гоголем – своим антиподом» [41].

В конце 1950-х гг. выходят еще два перевода «Мертвых душ». Авторы переводов – Артур Адамов (1956) [42] и Виктория Ашер (1957) [43, 44]. Следующий (и последний на сегодняшний день) французский перевод поэмы появится лишь почти спустя полвека, в течение которого, тем не менее, будет осуществляться переиздание уже имеющихся переводов «Мертвых душ».

В 1960 г. тот же А. Адамов адаптирует свой перевод для театральной постановки «Мертвых душ». В целом являясь противником «адаптации романов для сцены» (так как «проза и театр имеют разные измерения» [45. Р. 7]) – А. Адамов, тем не менее, решается на такой шаг по следующим двум причинам. Во-первых, заявляет он, «“Мертвые души” – это не роман, как указывает сам Гоголь, а поэма», и похождения Чичикова выходят за рамки романного жанра [Ibid.]. Это обстоятельство, замечает он, развязывало ему руки, и он выполнял перевод «языком XX века»; то, что получилось, он называет эпопеей [Ibid.]. Во-вторых, считает он, «Мертвые души», находясь на пересечении «острой социальной критики и поэзии, в большинстве случаев, обличающей <...> не чужды тому театру, в котором мы сейчас больше всего нуждаемся: театру эпическому и критическому» [Ibid. Р. 7–8]. Пьеса А. Адамова разделена на два *действия*, состоящих из семи и восьми *картин* соответственно. Первое *действие* по содержанию соответствует первым шести главам поэмы. Второе *действие* – главам VII–XI первого тома «Мертвых душ». При этом необходимо отметить, что в пятнадцатой (последней) *картине* встречаются и элементы второго тома – появление жандарма и приказ явиться к генерал-губернатору. Также важно указать, что сценическая версия пьесы А. Адамова (постановщиком был Роже Планшон) оказалась несколько короче (подробнее см.: [10. С. 339]). Понятно, что при адаптации поэмы нельзя было избежать серьезных смысловых потерь (особенно это касается лирической составляющей), тем не менее, такой тип проникновения произведения в иноязычное культурное пространство имеет большое значение, и прежде всего, стимулирующее. Слова Клод де Грев в этой связи придутся очень кстати:

«Множество зрителей»¹⁶ в Париже и Лионе познакомились тем самым с поэмой Гоголя *в самой живой из возможных форм* (курсив мой – А.З.)» [10. С. 342]. Постановка вызвала бурный отклик в прессе; почти все единодушно признавали ее незаурядность [46–49]. Отзывы были разнообразны: в авторе «Мертвых душ» видели реалиста [48]; сравнивали с Кафкой, которого считали единственным среди современников, кого можно было причислить к наследникам Гоголя [47]; находили в писателе то, что перекликалось с идеями Д. Мережковского [49]. Несмотря на в целом положительную оценку сценической версии А. Адамова, были и отзывы, выбивавшиеся из общего одобрительного хора, например: «Поэму Гоголя извращают. Пользуясь невежеством парижской публики, попирают и валяют в грязи дореволюционную Россию, и всех это прельщает» (цит. по: [10. С. 340]). Тем не менее можно сказать, что эта постановка имела успех и, безусловно, подогрела интерес к советской версии спектакля, которую в 1964 г. парижской публике представил МХАТ и которая вызвала более неоднозначные отклики [50–54].

Если не считать предисловия Эмиля Жерара-Гайи¹⁷ к переизданию перевода «Мертвых душ» Семенова, вышедшего в 1967 г. в издательстве *Cercle du bibliophile*¹⁸, где автор характеризует Гоголя как нравописателя, которому не чуждо при этом и поэтическое начало, следующим источником, содержащим значимую информацию о «Мертвых душах» стала биография Гоголя Анри Труайя¹⁹ «Гоголь»²⁰ (1971) [58]. Эта книга явилась «настоящим событием во французской филологии и тем более в гоголеведении» [10. С. 369]. Содержание пространной главы, посвященной «Мертвым душам», это конгломерат идей, уже звучавших во Франции, скрепленных новой мыслью.

Поэма, по его мнению, написана «по формуле плутовского романа», по той самой, по которой были созданы «*Жиль Блас* Лесажа и <...> *Иван Выжигин* Булгарина» [58. Р. 351–352] (формулировка, практически повторяющая слова Б. де Шлецера [8. Р. 142]). «Гоголь также помышляет, конечно же, о *Дон Кихоте* Сервантеса <...> и о *Божественной комедии*. И об *Илиаде*, и об *Одиссее*», которые «вдохновляют его на творческий подвиг» [58. Р. 352]. И чем больше он размышляет над своим сюжетом, отмечает автор, тем больше он проникает в его глубокий смысл (опять же, утверждение, сходное с мыслью Б. де Шлецера [8. Р. 142]).

Разницу между Чичиковым и героем типичного плутовского романа А. Труайя видит в качестве «товара», который интересует главного героя: «Если бы Чичиков довольствовался покупкой живых крепостных, оставляя в дураках своих продавцов, то он выглядел бы таким же жуликом, как и другие. Но покупая мертвых крепостных, он привносит нотку сверхъестественности в свое мошенничество» [58. Р. 353]. И при этом, указывает А. Труайя, не характер героя определяет действие поэмы, а, напротив, «и чуть ли не независимо от воли автора», действие придает необычный оттенок характеру героя [Ibid.].

Отталкиваясь от признания Гоголя в одном из писем С.П. Шевыреву: «уже с давних пор только о том и хлопочу, чтобы после моего сочинения насмеялся

вволю человек над чертом» [59. С. 293], А. Труайя замечает, что если Гоголь и думал о черте, создавая Чичикова, то о черте «очень своеобразном, о черте второстепенном, о черте низости и уюта» [58. Р. 353]. Главный герой, отмечает автор, – это не пылающий Люцифер, а его готовый на любую работу посланник, чистенький, заурядный «черт во фраке», которого не интересуют ни святые, ни убийцы; его клиентура – ничем не примечательные люди. В отличие от своего «наставника», указывает А. Труайя, он искушает смертных не ради удовольствия погубить их душу, а для того, чтобы извлечь некую личную выгоду от коммерческих сделок с ними. «Эти земные заботы свидетельствуют о принадлежности Чичикова к роду человеческому» [Ibid.]. В итоге автор определяет его как дьяволичеловека (дьявола – потому что он воплощает все, что есть низкого в человеке), называя его так по аналогии с Богочеловеком.

Свои суждения А. Труайя подкрепляет обильным цитированием гоголевского текста; пространности его комментариев (в которых, безусловно, нуждались французы) могли бы позавидовать все предыдущие комментаторы. Из размышлений автора следует, что помимо демонического компонента в поэме присутствует и реалистическая составляющая: «Крепостная патриархальная дикость подготовила их (помещиков. – А.З.) к мысли, что в человеке все продается: и тело, и душа» [Ibid. Р. 355]. Но сурово Гоголь судит не только помещиков, замечает А. Труайя, но и простой народ. При этом, «бичуя людей, он никогда не критикует государственные учреждения. Крепостное право для него – это традиция уважаемая и полезная» [Ibid. Р. 371–372]. Однако, несмотря на такую свою позицию и, как отмечает А. Труайя, «независимо от него самого», Гоголь, «изображая животную глупость мужиков и патриархальное бесчувствие хозяев, выносит приговор государственному устройству России <...> он, вопреки собственному желанию, придает своему произведению подрывной характер» [Ibid. Р. 372].

В отличие от более ранних интерпретаторов, автор не столь четок в определении, кем же являются главные герои поэмы – *типами*, или *индивидуумами*, или еще кем-то²¹. Ратуя все же за *индивидуумов*, А. Труайя вносит некую двусмысленность: «Создавая эти *типы* (курсив мой. – А.З.), Гоголь сумел наделить их такой плотью, что они предстали не какими-то бестелесными аллегорическими фигурами, а реальными индивидуумами со сложными, незастывшими характерами» [Ibid. Р. 359]. Например, «Плюшкин – это не собирательный образ скряги, а конкретный человек, узнаваемый среди тысяч скряг» [Ibid.]. При этом, как отмечает автор, всех их объединяет одно общее свойство – души их мертвы.

Полагаем, интересной для французского читателя должна была стать приведенная А. Труайя количественная оценка различных отступлений в поэме: «Подсчитано, что все отступления составляют восьмую часть первого тома, а чисто лирических отступлений – около десятка» [Ibid. Р. 368]. Данная информация могла заставить читателя глубже задуматься над значением этих отступлений и побудить его к их более внимательному прочтению.

Вторая часть «Мертвых душ», по мнению А. Труайя, основана на том, что Гоголь теоретически изложил в «Выбранных местах...», а именно, «что честность дает доход и ведет к довольству, а соблюдение библейских заповедей вознаграждается банковским счетом» [58. Р. 551]. Положительные герои, отмечает автор, здесь слишком схематичны и скорее пробуждают в читателе тоску по пороку, нежели любовь к добродетели:

«...именно кривляки и уродцы из первого тома книги, со всеми их человеческими недостатками, и кажутся нам живыми душами, в то время как почтенные чучела второго тома воспринимаются читателем как души мертвые» [Ibid. Р. 552].

А. Труайя предполагает – основываясь, на том «что известно о плане произведения в целом», – что если бы Гоголю и удалось осуществить свой замысел, то все равно «чистилище и рай трилогии были бы лишь бледными ремесленными поделками по сравнению с великолепным адом, который нам остался» [Ibid.].

Пытаясь охарактеризовать «Мертвые души», автор находится в растерянности:

«Эта книга, перегруженная деталями, многослойная по своему замыслу, на первый взгляд, смешная, но на самом деле полная трагизма, являющаяся одновременно эпопеей и памфлетом, сатирой и сущим кошмаром, исповедью и заклинанием бесов, не поддается ни определению, ни классификации» [58. Р. 377].

Лучшее, что может предложить А. Труайя, это поместить поэму «где-то между “Дон Кихотом” и “Божественной комедией”» [Ibid.].

Примечательным событием в истории рецепции «Мертвых душ» во Франции стал роман Доминика Фернандеса «Дети Гоголя» (1971) [61]. Здесь гоголевская поэма в определенный момент становится генератором смыслов и действия романа. Речь идет о главе XVIII, где между главными героями романа завязывается диалог, в основе которого лежит эпизод посещения Муразовым Чичикова. И у одного из главных героев встает вопрос выбора между «двумя Россиями, Россией Муразова и Белинского, с одной стороны, и Россией Чичикова и Гоголя, с другой, Россией “работающего реализма Белинского” и Россией “гоголевского мистицизма”» (Цит. по: [10. С. 379]). Эта дилемма порождает ряд вопросов, адресованных не только читателю этого конкретного романа, но и исследователям «Мертвых душ»:

«Можно ли считать мошенничество и жертвенность как форму его (Чичикова. – А.З.) сублимации (два аспекта нравственного падения, особенно если помнить о семантической двусмысленности последнего слова²²) вполне законной насмешкой над *прогрессом, моралью и характером*? Возможно ли, что Чичиков в одиноком своем противостоянии всем Муразовым и всем Белинским на свете, озлобленно стремящимся доказать ему его вину, хранит неведомую им тайну?» [Там же].

Как с опозданием доходили до Франции появлявшиеся (в первую очередь в России) новые интерпретации «Мертвых душ», так и с задержкой там пытались взглянуть (и, возможно, даже неосознанно) на

творчество Гоголя с точки зрения поэтики «открытого произведения» Умберто Эко²³ [62]. Одной из первых работ такого плана во Франции, в которой анализировались в том числе и «Мертвые души», стал перевод труда Андрея Синявского (Абрама Терца) «В тени Гоголя» (1978) [63]²⁴. Барочный Гоголь, о котором в России уже серьезно говорили в первой трети XX в.²⁵, «пришел» и во Францию. Именно в барочной «открытой форме» Эко обнаруживал «явный образец “открытости”», считал, что эта форма «динамична, тяготеет к неопределенности результата (игрой наполненности и пустоты, света и тени, изогнутыми линиями, фрагментарностью, углами самого разного наклона) и наводит на мысль о постепенном расширении пространства...» [62. С. 33]. Такие же особенности формы, по А. Синявскому, свойственны и гоголевской поэтике:

«...пространство у Гоголя коробится и круглится, не уходя прямым к горизонту, но выгибаясь в какую-то сфероидную, что ли, форму; прямые, “вытянутые по воздуху”, становятся кривыми, словно знают теорию Римана, благодаря чему неудержимая тройка, уносящаяся на наших глазах в безответную даль, заворачивает – вместе с медленным вращением, опрокидыванием всего окоема – и, законно, окажется там, куда мы не гадали заехать, вместе с Гоголем устремляясь “вперед” и “в дорогу”» [63. С. 27].

Поэма при этом является для А. Синявского основным иллюстративным материалом. Размышляя о ней, он заявляет: «...открытая композиция “Мертвых Душ” имеет широкие допуски и не только кажется огромной, а на самом деле вмещает чрезвычайно много всего, она растяжима, аморфна и в принципе способна к свободному как бы, раскованному существованию...» [Там же. С. 170].

Труд этот во Франции «не предназначался для широкой публики» [10. С. 395], тем не менее, заинтересованным специалистам и просто поклонникам он (труд) – открывающий нового Гоголя и утверждающий возможность различных прочтений поэмы – должен был быть исключительно полезным. Так, например, известный французский славист и одновременно переводчик этого труда Жорж Нива (в 1982 г.) называл его «самой парадоксальной, самой головоломной, и самой провокационной книгой Синявского»²⁶ [66. Р. 357]. При этом ему кажется, что никто, от В. Розанова до В. Набокова, не исследовал так глубоко, как А. Синявский «завораживающий лабиринт языка Гоголя» [Ibid. Р. 358]. Сам Ж. Нива, затрагивая тему «открытости» произведений русского писателя (пусть и не напрямую в контексте поэтики Эко), заявлял, что «в конечном счете, все интерпретации Гоголя имеют право на существование, и все они могут показаться убедительными» (цит. по: [10. С. 383]).

Об «открытости» произведений, но опираясь на свой научный инструментарий – «виртуальность», «амбивалентность», говорит и Жан Бонамур в своем труде «Русский роман»²⁷ (1978) [67], в центре которого находятся «Мертвые души», «без которых нельзя представить русский роман» [Ibid. Р. 45]. По его мнению, любое великое произведение революционно по

своей сути и, как следствие, несет в себе «неожиданные и непредсказуемые» смыслы [Ibid. Р. 26]. Собственно, уточняет он, это относится к любой литературе, и в основе лежит «бесконечность литературы, жизни и человеческой природы», являющаяся «источником ожиданий» [67]. Декларируя такой взгляд на восприятие литературных произведений, Ж. Бонамур и своим анализом «Мертвых душ» подтверждает собственные заключения. Так, он задается вопросом: «Кто он (главный герой поэмы. – А.З.): посредственность или Протей, мещанин или демон, орудие в игре или хозяин положения – или, возможно, Чичиков заключает в себе все богатство и все *виртуальные* смыслы (курсив мой. – А.З.) произведения?» (Cit. по: [10. С. 402]). Говоря о реализме поэмы, он выступает с собственным видением, называя его «воображаемым» («réalisme imaginaire»), в котором «наблюдение не является самоцелью, но трамплином или предлогом» [67. Р. 49–50]. А характеризуя Манилова, Собакевича и Плюшкина, он использует вместо обычно применяемой к персонажам Гоголя категории «типы» юнгианский термин «архетипы», в основе которого лежит образ коллективной памяти [Ibid. Р. 48].

В последующие годы интерес к «Мертвым душам» во Франции несколько снизился. Это можно заключить уже по количеству переизданий переводов поэмы²⁸. К такому же мнению приводят наш собственный обзор критико-литературоведческих источников и оценка видного гоголеведа Клод де Грев, объясняющая такое положение вещей тем, что «Мертвые души» – «произведение, которое традиционно представляло собой определенный финансовый риск для французских издателей в силу своей незавершенности, жанровой и смысловой неясности» [10. С. 425]. В качестве примера она приводит тот факт, что в 1990 г. издательство *Flammarion* опубликовало «Мертвые души» лишь параллельно с изданием «Тараса Бульбы»²⁹, надеясь, что успех повести компенсирует риски, связанные с переизданием поэмы. Наверное, финансовая составляющая играла свою роль, но, полагаем, что первопричиной все же была не она – ведь мы помним обилие новых переводов поэмы и переизданий уже существовавших в послевоенные годы. Возможно, дело было в естественном циклическом ритме общественной (и в том числе литературной) жизни, в необходимости некой паузы для усвоения уже имеющегося материала, чтобы затем снова отправиться на поиск истины. А как заметил Ж. Нива, «...кажется, Гоголь только выигрывает с течением времени» [66. С. 39]. Тем не менее, необходимо отметить несколько работ, вышедших в этот период.

В 1984 г. появляется диссертация Клод де Грев³⁰ «Рецепция Гоголя в России и во Франции» [69], ставшая позднее частью ее книги «Н.В. Гоголь во Франции (1838–2009)» [10], вышедшей в России в 2014 г., из которой мы смогли почерпнуть множество бесценной информации, особенно фактологического свойства. Суть содержания этой работы заложена в самом ее названии. Значительное внимание здесь уделено «Мертвым душам». Отдельно этот труд мы не рассматриваем, так как основные его места, имеющие отношение к нашей теме, обильно цитируются в статье.

В 1992 г. выходит книга на французском языке румынского исследователя Лучиана Райку «С Гоголем. Очерк о бессущности» [70], в которой автор рассматривает творчество Гоголя, включая «Мертвые души», сквозь призму своей концепции «бессущности (inconsistance)»³¹. Л. Райку, основываясь на том, что Гоголь, обладая даром актерского перевоплощения, актерской способностью к психологическим открытиям, предполагает, что писатель в определенный момент открыл для себя закон о всеобщей «бессущности»: «...все его творчество окрашено изумлением перед тем, что человек с легкостью может прикинуться чем угодно и кем угодно, заставить поверить себе и никогда себя *не выдать*» [Ibid. P. 9]. По мысли Л. Райку, внутренняя сущность гоголевского героя – чистое небытие: такая сущность допускает возможность укрыться под любой личиной. Чичиков, отмечает автор, не простой лицемер и лжец, прикидывающийся тем, чем он на самом деле не является. Он – тот, кто, играя свою роль столь убедительно, способствует осознанию, что что-то сломалось в «мировом механизме», раз в нем может происходить что угодно, раз Чичиков, несмотря на свой промысел «мертвыми душами», может представлять обаятельным, деликатным, скромным «страдальцем за правду» [Ibid. P. 10]. И Л. Райку приходит к выводу, что «опыт исполнения ролей, почти сверхъестественная легкость актерского перевоплощения убедили Гоголя, что неспроста человек наделен способностью к самым удивительным метаморфозам <...> и что таинственная *бессущность* с успехом заменяет горделивую “тайну” человеческого существа» [Ibid.]. При этом нам кажется, что понятие это используется Л. Райку не совсем последовательно. Отсюда, видимо, и замечание Клод де Грев [10. С. 429] о парадоксальности следующего утверждения: «В “Мертвых душах” *бессущность* сущностна, она насыщена материей, *ничто* оказывается наполненным, из пустоты жизнь так бьет ключом, что она угрожает с силой обрушиться и прорвать ограждения, снести все преграды...» [69. P. 93]. Полагаем, что эта работа заслуживает отдельного исследования, здесь мы лишь показываем, что во Франции появился еще один новый взгляд на трактовку «Мертвых душ».

Зарубежное влияние всегда сопровождало и обогащало французское гоголеведение. Это отмечали и сами французы, например, Клод де Грев: «Надо признать, что французские слависты порой опасались довериться собственным ощущениям, а в результате не смогли предложить ничего по-настоящему нового в истолковании Гоголя» [10. С. 384]. В 1996 г. франкоязычному читателю стали доступны взгляды на Гоголя еще двух видных иностранных литературоведов – Юрия Манна «Поэтика Николая Гоголя» [73] и американского слависта Дональда Фангера «Николай Гоголь (1809–1852)» [74]. Их статьи вышли в томе, посвященном литературе XIX в., многотомной «Истории русской литературы», публиковавшейся в издательстве Fayard в 1987–1996 гг.

Ю. Манн обращает внимание французского читателя на отличие поэмы от других произведений современной Гоголю литературной эпохи, характеризо-

вавшейся тенденцией к выработке системы повествования, при которой персонажи существуют, а события происходят как бы сами по себе, независимо от воли автора [73. P. 778].

С одной стороны, отмечает исследователь, поэма «настойчиво развивает идею самостоятельности и независимости фабулы» [Ibid.]. Здесь параллельно используется прием, принуждающий автора следовать за героем: «здесь он (Чичиков. – А.З.) полный хозяин, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться»³² – и принцип одновременности действия и повествования: «Хотя время, в продолжение которого они (Чичиков и Манилов. – А.З.) будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но попробуем, не успеем ли как-нибудь им воспользоваться и сказать кое-что о хозяине дома»³³ [Ibid.]. При этом Ю. Манн отмечает, что приемы эти были хорошо известны, и в первую очередь благодаря «Вальтеру Скотту, которого Гоголь регулярно читал во время написания “Мертвых душ”» [Ibid.].

С другой стороны, по мнению российского ученого, поэма являет собой пример, когда автор выступает в качестве «настоящего творца» произведения, созданного согласно его воле и воображению. Иллюстрацией этого могут служить знаменитые лирические отступления, «прекрасно вписывающиеся в концепцию авторского изложения, которая используется в романах Филдинга» [73. P. 779]. При этом, отмечает Ю. Манн, оригинальность Гоголя заключается «не в преобладании одной из этих тенденций над другой, и не в их параллелизме, а в совместном постоянном действии, происходящем практически незаметно...» [Ibid.].

Другой мыслью, заслуживавшей внимания французских исследователей поэмы, является указание на *контрасты* как одну из особенностей гоголевской поэтики. Одним из таковых (в том числе свойственных «Мертвым душам»), по мысли Ю. Манна, является контраст между «мрачностью, подавленностью и ясностью, жизненностью» [73. P. 783]. Именно в этой противоречивости кроется ключ к пониманию «художественного мира Гоголя» [Ibid.].

Д. Фангер³⁴ в своем анализе «Мертвых душ» отталкивается от «Евгения Онегина»: «Оба эти произведения подпадают под пушкинское именование, данное в предпоследней строфе *Онегина* – “свободный роман”» [74. P. 755]. Под свободой американский исследователь понимает свободу автора: создавать мир в пространстве и времени, наполнять его притягательными персонажами (как это делает любой романист) и в то же самое время подчеркивать их зависимость от авторского воображения, которое породило их, акцентировать, что их воздействие на читателя основывается на вымысле, а они лишь винтики в этой придуманной конструкции [Ibid. P. 755–756]. Такая конструкция, представляющая собой длительный акт поэтического дискурса, по мнению Д. Фангера, есть сочетание наблюдений, пояснений, откровений и вымысла. При этом их объекты могут находиться как внутри повествовательных рамок, так и вне; их характер может варьироваться – быть шуточным, лиричным, торжественным...; их эксплицитные темы могут коле-

баться от самой простой повседневности до жизненных циклов, «от каких-то конкретных поэтов до модусов художественности» [74. Р. 756; 75. Р. 151].

Опираясь на эту модель, по мнению Д. Фангера, и творил Гоголь, только в отличие от Пушкина он отдавал предпочтение «не горизонтальной, стилистической свободе, а вертикальной – свободе переходить от уровня отображения к уровню воспоминаний, откровений, художественных и социальных пояснений, предсказаний, противопоставляя изображаемому им бездушному обществу образ своего высокодуховного мира...» [74. Р. 756]. При этом если и возможно предположить, что Гоголь что-то заимствовал у Стерна или Филдинга, то его лирические отступления могли восходить только к творчеству Пушкина.

Как видно, подходы к восприятию «Мертвых душ» у Ю. Манна и Д. Фангера были разными, объединяла же их та новизна, которую они привнесли во французское гоголеведение.

Ярким событием в судьбе «Мертвых душ» во Франции стало появление нового, последнего на сегодняшний день, французского перевода поэмы (2005), автором которого была преподаватель русской литературы в Сорбонне Анн Колдефи-Фокар [76]. Из двенадцати существующих французских переводов³⁵ данный вариант, считаем, в наибольшей степени передает авторскую интенцию и обеспечивает наилучшее прагматическое воздействие на французского реципиента³⁶. Залог такого результата, полагаем, кроется в переводческом подходе, исповедуемом автором: «просто необходимо абстрагироваться, чтобы точно понять, что сказано в тексте <...> иначе можно “пройти мимо” самого главного»³⁷ [78].

Новый всплеск интереса к Гоголю и его главному произведению ожидаемо пришелся на 2009 г. – год 200-летия со дня его рождения, хотя, как отмечает Клод де Грев, он мог бы быть и более заметным: в течение всего 2009 г. не было проведено ни одного крупного мероприятия со стороны таких ведущих центров славянских литератур как *Институт славянских исследований (Institut des Études Slaves)*, *Национальная школа восточных языков (École Nationale des*

Langues Orientales); молчал по поводу Гоголя также и центральный журнал французских славистов *Revue des Études Slaves* [10. С. 436].

Одной из главных работ, посвященных «Мертвым душам» во Франции в год юбилея и в целом в Новейшее время, стала статья Клод де Грев «Западная Европа: угол зрения на Россию в “Мертвых душах”» [79], вышедшая в специальном³⁸ номере журнала *Revue de Littérature Comparée*. О важности «угла зрения» для каждого произведения и поэмы в частности писал еще Ю. Манн в своей «Поэтике Гоголя»: «Угол зрения в “Мертвых душах” характерен тем, что Россия открывается Гоголю в целом и со стороны. Со стороны – не в том смысле, что происходящее в ней не касается писателя, а в том, что он видит Россию всю, во всей ее “громаде”» [80. С. 270]. Клод де Грев в своей статье конкретизирует место, откуда Гоголем берется этот «угол зрения» – из Европы, «имя и образ которой в значимых местах первой части *Мертвых душ* оттеняет <...> картину российской действительности» [79. Р. 337]. В Европе же она выделяет Италию и Францию как страны, оказавшие наибольшее влияние на «генезис Мертвых душ» [Ibid. Р. 338]. В итоге особое внимание она уделяет «с одной стороны, образу Италии в поэме <...> с другой – генезису и особенно образу Франции в этом произведении», считая, что эти аспекты недостаточно полно отражены в мировом литературоведении [Ibid. Р. 338–339].

Окидывая взором рассматриваемый этап более чем полуторавековой истории французской рецепции «Мертвых душ», в очередной раз убеждаешься в правомерности тезиса Г.-Р. Яусса: «Литературное произведение не самодостаточно, оно не предлагает каждому наблюдателю один и тот же образ на все времена. Это не монумент, который монологически открывает свою вечную сущность» [81. С. 58]. В полифонии трактовок поэмы, свойственной изучаемому периоду, выделялся голос русского исследователя, эхом доносившийся (с опозданием) до Франции. Динамика рецепции обуславливалась в первую очередь историческим контекстом (Вторая мировая война, юбилей).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На фоне этого затишья представляется интересным факт издания в 1944 г. «Мертвых душ» на русском языке [1] в Швейцарии – стране, формально придерживавшейся нейтралитета во Второй мировой войне, но в действительности сотрудничавшей с Германией по ряду вопросов.

² Перевод М. Семенова – третий по счету – вышел в 1922 г. Первые два перевода (Эжена Моро – 1854 г. и Эрнеста Шаррьера – 1859 г.) начиная с 1915 г. больше не переиздавались.

³ Перевод А. Монго вышел в 1925 г., считается одним из лучших среди существующих переводов.

⁴ Страницы в этом источнике не пронумерованы, а отсылка относится к изданию 1966 г.

⁵ Здесь речь идет об офортах М. Шагала, созданных им в 1920-х гг. для иллюстрации одного из переизданий «Мертвых душ» и выставленных на различных экспозициях. Эти работы вызвали живой интерес во французской прессе (см., например, [15. Р. 4; 16. Р. 4; 17. Р. 3; 18. Р. 4]) и не могли не содействовать продвижению поэмы во Франции (такую же роль, полагаем, играло и гоголевское произведение в судьбе работ художника).

⁶ Например, А. Монго [20. Р. 43].

⁷ К именам русских эмигрантов, уже прозвучавших выше – М. Гофмана, Р. Гофмана, Д. Мережковского, Н. Полтавцева, М. Семенова, М. Шагала, Б. де Шлецера – можно добавить Николая Брянчанинова, Владимира Познера, М. Шандыбина. Все они сыграли важную роль во французской рецепции гоголевской поэмы (последние трое – в 1930-е гг., см. [22–24]).

⁸ Схожая мысль была у Б. де Шлецера [8. Р. 148].

⁹ Сравните у В. Розанова: «...это крошечные восковые фигурки, но все они делают так искусно свои гримасы, что мы долго подозревали, что уж не шевелятся ли они. Но они неподвижны...» [26. С. 163].

¹⁰ Определение, которым в 1974 г. решат воспользоваться в «Большой энциклопедии Ларусса» [28. Р. 4929].

¹¹ Выходец из семьи русских эмигрантов.

¹² Эльза Триоле – урожденная Эльза Каган, родилась в Москве в 1896 г.

¹³ Дюкре и Жоановичи – известные жулики послевоенного времени.

- ¹⁴ Вторым произведением по количеству переводов и переизданий во Франции была «Крейцерова соната» Толстого; третьим – «Капитанская дочка» Пушкина.
- ¹⁵ Впервые эта книга была издана на английском языке в 1944 г.
- ¹⁶ Например, «по словам обозревателя “Lettres Françaises от 21–27 апреля 1960 г., спектакль каждый вечер собирал полный зал в Одеоне» [10. С. 339].
- ¹⁷ Э. Жерар-Гайи отметил в 1925 г. выходом в свет короткой антологии «Николай Гоголь» [55], в которую вошла переведенная им самим третья глава «Мертвых душ» [56].
- ¹⁸ В этот же год выйдет еще одно переиздание перевода поэмы Семенова в издательстве *Baudelaire*.
- ¹⁹ Анри Труайя – французский писатель, член французской академии – родился в Москве в 1911 г. в богатой армянской купеческой семье Аслана и Лидии Тарасовых, семья эмигрировала во Францию после революции.
- ²⁰ Этот труд А. Труайя был переведен на русский язык в 2004 г. [57].
- ²¹ Так, Жюль Легра отмечал, что в «Мертвых душах» Гоголь создает *типы* [60. Р. 91], Б. де Шлецер же считал, что наоборот – не *типы*, а *индивидуумов* [8. Р. 158–159].
- ²² Имеется в виду двусоставность слова *sacrifice* (жертва; здесь – жертвенность), от латинского *sacer* (святой) и латинского *faciō* (делаю). Прим. Е.Е. Дмитриевой – редактора цитируемого издания.
- ²³ Французский перевод труда У. Эко «Открытое произведение» (Eco U. *Opera aperta*. Milano: Bompiani, 1962. 370 p.) вышел во Франции в 1965 г.
- ²⁴ Текст труда А. Синявского (Tertz A. *Dans l'ombre de Gogol* / traduit du russe par Georges Nivat. Paris: Seuil, 1978. 339 p.) цитируется далее по русской версии ([63]).
- ²⁵ Например, о барочном характере стиля Гоголя писал Андрей Белый: «Вместо дорической фразы Пушкина и готической фразы Карамзина – асимметрическое барокко, обставленное колоннадой повторов, взывающих к фразировке и соединенных дугами вводных предложений в вlepенными над ними восклицаниями, подобными лепному орнаменту» [64. С. 8].
- ²⁶ О самом же А. Синявском в одной из своих статей Ж. Нива говорит как о «прирожденном провокаторе и великом осквернителе» [65. Р. 564–565].
- ²⁷ Книга названа по аналогии с вышедшим почти сто лет назад «Русским романом» Вогюэ, о чем сам автор оповещает в предисловии к ней.
- ²⁸ Распределение количества изданий и переизданий «Мертвых душ» во Франции за весь рассматриваемый период выглядит следующим образом: 1945–1951 гг. – 5 шт.; 1952–1958 гг. – 6 шт.; 1959–1965 гг. – 6 шт.; 1966–1972 гг. – 6 шт.; 1973–1979 гг. – 2 шт.; 1980–1986 гг. – 3 шт.; 1987–1993 гг. – 3 шт.; 1994–2000 гг. – 1 шт.; 2001–2007 гг. – 1 шт.; 2008–2014 гг. – 5 шт.
- ²⁹ «Популярность “Тараса Бульбы” как самого известного произведения Гоголя, в том числе и известного самой широкой публике, оставалась неизменной» во Франции в этот период [10. С. 411].
- ³⁰ Клод де Грев – одна из двух гоголеведов в мире, прицельно занимавшихся рецепцией Гоголя во Франции (вторым литературоведом был Хельмут Штольце, его основной труд (немецкоязычный) – «Французское восприятие Гоголя» (1974) [68]).
- ³¹ Выйти на перевод термина «inconsistence» именно как «бессущность» помогла статья Л. Райку «Гоголь, или фантастика банального» [71. С. 395], переведенная с румынского языка Е.В. Степанином (помимо этого термина мы также воспользовались некоторыми другими удачными формулировками переводчика). В некоторых изданиях этот термин переводится как «беспочвенность», но в этом случае, полагаем мы, у читателя возникнет не совсем правомерная аналогия с *беспочвенностью* Льва Шестова (см. [72]).
- ³² Гоголь Н.В. «Мертвые души». Т. 1. Гл. XI.
- ³³ Гоголь Н.В. «Мертвые души». Т. 1. Гл. II.
- ³⁴ Основной труд Д. Фангера по Гоголю – «Творчество Николая Гоголя» («The Creation of Nikolai Gogol») (1979) [75].
- ³⁵ К переводам «Мертвых душ» мы здесь относим не только переводы обоих томов поэмы, но также переводы значительных по объему фрагментов, вышедших отдельными изданиями.
- ³⁶ При этом необходимо отметить, что переведен был только первый том.
- ³⁷ Данный подход очень созвучен интерпретативной теории перевода Д. Селескович и М. Ледерер [77], которая, по нашему мнению, наилучшим образом из всех существующих переводоведческих теорий описывает процесс перевода.
- ³⁸ Номер назывался «Hommage à Gogol» («Дань уважения Гоголю») (вышел в свет в июле–сентябре 2009 г.).

ЛИТЕРАТУРА

- Gogol N.V. *Pochozdenija Cicikova ili Mertvyje Dusi*: poéma. Genève : Éditions du Rhône, 1944. 277 p.
- Gogol N.V. *Les Âmes Mortes* : en 2 vol. / trad. du russe par N. Poltavtzev. Bruxelles : La Boétie, 1945. Vol. 1. 235 p.
- Gogol N.V. *Les Âmes Mortes* : en 2 vol. / trad. du russe par N. Poltavtzev. Bruxelles : La Boétie, 1945. Vol. 2. 219 p.
- Gogol N. *Les Âmes Mortes*: roman / trad. du russe par R. Hofmann. Paris : Corrèa, 1946. 378 p.
- Gogol N.V. *Les Aventures de Tchitchikov ou Les Âmes Mortes*: poème / trad. du russe par M. Eristov Gengis Khan et B. de Schloezer. 2e éd. Paris : Le club français du livre, 1966. 47 + 353 + 70 p.
- Gogol N. *Les Âmes mortes* : en 2 vol. Genève : Connaissance, 1952. Vol. 1. 211 p.
- Gogol N. *Les Âmes mortes* : en 2 vol. Genève : Connaissance, 1952. Vol. 2. 243 p.
- Schloezer B.de. *Gogol*. Paris : Janin, 1946. 228 p.
- Hofmann M., Hofmann R. *Gogol, sa vie, son œuvre*. Paris : Corrèa, 1946. 279 p.
- Грев К.де. Н.В. Гоголь во Франции (1838–2009) / пер. с фр. Е.Е. Дмитриевой и др. Москва ; Новосибирск : Новосибирский издательский дом, 2014. 480 с.
- Hofmann M. *Histoire de la littérature russe*. Paris : Éditions du Chêne, 1946. 256 p.
- Schloezer B.de. *Avant-propos* // *Les Aventures de Tchitchikov ou Les Âmes Mortes*: poème. Paris : Le club français du livre, 1966. 47 p.
- Лозинский Г.Л. Пушкин и Гоголь («Евгений Онегин» и «Мертвые души») // Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937) : в 2 т. М. : Эллис Лак, 2000. Т. 1. С. 183–191.
- Casanova H. *Les Aventures de Tchitchikov ou Les Ames Mortes*: Traduites avec une Introduction et des Notes par Henri Mongault / La Critiques des Livres // *Les Nouvelles Littéraires Artistiques et Scientifiques*. 1926. 9 janvier.
- René-Jean Parmi les petites Expositions // *Comœdia*. 1924. 28 décembre.
- Marc Chagal à Cologne / *Les Beaux-Arts* // *Comœdia*. 1925. 31 mai.
- Les Expositions de la Semaine / *Beaux-Arts* // *Comœdia*. 1925. 1 novembre.
- Fels F. *Chronique artistique* // *Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques*. 1925. 14 novembre.
- Madaule J. Le diable chez Gogol et chez Dostoïevski // *Satan* (numéro spécial des «Érudes carmélitaines»). 1948. P. 556–572. URL: http://livres-mystiques.com/partieTEXTES/Etudes_satan/Satan.html#formes_gogol (дата обращения: 23.10.2017).
- Gogol N. *Les Aventures de Tchitchikov ou les Âmes Mortes*: poème / trad. du russe par H. Mongault. Paris : Bossard, 1925. URL: <https://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Gogol%20-%20Les%20Ames%20mortes.pdf> (дата обращения: 23.10.2017).
- Достоевский Ф.М. *Братья Карамазовы* // *Собрание сочинений* : в 15 т. Л. ; СПб. : Наука, 1988–1996. Т. 10. С. 295.
- Brian-Chaninov N. *La Tragédie des lettres russes*. Paris : Payot, 1934. 164 p.
- Pozner V. *Panorama de littérature russe contemporaine*. Paris : Ed. Kra, 1929. 376 p.

24. Gogol N.V. Les Âmes mortes: extraits / trad. du russe par M. Chandibine. Paris : A. Hatier, 1931. 64 p.
25. Evdokimov P. Gogol et Dostoïevski ou la descente aux enfers. Paris : Desclée de Brouwer, 1961. 307 p.
26. Розанов В.В. Мысли о литературе. М. : Современник, 1989. 607 с.
27. Steinmann J. Notes sur Gérard de Nerval et Nicolas Gogol // Etudes (1945). 1946. T. 251. Octobre-novembre-décembre. P. 333–344.
28. Gogol (Nikolaï Vassilievitch) // La Grande Encyclopédie Larousse. 1974. P. 4927–4930.
29. Michelson S. Les grands prosateurs russes. Paris: La Jeune Parque, 1946. 229 p.
30. Mazon A. Nicolas Gogol et l'œuvre dont il s'est détourné // Europe. 1952. № 79. P. 15–19.
31. Maurois A. «Le Manteau» de Gogol // Revue de Paris. 1952. Octobre. P. 3–18.
32. Triolet E., Charbonnier G. Petit entretien sur Gogol // Europe. 1952. № 79. P. 7–14.
33. Triolet E. Gogol et le Miroir // La Nouvelle critique. 1952. Mai. № 36. P. 53–73.
34. Triolet E. Grandeur et misère de Gogol // Les Lettres françaises. 1952. 6 mars. P. 1, 10.
35. Achères V. Gogol et les Âmes mortes // Europe. 1952. № 79. P. 49–60.
36. Huntzbucler R. Gogol // La Pensée. 1952. Septembre–octobre. № 44. P. 93–104.
37. Pélus J. Il y a 100 ans mourait le grand écrivain russe, Nicolas Gogol // L'Humanité. 1952. 5 mars. P. 1.
38. Boutchick V. La littérature russe en France. Paris : Libr. ancienne Honoré Champion, 1947. 116 p.
39. Nabokov V. Nicolas Gogol. Paris : La Table Ronde, 1953. 221 p.
40. Littérature / Revue des livres // Études. 1954. T. 280. Janvier–février–mars. P. 420–421.
41. Залыгин С. Еще Михайло Ломоносов... // Новый мир. 1987. С. 173–174.
42. Gogol N. Les âmes mortes: les aventures de Tchitchikov par Gogol / trad. du russe par A. Adamov. Verviers : Gérard, 1956. 313 p.
43. Gogol N. Les Âmes mortes: en 2 vol. / trad. du russe par V. Achères. Paris : Club bibliophile de France, 1957. Vol. 1. 206 p.
44. Gogol N. Les Âmes mortes: en 2 vol. / trad. du russe par V. Achères. Paris : Club bibliophile de France, 1957. Vol. 2. 220 p.
45. Adamov A. Les Âmes mortes: d'après le poème de Nicolas Gogol. Paris : Gallimard, 1960. 225 p.
46. Lemarchand J. À l'Odéon «Les Âmes mortes» d'Arthur Adamov (d'après Gogol, présentées par le Théâtre de la Cité) // Le Figaro Littéraire. 1960. 30 avril. P. 14.
47. Marcel G. Gogol ou Adamov. Les Âmes mortes // Les Nouvelles littéraires. 1960. 28 avril. P. 10.
48. Olivier Cl. Cette semaine, à Paris, trois spectacles discutés, Gogol, Adamov et Plançon // Les Lettres Françaises. 1960. 28 avril – 4 mai. P. 1, 6.
49. Poirot-Delpech B. Les Âmes mortes par Arthur Adamov // Le monde. 1960. 23 avril.
50. Bernard M. Les Russes avec nous! «Les Âmes mortes» // Les Nouvelles littéraires. 1964. 25 juin. P. 14.
51. Leclerc G. Au théâtre des Nations (Sarah Bernhardt), le Théâtre d'Art de Moscou a présenté avec un grand succès «Les Âmes mortes» d'après Gogol // L'Humanité. 1964. 23 juin. P. 23.
52. Lemarchand J. Ghelderode, Shakespeare, Gogol // Le Figaro Littéraire. 1964. 25 juin – 1 juillet. P. 26.
53. Poirot-Delpech B. «Les Âmes mortes» de Gogol et «Les Carillons du Kremlin» de Pogodin // Le Monde. 1964. 24 juin. P. 14.
54. Vitez A. Théâtre: «La Cerisaie». «Les Âmes mortes». «Le Carillon du Kremlin» // Les Lettres Françaises. 1964. 25 juin – 1 juillet. P. 10.
55. Gérard-Gailly E. Nicolas Gogol. Paris : La Renaissance du Livre, 1925. 209 p.
56. Lavrin J. Gogol. New York : Routledge, 2015. 264 p.
57. Труайя А. Николай Гоголь / пер. с фр. Ш. Кадырголова. М. : Эксмо, 2004. 636 с.
58. Troyat H. Gogol. Paris : Flammarion, 1971. 618 p.
59. Гоголь Н.В. Письмо Шевыреву С.П., 27 апреля н. ст. 1847 г. Неаполь // Полное собрание сочинений : в 14 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 13. С. 290–294.
60. Legras J. L'art de Gogol (IV). Le Manteau (Chinel) – Les âmes mortes // Revue des Cours et Conférences. 1931. № 8. 15 décembre. P. 79–91.
61. Fernandez D. Les Enfants de Gogol. Roman. Paris : Grasset, 1971. 301 p.
62. Эко У. Открытое произведение. СПб. : Академический проект, 2004. 384 с.
63. Терц А. В тени Гоголя. München : ImWerdenVerlag, 2009. 258 с.
64. Белый А. Мастерство Гоголя. М. ; Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1934. 324 с.
65. Nivat G. Russie-Europe. La fin du schisme (1993). Saguenay, 2006. 782 p.
66. Nivat G. Vers la fin du mythe russe (1982). Saguenay, 2006. 428 p.
67. Bonamour J. Le Roman russe. Paris : Presses Universitaires de France, 1978. 224 p.
68. Stolz H. Die Französische Gogolrezeption. Köln; Wien : Böhlau Verlag, 1974. 201 s.
69. Grève C. de. La réception de Gogol en Russie et en France: thèse de doctorat d'État. Paris: Université Paris III – Sorbonne, 1984. XXIV+1921 p.
70. Raïcu L. Avec Gogol. Essai sur l'inconsistance. Lausanne : Age d'homme, 1992. 281 p.
71. Райку Л. Гоголь, или фантастика банального // Литература и жизнь народа: лит.-худож. критика в CPP : сб. статей. М. : Прогресс, 1981. С. 394–404.
72. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности: опыт адогмат. мышления. СПб. : Обществ. польза, 1905. 287 с.
73. Mann Yu. La poétique de Nikolaï Gogol // Histoire de la littérature russe: Le XIX siècle: L'époque de Pouchkine et de Gogol. Paris : Fayard, 1996. P. 765–784.
74. Fanger D. Nikolaï Gogol (1809–1852) // Histoire de la littérature russe: Le XIX siècle: L'époque de Pouchkine et de Gogol. Paris : Fayard, 1996. P. 735–765.
75. Fanger D. The Creation of Nikolai Gogol. Cambridge, MA : Belknap Press, 1979. 300 p.
76. Gogol N. Les âmes mortes: poème / trad. du russe par A. Coldefy-Faucard, illustré par Marc Chagall. Paris : Le Cherche Midi, 2005. 337 p.
77. Seleskovitch D., Lederer M. Interpréter pour traduire. Paris : Didier Érudition, 1987. 311 p.
78. En traduction, il faut être très souple – entretien avec Anne Coldefy-Faucard // La Langue Française. 2008. № 14. URL: http://fra.1september.ru/view_article.php?ID=200801414 (дата обращения: 28.06.2017).
79. Grève C.de. L'Europe occidentale, angle de vue sur la Russie, dans Les Âmes mortes // Revue de littérature comparée. 2009/3. № 331. P. 329–345.
80. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп. М. : Худож. лит., 1988. 413 с.
81. Юсс Г.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 января 2018 г.

FRENCH RECEPTION OF GOGOL'S *DEAD SOULS*: THE SECOND WORLD WAR – THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 17–28.

DOI: 10.17223/15617793/428/3

Aleksei M. Zavgorodnii, Maxim Gorky Literature Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: almzav@yandex.ru

Keywords: Gogol; *Dead Souls*; reception; literary criticism; French translation.

The paper explores the specifics of the French reception of Gogol's major work, *Dead Souls*, mainly in the post-World War II era. The study is carried out diachronically. The emphasis is placed on the critical and literary component of the reception. The translational constituent is limited to carrying out a general review of the translations appeared in the examined period. The attention is drawn to the fact that a booming interest in Gogol, and in *Dead Souls* in particular, after the Second World War was accounted for by the political context to a large extent: for the inevitable curiosity of France towards the country which overpowered the universal evil. This circumstance, not directly related to literature, led, nonetheless, to the enrichment of French Gogol's studies: new translations were appearing, the existing ones were being republished; the number of interpretations of the poem and of the phenomenon of Gogol was increasing. A special role in this process was played by the Russian emigration and Russian scientific thought in general (Arthur Adamov, Pavel Evdokimov, Modest and Rostislav Hofmann, Yuri Mann, Dmitry Merezhkovsky, Serge Michelson, Vladimir Nabokov, Nikolas Poltavtzev, Vasily Rozanov, Boris de Schloezer, Andrei Sinyavsky). Gogol started standing out before the French in the polyphony of interpretations: as a realist and a mystic, as a religious thinker and a baroque writer, as a non-self-sufficient author and an artist creating works in accordance with the "inconsistency" law. Among others who made significant contributions to the deeper knowledge about Gogol's masterpiece in France were Jean Bonamour, Jacques Madaule, Lucian Raïcu, Jean Steinmann, Henri Troyat, Donald Fanger. Besides, Claude de Grève – one of the two literary scholars in the world who were engaged in comprehensive studies of the French reception of Gogol – deserves special recognition. Her factually abundant work represents an invaluable source for researchers of the Russian writer. The investigated particularities of the reception of *Dead Souls* in France allowed ascertaining the validity of Hans Robert Jauss' statement that a literary work is not self-sufficient, that it does not offer the same face to each reader for all time. In the chorus of interpretations of the poem the Russian instructive word sounded the loudest, but reached the French audience with quite a delay. The dynamics of the reception depended first and foremost on historical contexts (World War II and the anniversaries).

REFERENCES

1. Gogol, N.V. (1944) *Pochozdenija Cicikova ili Mertvyje Dusi: poéma* [The Adventures of Chichikov, or Dead Souls: a poem]. Geneva: Éditions du Rhône.
2. Gogol, N.V. (1945) *Les Âmes Mortes: en 2 vol.* [Dead Souls: in 2 vols]. Translated from Russian by N. Poltavtzev. Vol. 1. Brussels: La Boétie.
3. Gogol, N.V. (1945) *Les Âmes Mortes: en 2 vol.* [Dead Souls: in 2 vols]. Translated from Russian by N. Poltavtzev. Vol. 2. Brussels: La Boétie.
4. Gogol, N. V. (1946) *Les Âmes Mortes: roman* [Dead Souls: a novel]. Translated from Russian by R. Hofmann. Paris: Corrêa.
5. Gogol, N.V. (1966) *Les Aventures de Tchitchikov ou Les Âmes Mortes: poème* [The Adventures of Chichikov, or Dead Souls: a poem]. Translated from Russian by M. Eristov Gengis Khan & B. de Schloezer. 2nd ed. Paris: Le club français du livre.
6. Gogol, N. V. (1952) *Les Âmes mortes: en 2 vol.* [Dead Souls: in 2 vols]. Vol. 1. Geneva: Connaître.
7. Gogol, N. V. (1952) *Les Âmes mortes: en 2 vol.* [Dead Souls: in 2 vols]. Vol. 2. Geneva: Connaître.
8. Schloezer, B. de. (1946) *Gogol*. Paris: Janin.
9. Hofmann, M. & Hofmann, R. (1946) *Gogol, sa vie, son œuvre* [Gogol, his life, his works]. Paris: Corrêa.
10. Grev, K.de. (2014) *N.V. Gogol' vo Frantsii (1838–2009)* [N.V. Gogol in France (1838–2009)]. Translated from French by E.E. Dmitrieva et al. Moscow; Novosibirsk: Novosibirskiy izdatel'skiy dom.
11. Hofmann, M. (1946) *Histoire de la littérature russe* [History of Russian literature]. Paris: Éditions du Chêne.
12. Schloezer, B.de. (1966) Avant-propos [Foreword]. In: Gogol, N.V. *Les Aventures de Tchitchikov ou Les Âmes Mortes: poème* [The Adventures of Chichikov, or Dead Souls: a poem]. Translated from Russian by M. Eristov Gengis Khan & B. de Schloezer. 2nd ed. Paris: Le club français du livre.
13. Lozinskiy, G.L. (2000) Pushkin i Gogol' ("Evgeniy Onegin" i "Mertvyje dushi") [Pushkin and Gogol ("Eugene Onegin" and "Dead Souls")]. In: Volkova, N.P. (ed.) *Tsentral'nyy Pushkinskiy Komitet v Parizhe (1935–1937): v 2 t.* [Central Pushkin Committee in Paris (1935–1937): in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Ellis Lak.
14. Casanova, H. (1926) *Les Aventures de Tchitchikov ou Les Ames Mortes: Traduites avec une Introduction et des Notes par Henri Mongault* [The Adventures of Chichikov, or Dead Souls: Translated with an Introduction and Notes by Henri Mongault]. *Les Nouvelles Littéraires Artistiques et Scientifiques*. 9 January.
15. René-Jean. (1924) Parmi les petites Expositions [Among the small exhibitions]. *Comœdia*. 28 December.
16. Comœdia. (1925) Marc Chagal à Cologne [Marc Chagal in Cologne]. *Comœdia*. 31 May.
17. Comœdia. (1925) Les Expositions de la Semaine [The exhibitions of the week]. *Comœdia*. 1 November.
18. Fels, F. (1925) Chronique artistique [Chronicle of art]. *Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques*. 14 November.
19. Madaule, J. (1948) Le diable chez Gogol et chez Dostoïevski [The devil in Gogol and in Dostoevsky]. *Satan* (special issue of *Études carmélitaines*). pp. 556–572. [Online] Available from: http://livres-mystiques.com/partieTEXTES/Etudes_satan/Satan.html#formes_gogol. (Accessed: 23rd October 2017).
20. Gogol, N.V. (1925) *Les Aventures de Tchitchikov ou les Âmes Mortes: poème* [The Adventures of Chichikov, or Dead Souls: a poem]. Translated from Russian by H. Mongault. Paris: Bossard. [Online] Available from: <https://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Gogol%20-%20Les%20Ames%20mortes.pdf>. (Accessed: 23rd October 2017).
21. Dostoevsky, F.M. (1988–1996) *Brat'ya Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. In: Ornatchkaya, T.I. & Fridlender, G.M. (eds) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Works: in 15 vols]. Vol. 10. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.
22. Brian-Chaninov, N. (1934) *La Tragédie des lettres russes* [The Tragedy of Russian letters]. Paris: Payot.
23. Pozner, V. (1929) *Panorama de littérature russe contemporaine* [Panorama of contemporary Russian literature]. Paris: Ed. Kra.
24. Gogol, N.V. (1931) *Les Âmes mortes: extraits* [Dead Souls: Excerpts]. Translated from Russian by M. Chandibine. Paris: A. Hatier.
25. Evdokimov, P. (1961) *Gogol et Dostoïevski ou la descente aux enfers* [Gogol and Dostoevsky or the descent into hell]. Paris: Desclée de Brouwer.
26. Rozanov, V.V. (1989) *Mysli o literature* [Thoughts about literature]. Moscow: Sovremennik.
27. Steinmann, J. (1946) Notes sur Gérard de Nerval et Nicolas Gogol [Notes on Gérard de Nerval and Nicolas Gogol]. *Études* (1945). 251. October–November–December. pp. 333–344.
28. Larousse. (ed.) (1974) Gogol (Nikolaï Vassilievitch). In: *La Grande Encyclopédie Larousse* [The Great Larousse Encyclopedia]. Paris: Librairie Larousse. pp. 4927–4930.
29. Michelson, S. (1946) *Les grands prosateurs russes* [The great Russian prose writers]. Paris: La Jeune Parake.
30. Mazon, A. (1952) Nicolas Gogol et l'œuvre dont il s'est détourné [Nicolas Gogol and the work he turned away]. *Europe*. 79. pp. 15–19.
31. Maurois, A. (1952) "Le Manteau" de Gogol ["The Coat" by Gogol]. *Revue de Paris*. October. pp. 3–18.
32. Triolet, E. & Charbonnier, G. (1952) Petit entretien sur Gogol [Small interview on Gogol]. *Europe*. 79. pp. 7–14.
33. Triolet, E. (1952) Gogol et le Miroir [Gogol and the Mirror]. *La Nouvelle critique*. May. 36. pp. 53–73.
34. Triolet, E. (1952) Grandeur et misère de Gogol [Greatness and Misery of Gogol]. *Les Lettres françaises*. 6 March. pp. 1, 10.
35. Achères, V. (1952) Gogol et les Âmes mortes [Gogol and Dead Souls]. *Europe*. 79. pp. 49–60.
36. Huntzbucler, R. (1952) Gogol. *La Pensée*. September–October. 44. pp. 93–104.

37. Pérus, J. (1952) Il y a 100 ans mourait le grand écrivain russe, Nicolas Gogol [The great Russian writer, Nikolai Gogol, died 100 years ago]. *L'Humanité*. 5 March. pp. 1.
38. Boutchick, V. (1947) *La littérature russe en France* [Russian literature in France]. Paris: Libr. ancienne Honoré Champion.
39. Nabokov, V. (1953) *Nicolas Gogol*. Paris: La Table Ronde.
40. Études. (1954) Littérature [Literature]. *Études*. 280. January–February–March. pp. 420–421.
41. Zalygin, S. (1987) Eshche Mikhaylo Lomonosov... [Even Mikhail Lomonosov...]. *Novyy mir*. pp. 173–174.
42. Gogol, N. V. (1956) *Les âmes mortes: les aventures de Tchitchikov par Gogol* [Dead Souls: The Adventures of Chichikov]. Translated from Russian by A. Adamov. Verviers: Gérard.
43. Gogol, N. V. (1957) *Les Âmes mortes: en 2 vol.* [Dead Souls: in 2 vols]. Translated from Russian by V. Achères. Vol. 1. Paris: Club bibliophile de France.
44. Gogol, N. V. (1957) *Les Âmes mortes: en 2 vol.* [Dead Souls: in 2 vols]. Translated from Russian by V. Achères. Vol. 2. Paris: Club bibliophile de France.
45. Adamov, A. (1960) *Les Âmes mortes: d'après le poème de Nicolas Gogol* [Dead Souls: after the poem by Gogol]. Paris: Gallimard.
46. Lemarchand, J. (1960) À l'Odeon "Les Âmes mortes" d'Arthur Adamov (d'après Gogol, présentées par le Théâtre de la Cité) [At the Odeon "Dead Souls" by Arthur Adamov (after Gogol, presented by the Théâtre de la Cité)]. *Le Figaro Littéraire*. 30 April. pp. 14.
47. Marcel, G. (1960) Gogol ou Adamov. Les Âmes mortes [Gogol or Adamov. Dead Souls]. *Les Nouvelles littéraires*. 28 April. pp. 10.
48. Olivier, Cl. (1960) Cette semaine, à Paris, trois spectacles discutés, Gogol, Adamov et Planchon [This week, in Paris, three shows discussed, Gogol, Adamov and Planchon]. *Les Lettres Françaises*. 28 April – 4 May. pp. 1, 6.
49. Poirot-Delpech, B. (1960) Les Âmes mortes par Arthur Adamov [Dead Souls by Arthur Adamov]. *Le monde*. 23 April.
50. Bernard, M. (1964) Les Russes avec nous! "Les Âmes mortes" [The Russians with us! "Dead Souls"]. *Les Nouvelles littéraires*. 25 June. pp. 14.
51. Leclerc, G. (1964) Au théâtre des Nations (Sarah Bernhardt), le Théâtre d'Art de Moscou a présenté avec un grand succès "Les Âmes mortes" d'après Gogol [In the Theater of the Nations (Sarah Bernhardt), the Moscow Art Theater presented with great success "Dead Souls" after Gogol]. *L'Humanité*. 23 June. pp. 23.
52. Lemarchand, J. (1964) Ghelderode, Shakespeare, Gogol. *Le Figaro Littéraire*. 25 June – 1 July. pp. 26.
53. Poirot-Delpech, B. (1964) "Les Âmes mortes" de Gogol et "Les Carillons du Kremlin" de Pogodin ["Dead Souls" of Gogol and "Kremlin Chimes" of Pogodin]. *Le Monde*. 24 June. pp. 14.
54. Vitez, A. (1964) Théâtre: "La Cerisaie". "Les Âmes mortes". "Le Carillon du Kremlin" [Theater: "The Cherry Orchard". "Dead Souls". "Kremlin Chimes"]. *Les Lettres Françaises*. 25 June – 1 July. pp. 10.
55. Gérard-Gailly, E. (1925) *Nicolas Gogol* [Nikolai Gogol]. Paris: La Renaissance du Livre.
56. Lavrin, J. (2015) *Gogol*. New York: Routledge.
57. Truayya, A. (2004) *Nikolay Gogol'* [Nikolai Gogol]. Translated from French by Sh. Kadyrgulov. Moscow: Eksmo.
58. Troyat, H. (1971) *Gogol*. Paris: Flammarion.
59. Gogol, N.V. (1937–1952) Pis'mo Shevyrevu S.P., 27 aprelya n. st. 1847 g. Neapol' [Letter to Shevyrev S.P., April 27 (new style), 1847. Naples]. In: Meshcheryakov, N.L. (ed.) *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete works: in 14 vols]. Vol. 13. Moscow; Leningrad: USSR AS.
60. Legras, J. (1931) L'art de Gogol (IV). Le Manteau (Chinel) – Les âmes mortes [The art of Gogol (IV). The Coat. Dead Souls]. *Revue des Cours et Conférences*. 8. 15 December. pp. 79–91.
61. Fernandez, D. (1971) *Les Enfants de Gogol. Roman* [The children of Gogol. A novel]. Paris: Grasset.
62. Eco, U. (2004) *Otkrytoe proizvedenie* [The open work]. Translated from Italian. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
63. Terts, A. (2009) *V teni Gogolya* [In the shadow of Gogol]. Munich: ImWerdenVerlag.
64. Bely, A. (1934) *Masterstvo Gogolya* [The Mastership of Gogol]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
65. Nivat, G. (2006) *Russie-Europe. La fin du schisme (1993)* [Russia-Europe. The end of schism (1993)]. Saguenay.
66. Nivat, G. (2006) *Vers la fin du mythe russe (1982)* [Towards the end of the Russian myth (1982)]. Saguenay.
67. Bonamour, J. (1978) *Le Roman russe* [The Russian Novel]. Paris: Presses Universitaires de France.
68. Stolz, H. (1974) *Die Französische Gogolrezeption* [The French Gogol reception]. Cologne; Vienna: Böhlau Verlag.
69. Grève, C. de. (1984) *La réception de Gogol en Russie et en France* [Gogol's reception in Russia and France]. Doctor degree dissertation. Paris: Université Paris III – Sorbonne.
70. Raïcu, L. (1992) *Avec Gogol. Essai sur l'inconsistance* [With Gogol. Essence on inconsistency]. Lausanne: Age d'homme.
71. Raïcu, L. (1981) Gogol', ili fantastika banal'nogo [Gogol, or fiction of the banal]. In: Yaz'kova, A.A. (ed.) *Literatura i zhizn' naroda: lit.-khudozh. kritika v SRR* [Literature and the life of the people: literary-artistic criticism in the SRR]. Translated from Romanian. Moscow: Progress.
72. Shestov, L. (1905) *Apofoez bespochvennosti: opyt adogmat. myshleniya* [The apotheosis of baselessness: the experience of adogmatic thinking]. St. Petersburg: Obshchestv. pol'za.
73. Mann, Yu. (1996) La poétique de Nikolaï Gogol [The Poetics of Nikolai Gogol]. In: Etkind, E et al. (eds) *Histoire de la littérature russe: Le XIX siècle: L'époque de Pouchkine et de Gogol* [History of Russian literature: The nineteenth century: The epoch of Pushkin and Gogol]. Paris: Fayard.
74. Fanger, D. (1996) Nikolaï Gogol (1809–1852) [Nikolai Gogol (1809–1852)]. In: Etkind, E et al. (eds) *Histoire de la littérature russe: Le XIX siècle: L'époque de Pouchkine et de Gogol* [History of Russian literature: The nineteenth century: The epoch of Pushkin and Gogol]. Paris: Fayard.
75. Fanger, D. (1979) *The Creation of Nikolai Gogol*. Cambridge, MA: Belknap Press.
76. Gogol, N. (2005) *Les âmes mortes: poème* [Dead Souls: poem]. Translated from Russian by A. Coldefy-Faucard. Paris: Le Cherche Midi.
77. Seleskovitch, D. & Lederer, M. (1987) *Interpréter pour traduire* [To interpret in order to translate]. Paris: Didier Érudition.
78. La Langue Française. (2008) En traduction, il faut être très souple – entretien avec Anne Coldefy-Faucard [In translation, you have to be very flexible: interview with Anne Coldefy-Faucard]. *La Langue Française*. 14. [Online] Available from: http://fra.lseptembre.ru/view_article.php?ID=200801414. (Accessed: 28th June 2017).
79. Grève, C.de. (2009) L'Europe occidentale, angle de vue sur la Russie, dans Les Âmes mortes [Western Europe, an angle of view on Russia, in Dead Souls]. *Revue de littérature comparée*. 3:331. pp. 329–345.
80. Mann, Yu.V. (1988) *Poetika Gogolya* [Poetics of Gogol]. 2nd ed. Moscow: Khudozh. lit.
81. Jauss, H.-R. (1995) Istoriya literatury kak provokatsiya literaturovedeniya [The History of Literature as a Provocation of Literary Studies]. Translated from German. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 12. pp. 34–84.

Received: 29 January 2018

СЛОВО КАК «ЗАКЛЯТИЕ ВЕЩЕЙ» (ФЕНОМЕН ДЕТСКОЙ РЕЧИ В ПОВЕСТИ «КОТИК ЛЕТАЕВ» А. БЕЛОГО И ИССЛЕДОВАНИЯХ Л. ВЫГОТСКОГО)

Анализируется концепт детского слова как онтологического феномена на материале повести «Котик Летаев» А. Белого и исследования Л. Выготского «Мышление и речь». Используются культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный, мифопоэтический методы. Выделены основные аспекты детского восприятия слова и языка как системы, преобладающей действительности, установлена особая значимость внутренней экспрессии слова для ребенка, намечены подходы для изучения мифологемы детства в общей философской системе символизма.

Ключевые слова: А. Белый; Л. Выготский; «Котик Летаев»; детское слово; внутренняя форма слова; экспрессия внутренней формы; простой символ.

В 1909 г. А. Белый определил формулу воздействия слова на действительность, в которой средневековая алхимия уживалась с евангельской притчей: «Слово есть заклятие вещей; слово есть призыв и вызывание бога. Когда я говорю “я”, я создаю звуковой символ; я утверждаю этот символ, как существующий, только в ту минуту я сознаю себя» [1. С. 137]. В тот момент европейская цивилизация, окончательно отказавшаяся от координат христоцентричного мира, двигалась в сторону культуры с непривычной полярностью (см.: [2, 3]) и новыми философскими парадигмами. Проблема происхождения человека, центральная для науки и искусства того времени, вызвала к жизни вопросы о последствиях изменения культурного кода с его традиционной героикой, основанной на поиске Творца и служении ему, о границах сверхчеловеческого, о новом понимании истории и, наконец, о языке, который до недавних пор был одним из свидетельств существования Бога (см.: [4. С. 190–208]). Символизм оказался связующим звеном между старым и новым искусством. Медиация как признак формы и теургия как явление духа обеспечили ему положение проводника между цивилизацией, в которой «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», и новым веком, где право произносить слово осталось за человеком.

Повесть «Котик Летаев» А. Белого и исследование Л. Выготского «Мышление и речь» разделяют два десятилетия. Но методы изучения семиотической реальности, которые в них использованы: историко-типологический, биографический, мифопоэтический, а также выводы о природе языка и его влиянии на формирование у человека определенной картины мира поразительно схожи. Выготский неоднократно цитировал А. Белого, в частности его работы о ритме и музыке, в своих трудах. Белый же, подобно Выготскому, в «Котике Летаеве» произвел психологический эксперимент припоминания собственного детства. Обратившись к мифологическим корням младенчества, он записал «миги сознания» ребенка и его первые слова. Несмотря на различие в целях, вопрос о первоначальном, по-видимому, одинаково сильно занимал А. Белого и Л. Выготского: каким было слово до рационального сознания – на заре времен, в эпоху мифа, ритуала, архаики? Для обоих исследователей матрицы названных пространств пересеклись в сознании ребенка, а детское слово получило статус базового элемента архитектоники мироздания.

В «неомифологических» текстах символистов (см.: [5. С. 59–96]) миф выполняет функцию языка-шифра, которым рассказана история о Сотворении мира. В ней реалии современности и тайнопись первобытного искусства сливаются в синтетическом единстве как теза и антитеза бытия. Мировой Текст пишется, как бы сказал А. Белый, «живым словом», а именно символом. Но если от взрослого процесс преобразования жизни искусством, символизации реальности, требует серьезных мистико-ритуальных усилий, то для ребенка совершенно естественно заклиная вещную реальность словом. Связь с мифом еще не разорвана, а язык обладает самым высоким онтологическим статусом, всемогуществом Бога, софийностью и красотой.

В устах младенца слово, в силу отсутствия у ребенка опыта жизни и искусства, очищается от «шелухи веков» и превращается из атома культуры в свойство конкретного предмета или явления. Но именно эта конкретность позволяет снять с палимпсеста все слои кроме самого первого, стереть сложный ряд значений, накопленных в ходе исторического развития, обнажив его внутреннюю форму (термин используется в понимании А.А. Потебни).

Исследователи знаковых систем, в том числе Ю.М. Лотман, договорились называть простыми символами такие, «план выражения которых имеет характер элементарных геометрических форм» (см.: [6. С. 87]). Слово ребенка и есть та самая простая геометрическая форма, которая для детского сознания конкретна, но ее внутренняя структура обладает гораздо большей многоплановостью, чем сложные символы современности. Внутренняя форма слова потому представляет столь высокую ценность для исследователя, что она предельно эмоциональна и предикативна, т.е. заключает в себе представление человека о «цели» предмета, а также его побуждение «заклясть вещь», выраженное языковой структурой, близкой к междометию. На этапе номинации звук работает как символ – мягкость / твердость, звонкость / глухость выражают отношение говорящего к действительности, и эта внутренняя экспрессия сближает словообразование с процессом создания произведений искусства.

Мысль об изоморфности живого слова тексту звучит как в философских работах символистов, так и в исследовании Л. Выготского «Психология искусства». В нем Выготский касается теорий психологов и лингвистов, в том числе А.А. Потебни, которым

близка точка зрения о сходстве слова в его трехчастной структуре с художественным произведением. По мнению Л. Выготского, искусство – работа эмоционального мышления, и любой текст подчиняется принципу борьбы и антиномичности его элементов (см.: [7]). Столкновение двух противоположных импульсов вызывает у воспринимающего сильное душевное волнение, которое переживается в процессе катарсиса. К ведущим антиномиям Выготский относит, к примеру, антагонизм материала и формы, характера героя и его цели, удара в слове и стихотворного размера: «Закон эстетической реакции один: она включает в себе аффект, развивающийся в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находит свое уничтожение. Вот этот процесс мы и хотели бы определить словом катарсис» [7. С. 139]. Таким образом, если пользоваться определениями Выготского, катарсис слова – его внутренняя форма, катарсис искусства – символизм, а катарсис разговора Бога с человеком – сознание ребенка. Примечательно, что для ребенка (по всей видимости, до развития абстрактных понятий) не существует искусства, и, как пишет Выготский, рисунок ребенка – это не душевное движение, а схема действительности, т.е. опять-таки явление конкретного, а не абстрактного порядка. Тем не менее уже в детстве человек овладевает основными принципами искусства, в том числе важным – нарушением нормы (об этом свидетельствует интерес ребенка к стихам-перевертышам, события в которых разворачиваются в алогичной действительности). По Выготскому, стихосложение, т.е. ритмизация, – в первую очередь, процесс столкновения нормы фонетики и нормы метра.

А. Белый, как и Выготский, был прекрасно знаком с работами А.А. Потебни: в 1910 г. в журнале «Логос» выходит статья А. Белого, в которой он подробно рассматривает труд «Мысль и язык» и с восторгом отзывается о теории ученого. Белого особенно занимает вопрос аполлоническо-дионисийских антиномий в русском языке, представленных внутренней борьбой языкового наследия и неологизмов, а также параллелизм происхождения слов и мифических образов из творческой энергии речи и поэтической энергии народов. В детском слове А. Белого интересует именно эта не осознанная ребенком приближенность слова к акту творения, равно мифичность.

Л.О. Чернейко пишет об особом дыхании текста повести «Котик Летаев» [8. С. 138], которое ощущается через пульсацию разнообразных смыслов в момент перехода роя сознания в строй: через первые детские мыслечувствия Котика Летаева просвечивает тайна мира. Вселенная Котика дышит и ритмизуется, прежде всего, словом, а движение слову, в свою очередь, задают его внутренняя форма и ее экспрессия. Катарсис совершается посредством типичной символистской триады: внешняя форма (звук), содержание (значение) и звено-медиатор (внутренняя форма, или идея слова, т.е. выражение эмоции, вызванной предметом, через выбор языковых средств – звуков и морфов). Ребенок обладает чутким слухом к внутренней экспрессии слова, а взрослому для возвращения в си-

туацию первоначальной сакральности речи необходима символизация реальности. Именно поэтому у повествователя в тексте А. Белого – два голоса, один из которых только учится произносить слова, а второй пресуществляет реальность символами-окказионализмами. Панэстетизм (о панэстетизме символистов – см.: Минц З.Г. Поэтика русского символизма) представляется нам важнейшей характеристикой слова у символистов, а ребенок, сознание которого пока не оперирует эстетическими категориями, тем не менее, уже способен удивляться речи, т.е. особым, наивно-искренним образом чувствовать красоту языка.

Дети удивляются слову как некоей мировой загадке – отсюда многочисленные вопросы «почему названо так, а не иначе», «как появилось слово», «что это значит». Произнося слово, ребенок ощущает свое сопричастие акту творения мира, процесс озвучивания действительности для ребенка – неосознанная проба себя в роли художника.

Чтобы доказать, что именно детским словом, в концептуальном понимании, пишется Текст символистского мифа о мире, мы должны уточнить, какую функцию выполняет слово в речи взрослого и ребенка. Опираясь на многочисленные наблюдения за развитием детей от рождения до семилетнего возраста, Л. Выготский предлагает убедительные доказательства теории о взаимовлиянии речи и мышления. Так, согласно гипотезе Выготского, примерно до двухлетнего возраста речь и мышление ребенка развиваются разными путями, а первые слова обладают аффективно-волевой, указательной тональностью, выражают желания и чувства (см.: [9]). Они всегда предикативны, одно слово заключает в себе свернутое и сжатое до знака предложение. Как пишет Выготский, овладение грамматическими структурами происходит раньше, чем овладение логическими. Постепенно чувственное мышление заменяется образным, а образ сливается со словом, слово превращается в одну из его характеристик (как синий – характеристика цвета предмета). В этот период речь становится интеллектуальной, а ребенок начинает активно расширять словарный запас и не только повторять слова за взрослым, но спрашивать, как называется тот или иной предмет. Овладение языком идет сразу в двух направлениях: от частного к общему и наоборот, но особую роль в развитии речи играет именно обобщение. Ребенок составляет из слов, обладающих определенными признаками, неупорядоченные множества, затем из множеств формируются комплексы предметов – они, в свою очередь, образуют псевдопонятие или понятие-комплекс, которое, как подчеркивает Выготский, нельзя сравнивать с понятиями взрослых. Слова ребенка и слова взрослого совпадают в их номинативной функции и предметной отнесенности, но для объяснения значения слова используются разные мыслительные операции. Если комплекс слов ребенка – собрание конкретных предметов, то взрослый оперирует абстрактными понятиями. По мнению исследователя, дети овладевают абстрактным мышлением, а значит, и понятием в истинном значении этого слова, только к 12-летнему, переходному возрасту.

Структура повести А. Белого повторяет направление мысли Л. Выготского о связи развития мышления ребенка с овладением речью. Н. Какинума делит текст на три части, каждая из которых охватывает год [10. С. 246]: 1) главы I–III – 3 года – образное мышление; 2) главы III–IV – 4 года – переход образного мышления в понятийное; 3) главы V–VI – 5 лет – понятийное мышление (псевдопонятия, по Выготскому). Нам представляется оправданным пользоваться следующими определениями для описания речевого развития Котика Летаева: период до Касьянова – чувственно-образная стадия мышления; после Касьянова – интеллектуальная стадия, когда ребенок может оперировать псевдопонятиями.

В повести А. Белого соединяются и вступают во взаимодействие два повествовательных голоса: 35-летнего «Я» главного героя и его трехлетнего альтер-эго. Смена фокального персонажа у Белого происходит незаметно и никак не связана с нарративной структурой повести. Часто перемена точки зрения совершается внутри одного абзаца или предложения. «Мне не спится... Повешено мне на стенке окошко» [11. С. 69], – отмечает маленький Котик, совершенно уверенный, что окошки вешают на стены, как картины. «Там – стылая ясность вечернего неба; и стылая ясность вечернего неба дрожит» [Там же. С. 69], – продолжает 35-летний повествователь за Котика, до-создавая символ застывшей, охваченной мифом реальности.

35-летний Котик Летаев и его трех-пятилетнее альтер-эго на фоне их духовных поисков истинной реальности вступают в особый диалог сократического характера. А. Белый использует приемом раздвоения сознания, в том числе для создания контраста между словом и мышлением ребенка и взрослого. В тексте повсеместно наблюдаем речевую диффузию, а именно проникновение принципов детского словообразования во взрослую речь Котика Летаева и наоборот: дыханием символизма наполнены детские миги сознания трехлетнего героя.

В тексте практически не используется прямое высказывание Котика Летаева, его слово не вокализовано. Котик не вступает в диалог с родителями, он делится впечатлениями не вслух, а про себя. В повести сочетаются два повествовательных плана: наррация от первого лица и внутренняя речь Котика Летаева. Последний феномен подробно рассмотрен в исследовании Л. Выготского (см.: [9]). По мнению ученого, ребенок овладевает внутренней речью после того, как внешняя речь проходит через так называемую эгоцентрическую стадию. В возрасте от четырех до семи лет ребенок при решении сложной семантической, логической или психологической задачи проговаривает свое решение вслух. Говорение помогает ему отыскать верный ответ. На эгоцентрической стадии происходит разделение речи по функциям: внешняя – для других, внутренняя – для себя. Функции определяют характерные синтаксические и смысловые особенности речи. Так, Выготский пишет, что внутренняя речь является предикатом с усеченными подлежащими, со сжатием слов до отдельных звуков. Внутренняя речь живет по законам сновидения, обладает свойством

концентрации смысла в одном символе. Мысль – сгусток смысла, внешняя речь, напротив, расчленяет его словами, но «речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове» [9. С. 294].

Эгоцентрическая речь Котика Летаева у А. Белого переведена в план внутренней речи, благодаря чему любое размышление и внутреннее высказывание Котика становится весомым: «Мои детские, первые трепеты: трепеты ощущаемых мыслечувствий сознания; трепеты образования текучих миров <...>. Мои первые детские трепеты удивляют меня; удивляет все: что оно таково, каково оно есть; почему оно не текуче? Взмахни трепетом, как крылом, – перестроится все: будет тем, да не тем; а оно – не меняется» [11. С. 47]. Как мы видим, в план внутренней речи переведена эгоцентрическая речь, решающая сложную задачу, что такое действительность. Эта речь не рассчитана на слушателя, ее синтаксис синкопирован, мысль обрывается на середине, а обрыв оформляется с помощью тире. Котик, не владеющий достаточным запасом лексики, заменяет слова местоимениями «такое, каково, оно». Местоимения обладают для него единственным значением, но для читателя они – скопление множества неразгаданных смыслов.

Дихотомия внутренней и внешней речи или, если пользоваться словами Л. Выготского, несовпадение грамматического и психологического подлежащего и сказуемого, открывает целое поле противоречий, в которых протекает жизнь ребенка. Архитектура подобного амбивалентного мира создается словом и изоморфна ему же. Речь позволяет классифицировать прежнюю и новую действительность, выражать свои желания, познавать мир. В раннем детстве эмоции ребенка могут одушевляться и переноситься на предмет, их вызывающий. То же самое свойство применимо к слову, так как ребенок на определенной стадии развития не различает знак и предмет, а значит, верит в магическую силу языка. Он требует от взрослых математической точности в обращении со словом, не признает и оскорбляется метафорой как насмешкой над сакральностью речи. Словарь ребенка лишен интертекстуальности, каждый знак обладает конкретным значением, к которому неприменимо понятие палимпсеста. Новизна образа, создаваемого словом, звуковой оболочки, значения ведет к повышенной внутренней эмоциональности речи.

В отличие от «мертвого» отвлеченного понятия, слово ребенка обладает настолько высоким онтологическим статусом, что одно способно снять с мира ризу и проложить путь в ноуменальное измерение. Живые слова суть символы, главная задача которых состоит в остранении через возвращение слова к его первоначальной внутренней форме. Многообразие словесных форм, по мнению А. Белого, происходит из игры, а творчество слова – борьба с вырождением культуры, магия, доступная современному человеку. Это также путь героя мифа, в котором живет ребенок, способ достижения божественной благодати. Оживить понятие символом для Белого значит воскресить его из мертвых. Но Котик Летаев не только обладает способно-

стями Бога воскрешать слова, его функция в тексте – связь миров, а значит, функция чистого символа.

В повести Котик Летаев и его 35-летнее альтер-эго создают систему авторских окказионализмов, пользуясь возможностями нормативного словообразования. Маленький Тесей Котик Летаев сплетает лабиринты новых слов по аналогии с уже существующими, но с нарушением норм, действующих в языке. Если подсчитать количество окказионализмов, придуманных Белым для «Котика Летаева», то повесть можно назвать поэмой не именно о ребенке, но о слове, которое он произносит, и о символе, приближающем слово взрослого к слову ребенка.

Как подчеркивает Л. Выготский, в мыслительных комплексах ребенка слова группируются в множества, подчиняясь цепной реакции, т.е. ребенок обращает внимание на определенную характеристику первого предмета, находит ей соответствие во втором, а третий предмет присоединяется к группе за счет сходства только со вторым, вне зависимости от отношения к первому. Подобный механизм комплексного мышления используется взрослыми для образования метафоры, а в истории языка не прекращается «борьба между мышлением в понятиях и мышлением в комплексах» [9. С. 156].

Интересно, что ребенок, осваивая язык, часто совершает логические ошибки, основанные на метафорических переносах. В каждом незнакомом предмете он отыскивает признак уже знакомого и на этом основании переносит функции и свойства второго предмета на первый. Процесс, тем не менее, глубоко иррационален, в отличие от метафоризации художественного текста или стертой метафоры, которая превратилась в идиому. По словам А.А. Потебни, в мифе метафора отсутствует, так как в рамках мифологического сознания никакое переносно-фигуральное использование слова невозможно.

Вероятно, именно поэтому взрослая метафора, которую можно сравнить с властью сознания над языком, так же необъяснима для ребенка, как детская логика мифа – для взрослого. Ребенок отстаивает всемогущество речи, и этим объясняется своеобразная логичность ребенка в отношении языка, строгое требование соблюдать раз и навсегда установленные правила и даже обида на взрослых, когда они говорят метафорическими «нелепицами».

На этапе освоения языка ребенок ближе к внутренней форме слова, чем взрослый. Детский пралогизм позволяет ребенку отыскивать «идею слова», а именно ту эмоцию, которую испытывал человек, впервые совершивший звуковое наименование. «Вот он “я”... А вот – “муха”, и она меня мучает» [11. С. 88], – говорит Котик Летаев, соотнося слово «муха» с глаголом «мучать».

Ребенок совершает своеобразное опрощение метафоры. Подтверждение этому находим в тексте А. Белого: «Метафоры понимаю я точно: упал в обморок – значит: упал, куда падают; а ведь падают – вниз» [Там же. С. 54]. Фраза «падать в обморок» открывает Котику новое семантическое поле значений – «падать в чужую квартиру, под нами, где доктор Пфеффер проказникам дергает зубы» [Там же. С. 53].

Процесс «опрощения метафоры», т.е. возвращения словам их первоначального смысла, используется Котиком Летаевым как инструмент мифологизации реальности. Ребенок будто отгадывает загадку метафоры, подбирает ключ к ее внутренней форме и декодирует ее до состояния первоначала, т.е. мифа. Двойное кодирование в произведениях А. Белого подробно рассматривает О.Р. Темиршина в монографии «Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия». Исследователь выделяет тексты Белого, которые могут быть прочитаны как метафора и, одновременно, как миф, где отсутствует перенос значений, а читатель и автор относятся к описываемым событиям с доверием ребенка. Этот особый тип текстов с наложением друг на друга двух концептуальных планов О.Р. Темиршина называет поэтическими загадками: «У загадок Белого невозможно понять, какой план является означающим, а какой – означаемым: астральный и земной планы уравниваются в своих семантических правах» [12. С. 141]. А. Белый буквально заговаривает реальность, зачаровывает ее «обоюдным тропом», что позволяет ему «реанимировать миф» [Там же. С. 142].

Той же цели с помощью деметафоризации достигает Котик Летаев. Непонимание причин многих процессов приводит его к неверным выводам, часто подкрепленным речевыми доказательствами, так как слова он воспринимает исключительно в их прямом значении. Один из первых детских мифов, основанных на ощущении бесконечности жизни, ее непрерывности и волшебности, – «Дядя Вася перерезался»: «он одним куском к нам захаживал отобедать, а другой – позже встретился: на обертке полезнейшей книжки “Вымершие чудовища”; называется он “динозавр”» [11. С. 32]. Вещи в детском сознании одушевляются, а живые существа, напротив, овеществляются – наделяются «бессмертием» вещей: могут сломаться, перерезаться пополам, при этом продолжают существовать: «Главное – чтобы бабушка не сломалась, как сломалась однажды она, как недавно мной сломанный слоник: – как она к нам подсела; и подзывала меня: ее тиснуть; ну, – я ее тиснул; она же сказала: “Сломаюсь”. Я тиснул еще ее; и – сломал» [Там же. С. 58].

Исследователи уже обращали внимание на историю со «Львом», оказавшимся сенбернаром по кличке Лев с Собачьей Площадки. Котик, услышав известное ему слово «лев» и полагаясь на исключительную нормативность языка, сделал вывод, что львом могут называть только африканское животное.

Пока ребенок не научился оперировать общими понятиями, любое наименование для него уникально. Каждое слово принадлежит определенному предмету и не может характеризовать целый класс. Обобщение доступно ребенку, когда он выведет первое псевдопонятие из разрозненного множества. Для Котика одно из таких понятий – Толстой: «На город приходится: по математику, губернатору, архиерею и... Льву Толстому» [Там же. С. 81].

Освоение языка Котиком Летаевым подтверждает теорию Белого о том, что метафора генетически родственна символу, но не равна ему, а символ имеет прямую связь с мифом. Метафора взрослых для Коти-

ка непонятна, он производит ее развенчание по принципу обратного словообразования. Словосочетание, несущее метафорический смысл для взрослых, в прямом значении наделяется свойствами мифа. Выражение «Валериан Валерианович Блещенский сгорает от пьянства» для Котика означает: Блещенский сгорел, обратился в пепел. А когда Блещенский вновь появляется на пороге квартиры, Котик решает, что «Валериан Валерианович все равно, что полено: деревянная кукла он; Блещенских продают саженьями; и потом их сжигают» [11. С. 73].

Сопереживание в Котике рождает приключения Ежешехинского, который, по словам взрослых, «в трубу вылетел», «идет сквозь огонь и медные трубы». По мнению Котика, речь идет о том, что Ежешехинский потерялся в досознательной реальности, где-то в домирье, которому принадлежат трубы, печи и отдушины.

Мама, папа, няня и сам Котик «заводятся» в пространствах комнат, папа водится дома редко, но часто пересекает порог квартиры, а значит, падает в космос и летит в университет. Университет Котик производит от слова «универс», вселенная.

Постепенно Котик осваивает основные правила словообразования и пользуется ими для создания слов, которые лучше существующих объясняют логику мира. Батюшка без парчи для Котика – поп: «поп, попы, попадья, просфора, просвирня – слова, которые меня просветили; главным образом – бабушка; тут она знала толк; я ее считал – подпросвирнею» [Там же. С. 57], потому что она подавала просвиру. Котик находит общий корень в словах поступь и поступил – для него это свидетельство общности значений. Фундаменталиков-Чемодаников «поступил, то есть, позволил себе своеобразно тяжелую поступь: нарочно гремел по паркету; мне открылось тогда: кто нарочно гремит по паркету, тот совершает поступок» [Там же. С. 59]. Похожим образом Котик Летаев объясняет для себя слово «бестолочь». Это не человек, а процесс, когда пол толкут сапогами: «Городовой Горловасов проделал нам бестолочь: пол толк сапогами; толоки раздавались мне после: пол толк Горловасов» [Там же. С. 100].

Все профессора и директора казенных гимназий – украшения, потому что украшают Империю, а еще изваяния. Все они крепколобы, бьются лбами о стены: «Все прочие мне говорят, что “профессор” – маститость – то есть, то, чем мостят» [Там же. С. 82]. Такова архитектура для Котика. Профессора и доценты сходят в дом Котика со всех московских карнизов.

В период с трех до пяти лет язык для Котика становится основным средством познания мира. Постепенно теряя связь со своим мифическим прошлым, Котик пытается восполнить утрату могущества, вместо магии мифа овладеть магией слов, которая позволит ему остаться в кругу избранных, богоравных: «Слова напечатаны на душе мне неведомым гиероглифом: – и смысл звуков слова дробится – душою моею – и понимание мира не слито со словом о мире <...>. Объяснение – воспоминанье созвучий; понимание – их танец: образование – умение летать на словах» [Там же. С. 71–72].

Л. Виготский приходит к выводу, что звуковая оболочка слова и его семантическое значение для ре-

бенка представляют неделимое единство. Он приводит в пример экспериментальную задачу про свойства окна и чернил при перемене их названий. Если спросить ребенка, прозрачны ли чернила, которыми в ситуации эксперимента называется окно, он ответит: нет, потому что это «чернила» и они непрозрачны. Практически о том же самом пишет А.А. Потебня в работе «Мысль и язык» (см.: [13]). Для первобытных людей слово было сущностью вещи, ее двойником. Они верили в то, что к изображению человека переходит часть его жизни. Детское «заклятие вещей» работает по схожему принципу: передать предмету чужое звуковое наименование значит перенести на него свойства этой вещи.

Отсутствие партиципации смысла и звучания находим в повести А. Белого. Котика поражает звук слова «Кре-мль», похожий на «крем-брюлэ»: «В булочной Савостьянова показали мне “Кремль”: это – выступцы леденцовых, розовых башен; и мне ясно, что – “кре” – крепость выступцев (кре-мля, кре-ма, кре-пости), а: – м, мль – мягкость, сладость» [11. С. 72]. Перенос значения на основе звукового сходства Котик производит и над словами драгун-дракон: «Драгун, дракон – то же; появился однажды он: в розово-рдяных рейтузах; я все трепетно ждал: вот он будет из уст нам выкидывать пламень» [Там же. С. 74]. Еще один звуковой перенос – Лондон-ландо. Сосед Христофор Христофорович Помпул собирает статистические данные, за ними бросается в Лондон. К тому же, Котик слышал от папы, Помпул ломает пролетки. Значит, решает Котик, «на переломленной оси, катается в “Лондоне” Помпул; и собирает в нем “данные”» [Там же. С. 81]. Синестезийное сознание Котика Летаева соединяет звучание слова со значением. Дядя Ерш – юмор, потому что «все его поведение таково, как будто бы он старался из воздуха сделать “Ю”; “ю-юю” – юкает он, бывало, очками» [Там же. С. 103].

Папа говорит: «Так-с!», поэтому иксиксы напоминают Котику таксиков, собачек: «Таксики (думал я) вырастают из этих крючочков; их встречал на бульваре я уже значительно позже» [Там же. С. 63]. Из папиных книг появляются функции, которые ползают и «вероятно, кусаются, как... мурашки, которые позаволились в буфете» [Там же. С. 68].

В тексте А. Белого сложно отделить внутреннее высказывание Котика Летаева от речи 35-летнего повествователя, однако все авторские окказионализмы созданы по правилам детского словообразования. Для детей в раннем возрасте характерна трансформация слова по действию, исходя из функционального назначения предмета, часто с опорой на звучание (кружinka вместо пружинка, кусарик вместо сухарик, колоток вместо молоток); заметное оглаголивание языка, образование новых глаголов от имен существительных; вольное использование префиксов (распакетить пакеты, обснегилась, залошадило); скрещивание слов (блистенькая – блестящая и чистенькая, поломою – мою полы) (см.: [14]). Все вышеперечисленное находим у А. Белого: «спегосыпное дерево вздрогнуло» (скрещивание), «папа же тут занепапится» (оглаголивание), «переживаю титанности» (нарушение языковой нормы сочетания корня с аффиксом), «крылорогие тучи» (агглютинация) и т.д.

Итак, символ создается по образу и подобию детского слова, которое предельно эмоционально за счет того, что внутренняя форма обнажена, и предикативно, в одном знаке заключает целое предложение. Оно – сжатый до знака Текст мифа о создании и создателе, отличающийся трехчастной формой, внутренним движением и стремлением к медиации-катарсису.

Согласно Л. Выготскому и А. Белому, детское слово служит слепком с сознания человека во времена Первоначала, а ребенок говорит языком, на котором мог бы говорить Бог в момент создания мира. Слово ребенка, по определению А. Белого, живо, т.е. сохраняет внутреннюю форму, за счет чего символично, но одновременно конкретно. Овладев грамматикой, ребенок оттаивает особую норматив-

ность языка, в частности, не признает метафору взрослых. Слово для ребенка сакрально и обладает магической способностью «заклинать вещи». Звуковая оболочка и семантическое значение представляют неделимое единство: называя словом предмет, говорящий переносит на него свойства этого слова. Вещи в детском сознании одушевляются, а живые существа, напротив, овеществляются – «магия слов» помещает ребенка в круг избранных, богоравных. Он способен одним словом пресуществлять реальность, что для символиста значит – открывать портал в нумеральное измерение. Поэтому для А. Белого путь к созданию символа лежит через отношение к языку с позиции ребенка, к отысканию первоначальной внутренней экспрессии слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый А. Магия слов // Символизм как миропонимание. М. : Республика, 1994. 528 с.
2. Бузина Т.В. Самообожение в европейской культуре. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2011. 352 с.
3. Иллиес Ф. 1913. Лето целого века. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 272 с.
4. Lerer S. Children's literature: a reader's history, from Aesop to Harry Potter. Chicago : The University of Chicago Press, 2008. 385 p.
5. Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Поэтика русского символизма. СПб. : Искусство-СПб, 2004. 480 с.
6. Барсуков С.Г., Гришакова М.Ф., Григорьева Е.Г., Зайонц Л.О., Лотман Ю.М., Пономарева Г.М., Митрошкин В.Ю. Предварительные замечания по проблеме «Эмблема – символ – миф» в культуре XVIII столетия // Актуальные проблемы семиотики культуры : Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. / ред. Ю. Лотман. Вып. 746: Труды по знаковым системам. Тарту, 1987. 150 с.
7. Выготский Л.С. Психология искусства. М. : Современный гуманитарный институт, 2011. 211 с.
8. Чернейко Л.О. Язык подсознания (на материале повести А. Белого «Котик Летаев») // Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования: учебное пособие по спецкурсу для студентов. М. : Гнозис, 2017. 208 с.
9. Выготский Л.С. Мышление и речь. М. : Лабиринт, 2008. 352 с.
10. Какинуна Н. «Котик Летаев» Андрея Белого: влияние языка на развитие формы познания мира // А. Белый. Публикации. Исследования. М. : ИМЛИ РАН, 2002. 366 с.
11. Белый А. Собрание сочинений. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. М. : Республика, 1997. 543 с.
12. Темиришина О.Р. Типология символизма: Андрей Белый и современная поэзия. М. : ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2012. 290 с.
13. Потебня А.А. Мысль и язык. М. : Лабиринт, 2007. 248 с.
14. Чуковский К.И. От двух до пяти. М. : Детская литература, 2017. 366 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 февраля 2018 г.

THE WORD AS A “SPELL ON THINGS” (THE PHENOMENON OF CHILDREN’S SPEECH IN ANDREI BELY’S *KOTIK LETAEV* AND LEV VYGOTSKY’S THINKING AND SPEECH)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 29–35.

DOI: 10.17223/15617793/428/4

Nataliya O. Kononova, A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: nataliyaolkon@mail.ru

Keywords: Bely; Vygotsky; *Kotik Letaeв*; child’s word; inner form; inner expressiveness.

The article examines the concept of children’s speech as an ontological phenomenon. The research is based on Andrei Bely’s *Kotik Letaeв* and Lev Vygotsky’s *Thinking and Speech*. The main symbolic principles of Bely’s word formation are explored in this paper through the connection with the etymology of the child’s word. Vygotsky’s analysis of child’s mind and speech is used to investigate the psychological aspect of this theme. Bely determines the creation of a symbol as a “resurrection” of words, a return to their original, inner form. The term “inner form” was clarified by the famous linguist A.A. Potebnja. Both Vygotsky and Bely were familiar with his works. The child purifies words from the weight of their historical meanings and interpretations to a clean phenomenon that defines particular things. The inner form of the word is emphasized during this process. As a structure of great importance it contains our ancestors’ emotions about things and a predicative undertone (the concept of the purpose of a thing): the first person who possessed the power of speech tried to put a “spell on a thing” in the process of naming. Bely was especially interested in similarity between child’s words and the first human words in the era of irrational thinking, in the age of mythology. Children are able to hear the inner form and inner expressiveness of the word. Adults have to symbolize reality to return the feeling of the original sacrality of the word. As a result, the narrator in Bely’s novel *Kotik Letaeв* has two voices: the first one can feel the power and beauty of the word inner form; the second one sanctifies the reality by symbols-occasionalisms. According to Vygotsky, child’s speech and thinking are usually separated at the age of two, after that they start to affect each other. The structure of the novel *Kotik Letaeв* repeats Vygotsky’s thoughts about the connection between thinking and speaking: one could name the period before Kasianovo the sensual stage of thinking, after Kasianovo the intellectual stage, when a child could operate pseudo-notions but without abstract elements in them. Therefore, children often make logical mistakes while speaking. Most errors are based on metaphors, which children refuse to understand. *Kotik Letaeв* simplifies the metaphor and during this process returns to the mythological reality, which has a strong impact on the symbolic worldview. Child’s words are free of historical meanings and have the ability to bewitch the reality. They contain the whole sentence in one sign; they are highly predicative and emotional because of the purified inner form. The article proves

that Andrey Bely created a system of authorial occasionalisms using methods of child's word formation such as increasing the number of predicates, derivations of new verbs from nouns, free usage of prefixes.

REFERENCES

1. Belyy, A. (1994) *Magiya slov* [The magic of words]. In: Sugay, L.A. (ed.) *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a world view]. Moscow: Respublika.
2. Buzina, T.V. (2011) *Samooboazhenie v evropeyskoy kul'ture* [Self-deification in European culture]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
3. Illies, F. (2016) *1913. Leto tselogo veka* [1913. The summer of the whole century]. Moscow: Ad Marginem Press.
4. Lerer, S. (2008) *Children's literature: a reader's history, from Aesop to Harry Potter*. Chicago: The University of Chicago Press.
5. Mints, Z.G. (2004) O nekotorykh "neomifologicheskikh" tekstakh v tvorchestve russkikh simvolistov [On some "neo-mythological" texts in the work of Russian symbolists]. In: Mints, Z.G. *Poetika russkogo simvolizma* [Poetics of Russian Symbolism]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.
6. Barsukov, S.G. et al. (1987) Predvaritel'nye zamechaniya po probleme "Emblema – simbol – mif" v kul'ture XVIII stoletiya [Preliminary remarks on the problem "Emblem – symbol – myth" in the culture of the 18th century]. *Uchen. zap. Tartusskogo gos. un-ta*. 746.
7. Vygotskiy, L.S. (2011) *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow: Sovremennyy gumanitarnyy institut.
8. Cherneyko, L.O. (2017) Yazyk podsoznaniya (na materiale povesti A. Belogo "Kotik Letaev") [The language of the subconscious (based on A. Bely's novel "Kotik Letaev")]. In: Cherneyko, L.O. *Kak rozhdaetsya smysl: Smyslovaya struktura khudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie printsipy ee modelirovaniya* [How the meaning is born: The semantic structure of the artistic text and the linguistic principles of its modeling]. Moscow: Gnozis.
9. Vygotskiy, L.S. (2008) *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow: Labirint.
10. Kakinuma, N. (2002) "Kotik Letaev" Andrey Belogo: vliyanie yazyka na razvitiye formy poznaniya mira ["Kotik Letaev" by Andrei Bely: the influence of language on the development of the form of cognition of the world]. In: Boychuk, A.G. (ed.) *Andrey Belyy. Publikatsii. Issledovaniya* [Andrei Bely. Publications. Studies]. Moscow: IWL RAS.
11. Bely, A. (1997) *Sobranie sochineniy. Kotik Letaev. Kreshchenyy kitaets. Zapiski chudaka* [Collected Works. Kotik Letaev. Baptized Chinaman. Notes of an Eccentric]. Moscow: Respublika.
12. Temirshina, O.R. (2012) *Tipologiya simvolizma: Andrey Bely i sovremennaya poeziya* [Typology of symbolism: Andrei Bely and modern poetry]. Moscow: A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics.
13. Potebnya, A.A. (2007) *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Moscow: Labirint.
14. Chukovsky, K.I. (2017) *Ot dvukh do pyati* [From two to five]. Moscow: Detskaya literatura.

Received: 17 February 2018

АЛЛОФОННОЕ ВАРИИРОВАНИЕ УДАРНЫХ ГЛАСНЫХ В РЕЧИ ДЕТЕЙ ТРЕХ ЛЕТ (ПО ДАННЫМ АКУСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

*Исследование выполнено в рамках тематического плана ФГБОУ ВО АМГУ (НИОКТР АААА-А17-117021310063-3)
«Фонетический портрет нормально развивающихся детей в возрасте 3–5 лет (на материале амурского региолекта)».*

Рассматриваются модификации гласных в детской речи. Проводится распределение гласных в соответствии с реальными комбинаторными условиями. Показано, что значения F1 и F2 детских гласных превышают общеизвестные пределы значений соответствующих гласных во взрослой речи. Делается вывод о сформированности фонологических оппозиций гласных у детей трех лет. Выявлено, что гласный /a/ имеет наибольшую длительность. Интенсивность гласных проявляется неопределенно.

Ключевые слова: детская речь; аллофонное варьирование; гласный; эллипсис; акустические характеристики.

Введение

Внимание исследователей к речевому онтогенезу с учетом становления акустических коррелятов дифференциальных признаков, характерных для взрослой речи, является важной составляющей современной науки. Исследователи активно работают над созданием корпусов детской речи [1], изучая речь как нормально развивающихся детей, так и детей с отклонениями в развитии [2]. В настоящее время применение компьютерных программ обработки речевого сигнала позволяет получить максимально достоверные данные об акустических свойствах детской речи. Несмотря на важность подобных исследований, в отечественной науке до сих пор немногие занимаются изучением речи русскоговорящих детей дошкольного возраста в данном русле.

Инструментальный анализ гласных в речи детей, в том числе в трехлетнем возрасте, был проведен специалистами в области физиологии [3, 4]. Исследователи изучали частоту основного тона (ЧОТ), формантные характеристики и длительность гласных. В результате проведенной работы зафиксировано снижение ЧОТ и формантных частот в процессе взросления ребенка. Доказано, что на протяжении первых семи лет жизни данные значения остаются высокими по сравнению с соответствующими значениями для гласных во взрослой речи. Длительность гласных у детей в трехлетнем и четырехлетнем возрасте имеет максимальные значения, которые снижаются только к пяти годам. Минимальные значения длительности гласных (максимально приближенные к речи взрослых) отмечаются у детей семи лет [4. С. 1100–1103].

Несмотря на имеющиеся данные о частотных характеристиках, анализ аллофонного варьирования гласных в детской речи до сих пор не проводился. Важно понимать, что подобное исследование имеет чрезвычайную важность. Как известно, гласные появляются первыми в речевом репертуаре детей. Кроме того, гласные во многих случаях являются носителями основной акустической информации, поскольку на переходном участке от согласного к гласному реализуются корреляты дифференциальных признаков согласного.

Как правило, исследователи в области физиологии уделяют внимание построению формантных тре-

угольников гласных в двухформантной плоскости с целью определения и дальнейшего сравнения областей их расположения. Вместе с тем на частотные характеристики, длительность и интенсивность гласных влияют комбинаторные и позиционные условия.

Общеизвестно, что при изолированном произнесении отсутствует контекстная фонетическая зависимость гласных. Однако в речи изолированное произнесение гласных встречается довольно редко. Один из авторов коллективной монографии «Фонетика спонтанной речи» Н.И. Гейльман отмечает, что основные аллофоны русских гласных /a/, /o/, /u/, /e/, /i/ реализуются под ударением в позициях между твердыми согласными, в абсолютном начале перед твердыми согласными и в абсолютном конце после твердого согласного [5. С. 23–24]. Исключение составляет гласный /i/, для которого соседство с мягкими согласными является позицией наименьшего артикуляторного влияния [6. С. 113]. Можно предположить, что все твердые согласные не могут оказывать одинаковое влияние на реализацию гласного. Представляется, что различия в артикуляторных программах согласных должны привести к разной реализации гласного. Например, любой переднеязычный согласный, твердый или мягкий, будет продвигать по ряду вперед гласный заднего ряда.

Таким образом, за основной, или типичный, аллофон фонемы в данной работе принимается аллофон в позиции наименьшей зависимости от окружающих условий [7]. Для фонемы /a/ – после заднеязычных твердых согласных; для фонем /o/ и /u/ – после твердых губных или заднеязычных; для фонемы /i/ – в абсолютном начале слова перед мягким согласным, а также в позиции между мягкими согласными; для фонемы /e/ после губного и перед любым мягким согласным [6. С. 101–114]. Определить основной аллофон фонемы /e/ непросто. Изолированно и после твердых согласных произносится открытый аллофон [e]. В соседстве с мягкими согласными реализуется закрытый аллофон [e], и именно с этим аллофоном связываются представления носителей русского языка о фонеме /e/, поэтому такой аллофон определяется как основной [6. С. 112; 8. С. 49]. Мы будем руководствоваться вышеизложенным при интерпретации данных по детской речи.

Материал и методика исследования

Одним из методов изучения фонологического развития детей был выбран метод минимальных пар, впервые предложенный Н.С. Трубецким [9]. Материалом для анализа послужили изолированно произнесенные знаменательные слова (126 слов в 63 минимальных парах) в произнесении двадцати детей в возрасте 3,1–3,3 года (далее – дикторы (D1-D20)). Запись детей осуществлялась в двух дошкольных образовательных учреждениях г. Благовещенска Амурской области. В отведенной комнате экспериментатор произносил слово и просил ребенка повторить за ним. Если ребенок произносил слово неправильно, то его просили повторить слово второй раз и, если ребенок соглашался, – третий раз. В результате слуховому, акустическому и перцептивному видам анализа были подвергнуты 3 942 реализации ударных гласных.

Образцы речи были записаны на диктофон Samsung UP-VP1AB. Акустический анализ был проведен в программе обработки речевого сигнала Praat [10].

Особенности восприятия гласных

Детская речь изобилует случаями замен и эллиптирования [11]. Это происходит вследствие несовершенства артикуляторного аппарата у детей. С целью выявления замен, элизии и эллиптирования для составления списка слов, в соответствии с той или иной позицией, по каждому диктору был проведен перцептивный анализ. Для характеристики позиции было важно определить, когда произошла фонологическая замена, а в каких случаях имела место фонетическая замена. Поясним два указанных понятия. Если изменение акустико-артикуляторных характеристик звука мешает носителю языка восстановить облик слова, то мы имеем дело с фонологической заменой. Например, в слове *лак* вместо твердого согласного /l/ акустически был реализован мягкий /li/. При проведении перцептивного эксперимента данную замену отметили все аудиторы (табл. 1). Этот пример демонстрирует высокую корреляцию акустического и перцептивного образов, что дает основание говорить о фонологической замене /l/ на /li/. Предположим, что в акустической картине звука были отмечены характерные для мягкого согласного признаки, а именно некоторое усиление «форманты мягкости» в полосе частот от 2 000 до 3 000 Гц. Вместе с тем носители языка при восприятии не отметили бы эту мягкость. В таком случае это свидетельствовало бы о фонетической замене. Разница между фонетическим и фонологическим выпадением аналогична. В слове «плети [pʲeti]» гласный /e/ должен был реализоваться после переднеязычного мягкого /li/, который де факто выпал, и это эллиптирование было отмечено всеми аудитором, а целевой облик слова восстановлен не был, что свидетельствует о фонологическом выпадении. В результате акустические характеристики гласного /e/ были рассмотрены в позиции после губного мягкого /pi/ (плети [pʲeti]).

Для перцептивного анализа были выбраны 82 слова (далее – стимулы), в которых отмечались случаи

эллиптирования, замен согласных по признакам «твердость / мягкость» и «место образования», а также замены гласных. Все стимулы были записаны в отдельные файлы в формате MP3 и в трехкратном повторении с интервалом в 5 с предъявлены аудиторам. В эксперименте участвовали 13 носителей русского языка (12 женщин и 1 мужчина) в возрасте 20–21 года, являющихся студентами 4-го курса Амурского государственного университета. Студенты обладали навыками транскрибирования с использованием символов Международного фонетического алфавита. Перед аудиторами ставилась задача с помощью букв латинского алфавита записать услышанное. Фонологическое изменение считалось истинным, если 75% аудиторов распознавали замену, эллиптирование или элизию.

Примеры стимулов, где в квадратных скобках указана акустическая транскрипция, отражающая реальное звучание в речи, приведены в табл. 1.

Таблица 1
Восприятие слов с заменами согласных и гласных

№	Стимул	Ответ (кол-во)	№	Стимул	Ответ (кол-во)
1	Ваза [vazʲə]	vazja (13)	2	Фаза [fazʲə]	fazja (12) pazja (1)
3	Финт [fiitʲ]	fitj (10) vitj (3)	4	Винт [vitʲ]	vitj (12) litj (1)
5	Мыло [mʲijæ]	mija (13)	6	Мила [mʲijæ]	mija (13)
7	Луза [lʲuza]	ljuza (13)	8	Лужа [lʲuza]	ljuza (13)
9	Писать [pisʲætʲ]	pisjatj (13)	10	Пищать [pisʲjætʲ]	pisjatj (13)
11	Мышка [mʲisʲka]	misjka (13)	12	Мишка [mʲisʲka]	misjka (13)
13	Сыр [sʲil]	sil (13)	14	Жир [zil]	zil (13)
15	Плети [pʲeti]	peti (12) piti (1)	16	Плечи [pʲetʲi]	pechi (13)
17	Плети [pʲjetʲi]	pjeti (13)	18	Плечи [pʲjetʲi]	pjeti (13)
19	Рак [vak]	vak (9) pat (1) akt (1) ah (1) at (1)	20	Лак [ljak]	ljak (13)

Как видно из табл. 1, чаще всего отмечаются замены твердых согласных на мягкие: /z/ → /zi/ ваза [vazʲə], /l/ → /li/ луза [lʲuza] и др. Подобные замены согласных порой приводят к заменам гласных: /i/ → /i/ мышка [mʲisʲka]. Речь детей в возрасте трех лет характеризуется упрощением кластеров, что также привело к перераспределению слов по позициям у каждого диктора. Так, в стимулах 15 (плети), 16 (плечи) гласный /e/ был рассмотрен в позиции после мягкого губного /pi/ вместо мягкого переднеязычного /li/ вследствие сокращения кластера [pʲi] → [pi]. Кроме того, учитывались разные варианты произнесения слов детьми. Стимулы 15 (плети [pʲeti]) и 17 (плети [pʲjetʲi]) представляют одно слово в разном произнесении, после мягкого /pi/ и после среднеязычного /j/ соответственно. Замены согласных часто приводили к возникновению омофонов, что также нашло подтверждение в результатах перцептивного эксперимента (мыло [mʲijæ] – мила [mʲijæ]).

Акустические характеристики гласных

Как известно, «различия между гласными можно описать, используя только две форманты – F1 и F2,

благодаря которым гласные отличаются друг от друга». Значения формант замеряются по пикам интенсивности, на квазистационарном участке гласного, где артикуляция практически не изменяется [6. С. 76–80].

Однако поиск акустических ключей для определения гласных в детской речи позволил исследователям заключить, что при высоких значениях ЧОТ формантная характеристика гласных порой оказывается несостоятельной и для определения гласных важен амплитудный признак, а именно относительная амплитуда спектральных компонентов звука [12. С. 114].

Опыт анализа аллофонного варьирования гласных в спонтанной речи дает основание говорить о том, что даже у взрослых встречаются формантные области, трудные для интерпретации [13]. На малоинформативных участках речи с высоким темпом нередко можно снять спектры, значения формант гласных на которых не определяются. Подобные участки, как правило, не анализируются. В детской речи такая трудность в интерпретации акустических характеристик объясняется особенностями их физиологии. Речь трехлетних детей характеризуется высоким значением ЧОТ, которое зависит от интенсивности колебания голосовых связок [4. С. 1104–1105]. На характеристики гласных также оказывает влияние характер дыхания. Известно, что к трехлетнему возрасту снижается частота дыхательных движений и увеличивается минутный объем дыхания, что связано с увеличением объема легких [14. С. 203]. Это, несомненно, влияет на большую длительность гласных по сравнению с гласными во взрослой речи [4. С. 1105].

Возможно, точное определение гласных по всем спектрам является важной прикладной задачей, однако для анализа аллофонного варьирования фонем при наличии представительной выборки учет амплитуды спектральных компонентов звука не требуется.

В данной работе при определении гласных измерялись значения стационарных участков FI и FII, длительность и интенсивность, которые приводились к средним значениям. Сложные для интерпретации спектры не рассматривались.

Перед измерением формантных значений, длительности и интенсивности была измерена ЧОТ в речи всех дикторов. Результаты свидетельствуют о схожести полученных данных и, следовательно, о возможности объединения данных в одну группу (среднее значение ЧОТ – 368 Гц).

При анализе формантных характеристик гласных учитывались фонетические позиции, в которых реализуется типичный аллофон и основные комбинаторные аллофоны гласных. Согласные были объединены в группы по сходству их влияния на акустико-артикуляторные характеристики гласных. Не все гласные удалось представить во всех возможных фонетических позициях, что объясняется особенностями их дистрибуции и фонемным наполнением слов.

Дети демонстрировали высокую вариантность в акустических характеристиках гласных. В одних и тех же словах максимальное различие в значениях FI порой доходило до 150 Гц, FII – до 200 Гц. Значения формант в соответствии с позицией, указанные в табл. 2, представляют средние значения по данным двадцати дикторов.

Таблица 2

Средние значения FI, FII, длительности (L), и интенсивности (Int) гласных в речи двадцати дикторов

Позиция / гласный	FI	FII	L	Int	Позиция / гласный	FI	FII	L	Int
/i/					/e/				
После губных мягких	470	3 037	134	82	После губных мягких	717	2 958	152	77
После переднеязычных мягких	560	3 030	150	75	После переднеязычных мягких	741	3 053	131	74
После заднеязычных мягких	439	3 360	135	71	Между мягкими	702	3 348	158	75
Между мягкими	531	3 342	140	62	После среднеязычного	710	3 014	64	76
Среднее значение	500	3 192	140	73	Среднее значение	718	3 093	126	76
/a/					/o/				
После губных твердых	1227	2 097	156	78	После губных твердых	759	1 504	140	77
После переднеязычных твердых	1040	2 023	189	78	После губных мягких	620	1 655	86	80
После переднеязычных мягких	817	2 086	205	58	После переднеязычных твердых	724	1 491	140	74
После заднеязычных твердых	1281	2 122	189	74	После переднеязычных мягких	650	1 556	81	58
Между мягкими	753	2 328	176	69	После заднеязычных твердых	770	1 378	172	77
В препозиции к мягкому	1118	1 980	144	77	В препозиции к мягкому	769	1 408	130	75
Среднее значение	1039	2 106	177	72	Среднее значение	715	1 499	125	74
/u/					/i/				
Абсолютное начало	423	1 200	278	66	После губных твердых	459	1 593	139	65
После переднеязычных твердых	469	1 201	115	63	После переднеязычных твердых	537	1 991	171	75
После переднеязычных мягких	502	1 398	102	68	В препозиции к мягкому	577	1 832	162	68
После среднеязычного	490	1 388	144	70	Среднее значение	524	1 805	157	69
Между мягкими	340	1 103	194	70					
Среднее значение	445	1 258	166	67					

Различия значений FI и FII гласного /i/ в зависимости от комбинаторных условий небольшие. Среднее

значение FI в речи двадцати дикторов составляет 500 Гц. Минимальное значение FI (439 Гц) зафиксиро-

ровано после заднеязычных мягких, максимальное (560 Гц) после переднеязычных мягких. Между мягкими согласными, в позиции наименьшего влияния согласных, среднее значение F1 составило 531 Гц. Среднее значение F1 в речи двадцати дикторов – 3 192 Гц (превышение F1 по данным Г. Фанта на 43%). Максимум (3 360 Гц) зафиксирован после заднеязычных мягких, минимум (3 030 Гц) после переднеязычных мягких. Между мягкими значение F1 составило 3 342 Гц. Таким образом, типичный аллофон гласного /i/ проявляется как гласный высокого подъема, максимально продвинутый по ряду вперед. На рис. 1 представлен пример реализации гласного /i/ в слове *тима*. Значение F1 гласного /i/ – 503 Гц, а F1 – 3 120 Гц. Длительность /i/ – 143 мс, интенсивность – 76 дБ.

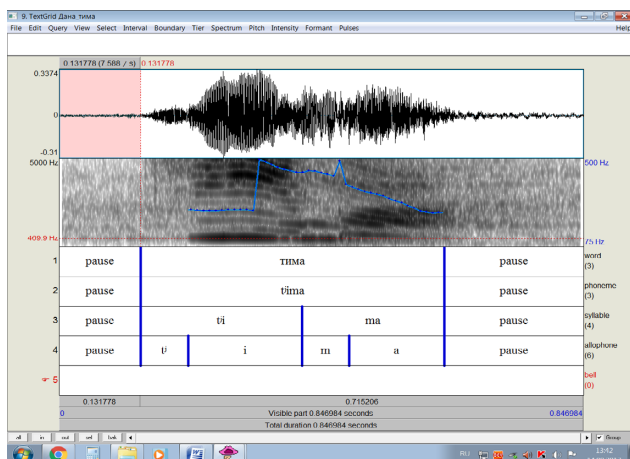

Рис. 1. Реализация слова *тима*

Среднее значение F1 гласного /e/ в речи двадцати дикторов – 718 Гц. Максимум (741 Гц) выявлен после переднеязычных мягких, минимум (702 Гц) между мягкими согласными. Среднее значение F1 в речи двадцати дикторов (3 093 Гц). Максимальное значение (3 485) зафиксировано между мягкими согласными, минимальное (2 958 Гц) после губных мягких. Несмотря на то, что выявлены позиции для реализации основного аллофона гласного /e/, преждевременно делать выводы о его характеристиках, является ли этот гласный более открытым и более продвинутым по ряду вперед, поскольку не отмечено ни одной позиции с учетом реализации этого гласного после твердых согласных. Пример реализации гласного /e/ в слове *вес* представлен на рис. 2. F1 – 675 Гц, а F1 – 3 010 Гц. Длительность /e/ – 170 мс, интенсивность – 72 дБ.

Среднее значение F1 гласного /a/ в речи двадцати дикторов – 1 039 Гц. Значения F1 варьируют от 753 Гц в позиции между мягкими согласными до 1 227 Гц после губных твердых. Среднее значение F1 – 2 106 Гц. Минимум (1 980 Гц) выявлен в препозиции к мягкому согласному, максимум (2 328 Гц) между мягкими. После заднеязычных твердых, благоприятной позиции для реализации основного аллофона фонемы /a/, значение F1 составило 1 281 Гц, F1 – 2 122 Гц. На рис. 3 приведена реализации гласного /a/ в слове *жалить*. F1 – 1 160 Гц, F1 – 1 995 Гц. Длительность /a/ – 110 мс, интенсивность – 64 дБ.

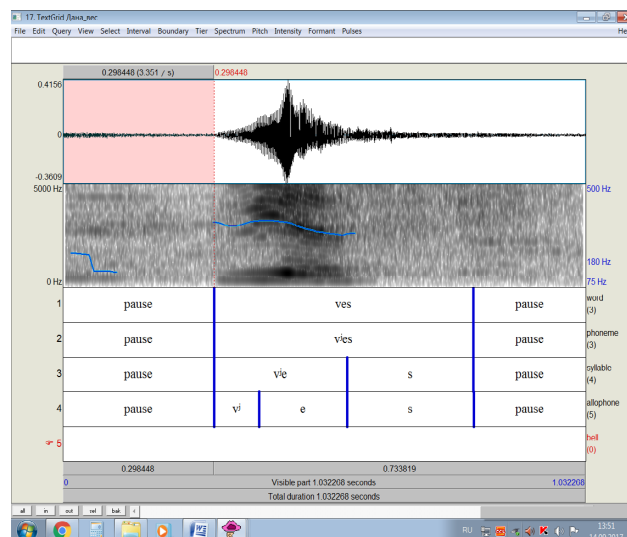

Рис. 2. Реализация слова *вес*

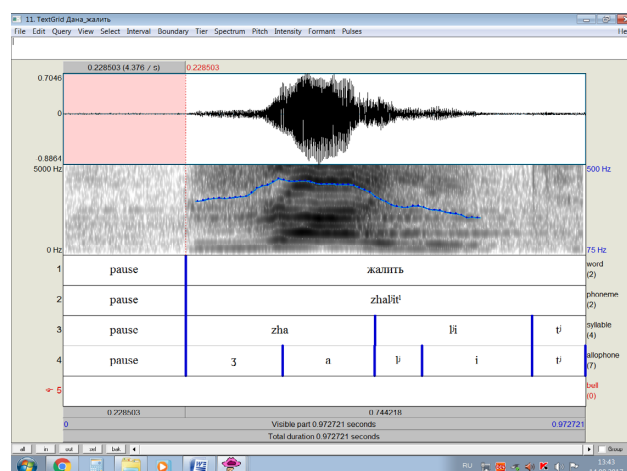

Рис. 3. Реализация слова *жалить*

Среднее значение F1 гласного /o/ в речи двадцати дикторов – 715 Гц. Минимальное значение F1 (620 Гц) отмечено после губных мягких, максимальное (770 Гц) – в позиции после заднеязычных твердых. Следует отметить, что схожее значение (769 Гц) зафиксировано в препозиции к мягкому согласному. Среднее значение F1 – 1 499 Гц. После губных мягких отмечен максимум F1 – 1 655 Гц, минимум (1 378 Гц) после заднеязычных твердых. Пример реализации гласного /o/ в слове *нос* представлен на рис. 4. F1 – 680 Гц, а F1 – 1 388 Гц. Длительность /o/ – 153 мс, интенсивность – 72 дБ.

Для гласного /u/ средние значения F1 – 445 Гц, и F1 – 1 258 Гц. После переднеязычных мягких зафиксированы максимумы F1 – 502 Гц и F1 – 1 398. Минимальные значения отмечены между мягкими согласными F1 – 340 Гц, и F1 – 1 103 Гц. Рассмотреть значения основного аллофона фонемы /u/ не было возможности, так как не отмечено «идеальной» позиции для его реализации. На рис. 5 приведена реализации гласного /u/ в слове *луза*. F1 – 387 Гц, F1 – 1 280 Гц. Длительность /u/ – 105 мс, интенсивность – 75 дБ.

В наименьшем количестве позиций был рассмотрен гласный /i/, что является следствием низкой частотности данного гласного по сравнению с осталь-

ными гласными, а также лексическим наполнением экспериментального материала.

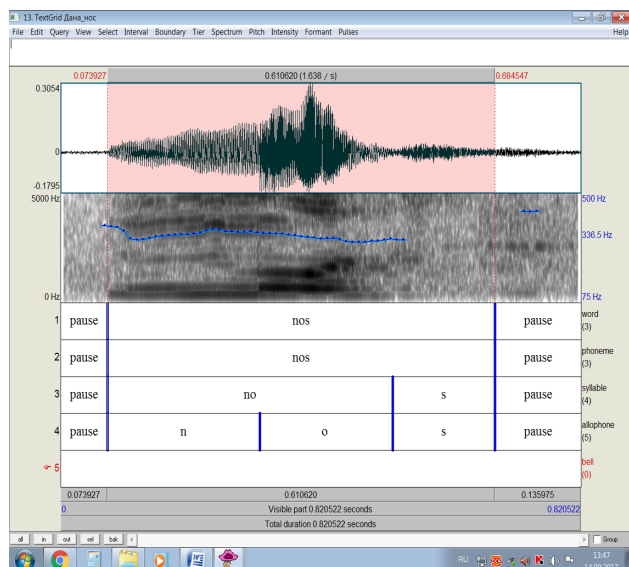

Рис. 4. Реализация слова *нос*

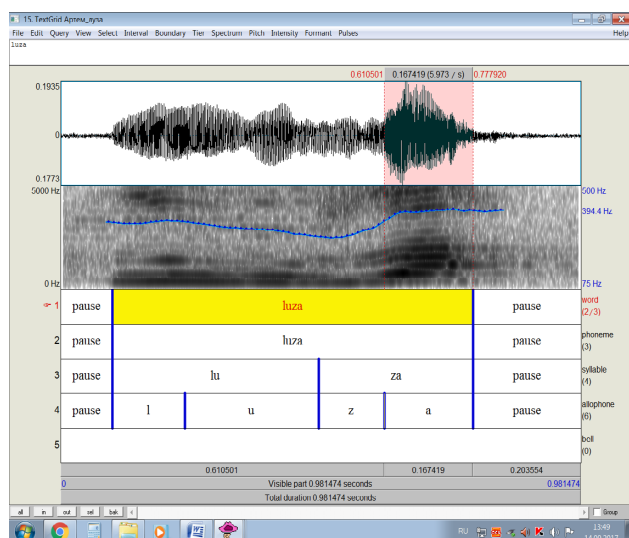

Рис. 5. Реализация слова *луза*

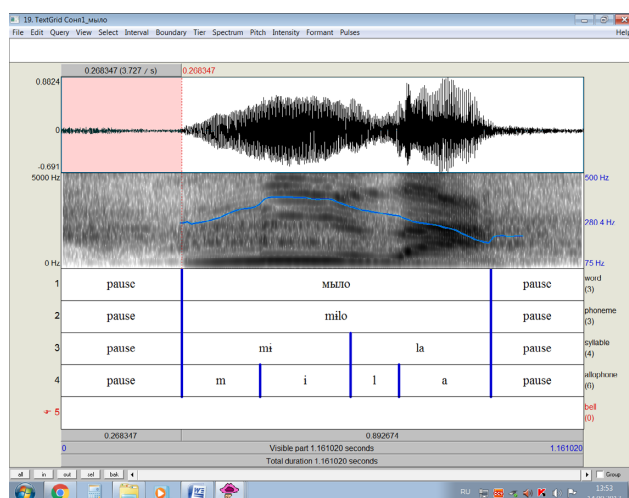

Рис. 6. Реализация слова *мыло*

Однако благоприятные позиции для реализации типичного аллофона фонемы /i/ были зафиксированы. Так, после губных твердых отмечены минимальные значения FI – 459 Гц и FII – 1 593 Гц. В препозиции к мягким согласным значение FI составило 557 Гц и FII – 1 832 Гц. По двадцати дикторам среднее значение FI – 524 Гц и FII – 1 805 Гц. Пример реализации гласного /i/ в слове *мыло* представлен на рис. 6. FI – 490 Гц, а FII – 1 650 Гц. Длительность /i/ – 210 мс, интенсивность – 83 дБ.

В результате проведения акустического анализа было решено сравнить полученные средние формантные значения гласных в речи детей и значения, характерные для взрослой речи, по данным Г. Фанта [15. С. 12]. На рис. 7 приведена диаграмма, демонстрирующая соотношение значений FI у детей и взрослых, на рис. 8 представлено соотношение FII. Как видно из рисунков, дети демонстрируют деление гласных на ряды и подъемы, однако значения FI и FII в речи детей превышают соответствующие значения в речи взрослых.

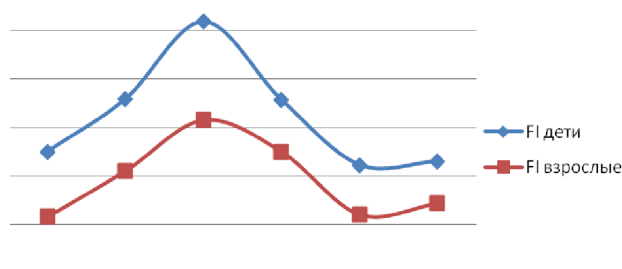

Рис. 7. Соотношение FI у гласных в речи детей (по нашему эксперименту) и взрослых (по данным Г. Фанта)

Максимальная разница в значениях FI в детской и взрослой речи отмечена для гласного /i/ (превышение FI составило 117%). Значение FI гласного /e/ в детской речи превысило значение во взрослой речи на 70%. Превышение FI для гласного /u/ равно 85%, /a/ – 65%, /o/ – 43%.

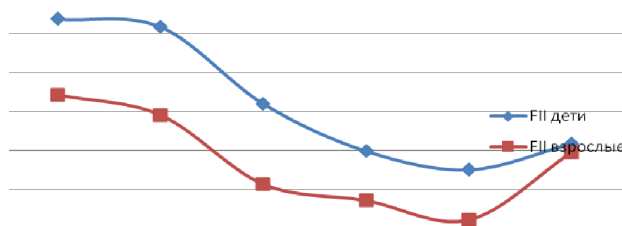

Рис. 8. Соотношение FII у гласных в речи детей (по нашему эксперименту) и взрослых (по данным Г. Фанта)

Максимальное превышение значения FII в детской речи выявлено для гласного /u/ (106%). Превышение значения FII гласного /a/ составило 97%, /o/ – 74%, /e/ – 57%, /i/ – 43%.

Следует отметить, что «детские» гласные в вокалической плоскости занимают практически аналогичное положение относительно друг друга по сравнению с положением гласных во взрослой речи, однако

значения FI и FII – акустические корреляты дифференциальных признаков подъема и ряда гласных фонем – практически равномерно смещены вверх, отражая незрелость детского вокалического тракта. Сохранение характерного положения FI и FII относительно друг друга, несмотря на общее смещение, дает неоспоримые основания говорить о сформированности фонологических оппозиций гласных у детей трех лет.

Длительность

На длительность ударных гласных в изолированно произнесенных словах влияют комбинаторные условия, место в слоге и в слове. На нашем материале были определены средняя длительность каждого гласного в конкретных комбинаторных условиях (см. табл. 2) и среднее значение, учитывая все рассматриваемые позиции (рис. 9).

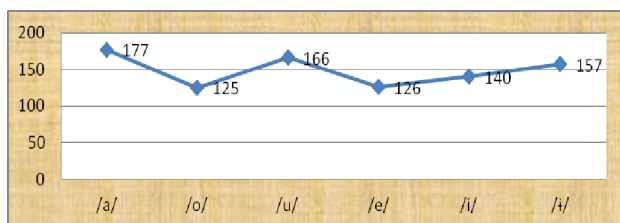

Рис. 9. Средняя длительность гласных

Общеизвестно, что гласный /a/ является самым длительным гласным во взрослой речи. Подобная тенденция отмечается и на нашем материале (рис. 9). Средняя длительность гласного /a/ равна 177 мс. Еще одна универсальная тенденция характерна для этого гласного в детской речи: после мягких согласных длительность гласного больше, чем после твердых. Это объясняется наличием *i*- или *e*-образного переходного участка [7. С. 135]. Максимальная длительность гласного /a/ выявлена после переднеязычных мягких, минимальная (144 мс) в препозиции к мягкому.

По результатам нашего анализа, гласный /u/, будучи одним из кратких во взрослой речи, является вторым по длительности после гласного /a/. Средняя длительность гласного /u/ равна 166 мс (см. рис. 9). Максимальная длительность отмечена в позиции абсолютного начала слова (278 мс), минимальная (102 мс) после переднеязычных мягких. Наличие переходного участка не обеспечило гласному /u/ большей длительности после мягких согласных, чем после твердых согласных.

Средняя длительность гласного /i/ составила 157 мс (рис. 9). Максимум выявлен после переднеязычных твердых (171 мс), минимум (139 мс) после губных твердых.

Средняя длительность гласного /ɨ/ составила 140 мс (см. рис. 9). Максимальная длительность этого гласного была выявлена в позиции после переднеязычных мягких (150 мс), минимальная – после губных мягких (134 мс) и заднеязычных мягких (135 мс).

Для гласного /e/ средняя длительность 126 мс (рис. 9). Между мягкими согласными определена максимальная длительность 158 мс. Неожиданно было выявить минимальную длительность гласного после среднеязычного (64 мс).

Гласный /o/ не обнаруживает тенденцию к удлинению в позиции после мягких согласных. Средняя длительность гласного /o/ равна 125 мс. Максимальная длительность (172 мс) зафиксирована после заднеязычных твердых, минимальная (81 мс) после переднеязычных мягких. Однако, как и во взрослой речи, на нашем материале отмечается минимальная длительность для данного гласного по сравнению с другими.

Интенсивность

Общеизвестно, что интенсивность не является обязательным коррелятом словесного ударения. Надежным коррелятом словесного ударения считается длительность. Выделение ударного гласного с помощью интенсивности зависит от позиции звука в слове, качества гласного и др. Поскольку интенсивность все-таки взаимосвязана с долготным компонентом, представляло определенный интерес выявить закономерность в динамических характеристиках анализируемых гласных.

Проведенный анализ, результаты которого представлены в табл. 2, не выявил корреляции между длительностью и интенсивностью всех гласных. Так, наличие компенсаторного механизма в реализации гласного наименьшей длительности (134 мс) и наибольшей интенсивности (82 дБ) было отмечено только для гласного /i/ в позиции после губных мягких согласных. Напротив, в случае с гласным /i/ (после переднеязычных твердых) наиболее длительный гласный (171 мс) оказался наиболее интенсивным (75 дБ). Таким образом, интенсивность у гласных не обнаруживает взаимосвязности с длительностью.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует следующие результаты акустических характеристик ударных гласных в речи детей трех лет.

Дети различают гласные по рядам и подъемам. При сравнении форматных значений гласных во взрослой и детской речи наблюдалось их аналогичное положение в вокалической плоскости, что свидетельствует о сформированности фонологических оппозиций гласных у детей.

Акустические корреляты гласных свидетельствуют о том, что значения FI и FII превышают общеизвестные пределы значений соответствующих гласных во взрослой речи.

Длительность «детских» гласных характеризуется набором универсальных и специфических черт. Гласный /a/ является наиболее длительным, а максимальная длительность этого гласного отмечается после мягких согласных. Данная тенденция вполне коррелирует с данными по взрослой речи. Однако это распространяется не на все гласные. Так, дети удлиняют гласный /u/, который у взрослых является одним из наиболее кратких, до 166 мс в среднем, что позволяет этому гласному быть вторым по длительности после /a/. Соседство с мягкими согласными также не обеспечивает большую длительность гласного по сравнению с позицией после

твердых согласных. Возникает такое ощущение, что дети в возрасте тех лет не проявляют устойчивой тенденции в реализации длительности гласных.

Интенсивность гласных проявляет себя стихийно, однако полученные результаты заставляют задуматься о проверке данных, позволяющих выяснить наличие или отсутствие компенсаторного механизма, а именно вариативности в интенсивности и длительности гласных.

Перспективу исследования составит дальнейшее изучение акустических характеристик гласных у той же группы auditors в разных формах устной речи. Кроме того, особое внимание следует уделить анализу становления акустических коррелятов дифференциальных признаков фонем в речи детей на протяжении нескольких лет жизни с учетом фонетического описания реализаций, как гласных, так и согласных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ляко Е.Е., Фролова О.В., Григорьев А.С., Остроухов А.В. Корпуса детской речи «INFANT.RU», «INFANT.MAVS», «CHILD.RU», «EmoChildRu» на материале русского языка и их использование в исследованиях речевого онтогенеза // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. № 3 (1). С. 28–58.
2. Ляко Е.Е., Фролова О.В. Анализ текстов речи «Взрослый – Ребенок», «Взрослый – Взрослый» при нормативном и атипичном развитии информантов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. № 3 (2). С. 20–47.
3. Куликов Г.А., Андреева Н.Г. О гласных младенцев, певцов и попугаев URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_15726#1 (дата обращения: 29.08.2017).
4. Ляко Е.Е., Григорьев А.С. Динамика длительности и частотных характеристик гласных на протяжении первых семи лет жизни детей // Российский Физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 2013. № 9. С. 1097–1110.
5. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гейльман Н.И. и др. Фонетика спонтанной речи. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
6. Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1998.
7. Щерба Л.В. Русские гласные в количественном и качественном отношении. Л.: Наука, 1983.
8. Кузнецов В.И. Вокализм связной речи: Экспериментальное исследование на материале русского языка. СПб., 1997.
9. Trubetzkoy N.S. Grundzuge der Phonologie. Prague, 1939.
10. Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer (Version 5.4.1 5). URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat> (дата обращения: 07.04.2016).
11. Шуйская Т.В. Элизия и эллипсис в речи детей трех лет // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3 (2). С. 104–112.
12. Андреева Н.Г., Куликов Г.А. Акустические характеристики русских двухформантных гласных разных форм речи // Доклады академии наук. 2014. Т. 457, № 1. С. 114–116.
13. Андросова С.В. и др. Реализация фонетических единиц в информационной структуре высказывания. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2006.
14. Сапин М.Р., Сивоглазов В.И. Анатомия и физиология человека (с возрастными особенностями детского организма). М.: Академия, 2002.
15. Касаткин Л.Л. Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие. М.: Академия, 2006.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 февраля 2018 г.

ALLOPHONIC VARIATION OF STRESSED VOWELS IN 3-YEAR-OLDS' SPEECH (BASED ON ACOUSTIC ANALYSIS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 36–43.

DOI: 10.17223/15617793/428/5

Tatiana V. Shuiskaya, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: T.Shuiskaya@mail.ru

Keywords: child speech; allophonic variation; vowel; elision; acoustic characteristics.

The aim of this research is to study the acoustic characteristics of six vowels in different consonant environment and identify the formation of phonological oppositions of vowels in child speech. The experiment was conducted in two kindergartens located in Blagoveshchensk, Amur Oblast. The subjects were native speakers of Russian aged from three years and one month to three years and three months old. To analyze phonological acquisition the method of minimal pairs was used. 126 words that formed 63 word pairs were chosen for the study. The children were asked to repeat a word after the interviewer but if the word was not pronounced correctly the child was asked to repeat the same word the second time and, if it was possible, the third one. As a result 3,942 words were obtained. The speech samples were recorded on a Samsung YP – VP1AB digital voice recorder. The perceptual study of words with elision and substitution was performed first. The native speakers were given the task to listen to the stimuli and write them down using the letters of the Latin alphabet. It was important to understand if it was a phonological or a phonetic substitution and elision. A phonological change was considered true if 75% of the native speakers perceived it and could not recognize the word. This made it possible to distribute the vowels in accordance with the actual combinatorial position for further acoustic analysis. The acoustic study was performed in the computer program Praat. The results obtained during the present study enabled to conclude that FI and FII values of six vowels in child speech exceed the generally known values of the corresponding vowels in adult speech. However, all vowels have a primarily analogous position relative to each other in the FI–FII plane compared to adult speech. FI and FII values, which are acoustic correlates of differential characteristics of vowel height and backness, evenly go up, demonstrating the immaturity of the child's vocal apparatus. Although FI and FII values are higher than in adult speech, their analogue position relative to each other allow concluding that phonological oppositions of vowels in 3-year-olds' speech are formed. Vowel /a/ has the longest duration, which is better demonstrated after soft consonants. In contrast to adult speech, in child speech /u/ is the second longest vowel. Duration and intensity are not interdependent.

REFERENCES

1. Lyakso, E.E., Frolova, O.V., Grigor'ev, A.S. & Ostroukhov, A.V. (2017) INFANT.RU", "INFANT.MAVS", "CHILD.RU", "EmoChildRu" Russian children speech corpora and their application in research of ontogenesis of speech. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 3 (1). pp. 28–58. (In Russian). DOI: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_28_58
2. Lyakso, E.E. & Frolova, O.V. (2017) Analysis of "Adult-to-Child" and "Adult-to-Adult" speech samples produced by informants with typical and atypical development. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 3 (2). pp. 20–47. (In Russian). DOI: 10.22250/2410-7190_2017_3_2_20_47

3. Kulikov, G.A. & Andreeva, N.G. (n.d.) *O glasnykh mladentsev, pevtsov i popugaev* [About vowels of babies, singers and parrots]. [Online] Available from: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_15726#1 (Accessed: 29th August 2017).
4. Lyakso, E.E. & Grigoriev, A.S. (2013) Dinamika dlitel'nosti i chastotnykh kharakteristik glasnykh na protyazhenii pervykh semi let zhizni detey [Dynamics of duration and frequency characteristics of vowels during seven years of life]. *Rossiyskiy Fiziologicheskiy zhurnal im. I.M. Sechenova – Russian Journal of Physiology*. 99 (9). pp. 1097–1110. (In Russian).
5. Bondarko, L.V. et al. (1988) *Fonetika spontannoy rechi* [Phonetics of spontaneous speech]. Leningrad: Leningrad State University.
6. Bondarko, L.V. (1998) *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of modern Russian language]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
7. Shcherba, L.V. (1983) *Russkie glasnye v kolichestvennom i kachestvennom otnoshenii* [Russian vowels in quantitative and qualitative terms]. Leningrad: Nauka.
8. Kuznetsov, V.I. (1997) *Vokalizm svyaznoy rechi: Eksperimental'noe issledovanie na materiale russkogo yazyka* [Vocalism of coherent speech: Experimental research on the material of the Russian language]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 64–70.
9. Trubetzkoy, N.S. (1939). *Grundzuge der Phonologie* [Principles of phonology]. Prague.
10. Boersma, P. & Weenik, D. (n.d.) *Praat: Doing phonetics by computer (Version 5.4.1 5)* [Computer Program]. [Online] Available from: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>. (Accessed: 7th April 2016).
11. Shuyskaya, T.V. (2017) Syllable structure of words in the speech of 3-year-olds. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 3 (1). pp. 104–112. (In Russian). DOI: 10.22250/2410-7190_2017_3_1_124_135
12. Andreeva, N.G. & Kulikov, G.A. (2014) Akusticheskie kharakteristiki russkikh dvukhformantnykh glasnykh raznykh form rechi [Acoustic characteristics of Russian two-formant vowels of different forms of speech]. *Doklady Akademii Nauk*. 457 (1). pp. 114–116.
13. Androsova, S.V. et al. (2006) *Realizatsiya foneticheskikh edinit v informatsionnoy strukture vyskazyvaniya* [Expression of phonetic units in the information structure of the utterance]. Blagoveschensk: Amur State University.
14. Sapin, M.R. & Sivoglazov, V.I. (2002) *Anatomiya i fiziologiya cheloveka (s vozrastnymi osobennostyami detskogo organizma)* [Anatomy and physiology of a person (with age characteristics of a child's organism)]. Moscow: Akademiya.
15. Kasatkin, L.L. (2006) *Sovremennyy russkiy yazyk. Fonetika* [The modern Russian language. Phonetics]. Moscow: Akademiya.

Received: 17 February 2018

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).83:34

И.В. Анисимова

ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ТУРКЕСТАНА И СТЕПНЫХ ОБЛАСТЕЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Статья выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

Рассматривается роль «народного суда» в судебно-правовой системе Туркестанского края и степных областей в конце XIX – начале XX в. и проекты его реформирования. Региональная администрация и центральные органы власти Российской империи, признавая необходимость реформирования существующей судебной системы, предлагали разные подходы и механизмы ее реорганизации. Отсутствие единой позиции тормозило проведение реформы и воспрепятствовало инкорпорации традиционных судебных институтов в общеимперское правовое пространство.

Ключевые слова: судебно-правовая система; народный суд; Туркестан; степные области; Российская империя; реформы; инкорпорация.

Эффективная судебно-правовая система общества является свидетельством высокого уровня развития системы законодательства, правовой культуры, правосознания и правореализации, а значит, позволяет говорить о развитии правового государства и гражданского общества. Этой взаимосвязью обусловлено особое отношение со стороны государственной власти к характеру правовой системы и правоотношений в стране. Во второй половине XIX в. Российская империя осознала важность для развития государства и общества наличие прогрессивной судебной системы. Отражением данного процесса является принятие Судебных уставов 1864 г. Однако социально-политическая и экономическая система российского государства, этническая и религиозная неоднородность регионов, входящих в состав империи, препятствовали реализации судебной реформы в полной мере. Государство изначально отказалось от политики унификации судебно-правовой системы в государстве, у коренных народов центрально-азиатских национальных окраин, народов Закавказья сохранялись традиционные судебные институты, на ряд регионов Судебные уставы 1864 г. не были распространены, и в целом проведение реформы затянулось до конца XIX в.

В связи с этим особый интерес вызывает Центрально-Азиатский регион, где на протяжении XIX в. Российская империя должна была выстраивать эффективные защитные механизмы, направленные на сохранение территориальной целостности. Этим объясняется формирование новой стратегии государственно-строительства, целью которой провозглашалась интеграционная концепция этнорегионов в общеимперское пространство [1]. Данная стратегия предполагала проведение комплекса мероприятий, направленных на нивелировку социальных страт традиционных обществ, трансформацию их традиционных институтов, вовлечение национальных окраин империи в общероссийский рынок, уменьшение роли ислама в духовной жизни народов империи и формирование единого правового пространства. Реформы 60–90-е гг. XIX в.,

проводимые в степных областях и Туркестане, были призваны обеспечить инкорпорацию коренного населения в политическую и социально-экономическую структуру империи и объективно были направлены на трансформацию традиционной системы его социальных институтов и отношений, в том числе и судебно-правовой системы, однако их результаты носили противоречивый характер.

К началу XX в. судебная система Туркестанского края и степных областей представляла собой сложный механизм, сочетавший в себе принципы современной юстиции и общеобязательные нормы права и элементы традиционной судебно-правовой системы коренных народов региона, таких как народный суд, институт биев, нормы адата, нормы шариата. Нормативно-правовой основой деятельности судебной системы являлись «Временное положение об управлении в Уральской, Тугайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г. [2. С. 441–463] и принятое в 1886 г. «Положение об управлении Туркестанского края» [3]. Именно Положение 1886 г. стало определяющим для развития судебной системы центрально-азиатских окраин Российской империи. Данный законодательный акт, преобразовав порядок административного управления в регионе, в отношении реорганизации судебной системы ограничился лишь немногими изменениями, которые носили отчасти прогрессивный характер. Так, преобразованиями, представляющими весомое значение, стали упразднение должностей уездных судей и передача их функций в компетенцию мировых судей, изъятие из ведения областных правлений уголовных и гражданских производств, превышающих подсудность мировых судей, подчинение их вновь учрежденным областным судам, организацию прокурорского надзора и т.д.

Устройство судебной части в Туркестане было принято за основу преобразования судебной системы в степных областях, но было реализовано не полностью. Например, в Тургайской области не было учреждено особого областного суда, и возникающие в ней

гражданские и уголовные дела переходили для рассмотрения в Оренбургскую уголовную палату уголовного и гражданского суда, которую в 1894 г. заменили Оренбургский и Троицкий окружные суды.

Однако наибольший интерес вызывают разделы «Положения», определяющие роль и место народного суда в судебной системе региона и правосознании коренного населения. Согласно «Положению» 1886 г. народный суд сохранял все свои компетенции, более того, значение и правовые возможности традиционного суда были существенно расширены по сравнению с предшествующими этапами реформы [4].

Можно согласиться с мнением А. Салиева, что новым «Положением» 1886 г. российское правительство в известной мере усилило свой административный контроль над состоянием кочевого «обычного» судопроизводства, но все же он не был тотальным и, тем более, всеобъемлющим [5. С. 125].

Несмотря на основополагающее значение «Положения» 1886 г., Министерство юстиции Российской империи продолжало работу по преобразованию судебной части в Туркестанском крае и степных областях. В конце 80 – начале 90-х гг. XIX в. в Туркестане были введены в действие отдельные положения судебных уставов 1864 г.; так, в 1889 г. в генерал-губернаторстве вступило в силу положение о нотариальной части, а в 1890 г. была преобразована исполнительная часть.

Безусловно, сочетание в судебной системе Туркестана и степных областей общеимперских судебных институтов и традиционного народного суда, действующего на основе шариата или адата, половинчатость проводимых Министерством юстиции реформ, вызванных особенностями этнополитического развития региона, затрудняли как процесс инкорпорации региона в общеимперское правовое поле, так и эффективность самой правовой системы. Уже через несколько лет реалии правовой жизни показали малую результативность, а во многих случаях и несостоятельность сохранения народного суда в системе правоотношений как степных областей, так и Туркестанского края. В связи с этим к концу XIX в. в высших государственных органах Российской империи неоднократно стали обсуждаться возможные проекты реорганизации устройства судебной части в Туркестанском крае и степных областях. В первую очередь речь шла о необходимости распространения на регион Судебных уставов 1864 г.

Разработке программы преобразований судебной части в Туркестанском крае и степных областях предшествовала большая подготовительная работа. В июле 1894 г. степной генерал-губернатор М.А. Таубе признал необходимым пересмотреть некоторые нормы Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями от 25 марта 1891 г. Согласно данному Положению организация судебной части в степных областях практически полностью опиралась на нормы и принципы Туркестанского положения 1886 г. Рассуждая о важности реформ, М.А. Таубе писал, что некоторые нормы Положения 1891 г. не соответствуют современным условиям жизни Степного края, поэто-

му их необходимо подвергнуть тщательному пересмотру, не исключая положения о судостроительстве [6. Л. 1 об.]. В 1897 г. Министерство юстиции внесло на рассмотрение Министерства внутренних дел окончательный проект преобразования судебной части Туркестанского края и степных областей. Представители региональной администрации, поддерживающие необходимость комплексной реформы судебной системы, неоднократно подчеркивали, что «ныне положение судебной части в сих последних (степных областях. – И.А.) не может быть признано удовлетворительным, так как дальнейшее сохранение по делам наибольшей важности, изъятым из ведения мировых судебных установлений, дореформенных процессов, с их отяготительными, совершенно устаревшими формальностями... препятствует в значительной степени его (Степному краю. – И.А.) преуспеянию» [7. Л. 7.].

Законом от 2 июля 1898 г. «О преобразовании судебной части в Туркестане и Степной области» судебная система региона была приведена в соответствие с Судебными уставами 1864 г., были созданы мировые суды, окружные суды (вместо областных) и судебные палаты [8–10]. Однако основные направления деятельности и полномочия народного суда, определенные «Положением об управлении Туркестанского края» 1886 г., подтверждались новым законом и система традиционного судопроизводства не подверглась коренным изменениям [11. С. 118–184]. Безусловно, судебная реформа 1898 г. имела весомую роль и стала важным этапом вхождения Туркестанского края и степных областей в общеимперское правовое пространство, но сохранение в структуре юстиции народного суда и полноты его компетенций ограничивало модернизацию судебной системы региона. Уже в декабре 1898 г. Туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской представил на рассмотрение военного министра проект преобразования народного суда в Туркестанском крае. Глава региона подчеркивал, что Положением 1886 г. были допущены существенные недочеты – «несоответствия народного суда его действительному значению, которые вредно влияют на авторитет русской власти в глазах населения, а потому, прежде всего, следует упорядочить народный суд в этом отношении. Широкая подсудность дел народному суду, предусмотренная положением 1886 г., повлекла за собой чрезмерное расширение значения в глазах туземцев народных судей, а несменяемость последних увеличила это значение еще более; предоставление же им права назначения наказаний, превышающих норму, предусмотренную за соответствующие преступления по русским законам, поставило народный суд даже выше первых инстанций русского суда» [12. Л. 26]. Но при этом туркестанский генерал-губернатор выступал против полной реорганизации народного суда как института судебной системы. Обосновывая свою позицию, С.М. Духовской утверждал: «Несмотря на злоупотребления и несправедливости, допускаемые народным судом, преждевременность его совершенного упразднения доказывается, помимо разности воззрений туземцев на право с русскими понятиями, еще слишком поверхностным знакомством нашим с

взглядами и обычаями туземцев, и в особенности необходимостью сношения с большинством чрез переводчиков, далеко не отличающихся нравственной благонадежностью». Генерал-губернатор ратовал за постепенное улучшение народного суда без коренной его реформы и говорил о необходимости «осторожного разрешения этого вопроса». В итоге проект, предложенный генерал-губернатором С.М. Духовским, не был реализован, но показал важность и обсуждаемость проблемы сохранения традиционного суда в правовой системе центрально-азиатских окраин Российской империи.

Политические трансформации в стране начала XX в. в определенной мере способствовали формированию взглядов о реорганизации всей государственной системы и интеграции национальных окраин в общеимперское пространство. К началу нового столетия в системе государственной власти Российской империи сложилось и четкое представление о важности совершенствования государственной системы правосудия. В связи с этим в 1894 г. была учреждена особая комиссия во главе с министром юстиции Н.В. Муравьевым, задачами которой стала подготовка предложений по модернизации принципов и механизмов деятельности судебных органов, учрежденных согласно судебной реформе 1864 г. В итоге многолетней работы комиссия к концу 1901 г. подготовила новую редакцию Судебных уставов и ряда законодательных актов. Министерство юстиции поддержало эту инициативу, и проекты реформ были направлены на утверждение в Госсовет. Однако, по мнению ряда исследователей, утверждению и внедрению новых редакций помешала революция 1905 г. [13. С. 146–147], которая поставила перед государством новые задачи. Тем не менее работа по проектированию реформ судебной системы не была полностью прекращена. Практически одновременно разрабатывались проекты о проведении реорганизации судебно-правовой части в целом ряде регионов. Так, в начале XX в. предполагалось проведение судебной реформы в Хивинском ханстве, вследствие чего Министерство юстиции в 1912 г. разработало законопроект о реорганизации русской юрисдикции в данном регионе, суть которого заключалась в распространении на Хиву судопроизводственных правил, установленных для Бухарского ханства Туркестанским положением 1886 г., содержащих положения о введении института мировых судей и сохранении народного суда для коренного населения. В 1914 г. вышло постановление об образовании при Министерстве юстиции Особого межведомственного совещания для обсуждения проекта основных положений устройства судебной части для туземного населения Кавказского края [14. Л. 26–28].

В начале XX в. стала очевидна и необходимость проведения комплексных реформ как в Туркестане, так и в Степном крае. Демографический рост и изменение этнического состава региона, вызванные активной миграцией восточно-славянского населения во второй половине XIX в., рост городов и развитие городской экономики, развитие института частной собственности, трансформация традиционного уклада и кочевого хозяйства требовали реорганизации меха-

низмов управления регионом. Важную роль играли и территориальные преобразования, произошедшие в центрально-азиатских окраинах Российской империи к концу XIX в. Административное деление Туркестанского края претерпело целый ряд изменений: Зеравшанский округ был преобразован в Самаркандскую область; к Сырдарьинской области был подключен Амударьинский отдел. Эти области, наряду с Ферганской, созданной в 1876 г. из южной части Кокандского ханства, считались «коренными областями» края. Семиреченская область, ранее входившая в состав Туркестанского генерал-губернаторства, в 1882 г. была выведена из его состава и включена в состав Степного генерал-губернаторства, но в 1899 г. была вновь возвращена в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Самой молодой из Туркестанских областей была Закаспийская. Она была образована в 1881 г. и до 1890 г. входила в состав Кавказского наместничества, в 1890–1897 гг. находилась в непосредственном ведении Военного министерства, а в 1899 г. была присоединена к Туркестанскому генерал-губернаторству [15. С. 137–138]. Безусловно, такие изменения требовали и коррективы нормативно-правовой основы управления Туркестаном.

В связи с этим в 1902 г. по инициативе туркестанского генерал-губернатора Н.А. Иванова была образована Особая комиссия для составления нового объединенного Положения об управлении Туркестанского края. Проект, разработанный комиссией, вызвал ряд замечаний, в том числе обвинения в незнании чиновниками, в нее входящими, региональных особенностей. Критика стимулировала дальнейшую работу над новым Положением, в связи с чем в 1908 г., по инициативе Николая II, была назначена ревизия Туркестанского края во главе с сенатором графом К.К. Паленом, которая и была проведена в 1908–1909 гг. [16. С. 11–12]. Ревизия затрагивала важнейшие сферы жизни региона, в том числе и судебную систему. Материалы, собранные чиновниками, и выводы, к которым пришла ревизионная комиссия, свидетельствовали о необходимости и важности реформы правовой сферы в Туркестане и степных областях.

Значимость итогов работы ревизионной комиссии позволяет остановиться на их анализе более подробно. По мнению одного из чиновников, готовивших материалы для ревизии Туркестанского края, «вырабатывая Положение 1886 г. составители смешали шарият и адат и выработали закон о народном суде непонятный» [17. Л. 24]. Во всеподданнейшей записке, содержащей главные выводы отчета о произведенной ревизии Туркестана, граф К.К. Пален подчеркивал, что, «приступив к государственному строительству в завоеванном крае, первый генерал-губернатор Туркестана генерал-адъютант фон Кауфман, в основание судебного устройства у туземцев положил принцип “сохранения народного суда с теми изменениями, кои необходимы для пользы народа и уменьшения в нем фанатизма, а следовательно и преград к сближению с русскими”». Однако этот принцип остался неосуществленным» [18. Л. 3]. Производители работ по сбору сведений о судебной системе кочевого населения степных областей и Туркестана чиновники

Н. Теплов и А. Соколов отмечали, что «старые, исторически сложившиеся условия быта киргиз (здесь и далее казахов. – И.А.) – патриархально-родовые отношения, – служившие источником правосознания киргизского народа, подверглись значительной ломке под влиянием вторгнувшихся в степь в связи с русской колонизацией, новых товарно-денежных отношений. Род и патриархальная семья находятся в процессе все ускоряющегося разложения и на их место становится современная индивидуальная семья и отдельная личность, со всеми присущими им и фиксированными в общеимперском законодательстве правами и обязанностями. Вследствие этого, решения народного суда, руководствующегося обычным правом приобрели в новейшее время характер неустойчивости и противоречивости. По той же причине современным исследователям обычного права киргиз и других туземцев предстоит столкнуться с особенными трудностями, свойственными перелому, совершающемуся в правосознании киргизского народа: известные нормы обычного права еще сохраняются в сознании народа, особенно старшего его поколения, тогда как в реальной жизни они уже утратили свое значение и более не применяются» [19. Л. 1–2].

Неоднократно чиновники критиковали и данный народному суду принцип выборности, который был впервые обозначен во «Временном положении об управлении в Степных областях» 1868 г. [2], а позднее закреплён в «Положении об управлении Туркестанским краем» 1886 г. Предполагалось, что выборное начало суда позволит ему быть гласным, открытым и демократичным, и даст коренному населению выбрать для управления достойных и компетентных, пользующихся уважением представителей. В действительности оказалось, что «родовое начало стало непреодолимым препятствием на пути развития общественности среди киргизов, а выборное самоуправление еще более обострило нескончаемую борьбу родовых партий. Быстро ориентируясь в местном законодательстве, родовые старейшины воспользовались самоуправлением, как средством для осуществления родовых домогательств и способом для личного обогащения и достижения власти» [20. С. 40]. Верненский уездный начальник, в своей записке о народном суде характеризуя предвыборную борьбу в степи, подчеркивал, что в волостях партийные выборы сопровождаются подкупам, интригами, беспорядками и даже иногда убийствами. Вот как он описывал предвыборную борьбу родовых партий: «...Обе враждующие партии имеют особые названия: партия, имеющая в своих рядах наличного волостного управителя именуется “акъ-черю” и партия ей противная “кара-черю”. Цель домогательств каждой партии – получить на свою сторону весь народный суд и волостного управителя, приобрести этим путем преобладание во всех делах над противною партией и средство эксплуатировать ее в течение трех лет. Игра, требующая внимания, расчета ведется мудрыми старейшинами, объединяющимися в каждой партии под управлением наиболее старших и почетных главарей партии и ведется на большинство выборных всей волости, избираемых на аульных съездах... Старшины

каждой партии множество раз собираются на совещания, на которых избирают заблаговременно своих кандидатов на должности волостного управителя, народных судей, аульных старшин и волостных выборных, вырабатывают планы компании, выборной интриги, собирают деньги на подкуп с населения» [21. Л. 21–21 об.].

Как отмечалось в материалах ревизии К.К. Палена, партия «акъ-черю» при помощи волостного управителя «прибегает нередко к подлогам в посемейных списках, лишь бы увеличить свои шансы, хотя бы искусственным созданием большинства». Стремление ослабить соперника приводило к тому, что во время предвыборной кампании возбуждалось множество уголовных дел, «волостной управитель составляет протоколы, привлекая к ответственности представителей противной партии сплошь и рядом за вымышленные преступления... партия “кара-черю” не остается в долгу и засыпает правительственные места кляузными жалобами против волостного управителя, народных судей и других представителей своих противников» [20. С. 41].

Такая борьба предсказывала итог выборной кампании. Победившая партия «живет в течение трех лет относительно спокойно под крылом “своего” суда и “своей” волостной администрации, освобождается от повинностей, не облагается поборами, выигрывает все начатые ее членами или против них дела. Побежденная партия, наоборот, несет двойные повинности... и разоряется народным судом». Безусловно, при таком характере выборов, говорить об эффективности нововведения совершенно невозможно. В качестве меры, направленной на борьбу со злоупотреблениями биев при выборах, чиновники ревизионной комиссии предлагали развести выборы судебной власти и волостной администрации и производить выборы судей «сходом домохозяев известного аула, а не пятидесятиниками. Только в этом случае бии будут пользоваться доверием и будут меньше злоупотреблять своим влиянием» [22. Л. 14 об.].

Существенную роль при этом играли народные судьи – бии. Один из чиновников туркестанской администрации в своем докладе «О русском и народном судах» крайне негативно высказывался о народном суде: «Опыт службы и наблюдение за деятельностью народного суда привели меня к такому выводу, что избранные народные судьи стоят на низшей ступени умственного развития, не грамотны, часто совершенно не знакомы с адатом» [17. Л. 23 об.]. По его мнению, компетенции народных судей должны быть сокращены, «народным судьям нельзя давать такую власть, какая им дана по ст. 219¹, денежное взыскание должно быть до 100 рублей и заключение под стражу до 6 месяцев». Чиновник отмечал, что принцип выборности народных судей необходимо сохранить, но срок полномочий должен быть увеличен до 9 лет², важным принципом для выбора на должность должна быть грамотность претендента, «хотя по туземному и знакомые с писанным адатом». Число народных судей у кочевников должно быть уменьшено с 4 до 2 на волость. Региональные власти отмечали, что деятельность единоличных судей весьма слаба, «население

более доверяет коллегиальному суду или обращается в съезды (чрезвычайные. – И.А.)» [23. Л. 42].

Мнение о сокращении штата судей нашло поддержку и в итоговом отчете по ревизии Туркестанского края. В материалах ревизии подчеркивалось, что широкий состав народных судей (не менее четырех человек на волость) был изначально направлен на создание гарантий против личного или партийного пристрастия народных судей, однако на деле оказалось, что в судьи попадают лица, «принадлежащие к одной наиболее сильной в волости партии, и каждый из них, находясь в зависимости от избравших его, не позволит себе уклониться от соблюдения партийных интересов». В связи с этим расширенный состав народных судей «не обеспечивает в достаточной мере беспристрастного отправления правосудия и, вместе с тем, тяжелым бременем ложится на население» [20. С. 48]. Важным, по мнению одного из чиновников туркестанской администрации, должно было стать определение денежного содержания народного судьи, вместо неконтролируемых вознаграждений (бийлыков), утвержденных «Положением» 1886 г. [17. Л. 24 об.]. Данный недостаток отмечал и сенатор Пален, называя отрицательной стороной «в устройстве народного суда как оседлого, так и кочевого населения... установленный Туркестанским положением порядок вознаграждения их за отправление судебных обязанностей на основании обычаев, без определения его размеров, что дает народным судьям возможность, под видом обычного вознаграждения, вымогать его в непомерно высоком размере» [18. Л. 2–8].

Производитель работ по исследованию судебной системы Туркестанского края А. Соколов писал, что круг дел, подведомственных народным судьям, в казахских волостях обширен, в него входят «денежные иски на какую угодно сумму, все наследственные, семейные и имущественные дела, а также и уголовные, кроме убийств и грабежей». Такие широкие полномочия, по мнению Соколова, охватывали во всем объеме жизненные интересы и взаимоотношения казахов. К этому необходимо добавить, что размер налагаемых наказаний также настолько обширен и тяжел, что сразу «становится понятным то огромное влияние, которое имеют у киргиз бии, владеющие таким страшным орудием воздействия на массу».

Таким образом, народный суд в силу огромной компетенции, предоставленной ему законодательством, безгранично властвовал и действовал совершенно произвольно. Сам сенатор К.К. Пален отмечал, что «назначение народного суда отправлять правосудие по обычаям, на основах патриархального быта, выродилось в лицепрятное служение со стороны судей хищническим инстинктам партийных главарей и угнетение народных масс» [20. С. 42].

Важным недостатком существовавшей в конце XIX в. судебной системы в Степном крае и Туркестанском генерал-губернаторстве, по мнению большинства российских чиновников, связанных с регионом, являлись ограниченные возможности тяжущихся судиться в русском суде. «Положение» 1886 г. предоставляло такую возможность только при обоюдном согласии тяжущихся сторон [3]. Чиновники настаивали, что тя-

жущимся необходимо предоставить право вести дела в русском суде по заявлению одной стороны. «Введя 215 статью³, – писал один из чиновников, – сделана была большая ошибка, отдав киргиз в руки народного суда: правая сторона всегда желает судиться у русского суда, а сторона неправая препятствует этому».

Конечно, данная статья снижала эффективность самого процесса интеграции традиционной судебной системы в общеимперское правовое пространство. Осужденное или недовольное решением лицо не могло, без согласия другой стороны, перенести дело в русский суд для пересмотра его по существу, а возможность обратиться с жалобой для рассмотрения на съезде народных судей не приводила к значительным изменениям. На съезде «решения единоличных судей редко отменяются, так как бии друг друга поддерживают. Русский суд вмешивается только при формальных нарушениях или когда дело не подсудно народному суду» [22. Л. 8].

Собрав значительный материал по действующей в Туркестане на начало XX в. судебной системе, А. Соколов пришел к выводу, что «потребность многочисленного туземного населения в справедливом нелицеприятном и неподкупном суде не может почитаться удовлетворенною; об этом свидетельствуют и заявленные ревизующему Сенатору многократные ходатайства различных групп туземного населения и прошения отдельных лиц об упразднении народного суда или разрешении обращаться по свободному выбору одной из сторон к русскому суду. Рассмотрение целого ряда решений народных судов, постановленных по однородным делам и друг другу противоречащих, привело вместе с тем, к убеждению, что причина неудовлетворительного отправления правосудия среди туземцев кроется, помимо процессуального несовершенства самих судов, в свойствах применяемых ими материального права, сбивчивого и недоступного пониманию широких масс населения». По мнению чиновника, «составители Положения 1886 г. не решились дать в руководство народным судьям доступный общему пониманию, приуроченный к местным потребностям и согласованный с основными принципами русского права кодекс, а ограничились изданием статьи 210, уполномочивавшей народные суды как кочевого, так и оседлого населения решать дела “на основании обычаев”, совершенно упустив из виду, что у оседлого населения правовых обычаев не существует, так как они поглощены всецело писанными правилами шариата» [24. Л. 49–50].

Особой критики со стороны российских чиновников, несших службу в степных областях, заслужила деятельность чрезвычайных съездов, которые, как отмечал сенатор К.К. Пален, «играли весьма заметную роль в правовом быту киргизов» [20. С. 49]. Чрезвычайный суд собирался по представлению губернатора для решения дел, в которых участвовали жители разных уездов или волостей. Статус чрезвычайных съездов был определен «Положением об управлении Туркестанским краем» 1886 г. Однако на практике работа чрезвычайных съездов, как правило, не соответствовала установленным нормам. По мнению военного губернатора Акмолинской области

М.Я. Романова, «съезды эти (чрезвычайные. – И.А.) совершенно не удовлетворяют своему назначению и дела по несколько лет остаются нерешенными, только обременяя областную и уездную администрации излишне перепиской» [25. Док. № 133. С. 411]. В своем письме от 12 октября 1905 г. Степному генерал-губернатору областной начальник указывал, что «в делопроизводстве областного правления состоит много дел по прошению киргизов, направленных на рассмотрение чрезвычайных съездов, и эти дела переносятся из года в год, оставаясь нерешенными или за неявкою тяжущихся сторон, или за неприбытием народных судей». «Очевидно, – приходит к выводу военный губернатор, – киргизский народный суд и особенно чрезвычайные съезды, в своем настоящем виде не удовлетворяют туземного населения и оно утратило веру в них» [Там же].

Свою позицию М.Я. Романов основывал, в том числе, на сведениях, поступавших от крестьянских начальников. Зимой 1902–1903 гг. состоялся 1-й съезд крестьянских начальников Акмолинской области, в повестке которого стоял вопрос и о казахском народном суде. На съезде было выработано единое заключение, что необходимо продолжить реформы народного суда, так как «долголетняя практика со всей очевидностью доказала, что киргизский суд в современном его виде представляется учреждением крайне неудовлетворительным». По мнению крестьянских начальников, «инородцы не довольны своим судом и рядом с этим наблюдается проявление симпатий к русскому суду, в лице мирового института. Сравнивая порядок судопроизводства в русском суде, киргизы ... невольно отдают предпочтение стройности порядка русского судопроизводства, замечая в тоже время и неподкупность русского судьи, чего они в своем родном суде почти не находят» [Там же. С. 411]. Съезд предложил свою модель реорганизации казахского суда, выделив в нем три инстанции. Первой инстанцией в этой схеме должен был стать единоличный народный судья. Второй, апелляционной инстанцией был назван волостной съезд народных судей. Третьей инстанцией, выполняющей главным образом функции кассации, назначался съезд крестьянских начальников. Чрезвычайные съезды были исключены из предлагаемой модели устройства суда. По мнению участников съезда, они должны были подлежать упразднению как «отжившая форма суда, действующая на киргизов развращающим образом вследствие своего неправоподобия» [Там же. С. 412]. Как отмечает военный губернатор Акмолинской области, членами съезда неоднократно высказывалось мнение, что «в деятельности чрезвычайных съездов нужно видеть причину тех крупных самоуправств и краж, которые во множестве происходят в степи».

Важным недостатком деятельности чрезвычайных съездов являлось неудовлетворительное выполнение судейских обязанностей. Не только вызываемые стороны, но и назначенные уездными начальниками народные судьи являлись на место созыва весьма не исправно, прежде всего, из-за значительных расстояний, причем «судьи предпочитают уплатить за неявку установленный ст. 250 Туркестанского Положения

штраф в 10 руб., чем проездить сотни верст» [20. С. 77]. Нередко эти обстоятельства требовали переноса съезда на другое время, что существенно затягивало решение дел.

Кроме того, сама работа судей на съездах требовала серьезной критики. Так, в 1905 г. между волостями одного из участков Акмолинского уезда по предписанию Военного губернатора с 25 мая по 15 июня был проведен чрезвычайный съезд народных судей, на котором было рассмотрено и решено 80 дел, преимущественно по кражам. Однако народные судьи, по заверению крестьянского начальника «решали дела не справедливо, избегали наложения наказания на богатых и влиятельных, обвиняемых в краже и оправдывали их» [26. Л. 87].

Существенной критике со стороны администрации степных областей подверглись введенные Сенатом в 1904 г. изменения в деятельность чрезвычайных съездов. Согласно указу Сената было определено, что наряду с междууездными съездами необходимо проводить и чрезвычайные съезды между волостями одного уезда. Эти нововведения «ввели полный сумбур в судопроизводство, население совершенно не понимало – почему должен быть съезд чрезвычайный между волостями одного и того же уезда, самое слово чрезвычайный показывает, что это съезд особый» [17. Л. 27]. В результате изучения собранного материала чиновники ревизионной комиссии сенатора Палена пришли к достаточно резкому заключению, что «составители положения 1886 г. совершенно не ознакомились с чрезвычайными съездами, никогда не видали на них судопроизводства, поэтому 247, 248 и 249 ст.ст. и Указ Сената совершенно не применимы к делу» [Там же. Л. 27–27 об.].

Собранные сенаторской ревизией данные о положении народного суда в Туркестанском крае свидетельствовали о том, что «туземное население лишено чрезвычайно важного бытового и экономического прогресса», а консервативные тенденции в народных судах соответствуют «первобытному патриархальному» укладу жизни. Правила адата «далеко отстали не только от современных правовых порядков у культурных народов, но и от усложнившихся за последние годы условий гражданских отношений и экономического оборота среди самих туземцев». Народный суд, с учетом всех недостатков его устройства и деятельности, «уже не в состоянии удовлетворить насущным запросам современной жизни туземного населения края, и сознание его неудовлетворительности начинает даже проникать в народные массы». В своем отчете граф Пален писал: «Не даром во время судопроизводства ревизии ко мне поступали от туземцев наиболее культурных местностей края (напр. Андижанского уезда) коллективные письменные и устные ходатайства об упразднении народных судов и просьбы отдельных лиц о разрешении им обращаться к русскому суду. Если при этом принять во внимание продажность и партийную пристрастность народных судей в центральных областях Туркестана и в Семиречье, а также хаотическую беспорядочность устройства народного суда и отправления им правосудия в Закаспийской области, то станет очевидным, что

упразднение народных судов с полной заменой их общеимперскими судебными установлениями являлось бы наиболее правильным разрешением назревшего вопроса об упорядочении отправления правосудия в Туркестанском крае» [20. С. 203]. Не выглядела убедительной и позиция сторонников сохранения народного суда о том, что этот суд ближе и понятнее населению, а его упразднение приведет к опасной ломке коренных устоев туземной жизни – ее семейных и брачных обычаев. В качестве опровержения сенатор Пален рассуждал, что «многие из них (семейные обычаи. – И.А.) уже давно отжили свой век и не могут быть терпимы в культурном государстве, а те обычаи, которые не противостоят русскому государственному строю, сохраняются и при введении мирового института для всех дел туземного населения» [Там же. С. 205]. А наиболее важно, что «государство не может и не должно приравнивать судебное устройство к уровню понятливости населения, которое часто находится на низкой степени развития. Наоборот, создавая более совершенные формы суда, гарантирующие его справедливость и беспристрастие, государство тем самым способствует повышению в населении правовых понятий. Убеждаясь в превосходстве новых судебных органов перед отмененными, население быстро осваивается с ними, скоро научается понимать и ценить их и через них растет в своем правосознании» [Там же. С. 204]. Говоря о необходимости проведения реформ традиционной судебно-правовой системы Туркестана и Степного края, К.К. Пален приводил и аргументы, по его определению «политического характера». По мнению сенатора, «народный суд оседлого населения служит оплотом мусульманства; это – единственный официальный орган, самим законом уполномоченный проводить в жизнь правила проникнутого религиозного нетерпимостью мусульманского права и поддерживающий в туземном населении постепенно угасающий от соприкосновения с русскими государственными и правовыми началами фанатизм», а значит, упразднение народного суда в Туркестане приведет к постепенному ослаблению позиций мусульманского духовенства в обществе, что будет способствовать усилению русского влияния в регионе [18. Л. 7–8].

Таким образом, согласно материалам сенаторской ревизии графа К.К. Палена, проводимой в 1908–1909 гг., «Положение об управлении Туркестанского края» 1886 г., которое по праву можно считать «итогом двадцатилетней законотворческой деятельности местных и центральных властей, свидетельством сохранения главной тенденции политики царского правительства в Центральной Азии, направленной на органическое слияние Туркестана с остальной империей, частным проявлением общего курса имперской политики в отношении окраин» [27. С. 109], в отношении реорганизации судебной системы региона показало свою неэффективность. Важным, в связи с этим, выглядит мнение К.П. Палена, который полагал, что, несмотря на веские основания к ликвидации института народных судов, последнее вряд ли состоится в ближайшее время. Тем не менее сенатор был уверен в необходимости реформирования судебной системы

Туркестанского края и степных областей по пути ее унификации с общероссийской.

Материалы и результаты сенаторской ревизии, показав необходимость коренного пересмотра «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г. и проведения реформы традиционной судебно-правовой системы региона, получили широкое обсуждение в российских правительственных кругах. На основании собранных ревизией материалов Совет министров в декабре 1910 г. принял решение об образовании Особого совещания для выработки «основных начал преобразования управления Туркестанским краем» под председательством статс-советника П.А. Харитонova [14. Л. 34–35]. В работе Особого совещания, начавшегося в Петербурге в мае 1911 г., приняли участие представители различных министерств и ведомств, включая проводившего ревизию Туркестанского края сенатора графа Палена и Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова. В ходе работы Совещания предполагалось внести изменения в законодательство по вопросам управления в Туркестанском крае с учетом выявленных сенаторской ревизией недостатков, а полученные результаты должны были лечь в основу ведомственных законопроектов [16. С. 13].

Отдельно на совещании рассматривался и вопрос о преобразовании судебной системы региона и упразднении народных судов. Совещание согласилось с оценкой народных судов как «неудовлетворительных» и несоответствующих современным реалиям политической и экономической жизни региона, однако так и не решилось на окончательное упразднение традиционной системы судопроизводства Туркестана и степных областей. Участники совещания подчеркивали, что в проведении реформ нужно быть более «осторожными», «не упраздняя совершенно народных судов, принять в отношении их такие меры, которые устранили главнейшие отрицательные их стороны <...> обезвредили бы их» [14. Л. 10]. Такая половинчатость мер, по мнению членов высочайшего совещания, обусловлена невозможностью замены народных судов в Туркестанском крае в полном объеме из-за элементарной нехватки «русских людей, знающих язык и правовые порядки туземцев». В итоге в качестве пути преобразования было признано необходимым ограничить компетенции народного суда путем передачи уголовных дел в общеимперские судебные инстанции, изменить порядок выборов народных судей с назначением последним государственного содержания, а также усилить прокурорский надзор за деятельностью народного суда.

В ноябре 2012 г. Совет министров, опираясь на заключение совещания, утвердил основные направления реформирования краевого, областного, уездного, городского и сельского управлений Туркестанского края. Важным стало принятое 20 ноября 1912 г. постановление Совета министров, которое одобрило передачу дел, подсудных народным судам Туркестанского края, в ведение органов мировой юстиции, с определенными оговорками. Так, при рассмотрении дел в сфере семейно-брачных отношений, вопросов наследования, проблем, связанных с порядком водо-

пользования, мировые судьи должны исходить из норм обычного права.

Свое мнение о проблеме упразднения народных судов высказывали и представители региональных властей, которые по просьбе Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова предоставили к концу 1912 г. свои отзывы. Однако четкого единства в позициях военных губернаторов не наблюдалось. Власти Самаркандской и Семиреченской областей выступали за полную ликвидацию народных судов и замену их общеимперскими судебными органами. По мнению Семиреченского военного губернатора, «выборные суды у туземцев большое зло». Для рассмотрения маловажных дел необходимо учредить волостные суды по типу казачьих станичных судов, большую часть дел передать в общеимперские суды, учредить третейские суды из почетных судей, по шариатским делам признать высшей инстанцией для волостных и третейских судов окружной суд, куда в качестве эксперта приглашается духовное лицо [14. Л. 14]. Однако губернаторы Сыр-Дарьинской и Ферганской областей были более осторожны, полагая более эффективным не упразднение народных судов, а проведение некоторых реформ в области судопроизводства. На полном сохранении действующей системы настаивал начальник Закаспийской области, который среди прочего отмечал, что народный суд и обычаи наиболее удобны для коренного населения области; какими бы несовершенными они не казались, «они являются существенно необходимыми для благосостояния и счастья покоренного народа». Безусловно, такие расхождения были вызваны особенностями социокультурного развития тех или иных областей, позициями мусульманского духовенства и степенью русского влияния в регионе.

Результаты ревизии Палена были положены в основу проекта упразднения народных судов в Туркестанском крае, составленного в 1913 г. прокурором Ташкентской судебной палаты Ненароковым. Рассуждая о причинах сохранения в судебной системе Туркестана и степных областей народных судов, в проекте говорилось, что в свое время, в период присоединения обширных среднеазиатских пространств в Российской империи, «институт народных судов был уступкой со стороны русской власти малокультурному и чуждому населению <...>. Для того времени соображения о необходимости оставить туземцам их прежние правовые порядки и суды без существенных изменений – представлялись обоснованными и целесообразными, так как путем этой уступки достигалась первыми устроителями края цель спокойного без потрясений быта туземцев перехода их под власть России. Но в настоящее время, когда Туркестанский край прочно связан и развивается в полном единении с Империей, когда в этот край направляется коренное русское население, с которым туземцы находятся в постоянном общении <...> задачи правительства в Туркестане, конечно, не могут оставаться прежними задачами – покорения и умиротворения враждебного населения чуждого края» [14. Л. 16 об.]. Прежде всего, отмечалось далее, интересы государства требуют ассимиляции коренного населения с

остальным населением империи, что может быть достигнуто распространением на Туркестан общеимперских уголовных и гражданских законов и российской юстиции.

После обсуждения итогов ревизии Палена, выявленных недостатков действующих судебных учреждений, проект содержал и собственно механизм реорганизации судебной системы Туркестанского края, который в целом можно охарактеризовать как прогрессивный и отвечающий нуждам государственной политики в регионе.

В первую очередь, проект настаивал на упразднении всех форм народного суда, а подведомственные данным судам уголовные и гражданские дела требовал передать в компетенции мировых судей и общих судебных установлений на основании действующих в округе Ташкентской судебной палаты «правил о подсудности». Следующим предполагаемым шагом было приведение нотариальных и опекунских дел в соответствии с общеимперским законодательством, что подразумевало изъятие этих обязанностей у народных судей и возложение нотариальных дел по правилам нотариального положения на нотариусов (при отсутствии последних – на мировых судей), а опекунских дел – на рассмотрение сельских сходов (в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях) или волостных управителей под надзором мировых судей (в Закаспийской области).

Конечно, такие преобразования требовали и дополнительного финансирования, и увеличения штатов судебных учреждений. Для решения последней задачи в округе Ташкентской судебной палаты предполагалось учредить 66 новых должностей мировых судей; в каждом из пяти окружных судов открыть по одному отделению в составе товарища председателя и трех членов суда; расширить штат товарищей прокурора, секретарей окружного суда; образовать не менее 20 новых должностей судебных приставов окружных судов, расширить штат переводчиков при судах и окружной палате. Безусловно, увеличение аппарата юстиции в Туркестанском крае вызывало новые финансовые траты бюджета. Однако, как отмечалось в представленном на рассмотрение проекте, «столь значительные расходы государства, вызываемые проектируемым упразднением народных судов в Туркестане и передачею всех дел туземцев в Имперские суды, вполне оправдываются достижением благодетельной для многомиллионного населения среднеазиатских владений Империи цели установления для них суда равного и справедливого и устранения вредной обособленности туземцев от населения Империи в их правовом укладе жизни» [14. Л. 23]. Однако проект, предложенный Ненароковым, так и остался на этапе обсуждения.

Таким образом, результаты и выводы сенаторской ревизии 1908–1910 гг., проведенной графом К.К. Паленом, стали поводом для обсуждения судебной и правовой системы Туркестанского края и степных областей, но не повлекли за собой реальных преобразований. Реализации намеченных реформ помешали события внешнеполитического характера. Начало Первой мировой войны кардинально изменило поли-

тическую ситуацию в стране, и вопросы внутренней модернизации судебно-правовой системы отошли на второй план. Российские власти стремились сохранить и максимально интегрировать в общеимперское правовое поле подвергшиеся трансформации традиционные судебные институты, что было обусловлено характером национальной стратегии Российской империи. Но в итоге сохранение народного суда не позволило в полной мере инкорпорировать местное население

региона в общеимперское пространство и сформировать единую эффективную судебно-правовую систему. Вплоть до конца имперского периода, а затем и в первые годы советской власти в Туркестане и Степном крае сохранялась судебная система, сочетавшая в себе как общегосударственную судебную организацию, так и традиционный народный суд, что осложняло работу аппарата юстиции в регионе и препятствовало развитию прогрессивного правосознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно ст. 219 «Положения» 1886 г. народный суд имел право налагать на виновных следующие наказания: 1) денежные взыскания не свыше трехсот рублей и 2) заключение под стражу не свыше одного года и шести месяцев.

² По «Положению» 1886 г. судья избирался на три года (ст. 221).

³ Согласно ст. 215 «Положения» 1886 г. дела, подлежащие разбору в народном суде, могут рассматриваться и мировым судьей или в областном суде только при обоюдном желании сторон, как истца, так и ответчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В., Стурова М.В. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул : АЗБУКА, 2014.
2. Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.) // Древний мир права казахов (материалы, документы и исследования в десяти томах). Алматы : Жеті жарғы, 2005. Т. V.
3. Положение об управлении Туркестанского края 1886 г. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html>
4. Анисимова И.В., Лысенко Ю.А. Нормативно-правовая база реформирования традиционной судебной системы казахского общества в XIX в. // Вестник алтайской науки. 2013. № 1. С. 78–82.
5. Салиев А. Попытки инкорпорации традиционных судов Туркестана в систему судопроизводства Российской империи // Право и управление. XXI век. 2015. № 2 (35). С. 123–128.
6. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 647.
7. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1291. Оп. 84. Д. 18-1897.
8. Глазунов Д.А. Подготовка судебной реформы 1898 г. в Степном генерал-губернаторстве // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках. Новосибирск : Параллель, 2011. С. 163–169.
9. Васин К.Л. Административные и судебные реформы 60–90-х гг. XIX в. в Степных областях Западной Сибири (Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008.
10. Нестеренко Л.С. Распространение судебной реформы 1864 г. в Туркестанском крае // Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире. Краснодар : Премьер, 2012. С. 292–296.
11. Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях / сост. И.И. Крафт. Оренбург, 1898.
12. РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 4-1901.
13. Бабенко В.Н. Судебная система России: История и современность. М. : ИНИОН РАН, 2007.
14. РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 594.
15. Махмудова Н.Б. Сенаторская ревизия графа К.К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия // Метаморфозы истории. 2016. № 7. С. 134–150.
16. Шушкова М.Е. Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый исторический вестник. 2012. № 2(32). С. 6–20.
17. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 392.
18. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 441.
19. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 390.
20. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909.
21. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 393.
22. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 389.
23. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2209.
24. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 8.
25. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Алма-Ата : Изд-во АН Казахской ССР, 1960. Т. 1.
26. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2322.
27. Центральная Азия в составе Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2008.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 ноября 2017 г.

THE PROBLEM OF REFORMATION OF THE TRADITIONAL JUDICIAL AND LEGAL SYSTEM OF TURKESTAN AND THE STEPPE REGIONS AT THE END OF THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 44–53.

DOI: 10.17223/15617793/428/6

Inna V. Anisimova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: iva0410@mail.ru

Keywords: judicial and legal system; people's court; Turkestan; Steppe regions; Russian Empire; reforms; incorporation.

The research is aimed to find and analyse the reasons, goals, main directions and productivity of reforming the traditional judicial and legal system of Turkestan and the Steppe regions at the end of the 19th – early 20th centuries. By the beginning of the 20th century a combination of elements of universal imperial secular justice and traditional law (the court of the biys, the Sharia trial, the adat norms, the kun institute) was a peculiarity of the legal framework of the Central Asian outskirts. Also, the judicial reform of 1864 did

not gain currency there, and up to 1898 prereform judicial institutions functioned in the region. Initially, the Russian authorities consciously aspired to preserve the people's courts in the region as an indicator of their loyalty to the traditions and customs of both the settled and nomadic population of Turkestan and the Steppe regions and as a result of searching for the most optimal model for managing individual ethnoregions. The judicial system required radical reforms as the region was joining the Russian Empire, the positions of the Russian authorities became stronger, the population was growing as a result of peasant colonization, social and economic relations were developing. The research is based on a wide range of sources, most of which are first introduced into scientific use. The basis of the source database is the documents and materials found in the Russian State Historical Archive and the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. These documents are the documents of a records management character, correspondence between officials of various departments on the issues of reforming the judicial system of Turkestan and the Steppe regions at the end of the 19th – early 20th centuries. Materials related to the preparation and carrying out of the inspection of Turkestan by Senator K.K. Palen in 1908–1909 are of significant importance. By the end of the 19th century, the existing judicial and legal system of Turkestan and the Steppe regions appeared to be ineffective according to both local authorities' representatives and central office clerks. K.K. Palen's inspection was determinative for assessing legal relations. It came to a conclusion that the standards of the Regulation of Turkestan Region's Governance of 1886 did not present changes in the region including its judicial system at the end of the 19th – early 20th centuries. Senator Palen was sure it was necessary to annihilate "people's courts" and to extend imperial judicial institutions in the region. As a result, several plans of reforming the judicial system of Turkestan and the Steppe regions were elaborated. However, the proposed reforms were of a limited character and "people's court" remained in the region's jurisdiction. The plans were approved by the central authorities but were not put into effect because of the First World War and the Revolution of 1917. The author concluded that the preservation of traditional judicial institutions and standards prevented from modern legal relations development and middle Asia outskirts integration in the imperial legal framework.

REFERENCES

1. Lysenko, Yu.A., Anisimova, I.V., Tarasova, E.V. & Sturova, M.V. (2014) *Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noy politike Rossiyskoy imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.)* [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual framework and mechanisms of the implementation (19th – early 20th cc.)]. Barnaul: AZBUKA.
2. Zimanova, S.Z. (ed.) (2005) *Vremennoe polozhenie ob upravlenii v Ural'skoy, Turgayskoy, Akmolinskoy i Semipalatinskoy oblastiakh (21 oktyabrya 1868 g.)* [Temporary provision on governance in the Urals, Turgai, Akmola and Semipalatinsk regions (October 21, 1868)]. In: *Drevniy mir prava kazakhov (materialy, dokumenty i issledovaniya v desyati tomakh)* [Ancient world of the Kazakh law (materials, documents and studies in ten vols)]. Vol. 5. Almaty: Zheti zharry, T. V.
3. Russia. (1886) *Polozhenie ob upravlenii Turkestanskogo kraya 1886 g.* [Governance statement of Turkestan in 1886]. [Online] Available from: <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html>.
4. Anisimova, I.V. & Lysenko, Yu.A. (2013) Normativno-pravovaya baza reformirovaniya traditsionnoy sudebnoy sistemy kazakhskogo obshchestva v XIX v. [The legal framework of reforming the traditional judicial system of the Kazakh society in the 19th century]. *Vestnik altayskoy nauki*. 1. pp. 78–82.
5. Saliev, A. (2015) Popytki inkorporatsii traditsionnykh sudov Turkestana v sistemu sudoproizvodstva Rossiyskoy imperii [Attempts to incorporate traditional courts of Turkestan into the system of proceeding of the Russian Empire]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*. 2 (35). pp. 123–128.
6. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. List 1. File 647. (In Russian).
7. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 84. File 18-1897. (In Russian).
8. Glazunov, D.A. (2011) Podgotovka sudebnoy reformy 1898 g. v Stepnom general-gubernatorstve [Preparations of the Judicial Reform of 1898 in the Steppe Governorate General]. In: Shilovskii, M.V. (ed.) *Sotsial'no-ekonomicheskie i etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priirtysh'e v XVII–XX vekakh* [Socio-economic and ethno-cultural processes in the Upper Irtysh region in the 17th–20th centuries]. Parallel'.
9. Vasin, K.L. (2008) *Administrativnye i sudebnye reformy 60–90-kh gg. XIX v. v Stepanykh oblastiakh Zapadnoy Sibiri (Akmolinskoy, Semipalatinskoy i Semirechenskoy)* [Administrative and judicial reforms of the 1860s–1890s in the Steppe regions of Western Siberia (Akmola, Semipalatinsk and Semirechenskaya)]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
10. Nesterenko, L.S. (2012) Rasprostraneniye sudebnoy reformy 1864 g. v Turkestanskom krae [Expansion of the Judicial Reform of 1864 in Turkestan]. In: Kiselev, A.S. (ed.) *Sotsial'no-gumanitarnye i yuridicheskie nauki: sovremennyye trendy v izmenyayushchemsya mire* [Social and humanitarian and legal sciences: modern trends in a changing world]. Krasnodar: Prem'er.
11. Kraft, I.I. (ed.) (1898) *Sudebnaya chast' v Turkestanskom krae i Stepanykh oblastiakh* [The judicial part in Turkestan and the Steppe regions]. Orenburg: Tipo-lit. P. N. Zharinova.
12. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 84. File 4-1901. (In Russian).
13. Babenko, V.N. (2007) *Sudebnaya sistema Rossii: Istoriya i sovremennost'* [The judicial system of Russia: History and modernity]. Moscow: INION RAN.
14. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 821. List 133. File 594. (In Russian).
15. Makhmudova, N.B. (2016) Senators' audit of Count K.K. Pahlen in Turkestan: reasons, implementation, results. *Metamorfozy istorii – Metamorphoses of History*. 7. pp. 134–150. (In Russian).
16. Shushkova, M.E. (2012) The Reform of the Administrative System of Turkestan Region at the Beginning of the XX c: The Conflicts between St. Petersburg and Tashkent. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 2(32). pp. 6–20.
17. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 392. (In Russian).
18. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 441. (In Russian).
19. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 390. (In Russian).
20. Russia. (1909) *Otchet po revizii Turkestanskogo kraya, proizvedennoy po Vysochayshemu poveleniyu Senatorom Gofmeysterom Grafom K.K. Palenom. Narodnye sudy Turkestanskogo kraya* [Report on the audit of the Turkestan Territory, made by the Highest Command Senator Gofmeister Count K.K. Palen. People's Courts of Turkestan]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya.
21. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 393. (In Russian).
22. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 389. (In Russian).
23. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. List 1. File 2209. (In Russian).
24. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 8. (In Russian).
25. Zimanov, S.Z. (ed.) (1960) *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoy Okt'yabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii)* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan (from the time of Kazakhstan's accession to Russia to the great October socialist revolution)]. Vol. 1. Alma-Ata: Izd-vo AN Kazakhskoy SSR.
26. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. List 1. File 2322. (In Russian).
27. Abashina, S.N., Arapova, D.Yu. & Bekmakhanovoy, N.E. (eds) (2008) *Tsentral'naya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii* [Central Asia in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

ДИНАМИКА БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ 1940-х – КОНЦЕ 1980-х гг.

Раскрываются особенности и характерные черты процессов эволюции семьи и домохозяйств, брачного состояния населения юга Красноярского края, включая Хакасию, в период конца 1940-х – конца 1980-х гг. Основное внимание уделяется выявлению и характеристике численности, состава, типа семьи, детности, анализу условий воспроизводства населения с учетом этнического состава семей, специфики процессов воспроизводства в городской и сельской местности. Характеристика брачно-семейных отношений этого периода позволяет оценить сущность демографических трансформаций современного общества, имеющих явные признаки кризисных проявлений.

Ключевые слова: семья; домохозяйство; воспроизводство; детность; брачность; разводимость; юг Красноярского края; Хакасия.

Семья является важнейшим институтом общества, благодаря которому сменяются поколения, осуществляется первичная социализация и воспитание детей, забота о пожилых членах семьи. На семью ложится организация быта, потребления, она выполняет большую часть хозяйственно-экономических функций. Основная цель статьи заключается в выявлении динамики брачно-семейных отношений населения юга Красноярского края в конце 1940-х – конце 1980-х гг. Нижняя временная рамка определена началом процессов «демографической компенсации» после катастрофических последствий Великой Отечественной войны. Верхняя временная граница обусловлена перестроечным периодом, когда обозначились кризисные процессы в сфере брачно-семейных отношений, но процессы депопуляции населения на юге Красноярского края еще не проявились. В то же время произошли глубокие трансформационные изменения, касавшиеся воспроизводства, структуры семьи, брачно-семейных отношений населения региона, отраженные Всесоюзной переписью населения 1989 г. Исходя из цели исследования, ставится ряд задач: дать структурно-количественную характеристику семьи с учетом специфики региона (численность, состав, условия воспроизводства, детность); оценить характер эволюции брачно-семейных отношений.

В исследуемый период проблемы семьи и брака находились в центре внимания демографов в рамках теории репродуктивного поведения, в частности В.А. Борисова [1], Л.Е. Дарского [2] и др. А.И. Антонов доказывал тезис об исторической неизбежности «отмирания» многодетной семьи в связи с радикальным сужением ее функций, демографического поведения и, как следствие, установления современной низкой рождаемости [3. С. 13]. В конце 1960-х – 1980-е гг., когда наметились серьезные изменения в процессах воспроизводства населения, появились исследования проблем жизненного цикла семьи, политики в отношении семьи, изменения состава семей и детности в результате воздействия демографических, экономических и социокультурных процессов. Труды А.Г. Волкова [4], М.С. Тольца [5] и других содержали важные методологические установки в области исследования эволюции семьи, брака, детности, матримониального и репродуктивного поведения населения в условиях демографической эволюции общества.

Различным аспектам исследования семьи как основной ячейки воспроизводства населения, изменениям состава, структуры, типа семьи, детности были посвящены монографии Л.В. Чуйко [6], В.А. Беловой [7], И.А. Герасимовой [8]. Основными работами в контексте социологии семьи и ее изучения как экономической ячейки общества являлись исследования А.Г. Харчева [9], А.Г. Хорчева, М.С. Мацковского [10], З.А. Янковой [11], Э.К. Васильевой [12], Н.М. Римашевской [13], А.И. Антонова, В.М. Медкова [14] и пр.

С.И. Голод, М.С. Мацковский, А.Г. Вишневецкий и другие авторы оценивали изменение института семьи в целом как неизбежный процесс «плюрализации» ее форм. Новые явления в брачной, сексуальной и репродуктивной сферах, обнаруженные в середине XX в., интерпретировались неоднозначно, но не как отклонение от нормы, а как «признак существенных и необратимых эволюционных сдвигов» [15. С. 51]. А.Р. Михеева внесла значительный вклад в разработку проблематики трансформации сельской семьи Сибири во второй половине XX в. Распространение внебрачной рождаемости, сожителств рассматривается ею в качестве альтернативы юридически регистрируемому браку [16].

Великая Отечественная война существенно повлияла на социально-демографическое развитие страны, изменила возрастно-половую структуру населения, вызвала его территориальные перемещения. Все это кардинальным образом отразилось на брачном состоянии населения, динамике числа семей и изменении их состава [17. С. 32]. Прямые последствия войны выразились в заключении браков в более позднем возрасте, чем до войны, причем не только у тех поколений, возраст максимальной брачности которых пришелся на военные годы, но и у соседних поколений. Увеличилось число вдов, женщин, оставшихся вне брака. Нехватка мужчин повысила уровень разводимости населения. Косвенные последствия войны сказывались на всех последующих поколениях. Значительные перепады в численности довоенных, военных и первых послевоенных поколений, с учетом того, что женихи были, как правило, на 2–3 года старше невест, порождали дефицит в бракоспособных возрастах то мужчин, то женщин [4. С. 110–111].

На примере данных о брачном состоянии населения Минусинского района Красноярского края видно,

что на протяжении 1948–1959 гг. происходил рост общего коэффициента брачности, измеряемый в промилле (‰), т.е. на 1000 населения. Брачность горожан выросла с 9,8 до 12,8‰ (рис. 1). Вместе с тем изначально более высокая брачность сельского населения, ввиду больших потерь мужского населения в войне и последующего оттока в городские местности, показала тенденцию к снижению с 10,4 до 8,8‰ в 1952–1959 гг. (рис. 2). Общий коэффициент разводимости оставался на крайне низком уровне как у сельчан (до 0,5‰), так и горожан (до 1,5‰) [18. Л. 1].

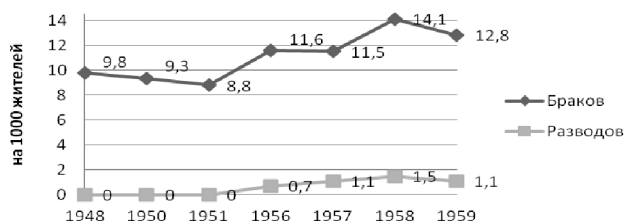

Рис. 1. Брачность и разводимость горожан Минусинского района

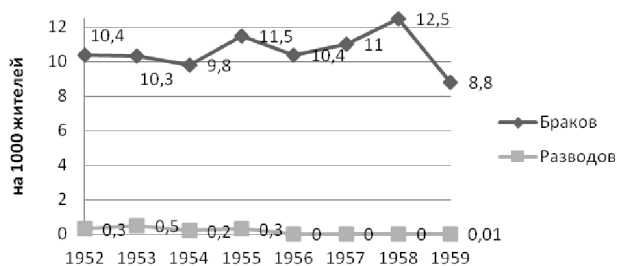

Рис. 2. Брачность и разводимость сельчан Минусинского района

В соответствии с данными Всесоюзной переписи населения 1959 г. в Красноярском крае в браке состояло 547 491 мужчина и 542 293 женщины (100 к 99,1), что составляло 43,9 и 39,6% от общей численности мужского и женского населения старше 14 лет. Учитывая половозрастные диспропорции населения, следует отметить, что число состоявших в браке мужчин на 1 000 чел. данного пола в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем женщин, и насчитывало, соответственно, 670 и 569 чел. [19. С. 100].

Как и в предвоенный период, доля ранних браков была крайне незначительной и в поколении 15–19 лет насчитывала 1,7% среди мужчин и 6,6% среди женщин (рис. 3). Медианный возраст вступления в брак, который на протяжении последующего периода менялся сравнительно мало, рассчитывался для мужчин в 24 года, для женщин – в 22 года [4. С. 186].

Массовое вступление в брак приходилось на 20–24, 25–29 лет: в этих возрастных группах 51,4% мужчин и 67,2% женщин были женаты и замужем. Более позднее вступление в брак мужчин и наметившийся резкий дисбаланс полов (100 мужчин к 117,6 женщин) привели к тому, что в возрастных группах 30–34, 35–39 лет были женаты 92,0% мужчин и только 79,6% женщин. У мужского населения уровень максимальной брачности пришелся на поколения 40–49, 50–59 лет (95,7 и 94,7%), что свидетельствовало о достаточно низких величинах окончательного мужского безбрачия – 4,0–5,0%. Брачность женщин возрастных групп свыше 40 лет неуклонно снижалась – с 62,4 до

26,6% у поколений старше 60 лет. Резкие половозрастные диспропорции мужчин и женщин – 100:137,2 (40–49 лет), 100:169,9 (50–59 лет), 100:245,3 (старше 60 лет), большое количество вдов, высокая смертность мужчин-фронтовиков, даже с учетом заключения повторных браков, обусловили крайне низкую брачность женщин средних и старших возрастных групп [20]. Таким образом, продолжительность жизни в браке у мужчин была выше, чем у женщин, причем с повышением возраста этот разрыв увеличивался [5. С. 56].

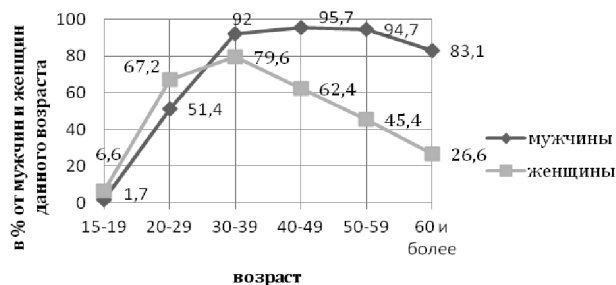

Рис. 3. Брачное состояние населения Красноярского края в 1959 г.

В 1960 г. брачное состояние населения юга Красноярского края достигло 14,1‰ (16,5‰ – у горожан, 11,5‰ – у сельчан) [21. С. 54] (рис. 3). Более низкая доля брачности сельского населения была вызвана меньшей сбалансированностью возрастно-половой структуры и более низкой долей бракоспособного населения. Коэффициент разводимости оставался достаточно низким – 0,9‰ (1,6% – в городе, 0,3% – в сельской местности) [Там же. С. 54]. Разводимость в крае была ниже российских показателей, где количество разводов в 1958–1959 гг. на 1 тыс. брачных пар достигало 5,4 [22. С. 186]. В 1965 г. общий коэффициент брачности резко снизился – 9,5‰ (11,4‰ – среди горожан, 6,9‰ – среди сельчан), что было связано со вступлением в репродуктивный возраст малочисленного поколения военных лет (табл. 1). Разводимость несколько повысилась – до 1,6‰, дифференцируясь по городским и сельским местностям (2,5 и 0,4‰) [21. С. 54].

Таблица 1
Общие коэффициенты брачности и разводимости в Красноярском крае (на 1 тыс. населения)

Год	Брачность			Разводимость		
	Все население	Городское	Сельское	Все население	Городское	Сельское
1960	14,1	16,5	11,5	0,9	1,6	0,3
1965	9,5	11,4	6,9	1,6	2,5	0,4
1970	11,1	12,3	9,1	2,9	4,0	1,0
1975	11,6	12,0	10,8	3,5	4,4	1,5
1980	11,5	11,8	11,1	4,3	5,3	2,2
1985	10,5	10,9	9,4	4,4	5,2	2,3
1990	9,1	9,6	7,7	4,1	4,8	2,1

Источник: [20. С. 54].

На примере Хакасии рассмотрим численность и состав семей различных этнических сообществ в 1959 г. Русских семей было большинство – 74,1% (в городской местности 82,5%). Семей украинцев насчитывалось 4,7% (среди горожан – 5,7%), хакасов – 11,4% (2,4%), немцев – 2,5% (1,6%), татар – 1,0% (1,3%), белорусов – 1,1% (1,2%), евреев – 0,2% (0,3%), других народов – 4,9% (5,1%) [23].

Преобладали семьи из двух–четырех человек (табл. 2). На их долю приходилось 72,2%. В составе городского населения их удельный вес был выше сельского на 7,1%. Наиболее распространенными были семьи из трех человек – 25,3% (в доле горожан – 26,5%, сельчан – 23,8%).

В населении Хакасии насчитывалось 22,9% семей в составе пяти–шести человек (городское население – 21,1%, сельское – 25,0%). У немцев их доля была выше – 24,1% в городе и 31,0% в сельской местности, у русских – соответственно 20,8 и 24%, татар – 20,8 и 25,8, хакасов – 23,8 и 27,1, белорусов – 20,8 и 22,8, украинцев – 21,3 и 21,3, прочих национальностей – 22,8 и 25,3%. Доля семей из семи и более человек в сельской местности составляла 6,6%, а среди горожан не превышала 4,4%. Многодетные семьи преобладали у хакасов (7,5% – среди горожан, 9,4% – среди сельчан), немцев (6,7 и 15,1%), татар (9,0 и 4,8%) и русских (3,3 и 6,6%).

Среднее количество членов семей, проживавших в Хакасии, составляло 3,8 чел. При этом большая людность наблюдалась в хакасских семьях – 4,1 чел. в сельской местности, 5,2 в городской), а также русских (4,3 и 4,2) и немецких (4,2 и 4,1). Меньше по размеру были семьи татар (3,7 чел. в сельской местности, 3,9 – в городской). Самыми малолюдными оказались семьи белорусов (3,1 и 3,4 чел.) и украинцев (3,2 и 3,0) [23].

Таблица 2

Распределение семей Хакасской автономной области по их размерам и национальности, % от населения (1959 г.)

Национальность	Городское население					Сельское население				
	2–4 чел.	5–6 чел.	7 и более чел.	Одиночки	Лица, живущие отдельно от семьи	2–4 чел.	5–6 чел.	7 и более чел.	Одиночки	Лица, живущие отдельно от семьи
Русские	75,9	20,8	3,3	14,3	25,6	70,6	24,3	5,1	11,2	17,1
Украинцы	76,1	21,3	2,6	10,6	42,9	74,9	21,4	3,7	10,3	19,4
Хакасы	68,7	23,8	7,5	25,8	78,0	63,5	27,1	9,4	12,6	13,4
Немцы	69,2	24,1	6,7	15,0	12,7	53,9	31,0	15,1	4,9	9,9
Татары	74,4	20,8	4,8	21,1	38,1	65,2	25,8	9,0	12,7	21,0
Белорусы	75,2	20,8	4,0	17,1	39,5	70,7	22,8	6,5	8,2	17,4
Евреи	75,7	22,3	2,0	21,0	31,1	92,0	8,0	–	16	36
Пр. нац-ти	73,2	22,7	4,1	14,5	26,3	66,0	25,3	8,7	13,2	16,6
Все население	75,5	21,1	3,4	14,5	28,0	68,4	25	6,6	11,3	16,1

Подсчитано по: [23].

В связи с тем, что группировка семей по составу в зависимости от характера родства их членов впервые после переписи 1926 г. была проведена только при разработке материалов Всесоюзных переписей населения 1970 и 1979 гг., не представляется возможным четко выявить демографический тип семьи. Тем не менее очевидно, что он обусловлен наличием в ее составе «ядра», которое может быть полным и состоять из супружеской пары с детьми или без детей или

неполным и включать только мать (или отца) с детьми. Кроме того, тип семьи характеризуется присутствием в ней родителей и (или) других родственников супругов [4. С. 61].

По данным переписи 1959 г. в Хакасии, можно судить о том, что среди населения основную часть (73,5%) составляли простые или нуклеарные семьи с одной супружеской парой (с детьми и без детей) и матери с детьми. В их числе было много людей, потерявших во время войны отца. Значительной была доля неполных семей, образовавшихся в результате развода или смерти одного из супругов. К этому типу семьи принадлежали также матери с детьми, рожденными вне брака.

Часто молодые люди в возрасте до 30 лет, состоявшие в браке, продолжали жить с родителями одного из супругов, что могло объясняться нехваткой жилья или необходимостью оказывать помощь молодой семье в уходе за детьми. Это относилось к семьям из пяти–шести человек, доля которых составляла 22,1%. Доля сложных семей, состоящих из двух и более супружеских пар, была сравнительно немногочисленна (4,4%). Это были в основном немецкие, татарские, белорусские и русские семьи.

В целом же эволюция семьи в Хакасии осуществлялась под влиянием общих процессов урбанизации Сибири, выразившихся в нуклеаризации семьи и ее переходе от сложной к простой форме. На структуру и численный состав семей оказывали влияние как этнические особенности их формирования, так и общие социально-демографические и экономические факторы.

Сокращение численности семей было обусловлено также процессами урбанизации. Так, увеличение доли городского населения в Курагинском районе Красноярского края сопровождалось сокращением членства домохозяйств, составивших в среднем по району 3,7 чел. В 1950-е гг. в этнически смешанных сельсоветах средний размер домохозяйств насчитывал 4,0 чел. в Алексеевском сельсовете, 3,7 – в Нижне-Быстринском, 3,6 – Кордовском, 3,5 – Муринском, 3,4 – Курском, 3,3 – в Бугуртакском, 4,0 чел. – в Курагинском сельских советах (подсчитано по: [24. Л. 63]).

Сокращение численности домохозяйств, помимо дробления семей в процессе их жизненного цикла, было связано с сокращением количества детей в семье, распространением тенденции к средне- и малодетности. Эти процессы проходили более интенсивно среди горожан, но распространялись и среди жителей сельской местности. Молодые люди – выходцы из села из-за жилищных проблем, необходимости завершения образования и иных причин с запозданием вступали в брак, а создав семью, следовали в своем репродуктивном поведении формирующимся установкам на рождение одного-двух детей. Это было характерно главным образом для русских, украинцев, народов Прибалтики и Поволжья, в меньшей степени грузин, молдаван, народов Закавказья и не получило большого распространения среди выходцев из Средней Азии.

Несмотря на сокращение размера семей, сохранялись семьи, ориентированные на многодетность. В 1959 г. в Красноярском крае получили награды

678 многодетных матерей: 21 женщина была награждена орденом «Материнской славы» 1-й степени за рождение и воспитание 9 детей, 36 матерей – 2-й степени за рождение 8 детей, 110 женщин – 3-й степени за рождение 7 детей, 161 – «Медалью материнства» 1-й степени за рождение и воспитание 6 детей, 350 – 2-й степени за рождение 5 детей. По социально-профессиональному составу 54,4% награжденных матерей являлись домохозяйками, 37,9 – колхозницами, 6,4 – работницами, 1,3 – служащими (подсчитано по: [25. Л. 7, 8, 25, 44, 56, 57, 99]). В 1963 г. количество матерей, получивших награды, выросло до 1 094 чел. (подсчитано по: [26. Л. 5–8, 20–22, 44–46, 64–69, 83–85]), в 1968 г. – до 1504 чел. (подсчитано по: [25. Л. 3–6, 35–38, 41–44, 53–56, 75–78]), что к уровню 1958 г. составило 221,8%.

Как показали материалы Всесоюзной переписи 1970 г., количество детей в семье зависело от социального и профессионального статуса матерей, уровня образования, характера трудовой деятельности [27]. Так, на 1 000 женщин-работниц, проживавших в городских и сельских местностях РСФСР, приходилось 2 377 детей, служащих – 1 801, колхозниц – 2 249 (в целом 1 801). На 1 000 женщин, занятых преимущественно физическим трудом, приходилось 1 972 ребенка, умственным трудом – 1 540, в личном сельском подсобном хозяйстве – 2 649, находящихся на обеспечении государства или иждивении отдельных лиц – 1 600 детей. На 1 000 женщин с высшим, средним и средним специальным образованием приходилось 1 487 детей, с неполным средним – 1 811, с начальным образованием и ниже – 2 011 детей [28. С. 444, 450, 452]. В Красноярском крае зависимость количества детей в семье от указанных признаков также четко прослеживалась.

Материалы обследования 1972 г., проведенного ЦСУ СССР в отношении ряда этнодемографических групп по числу рождений в семьях, показали, что среди русских, народов Прибалтики, украинцев, белорусов, молдаван детность неуклонно снижалась: в среднем с 3,1–3,5 ребенка у брачных когорт 1930–1934 гг. до 1,7–1,8 ребенка у брачных когорт 1970–1972 гг. Снижение рождаемости в сельской местности шло более быстрыми темпами, чем в городе. Прежнее превышение количества детей сельских матерей над городскими, составлявшее у брачных когорт 1930–1934 гг. 1,5–2 ребенка, сократилось у когорт 1970–1972 гг. до 0,1–0,2 ребенка. Кроме того, наблюдалась обратная зависимость между количеством рожденных детей и уровнем образования. Женщины, ограничивавшие свое образование уровнем средней и неполной средней школы, были более склонны выполнять лишь роль жены и матери. Женщины с более высоким, в том числе с высшим образованием, нацеленные на внесемейную деятельность и социальную карьеру, показывали существенное снижение детности. Только несколько народов, таких как узбеки, таджики, казахи и азербайджанцы, имели большой демографический потенциал с точки зрения высокого естественного прироста и детности [29. С. 207–209].

Важную роль в изменении уровня воспроизводства и снижении детности семей сыграло брачное состояние

населения. Новый Кодекс о браке и семье 1969 г. признавал только зарегистрированный брак [30]. В 1970-е гг. на фоне частичного преодоления половозрастных диспропорций, порожденных последствиями Великой Отечественной войны, и объективного улучшения брачной ситуации, произошло повышение брачности с 1970 по 1975 г. с 11,1 до 11,6‰ (см. табл. 1). В городах наблюдалось некоторое снижение легитимной брачности, т.е. официально заключаемых брачных союзов (с 12,3 до 12,0‰), в сельской местности наблюдался ее рост (с 9,1 до 10,8‰).

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1965 г. существенно упростил процедуру развода, отменил обязательную публикацию о разводе, утверждение решения народного суда вышестоящей судебной инстанцией. Брак по обоюдному согласию супругов расторгал народный суд. Кодекс о браке и семье 1969 г. еще более облегчил процедуру развода. При отсутствии несовершеннолетних детей, разногласий супругов по алиментным, имущественным и другим вопросам расторжение брака осуществлялось в органах ЗАГСа, не выяснявших причины разводов и не предпринимавших попыток к примирению сторон [Там же].

Общий коэффициент разводимости с 1970 по 1975 г. вырос с 2,9 до 3,5‰. Прирост распада семей давали молодые поколения 1950-х гг. рождения, вступавшие в брак в это время. Кроме того, оформлялись разводы в продолжительных по времени браках, которые фактически прекратили существование в предыдущие годы. По-прежнему разводимость горожан (рост с 4,0 до 4,4‰), чья семейная жизнь подвергалась меньшему социальному контролю, чем жителей сельской местности, значительно превышала показатели среди сельчан (рост с 1,0 до 1,5‰) [21. С. 54]. В РСФСР уровень брачности оставался ниже, чем в Красноярском крае (10,7‰), а разводимость превышала краевые показатели – 3,6‰ [31. С. 171].

Увеличение доли разводов выявило проблему оценки их влияния на показатели рождаемости. В.А. Борисов подчеркнул незначительное воздействие разводов на уровень рождаемости, так как их рост отмечался именно в районах с низкой рождаемостью [1. С. 94]. М.С. Тольц указал на неоднозначные последствия разводов для реализации репродуктивного поведения. Он отметил, что, несмотря на увеличение частоты разводов, уровень брачности женщин в плодотворном возрасте являлся самым высоким за весь предшествовавший период и наиболее благоприятным для воспроизводства населения. В то же время, ссылаясь на расчеты Л.Е. Дарского, он указал на ограничения рождаемости, связанные с процессом прекращения брака. Резюмируя, М.С. Тольц подчеркнул, что конечное число рождений для женщин, переживших развод, зависит от количества детей, рожденных в первом браке, времени вступления во второй брак, репродуктивного поведения в нем и пр. [32. С. 51–53].

В условиях ориентации общества на малодетную семью в 1980-е гг. большую часть рождений на юге Красноярского края составляли первые и вторые дети (табл. 3). Доля первых детей с 1980 по 1989 г. уменьшилась в крае с 50,7 до 42,6%, вторых – с 36,1 до 35,9%. Вместе с тем удельный вес третьих детей вы-

рос с 8,5 до 13,7%, четвертых и более – с 4,7 до 7,9%. Вероятно, на увеличение рождения детей поздней очередности повлияла пронаталистская политика государства. В городской местности, где детность семьи была меньше, доля первых детей на 4,3% была выше, чем у населения в целом, вторых – на 1,2%, третьих – четвертых – на 2,7% (подсчитано по: [33. С. 141, 148]). Наличие внебрачных детей, доля которых в 1989 г. составила 18,0% [Там же. С. 141, 148, 162, 164], в условиях нормализации возрастного-половой структуры населения региона, свидетельствовало о дальнейшем снижении уровня легитимной брачности, эволюции социальных функций семьи и брака, а также модернизации демографического поведения общества в целом.

Таблица 3

**Родившиеся по очередности рождения в Красноярском крае
(городское население / все население)**

Год	Всего родившихся	В том числе по очередности рождения				
		Первый	Второй	Третий	Четвертый и более	Не указано
1980	41 078/ 59 544	22 379/ 30 172	15 062/ 21 490	2 702/ 5 065	935/ 2 817	–
1987	46 977/ 67 257	19 847/ 25 665	19 323/ 26 503	5 771/ 9 952	2035/ 5 136	1/1
1989	39 415/ 56 480	18 592/ 24 057	14 654/ 20 270	4 348/ 7 723	1 812/ 4 484	9/9

Источник: [33. С. 141, 148].

Большинство исследователей, характеризуя значительное распространение малодетности в стране выделяли комплекс причин, включая объективные: медико-биологические – возраст, состояние здоровья; материально-бытовые – стесненность в жилье, ограниченность доходов, недостатки в функционировании системы дошкольного воспитания, медицинского обслуживания; внутрисемейные – неравномерное распределение обязанностей между супругами; деятельностные – необходимость окончания учебы и т.д.

[34. С. 156]. Рождение большого числа детей в качестве помощников по хозяйству постепенно теряло свое экономическое значение. Удлинение периода социализации детей, изменение социальной роли ребенка ослабляли репродуктивную мотивацию семей, стремление к многодетности. Уменьшению норм многодетности содействовало постепенное уменьшение детской смертности, сближающее число рожденных детей с числом доживавших до совершеннолетия [3. С. 19].

При этом демографы, в частности В.А. Борисов, В.А. Белова, Л.Е. Дарский, М.М. Рыбаковский и др., указали на возросшее значение субъективных причин, объясняющих распространение семей с одним-двумя детьми изменением «потребностей в детях» («чадолюбие»), распространением в обществе внесемейных ценностей (отдых, туризм, самообразование). По словам А.И. Антонова, стереотип отказа от третьих и более детей означал предпочтение одно-, двухдетной модели. Причем выбор между одним или двумя детьми не являлся принципиальным, так как и в том, и в другом случае приводил к депопуляции населения [Там же. С. 24].

Численность и состав семей в 1970–1989 гг. на юге Красноярского края подверглись дальнейшей трансформации (табл. 4). Количество семей здесь выросло с 730 297 до 984 881, что, в свою очередь, привело к уменьшению размеров семей с 3,6 до 3,2 чел. Число семей из двух человек выросло на 8,2%, а из трех – сначала увеличилось на 4,8% в 1979 г., затем сократилось на 4,9% в 1989 г.: их доля стала самой значительной в составе населения региона (32,8 и 27,8% в 1989 г.). В РСФСР доля малых семей из двух-трех человек была несколько выше (34,2 и 28,0%). Удельный вес семей с четырьмя членами семьи вырос с 25,7 до 27,0% (25,2% – в РСФСР). Доля семей с пятью и более членами семьи сократилась с 21,6 до 12,4% (12,6% – в РСФСР) (подсчитано по: [28. С. 206–207; 35. С. 54–55]).

Таблица 4

Число семей и группировка их по размеру в Красноярском крае (1970–1989 гг.)

Год	Число семей	Семьи, состоящие из совместно проживающих чел., %									Средний раз- мер семьи, чел.
		2	3	4	5	6	7	8	9	10 и более	
Все население											
1970	730 297	24,6	27,9	25,7	13,0	5,4	2,0	0,8	0,3	0,06	3,6
1979	861 338	30,4	32,7	24,8	8,2	2,6	0,9	0,3	0,13	0,1	3,2
1989	984 661	32,8	27,8	27,0	8,7	3,7					3,2
Городское население											
1970	458 309	24,9	31,3	27,3	11,2	3,7	1,1	0,4	0,04	0,09	3,4
1979	593 665	29,2	34,7	25,9	7,4	2,0	0,5	0,2	0,07	0,05	3,2
Сельское население											
1970	271 988	23,7	22,2	23,1	16,2	8,3	3,7	1,5	0,64	0,6	3,9
1979	267 673	33,0	28,3	22,3	9,9	3,9	1,6	0,6	0,3	0,2	3,3

Источник: 28. С. 206–207; 35. С. 54–55; 36. С. 6–7].

Существенно выросла численность семей в городской местности, в то время как в селах уменьшилась. Среди горожан наиболее высокой была доля семей из трех человек (34,7%), затем из двух (29,2%) и четырех человек (25,9%). Среди сельчан в связи со значительным оттоком молодежи из села преобладали семьи из двух человек (33,0%), семьи из трех и четырех чело-

век составляли 28,3 и 22,3%. Эти показатели соответствовали общероссийским. В результате численность семей горожан сократилась с 3,4 до 3,2 чел. (3,21 – в РСФСР), сельчан – более существенно – с 3,9 до 3,3 чел. (3,35 чел.). В итоге средние размеры городских и сельских семей практически сравнялись. Тем не менее людность сельских семей с пятью и более членами

была выше, чем городских – соответственно 16,5 и 9,8% (подсчитано по: [28. С. 206–207; 35. С. 54–55]). В РСФСР разница в численности городской и сельской семьи свыше пяти человек не превышала 7,8%.

В Хакасии размер семьи уменьшился с 3,7 (3,5 чел. – в городских, 3,9 чел. – в сельских поселениях) до 3,3 чел. Как и в 1940–1950-е гг., наибольший удельный вес составляли семьи из двух–четырех человек (78,2% в 1970 г., 87,6% в 1989 г.). Доля семей из пяти человек сократилась с 13,0 до 8,7%, из шести и более человек – с 8,8 до 3,7% [28. С. 206–207; 35. С. 68–69; 36. С. 7].

Как и в предшествующий период, существовали различия в динамике состава и численности семей различных этнических сообществ. Так, в Хакасии с 1970 по 1979 г. людность хакасских семей уменьшилась с 4,3 до 3,8 чел., русских – с 3,5 до 3,2, татарских – с 3,5 до 3,1, украинских – с 3,1 до 2,8 чел. Наибольший удельный вес пришелся на семьи в составе двух человек (в среднем 29,1%), за исключением русского населения, где преобладали семьи из трех человек (30,0%). Среди украинцев доля семей из двух человек была максимальной и увеличилась с 45,2 до 48,5%. Состав межэтнических семей был больше и в среднем насчитывал три–четыре человека. Достаточно значительной была доля семей из четырех человек, сократившаяся с 1970 по 1979 г. с 25,3 до 24,1%. Среди русских она снизилась с 26,4 до 24,2%, татар – с 23,8 до 23,4%. Среди хакасов удельный вес семей из четырех человек возрос с 17,8 до 21,1%, среди украинцев – с 17,9 до 20,0%. У хакасов особенно велика была доля семей в составе пяти и более человек, возросшая с 23,9 до 29,5%. Среди мордвы удельный вес таких семей также был значительным – 29,8%. Но это было скорее исключением из правил: у русских удельный вес семей в составе пяти и более человек сократился с 20,3 до 10,6%, татар – с 22,1 до 9,3%, украинцев – с 12,9 до 5,3%. В межнациональных браках доля семей численностью свыше пяти человек также уменьшилась с 28,8 до 17,9% [28. С. 344–345; 35. С. 180–181].

Об эволюции состава семьи и распространении малодетности можно привести данные о мордовских семьях юга Красноярского края. В 1970–1980-е гг. численность семей из одного–двух, трех и более человек была примерно равной, в 1990-е гг. первых стало в несколько раз больше. Они были представлены в основном брачными парами, уже вырастившими и воспитавшими детей, одинокими людьми и вдовами с малолетними или взрослыми сыновьями и дочерьми. Ведущее место в поколенной структуре населения сельской семьи мокшан и эрзян юга края постепенно заняли однопоколенные семьи – более 80,0% от общей численности мордовских дворов и более 30,0% национально смешанных. Среди них более половины были домохозяйствами-одиночками и совместно проживавшими представителями старшего поколения. Остальные однопоколенные семьи состояли из супругов, дети которых проживали отдельно от родителей, иногда в пределах одного и того же населенного пункта. Среди единичных трехпоколенных вариантов были распространены семейства, где старшее по-

коление было представлено одним из супругов. Таким образом, характерной чертой мордовских семей юга Красноярского края конца 1980-х гг. стало упрощение всех структурообразующих элементов [37. С. 86, 90–91].

Традиции средне- и многодетности скорее являлись исключением из правил в этнических группах латышей. Об этом свидетельствовала председатель латышского общества старейшего села Сухоной Зента Альфонсовна Назарова (Скопиня), которая сама вырастила пятерых детей. Двое уехали на проживание в Латвию, остальные остались в России [38. С. 22].

Модернизация демографического поведения, в том числе в отношении выбора брачного партнера и количества детей в семье, наблюдалась в татарских семьях. Традиционно среди татар преобладали однородные браки, и «настоящим татарам» было запрещено жениться не на татарках. Как отмечалось в районной газете, парни деревень Казанка и Верхняя Казанка Большеулуйского района ездили в Пировский и Казачинский районы за невестами. Но в 1970–1980-е гг. начали распространяться межэтнические браки, которым родители воспрепятствовать не могли [39. С. 1].

Изменялись численность и состав марийских семей. По воспоминаниям семьи Степановых из д. Гладково Саянского района Красноярского края, куда они в 1960 г. вместе с двенадцатью другими семьями переселились из Марийской АССР из-за бедности колхозов и нехватки сенокосных угодий, в деревне было много национально смешанных семей. В семье Степановых две невестки были украинками, две – русскими, одна – марийкой, а дочь была замужем за русским. Значительная доля межнациональных браков среди марийцев была связана с их дисперсным расселением среди других народов, а также тем, что они составляли только 1/10 часть жителей деревни (63 из 625 чел.). Эти обстоятельства препятствовали заключению однородных браков. Языком общения стал русский, на который сначала перешли дети, а потом взрослые [40].

В Хакасии, как и на юге Красноярского края в целом, завершилось формирование нового типа семьи – преимущественно нуклеарной (двухпоколенной) и малодетной (с одним–двумя детьми). У двух популяций хакасов – кызыльцев и сагайцев – в течение 1950–1980-х гг. доля трехпоколенных семей сократилась с 15,3 до 14,5% [41. С. 80–81].

На рубеже 1970–1980-х гг. основная часть женщин Восточно-Сибирского района, в том числе Красноярского края, в возрасте 15 лет и старше родили одного или двух детей – соответственно 22,8 и 25,7% (в РСФСР – 25,3 и 25,8%). Удельный вес женщин, родивших трех–четырех детей, составил 17,6% (в РСФСР – 15,6%), пятерых–шестерых – 6,2% (в РСФСР – 5,3%), семерых и более – 4,1% (в РСФСР – 3,4%). Существенной была доля женщин, не родивших ни одного ребенка – 23,2% (в РСФСР – 24,5%). Таким образом, по рождению детей поздней очередности (от трех и более) Восточно-Сибирский край опережал РСФСР [35. С. 6–7].

В целом же тенденции в развитии общероссийской и сибирской семьи были общими и сводились к сокращению семей из четырех и более человек и увеличению малолетних семей в составе двух–трех человек.

За 30 лет, прошедших с 1959 г., произошел ряд изменений в брачном состоянии населения юга Красноярского края (рис. 4).

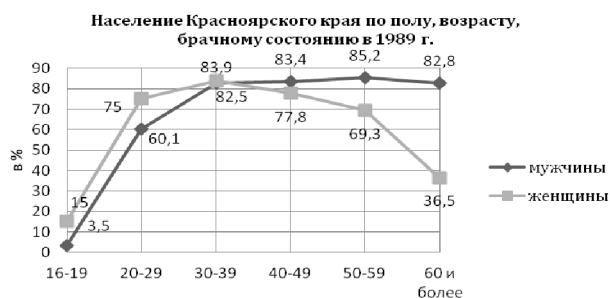

Рис. 4

В 1989 г. связи с восстановлением демографического равновесия в крае возросла доля лиц, состоявших в браке в составе населения старше 16 лет (72,3% среди мужчин, 64,7% среди женщин). Увеличилась доля ранних браков молодежи, в частности 16–19 лет, в составе данной возрастной группы: в 8,8 раз среди женщин (15,0%), в 2 раза среди мужчин (3,5%). Существенно вырос удельный вес брачности в поколениях 20–29 лет: в составе мужчин (60,1%), женщин (75,0%). В возрастах 30–39 лет доля замужних женщин несколько превысила показатели среди мужчин (83,9 и 82,5%), в то время как в 1959 г. отчетливо проявилась тенденция к преобладанию мужской брачности, превышавшей женскую на 12,4%. Но уже в возрастных группах 40–49 лет доля мужчин, состоявших в браке, на 5,6% превысила аналогичные показатели среди женщин (83,4 и 77,8%). Именно в этих поколениях намечилось увеличение овдовения среди женщин – 5,9% в противовес 1,5% среди мужчин (см. рис. 4). В возрастных группах 50–59 лет доля женатых мужчин была на 15,9% больше доли замужних женщин. Тем не менее ситуация, по сравнению с 1959 г., когда брачность мужчин превышала женскую брачность в 2,1 раза, существенно улучшилась. Количество вдов в этом возрасте почти в 3 раза превышало число вдовцов (11,5 и 3,9%). В поколениях старше 60 лет доля мужчин, состоявших в браке, оставалась очень значительной (82,8%), во многом благодаря повторной брачности. Вместе с тем удельный вес замужних женщин снизился почти в два раза (36,5%), главным образом в результате овдовения (54,4% в данном поколении). Доля вдовцов насчитывала только 12,4%. Разница в брачном состоянии этого поколения объяснялась половозрастными диспропорциями – на 100 мужчин приходилось 185,6 женщин [42]. Уровень окончательного безбрачия был сведен к минимуму, составив в среднем 2–3,0%. В возрастных группах старше 55 лет в составе городского населения доля мужчин, никогда не находившихся в браке, была 1,17%, женщин – 2,6%. Для сельчан эти показатели оказались несколько выше – соответственно 1,46 и 3,3% [Там же].

В то же время распространенным явлением становилось сожитительство, являвшееся не просто игнорированием официального брака, но следствием перехода от традиционных, патриархальных межгендерных отношений к современным, основанным на равенстве прав, партнерстве, конвергенции внутрисемейных

гендерных и социальных ролей мужчин и женщин [43. С. 35].

Оценивая основные причины прекращения браков, следует указать превышение разводов над овдовением супругов среди мужчин во всех возрастных группах, кроме 60 лет и старше, а также среди женщин до 50 лет (рис. 5). Рост разводимости намечался в 30–39 лет (9,6% в составе женского населения, 8,6% – мужского). Пик разводов приходился на поколения 40–49 лет (среди женщин и мужчин соответственно 13,2 и 10,9%), а затем последовательно снижался. Практически во всех возрастных группах преобладали разводы женщин, за исключением поколений 50–59 лет [42].

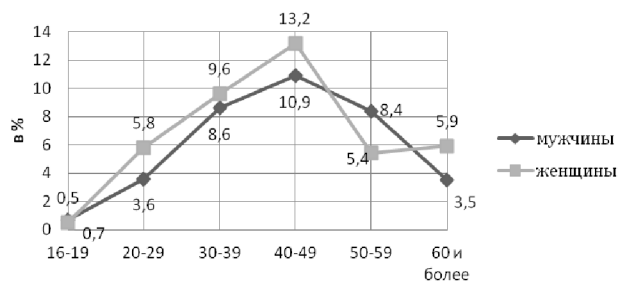

Рис. 5. Доля разошедшихся и разведенных в населении Красноярского края в 1989 г.

В целом брачное состояние населения снизилось с 11,9‰ в 1979 г. до 9,9‰ в 1989 г. (в городских местностях – 10,4‰, в сельских – 8,4‰), в то время как уровень разводов в целом остался на одной ступени в эти годы – 4,5‰ (среди горожан – 5,3‰, сельчан – 2,4‰) [21. С. 54] (рис. 6).

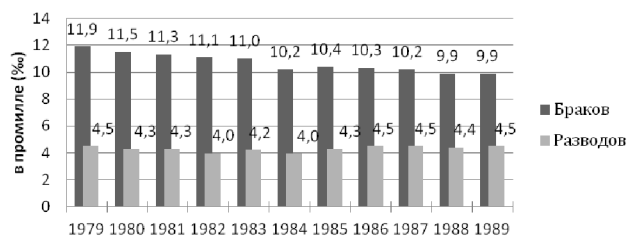

Рис. 6. Брачность и разводимость в Красноярском крае (1979–1989 гг.)

Наличие детей в браке не являлось препятствием к его расторжению. В 1989 г. доля распавшихся браков без детей составила 38,6%, с детьми – 61,4% (в том числе с одним ребенком – 68,0%, с двумя и более – 32,0%). Вместе с тем значительная часть разводов компенсировалась повторными браками [44. С. 287–288].

Подводя итог характеристике брачно-семейных отношений в населении юга Красноярского края во второй половине 1940-х – конце 1980-х гг., следует отметить, что развитие семьи и брака осуществлялось под влиянием социально-экономических, общественно-политических и собственно демографических факторов. В послевоенный период конца 1940-х – начала 1950-х гг. на юге края наблюдался «компенсаторный» подъем брачности. Ввиду значительного дисбаланса полов, особенно в сельской местности, мужская брачность существенно превышала женскую, определяя большую долю вдов либо женщин, никогда не всту-

павших в брак. Только в конце 1970-х – 1980-е гг. в молодых поколениях населения юга Красноярского края дисбаланс в женской и мужской брачности был в значительной степени преодолен. По мере либерализации прокреативного и матримониального поведения населения выросло число незарегистрированных браков, увеличилось количество разводов. Большой прирост разводов молодых семей по причинам социально-психологической незрелости и несовместимости супругов, неудовлетворенности материально-бытовыми условиями и пр. В то же время в связи с упрощением процедуры развода в середине 1960-х гг. увеличилась доля разводов в браках средней и большой продолжительности, исчерпавших себя в предшествовавший период. Рост распада семей не исключал возможности заключения повторных браков, особенно вероятных в молодых и средних поколениях.

На протяжении конца 1940-х – конца 1980-х гг. осуществлялся процесс дробления, сокращения численности семей, роста неполных семей, характерный как для городского, так и для сельского населения юга края. В послевоенные годы наличие неполных семей было связано с вдовством женщин, самостоятельно воспитывавших детей; рождением внебрачных детей и созданием материнских семей в условиях нарушения возрастного-половой структуры населения; окончательным безбрачием женщин, вынужденных проживать совместно с представителями старших

поколений и т.д. В последующие годы рост неполных семей стимулировался увеличением разводов населения и ростом внебрачной рождаемости, отношение к которым со стороны общества стало более терпимым. Увеличение дробления семей во многом объяснялось стремлением молодых пар к самостоятельности при сохранении, как правило, тесных связей в организации быта и помощи в воспитании детей со стороны старшего поколения.

На протяжении 1940–1980-х гг. происходила смена репродуктивных установок населения юга Красноярского края со среднедетности на малодетность, что привело к сокращению численности домохозяйств и количества детей в семье до одного-двух. Данные процессы, как правило, начинали распространяться в городских местностях, представлявших значительные возможности для удовлетворения культурных и материальных потребностей и в то же время предъявлявших большие требования к качеству трудовых ресурсов. В результате многие городские семьи начинали прибегать к ограничению деторождения. Снижение детности сельских семей происходило под влиянием городского образа жизни и урбанизации сельских населенных пунктов. Данный процесс усугублялся оттоком молодежи в городские местности, неизбежным при этом «демографическим старением» сельского населения и сокращением численности семей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М. : Статистика, 1976. 248 с.
2. Дарский Л.Е. Формирование семьи. М. : Статистика, 1972. 206 с.
3. Антонов А.И. Эволюция норм детности и типов демографического поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра / редкол. Л.Л. Рыбаковский (предс.) и др. М. : Мысль, 1986. С. 10–25.
4. Волков А.Г. Семья – объект демографии. М. : Мысль, 1986. 272 с.
5. Тольц М.С. Некоторые обобщающие характеристики брачности, прекращения и длительности брака // Демографическое развитие семьи / под ред. А.Г. Волкова. М., 1979. С. 39–58.
6. Чуйко Л.В. Браки и разводы. М. : Статистика, 1976. 173 с.
7. Белова В.А. Число детей в семье. М. : Статистика, 1975. 176 с.
8. Герасимова И.А. Структура семьи. М. : Статистика, 1976. 168 с.
9. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М. : Мысль, 1979. 367 с.
10. Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы. М. : Статистика, 1978. 224 с.
11. Янкова З.А. Городская семья. М. : Наука, 1979. 166 с.
12. Васильева Э.К. Семья и ее функции (демографо-статистический анализ). М. : Финансы и статистика, 1975. 180 с.
13. Демографические проблемы семьи / под ред. Н.М. Римащевской. М. : Наука, 1978. 208 с.
14. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М. : Изд-во МГУ («Братя Карич»), 1996. 304 с.
15. Голуд С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. 272 с.
16. Михеева А. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние / отв. ред. Ф.М. Бородин. Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 1994. 156 [4] с.
17. Демографические проблемы семьи / ред. кол. Т.В. Рябушкин (отв. ред.), А.Я. Боярский, М.С. Бедный, А.Г. Волков и др. М. : Наука, 1978. 208 с.
18. Архив г. Минусинска. Ф. 372. Оп. 1. Д. 363.
19. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М. : ЦСУ при Совмине СССР, 1963. 456 с.
20. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения регионов России по полу, возрасту и состоянию в браке. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly> (дата обращения: 27.11.2017).
21. Демографический ежегодник Красноярского края. 1996 год. Красноярск : Краевой ком. гос. стат., 1997. 183 с.
22. Толчинский Л.Е. Оценка уровня разводимости в СССР // Демографическое развитие семьи : сб. статей / под ред. А.Г. Волкова. М. : Статистика. С. 185–190.
23. Всесоюзная перепись населения 1959 г. по Хакасской автономной области (ХАО) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РХ за 1959–1989 гг.
24. Архивный отдел администрации Курагинского района (далее – АОАКР). Ф. 9. Оп. 1. Д. 109.
25. АОАКР. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 809. Л. 7, 8, 25, 44, 56, 57, 99.
26. АОАКР. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 854.
27. АОАКР. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 933.
28. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. VII: Миграция населения, число и состав семей в СССР, союзных и автономных республиках, краях и областях. М. : Статистика, 1974. 455 с.
29. Козлов В.И. Национальности в СССР: этнодемографический обзор. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 1982. 303 с.
30. Закон об утверждении кодекса о браке и семье РСФСР от 30.06.1969. URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazazru/texts25/txt25791.htm> (дата обращения: 02.11.2012).

31. Население России за 100 лет (1897–1997) : стат. сборник. М. : Госкомстат России, 1998. 222 с.
32. Тольц М.С. Взаимосвязи брачного и репродуктивного поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра / редкол.: Л.Л. Рыбаковский (пред.) и др. М. : Мысль, 1986. С. 39–53.
33. Численность, состав и движение населения в РСФСР. М. : Госкомстат РСФСР, 1990. 311 с.
34. Бойко В.В. Малодетная семья: Социально-психологическое исследование. М. : Статистика, 1980. 231 с.
35. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. VI: Число и состав семей. Число рожденных детей. Ч. I: Численность членов семей и одиночек. Число и размер семей. М. : Госкомстат СССР, 1981. 166 с.
36. Семья в СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М. : Финансы и статистика, 1990. 16 с.
37. Мордва юга Сибири / под ред. В.А. Юрченкова, Л.И. Никоновой. Саранск : НИИ гум. наук при правительстве Республики Мордовия. М., 2007. 312 с.
38. Латыши с берегов Енисея. История. Люди. События. Красноярск : Латышское нац.-культ. общество «Янтарь», 2005. 30 с.
39. Алексеевич Т. Народ белого счастья. Красноярский рабочий. 2003. 21 января.
40. Красноярский рабочий. 2004. 6 августа.
41. Казаченко Б.М. Генетико-демографический подход в антропологических исследованиях. Половозрастная и семейная структуры хакасов // Вопросы антропологии. 1986. № 76. С. 78–90.
42. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Население Красноярского края по полу, возрасту, брачному состоянию в 1989 г. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly> (дата обращения: 16.03.2013).
43. Михеева А.Р. Брак, семья. Родительство: социологические и демографические аспекты : учеб. пособие. Новосибирск : НГУ, 2001. 74 с.
44. Численность, состав и движение населения в РСФСР. М. : Госкомстат РСФСР, 1990. 311 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 января 2018 г.

DYNAMICS OF MARRIAGE-FAMILY RELATIONS OF THE POPULATION OF THE SOUTH OF KRASNOYARSK KRAI IN THE LATE 1940S – LATE 1980S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 54–63.

DOI: 10.17223/15617793/428/7

Natalia A. Barantseva, N.F. Katanov Khakas State University (Abakan, Russian Federation). E-mail: barantseva@inbox.ru

Keywords: family; household; reproduction; dynasty; marriage rate; divorce rate; south of Krasnoyarsk Krai and Khakassia.

The article reveals the peculiarities of the evolution of families and households, marital status of the population of the south of Krasnoyarsk Krai, including Khakassia in the period of the late 1940s – late 1980s. The description of marriage and family relations of this period allows to estimate the nature of the demographic transformation of modern society with clear signs of crisis manifestations. In the postwar period of the late 1940s – early 1950s, the south of the region showed a “compensatory” rise in the marriage rate. Due to the significant imbalance of the sexes men’s marriage rate significantly exceeded women’s with a significant proportion of widows and women who never married. Only in the late 1970s – 1980s the young generations of the population largely overcame the imbalance of male and female nuptiality. With the liberalization of the procreative and matrimonial behavior of the population, the number of unregistered marriages and divorces increased. Young families had more divorces and broke up due to the socio-psychological immaturity and incompatibility of the spouses, dissatisfaction with living conditions, etc. At the same time, the simplification of the procedure of divorce in the middle of the 1960s resulted in the larger proportion of divorces in marriages of medium and long duration. The growth of the number of divorces did not exclude the possibility of re-marrying, most likely for the young and for the middle-aged generations. The studied period shows a decrease in the number of traditional families and growth of single-parent families. In the postwar years, single-parent families were associated with widowhood, women bringing up children alone; the birth of children outside marriage, creating single-parent (mother) families due to the violations of the age-sex structure of the population, etc. In subsequent years, the increase of single-parent families was stimulated by the increase in divorce rates of the population and the growth of births outside marriage with society being more tolerant to them. The growing fragmentation of families was explained by the desire of young people to be independent while maintaining close ties in housekeeping and assistance in upbringing children by the older generation. The author thinks that during the 1940s–1980s there was a change in the reproductive attitudes of the population of the south of Krasnoyarsk Krai from medium to small families. These processes initially spread in urban areas that gave good opportunities for the satisfaction of cultural and material needs and had greater demands to the quality of the labor force. As a result, many urban families resorted to limiting childbearing. The decline of childbearing in rural families was influenced by the urban lifestyle and urbanization of rural settlements. This process was exacerbated by the mass departure of young people for urban areas, the inevitable “demographic aging” of the rural population and the reduction of the number of families.

REFERENCES

1. Borisov, V.A. (1976) *Perspektivy rozhdaemosti* [Prospects of fertility]. Moscow: Statistika.
2. Darskiy, L.E. (1972) *Formirovaniye sem'i* [Family formation]. Moscow: Statistika.
3. Antonov, A.I. (1986) *Evolutsiya norm detnosti i tipov demograficheskogo povedeniya* [Evolution of the norms of childhood and types of demographic behavior]. In: Rybakovsky, L.L. et al. (eds) *Detnost' sem'i: vchera, segodnya, zavtra* [Children in family: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: Mysl'.
4. Volkov, A.G. (1986) *Sem'ya – ob'ekt demografii* [Family as the object of demography]. Moscow: Mysl'.
5. Tol'ts, M.S. (1979) *Nekotorye obobshchayushchie kharakteristiki brachnosti, prekrashcheniya i dlitel'nosti braka* [Some generalizing characteristics of nuptiality, termination and duration of marriage]. In: Volkov, A.G. (ed.) *Demograficheskoe razvitiye sem'i* [Demographic development of the family]. Moscow: Statistika.
6. Chuyko, L.V. (1976) *Braki i razvody* [Marriages and divorces]. Moscow: Statistika.
7. Belova, V.A. (1975) *Chislo detey v sem'e* [Number of children in the family]. Moscow: Statistika.
8. Gerasimova, I.A. (1976) *Struktura sem'i* [Family structure]. Moscow: Statistika.
9. Kharchev, A.G. (1979) *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and family in the USSR]. Moscow: Mysl'.
10. Kharchev, A.G. & Matskovskiy, M.S. (1978) *Sovremennaya sem'ya i ee problemy* [Modern family and its problems]. Moscow: Statistika.
11. Yankova, Z.A. (1979) *Gorodskaya sem'ya* [Urban family]. Moscow: Nauka.
12. Vasil'eva, E.K. (1975) *Sem'ya i ee funktsii (demografo-statisticheskiy analiz)* [Family and its functions (demographic and statistical analysis)]. Moscow: Finansy i statistika.
13. Rimashevskoy, N.M. (ed.) (1978) *Demograficheskie problemy sem'i* [Demographic problems of the family]. Moscow: Nauka.
14. Antonov, A.I. & Medkov, V.M. (1996) *Sotsiologiya sem'i* [Sociology of the family]. Moscow: Moscow State University (“Brat'ya Karich”).

15. Golod, S.I. (1998) *Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Family and marriage: historical and sociological analysis]. St. Petersburg: TOO TK "Petropolis".
16. Mikheeva, A. (1994) *Sel'skaya sem'ya v Sibiri: zhiznennyy tsikl i blagosostoyanie* [Rural family in Siberia: life cycle and welfare]. Novosibirsk: IiOPP SO RAN.
17. Ryabushkin, T.V. (ed.) (1978) *Demograficheskie problemy sem'i* [Demographic problems of the family]. Moscow: Nauka.
18. Archive of Minusinsk. Fund 372. List 1. File 363. (In Russian).
19. TsSU pri Sovmine SSSR. (1963) *Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1959 g. RSFSR* [Results of the All-Union Population Census of 1959 in the RSFSR]. Moscow: TsSU pri Sovmine SSSR.
20. Demoscope.ru. (n.d.) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 g. Raspreделение naseleniya regionov Rossii po polu, vozrastu i sostoyaniyu v brake* [All-Union Population Census of 1959. Distribution of the population of the regions of Russia by sex, age and marital status]. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly>. (Accessed: 27th November 2017).
21. Kraevoy komitet gosudarstvennoy statistiki. (1997) *Demograficheskiy ezhegodnik Krasnoyarskogo kraya. 1996 god* [Demographic yearbook of Krasnoyarsk Krai. 1996]. Krasnoyarsk: Kraevoy komitet gosudarstvennoy statistiki.
22. Tolchinskiy, L.E. (1979) Otsenka urovnya razvodimosti v SSSR [Estimation of divorce level in the USSR]. In: Volkov, A.G. (ed.) *Demograficheskoe razvitiye sem'i* [Demographic development of families]. Moscow: Statistika.
23. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Khakassia for the years 1959–1989. (1959) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 g. po Khakasskoy avtonomnoy oblasti (KhAO)* [All-Union Population Census of 1959 for the Khakass Autonomous Region (KhAO)].
24. Archive Department of the Administration of the Kuraginsky district (AOAKR). Fund 9. List 1. File 109. (In Russian).
25. Archive Department of the Administration of the Kuraginsky district (AOAKR). Fund R. 1. List 1. File 809. Pages 7, 8, 25, 44, 56, 57, 99. (In Russian).
26. Archive Department of the Administration of the Kuraginsky district (AOAKR). Fund R. 1. List 1. File 854. (In Russian).
27. Archive Department of the Administration of the Kuraginsky district (AOAKR). Fund R. 1. List 1. File 933. (In Russian).
28. Statistika. (1974) *Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1970 goda* [Results of the All-Union Population Census of 1970]. Vol. VII. Moscow: Statistika.
29. Kozlov, V.I. (1982) *Natsional'nosti v SSSR: Etnodemograficheskiy obzor* [Nationalities in the USSR: Ethnodemographic survey]. 2nd ed. Moscow: Finansy i statistika.
30. Pravo.levonevsky.org. (n.d.) *Zakon ob utverzhdenii kodeksa o brake i sem'e RSFSR ot 30.06.1969* [Law on the approval of the code on marriage and the family of the RSFSR of 30.06.1969]. [Online] Available from: <http://pravo.levonevsky.org/bazazru/texts25/txt25791.htm>. (Accessed: 02nd November 2012).
31. Yurkov, Yu.A. et al. (eds) (1998) *Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997): stat. sbornik* [Population of Russia for 100 years (1897–1997): a statistics collection]. Moscow: Goskomstat Rossii.
32. Tol'ts, M.S. (1986) Vzaimosvyazi brachnogo i reproduktivnogo povedeniya [Interrelationships of marriage and reproductive behavior]. In: Rybakovsky, L.L. et al. (eds) *Detnost' sem'i: vchera, segodnya, zavtra* [Children in family: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: Mysl'.
33. Goskomstat RSFSR. (1990) *Chislennost', sostav i dvizhenie naseleniya v RSFSR* [Number, composition and movement of the population in the RSFSR]. Moscow: Goskomstat RSFSR.
34. Boyko, V.V. (1980) *Malodetnaya sem'ya: Sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie* [Small-child family: Socio-psychological research]. Moscow: Statistika.
35. Goskomstat SSSR. (1981) *Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1979 goda* [Results of the All-Union Population Census of 1979]. Vol. VI. Pt. 1. Moscow: Goskomstat SSSR.
36. Finansy i statistika. (1990) *Sem'ya v SSSR: Po dannym Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 g.* [Family in the USSR: According to the All-Union Population Census of 1989]. Moscow: Finansy i statistika.
37. Yurchenkova, V.A. & Nikonovoy, L.I. (eds) (2007) *Mordva yuga Sibiri* [Mordva of the south of Siberia]. Saransk: NII gum. nauk pri pravitel'stve Respubliki Mordoviya.
38. Yantar'. (2005) *Latyshi s beregov Eniseya. Istoriya. Lyudi. Sobytiya* [Latvians from the shores of the Yenisei. History. People. Events]. Krasnoyarsk: Latyshskoe nats.-kul't. obshchestvo "Yantar".
39. Alekseevich, T. (2003) Narod belogo schast'ya [The people of white happiness]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 21 January.
40. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (2004). 6 August.
41. Kazachenko, B.M. (1986) Genetiko-demograficheskiy podkhod v antropologicheskikh issledovaniyakh. Polovozrastnaya i semeynaya struktury khakasov [Genetic-demographic approach in anthropological research. Sex and age structure and family structure of the Khakas]. *Voprosy antropologii*. 76. pp. 78–90.
42. Demoscope.ru. (n.d.) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. Naselenie Krasnoyarskogo kraya po polu, vozrastu, brachnomu sostoyaniyu v 1989 g.* [All-Union Population Census 1989. Population of Krasnoyarsk Krai by sex, age, marital status in 1989]. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly>. (Accessed: 16th March 2013).
43. Mikheeva, A.R. (2001) *Brak, sem'ya. Roditel'stvo: sotsiologicheskie i demograficheskie aspekty* [Marriage, family. Parenthood: sociological and demographic aspects]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
44. Goskomstat RSFSR. (1990) *Chislennost', sostav i dvizhenie naseleniya v RSFSR* [Number, composition and movement of the population in the RSFSR]. Moscow: Goskomstat RSFSR.

Received: 29 January 2018

БЫК И КОРОВА: ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX в.)

На основе фольклорно-этнографических материалов анализируется символическое значение образов быка и коровы в традиционном мировоззрении хакасов в обозначенное время. Многие из используемых в статье фольклорных источников – отрывков из героических сказаний (алыптыг нымахтар) на русском языке также впервые вводятся в научный оборот. Автор приходит к выводу о том, что в культуре хакасов важнейшее место отводится крупному рогатому скоту. Образы этих животных обладают широким семантическим полем, охватывающим практически все сферы мироздания. Они включают в себя и представления о мироустройстве, небесных объектах и явлениях, а также воззрения о тотемах-предках. Большое внимание уделено рассмотрению феномена отождествления образов быка и коровы с мужским и женским началами.

Ключевые слова: хакасы; культура; бык; корова; мужчина; женщина; воин; традиционное мировоззрение; фольклор; эпос.

В современном мире отмечается повышенный интерес к судьбам коренных и малочисленных народов России и Сибири в частности. В связи с этим, одной из главных задач становится проблема сохранения культурного наследия, современного процесса этнокультурной и этноконфессиональной идентификации, с одной стороны, и необходимость дальнейшего развития отношений между этносами и культурами, основанных на принципах толерантности, – с другой. Важнейшим условием конструктивного этнокультурного взаимодействия должны стать преодоление предубеждений носителей культур (национальных, этнических, конфессиональных и др.) и попытка объективного понимания «иной культуры». Данное обстоятельство выдвигает в число приоритетов необходимость изучения специфики этих культур, в том числе традиционной культуры хакасов, что и обуславливает актуальность представленной работы.

Новизна определяется системностью исследования и введением в оборот новых фольклорно-этнографических материалов, впервые переведенных с хакасского на русский язык. Целью работы является характеристика образов быка и коровы в культуре хакасов. Исходя из цели, были поставлены следующие задачи: проанализировать фольклор этого народа и выявить семантические связи образа этих животных с религиозно-мифологическими воззрениями о космосе, предках и самом человеке.

Хронологические рамки статьи охватывают конец XIX – середину XX в. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием источниковой базы по теме исследования. Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах – научного описания, конкретно-исторического анализа, структурно-семантического и реликта.

В традиционном мировоззрении хакасов особое место отводилось животным и их образам. Пожалуй, одними из самых заметных и распространенных среди них были бык – *пуга* (вол – *тазын*) и корова – *инек*. Они имели большое значение в хозяйственно-бытовой, соционормативной и духовной сферах, в связи с чем были широко представлены в мифах и обрядности. В религиозно-мифологическом сознании народа их образы наделялись широким семантическим полем.

Бык / корова и космос

В верованиях хакасов образ быка имеет непосредственное отношение к мироустройству. Согласно мифам этого народа Земля держится на трех огромных быках. Поэтому землетрясения объяснялись периодической активностью этих исполинских животных: «Когда какого-нибудь порозу наскучит быть в одном положении, то он шевелится, оттого и бывает землетрясение» [1. С. 646]. Вместе с тем вовлеченность образа быка в космическую сферу у хакасов выявляется и в других религиозно-мифологических сюжетах. Так, крупный рогатый скот зачастую и сам отождествляется с конкретными небесными объектами.

В архаическом мышлении серп луны ввиду некоторого визуального сходства вызывал ассоциации с рогами рассматриваемого животного. Они же, в свою очередь, метонимически воссоздавали образ лунного божества – быка / коровы. Реликты данных воззрений обнаруживаются в народных загадках о луне, таких как: «Белый бык через забор смотрит (Луна)» [1. С. 659]; «*Чирге түспес читі тирек, чиллеп тугбас тох инек*» – ‘Семь тополей никогда не спустятся на землю, первотелка никак не разродится (Большая медведица и Луна)’ [2. С. 278]; «*Чил санпас читі тирек, чиллеп тугбас тох инек*» – ‘Семь тополей, которых не обдует ветер, первотелка, которая никак не разродится (Большая медведица и Луна)’ [3. С. 302, 319]; «*Чирі синелбеен, хойы саналбаан, пастугы мүстіг*» – ‘Земля не измерена, овцы не считаны, а пастух рогатый’ (Небо, Звезды, Луна) [4. С. 83].

Обращает на себя внимание то, что в хакасской культуре бычья символика распространяется не только на луну, но и на солнце. Характерная для рассматриваемых светил временная обусловленность и связанное с ней закономерное противопоставление – ночь / день, как правило, ассоциируются с тьмой / светом и маркируются соответствующим цветообозначением – черный / белый. В традиционном сознании хакасов эти символические значения нередко переносятся и на образы быков. При этом их масть недвусмысленно выражает течение времени, определяемое естественным движением небесных светил, исходя из чего, черный и белый быки выступают воплощением ночи и дня. Подобная мифологическая дихотомия обнаруживается, например, в следующей народной загадке: «*Хара пуга тур килзе, ах пуга чадыбысча. Ах пуга тур килзе, хара*

пуга чадыбысча» – ‘Если черный бык встает, белый бык ложится. Если черный бык заснет, белому не спит-ся (ночь и день)’ [5. С. 67, 122].

Космичность образа быка не ограничивается лишь олицетворением луны и солнца. Обратим внимание на то, что в мифологическом сознании он по своему символическому значению не только чрезвычайно близок оленю / лосю, но и во многих случаях взаимозаменяем с ними. В архаических воззрениях указанные животные также устойчиво соотносятся с небесными светилами, а порой и олицетворяют собой всю Вселенную, в связи с чем все они стоят в одном семантическом ряду. Обратим внимание на то, что одним из маркеров их по животному признаку является наличие рогов. На них, как полагали верующие, удерживаются небесные светила. Безусловно, самыми объемными, а потому и производящими наибольший зрительный эффект являются оленины рога. В традиционном мышлении они, обладая определенным сходством с ветвями дерева, часто отождествляются с образом Древа жизни / Мирового древа. Данный сакральный объект не только олицетворяет модель мира, но и выступает символом порождающего начала. Вместе с тем подобные ассоциации и соответствующий семантический код, несмотря на определенную внешнюю минимизированность, вполне применимы и в отношении рогов быка / коровы. Так, рудименты представлений о «рогах – древе» обозначенных животных выявляются в хакасских народных загадках: «На кривом дереве снег не держится (коровьи рога)» [6. С. 239]; «*Игір агасха хар чухпас (мүүс)*» – ‘К кривому дереву снег не пристает (рога)’ [2. С. 282; 4. С. 81].

Образ коровы встречается и в космогонических воззрениях хакасов. Вместе с тем следует отметить, что в «этнографическое» время ее роль в этом процессе осмысливается если не негативно, то, по крайней мере, чрезвычайно критично. Корова не является демиургом в полном смысле этого слова, но все же она сопричастна творению отдельных небесных объектов. Согласно мифу самонадеянность коровы помешала Всевышнему – Худаю – устранить злое творение владыки Нижнего мира Ирлик-хана (Эрлика), стремительно распространявшего по всей земле адский холод. Корова, будучи уверена в своей мощи, вызвалась уничтожить его. Она со всей силы ударила по нему копытом, в результате чего злое творение распалось на семь частей, сквозь прорезь копыта устремилось к небу и превратилось в созвездие Плеяд – *Ўлгер* [7. С. 87].

Осознание хакасами вовлеченности образа крупного рогатого скота, в частности быка, в космическую сферу подкрепляется и материалом загадки, в которой он олицетворяет такое природное явление, как гром: «*Кёк пугам мустанча, халых чонга истілче*» – ‘Синий мой бык мычит – всему народу слышно (гром)’ [2. С. 278; 4. С. 69].

Бык / корова – божество-прародитель

Полисемантизм образа крупного рогатого скота ориентирован не только на зону космоса, но и мира земного. В мифопоэтическом сознании он зачастую выступает и в роли первопредка. Тотемистические

представления о быке / олене – прародителе в древности были широко распространены среди многих народов, в том числе и части гуннов, а также некоторых тюркских этнических общностей. А.Н. Бернштам по этому поводу писал: «Тотемом же шаньюйского рода гуннов был бык. С последним связано происхождение части тюркских племен-уйгур, которые в отдельных своих этнических подразделениях сохранили в качестве этнонима имя тотема быка в виде термина “огуз”» [8. С. 84]. Добавим и то, что в дальнейшем проблеме религиозно-мифологических представлений о быке – прародителе части гуннов и других народов Евразии, в том числе и хакасов, затрагивал М.И. Боргояков. Ученый, рассматривая данный вопрос, отметил, что «из тюркской мифологии известно, например, что легендарным первопредком тюркских огузских племен был Огуз-каган (Бык-каган), рожденный Ай-каган от быка. Огуз или бука (в различных фонетических вариантах) являлся культовым животным – тотемом, название которого стало этнонимом» [9. С. 57–58]. К этому можно добавить, что древнетюркский термин *ōgıs* (*огыс, огуз*) в обозначенном же значении, т.е. бык, наряду со словом *пуга* сохранился и в хакасском языке [10. С. 320; 11. С. 83]. Рассматриваемый архаизм нередко встречается и в языке эпоса [12. С. 29].

В традиционных воззрениях хакасов, так же как и у части гуннов, бык осмысливается в качестве одного из мифических предков, а если быть точнее – тотемного прародителя *сёёк’а* (рода) *пуга* – ‘бык’. Согласно генеалогическому повествованию представители этого рода произошли от спаривания мифического быка и земной девушки [13. С. 21–22]. *Сёёк пуга* имел официальное наименование Бугасарского или Босагарского рода и включал в себя восемнадцать фамилий. Он состоял из двух крупных подразделений: «*улуз пуга*» – ‘большой пуга’ (соответствующий Босагарскому роду первой половины) и «*кічіг пуга*» – ‘малый пуга’ (Босагарский роду второй половины) [Там же]. Наибольшее число представителей этого рода приходилось на одноименное селение *Пугалар аалы* (совр. Итименев), т.е. улус ‘людей из рода быков’. Именно оттуда и происходил знаменитый хакасский сказитель Петр Васильевич Курбижеков [14. С. 22]. Отметим, что и другой известный сказитель Семен Прокопьевич Кадышев являлся представителем древнего *сёёк’а пуга*, который издавна славился как «род сказителей и охотников», а его прадед по отцу по имени *Пугачах* (букв. бычок) был известным *нымахчы* (сказочником) и *хайчы* (сказителем) [15. С. 7].

Тотемистические мотивы, связанные с образом быка / оленя, нашли отражение и в эпическом творчестве хакасов. Так, например, в героическом сказании «*Хубан Арыг*» фигурирует «*Алтон азыр мүүстіг ала пуга*» – ‘Пестрый бык с шестьюдесятью развилистыми рогами’, являвшийся тотемным предком богатыря Хара Хана. Весьма показательными поэтому являются и прощальные слова героя в отношении погибшего животного, поразительно напоминающие древние эпиграфии:

*Азып-өлөр чирімде’
Адам полган ала пуга,
Арыг күзі албин,
Азып-өліп ол халтыр.
Амыр-хазыгын көрбин халдым,*

*Артых алып холынаң азып өлтір.
Иртіп-өлчең чирімде
Инем полган ала пуга,
Илбек күзі читпин,
Иртіп-өліп ол халтыр».*

В земле, где умру [я],
Пестрый бык бывший мне отцом,
Чистой силой [своей] не одолев,
Погибнув, он остался.
Покою и здоровью не видя [я] остался,
От руки превосходящего богатыря [он] погиб.
В переходящей земле, где умру [я],
Матерью [мне] бывший пестрый бык,
Великой силы [которому] не хватило,
Ушедши-умерев, он остался'

(перевод наш. – В.Б.) [16. С. 96–97].

Заметим, что в религиозно-мифологических воззрениях предков хакасов – енисейских кыргызов, не только образ быка, но и коровы воспринимался в качестве их обоготворяемой прародительницы. По одному из генеалогических мифов, кыргызы произошли «от соития Бога с красной коровой внутри пещеры» [17. С. 73]. Следует пояснить и то обстоятельство, что у народов Южной Сибири традиционно коровой называют не только самок домашнего крупного рогатого скота, но и лесных зверей – оленей и лосей. И их символический образ настолько тесно взаимосвязан, что порой бывает трудноотделим друг от друга. Обратим внимание и на то, что в рассматриваемом мифологическом контексте он во многом тождествен образу одного из генеалогических мифов монголов, хронологически более позднему. Так, согласно повествованию предком Чингисхана был Бorte Чино (Серый Волк), а матерью – Гоа-Марал (Прекрасная Лань) [18. С. 90–91]. Учитывая уже отмечавшийся факт семиотического подобия в мифологическом сознании обозначенных животных, нельзя исключать и того, что под мифической «коровой» – прародительницей енисейских кыргызов – мог скрываться образ не только буренки крупного рогатого скота, но и самок указанных диких животных, например оленей / лосей. Как бы там ни было, общепризнанным является суждение о том, что мифическое рождение первопредков в пещерах гор – это сюжет, стадийно принадлежащий к наиболее архаичным пластам устного народного творчества. Ситуация, когда далекий пращур, не имея реальных земных родителей, чудесным образом зарождается в недрах данной земли, недвусмысленно указывает на то, что его потомки – древние обитатели данной территории. Исходя из этого, совершенно справедливым является суждение исследователей о том, что «предки хакасских сеоков, большая часть которых согласно мифам зародилась в пещерах родовых гор, действительно относятся к древнему автохтонному населению региона» [Там же. С. 91].

Обращает на себя внимание еще одна деталь в фольклоре хакасов – это мифопоэтизированный образ коровьего молока как «белого корня (*ах тамыр*) белой коровы» [19. С. 186–187]. Используемый эпитет, очевидно, в рудиментированном виде содержит отголоски восприятия этого животного в качестве предка,

т.е. «корня», от которого ведут свое происхождение хакасы. Мысль о «корове-прародительнице» людей, связанных кровным родством, опять-таки в завуалированной форме представлена и в народной загадке о вымени этого животного. Соски его метафорически изображаются в образе четырех братьев [1. С. 659], символизирующих собой сакральное единство с образом коровы.

Бык / корова – образ человека

В традиционной культуре хакасов образы рогатых животных не только напрямую связаны с человеком, но и зачастую и олицетворяют его самого либо выделяют характерные его черты. При этом бык естественно осмысливается как носитель мужского начала, а корова – женского. Широко распространенной является общая ассоциация и семантическая цепочка скот – народ, представленная следующими поговорками: «*Өспес мал сүскелечі, өспес чон хырызаачы*» – 'Скот, который не вырастает, бодается между собой, народ, который погибнет, ссорится между собой'; «*Түгенер мал түгін чісчең, түгенер чон пос позын чісчең*» – 'Погибающий скот грызет свою шерсть, погибающий народ грызет сам себя' [20. С. 265, 270, 286, 293].

В устном народном творчестве бык – часто встречаемый мужской символ. В заговорной традиции хакасов образ молодых людей нередко отождествляется с этим животным, например, в таком выражении: «если сказать джигит, то будет тощий бык» [Там же. С. 229]. Бык благодаря его воспроизводительной силе является маркирующим мужским символом в молодежных заигрышных песнопениях. Так, в одном из таких народных произведений, исполняемых девицами на вечерах, приводится соответствующее сравнение: «Ходить по ночам способны парни! Они уподобляются тогда (по своей страсти) черным двухгодовалым быкам! Ходить днем способны парни! Они подобны тогда бурым двухгодовалым быкам!» [6. С. 310].

Бык, в силу своих зоологических особенностей, безусловно, является одним из самых сильных, бесстрашных, а вместе с тем и очень опасных животных. В традиционном сознании обозначенные качества полностью соответствуют создаваемому веками образу мужчины-воина. В этой связи совершенно не случайным является то, что в представлениях хакасов образы быка и богатыря нередко накладываются друг на друга и совмещаются. Так, например, в героической эпике богатыри отдельными чертами своего поведения уподобляются этому могучему животному:

Славный Хан-Тонис
В сознание стал возвращаться,
Стал на крепкие ноги алып подниматься,
Словно со сна,
Тальником тонкоствольным качаясь,
Левой рукой за высокие скалы цепляясь,
Правой рукой бегунца своего обнимая,
То заревет громогласно
Быком разъяренным,
То замычит теленочком новорожденным
[21. С. 37].

*Пөгімі чох Хара Сейзең,
Пөөр чили, хараан аларта көрп,*

*Пай Оол чаксага,
Пуга чили, хырттып турадыр.
Харчыхтабысхан хара кизи,
Харбазыбысхан Пай Оол,
Чабалланып, алып кизилер
Чага пастаң хабызыбысханнар.*

‘Бесстрашный Хара Сейзен
Словно волк, глаза вытаращив, глядит,
На благородного Пай Оола
Словно бык, разъяренный стоит.
Разгневанный черный человек,
Стал бороться [с ним] Пай Оол,
Разозлившись, богатыри
За воротники – за головы схватились’.
(перевод наш. – В.Б.) [22. С. 64].

Бычий образ, олицетворяющий мужскую силу, ярость и упорство убедительно передан во многих богатырских сказаниях хакасов. Достаточно типичной является сцена поединка *алын’ов* – богатырей. Именно в ней ожесточенное единоборство героев напрямую отождествляется с неистовством борьбы двух быков. Сама схватка изображается с присущими данной ситуации ярко выраженной экспрессией и характерными эмоциями:

*Аннаң андар ікі алып
Тура хондылар,
Ас пилдең хабызып,
Ах чазаа тастасчалар,
Эк-пастаң хабызып,
Эн чазаа тастасчалар
Хабыргадаң хабысчалар,
Хазыра-торбах чили орласчалар.
Оорха сөккөтөң хабысчалар,
Пуга-тазын чили орласчалар.*

‘Потом два богатыря
Встали,
За поясницы схватившись,
На белую степь [друг друга] бросают,
За голову-подбородок схватившись,
На безжизненную степь [друг друга] бросают,
За ребро хватаются,
Словно молодые бычки ревут.
За позвоночник хватаются,
Словно быки-волы ревут’
(перевод наш. – В.Б.) [23. С. 25].

*Чабан-пуре тартысчалар,
Тазын чили, мустазып, оорласчалар.
Пуре-чаба тартысчалар,
Пуга чили, оорлазып, мустасчалар*

‘К себе прижимая [другу друга] тащат,
Словно волы мычат и ревут.
Прижимая к себе [друг друга], притягивают,
Словно бык, крича, ревут’.
(перевод наш. – В.Б.) [24. С. 64].

В эпическом творчестве хакасов отождествление мужчины-богатыря и быка имеет и обратное направление. А сами животные зачастую наделяются признаками воина. Их рога при этом уподобляются и обычно используются как клинковое оружие. Так,

например, в одном из героических повествований описывается следующий образ: «*хылыс мүүстіг хыр пуга*» – ‘с саблевидными рогами седой бык’ (перевод наш. – В.Б.) [25. С. 155]. Обратим внимание на то, что в традиционном мышлении рога являлись неперенным атрибутом быка и, в сущности, были неотделимы от его образа. Данная мысль изложена в следующей народной загадке: «*Хара, – харга нимес; мүүстіг – пуга нимес*» – ‘Черный, но не ворон; рогатый, но не бык (черный жук)’ [4. С. 72]. В эпосе «Хан Мирген» один из персонажей, чрезмерно опасаясь своего противника – огромного черного быка и такого его грозного оружия, как рога, думает ретироваться с поля боя. Мотивируя свое намерение, он буквально произносит следующие слова: «*Хара пуганың мүүзінде өлгенче, хазып тизібізерге чөрбін*» – ‘Чем умирать у черного быка на рогах, лучше я убегу’ [12. С. 131]. Добавим и то, что в архаических воззрениях не только рога, но и сам крупный рогатый скот, очевидно, ввиду его опасности порой отождествляется с несущим смерть колюще-режущим изделием. Так, устойчивая семантическая ассоциация «бык / корова – нож» нашла отражение и в народных загадках: «Вольна моя рука, и снова ей на милость, у пестрого быка спина переломилась (складной нож)» [5. С. 55]; «*пилтір інеемнің тилі сыных*» – ‘У моей белобокой коровы поясница сломана (складной нож)’ [20. С. 310, 329]. Представляется возможным предположить, что основанием для подобных ассоциативных суждений мог послужить и реальный нож, в прошлом изготавливавшийся из рогов или костей этих животных. Вместе с тем нельзя исключать и того, что образ быка / оленя, широко представленный в ранний период их истории на металлических ножах / мечах, в частности, на заверших рукоятей, также мог способствовать формированию представлений о сакральном «быке – ноже».

Заметим, что в целом прямая связь образа быка с предметами вооружения и охоты выявляется на примере и иных изделий. В культуре хакасов бычьи рога наряду с другими широко использовались в качестве накладок для луков, а тетиву зачастую изготавливали из кожи или жил этого же животного. Известный российский историк и историограф XVIII в. Г.Ф. Миллер по этому поводу писал: «Татары (хакасы. – В.Б.), делая луки, выкладывают их с внутренней стороны бычьими или бараньими рогами <...> делают тетивы своих луков из сырой бычьей кожи, лучше со спинной части, так как она прочнее» [26. С. 298–299]. Обозначенные историко-культурные, в том числе и военные реалии прошлого, очевидно, способствовали формированию и утверждению в сознании народа образа воинствующего быка с сопутствующим вооружением.

В эпическом сознании хакасов быки-воители, подобно мужчинам, бдительно охраняют стада и наряду с богатырями самоотверженно оберегают свои земли от врагов. И вместе с защитниками-воинами героически погибают на поле боя:

Повсюду слышен отчаянья крик.
<...> За стадо свое заступался бык.
Рогами врагов он на землю швырял.
Угнать свое стадо врагу не давал.
От меча погибая, он дико мычал

[27. С. 20].

Жалости богатыри к побежденным
 Не знают,
 Белые юрты в богатых селеньях ломают,
 В юртах погашенные очаги разрушают,
 Прахом-золой
 Благодатную степь посыпают,
 Прямо на землю зерно-толокно рассыпают,
 Скот многочисленный
 С пастбищ родных угоняют
 <...> И разъяренных огромных быков
 Забивают –
 Без предводителей тучных коров
 Оставляют

[21. С. 45].

Ай Молат улуғ асхырларны,
 Ухнаң атхлап, өдір чөредір.
 Улуғ пугалар, инек малны сүрдірбин,
 Удурлазып ойлас турадыр.
 Ай Молат улуғ пугаларны
 Хылыснаң кисклеп чөредір.

‘Ай Молат сильнейших жеребцов,
 Пуская стрелы, убивает.
 Сильнейших быков со стадами коров
 не давая угнать,
 На встречу стремительно мчится.
 Ай Молат сильнейших быков
 Саблей рассекая, скачет’

(перевод наш. – В.Б.) [28. С. 31].

Сформированный в традиционном сознании хакасов образ быка-воина, с беззаветной храбростью защищающего свое стадо и пастбища на родной земле, вероятно, был специально выделен и запечатлен в поговорке, свидетельствующей о, казалось бы, очевидном факте – «*пос чиринде пуга кўстиз*» – ‘на своей земле и бык силен’ [29. С. 25].

Своеобразное «единение» богатыря и быка косвенно выявляется и в другом эпическом сюжете – трапезе героя. Собственно говоря, поглощение еды в традиционной культуре семантически отождествляется с актом принятия внутрь человека определенного вида инородных тел, а значит, в определенной мере и их внутренней сущности. В контексте данной архаической логики большой интерес вызывает сцена приема пищи, когда тот или иной эпический персонаж за один присест съедает одного, а нередко и несколько быков.

*Алып төреен Хартыга Мирген
 Пир тазынның идін пір ле чібісче,
 Сөбгін пурнынаң пүргүрібісче.
 Игіріне ит толча, пүгүріне мүн толча,
 Астаан харны тозыпчадыр,
 Арган позы симірчедір*

‘Богатырем рожденный Хартыга Мирген
 Мясо одного вола зараз съедает,
 Кости [его] через [свой] нос выплевывает.
 Кривые [места желудка его] мясом
 наполняются, изогнутые
 [места его внутренностей]
 бульоном заполняются,

Оголодавший живот насыщается,
 Сам отощавший жирнеет’.
 (перевод наш. – В.Б.) [30. С. 130].

Старец на вертел девять быков нанизал
 И над огнем разведенным
 Поджаривать стал.
 <...> Вертел железный с огня разведенного снял,
 К трапезе утренней,
 Не торопясь, приступил,
 С вертела мясо единым махом слизнул,
 Девять быков единым глотком проглотил,
 Выдохнул шумно и от насыщения рыгнул,
 Вплюнув голые косточки, очи прикрыл.

[21. С. 73, 77].

В приведенных фольклорных текстах, на наш взгляд, не следует безапелляционно видеть лишь пространственный художественный прием – гиперболу. Как известно, она часто используется в эпических произведениях с целью усиления выразительности и насыщения текста соответствующими запоминающимися образами, призванными произвести на слушателя (а позднее и на читателя) яркое и неизгладимое впечатление. Безусловно, все это имеет место быть. Однако за столь эффектным изображением чудовищного аппетита богатыря вполне может скрываться и более глубинная и архаическая мысль, известная в этнографии и религиоведении как теофагия – ‘богоядение’. Под этим условным наименованием в науке принято понимать религиозную практику общения с божеством посредством вкушения его материальной субстанции [31. С. 204–205]. В контексте вышесказанного уже известно, что в традиционных воззрениях хакасов бык воспринимался не только в качестве сакрального существа, имеющего отношение к космосу, но и как тотем – прародитель, обладающий чудодейственными силами. Таким образом, указанный сюжет может быть интерпретирован следующим образом: богатырь, поедая мясо быка, не столько утоляет свой физический голод, сколько духовно отождествляется с ним. Поедая его, он мистическим образом сближается с ним, вбирает в себя его священные силы и свойства. Поглощая же зараз несколько быков, герой, тем самым, кратно увеличивает и свою богатырскую мощь. Мысль о титанической силе богатыря, значительно приумноженной после поедания мяса быков, обнаруживается, например, в следующем тексте героического сказания:

Старец могучий,
 Сравнимый ростом с горой,
 Девять быков на вертел один нанизал
 И, над очагом обжарив, трапезничает.
 Ир благородный Хан-Тонис ему пожелал
 Благополучия и многочисленных лет.
 «Здравствуй!» –
 Могучий старик произносит в ответ,
 Правую руку алып протягивает.
 Славный Хан-Тонис,
 Как темно-сивый сказал,
 Старцу незрячему меч богатырский подал.
 С силой ладонь старец незрячий сжимает,
 Твердый булат, как мягкую серу, сминает.

[21. С. 90].

В мифопоэтической традиции хакасов восприятие образа быка / вола и его связи с человеком не ограничивается лишь его представлением мужского начала, силы и отваги. В традиционном мышлении это животное, помимо того, является олицетворением глубокого ума, мудрости и справедливости. Обозначенные характеристики недвусмысленно указывает еще и на его лидерские качества, и воссоздают образ вожака или премудрого старца. Подобная идея, например, выявляется в следующих поговорках: «*Пуга пазы нуустиг полчаң, кизи пазы муштиг полчаң*» – ‘бык-вожак рогатый бывает, человек – предводитель мозговитый бывает’ [32. С. 30]; «*кир малның сөддиги кимирткилиг, кирі кизиниң чоогы сын*» – ‘наваристы кости старых быков, и достоверны слова стариков’ [5. С. 27, 89]; «*инек пастаан інге-чарга, тазын пастаан тага-суга*» – ‘корова повела стадо в ямы, да обрывы, а вол повел стадо на пастбища, да водопой’ [20. С. 262, 281]. Акцентируя внимание на последнем крылатом выражении, следует отметить то обстоятельство, что в традиционном патриархальном обществе женщины не являлись «платежной душой», не были военнообязанными и не имели права возглавлять общество. В связи с этим, общепризнанным было суждение о том, что только мудрый мужчина способен руководить обществом [Там же. С. 200].

В условиях патриархального быта хакасов образ коровы, персонифицировавший собой женщину, наделялся неоднозначными характеристиками. С одной стороны, корова – это животное, олицетворявшее плодovitость и изобилие. Она выступает в роли бескорыстной кормилицы, в полной мере обеспечивающей человека и его хозяйство мясомолочной продукцией. Самым фактом приносимой утилитарной пользы она, безусловно, заслуживает всеобщего народного уважения и доброго к ней отношения. В полной мере применимо к ее образу следующее изречение: «*Кизи чаксызы тобынчылыг, малның чаксызы махтаглыг*» – ‘Лучший из людей в почете, лучший скот в славе’ [Там же. С. 263, 283]. Очевидно, не случайно устоявшийся почтенный образ «молочной коровы», символизировавшей собой достаток и изобилие, был запечатлен в поговорке, свидетельствующей о традиции, запрещавшей плохо отзываться о покойниках: «*Өлген инек сүттиг полчаң, өлген кизи чаксы полчаң*» – ‘Сдохшая корова бывает молочной, умерший человек бывает хорошим’ [5. С. 88; 20. С. 265, 286]. Непреходящая ценность и подчеркнутая индивидуальность отдельных видов указанного животного, метафорически соотносимые с лучшими качествами женщины, отмечаются следующим выражением: «*Сүттиг инек хызыр халаачы, сүди чох чылның туупча*» – ‘Молочная корова остается яловой, а у которой не бывает молока, каждый год телится’ [20. С. 268, 290].

В культуре хакасов образ коровы вместе с положительными чертами наделяется и некоторыми отрицательными характеристиками. Так, например, корова отождествляется с чрезмерной глупостью, испорченностью, болтливостью, неуклюжестью и пр. В фольклоре указанная мысль проявляется себя в следующих устоявшихся выражениях: «*Сырбага килзе хат чабал, сызырбанга килзе инек чабал*» – ‘Запутался из-за не-

годной бабы, попал в заросли из-за негодной коровы’; «*Сүди ас инек мүреңкей*» – ‘Корова, у которой мало молока, мычащая’ [20. С. 268, 290, 373]. Добавим и то, что в процессе ритуальной практики – заклинания зловредного духа *үзүт’а* – человек идентифицировал себя в соответствии с образом этого животного:

Я проще телки, я глупее теленка,
Я ничего не знаю, я ничего не вижу
Я безглазый мирянин – батыр,
Я глухой раб – батыр

[7. С. 209].

Возможно, что женская протестная реакция, проявляемая в определенных обстоятельствах, на мужское доминирование в традиционном обществе способствовала переносу и на образ быка (мужчины) аналогичных же признаков, приписываемых корове (женщине). Причем и самки и самцы этого животного в данной ситуации изображаются в нераздельном единстве и все также олицетворяют собой непреходимую тупость: «*Хазырадаң хаңмахсың, пуга малдаң мухахсың*» – ‘Глупее / рассеянное ты телки, тупее / глупее ты быка’ [12. С. 15, 22, 94].

По традиционным представлениям хакасов женщины обладали чарующими глазами. Подобно им и коровьи глаза наделялись магической силой. Желаящему приобщиться к этой силе рекомендовалось их съесть. При этом пара глаз должна быть целиком поглощена лишь одним человеком. Существовало убеждение, что если их разделить между двумя людьми, то впоследствии их ожидает крупная ссора. Поэтому в отношении конфликтующих людей нередко говорили: «*Инек хараа чіскен чон*» – ‘Народ, съевший глаза коровы’ [20. С. 262, 281].

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов важнейшее место отводится крупному рогатому скоту. Образы быка и коровы обладают широким семантическим полем, охватывающим практически все мироздание. Они включают в себя и представления о мироустройстве и космической сфере. При этом охват их функций и олицетворений достаточно разнообразен: это и столпы мира, и небесные светила, и сотворцы отдельных космических объектов, а также определенные атмосферные явления (гром).

В традиционном сознании народа бык и корова также осмысляются и в качестве мифического прародителя / прародительницы. А для древнего *сбөк’а пуга* бык непосредственно воспринимается в качестве тотемного животного. Корни подобных представлений, очевидно, уходят в гуннское и древнетюркское время. Их следы обнаруживаются в наименовании родовой структуры хакасов и их топонимии.

В религиозно-мифологических воззрениях хакасов образы рассматриваемых животных не просто связаны различными семантическими нитями с человеком, но и напрямую отождествляются с ним. Бык выступает олицетворением мужского начала, а корова – женского. Широкое распространение в архаическом мышлении получил образ быка-воителя, запечатленный в героической эпике. Он вмещал в себя весь комплекс признаков и черт, характеризующих его как воина, начиная с таких необходимых для этого качеств, как огромная сила, бесстрашие, отвага, и за-

канчивая имеющимся у него «вооружением» – «рогами-саблями». Образ коровы как персонификации женского начала наделялся неоднозначной характеристикой. В силу практической пользы и важного места, отводимого ей в хозяйственной деятельности она, безусловно, вызывала к себе уважительное отношение, в связи с чем в устном народном творчестве был распространен образ «молочной коровы», символизирующей достаток и изобилие. Наряду с этим, вероятно, в условиях патриархального общества знаковый статус коровы стал существенно принижаться. Прежде всего, это выразилось в наделении ее такими уничижительными качествами, как глупость, неуклюжесть, болтливость и пр.

Вместе с тем столь широкий охват символических значений, связанных с образом крупного рогатого скота, может свидетельствовать о необычайной его близости человеку, а также и о той важнейшей роли, которую он играл в его жизни, причем не только хозяйственной, но и духовной. Тесное взаимодействие с

этими домашними животными на протяжении длительного периода содействовало глубокому проникновению их образа в религиозно-мифологическое сознание человека и его обрядовую практику. В свою очередь, это приводило к тому, что посредством подобной символизации человек с архаическим типом мышления пытался объяснить и упорядочить окружающий его мир, сделать его умопостижимым и доступным, а значит, комфортным и безопасным для себя.

Следует подчеркнуть, что изучение образа крупного рогатого скота в духовной жизни хакасов все еще далеко от своего завершения. В силу ограничений в объемах публикации пришлось затронуть лишь некоторые стороны этого многогранного явления. Не освещенными остались вопросы, связанные с культами плодородия, гор и водных источников и прочего, в которых образу рассматриваемых животных также придавалось существенное значение. Исследованию указанной проблемы будет посвящена отдельная работа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов Н. Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1884. Т. 20, вып. 6. С. 645–659.
2. Сиспектер // Алыптыг ныхматар. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 1951. С. 275–282.
3. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мы родом из Хонгорая. Хакассские мифы, легенды и предания. Абакан : Журналист, 2010. 240 с.
4. Доможаков В.И. Хакассские загадки // Записки ХакНИИЯЛИ. Абакан : Хакас. обл. гос. изд-во, 1951. Вып. 2. С. 60–84.
5. Мудрое слово. Сборник хакассских народных пословиц и поговорок и загадок. Абакан : ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1976. 128 с.
6. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
7. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
8. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI–VIII вв. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1946. 210 с.
9. Боргояков М.И. Гуннско-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке) // Советская тюркология. 1976. № 3. С. 55–59.
10. Хакасско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
11. Майногашева В.Е. Хакасская народная детская поэзия. Абакан : Диалог Сибирь-Абакан, 2009. 100 с.
12. Субракова О.В. Язык хакасского героического эпоса. Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2007. 164 с.
13. Бутанаев В.Я. Происхождение хакассских родов и фамилий. Абакан : Хакасия, 1994. 94 с.
14. Хакассский героический эпос: Ай-Хуучин. Новосибирск : Наука, 1997. 479 с.
15. Доможаков В., Кычаков И. Предисловие // Албынжи. Хакасское героическое сказание. Абакан : Хакас. обл. гос. кн. изд-во, 1951. С. 5–8.
16. Хубан Арыг. Алыптыг ныхмах. Абакан : Хак. кн. изд-во, 1995. 192 с.
17. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М. : Восточная литература, Наука, 1993. 528 с.
18. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан : Изд-во ХГУ, 2008. 672 с.
19. Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан : Изд-во ХГУ, 2006. 253 с.
20. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан : Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.
21. Хан-Тонис на темно-сивом коне. Богатырское сказание М.Р. Баинова. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 2007. 384 с.
22. Ах сабдар аттыг Алтын Сейзен. Алтын Сейзен на Бело-игренем коне (алпыттыг ныхмах). Абакан : Диалог-Сибирь-Абакан, 2010. 166 с.
23. Ай Мічікнен Күн Мічік // Ай Мічікнен Күн Мічік (Богатырские сказания (на хак. яз.)). Абакан : Хакас. кн. изд-во, 1993. С. 4–62.
24. Хан поэрахан аттыг Хан Мирген // Хан Мирген. Абакан : ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1969. С. 9–114.
25. Алтын Тайчы. Алыптыг ныхмах. Абакан : ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1973. 148 с.
26. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М. : Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
27. Албынжи. Хакасское героическое сказание. Абакан : Хак. обл. гос. изд-во, 1951. 112 с.
28. Ах Чибек Арыг. Алыптыг ныхмах. Абакан : ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1968. 180 с.
29. Так в Сибири говорят. Пословицы и поговорки народностей Сибири. Красноярск : Красноярск. кн. изд-во, 1964. 90 с.
30. Ікі ах ой хулун // Хан Мирген. Абакан : ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1969. С. 117–208.
31. Токарев С.А. Теофагия // Свод этнографических понятий и терминов. Религиозные верования. М. : Наука, 1993. Вып. 5. 240 с.
32. Старших будешь слушать, долгими будут дни твои (Улугнын чоогын иссең, узада күнни көрөрсң). Абакан : Хак. кн. изд-во, 2004. 32 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 ноября 2017 г.

BULL AND COW: IMAGES AND SYMBOLS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE KHAKAS (LATE 19TH – MID-20TH CENTURIES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 64–71.

DOI: 10.17223/15617793/428/8

Venariy A. Burnakov, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: venariy@ngs.ru

Keywords: Khakas; culture; bull; cow; man; woman; warrior; traditional outlook; folklore; epic.

The aim of the work is to characterize the images of a bull and a cow in the Khakas culture. Proceeding from the aim, the following objectives were set: to analyze the folklore of this people and to reveal the semantic links of the image of these animals with the

religious-mythological views about the cosmos, the ancestors and man himself. As a result of the analysis, the following conclusions can be drawn: (1) in the Khakas culture the most important place is assigned to cattle. The images of a bull and a cow have a broad semantic field, covering almost the entire universe. They include ideas about the world order and the space sphere. At the same time, the coverage of their functions and personifications is quite diverse: these are the pillars of the world, heavenly bodies, co-creators of individual cosmic objects and thunder as an atmospheric phenomenon; (2) in the traditional consciousness of the people, a bull and a cow are also represented as a mythical ancestor. For the ancient clan *puga*, the bull is directly perceived as a totemic animal. The roots of such representations, obviously, go to the Hunnish and ancient Turkic times. Their traces are found in the name of the generic structure of the Khakas and their toponymy; (3) in the religious-mythological views of the Khakas, the images of the animals in question are not simply connected by various semantic threads to man, but also directly identified with him. The bull is the personification of the male principle, and the cow is the female one. The image of a bull-warrior, captured in a heroic epic, was widespread in the archaic thinking. It contained a whole complex of features and traits that characterize him as a warrior, beginning with the qualities necessary for this, such as great strength, fearlessness, courage and ending with his “weapons” – “saber horns”. The image of a cow, as a personification of the feminine, was not so unambiguous. Due to its practical use and the important place assigned to it in economic activities, it certainly caused respect. In this connection, the image of a “dairy cow” symbolized prosperity and abundance in the oral folk art. At the same time, probably, in the conditions of the patriarchal society, the symbolic status of the cow began to be greatly belittled. First of all, it was expressed in giving it such derogatory qualities as stupidity, clumsiness, talkativeness, etc.; (4) at the same time, such a wide coverage of symbolic meanings connected with the image of cattle may indicate its extraordinary affinity for man, and also about the important role they played in man’s life, not only economic but also spiritual. Close interaction with these domestic animals over a long period contributed to the deep penetration of their image into the religious-mythological consciousness of man and his ritual practice.

REFERENCES

1. Popov, N. (1884) *Pover'ya i nekotorye obychai kachinskikh tatar* [Beliefs and some customs of the Kachin Tatars]. *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 20:6. pp. 645–659.
2. Domozhakov, N.G. & Chebodaev, I.P. (eds) (1951) *Sispektor*. In: *Alyptygh nymakhtar*. Abakan: Khakas. knizhnoe izdatel'stvo. (In Khakas).
3. Butanaev, V.Ya. & Butanaeva, I.I. (2010) *My rodом iz Khongoraya. Khakasskie mify, legendy i predaniya* [We come from Hongoray. Khakas myths and legends]. Abakan: Zhurnalst.
4. Domozhakov, V.I. (1951) *Khakasskie zagadki* [Khakas riddles]. *Zapiski KhakNIIYaLI*. 2. pp. 60–84.
5. Kurbizhekov, U.N. (ed.) (1976) *Mudroe slovo. Sbornik khakasskikh narodnykh poslovits i pogovorok i zagadok* [A wise word. Collection of Khakas folk proverbs and sayings and riddles]. Translated from Khakas by Ya.A. Kozlovsky. Abakan: KhO Krasnoyarsk. kn. izd-va.
6. Katanov, N.F. (1907) *Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov (Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym)* [Adverbs of Uriyanghai (Soyots), Abakan Tatars and Karagas (Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V.V. Radlov)]. Vol. 9. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.
7. Butanaev, V.Ya. (2003) *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya* [Burhanism of the Turks of the Sayan-Altai]. Abakan: KhSU.
8. Bernshtam, A.N. (1946) *Sotsial'no-ekonomicheskiy stroy orkhono-eniseyskikh tyurok VI–VIII vv.* [The socio-economic system of the Orkhon-Yenisei Turks of the 6th–8th centuries]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
9. Borgoyakov, M.I. (1976) *Gunnsko-tyurkskiy syuzhet o praroditele-olene (byke)* [Hun-Turkic story about the ancestor-deer (bull)]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 3. pp. 55–59.
10. Subrakova, O.V. (ed.) (2006) *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakas-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
11. Maynogasheva, V.E. (2009) *Khakasskaya narodnaya detskaya poeziya* [Khakas Folk Children's Poetry]. Abakan: Dialog Sibir'-Abakan.
12. Subrakova, O.V. (2007) *Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa* [The language of the Khakas heroic epic]. Abakan: Khakas. knizhnoe izdatel'stvo.
13. Butanaev, V.Ya. (1994) *Proiskhozhdenie khakasskikh rodov i family* [Origin of Khakas families and surnames]. Abakan: Khakasiya.
14. Maynogasheva, V.E. (ed.) (1997) *Khakasskiy geroicheskiy epos: Ay-Khuuchin* [Khakas heroic epic: Ay-Huuchin]. Novosibirsk: Nauka.
15. Domozhakov, V. & Kychakov, I. (1951) *Predislovie* [Foreword]. In: *Albynzhi. Khakasskoe geroicheskoe skazanie* [Albynzhi. Khakas heroic tale]. Translated from Khakas by I. Kychakova. Abakan: Khakasskoe oblastnoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatel'stvo.
16. Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. (1995) *Khuban Arygh. Alyptygh nymakh*. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Khakas).
17. Kyzlasov, L.R. (ed.) (1993) *Istoriya Khakasii s drevneyshikh vremen do 1917 goda* [History of Khakassia from ancient times to 1917]. Moscow: Vostochnaya literatura, Nauka.
18. Butanaev, V.Ya. (ed.) (2008) *Ocherki istorii Khakasii (s drevneyshikh vremen do sovremenosti)* [Essays on the history of Khakassia (from ancient times to modern times)]. Abakan: KhSU.
19. Butanaev, V.Ya. (2006) *Traditsionnyy shamanizm Khongoraya* [Traditional shamanism of Hongoray]. Abakan: KhSU.
20. Butanaev, V.Ya. & Butanaeva, I.I. (2008) *Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora* [The world of Hongoray (Khakas) folklore]. Abakan: KhSU.
21. Bainov, M.R. (2007) *Khan-Tonis na temno-sivom kone. Bogatyrskoe skazanie* [Khan-Tonis on a dark horse. Bogatyr legend]. Novosibirsk: Novosib. knizhnoe izdatel'stvo.
22. Maynogasheva, V.E. (ed.) (2010) *Akh sabdar attygh Altyn Seyzeng. Altyn Seyzen na Belo-igrenem kone (alyptygh nymakh)*. Abakan: Dialog-Sibir'-Abakan. (In Khakas).
23. Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. (1993) *Ay Michikneng Koen Michik*. In: *Ay Michikneng Koen Michik*. Abakan: Khakas. knizhnoe izdatel'stvo. (In Khakas).
24. Maynogasheva, V.E. (ed.) (1969) *Khan pozyrakh attygh Khan Mirgen*. In: *Khan Mirgen*. Abakan: Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva.
25. Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva. (1973) *Altyn Taychy. Alyptygh nymakh*. Abakan: Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva. (In Khakas).
26. Miller, G.F. (2009) *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of the Siberian peoples]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
27. Khakasskoe oblastnoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatel'stvo. (1951) *Albynzhi. Khakasskoe geroicheskoe skazanie* [Albynzhi. Khakas heroic tale]. Translated from Khakas by I.S. Kychakov. Abakan: Khakasskoe oblastnoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatel'stvo.
28. Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva. (1968) *Akh Chibek Arygh. Alyptygh nymakh*. Abakan: Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva. (In Khakas).
29. Khovratovich, B.M. (1964) *Tak v Sibiri govoryat. Poslovitsy i pogovorki narodnostey Sibiri* [So they say in Siberia. Proverbs and sayings of the peoples of Siberia]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
30. Maynogasheva, V.E. (ed.) (1969) *Iki akh oy khulun*. In: *Khan Mirgen*. Abakan: Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izdatel'stva. (In Khakas).
31. Tokarev, S.A. (1993) *Teofagiya* [Theophagia]. In: Basilov, V.N. & Vinkelman, I. (eds) *Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov. Religioznye verovaniya* [Code of ethnographic concepts and terms. Religious beliefs]. Is. 5. Moscow: Nauka.
32. Achitayeva, L.K. (2004) *Starshikh budesh' slushat', dolgimi budut dni tvoi* [You will listen to the elders, your days will be long]. Abakan: Khak. knizhnoe izdatel'stvo. (In Khakas).

Received: 29 November 2017

ПОЛЕМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СТАРОВЕРОВ И СТРУКТУРА РУКОПИСНОГО СБОРНИКА КОНЦА XIX в.: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Представлены результаты изучения старообрядческого рукописного полемического сборника конца XIX в. Рассматриваются особенности структурного устройства сборника, а также предпринимается попытка его атрибуции. Установлено, что книга была написана в среде консервативно-настроенных сибирских поморцев. Выделены особенности взаимодействия отдельных произведений внутри компиляции, для усиления полемического эффекта построенные на взаимодополнении, а также чередовании «рационалистических» и «эмфатических» произведений.

Ключевые слова: старообрядческие компиляции; кириллическая традиция; полемический сборник; староверие; книжность; рукопись.

На сегодняшний день старообрядчество является одной из наиболее перспективных тем для изучения в сфере истории, филологии и множестве смежных научных дисциплин. Современных исследователей занимает весьма интенсивная деятельность старообрядческих лидеров, внесших определяющий вклад в сохранение и развитие кириллической книжности XVII–XX вв. Вместе с тем результаты их трудов, приумноживших богатство славяно-русской книжной традиции, во многом остаются неизученными. Многочисленные работы московских, новосибирских и екатеринбургских исследователей продолжают обозначать новые проблемы, требующие решения.

Среди этих проблем остается «устройство» старопечатных и рукописных компиляций, бытовавших в среде староверов. Так, в фондах Томского областного краеведческого музея хранится занимательная рукопись [1], содержащая как множество излюбленных старообрядцами сюжетов, так и произведения, не пользовавшиеся столь же заметной популярностью. Сборник выполнен аккуратным поздним полууставом и насчитывает 250 л. В.А. Есипова датирует его концом XIX в. В настоящей статье предпринимается попытка анализа данного труда, ее атрибуции и выяснения принципов комплектования вошедших в нее текстов.

Книга насчитывает 52 сочинения преимущественно дореформенного происхождения. Сборник открывается достаточно распространенным в рукописной старообрядческой традиции «Разговором между книжником и мальчиком» [1. Л. 1–4 об.]. Следует заметить, что данное сочинение задает общий «повествовательный тон» всей компиляции, в силу чего, по всей видимости, и было расположено в начале сборника. Н.А. Старухин отмечал, что зачастую произведения, имевшие концептуальное значение, по замыслу составителей должны были открывать компиляцию [4. С. 114]. Специфический полемико-нравоучительный текст «Разговора...» как нельзя лучше передает общую направленность последующих частей книги.

Интересно, что произведение было создано в конце XVIII в. в «демократических» кругах уральского населения, не принадлежавшего, однако, к среде староверов. Первоначально критиковавшее главным образом идеологию просвещенного абсолютизма, оно было со временем взято на вооружение староверами

для ведения полемики уже с миссионерами официальной церкви [6. С. 236].

Произведение выполнено в популярной для «низовой» литературы вопросно-ответной форме и представляет собой «состязание» мальчика с «грамотеем», который «...все книги <...> прочитал и знает их наизусть...» [1. Л. 1]. Форма подобного повествования позволяла староверам весьма эффективно использовать его полемический «потенциал». С одной стороны, автор получал возможность в увлекательной для читателя форме изобразить абсолютное доминирование в споре симпатичного, согласно его убеждениям, персонажа [5. С. 121]. Вместе с тем Р.Г. Пихоя выделяет несколько редакций «Разговора...», каждую из которых книжники легко адаптировали к потребностям собственной аудитории путем добавления и изъятия из текста отдельных полемических вопросов [6. С. 229].

В состязании мальчик, олицетворяющий собой простоту истины, не обремененную ношей черствого рационализма, наносит уверенное поражение воплощению косности и неумелого умствования. По мнению Р.Г. Пихои, особый контраст, возникавший при противопоставлении юного мальчика и ученого мужа, должен был еще более подчеркнуть тяжесть посрамления, нанесенного философу [Там же. С. 230]. Позже множество сходных произведений конца XVIII в., направленных против ученых философствований, были взяты на вооружение старообрядцами и получили распространение в составе сборников [7. С. 98]. Примечательно, что именно в примитивном заучивании риторических приемов и догматизме самих старообрядцев позже упрекали представители просвещенной части общества конца XIX в. [8. С. 77].

Возвращаясь к структуре сборника, следует заметить, что в составе компиляции сочинение утрачивает свои первоначальные нравоучительные мотивы, утверждавшие непостижимость знания о Боге. Вместо этого, используя последующие тексты, составитель концентрирует внимание читателя исключительно на полемических мотивах произведения. Основной его задачей при этом является показать пример решительного и убедительного «стояния за древнее благочестие».

Во второй части сборника представлено малоизвестное «Увещение христианина Мартына» [1. Л. 4 об. – 14], события которого относятся автором к 17 августа 1825 г. В тексте некий Мартын «из града

Димитриева Московской губернии» держит ответ перед духовном собранием, члены которого, как выясняется, предъявляют тому обвинения в ереси. Произведение продолжает полемическую тематику, обозначенную в сборнике вступительным фрагментом. Одновременно с этим вторая глава значительно контрастирует с первой по форме повествования. Так, если «Разговор между книжником и мальчиком» не мог претендовать на какую-либо жизненность, «Увещание...» пытается представить описываемую беседу с тем реализмом, на какой могли быть способны старообрядческие книжники.

С первых строк сочинения автор обозначает главные условия успешной полемики с инославными – выдержку, невозмутимость и достоинство. Представ перед собранием, Мартын начинает свое «стояние за веру» с поклона присутствующим [1. Л. 4 об.]. Уже этот фрагмент дает нам основание говорить о явной корреляции «Увещания...» с другим полемическим сочинением, приобретшим в среде староверов почти культовое значение, – «Прением дьякона Федора с митрополитом Афанасием». Та же манера держаться перед церковными властями, прославляемая книжником XVII в., повторяется и в сочинении XIX столетия [10. Л. 195 об.]. Помимо правил поведения на «судилище», одинаковыми оказываются также догматические рассуждения Федора и Мартына, даже сама структура диалогов.

В «Увещании...» герой объясняет причины непосещения им церкви, при этом характеризуя ее в следующих выражениях: «...мачеха <...> она о мне не радит и на спасенный путь не наставляет» [1. Л. 6 об.]. Далее следует ряд фрагментов, повторяющих «Прение...»: 1) полемика о перстосложении; 2) полемика об исправлении книг; 3) апелляция к авторитету святых; 4) призыв покориться под угрозой расправы; 5) нравственная дискредитация оппонентов (в «Прении...» митрополит Афанасий в пылу спора бьет себя кулаком по бедру, произнося: «Оу пропаль Хр[ис]тос, – нѣсть єгѡ» [10. Л. 201–201 об.]; в «Увещании...» протопопы пытаются угостить Мартына табаком [1. Л. 11]); 6. поражение «никониан» и арест праведника. Подобное сходство можно объяснить, вспомнив вывод И.М. Грицевской о том, что все старообрядческое богословие берет свое начало из «Пятой соловецкой челобитной» [9. С. 289], которой, по всей видимости, и вдохновлялись авторы обоих произведений.

На угрозы «забрить (Мартына. – С.Б.) в солдаты» и содрать с него кожу «страдалец» отвечает собранию протопопов: «Вот вы и стали мучители, а не учителя» [1. Л. 11]. В данной фразе содержится отсылка к широкому пласту старообрядческой книжности и поэтики. Как литературное явление обличение ложных учителей проникает в староверие из древнерусской традиции, где, в свою очередь, получает широкое распространение благодаря влиянию византийского «Слова о лжепророках и лжеучителях», изобилующего фразеологизмами о волках в овечьих шкурах применительно к духовенству [13. С. 174].

Насколько можно судить, впервые устойчивое сопоставление в рамках единой фразеологической конструкции «учителей» и «мучителей» появляется неза-

долго до раскола. В 1636 г. группа нижегородских священников отправляет челобитную на имя патриарха Иосифа, обличающую безнравственное поведение современного им духовенства [14. С. 67–73]. Здесь же мы встречаем следующую фразу: «...именем пастыри, а делом волцы, только наречением и образом учителя, а произволением тяжцы мучители...». С развитием старообрядческой литературы «ревнители старых правил» перенимают обличительную риторику древнерусских писателей, после чего фразеологизм входит в широкое употребление. Так, распространение данного фразеологизма в среде «старолюбцев» было зафиксировано даже в 55-й лекции по русской истории В.О. Ключевского [12. С. 467].

За счет совпадения окончаний конструкция стала излюбленной для старообрядческого стихосложения. Н.В. Иванова указывает, что главной целью противопоставлений «иконы – картины», «крещение – обливание», «ладан – табак» и других становилось утверждение истинности старообрядческих церковных канонов [11. С. 28–29]. Так, первая часть оппозиции символизировала неизбежность веры, в то время как вторая выражала недопустимые новизны, наводнившие нынешний век. Священники при этом воспринимались как носители враждебного учения и пафосно сравнивались с хулителями Христа [1. Л. 11 об.].

Подобно «Прению...» произведение оканчивается поражением сторонников «новизны» и арестом главного героя. В духе всех полемических сочинений дьякона Федора, призывающих сохранять веру и стойкость духа перед угрозой мучений, «Увещание...» отмечает, что Мартын, две недели просидевший в заточении и получавший в день лишь полфунта хлеба и «чашу малую воды», с радостью претерпел все мучения [Там же. С. 14]. Это в очередной раз дает нам право говорить о широком заимствовании элементов повествования у дьякона Иванова. Особого внимания заслуживает ремарка, отмечающая результаты диспута: «...победи от священных своим простодушием...». Данная фраза отсылает к первой главе сборника, отстаивавшей идеи «чистой, незамутненной истины». Таким образом, становятся ясны мотивы размещения двух сюжетов в непосредственной близости друг к другу. Первый текст задавал общую полемическую тональность книги, в то время как второй был призван представить реалистичный пример достойного «свидетеля истины».

Следующие четыре десятка текстов [1. Л. 14 об. – 93] выполняют роль конвоя по отношению к первым двум сочинениям. На второстепенный для структуры сборника характер данных произведений указывает в первую очередь их объем, не превышающий 2–3 листов. Большинство текстов представлено сочинениями общехристианского происхождения. Незначительная часть (менее 15%) относится к библейскому циклу или имеет апокрифический характер. Небольшое количество, а порой и полное отсутствие в подобных компиляциях непосредственно старообрядческих произведений не раз отмечалось исследователями старообрядческой книжной культуры [2. С. 202; 3. С. 59].

Включение в книгу широкого круга текстов дореформенного происхождения следует объяснять тра-

дицией составления старообрядческих компиляций, для которой авторитетность сочинений напрямую связывалась с их архаичностью. В этом контексте весьма любопытным оказывается размещение «во главе» конвоя сравнительно поздних текстов, один из которых и вовсе имел старообрядческое происхождение. По всей видимости, это было сделано ввиду актуального для XIX в. полемического содержания, которым обладали «Разговор между книжником и мальчиком» и «Увещание христианина Мартына». Более ранние сочинения не могли с такой же злободневной точностью передать все аспекты противостояния старой веры и «недопустимой новизны», однако были необходимы как неременный атрибут древнерусской книжности.

Рассматривая содержание данного «блока» текстов в системе, можно обнаружить некоторые любопытные особенности. Несмотря на кажущуюся беспорядочность сочинений, они, тем не менее, объединены основной проблематикой: 1) правила проповеди; 2) эсхатологические рассуждения; 3) агиография мучеников; 4) осквернение от иноверцев. Сочинения различной тематики постоянно чередуются внутри «блока», при этом каждая из микротем многократно повторяется.

Проповедническая культура раскрывается в сборнике в двух своих ипостасях – воспитание и обращение. Регламентация догматической полемики, продолжающая основной мотив первых двух глав, ставит целью приобщение к идеалам «мира старообрядчества» лиц из числа инославных. При этом «Слово о наказании чад» [1. Л. 31 об. – 33] утверждает необходимость наставления в вере и «детей духовных». Принуждение к соблюдению церковных уставов воспринимается как одна из форм проповеди и спасения ближнего. Неотъемлемой чертой каждого проповедника Божьей истины объявляется высоконравственный образ жизни, рассуждения о котором также занимают значительное место в компиляции. Исследования старообрядчества показывают, что представители «древлего благочестия» воспринимались рядовым населением Урала и Сибири как поборники крайне целомудренного образа жизни [15. С. 127]. Поддержание данного образа, в свою очередь, обеспечивало прирост старообрядческих общин и являлось одним из факторов выживания их культурного наследия.

Эсхатологические мотивы структурно прикрепляются к нравоучительным и проповедническим сюжетам сборника. Наступление царства Антихриста напрямую соотносится с произошедшими в русской церкви обрядовыми изменениями. Ввиду этого традиционные для общехристианского наследия апокалиптические произведения в старообрядческом прочтении приобретают яркую антигосударственную окраску. В пятой главе читаем следующие слова: «...аще закон иметь не прав, то не слушайте его» [1. Л. 21].

Эсхатологические сюжеты многократно указывают на истребление священнического и монашеского чина [1. Л. 17 об., 87 об. – 88], что обнаруживает беспоповское происхождение компиляции. Наряду с этим антигосударственные мотивы сборника характе-

ризуют составителя как приверженца одного из радикальных согласий. Принимая во внимание время появления книги (конец XIX в.) и происходившее в тот период «смягчение» идеологии старолубцев, перечень возможных толков сокращается до полудюжины.

Многочисленные агиографические сочинения, представленные в сборнике, почти без исключения представлены житиями мучеников. В компиляции они исполняют функции, сходные с «Увещанием христианина Мартына», а именно дополняют полемические мотивы книги живыми и эмоциональными примерами стояния за веру предков. Основными элементами повествования в житийных текстах сборника является страдание за истину Христову. Составитель книги формирует в уме читателя осознание того, что человек в мире победившего антихриста вынужден делать выбор между убиением тела и «огненной смертью» души. Последняя представляется более ужасной ввиду вечности посмертного бытия.

В качестве доказательства Божьего благоволения к мученикам составитель часто вводит в структуру компиляции жития, описывающие прижизненные и, что наиболее важно, посмертные примеры чудотворства страдальцев [1. Л. 30 об. – 31 об., 37–40, 40–43]. Более того, в 33-й главе мы читаем: «Хвала проповедникам и мученикам во спасение пришедшим» [Там же. Л. 73]. Данный фрагмент содержит явные указания на невозможность проповеди Божественных истин в отрыве от страдания. В доказательство неизбежности смерти грешников и справедливого наказания (данный мотив также широко распространен в старообрядческой книжности) составитель помещает в сборник апокриф «Слово о прении Петрове с Симоном волхвом» [Там же. Л. 79 об. – 82]. Так, прение апостола с нечестивцем оканчивается смертью последнего.

По мнению Н.В. Поньрко и Е.М. Юхименко, стремительному распространению староверия на территории севера России способствовало его «героическое стояние за древнее благочестие» [16. С. 4]. Ввиду того побудительного воздействия, которое оказывала на читателя агиография в «связке» с догматически разработанными текстами, следует полагать, что составитель в конечном счете рассчитывал на бурный рост численности собственной общины и согласия. Кроме того, чередование «рационалистических» и эмфатических произведений в рамках единой компиляции не является редкостью и наблюдается во множестве книг урало-сибирской традиции [18. С. 12–13].

Проблематика осквернения от иноверцев также широко представлена в сборнике [1. Л. 16, 19 об., 50, 52]. Матерная брань, нравственное нечестие и ложные догматы выступают причиной обособления от их носителя. А.И. Самойленко писал: «Оказавшись во враждебном окружении, старообрядцы, чтобы сохранить неповрежденным древлецерковное благочестие, должны были создать свой мир» [17. С. 356]. Таким образом, бытовая замкнутость старообрядческих общин стала резко осуждаемой церковными миссионерами и рядовым населением, однако весьма эффективной для сохранения их культурной самобытности практикой [19. С. 212].

Возникает вопрос относительно того, почему тексты компиляции не разбиты на тематические блоки, а чередуются между собой и многократно повторяют уже обозначенную проблематику. Ответ на данный вопрос дает исследование Н.Д. Зольниковой относительно структуры старообрядческих нравоучительных сборников. По мнению исследовательницы, путем чередования многообразных жанров книжники стремились снизить риск монотонного изложения своего вероучения [2. С. 199, 201–202]. Так, мы можем наблюдать, что, по замыслу составителя, агиографические произведения отделяются друг от друга сочинениями эсхатологического жанра, что усиливает внимание читателей к постоянно стилистически изменяющемуся тексту.

Следующий значительный блок текстов в сборнике представлен четырьмя сочинениями, принадлежащими перу Ефрема Сирина. По всей видимости, включение данных произведений в компиляцию следует объяснять желанием составителя обеспечить сборник высоким уровнем читательского доверия. Ефрем Сирин являлся одним из излюбленных старообрядцами, наряду с Иоанном Златоустом и Максимом Греком, авторов. Учитывая, что авторитет книги и лояльность к ней рядовых читателей напрямую зависел от включенных в нее произведений, мысль об использовании некоторых частей компиляции в большей степени как элемента ее популяризации, нежели важного структурного компонента, выглядит вполне убедительной.

Все четыре сочинения располагаются в непосредственном «соседстве» друг с другом, что однозначно указывает на единство их предназначения в сборнике. Вместе с тем, несмотря на значительный объем каждого из текстов, что обычно определяло доминирующее положение фрагмента в структуре книги, следует заключить, что данный блок не имел решающего значения для устройства компиляции. На это указывает уже то, что фрагменты размещены в завершающей части сборника. Расположение текстов в конце «конвой» однозначно свидетельствует о второстепенности их содержания для общего идейного повествования.

Так, «Слово об Иосифе Прекрасном» [1. Л. 94–123 об.], «Слово о страсти Спасове» [Там же. Л. 140–147] и «Повесть о святом Авраамии» [Там же. Л. 147–173] повторяют общие нравоучительные мотивы о праведности и уповании на Бога, мужественном перенесении искушений и страданий, уже звучавшие в первой части книги. «Слово об антихристе» [Там же. Л. 124–139 об.] также, подобно множеству предыдущих сочинений, пытается ввести читателей в состояние эсхатологического ожидания (для чего традиционно помещалось в сборники соответствующей тематики [13. С. 176]). Таким образом, несмотря на вполне органичное включение данного блока текстов

в состав компиляции, творения Ефрема Сирина, тем не менее не имели решающего значения для ее структуры, так как лишь повторяли уже звучавшие в повествовании мотивы и выполняли лишь второстепенные функции.

Заключительный блок текстов представлен тремя собраниями апостольских, соборных и святоотеческих правил [1. Л. 198–211, 211 об. – 234, 234–245 об.]. Большое внимание в выборке правил уделено регламентации семейных и половых отношений. Осуждаются различные формы блуда и, что наиболее для нас интересно, регламентируются правила семейной жизни. Выборка, представленная в сборнике, вполне отчетливо указывает на необходимость отвержения от молитвы разводящихся и даже гнушающих-ся брака.

В силу этого многократно встречающиеся в произведении призывы бежать из мира и уединиться в пустыне [1. Л. 30–31 об., 41, 56, 61 об.] следует воспринимать не как указание на причастность составителя к согласию странников, а как общее для всех старообрядческих ветвей выступление против мира «победившего антихриста» и тенденцию к самоизоляции. Приверженность браку также исключает возможность принадлежности составителя к крупным сибирским согласиям федосеевцев и филипповцев, первые из которых допускали лишь сохранение уже заключенных браков (строжены), а вторые и вовсе исключали какие-либо супружеские отношения.

Наконец, в числе возможных согласий, распространенных в Западной Сибири, к которым мог бы относиться книжник, явно не было толка часовенных. Так, несмотря на отсутствие у последних священства и исполнения богослужебных обязанностей наставниками, представители согласия не придерживались идеи об истреблении священнического сана перед Страшным судом, которую широко постулирует сборник [1. Л. 17 об., 88]. Совокупность указанных фактов наводит на мысль о том, что наиболее вероятным составителем мог быть представитель согласия поморцев, в значительной степени не утративших своего радикализма даже к концу XIX в.

Подводя итог выполненному исследованию, следует отметить, что несмотря на жанровое разнообразие сборника, все вошедшие в него произведения выступали в качестве конвой для первых двух сочинений, будучи призваны усиливать их полемический эффект. Яркая полемическая ориентированность книги, воспитывавшая в читателе проповеднический талант, дает основания полагать, что основной аудиторией сборника должны были стать рядовые староверы и наставники общин. При этом книга не предполагала четкой сословной ориентированности в отличие от многих других сборников, читателями которых являлись преимущественно выходцы из крестьянства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фонд книжных памятников Томского областного краеведческого музея. 7903/26.
2. Зольникова Н.Д. Старообрядческий нравоучительный сборник непостоянного состава // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2004. С. 178–202.
3. Зольникова Н.Д. «Свои» и «чужие» по нормативным актам сибирских староверов-часовенных // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 54–59.

4. Старухин Н.А. Проблема изучения творческого наследия старообрядческого писателя Г.А. Страхова // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 113–115.
5. Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Ч. 11 / под общ. ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск : Изд-во НВГУ, 2016. С. 106–137.
6. Пихоя Р.Г. Записки археографа. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с.
7. Малышев В.И. Неизвестная повесть XVIII в. о хвастливом книжнике // Русская литература. 1964. № 1. С. 97–99.
8. Бытко С.С. «Старообрядец» в восприятии массовой культуры рубежа XIX–XX вв. (по сочинениям русских писателей «Серебряного века») // Материалы 53-й конференции МНСК-2015: история. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2015. С. 77–78.
9. Грицевская И.М. Структура старообрядческих сборников: Соловецкий и Пустозерский циклы в сборнике из Нижегородской областной библиотеки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 4. С. 288–294.
10. Отдел редких книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. В–27066.
11. Иванова Н.В. Лексические репрезентации оппозиции «свой – чужой» в духовных старообрядческих стихах // Научный диалог. 2014. № 12 (36). С. 24–36.
12. Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций : в 3 т. М. : АСТ, 2002. Т. 2. 592 с.
13. Бытко С.С. Сборник «Слово о лжепророках и лжеучителях»: идея, структура, организация // Тюменский исторический сборник. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2016. Вып. XVIII. С. 169–180.
14. Протопоп Иван Неронов. Собрание документов эпохи / под ред. К.Я. Кожурина. СПб. : Свое издательство, 2012. 372 с.
15. Фишман О.М. «Отче» и колдуны: Образы жизни карельской старообрядческой общины // Обряды и верования народов Карелии: Человек и его жизненный цикл. Петрозаводск : КНЦ РАН, 1994. С. 122–143.
16. Юхименко Е.М., Поньрко Н.В. История об отцах и страдальцах соловецких: лицевой список из собрания Ф.Ф. Мазурина. М. : Языки славянской культуры, 2002. 272 с.
17. Самойленко А.И. Лев Феофистович Пичугин и старообрядцы с. Пойма Пензенской области // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. М. : РОССПЭН, 1998. С. 356–361.
18. Бытко С.С. Структурное оформление старообрядческого полемического сборника XX века из собрания НБ ТГУ // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего. Нижневартовск : Изд-во НВГУ, 2015. С. 12–15.
19. Сморгунюва Е.М. Исход староверов вчера и сегодня: уход от мира и поиски земли обетованной // История Церкви: изучение и преподавание : материалы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1999. С. 211–219.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 декабря 2017 г.

POLEMIC CULTURE OF THE OLD BELIEVERS AND THE STRUCTURE OF A MANUSCRIPT COLLECTION OF THE LATE 19TH CENTURY: FEATURES OF INTERACTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 72–77.

DOI: 10.17223/15617793/428/9

Sergey S. Bytko, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: labarum92@rambler.ru

Keywords: Old Believer compilations; Cyrillic tradition; polemical collection; Old Believers; bookishness; manuscript.

The article is devoted to the problem of studying a handwritten Cyrillic collection in the context of the polemical culture of the Old Believers of the late 19th century. An attempt is made to analyze this book, its attribution and to determine the principles of grouping the texts included in it. The book contains 52 works of pre-Reform origin. It should be noted that the first work (“A conversation between a scribe and a boy”) sets the general “narrative” tone of the entire collection, which is why, apparently, it was located at the beginning of the collection. As part of the compilation, the composition loses its moralizing motives which confirmed the incomprehensibility of knowledge about God and concentrates the reader’s attention solely on the need for a decisive and convincing “stand for the ancient piety”. In the second part of the collection, the little-known “Testament of Martyn, a Christian” is presented. The work continues the polemical theme designated in the collection by an introductory fragment. The following forty texts serve as a “convoy” in relation to the first two works. The secondary character of these works in the structure of the collection is indicated by their volume which does not exceed two to three pages. Despite the apparent disorder of the works, they are nevertheless united by the main problems: (1) rules of preaching; (2) eschatological reasoning; (3) hagiography of the martyrs; (4) “contamination” from the gentiles. Works on various subjects constantly alternate inside the “block”, with each of the micro-topics repeated many times. According to the concept of the author of the collection, hagiographic works had to be separated from each other by essays of the eschatological genre, which would strengthen the readers’ attention to the text constantly changing its style. A conclusion is drawn that in view of the incentive effect that hagiography had on the reader together with dogmatically developed texts, the compiler ultimately counted on the rapid growth of the number of his own community and *soglasie* [confession]. The next significant block of texts in the collection is represented by four works belonging to the pen of Ephraim the Syrian. Apparently, the inclusion of these works in the compilation should be explained by the desire of the compiler to provide the collection with a high level of readers’ trust. The final block of texts is represented by three collections of apostolic, conciliar and patristic rules. A great deal of attention is given in the sample to the regulation of family and sexual relations. The nature of the texts makes it possible to say that the compiler of the collection was a convinced supporter of marriage. Adherence to marriage excludes the possibility of the compiler’s belonging to the large Siberian *soglasies* of Stranniki, Fedoseevtsy and Filippians. The most likely compiler of the collection could be a representative of the Pomorian *soglasie* that, to a large extent, did not lose its radicalism even by the end of the 19th century.

REFERENCES

1. Fund of Book Monuments of the Tomsk Regional Museum of Local Lore. 7903/26.
2. Zol’nikova, N.D. (2004) *Staroobryadcheskiy nravouchitel’nyy sbornik nepostoyannogo sostava* [Old Believer moralizing collection of non-permanent composition]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Istoricheskie istochniki i literaturnye pamyatniki XVI–XXvv.* [Historical sources and literary monuments of the 16th–20th centuries]. Novosibirsk: SB RAS.
3. Zol’nikova, N.D. (1998) “Svoi” i “chuzhie” po normativnym aktam sibirskikh staroverov-chasovennykh [“Friend” and “foe” by the normative acts of the Siberian Chasovennye Old Believers]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*. 2. pp. 54–59.
4. Starukhin, N.A. (2009) Problema izucheniya tvorcheskogo naslediya staroobryadcheskogo pisatelya G.A. Strakhova [The problem of studying the creative heritage of the Old Believer writer G.A. Strakhov]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*. 3. pp. 113–115.
5. Solodkina, Ya.G. (ed.) (2016) *Istochnikovedcheskie i istoriograficheskie aspekty sibirskoy istorii* [Source-study and historiographic aspects of Siberian history]. Pt. 11. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University.

6. Pikhoya, R.G. (2016) *Zapiski arkhеографа* [Notes of an archeograph]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
7. Malyshev, V.I. (1964) Neizvestnaya povest' XVIII v. o khvastlivom knizhnike [Unknown story of the 18th century about a boastful scribe]. *Russkaya literatura*. 1. pp. 97–99.
8. Bytko, S.S. (2015) ["Old Believer" in the perception of mass culture at the turn of the 20th century (according to the writings of Russian writers of the Silver Age)]. *Student i nauchno-tekhnicheskiy progress* [Student and the scientific-technical progress]. Proceedings of the 53rd conference. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 77–78. (In Russian).
9. Gritsevskaia, I.M. (2009) Struktura staroobryadcheskikh sbornikov: Solovetskiy i Pustozerskiy tsikly v sbornike iz Nizhegorodskoy oblastnoy biblioteki [Structure of Old Believers' Collections: Solovetsky and Pustozersky Cycles in a Collection of the Nizhny Novgorod Regional Library]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 4. pp. 288–294.
10. Rare Books Department of the Tomsk State University Research Library. V–27066.
11. Ivanova, N.V. (2014) Leksicheskie reprezentatsii oppozitsii "svoe – chuzhoy" v dukhovnykh staroobryadcheskikh stikhakh [Lexical representations of the opposition "friend – foe" in the spiritual Old Believer verses]. *Nauchnyy dialog*. 12 (36). pp. 24–36.
12. Klyuchevskiy, V.O. (2002) *Russkaya istoriya: polnyy kurs lektsiy: v 3 t.* [Russian history: a full course of lectures: in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: AST. 13. Bytko, S.S. (2016) Sbornik "Slovo o lzheprorokakh i lzheuchitelyakh": ideya, struktura, organizatsiya [Collection "The Word of False Prophets and False Teachers": idea, structure, organization]. In: *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen Historical Collection]. Is. XVIII. Tyumen: Tyumen State University. pp. 169–180.
14. Kozhurin, K.Ya. (ed.) (2012) *Protopop Ivan Neronov. Sobranie dokumentov epokhi* [Protopope Ivan Neronov. Collection of documents of the era]. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo.
15. Fishman, O.M. (1994) "Otche" i kolduny: Obrazy zhizni karel'skoy staroobryadcheskoy obshchiny ["Father" and Sorcerers: Lifestyles of the Karelian Old Believers' Community]. In: Vinokurova, I.Yu. & Surkhasko, Yu.Yu. (eds) *Obryady i verovaniya narodov Karelii: Chelovek i ego zhiznennyi tsikl* [Rites and beliefs of the peoples of Karelia: man and his life cycle]. Petrozavodsk: KNTs RAN.
16. Yukhimenko, E.M. & Ponyrko, N.V. (2002) *Istoriya ob otsakh i stradal'tsakh solovetskikh: litsevoy spisok iz sobraniya F.F. Mazurina* [A story of the fathers and sufferers of Solovki: a list from the collection of F.F. Mazurin]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
17. Samoylenko, A.I. (1998) Lev Feoktistovich Pichugin i staroobryadtsy s. Poyma Penzenskoy oblasti [Lev Feoktistovich Pichugin and the Old Believers of v. Poyma of Penza Oblast]. In: *Mir staroobryadchestva* [World of Old Belief]. Is. 4. Moscow: ROSSPEN. pp. 356–361.
18. Bytko, S.S. (2015) [Structural design of an Old Believer polemic collection of the 20th century from the collection of the TSU Research Library]. *Yugra, Sibir', Rossiya: politicheskie, ekonomicheskie, sotsiokul'turnye aspekty proshlogo i nastoyashchego* [Ugra, Siberia, Russia: political, economic, sociocultural aspects of the past and present]. Proceedings of the international conference. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. pp. 12–15. (In Russian).
19. Smorgunova, E.M. (1999) [Exodus of the Old Believers yesterday and today: leaving the society and the search for a promised land]. *Istoriya Tserkvi: izuchenie i prepodavanie* [History of the Church: study and teaching]. Proceedings of the conference dedicated to the 2000th anniversary of Christianity. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 211–219. (In Russian).

Received: 03 December 2017

МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ В ДРЕВНИХ КУЛЬТУРАХ ЯПОНСКОГО АРХИПЕЛАГА: ПЕРИОД КОФУН

Исследование выполнено за счет Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Статья продолжает цикл работ, посвященных традициям сооружения монументальных конструкций в древних культурах Японского архипелага, начиная от охотников-собирателей-рыболовов эпохи дзёмон и до периода кофун, времени формирования протогосударственного образования. Целью статьи является определение основных направлений развития традиции на территории центральной части о. Хонсю и северной оконечности о. Кюсю. Настоящая работа посвящена основным моментам истории открытия и изучения курганов, региональным особенностям их конструкций и эволюции погребальных камер.

Ключевые слова: Японский архипелаг; период кофун; погребальные камеры; мегалит; конструкция.

Для территории Японского архипелага выделяют три основные традиции монументальных сооружений: дзёмонская (8000–2300 л. н.), яёйская (III в. до н. э. – III в. н. э.) и кофунская (конец III–VII вв. н. э.). Последняя представлена монументальными погребальными курганами («кофунами»), среди которых встречаются курганы, которые можно отнести к мегалитическим комплексам, поскольку внутренние конструкции выполнены из крупных каменных блоков.

Курганы периода кофун созданы путем синтеза многочисленных местных традиций погребальных сооружений в рамках предшествующей культуры яёй и элементов погребальных практик сопредельных территорий. На территории Японского архипелага известно около 16 тыс. насыпей периода кофун, из которых 896 относятся к масштабным кофунам «императорского типа» [1. С. 30].

Монументальные сооружения периода кофун представлены крупными конструкциями из двух примыкающих друг к другу насыпей, одна из которых имеет в основании форму квадрата или прямоугольника, другая – форму круга. В российской археологической науке подобные курганы получили наименование «квадратно-круглый кофун» («дзэн-по:ко:энфун») либо «курган в форме замочной скважины». К монументальным сооружениям также относятся квадратно-квадратные курганы («дзэн-по:ко:хо:фун»), и курганы, имеющие в основании насыпи квадратную («хо:фун») или круглую формы («энфун») (рис. 1, 1–4). Сооружение крупных курганов отмечается уже с конца III в., в то время как использование мегалитов для создания погребальных камер в кофунах получило широкое распространение на заключительном этапе периода (V – начало VII в.), когда резко возрастает количество кофунов. На данном этапе также распространяется традиция сооружения групп кофунов, в каждой из которых создавалось от одного до трех крупных кофунов. Для обозначения созданных с применением мегалитов курганов в японской историографии используется термин «кёсэкифун» (мегалитический кофун), при этом мегалитом считается камень с длиной одной из сторон более 2 м, сверхмегалитом – камень со стороной более 3 м [2. С. 47]. Время бытования мегалитической традиции совпадает с переходным этапом формирования на территории центральной части о. Хонсю

предгосударственного образования, уже имеющего схожие черты с государствами сопредельных территорий – Китая и Корейского полуострова. Ареал распространения монументальных кофунов и курганов с мегалитическими конструкциями на территории Японского архипелага на севере ограничен регионом Тюбу, южная граница доходит до южной оконечности о. Кюсю (рис. 2).

В российской археологической литературе долгое время не было публикаций с систематическим описанием этой категории памятников, этот пробел начал заполняться лишь в последние годы [3, 4]. Настоящая работа посвящена основным моментам истории открытия и изучения кофунских курганов, особенностям их конструкций и эволюции погребальных камер.

Кофуны о. Хонсю. В силу своей монументальности и легкости обнаружения крупные кофуны, в том числе и с мегалитическими конструкциями, исследовались и описывались еще с конца XVII в. [5. С. 88]. На первых этапах основной целью было выявление погребений представителей императорской династии и знатных родов, имеющих родственные связи с императорской династией. На сегодняшний день все крупные кофуны известны и описаны, в некоторых случаях (если кофун не входит в список «императорских кофунов») проведены раскопки. Из списка «императорских кофунов» ежегодно на заседании Управления императорского двора совместно с советом археологов выбирается один курган, на котором проводятся реставрационные работы и частичные научные исследования.

По количеству монументальных квадратно-круглых курганов наиболее представительным является район центральной части о. Хонсю (прежде всего, префектуры Нара и Осака), именно здесь находятся самые крупные кофуны. К раннему этапу периода кофун (конец III – IV вв.) относятся курганы: Сибутанимукайяма (длина насыпи 300 м, г. Тэнри, преф. Нара) (рис. 2, 1), Госаси (длина 268 м, г. Нара, преф. Нара) (рис. 2, 2), Уванабэ (длина 255 м, г. Нара, преф. Нара) (рис. 2, 3), Итинива (длина 253 м, г. Нара, преф. Нара) (рис. 2, 4), Мэсурияма (длина 224 м, г. Сакураи, преф. Нара) (рис. 2, 5) и др. [6. С. 24]. В кофунах раннего периода создавались вертикальные погребальные камеры («татэанасики сэкисицу») с кладкой из небольших камней (рис. 3).

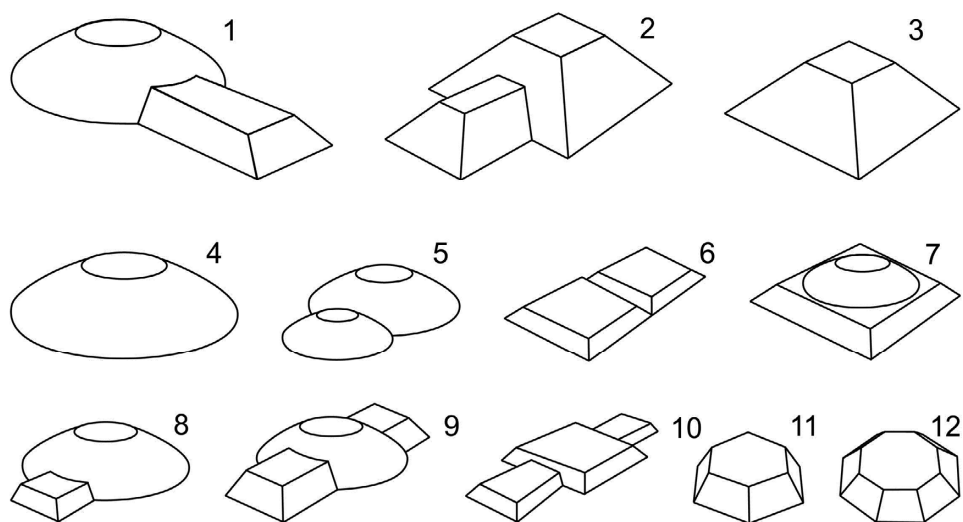

Рис. 1. Типы насыпей кофунов

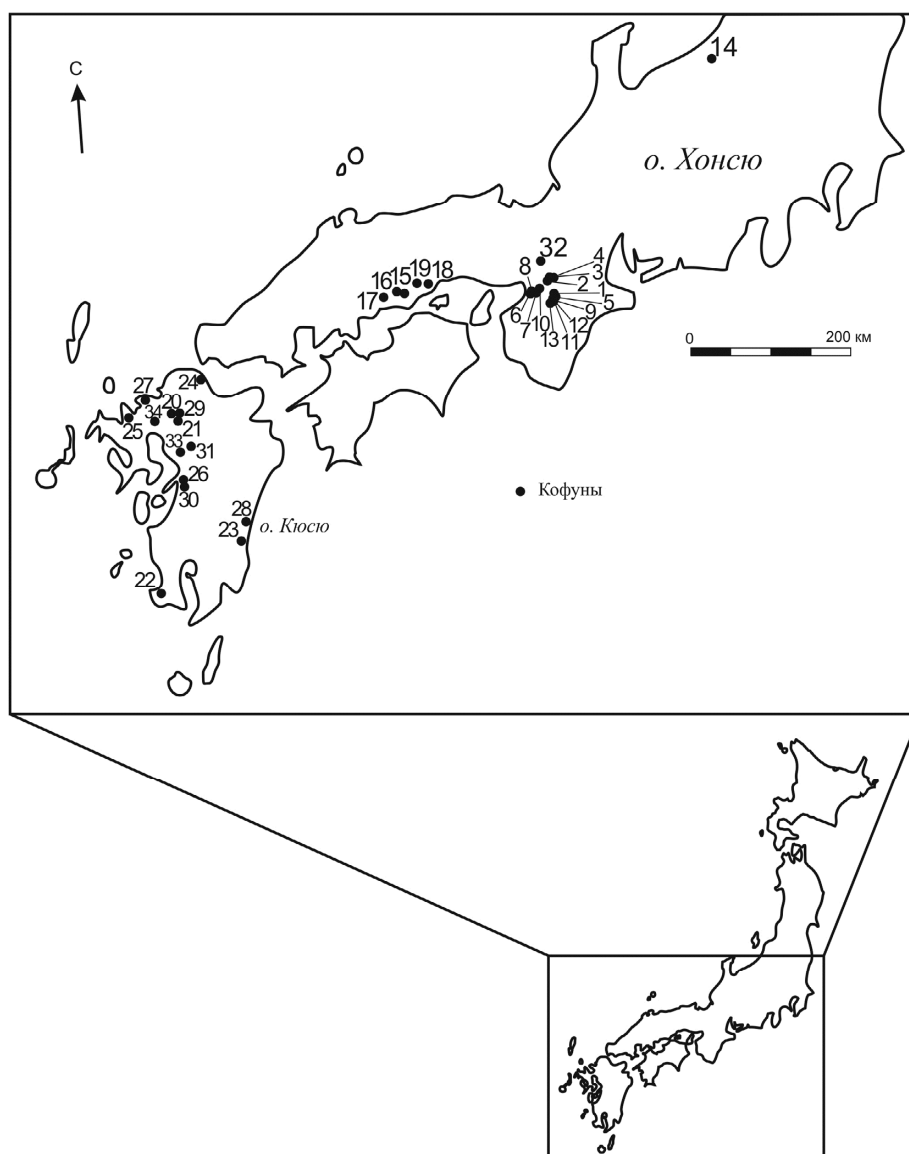

Рис. 2. Карта расположения кофунов: 1 – Сибутанимукайяма; 2 – Госаси; 3 – Уванабэ; 4 – Итинива; 5 – Мэсурияма; 6 – Дайсэн; 7 – Кондагобё:яма; 8 – Исудзигаока; 9 – Мисэмаруяма; 10 – О:цукаяма; 11 – Исибутай; 12 – Такамацудзука; 13 – Китора; 14 – группа кофунов Насиноки; 15 – Ко:моридзука; 16 – Ятао:цука; 17 – Косакоо:цука; 18 – Мусао:цука; 19 – Каро:тодзука; 20 – Акасака; 21 – Гионъяма; 22 – Окуяма; 23 – группа кофунов Икимэ; 24 – Исидзукаяма; 25 – Курисо:дзуй; 26 – Тэндзинъяма; 27 – Иккисантё:сидзука; 28 – Мэсаходзука; 29 – Сё:гакэ; 30 – Муко:нода; 31 – Цубукуро О:цука; 32 – Тя:суяма; 33 – О:каго; 34 – Нисикума; 35 – Эйандзи Хигаси; 36 – стоянка Хакура; 37 – стоянка Нисиомуро

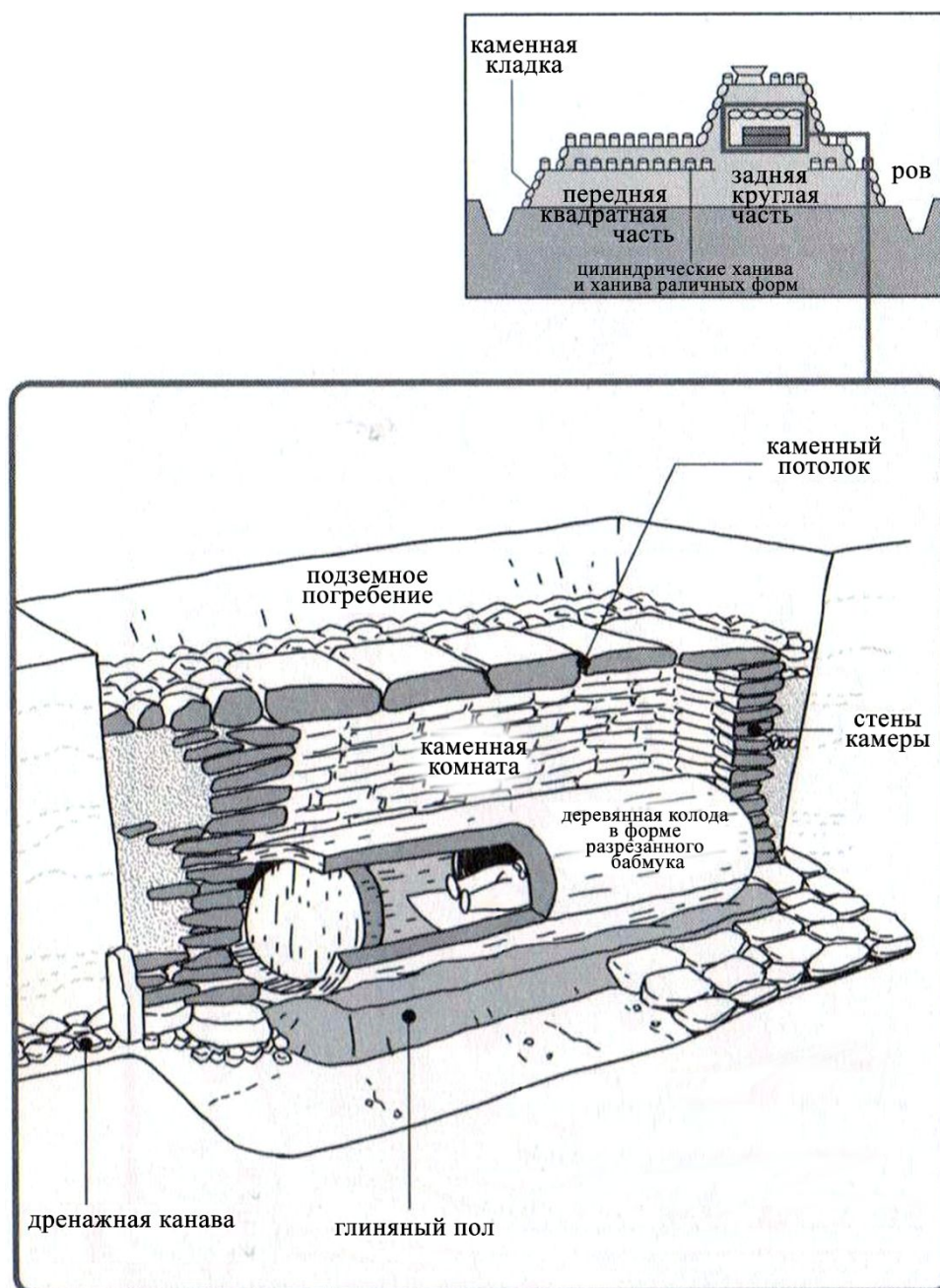

Рис. 3. Схема вертикальной погребальной камеры кофуна («татэанасики сэкисицу»; ил. по: [28. С. 80])

Во время среднего этапа отмечается увеличение размеров насыпи. К этому времени относятся самые крупные кофуны, такие как кофун Дайсэ (486 м, г. Сакаи, преф. Осака) (рис. 2, 6), Кондагобёяма (425 м, г. Хабикино, преф. Осака) (рис. 2, 7), Исудзигаока (365 м, г. Сакаи, преф. Осака) (рис. 2, 8) и др. [6. С. 26].

Как отмечалось выше, на позднем этапе периода кофун на территории Японского архипелага наблюдается уменьшение размеров насыпей, в то время как для создания горизонтальных погребальных камер («ёкоанасики сэкисицу») начинают активно применяться мегалиты (рис. 4). Самыми поздними монументальными кофунми, датируемыми второй половиной VI в., считаются курганы Мисэмаруяма (318 м, г. Касихара, преф. Нара) (рис. 2, 9) и Оцукаяма (335 м, г. Хабикино, преф. Осака) (рис. 2, 10) [6. С. 28].

Наиболее известный мегалитический памятник курганного периода – кофун Исибутай (рис. 2, 11), расположен в районе Симасё, дер. Асука, преф. Нара. Время создания кофуна относится к позднему этапу периода кофун. Верхняя ступень насыпи кофуна не сохранилась, предполагается, что форма верхней насыпи могла быть как квадратной, так и круглой, следовательно, изначальная форма кофуна могла относиться как к типу 3, так и к типу 7 (рис. 1). Нижняя ступень насыпи имела форму квадрата с длиной стороны около 50 м. Вокруг кургана существовал ров шириной 7 м. Погребальная камера относится к типу горизонтальных погребальных камер. Размеры комнаты: длина – 7,7 м, ширина – 3,5 м, высота – 4,7 м, общая длина погребальной камеры – 19,4 м [7. С. 195]. При создании кофуна использованы мегалиты из кварцевого диорита (quartz diorite), источник которого находится неподалеку.

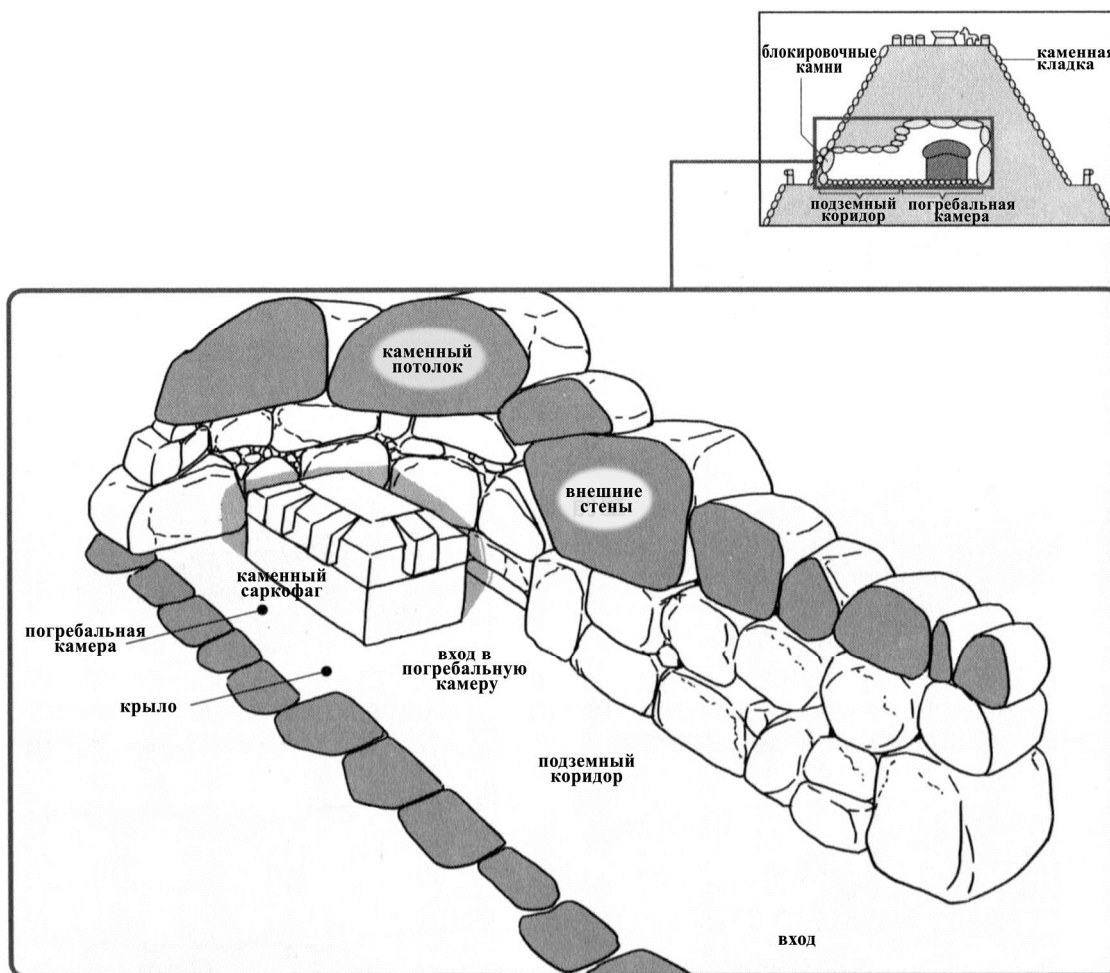

Рис. 4. Схема горизонтальной погребальной камеры кофуна («ёкоанасики сэкисицу»; ил. по: [28. С. 81])

Археологические раскопки кофуна были проведены под руководством Косаку Хамада в 1933 и 1935 гг. В погребальной комнате были обнаружены обломки вулканического туфа, из которого, по всей видимости, был сделан саркофаг, а также фрагменты керамики периода кофун и монеты более позднего времени [7. С. 196]. Исследования позволили реконструировать внутреннее устройство погребальной камеры.

Самый крупный (из исследованных) в данном регионе кофун с мегалитической конструкцией – кофун Мисэмаруяма (г. Касихара, преф. Нара) (рис. 2, 9) – квадратно-круглый кофун с изначальной длиной насыпи 318 м и погребальной камерой горизонтального типа. Курган был сооружен в конце позднего кофуна [8. С. 90]. К мегалитическим кофунам равнины Нара также относятся кофуны с фресками: Такамацудзука (рис. 2, 12) и Китора (рис. 2, 13). Погребальные камеры курганов выполнены из обработанных плит вулканического туфа [9. С. 11; 10. С. 74] и украшены фресками с буддийскими мотивами.

В рамках проблемы распространения мегалитической традиции несомненный интерес представляет группа кофун Насиноки (г. Мёко, преф. Ниигата) (рис. 2, 14) и, в частности, третий кофун группы, который является одним из самых «северных» мегалитических кофун. При создании горизонтальной погребальной камеры третьего кофуна использовались

каменные плиты весом 1–1,5 т. Группа кофун Насиноки состоит из 50 курганов, которые создавались с середины VI в. до начала VII в. [11. С. 8]. Особенностью кофун данной группы (это касается и третьего кофуна) является погребальный инвентарь, который представлен в основном оружием и доспехами.

Уникальный комплекс кофун с мегалитическими конструкциями расположен западнее равнины Нара, на территории древней провинции Киби, которая занимала полностью территорию современной преф. Окаяма, восточную часть преф. Хиросимы, острова преф. Кагава и западную часть преф. Хёго. К кофунам с мегалитическими конструкциями относятся кофуны Ко:моридзука (г. Содзя, преф. Окаяма) (рис. 2, 15), Ятао:цука (г. Курасики, преф. Окаяма) (рис. 2, 16), Косакоо:цука (г. Якагэ, преф. Окаяма) (рис. 2, 17), Мусао:цука (г. Окаяма) (рис. 2, 18) и Каро:тодзука (г. Окаяма) (рис. 2, 19).

Кофун Ко:моридзука представляет собой квадратно-круглый кофун с общей длиной насыпи около 100 м, задняя круглая насыпь диаметром 55–60 м создана двумя ступенями. Погребальная камера общей длиной около 19 м, дальняя стена комнаты состоит из двух мегалитов, остальные стены комнаты и горизонтального прохода созданы как из мегалитов, так и более мелких камней [12. С. 5]. Исследования 1978 г.

позволили на основе обнаруженного погребального инвентаря уточнить дату создания кофуна – середина VI в. К концу VI – началу VII в. относится кофун Ятао:цука – круглый курган с диаметром насыпи около 45 м, погребальная камера общей длиной 19,1 м, длина комнаты – 8,4 м, дальняя стена – из цельного мегалита. В кофуне обнаружен разнообразный погребальный инвентарь, в том числе керамика типов *суэки* и *хадзюки*, оружие, доспехи, снаряжение лошади, украшения, а также *ханива* [13. С. 8]. Последними по времени создания считаются кофуны Мусао:цука и Косакоо:цука, они завершают серию кофун с мегалитическими конструкциями древней провинции Кибэ. Кофуны данного района позволяют проследить постепенное развитие технологии создания каменной комнаты с увеличением размеров используемых мегалитов.

Из общей картины несколько выбивается кофун Каро:тодзука. По размерам погребальной комнаты, общей длиной 8,8–8,9 м, он не является выдающимся, однако шлифование стен каменной комнаты – отличительная особенность стиля Ивая, зародившегося на территории равнины Нара (региона Кансай). Влиянием региона Кансай объясняется и установленный в кофуне каменный саркофаг – материалом для саркофага служил вулканический туф бледно-зеленого или светло-желтого цвета, который добывался на территории современной префектуры Хёго и использовался также при создании саркофагов кофун района Кансай [14. С. 96].

Кофуны о. Кюсю. На территории о. Кюсю известно около 5 200 насыпей, в том числе 451 кофун представлен монументальными конструкциями с использованием мегалитов [15. С. 65; 16; 1. С. 30–31]. Наибольшего расцвета кофуны о. Кюсю достигли в среднем и позднем этапах периода кофун (V–VII вв.), в то время как на раннем этапе их численность и размеры насыпи не так велики. В большинстве случаев для раннего этапа характерны курганы квадратно-круглой формы или в форме «замочной скважины». В единичных случаях встречаются курганы квадратно-квадратной формы – кофун Акасака (общая длина 24 м, высота 2 м, конец III в., г. Тосу, преф. Сага) (рис. 2, 20), квадратной формы – кофун Гионъяма (длина 23,7×22,9 м, высота 5 м, начало IV в., г. Куруме, преф. Фукуока) (рис. 2, 21) и круглой формы – кофун Окуяма (диаметр 13,5 м, конец IV в., г. Минамасасума, преф. Кагосима) (рис. 1; 2, 22).

Все известные кофуны о. Кюсю можно условно разделить на две группы: больше 100 м в длину и меньше 100 м в длину. На раннем этапе преобладают кофуны второго типа.

К крупным кофунам раннего этапа (конец III – конец IV в.) относятся следующие комплексы: группа кофун Икимэ (максимальная длина 143 м, г. Миядзаки, преф. Миядзаки) (рис. 2, 23), кофун Исидзукаяма (длина 120 м, пос. Канда, преф. Фукуока) (рис. 2, 24), кофун Курисо:дзуй (длина 108,5 м, г. Карацу, преф. Сага) (рис. 2, 25), кофун Тэндзинъяма (длина 107–110 м, г. Уто, преф. Кумамото) (рис. 2, 26) и кофун Иккисантё:сидзука (длина 103 м, г. Итосима, преф. Фукуока) (рис. 2, 27). Все перечисленные кофуны имеют квадратно-круглую форму. Для сравнения,

протяженность кофуна Мэсаходзука (рис. 2, 28), который относится к началу среднего этапа, около 175–180 м. Мэсаходзука входит в состав группы кофун Сайтобару (г. Сайто, преф. Миядзаки) и имеет квадратно-круглую форму [15–18].

Группа кофун Икимэ представляет собой крупный могильник (около 100 насыпей, грунтовых могил, кофун) раннего – среднего этапов периода кофун, расположенный в южной части о. Кюсю и открытый в 1943 г. Общее число курганов около 51, из них 43 кофуна со статусом национального исторического памятника. С точки зрения размера и формы внутри группы Икимэ можно выделить 7 кофун квадратно-круглой формы (три кофуна имеют длину насыпи более 100 м) и 36 кофун круглой формы (с диаметром основания насыпи от 11 до 35 м). К крупным монументальным конструкциям относятся кофуны № 1 (длина 130 м), № 3 (длина 143 м) и № 22 (длина 117 м), высота насыпей варьируется от 9,2 до 17 м. Этим же временем (концом III в.) датирован кофун императорского типа Хасихака квадратно-круглой формы, протяженностью 278 м, который расположен в г. Сакурай преф. Нара [18].

Внутреннее устройство кофун представлено преимущественно вертикальным типом погребальной камеры «татэана сэкисицу». На севере о. Кюсю встречаются кофуны с грунтовой могилой без погребальной камеры, которая закрыта каменными плитами (кофун Цуканомото № 3, пос. Онга, преф. Фукуока, IV в.). Подобная практика была широко распространена в культуре яёй. Внутри каменной погребальной камеры могли помещаться: деревянная колода в форме расколото бамбука «варидакэгата моккан» (кофун Саконоуэ, г. Уто, преф. Кумамото), составной деревянный гроб «кумиайсики моккан» – кофун Сё:гакэ (г. Огори, преф. Фукуока, конец III в.) (рис. 2, 29), деревянная колода в форме лодки «фунагата моккан» (кофун Курисо:дзуй), каменный саркофаг в форме лодки «фунагата сэккан» (кофун Муко:нода) (рис. 2, 30), а также каменные саркофаги в форме ящика «хакогата сэккан» (кофун Кобуруно № 1, пос. Онга, преф. Фукуока, IV в.). Во второй половине раннего этапа появляется горизонтальная погребальная камера «ёкоанасики сэкисицу» с деревянной колодой в форме расколото бамбука (кофун Тэндзинъяма). В конце IV в. начинают создаваться кофуны с каменными саркофагами в форме сундука «нагамотигата сэккан» – кофун Цубукуро О:цука (г. Ямага, преф. Кумамото) (рис. 2, 31). Для строительства каменных погребальных камер мастера периода кофун в большинстве случаев использовали гранит либо песчаник, реже встречаются камеры из базальта и андезита (кофун Курисо:дзуй). Каменные саркофаги преимущественно выполнялись из податливого вулканического туфа. В центральной части о. Кюсю (преф. Кумамото, Миядзаки, Сага) был распространен туф с вулкана Асо. Начиная с конца IV в. саркофаги, частично или полностью изготовленные из вулканического туфа вулкана Асо, фиксируются в соседних районах, особенно в регионе Кансай – кофун Тя:сюяма (г. Явата, преф. Киото, конец IV в.) (рис. 2, 32) и на о. Сикоку [4, 15, 19].

Погребальный инвентарь кофун раннего этапа включает бронзовые зеркала, украшения (бусы «та-

ма», подвески «магатама», браслеты из камня и раковины), изделия из камня, керамику, предметы вооружения и доспехи, орудия производства [20. С. 23].

Яркой иллюстрацией особенностей внутреннего устройства и специфики сопроводительного инвентаря раннего этапа является кофун Муко:нода (г. Уто, преф. Кумамото). Кофун имеет типичную квадратно-круглую форму с общей протяженностью около 89 м, длина квадратной части 33,5 м (высота 4 м), диаметр круглой насыпи 53,7 м (высота 8 м). В центре круглой насыпи расположена двухступенчатая могила (10×7×1,5 м, 8×5×1,5 м), внутри которой, на глубине 3 м, создана вертикальная погребальная камера с одиночным женским захоронением. На поверхности кофуна найдены фрагменты облицовочного камня, а во время разбора насыпи были обнаружены фрагменты цилиндрических *ханива*, с верхней частью в форме раструба выюна («асагао-гата ханива») и фрагменты керамики типов *суэки* и *хадзюки*. Стены и крышка камеры выполнены из небольших каменных плит песчаника. Размеры погребальной камеры: длина 4,25 м, ширина 0,94–1,1 м, высота 1,08 м. Внутри находилась каменная колода в форме лодки, выполненная из вулканического туфа (с вулкана Асо) длиной 4,2 м, ширина 0,87–1 м и весом около 4 т. В колоде зафиксированы кости женщины возрастом примерно 30–40 лет, рост 156 см. Характерно труположение на спине с вытянутыми ногами, головой на север. Голова положена на каменную ступеньку, которая была частью саркофага. Кости посыпаны охрой. Погребальный инвентарь был расположен как внутри гроба, так и снаружи. Внутренний инвентарь включает: три бронзовых зеркала (с диаметром 18,4 см, 17 см и 11,2 см), цилиндрические и сферические бусины из стекла и яшмы (более 100 бусин), четыре крупных подвески «магатама» из нефрита, браслет в форме раковины из яшмы (10,2×9,3 см), около 20 браслетов из раковин. Внешний погребальный инвентарь представлен предметами вооружения из железа: длинный меч (длина 118 см), меч средних размеров (4 шт., 76,1–101 см), кинжалы (3 шт., 31–39,7 см), ножи (78 шт., 5–10 см), наконечники копий (8 шт.), кельты (3 шт., 10–16 см). Кофун Муко:нода является уникальным примером не разграбленного элитного захоронения. О высоком социальном статусе погребенной говорит наличие бронзовых зеркал и элементов вооружения, предположительно положенных рядом с гробницей для защиты умершей. Помимо богатого сопроводительного инвентаря показателем статуса погребенной является непосредственно каменная колода, которая имеет насыщенный красный цвет. Такой цвет получался на основе красных водорослей. Кроме того, вулканический туф г. Асо имеет характерный розовый цвет. В японской литературе этот комплекс связывают со служительницей культа или членом правящей династии, называя кофун Муко:нода гробницей «Хинокими» дословно «госпожи огня» (благодаря цвету), в некоторых источниках – с возможным погребением принцессы «Хими-ко» [15, 21, 22].

Кофуны с мегалитическими конструкциями на территории о. Кюсю появляются на позднем этапе и имеют особый тип внутреннего устройства, характер-

ный исключительно для данного региона. В горизонтальном коридоре, ведущем к камере, создавались одна или две дополнительные комнаты, которые разделялись каменными плитами (блокировочными мегалитами). Вероятно, эти комнаты могли использоваться для проведения погребального обряда. Также плиты из вулканического туфа служили для разделения погребальной камеры на две или три части. В таких случаях саркофаг, как правило, не использовался [23. С. 6].

С конца IV в. на Кюсю активно развивается традиция декоративного оформления погребальных комнат, главным образом, геометрическим орнаментом, которая получила наиболее широкое распространение именно в мегалитических кофунках. На территории Японского архипелага известно около 800 кофунков с расписными стенами, из них 500 расположены на о. Кюсю. К середине – второй половине V в. относятся росписи на стенах горизонтальных погребальных камер курганов О:каго (преф. Кумамото) (рис. 2, 33) и Нисикума (преф. Сага) (рис. 2, 34). Классическим примером кофуна с расписными стенами является комплекс Эйандзи Хигаси (преф. Кумамото) (рис. 2, 35), который имеет круглую форму, с диаметром насыпи около 13 м и высотой 5 м. Материалом для создания камеры служили андезитовые плиты (*andesite*), перегородки камеры оформлены плитами из вулканического туфа. На стены коридора и дальнюю стену погребальной камеры нанесен геометрический орнамент в виде кругов и треугольников. Кофун Эйандзи Хигаси датирован второй половиной VI в. [23. С. 21].

При изучении всего многообразия форм кофунков, наряду с собственно археологическими методами, японские исследователи широко оперируют естественнонаучными методами (изотопный анализ, петрографический анализ, радиоуглеродный метод, рентгенофлуорисцентная спектрометрия, термический анализ, анализ химического состава и пр.) и активно используют в своих разработках современные компьютерные технологии (3D моделирование, GIS-технологии). В частности, анализ строительного материала для сооружения погребальных камер и изготовления каменных колод и саркофагов позволяет определить источники сырья. Так, например, в западной части Японского архипелага (регион Кансай, Тюгоку и Сикоку) начиная с конца IV в. н. э. при производстве саркофагов широко применяется розовый туф с вулкана Асо (преф. Кумамото, о. Кюсю). В настоящее время данный вид горной породы известен по материалам примерно 30 кофунков, расположенных в преф. Нара, Осака, Сига, Окаяма и Кагава. Анализ погребального инвентаря, особенно предметов вооружения из железа, бронзовых зеркал, стеклянных бус и подвесок, дает возможность реконструировать характер производственной деятельности и уровень развития торговых отношений с соседними странами. На памятниках позднего периода культуры яёй и раннего этапа периода кофун часто фиксируются как импортные изделия (бронзовые зеркала и разнообразные бусы), которые предположительно были привезены из Китая, Кореи и Юго-Восточной Азии, так и сопроводительный инвентарь местного производства.

Итоги исследований позволяют говорить о территории района Кансай и, прежде всего, равнины Нара как о регионе, откуда шло распространение традиции квадратно-круглых кофун и основных элементов погребального обряда, получивших распространение на территории Японского архипелага (за исключением о. Хоккайдо и о-вов Рюкю) в период кофун. В то же время региональные отличия в погребальной практике и использование привозных материалов для создания погребальных камер, изделий с материка в качестве погребального инвентаря свидетельствуют о развитой системе взаимосвязи регионов и отношений с сопредельными государствами. Относительная «свобода» в выборе некоторых элементов погребального обряда на протяжении всего периода демонстрирует сравнительную независимость регионов. Однако причины длительного существования предгосударственного образования на сегодняшний день до конца не ясны. Одной из основ являлась, по всей видимости, единая система верований (*синто*), сложившаяся к началу периода кофун и сохранявшая лидирующее положение до выдвижения буддизма в качестве государственной религии. В то же время группы крупных кофун, расположенные отдельно от рядовых кладбищ и насчитывающие до сотни курганов с разными типами насыпей в одной группе, свидетельствуют о

развитой социальной дифференциации и формировании слоя «управляющих», способных поддерживать существующее положение.

Весьма привлекательна перспектива рассмотреть феномен кофун в контексте монументальной архитектуры культур тихоокеанского бассейна в первые века нашей эры. Именно в это время сложные погребальные сооружения (земляные насыпи, наземные и подземные многокамерные конструкции, использование мегалитов) появляются в Западной Мексике (так называемые шахтные гробницы) [24, 25] в Эквадоре («толас» в культуре Тумако-Толита и пирамиды Каранки) [26], Перу (пирамидальные гробницы в культуре мочика) [27] и т.д. Помимо того что все эти комплексы иллюстрируют сходные процессы институализации власти в предгосударственных образованиях, они позволяют перейти к проблеме обобщающей типологии монументальных сооружений.

Авторы выражают искреннюю признательность профессору Д. Накамура (Университет Сайтама, Япония) за возможность посетить музейные комплексы с различными видами кофун и д-ру ист. наук А.В. Табареву (Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск) за ценные консультации по сюжетам настоящей публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунка-тё: бункадай-бу кинэнмоно-ка [Отдел по охране культурных ценностей Агентства по делам культуры]. Майдзо: бункадай канкэй то:кэй сирё: Хэнсэй 24-нэндо-бан [Статистические данные по археологии за 2012 г.]. Токио : Бунка-тё [Агентство по делам культуры], 2013. 37 с. (на яп. яз.).
2. Масуда К. Кинай о:гата ёкоанасики сэкисицу-но гидзюцутэки тэнкай то рэкиситэки до:ко: [Развитие технологии создания горизонтальных погребальных камер стиля Кинай и исторические тенденции] // Ко:когаку дзасси [Археологический журнал]. 1996. Т. 3, вып. 3. С. 21–52 (на яп. яз.).
3. Гнездилова И.С. «Кофун дзидай» – «эпоха курганов» Японии: история изучения методами археологии // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22 (2). С. 60–64.
4. Гнездилова И.С. Устройство погребальных камер курганов эпохи кофун на территории центральной части района Кансай, Япония // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 2 (14). С. 46–60.
5. Мещеряков А.Н., Грачёв М.В. История древней Японии: учеб. пособие. М. : Наталис, 2010. 544 с.
6. Вакаса Т. Кофун дзидай гайдо букку [«Путеводитель» по эпохе кофун]. Токио : Синсэнся, 2013. 96 с. (на яп. яз.).
7. Хамада К. Нихон кобунка [Культура древней Японии]. Хамада Косаку энсэй тэсакусю: канко: иинкай хэн [Собрание сочинений Косаку Хамада]. Киото : Тосёинсацу, 1988. Т. 1. 344 с. (на яп. яз.).
8. Кадзутака Ф. Асука, Минамикацураги тиики-но кофун [Курганы районов Асука и Минамикацураги] / Кофуны Ямато [Ямато-но кофун]. Киото : Дзимбунсёин, 2006. Т. 1. С. 81–95 (на яп. яз.).
9. Такамацуцука кофун хэкига фотомаппу сирё: [Фотокарты фресок кофуна Такамацуцука] / Сер. Исторические материалы Национального исследовательского института по культурным ценностям Нара. Осака: Окамура инсацу ко:гё: каустики кайся, 2009. Т. 81. 72 с. (на яп. яз.).
10. Китора кофун-но тё:са [Исследования кофуна Китора] // Нара бункадай кэнкю:дзё киё: [Научно-исследовательский институт культуры Нара]. Нара : Тэнри дзихосё, 2004. С. 72–76 (на яп. яз.).
11. Дайдё:хара «С» исэки. Дзёсин-эцу дзидо:сядо: канкэй хаккуцу тё:са хо:коку-сё II [Памятник Дайдё:хара «С». Отчет о проведении археологических работ, в связи со строительством автомобильной дороги Дзёсин-эцу] // Ниигата-кэн майдзо: бункадай тё:са хо:коку-сё [Сообщения о погребенных культурных ценностях префектуры Ниигата]. Ницу : Ниигата-кэн кё:ику иинкай [Комитет по образованию префектуры Ниигата], 1997. Т. 85, вып. 2. 52 с. (на яп. яз.).
12. Биттю: Ко:моридзука кофун [Кофун Биттю: Ко:моридзука] // Окаяма-кэн майдзо: бункадай тё:са хо:коку-сё [Сообщения о погребенных культурных ценностях префектуры Окаяма]. Окаяма : Окаяма-кэн кё:ику иинкай [Комитет по образованию префектуры Окаяма], 1979. Т. 35. 36 с. (на яп. яз.).
13. Ятао:цука кофун [Кофун Ятао:цука]. Маби : Маби-тё кё:ику иинкай [Комитет по образованию пос. Маби], 1984. 50 с. (на яп. яз.).
14. Окаяма-си майдзо: бункадай тё:са-но гайё: [Краткий обзор об исследованиях погребенных культурных ценностей г. Окаяма]. Окаяма : Окаяма-кэн кё:ику иинкай [Комитет по образованию префектуры Окаяма], 2001. 101 с. (на яп. яз.).
15. Идэта К. Кю:сю: тихо-ни окэру дзёмпо: ко:энфу-но бумпуротэки кэнто: -функю: -но кибо то найбу ко:дзо: фукусю:хин-но дзики бумпу о тю:син ни [Изучение территории распространения кофун квадратно-круглой формы на о. Кюсю – Различия в масштабах, внутреннем устройстве и погребальном инвентаре кофун исходя из времени и территории] // Нарадзёси дайгаку тири-гаку тиики канкё:гаку кэнкю: хо:коку [Научный бюллетень Женского университета Нара. Сер. География и региональная экология]. 2010. № 7. С. 65–76 (на яп. яз.).
16. Кофун маппу [Карта кофун]. URL: <http://www.kofun.info>, свободный (дата обращения: 29.01.2017).
17. Накадзима Н. Сага-кэн Курисо:дзуй кофун [Кофун Курисо:дзуй, префектура Сага] // Кикан ко:когаку [Квартальная археология]. 1998. № 65. С. 42–43 (на яп. яз.).
18. Янагисава К. Миядзаки-кэн Икимэ кофун-гун [Группа кофун Икимэ, префектура Миядзаки] // Кикан ко:когаку [Квартальная археология]. 1998. № 65. С. 38–39 (на яп. яз.).

19. Сигэфудзи Т., Ниси К. Майдзо: сисэцу ни миру кофун дзидай хокобу Кю:сю:но тиики-сэй то кайсо:-сэй – то:бу-но дзэнки то тю:ки кофун о рэй тоситэ [Региональная и иерархическая специфика устройства погребальной камеры раннего и среднего кофуна, по материалам комплексов восточной части севера Кюсю] // Нихон ко:когаку [Археология Японии]. 1995. Т. 2, вып. 1. С. 95–117 (на яп. яз.).
20. Мотидзуки М. Фукусю:хин то хосо:-ся-дзо: [Погребальный инвентарь и изображения умершего] // Кикан ко:когаку [Квартальная археология]. 1998. № 65. С. 23–25 (на яп. яз.).
21. Муко:нода кофун [Кофун Муко:нода] // Уто-си майдзо: бункадзай тэ:са хо:коку-сё [Археологический отчет центра сохранения культурного наследия г. Уто]. Уто : Кумамото-кэн Уто-си кё:ику иинкай [Комитет по образованию г. Уто, префектура Кумамото], 1978. Т. 2. 185 с. (на яп. яз.).
22. Такаги К. Кумамото-кэн Муко:нода кофун [Кофун Муко:нода, префектура Кумамото] // Кикан ко:когаку [Квартальная археология]. 1998. № 65. С. 40–41 (на яп. яз.).
23. Кумамото-кэн со:сёку кофун [Декорированные кофуны префектуры Кумамото]. Кумамото : Кумамото-кэн кё:ику иинкай [Комитет по образованию префектуры Кумамото], 1984. 397 с. (на яп. яз.).
24. Леванова Е.С., Табаров А.В. Лабиринты для усопших: погребальные конструкции в доиспанских культурах Колумбии // Латинская Америка. 2016. № 7. С. 75–85.
25. Острирова Е.С., Табаров А.В. Молчание опустевших гробниц: Древние культуры Западной Мексики. История открытия и исследований // Латинская Америка. 2015. № 6. С. 80–92.
26. Табаров А.В. Шаманы и касики Страны Дождя (культура Тумако-Толита, тихоокеанское побережье Южной Америки) // Российский археологический ежегодник. 2016. № 5–6. С. 171–199.
27. Березкин Ю.Е. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб. : МАЭ РАН, 2013. 256 с.
28. Хиросэ К. Кофун ню:мон [Справочник по кофунам]. Токио : Гэнтоса, 2015. 174 с. (на яп. яз.).

Статья представлена научной редакцией «История» 9 марта 2018 г.

THE TRADITION OF MONUMENTAL CONSTRUCTIONS IN ANCIENT CULTURES OF THE JAPANESE ARCHIPELAGO: THE KOFUN PERIOD

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 78–86.

DOI: 10.17223/15617793/428/10

Irina S. Gnezdilova, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Daria A. Ivanova, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Nightliro@bk.ru

Keywords: Japanese Archipelago; Kofun period; stone chambers; megaliths; construction.

This article is a continuation of a series of studies of the traditions of monumental constructions in the ancient cultures of the Japanese Archipelago. The main aim of the article is to determine the principal stages in the development of the tradition of monumental constructions on the territory of the Japanese Archipelago during the Kofun period (late 3rd – 7th centuries AD), the areal distribution of megalithic *kofun* and local variations of their structures. The investigation is based on materials from archaeological reports about different types of mounded tombs. Also it leans on the results of the study of raw materials for building stone chambers, stone coffins, funerary equipment and grave goods using research methods of natural sciences. Funerary complexes of the Kofun period are represented by mounded tombs with various shapes of mound. For building large-scale *kofun* the following main types of mounds were most frequently used: keyhole-shaped mounds (with square front, round back), keyhole tombs with a square mound, square-shaped mounded tombs and circular-shaped mounded tombs. Most of the huge *kofun*, from 200 to 486 meters long, are represented by keyhole-shaped mounds and are concentrated within modern Nara and Osaka Prefectures. In total, the concentration of monumental *kofun*, especially over 100 meters long, are mainly found on the territory of two areas – in the central part of Honshu Island and in the northwestern part of Kyushu Island. During the Early Kofun period, the dominant practice was to build a vertical or a pit-style stone chamber within the mound. Vertical stone chambers were typically built around the coffin after it was put in place. The walls demonstrate limited stone-work. A decrease in the external mound size occurred from the middle of the 5th century AD. At the same time there was a gradual increase in the size of the inside structure of stone chambers. At the end of the Middle – Late Kofun Period horizontal or corridor-style stone chambers appeared. Megaliths were often used for their construction. The practice of using megaliths for building chambers spread over a wide area – from Niigata Prefecture, in the north, to the southern part of Kyushu. Within the common system of funeral practice represented by *kofun*, there are some regional features. For example, the Kansai region is characterized by the largest monumental constructions and “megalithic kofun” with chambers from polished tuff rock slabs. In Kyushu, since the end of the Early Kofun Period (end of 4th century AD), the tradition of decorated *kofun* had been developing: walls of stone chambers were ornamented with painted or geometric pattern. In the central part of Honshu, only two decorated *kofun* with ornament (similar to Buddhist frescoes) are known for that time. The authors believe all these ritual features reflect the crystallization of the unified pre-state formation and the intensive processes of social stratification.

REFERENCES

1. Department for the Protection of Cultural Property of the Agency for Cultural Affairs. (2013) *Statistical data on archeology for 2012*. Tokyo: Bunka-te. (In Japanese).
2. Masuda, K. (1996) Development of the technology of creating horizontal burial chambers of the Kinai style and historical trends. *Archaeological Journal*. 3: 3. pp. 21–52. (In Japanese).
3. Gnezdilova, I.S. (2015) “Kofun dziday” – “epokha kurganov” Yaponii: istoriya izucheniya metodami arkhologii [“Kofun dziday” – the “era of mounds” of Japan: history of studying by methods of archeology]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*. 22 (2). pp. 60–64.
4. Gnezdilova, I.S. (2016) Ustroystvo pogrebal'nykh kamer kurganov epokhi kofun na territorii tsentral'noy chasti rayona Kansay, Yaponiya [Arrangement of burial chambers of Kofun mounds in the central part of Kansai region, Japan]. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy*. 2 (14). pp. 46–60. DOI: <http://dx.doi.org/10.14258/tpai.v14i2.1499>
5. Meshcheryakov, A.N. & Grachev, M.V. (2010) *Istoriya drevney Yaponii* [History of ancient Japan]. Moscow: Natalis.
6. Vakasa, T. (2013) *A “guidebook” for the era of the kofun*. Tokio: Sinsensya. (In Japanese).
7. Khamada, K. (1988) Culture of ancient Japan. In: *Collected works by Kosaku Hamada*. Vol. 1. Kyoto: Toseinsatsu. (In Japanese).

8. Kadzutaka, F. (2006) Mounds of the districts of Asuka and Minami-kutsuragi. In: *Yamato-no kofun*. Vol. 1. Kioto: Dzimbunsein. (In Japanese).
9. Anon. (2009) Photomaps of frescoes of the Takamatsuzuka kofun. *Series Historical materials of Nara Research Institute for Cultural Properties*. Vol. 81. Osaka: Okamura insatsu ko:ge: kaustiki kaysya. (In Japanese).
10. Nara Research Institute for Cultural Properties. (2004) *Studies of Kitor kofun*. Nara: Tenri dzikhosya. pp. 72–76 (In Japanese).
11. Niigata Prefecture Education Committee. (1997) Monument Daydo:khara “S”. Report on the conduct of archaeological work, in connection with the construction of the highway Dzesin-etsu. *Messages on the Buried Cultural Values of Niigata Prefecture*. 85:2. (In Japanese).
12. Okayama Prefecture Education Committee. (1979) Kofun Bittu: Ko: morizuka. *Messages on the Buried Cultural Values of Okayama Prefecture*. 35. (In Japanese).
13. Education Committee of v. Mabi. (1984) *Kofun Yatao:Tsuka*. Mabi: Mabi-te ke:iku iinkay. (In Japanese).
14. Okayama Prefecture Education Committee. (2001) *A brief overview of the studies of Okayama's buried cultural property*. Okayama: Okayama-ken ke:iku iinkay. (In Japanese).
15. Ideta, K. (2010) Study the territory of the distribution of kofuns of square-round shape on the island Kyushu: Differences in scale, internal structure and funeral inventory of kofuns based on time and territory. *Scientific Bulletin of the Women's University of Nara. Ser. Geography and Regional Ecology*. 7. pp. 65–76. (In Japanese).
16. Kofun.info. (n.d.) *Kofun maps*. [Online] Available from: <http://www.kofun.info>. (Accessed: 29th January 2017).
17. Nakadzima, N. (1998) Kofun Kurizo: Saga Prefecture. *Archeology Quarterly*. 65. pp. 42–43. (In Japanese).
18. Yanagisava, K. (1998) Group of Ikimio kofun, Miyazaki Prefecture. *Archeology Quarterly*. 65. pp. 38–39. (In Japanese).
19. Sigefudzi, T. & Nisi, K. (1995) Regional and hierarchical specificity of the arrangement of the funerary chamber of the early and middle kofun, based on the materials of the complexes of the eastern part of the north of Kyushu. *Archeology of Japan*. 2:1. pp. 95–117. (In Japanese).
20. Motidzuki, M. (1998) Funeral inventory and images of the deceased. *Archeology Quarterly*. 65. pp. 23–25. (In Japanese).
21. Uto Education Committee, Kumamoto Prefecture. (1978) Muko:noda Kofun. In: *Archaeological Report of the Center for the Preservation of Cultural Heritage of Uto*. Vol. 2. Uto: Kumamoto-ken Uto-si ke:iku iinkay. (In Japanese).
22. Takagi, K. (1998) Muko:noda Kofun, Kumamoto Prefecture. *Archeology Quarterly*. 65. pp. 40–41. (In Japanese).
23. Kumamoto Prefecture Education Committee. (1984) *Decorated kofun of Kumamoto Prefecture*. Kumamoto: Kumamoto-ken ke:iku iinkay. (In Japanese).
24. Levanova, E.S. & Tabarev, A.V. (2016) Mazes for the dead: funeral constructions in pre-hispanic cultures of Colombia. *Latinskaya Amerika*. 7. pp. 75–85.
25. Ostrirova, E.S. & Tabarev, A.V. (2015) Molchanie opustevshikh grobnits: Drevnie kul'tury Zapadnoy Meksiki. Istoriya otkrytiya i issledovaniy [Silence of Deserted Tombs: Ancient cultures of Western Mexico. History of discovery and research]. *Latinskaya Amerika*. 6. pp. 80–92.
26. Tabarev, A.V. (2016) Shamany i kasiki Strany Dozhdey (kul'tura Tumako-Tolita, tikhookeanskoe poberezh'e Yuzhnoy Ameriki) [Shamans and caciques of the Land of Rains (culture of Tumaco-Tolita, the Pacific coast of South America)]. In: *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik* [Russian archaeological yearbook]. 5–6. pp. 171–199.
27. Berezkin, Yu.E. (2013) *Mezhdru obshchinoy i gosudarstvom. Srednemasshtabnye obshchestva nuklearnoy Ameriki i Peredney Azii v istoricheskoy dinamike* [Between the community and the state. Mid-scale societies of nuclear America and the Near East in historical dynamics]. St. Petersburg: MAE RAN.
28. Hirose, K. (2015) *Reference book on kofun*. Tokio: Gentosya. (In Japanese).

Received: 09 March 2018

ОТ МИРНОГО ПРОЦЕССА К ВОЙНЕ С ТЕРРОРОМ: БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОСОЮЗА В 1995–2003 гг.

Рассматривается деятельность западноевропейской дипломатии на Ближнем Востоке в период ослабления мирного процесса в регионе и его последующей трансформации в борьбу с международным терроризмом. Анализируется позиция Европейского союза в вопросе ближневосточного урегулирования и решения палестинской проблемы; выявлены разногласия отдельных членов этой организации (Франция, ФРГ) с США в методах разрешения кризиса в зоне Персидского залива, препятствующей продвижению мирного процесса.

Ключевые слова: Евросоюз; США; ближневосточный конфликт; переговорный процесс; стагнация; Персидский залив; кризис; иракский вопрос; разногласия; международный терроризм.

Радикальные перемены, произошедшие в мировой политике и международных отношениях в результате распада СССР, прекращения существования социалистической системы и трансформации двухполюсного мироустройства в однополярный мир, сопровождались значительным усилением влияния США и их союзников на ситуацию в разных регионах мира, включая Ближний Восток. В этом регионе наблюдался заметный рост усилий международного сообщества, направленных на мирное урегулирование арабо-израильского конфликта, сердцевиной которого по-прежнему оставалась палестинская проблема. После длившегося несколько лет переговорного процесса диалог между израильтянами и палестинцами стал постепенно ослабевать из-за возникающих труднопреодолимых препятствий. В основном они проистекали из экстремистских выступлений в Израиле, а также участвовавших вылазок палестинских боевиков на израильскую территорию, где ими совершались террористические акты, в результате чего гибли мирные люди. Все эти негативные моменты усиливали напряженность во взаимоотношениях еврейского населения с палестинскими арабами, переговорный процесс между их представителями постепенно затухал, и, как следствие, проблема ближневосточного урегулирования вновь оказалась в подвешенном состоянии. В этой ситуации администрация США, опираясь на поддержку американских союзников в Западной Европе, прилагала усилия, чтобы вернуть конфликтующие стороны к диалогу. В это же время руководители ведущих западноевропейских стран, обеспокоенные наступившей стагнацией в переговорном процессе, все больше склонялись к тому, чтобы использовать финансовые институты Европейского союза в качестве инструментов давления на конфликтующие стороны: прежде всего, с их помощью предполагалось заставить израильтян и палестинцев пересмотреть свое негативное отношение к переговорам и дать согласие на их возобновление.

Между тем стремление Евросоюза содействовать возобновлению переговорного процесса вызывало негативную реакцию со стороны руководства Израиля. Объяснялось это тем, что во взаимоотношениях этого государства с отдельными членами ЕС, в частности с Францией, ФРГ и Италией, сохранялись определенные спорные моменты. В то время как торгово-экономические связи Израиля с указанными странами развивались достаточно успешно, последние в вопро-

сах ближневосточного урегулирования придерживались позиции, не устраивающей Израиль. Так, в Париже, Берлине и Риме не желали признавать Иерусалим единой и неделимой столицей Израиля; подчеркивалось ими право Израиля на безопасное существование и одновременно отстаивалось право палестинского народа на самоопределение, создание своего независимого государства; наконец, подвергалось критике строительство еврейских поселений на оккупированных территориях. Исходя из этого, израильское руководство противилось участию Евросоюза в многосторонних переговорах, считая, что эта организация не будет в них объективным и беспристрастным партнером.

С другой стороны, недовольство ближневосточной политикой Европейского союза выражало руководство ООП. Оно полагало, что западноевропейские лидеры, выступая на словах за реализацию права палестинского народа на самоопределение, не прилагают должных усилий, чтобы как-то повлиять на ход переговоров и пассивно наблюдают за процессом обсуждения проекта документа, подготовленного США и Израилем, лишь в общих чертах содержащего положение о палестинской автономии.

В этих условиях заметно актуализировалась задача по принятию неотложных мер для усиления роли Европейского союза в будущем переговорном процессе. Для ее решения считалось необходимым, в том числе, расширение интеграционных связей ЕС с Израилем и арабскими странами южных и юго-восточных регионов Средиземного моря. Важным шагом в этом направлении стали многосторонние переговоры в Барселоне в ноябре 1995 г. Инициатором их проведения являлась Франция, связанная традиционными узами с арабскими странами Средиземноморского бассейна, уходящими корнями в колониальное прошлое [1. Р. 7]. Пытаясь сохранить свое влияние на эти страны и при этом не быть заподозренной в неокOLONIALИЗМЕ, Франция решила прибегнуть к использованию механизма ЕС для решения этих задач. Она не желала предоставить арабские страны регионов Средиземноморского бассейна самим себе и одновременно не хотела мириться с усилением влияния на них США, стремлением американцев установить контроль над их нефтяными источниками. С другой стороны, руководство Франции считало, что тем арабским странам, которые не располагали нефтью и находились в тяжелом экономическом положении, необхо-

димо оказать материальную и финансовую помощь, в противном случае разрастание в этих странах кризисных явлений чревато их втягиванием в орбиту исламского фундаментализма [2. С. 323–324].

В рамках переговорного процесса в Барселоне планировалось строительство качественно новых взаимоотношений стран Европейского союза с государствами Ближнего Востока, углубление и расширение разносторонних связей между ними по линии Евросоюза (раньше отношения между ними поддерживались в основном на двусторонней основе). Кроме того, достигнутое в Барселоне масштабное соглашение должно было способствовать снижению общего уровня напряженности между Израилем и арабскими странами и содействовать продвижению мирного процесса в регионе. После завершения переговоров представителями стран Евросоюза и 11 средиземноморских государств была принята Декларация, содержащая следующие основные положения:

1) политическое партнерство и партнерство по вопросу безопасности;

2) экономическое и финансовое партнерство;

3) партнерство в социальном и гуманитарном аспектах, т.е. борьба с контрабандой наркотических веществ, международными преступлениями и коррупцией, расизмом, ксенофобией, религиозной и иными видами нетерпимости.

В первой части Декларации говорилось о необходимости создания всеобщей зоны мира и стабильности, укрепления политического диалога, демократии, соблюдения прав человека, территориальной целостности. Во второй части целью документа провозглашалось создание зоны всеобщего благосостояния, улучшение условий жизни людей, занятости, региональной кооперации. В связи с этим была достигнута договоренность о создании в 2010 г. свободной торговой зоны. Кроме того, был согласован вопрос о гарантиях оказания финансовой поддержки арабским странам Средиземноморского бассейна и отмечена необходимость оказания им помощи в других сферах. В соответствии с положениями третьей части Декларации был создан действующий на постоянной основе Евро-Средиземноморский комитет, призванный осуществлять контроль за выполнением принятых в Барселоне решений [3. Р. 97–102].

В последующие годы отношения между Евросоюзом и странами южных и юго-восточных регионов Средиземного моря развивались на основе временного экономического соглашения, поскольку не все члены этой организации ратифицировали более полный и окончательный Ассоциативный договор, заключенный в Барселоне. В этой связи представители арабской делегации полагали, что основной причиной неразвитости отношений между Севером и Югом было фактическое отсутствие диалога, а также то, что представители ЕС в ходе переговоров заботились исключительно об экономических интересах своих стран. Понятно, что в этих условиях вряд ли можно было рассчитывать на успешное решение задач, обозначенных в ходе переговорного процесса в Барселоне.

Указанным событиям предшествовало принятое Советом Европы решение, чтобы параллельно с мате-

риальной и финансовой помощью Палестинской автономии добиться установления особых отношений с Израилем в торгово-экономической области. Тем самым значительно возрастали объемы израильского экспорта в страны Общего рынка; одновременно действующие в Европе послабления в налоговой сфере, а также льготные условия хозяйствования должны были заметно оживить контакты между европейскими и израильскими предпринимателями и инвесторами [4. Р. 103; 5. С. 267]. В это время в политических и деловых кругах Западной Европы обсуждался вопрос об интеграции Израиля в научно-технические и экономические структуры Европейского союза, что могло способствовать успешной реализации совместных научно-исследовательских проектов, внедрению в производство высокотехнологичных опытных разработок.

Однако при всей важности указанных проектов, масштабы нового соглашения Евросоюза с Израилем определял ряд спорных моментов, касающихся ближневосточного урегулирования и решения палестинской проблемы. Они еще больше возросли после прихода к власти в Израиле нового руководства во главе с Б. Нетаньяху (май 1996 г.). Занимая жесткую позицию в палестинском вопросе, руководитель израильского правительства свою главную задачу видел в том, чтобы усилить борьбу с палестинскими террористами, и при этом не проявлял какого-либо интереса к оживлению переговорного процесса. Последнее обстоятельство особенно беспокоило руководство Евросоюза, поскольку финансовое участие этой организации в мирном процессе усиливало ее заинтересованность в обеспечении прогресса на переговорах по ближневосточному урегулированию. По этой же причине в Брюсселе выразили недовольство введением временной блокады Западного берега Иордана и сектора Газа, ставившим население Палестинской автономии в крайне сложное экономическое положение. Кроме этого, было подвергнуто жесткой критике решение правительства Израиля экспроприировать заселенные арабами земли в Восточном Иерусалиме, для строительства новых еврейских кварталов [6. С. 329].

Проблема еврейских поселений на оккупированных территориях обсуждалась во время поездки на Ближний Восток президента Франции Ж. Ширака в октябре 1996 г. Французский руководитель неизменно отмечал, что политика строительства поселений является незаконной, и что она наносит непоправимый ущерб мирному процессу. Во время переговоров в Дамаске Ж. Ширак заявил, что Евросоюз, выделивший 80% от общей суммы международной финансовой помощи Палестинской автономии, вправе претендовать на то, чтобы находиться среди основных посредников в мирном процессе. На следующий день, выступая в Рамалле перед членами Палестинского законодательного совета, он указал, что достижение справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке возможно только в том случае, если будет реализовано право палестинского народа на самоопределение и создание своего независимого государства [7]. Своеобразный итог визита Ж. Ширака в Египет подвел президент этой страны Х. Мубарак: на пресс-

конференции в Каире он выразил твердую убежденность, что наряду с основным «регулирующим» – США, ведущие страны Европейского союза во главе с Францией могут играть позитивную роль в мирном процессе [8].

В столицах арабских стран с одобрением отнеслись к озвученным Ж. Шираком подходом Франции к мирному урегулированию ближневосточного конфликта и решению палестинской проблемы. В то же время французская позиция вызвала отрицательную реакцию со стороны руководства Израиля. Характеризуя ее, правительство Нетаньяху вынуждено было констатировать, что в странах Европейского союза начинает преобладать следующее мнение: безопасному существованию Израиля арабские страны больше не угрожают, он имеет большое превосходство над ним в экономическом и военном отношении, и поэтому теперь следует занять более благожелательную позицию в интересах слабых, а именно – палестинских арабов.

Высокая активность французской дипломатии в направлении Ближнего Востока являлась следствием нежелания Европейского союза находиться в отдалении от происходящих в регионе событий. В то время как США сосредоточили в своих руках функции единоличного лидера в мирном процессе, Евросоюз вынужден был ограничиться оказанием материальной и финансовой помощи конфликтующим сторонам. Между тем такое положение устраивало далеко не всех членов этой организации: в частности, руководство Франции считало, что наряду с материальной и финансовой помощью следует оказывать также политическую поддержку участникам переговоров с целью достижения между ними справедливого и взаимоприемлемого соглашения. Для придания большей эффективности своим посредническим усилиям руководство Евросоюза направило в регион специального представителя Совета Европы, испанского посла в Израиле М.А. Мартиноса. Однако миссия этого дипломата не была успешной из-за чрезмерной расплывчатости возложенных на него обязанностей (непрерывные контакты с конфликтующими сторонами, помощь в переговорах, соблюдение достигнутых договоренностей, защита прав человека и др.) Дело осложнялось также тем, что правительство Израиля крайне негативно отнеслось к назначению европейского посланника в регионе, опасаясь, что в ходе переговоров на него будет оказываться давление. Из этих же соображений правительство Б. Нетаньяху подвергло критике заявление, принятое на саммите ЕС в Амстердаме (июнь 1997 г.), в котором указывалось, что застой в израильско-палестинских переговорах препятствует реализации решений, принятых в рамках Евро-Средиземноморского процесса [9. Р. 348]. Тем не менее под давлением администрации США оно подписало с палестинцами Протокол (январь 1997 г.), определивший конкретные меры по передислокации израильских военных подразделений в Хевроне с целью недопущения эскалации напряженности на Западном берегу Иордана и в секторе Газа [10. Р. 90–91]. 23 октября 1998 г. во время встречи в Вашингтоне между Б. Нетаньяху с Я. Арафатом был

принят важный документ – Меморандум Уай-Ривер, предусматривающий передачу палестинцам (после передислокации израильских войск) 13% земель на Западном берегу Иордана. Под палестинское управление переходил 1% территории на Западном берегу, 12% попадало под совместное управление, а 3% территорий следовало зарезервировать под зеленую зону. В дальнейшем, после завершения двух этапов передислокации, 14,2% территорий, ранее контролируемых совместно, передавались под управление палестинцев [11]. Подписание этого документа следовало расценить как несомненный успех в переговорном процессе; однако в дальнейшем диалог ослабевал, а затем и вовсе был приостановлен.

Сложные проблемы продвижению мирного процесса создавала сохраняющаяся с начала 1990-х гг. напряженная обстановка в зоне Персидского залива. Международные санкции, введенные против Ирака после силового разрешения кувейтского кризиса, были направлены на ослабление режима С. Хусейна и его жесткую изоляцию, но полностью достичь этих целей не удалось. Напротив, между США и отдельными странами Европейского союза наметились разногласия в методах решения иракского вопроса. Главным образом они были связаны с позицией Франции, в которой после прихода к власти в стране лидера правых сил Ж. Ширака произошли кардинальные изменения. Так, если раньше Франция проявляла солидарность с действиями США и Великобритании в зоне Персидского залива и выражала готовность поддерживать их в случае необходимости (так, ВВС Франции и Великобритании нанесли ракетно-бомбовый удар по иракским системам ПВО на юге страны, угрожающим союзной авиации) [12. Р. 9], то теперь ситуация решительным образом изменилась. Новое руководство страны дистанцировалось от военных акций США и Великобритании в Персидском заливе и полностью восстановило диалог с Ираком. Одновременно в Париже выступили против применения силы в отношении Ирака и призвали к решению всех имеющихся с ним спорных вопросов дипломатическим путем [13. Р. 177]. В рамках такого подхода к решению иракской проблемы Франция осудила налеты американской и британской авиации на позиции иракских войск, введенных на территорию курдов в северной части страны в конце лета 1996 г.

Осенью 1998 г., после введения багдадским режимом запрета на допуск к своим стратегическим объектам инспекторов ООН, начался новый этап кризиса вокруг Ирака. По инициативе Вашингтона Советом Безопасности ООН была принята специальная резолюция, требующая выполнения Ираком взятых на себя обязательств и допускающая применение военной силы против него в случае игнорирования этого требования [14. Р. 123, 207]. Под давлением международного сообщества С. Хусейн вынужден был согласиться на возобновление работы комиссии ООН в Ираке, сформированной из специалистов ЮНЕСКО и МАГАТЭ. Но после представления этой комиссией доклада в ООН, в котором содержались выводы о нарушении Ираком возложенных на него обязательств, США и Великобритания провели против него

военную операцию [15. Р. 267]. Ираку был нанесен значительный материальный ущерб в результате осуществления этой военной акции, однако ее инициаторы не сумели решить главную задачу – ликвидировать режим С. Хусейна. Напротив, его популярность среди населения страны, обеспокоенного усилившейся внешней угрозой, заметно возросла.

Силовая акция США и Великобритании в отношении Ирака способствовала дальнейшей эскалации напряженности в зоне Персидского залива [16]. Осуществленная в одностороннем порядке, без санкции ООН она подверглась осуждению в странах арабского мира, других мусульманских государствах; свое негативное отношение к ней выразили также Россия и Китай. На этом фоне пассивной выглядела позиция членов ЕС в отношении этой акции. Исключение, пожалуй, составляла Франция: вместе с Россией и Китаем она осудила в Совете безопасности ООН массированные бомбардировки иракской территории. Руководство Франции обвиняло администрацию США в том, что она присвоила себе роль единоличного вершителя правосудия над Ираком. Выражая беспокойство из-за эскалации насилия в зоне Персидского залива, президент Ж. Ширак вновь выступил против силовых методов решения иракского вопроса [17]. Во французском руководстве не испытывали особых симпатий к режиму С. Хусейна, но там были крайне заинтересованы в восстановлении мира и стабильности в зоне Персидского залива, где у Франции имелись значительные экономические (в том числе энергетические) интересы.

С помощью применения военной силы США и Великобритании стремились пресечь любые действия режима С. Хусейна, способные ослабить их позиции в зоне Персидского залива. В более широком смысле антииракская операция должна была продемонстрировать всему миру решимость США выступить в качестве главного арбитра в решении сложных ближневосточных проблем с преимущественным учетом своих, а также израильских интересов. Действуя в этом направлении, администрация США воздействовала на правительство Э. Барака, сформированное в мае 1999 г., чтобы оно согласилось продолжить диалог с палестинцами. В декабре того же года между конфликтующими сторонами была достигнута договоренность о том, чтобы в рамках будущих переговоров обсудить проблему палестинских беженцев и вопрос о статусе Иерусалима [18].

Переговорный процесс продолжился встречами Я. Арафата с Э. Бараком в норвежской столице Осло в ноябре 1999 г. Стороны выразили уверенность, что к началу 2000 г. удастся согласовать все основные детали мирного договора и к осени того же года он будет подписан. Но решающие переговоры, прошедшие в Кэмп-Дэвиде в июле 2000 г., закончились безрезультатно из-за принципиальных расхождений в позициях сторон по вопросу Иерусалима. Несколько позже, во время встречи в Нью-Йорке, между Э. Бараком и королем Иордании Абдаллой II была выдвинута идея о возобновлении диалога между израильским и палестинским руководителями, но она не была реализована по причине начавшегося восстания в Па-

лестинской автономии. Поводом к нему послужило посещение Храмовой горы в Иерусалиме А. Шарона – политика, чьи правые взгляды не были ни для кого секретом, равно как и его неприятие насущных проблем палестинских арабов, а также оценки ситуации. Однако главная причина восстания заключалась в том, что достигнутые сторонами договоренности неоднократно нарушались. В дополнение ко всему соглашение, заключенное в Шарм-эль-Шейхе (в октябре 2000 г.) при посредничестве генсека ООН Кофи Аннана и президента США Б. Клинтона, не было признано руководством ХАМАС и других радикальных военизированных группировок, требующих продолжения восстания. Палестинские боевики осуществляли обстрел еврейских поселений из самодельных ракет «кассам», а вооруженные группы из ХАМАС, «Исламский джихад» и «Бригады мучеников Аль-Акса», проникая на израильскую территорию, совершали там кровавые теракты. В ответ израильские спецслужбы проводили операции по ликвидации наиболее одиозных лидеров и активистов радикальных военизированных группировок и организаций.

В этих сложных условиях в египетском г. Таба состоялась встреча между представителями Израиля и Палестинской автономии (январь 2001 г.), в ходе которой планировалось выработать согласованные меры по выводу переговорного процесса из тупика. Но эта встреча закончилась безрезультатно; единственное, чего удалось достичь, – это устное согласие сторон о необходимости урегулировать территориальные вопросы и найти компромиссную формулу для решения проблемы беженцев. В результате напряженная обстановка на палестинских территориях продолжала сохраняться. Ситуация здесь ухудшилась после прихода к власти в Израиле нового руководства во главе с А. Шароном. Против восставших палестинцев были брошены крупные карательные силы, однако теракты продолжались: как выяснилось, регулярная армия не могла эффективно бороться с террористами, поскольку они скрывались среди мирного населения.

11 сентября 2001 г. обстановка на Ближнем Востоке резко обострилась из-за террористических актов на территории США, осуществленных смертниками-боевиками из террористической организации «Аль-Каида». Известие о скоординированной террористами атаке двух башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, жертвами которой стали более трех тысяч человек, вызвало возмущение общественности многих стран мира. На экстренном заседании Европейского совета руководители ведущих западноевропейских стран осудили террористическую атаку в США и выразили поддержку администрации Белого дома в борьбе с международным терроризмом [19]. Согласно поступающим из Госдепартамента заявлениям атаки на Нью-Йорк и Вашингтон были осуществлены террористами из Ближнего Востока. В связи с этим руководители ряда радикальных исламских организаций, а также вооруженных палестинских группировок поспешили заявить о своей непричастности к случившейся трагедии (в то же время в неофициальных комментариях лидеров и активистов некоторых группировок давались положительные оценки действиям террористов) [20. С. 56–57].

Вскоре после случившейся трагедии администрация Соединенных Штатов объявила о начале войны с международным терроризмом. Ее главной целью было определено физическое уничтожение лидера «Аль-Каиды» Усама бен Ладена и его ближайших соратников, а также борьба с другими террористическими организациями. Предполагалось, что для достижения этих целей следует ввести жесткие санкции против тех стран, которые подозревались в покровительстве террористам. Наиболее крупным среди них был обозначен Ирак. Выбор этой страны в качестве объекта для атаки не был случайным: несмотря на действующие против Ирака санкции, режим С. Хусейна остался у власти и продолжал придерживаться антиамериканской линии в своей политике. В Вашингтоне такое «поведение» считалось недопустимым, требующим незамедлительного наказания Ирака. В результате конфликтная ситуация в зоне Персидского залива достигла кульминационной отметки: в администрации США окончательно было принято решение о начале военных действий против Ирака. Немаловажной предпосылкой для свержения власти С. Хусейна являлись санкции, введенные против Ирака в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН. Стараюсь не нарушать их, иракские власти одновременно стремились наладить компромиссный диалог с Западом. Даже после того как США навязали Ираку новую международную комиссию в рамках резолюции Совета Безопасности ООН № 1284, С. Хусейн старался не допустить ограничения суверенитета страны. Только в ноябре 2002 г. он был вынужден пойти на пересмотр своей первоначальной позиции: в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1441 в Ирак стали возвращаться международные инспекторы, покинувшие ранее территорию страны якобы из-за нарушения иракскими властями резолюций Совета Безопасности ООН.

Тем не менее администрация США продолжала готовиться к военной операции против Ирака, равно как и против Афганистана. При этом если в отношении последнего можно было выдвинуть аргументы для начала операции возмездия (штаб-квартира «Аль-Каиды» находилась в афганских горах), то в отношении Ирака их вряд ли можно было найти. Обвинения в причастности этой страны к террористической атаке на территории США, а также покровительстве международному терроризму не подтверждались конкретными фактами. Наоборот, иракские власти сами проводили силовые мероприятия против боевиков «Аль-Каиды» в северных районах страны. Однако в Вашингтоне продолжали обвинять Ирак в покровительстве террористам. И хотя эти обвинения не подтверждались конкретными фактами, тем не менее, они сыграли важную роль в формировании общественного мнения в США в пользу свержения режима С. Хусейна.

Милитаристские приготовления США в зоне Персидского залива вызывали крайнюю озабоченность в руководстве Европейского союза. Лидеры ведущих стран Западной Европы с большой тревогой наблюдали за перспективой начала новой войны с Ираком. При этом наиболее непримиримую позицию в отно-

шении военных приготовлений США в зоне Персидского залива занимала Франция. После принятия США решения о применении военной силы против Ирака президент Ж. Ширак на саммите «Европа–Азия» в Копенгагене (сентябрь 2002 г.) заявил, что «не уверен в неизбежности атаки на Ирак». При этом французская позиция заключалась в следующем: правительству Ирака следует без каких-либо предварительных условий разрешить инспекторам ООН вести проверку на предмет наличия в этой стране оружия массового уничтожения; в случае создания препятствий этой работе необходимо принять специальную резолюцию Совета Безопасности ООН, легализующую применение международной коалицией военной силы против Ирака. Французский президент призывал администрацию Дж. Буша «проявить мудрость», поскольку односторонние действия США могли перечеркнуть усилия международной коалиции в борьбе с международным терроризмом. Он считал, что главной целью должно быть не свержение режима С. Хусейна, а лишение Ирака возможности обладать оружием массового уничтожения [21].

Среди членов Европейского союза позицию Франции полностью разделяла ФРГ. Выступив после трагических событий 11 сентября с заявлением о полной поддержке ФРГ борьбы США с международным терроризмом, канцлер Г. Шредер сделал затем существенную оговорку, что немецкий народ проявляет сдержанность в вопросе применения военной силы против Ирака и Афганистана [22. С. 239]. После разгрома режима талибов в Афганистане правительство ФРГ выразило готовность внести свой вклад в борьбу с международным терроризмом – правда, не с помощью участия военнотружущих бундесвера в операциях, а путем оказания экономической и гуманитарной помощи населению Афганистана. Но затем, учитывая рост недовольства среди союзников по НАТО, прежде всего США, правительство ФРГ решило направить свой воинский контингент в Афганистан. В августе 2003 г. после назначения генерала бундесвера Г. Глимерота на должность командующего натовскими силами в этой стране численность воинского контингента ФРГ в составе международной коалиции достигла 4,3 тыс. человек, уступая по этому показателю только США и Великобритании [23]. Данный факт положительно расценивался в Вашингтоне, но с другой стороны, там настаивали на распространении «атлантической солидарности» и на зону Персидского залива [24. Р. 235]. Однако в Берлине не были готовы к этому, о чем красноречиво свидетельствовало заявление Г. Шредера, сделанное по поводу событий вокруг Ирака. В нем канцлер указал о недопустимости применения военной силы против этой страны, особо подчеркнув, что ФРГ ни при каких обстоятельствах не пойдет на участие в антииракской военной операции [25. S. 291–292; 26. S. 502].

Кризисная ситуация в зоне Персидского залива являлась главной темой обсуждения в ходе встречи между Ж. Шираком и Г. Шредером в Париже 16 октября 2002 г. Стороны пришли к согласию в вопросе о том, что порядок и условия инспекции по разоружению в Ираке являются исключительной прерогативой

Совета Безопасности ООН и что нельзя допустить каких-либо действий, не санкционированных ООН, в отношении этой страны. Вскоре после указанной встречи состоялось ближневосточное турне Ж. Ширака, в ходе которого была продемонстрирована приверженность Франции мирному решению иракского кризиса. Французский президент неизменно подчеркивал, что его страна сделает все от нее зависящее, чтобы не допустить эскалации напряженности в зоне Персидского залива [27].

В период нагнетания напряженности в зоне Персидского залива в целом полностью сформировалась согласованная позиция Франции и ФРГ в вопросе выхода из иракского кризиса. Лидерам этих стран удалось достичь взаимопонимания в мирном урегулировании кризисной ситуации в зоне залива, недопущении применения США силовых методов в деле разрешения иракской проблемы. В Европейском союзе против сформировавшейся оси Париж–Берлин выступили Великобритания, Испания и Польша, и в результате в ЕС возникла реальная опасность раскола из-за наметившегося противостояния между его членами в иракском вопросе. В этих условиях оказались безуспешными попытки правительства Великобритании воздействовать на позицию Парижа и Берлина: в частности, премьер-министр Т. Блэр пытался убедить лидеров Франции и ФРГ, что администрация Белого дома готова пойти на компромисс и продлить миссию международных инспекторов в Ираке еще на несколько недель. Однако в реальности решение о начале военной операции в Вашингтоне уже было принято [28]. Военные действия против Ирака, начавшиеся 20 марта 2003 г., были скоротечными: после массированных налетов авиации США и Великобритании на стратегические объекты Ирака союзники приступили к операции на суше. Преодолев сначала незначительное сопротивление в некоторых южных районах страны, они затем без особых потерь захватили Багдад. 1 мая 2003 г. военная фаза операции была уже завершена.

Разыгравшиеся в зоне Персидского залива драматические события стали настоящим испытанием для отношений Евросоюза с США. Раскол среди членов этой организации на тех, кто принял участие в военной операции, и тех, кто отказался послать войска в Ирак, являлся следствием отсутствия согласованной позиции в Европейском союзе в методах разрешения кризиса. В международной коалиции были задействованы военнослужащие из 15 европейских стран, при этом членами ЕС были только Великобритания, Италия, Нидерланды, Испания, Дания и Португалия. Этот факт наглядно свидетельствовал о заметном похолодании в отношениях Евросоюза с США. Однако после завершения военной фазы операции против Ирака позиция тех стран Европейского союза, которая отвергала силовые действия США в Персидском заливе, стала носить в основном демонстрационный характер. Наглядным подтверждением тому было поведение руководителей ФРГ и Франции, демонстрируемое после завершения военных действий. Так, канцлер Г. Шредер громкогласно заявлял «о необходимости поддержания здоровых трансатлантических отношений» и при этом высказывал сожаление по поводу

«преувеличенно» критических замечаний в адрес политики США в зоне Персидского залива [29. S. 14]. В свою очередь президент Ж. Ширак, не скрывая своего удовлетворения фактом свержения режима С. Хусейна, настойчиво призывал Вашингтон к примирению с Францией. Незадолго до саммита стран Европейского союза в Греции (апрель 2003 г.) французский президент заговорил о «прагматичном подходе» к иракским событиям, что подразумевало согласие Франции на введение в Ираке оккупационного режима. Аналогичную позицию демонстрировали и другие страны ЕС: так, в принятой в Афинах резолюции подчеркивалось, что главная роль в послевоенном урегулировании в Ираке принадлежит ООН. В октябре 2003 г. на мадридской конференции доноров Ирака при участии Евросоюза было принято решение выделить 33 млрд долл. на восстановление разрушенного хозяйства этой страны. Из них 1 млрд долл. предоставила Великобритания и 1,5 млрд долл. – ее партнеры в ЕС (Франция отказалась от участия в финансировании, а Европейская комиссия предоставила Ираку 518,5 млн евро) [30].

Принципиальные разногласия в позициях Франции и ФРГ с Соединенными Штатами в иракском вопросе на начальной стадии кризиса в зоне Персидского залива в целом не отразились на высоком уровне их взаимоотношений с США. Центристские тенденции внутри атлантического альянса были гораздо сильнее, чем разногласия, возникающие порой между его членами, как это имело место в иракском вопросе. Это вовсе не означало, что члены Евросоюза сумели выработать основы совместной внешней и оборонной политики, устраивающей их всех, а также США, продолжающих нести ответственность за безопасность Европы. Скорее всего, эти тенденции укрепляли надежды по достижению европейцами политической и военной интеграции, подтверждали необходимость продолжения работы в этом направлении и координации совместных с США внешнеполитических действий. Иракский кризис показал, что в Евросоюзе преобладали сторонники тесного союза с США, и в этих условиях не было никаких надежд, что большинство членов этой организации отдадут предпочтение французской идее создания единой Европы, а не американскому проекту трансатлантического блока. В ходе событий в зоне Персидского залива сбалансированная позиция Франции и ФРГ доказала свою эффективность, однако с ее помощью не удалось выдвинуть программу продвижения мирного процесса на Ближнем Востоке. В такой ситуации логично было ожидать, что Вашингтон использует весь набор имеющихся в его распоряжении дипломатических средств, чтобы разрушить сбалансированный подход этих двух стран в вопросе ближневосточного урегулирования и изолировать их в Европейском Союзе.

В результате войны в Ираке произошла полная дезинтеграция страны, населенной такими важными этническими меньшинствами, как курды и шииты. Военные действия США и их атлантических союзников привели к резкой активизации террористической деятельности радикальных и экстремистских арабских группировок, обвиняющих США и Израиль в заговоре против иракского народа и отрицающих пра-

во последнего на безопасное существование. Военная интервенция в Ираке способствовала созданию крайне напряженной ситуации на Ближнем Востоке, где установление всеобъемлющего и прочного мира во многом зависело от мирного урегулирования обострившегося конфликта между палестинцами и израильтянами. Палестинское восстание на территории Западного берега реки Иордан и в секторе Газа (Интифада Аль-Акса) показало, что палестинский фактор не только способствует радикализации движения сопротивления, но и грозит новой военной конфронтацией между арабскими странами и Израилем. Чтобы не допустить такого опасного развития событий, по инициативе России и ведущих стран Европейского союза был сформирован четырехсторонний институт международных посредников урегулирования ближневосточного конфликта («квартет»). Его международно-правовой статус был закреплён в резолюции № 1397 Совета Безопасности ООН.

В начале мая 2002 г. международный «квартет» посредников в составе США, ООН, ЕС и России провел первую официальную встречу с целью выработки механизма возобновления переговорного процесса. Весной 2003 г. по инициативе Вашингтона была проведена соответствующая работа по подготовке пакета предложений под названием «Дорожная карта». Она предусматривала реализацию трехэтапного плана прекращения противостояния, после чего провозглашалось независимое палестинское государство. На первом этапе следовало прекратить насилие со стороны палестинцев, провести реформы их политических институтов, ликвидировать еврейские поселения, построенные с марта 2001 г., и, наконец, осуществить уход израильских войск с оккупированных территорий путем принятия согласованных мер доверия. На втором этапе предусматривалось проведение соответствующих переговоров в рамках международной конференции при посредничестве «квартета» с целью создания независимого государства Палестина. На третьем этапе следовало освободить все арабские территории от израильской оккупации, созвать вторую конференцию для заключения мирного соглашения между Израилем и палестинскими арабами, а также утверждения границ созданного палестинского государства. Наконец, предусматривалась полная и окончательная нормализация отношений Израиля с арабскими странами.

Руководство ООП практически без изъятий приняло основные положения «Дорожной карты»; что же касается правительства Израиля, то оно согласилось действовать на ее основе, но в то же время указало, что сохраняет ряд существенных оговорок по сути документа. В конце января 2003 г. прошли выборы в

кнессет, ставшие своеобразным плебисцитом по формам и методам реализуемой А. Шароном политики, а также ее результатам. Он был вынужден участвовать в избирательной кампании на фоне продолжающихся операций с палестинскими боевиками. Итоги выборов показали отсутствие в израильском обществе альтернативы этому руководителю: ни одна политическая сила не смогла противостоять возглавляемой Шароном партии Ликуд в палестинском вопросе. В мае 2003 г. подразделения ЦАХАЛ были введены в Газу, чтобы положить конец диверсиям палестинских радикальных группировок против Израиля, а также закрыть канал контрабанды оружием и наркотиками на приграничной территории между сектором Газа и Египтом. Руководство Европейского союза выразило недовольство по поводу действий израильских военных, проводивших зачистку в секторе Газа: правительство Израиля призывалось к тому, чтобы воздержаться от «чрезмерного применения силы и сноса жилых домов». Одновременно было принято обращение к администрации Палестинской автономии с требованием начать реальную борьбу с террором [31. С. 601].

В целом анализ сложившейся после войны в Ираке обстановки на Ближнем Востоке позволил сделать вывод, что ключевые проблемы ближневосточного урегулирования по-прежнему оставались нерешенными. Диверсии, осуществляемые на территории Израиля боевиками радикальных и экстремистских организаций, провоцировали ответные карательные действия израильтян на оккупированных территориях. Практически не было продвижения в таких важных вопросах урегулирования, как израильские поселения, определение окончательных границ, статус Иерусалима, проблема палестинских беженцев. С другой стороны, после террористической атаки в США значительно возросло влияние политического ислама в странах Востока. Вашингтон же реагировал на происходящее неадекватно, стремился основательно «перетряхнуть» регион под предлогом насаждения там «ценностей американской демократии». На этом фоне Ближний Восток продолжал пребывать в состоянии «ни войны, ни мира»: палестинцы чувствовали себя в нем ущемленными, а Израиль, опираясь на поддержку США, не спешил с завершением переговорного процесса. В этих условиях еще больше актуализировались проблемы, связанные с продвижением мирного процесса: международному «квартету» посредников надо было приложить усилия для содействия переговорному процессу между конфликтующими сторонами с целью скорейшего заключения ими сбалансированного и взаимоприемлемого соглашения. Это был единственно возможный путь к достижению справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Marks J. High Hopes and Low Motives: The New Euro-Mediterranean Partnership Initiative // *Mediterranean Politics*. 1996. Vol. 1, № 1. P. 1–24.
2. Обичкина Е.О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. М. : Изд-во МГИМО, 2004. 487 с.
3. Habeeb H. The Euro-Mediterranean Partnership Pros and Cons: An Arab View. Universal Publishers, 2002. 201 p.
4. Kaya T.Ö. The Middle East Peace Process and the EU: Foreign Policy and Security in International Politics. London : I.B. Taurus & Co Ltd., 2013. 304 p.
5. Colschen L. Deutsche Außenpolitik. Stuttgart : Wilhelm Fink & Co. Verlags, 2010. 461 s.
6. Рубби А. Палестинский марафон. 30 лет борьбы за мир на Ближнем Востоке / пер. с итал. М. : Международные отношения, 2001. 360 с.

7. Palestinians to Chirac: «Vive la France». URL: <http://edition.cnn.com/WORLD/9610/23/israel/> (дата обращения: 10.09.2017).
8. Кудинова А. «Ва-банк» по-французски. URL: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?auth=3&cmd=art&id=1804&theme=> (дата обращения: 11.09.2017).
9. European Foreign policy: key documents / ed. by Ch. Hill, K. Smith. London : Taylor & Francis Group, 2000. 477 p.
10. Usher G. Palestine in Crisis: The Struggle for Peace and Political Independence After Oslo. Chaddlington : Pluto Press by Chase Production Service, 1997. 146 p.
11. The Wye River Memorandum. October 23. Paris: Service d'information de l'ambassade d'Israël à Paris, 1998. 14 p.
12. Ripley T. Air War Iraq. London : Pen and Sword Aviation, 2004. 144 p.
13. Hastedt G.P. Encyclopedia of American Foreign Policy. New York : Facts On File, 2004. 544 p.
14. Butler R. The Greatest Threat: Iraq, Weapons of Mass Destruction, and the Crisis of Global Security. New York : Public Affairs, 2000. 262 p.
15. Tripp Ch. A History of Iraq. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 324 p.
16. Goldman J. Diplomacy: Attack underscores reality that big powers have their own vital interests and aren't afraid to use force. URL: <http://articles.latimes.com/1998/dec/17/news/mn-55027> (дата обращения: 12.09.2017).
17. Кузнецов Д.В. Иракский кризис. Очерк событий: документы и материалы. URL: <http://window.edu.ru/resource/924/63924> (дата обращения: 20.09.2017).
18. Israel-Palestinian Peace Process: The Sharm el-Sheikh Memorandum. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/the-sharm-el-sheikh-memorandum> (дата обращения: 25.09.2017).
19. Реакция мировых лидеров на террористические акты против США. URL: <http://inosmi.ru/untitled/20010912/141544> (дата обращения: 28.09.2017).
20. Дудайти А.К. Война в Ираке 2003 г. и позиция ведущих стран – членов Евросоюза // Научные ведомости Белгородского государственного университета: История, политология. 2016. № 1 (222), вып. 37. С. 56–61.
21. Американские бомбардировки в Ираке. URL: <http://france-1.ru/amerikanskije-bombardirovki-v-irake/> (дата обращения: 02.10.2017).
22. Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. М. : Наука, 2005. 410 с.
23. Kohtamäki N. Germany's Involvement in Afghanistan. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/103497/a4-2009.pdf> (дата обращения: 03.10.2017).
24. Buras P., Longhurst K. The Berlin Republic, Iraq, and the Use of Force // European Security. 2004. Vol. 13, № 3. P. 215–245.
25. Германская внешняя политика в период иракского кризиса в 2003 г. URL: <http://studproject.com/security/germanyiraq2003/> (дата обращения: 06.10.2017).
26. Steinbach U. Naher und Mittlerer Osten / Handbuch zur deutschen Außenpolitik. Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. S. 494–506.
27. Ширак ссорится с Америкой. URL: <http://izvestia.ru/news/268589> (дата обращения: 06.10.2017).
28. Высокомерие Соединенных Штатов. URL: <http://inosmi.ru/untitled/20030127/169919.html#ixzz3PNc5uAbV> (дата обращения: 09.10.2017).
29. Hacke Ch. Die Aussenpolitik der Regierung Schröder/Fischer: Zwischenbilanz und Perspektiven // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2002. № 48. S. 7–15.
30. Носов М. ЕС и регион Ближнего Среднего Востока. URL: <http://www.ieras.ru/pub/nosov/bcb.pdf> (дата обращения: 17.10.2017).
31. Штерншиш М. Израиль. История государства. Герцлия : ISRADON, 2009. 704 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 декабря 2017 г.

FROM PEACE PROCESS TO WAR ON TERROR: THE MIDDLE EAST POLICY OF THE EUROPEAN UNION IN 1995–2003

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 87–95.

DOI: 10.17223/15617793/428/11

Albert K. Dudaiti, Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: adudaiti@mail.ru

Keywords: EU; USA; middle East conflict; negotiation process; stagnation; Persian Gulf crisis; Iraqi issue; controversy; international terrorism.

The article investigates the policy of the leading countries of the European Union in the Middle East in 1995–2003. In this period, the EU made efforts to establish close relations with the countries of the region to become more involved in the Middle East peace process. Interest in this was due to the excessive remoteness of the EU from the events in the region: while the United States concentrated the leadership in the Middle East settlement in their hands, the EU was forced to confine to the material and financial support of the conflicting parties. The peace process prevented the difficult situation prevailing there after the Kuwait crisis. Sanctions imposed on Iraq contributed to its isolation, but it was not enough to exit the crisis. Moreover, the participants of the anti-Iraq coalition had major differences in the methods of solving the Iraqi problem. The situation in the region deteriorated significantly as a result of the terrorist attacks in the USA on 11 September 2001. After the tragedy, Washington announced the beginning of the war against international terrorism, the main targets of which were the defeat of the terrorist organization al-Qaeda and the overthrow of the regime of Saddam Hussein. The war in Iraq put to test the US relations with the countries of the European Union. It primarily concerned France and Germany which opposed the use of force against Iraq as it damaged their economic interests in the Persian Gulf. But in general, this opposition did not reflect on the high level of relations of these countries with the United States: ultimately, the centripetal tendencies within NATO were much stronger than the differences between members of the Alliance. The Iraqi crisis showed that the EU was dominated by supporters of a closer union with the United States, and in these conditions there was no hope that the EU would give preference to the French idea of a unified Europe, not to the American project of the transatlantic bloc. During the crisis around Iraq the axis Paris-Berlin generally proved its effectiveness, but it failed to put forward a program to promote the peace process. The analysis of the situation in the region showed that the problem of settlement remained unresolved. There was no progress in important issues such as Israeli settlements, final borders, the status of Jerusalem, the Palestinian refugee problem. After the terrorist attacks in the US, the influence of political Islam in the Arab world increased, but Washington responded to it inappropriately: it sought to undermine the situation in the Middle East under the pretext of planting the “values of American democracy” there. As a result, the region established the situation of “neither war nor peace”: the Palestinians felt it to be harmed, and Israel was in no hurry to complete the negotiations. This situation led to stagnation in the settlement process, postponing the establishment of a just and lasting peace in the region.

REFERENCES

1. Marks, J. (1996) High Hopes and Low Motives: The New Euro-Mediterranean Partnership Initiative. *Mediterranean Politics*. 1:1. pp. 1–24.

2. Obichkina, E.O. (2004) *Frantsiya v poiskakh vneshnepoliticheskikh orientirov v postbipolyarnom mire* [France in search of foreign policy landmarks in the post-bipolar world]. Moscow: MGIMO.
3. Habeeb, H. (2002) *The Euro-Mediterranean Partnership Pros and Cons: An Arab View*. Universal Publishers.
4. Kaya, T.Ö. (2013) *The Middle East Peace Process and the EU: Foreign Policy and Security in International Politics*. London: I.B. Taurus & Co Ltd.
5. Colschen, L. (2010) *Deutsche Außenpolitik* [German foreign policy]. Stuttgart: Wilhelm Fink & Co. Verlags.
6. Rubbi, A. (2001) *Palestinskiy marafon. 30 let bor'by za mir na Blizhnem Vostoke* [The Palestinian Marathon. 30 years of struggle for peace in the Middle East]. Translated from Italian by G.P. Smirnov. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
7. CNN. (1996) *Palestinians to Chirac: "Vive la France"*. [Online] Available from: <http://edition.cnn.com/WORLD/9610/23/israel/>. (Accessed: 10th September 2017).
8. Kudinova, A. (1997) *"Va-bank" po-frantsuzski* ["Va-banque" the French way]. [Online] Available from: <http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?auth=3&cmd=art&id=1804&theme=>. (Accessed: 11th September 2017).
9. Hill, Ch. & Smith, K. (eds) (2000) *European Foreign policy: key documents*. London: Taylor & Francis Group.
10. Usher, G. (1997) *Palestine in Crisis: The Struggle for Peace and Political Independence After Oslo*. Chadlington: Pluto Press by Chase Production Service.
11. Service d'information de l'ambassade d'Israël à Paris. (1998) *The Wye River Memorandum. October 23*. Paris: Service d'information de l'ambassade d'Israël à Paris.
12. Ripley, T. (2004) *Air War Iraq*. London: Pen and Sword Aviation.
13. Hastedt, G.P. (2004) *Encyclopedia of American Foreign Policy*. New York: Facts On File.
14. Butler, R. (2000) *The Greatest Threat: Iraq, Weapons of Mass Destruction, and the Crisis of Global Security*. New York: Public Affairs.
15. Tripp, Ch. (2002) *A History of Iraq*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Goldman, J. (1998) *Diplomacy: Attack underscores reality that big powers have their own vital interests and aren't afraid to use force*. [Online] Available from: <http://articles.latimes.com/1998/dec/17/news/mn-55027>. (Accessed: 12th September 2017).
17. Kuznetsov, D.V. (2006) *Irakskiy krizis. Ocherk sobytiy: dokumenty i materialy* [The Iraqi crisis. An outline of events: documents and materials]. [Online] Available from: <http://window.edu.ru/resource/924/63924>. (Accessed: 20th September 2017).
18. Jewish Virtual Library. (1999) *Israel-Palestinian Peace Process: The Sharm el-Sheikh Memorandum*. [Online] Available from: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/the-sharm-el-sheikh-memorandum>. (Accessed: 25th September 2017).
19. Inosmi. (2001) *Reaktsiya mirovykh liderov na terroristicheskie akty protiv SShA* [The reaction of world leaders to terrorist acts against the United States]. [Online] Available from: <http://inosmi.ru/untitled/20010912/141544>. (Accessed: 28th September 2017).
20. Dudyati, A.K. (2016) The Iraq war of 2003 and the position of the leading countries-member of EU. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya, politologiya*. 1 (222):37. pp. 56–61. (In Russian).
21. France-1. (n.d.) *Amerikanskie bombardirovki v Irake* [American bombing in Iraq]. [Online] Available from: <http://france-1.ru/amerikanskie-bombardirovki-v-irake/>. (Accessed: 02.10.2017).
22. Pavlov, N.V. (2005) *Vneshnyaya politika FRG v postbipolyarnom mire* [Foreign policy of Germany in the post-bipolar world]. Moscow: Nauka.
23. Kohtamäki, N. (2009) *Germany's Involvement in Afghanistan*. [Online] Available from: <https://www.files.ethz.ch/isn/103497/a4-2009.pdf>. (Accessed: 03rd October 2017).
24. Buras, P. & Longhurst, K. (2004) The Berlin Republic, Iraq, and the Use of Force. *European Security*. 13:3. pp. 215–245.
25. Studproject.com. (n.d.) *Germanskaya vneshnyaya politika v period irakskogo krizisa v 2003 g.* [German foreign policy during the Iraq crisis in 2003]. [Online] Available from: <http://studproject.com/security/germanyiraq2003/>. (Accessed: 06th October 2017).
26. Steinbach, U. (2007) Naher und Mittlerer Osten [Near and Middle East]. In: *Handbuch zur deutschen Außenpolitik* [Handbook on German Foreign Policy]. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften.
27. Izvestia. (2002) *Shirak ssoritsya s Amerikoy* [Chirac quarrels with America]. [Online] Available from: <http://izvestia.ru/news/268589>. (Accessed: 06th October 2017).
28. Inosmi. (2003) *Vysokomerie Soedinennykh Shtatov* [Arrogance of the United States]. [Online] Available from: <http://inosmi.ru/untitled/20030127/169919.html#ixzz3PNc5uAbV>. (Accessed: 09 th October 2017).
29. Hacke, Ch. (2002) Die Aussenpolitik der Regierung Schröder/Fischer: Zwischenbilanz und Perspektiven [The Foreign Policy of the Schröder/Fischer Government: Interim Results and Perspectives] *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 48. pp. 7–15.
30. Nosov, M. (2010) *ES i region Blizhnego Srednego Vostoka* [The EU and the Middle East region]. [Online] Available from: <http://www.ieras.ru/pub/nosov/bcb.pdf>. (Accessed: 17 th October 2017).
31. Shterenshis, M. (2009) *Izrail'. Istoriya gosudarstva* [Israel. History of the state]. Gertsliya: ISRADON.

Received: 12 December 2017

ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ НОВАЦИЙ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МАГАДАНСКОГО СОВНАРХОЗА (1957–1962 гг.)

Анализируется процесс внедрения технических новаций на золотодобывающих предприятиях Колымы и Чукотки в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Ставится задача проследить распространение технических новшеств на открытой и подземной добыче, на дражных и обогатительных работах. На основании архивных данных показывается, что за короткий временной интервал золотодобывающая отрасль Магаданского совнархоза была переоснащена новой техникой, глубоко модернизированной собственными силами для работы в суровых условиях, на более высокий уровень вышли обмен передовым опытом и распространение технической информации.

Ключевые слова: Магаданский совнархоз; золотодобыча; технические новации; обмен опытом; техническая информация.

Магаданский совнархоз осуществлял свою деятельность в 1957–1962 гг. в современных административных границах Магаданской области и Чукотского автономного округа. В суровых природно-климатических условиях Северо-Востока (Севера Дальнего Востока России) выполнялся широкий комплекс горнодобывающих, геологоразведочных, сельскохозяйственных, дорожных и строительных работ [1]. Основным результатом работы совнархоза стала добыча 239 т золота, 13,1 тыс. т олова в концентрате, 3,9 тыс. т вольфрама в концентрате. «Совнархозовский» период стал для Северо-Востока этапом развитой индустриализации, характерной чертой которого являлось углубление процессов механизации и автоматизации труда, технического перевооружения золотодобывающей промышленности. Для раскрытия заявленной проблематики используются познавательные возможности теории модернизации и в частности, такого ее направления, как регион-ориентированный подход [2. С. 20]. Весьма важным для этого подхода является процесс диффузии нововведений, т.е. заимствование и распространение, прежде всего, зарубежных технологий. Однако не менее значимый акцент следует делать и на феномене генерации новаций (в данном случае – на примере Магаданского совнархоза), т.е. на самостоятельном изобретении или глубокой модернизации, производству и внедрению технических новшеств.

Актуальность исследования определяется особым значением новаций для поступательного развития общества. В золотодобывающем комплексе они обеспечивали рост производительности труда и увеличение добычи валютного металла, способствовали более полной отработке площадей, вовлечению в эксплуатацию месторождений со сложными горно-техническими условиями и небольшим средним содержанием. Более совершенное оборудование и технологии усиливали безопасность горных работ, способствовали сохранению здоровья рабочих. Для успешного овладения новой техникой и оборудованием персоналу предприятий предъявлялись все более высокие требования, что вело к необходимости повышать образовательный уровень, квалификацию. Социально-экономические условия России начала XXI в. кардинально отличаются от рассматриваемого периода конца 1950-х – начала 1960-х гг., однако определенные элементы инновационной деятельности Магаданского совнархоза представляются востребованными и в настоящее время.

Являясь основным восприимчиком Дальстроя, Магаданский совнархоз получил от последнего весьма тяжелое наследие, связанное с длительным использованием мускульного труда заключенных. Особенно много операций, связанных с ручным трудом сохранилось на подземных работах, там же горные выработки отличались высоким уровнем запыленности. Тем не менее и Дальстрой в свое время прилагал определенные усилия по механизации горных работ, что обуславливалось резким снижением добычи золота в послевоенный период вследствие истощения крупных месторождений Колымы. Более системно данная работа стала проводиться с 1953 г. в связи с переходом к использованию труда вольнонаемных работников. К середине 1950-х гг. в Дальстрое действовало Центральное конструкторское бюро, велась рационализаторская работа, на собственных заводах изготавливалось соответствующее оборудование.

В Магаданском совнархозе сформировались организационные структуры, ответственные за внедрение новой техники и передовых технологий. Технико-экономический совет Магаданского совнархоза осуществлял планирование и контроль, готовил информацию для заседаний совета народного хозяйства, выносил решения по наиболее важным вопросам, связанным с технико-технологическими новациями. В центрах горных управлений, на крупных приисках и рудниках, заводах функционировали бюро по рационализации и изобретательству. Проектные и опытно-конструкторские разработки выполнялись центральным конструкторским бюро совнархоза (ЦКБ совнархоза, г. Магадан) и Всесоюзным научно-исследовательским институтом золота и редких металлов (ВНИИ-1, г. Магадан). Определенные усилия по активизации и координации данной работы прилагали региональные подразделения научно-технического общества цветной металлургии, Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов, профсоюза рабочих горно-металлургической промышленности. Изготовление опытных, а затем и серийных образцов новой техники производилось на заводах Магаданского совнархоза (Магаданский механический завод, Оротуканский ремонтный завод горного оборудования и другие). Непосредственно на рудниках и приисках внедрение новой техники и технологий возлагалось на главных инженеров этих предприятий. Распространение информации о новациях осуществлялось

отделом технической информации совнархоза. В целом организацию данной работы в Магаданском совнархозе следует признать системной, упорядоченной.

К началу работы совнархоза (июнь 1957 г.) на открытой добыче золота из россыпей такие операции, как горно-подготовительные работы, вскрыша торфов, а также разработка, транспортировка и промывка песков были механизированы на 96–100%. Серьезное отставание от этого уровня наблюдалось только при подготовке полигонов к рыхлению, где уровень механизации достигал лишь 44%, а оставшиеся 56% составлял ручной труд. На добыче золота из подземных россыпей погрузка и доставка песков из очистных забоев, погрузка песков и породы при проходке горно-подготовительных выработок, транспортировка песков по подземным выработкам, транспортировка песков на поверхности в отвалы были механизированы на 94–100%. На разработке золоторудных месторождений операции по доставке руды из очистных выработок и транспортировке руды на поверхности были механизированы на 96–100%, откатка руды и породы по подземным выработкам – на 83,7%. Заметно хуже в этом отношении было на оловодобывающих рудниках, где уровень механизации различных операций составлял 61–98% [З. Д. 696. Л. 13–14].

Представляется целесообразным рассмотреть внедрение новой техники в золотодобывающей промышленности Магаданского совнархоза по основным видам добычи: из открытых россыпей, из подземных россыпей, дражным способом, из рудных месторождений. На разработке золотоносных россыпей открытым способом чрезвычайно трудоемкой операцией была подготовка полигонов для рыхления. Особая роль в механизации этого процесса отводилась буровым станкам, и в 1958 г. в совнархозе был изготовлен буровой станок БС–3 на гусеничном ходу. Он позволял отказаться от применения ручного труда на целиковых площадях, хотя, как показала практика, эти станки не могли бурить скважины на глубину более 4,5 м и горизонтальные наклонные скважины, что в условиях Северо-Востока ограничивало область их применения [Там же. Д. 760. Л. 20]. Горный участок «Полевой» прииска «Бурхала» убедительно доказал эффективность использования тракторных скреперов для вскрыши торфов, добычи и транспортировки золотоносных песков к промприборам. ЦКБ совнархоза оперативно разработало конструкцию металлического бункера промприбора для загрузки песков с помощью этих машин. Данный опыт постепенно распространялся и на других предприятиях, имевших скреперы.

На золотодобывающих предприятиях совнархоза в 1958 г. работало 372 промывочных прибора, в том числе 314 металлических и 58 деревянных. С каждым годом деревянные приборы, этот элемент дальстроевского наследия, использовались все меньше, и вскоре от них полностью отказались. За несколько лет напряженной инженерно-конструкторской деятельности на Северо-Востоке было разработано несколько типов новых промприборов. Их технические характеристики существенно разнились между собой, назрела проблема выбора наиболее эффективных образцов для местных условий. В конце 1950-х гг. были проведены технологические испытания промприборов всех

типов, использовавшихся на промывке (МПД–2, МПД–3, МПД–4, МПД–5, МПД–6, землесосный ППМ–1). На испытаниях выявились серьезные недостатки и в применявшихся схемах обогащения песков, и в организации технологического процесса на этих приборах в целом. В итоге промывочный прибор МПД–4 был модернизирован, а его улучшенный вариант – МПД–4М, получил широкое признание горняков. В начале 1960-х гг. позиции МПД–4М заметно потеснили гидроэлеваторные приборы, но не вытеснили его совсем. Промприбор МПД–6 с меньшей производительностью использовался на небольших месторождениях, особенно он был востребован у старателей. Остальные типы промприборов серии «МПД» постепенно вышли из употребления.

Большая работа была проведена по оснащению промприборов дистанционным управлением, и концу 1960 г. соответствующим образом было оборудовано 98% промприборов совнархоза (помимо прочего, эта мера позволяла освободить по два человека в смену на каждом приборе). Для облегчения труда бункеровщиков промприборов и исключения зависания песков бункеры оборудовались электровибраторами. Для приборов, промывавших пески с большой примазкой глины, сконструировали и изготовили специальные бункеры с каретчатым питателем и вибратором.

Важным этапом в эволюции промывочных работ на Северо-Востоке стало внедрение гидроэлеваторных приборов. По опыту золотодобытчиков Амурской и Читинской областей в Магаданском совнархозе впервые они были применены в 1959–1960 гг. Новые агрегаты обеспечивали значительное увеличение пропускной способности и производительности труда. ЦКБ совнархоза подключилось к усовершенствованию конструкции для их заводского крупносерийного выпуска. На протяжении ряда лет были сконструированы шлюзовые гидроэлеваторные приборы нескольких типов-размеров (ПГШ–30, ПГШ–50, ПГШ–75) [4. С. 22]. Меры по развитию гидроэлеваторного способа промывки активно поддерживали и руководство совнархоза, и бюро Магаданского обкома КПСС. В 1962 г. удельный вес гидроэлеваторной промывки в общем объеме превысил 14% и продолжал расти в последующие годы. Однако на чисто шлюзовых гидроэлеваторных приборах весьма значительными оказались потери металла, возникала необходимость привлечения бульдозеров для уборки хвостов промывки. Указанные недостатки во многом удалось устранить благодаря механике прииска им. Фрунзе (Сусуманский район) А.А. Зелинскому, создавшему в 1961 г. на базе МПД–2 гидроэлеваторный прибор, в котором пульпа после короткого самородкоулавливающего шлюза поступала в барабанный грохот и обогащение производилось на многосекционных шлюзах малого наполнения. Это привело к созданию новой конструкции барабанного грохота (АГБ–1000) для гидравлической подачи песков. В 1962 г. начался серийный выпуск бочечного гидравлического промприбора, получившего обозначение ПГБ–I–1000. В дальнейшем конструкции шлюзовых (ПГШ) и бочечных (ПГБ) приборов с гидравлической подачей песков систематически совершенствовались. Помимо этого на россыпной добыче в начале

1960-х гг. были изготовлены и внедрены малогабаритные передвижные промприборы производительностью 300 и 100 м³ в сутки, вибрационные шлюзы и комплекты автоматики для промывочных приборов, устройство для уборки валунов, галечный поворотнo-звеньевой отвалообразователь с шириной ленты 700 мм.

На подземной разработке россыпей продолжалось внедрение дистанционного, автоматического и полуавтоматического управления механизмами. В 1958 г. на дистанционное управление по схемам, разработанным во ВНИИ-1, были переведены 64 подъемных установки на шахтах, добывавших пески. На шахтах золотодобывающих предприятий Колымы в эксплуатации находилось 50 электросверл с редуктором рационализатора Кустарева. Руководство совнархоза делало на их внедрении особый акцент, так как эта технология значительно снижала пылеобразование в сравнении с перфораторами. Однако новые конструкции перфораторов с сухим пылеулавливанием впоследствии вытеснят электросверла [3. Д. 53. Л. 33–34].

В совнархозе продолжились начатые в основном с 1953 г. работы по борьбе с запыленностью в горных выработках. К концу 1958 г. в забоях рудников работали 52 пылеулавливающие установки. Однако агрегаты советского производства часто ломались, были требовательны в обслуживании. Периодические проверки свидетельствовали, что выполнение мероприятий по внедрению бурения с сухим пылеулавливанием зачастую срывалось. Работники горного надзора и механики плохо знали новое оборудование и не оказывали практической помощи бурильщикам и слесарям по устранению встречавшихся недостатков. В сезон 1958 г. новатор производства Б.С. Лебедко – бурильщик рудника им. Матросова (бригадир проходческой бригады) – в короткий срок освоил бурильный молоток ПР-30КС с сухим пылеулавливанием и добился высоких показателей выполнения плана. Опыт работы этой бригады приказывалось широко распространить. Одновременно руководство совнархоза требовало усилить работу по созданию безопасных противосиликозных условий труда на всех горных предприятиях, категорически запретило бурение забоев в горизонтальных выработках без улавливания пыли [Там же. Д. 44. Л. 43–45]. В 1960 г. функционировало уже 90 установок для бурения с сухим пылеулавливанием. Достаточно последовательно борьба с запыленностью в горных выработках осуществлялась и в последующие годы. Существенную поддержку в организации данной работы оказывал коллектив пылевентиляционной лаборатории ВНИИ-1.

На дражной золотодобыче серьезной проблемой была необходимость организации масштабного оттаивания вечномёрзлых грунтов на дражных полигонах. Ведущим способом подготовки полигонов являлась гидроигловая оттайка. Вместе с тем по опыту работы драг в других регионах продолжался поиск более экономичных способов. Так, в 1958 г. свыше 175 тыс. м³ грунта было оттаяно фильтрационно-дренажным способом, 103 тыс. м³ – методом дождевания. С 1959 г. трудоемкая работа по забивке и извлечению гидроигл производилась не вручную, а специальными станками ГП-1, сконструированными ЦКБ и произведенными

на заводах совнархоза. На четырех драгах прииска им. Гастелло в 1959 г. было успешно внедрено рационализаторское предложение «Усовершенствование технологического процесса обогащения песков в подчерпаковом уловителе», в результате чего извлечение металла увеличилось на 1,46%, простой драг за сезон сократился на 301,5 часа, фактическая экономия составила 739 тыс. руб. На дражном прииске им. Чкалова были успешно проведены промышленные испытания опытных образцов потокообразователей, изготовленных по чертежам треста «Гидромеханизация» и изготовленных на Магаданском механическом заводе. Данные агрегаты образовывали поток выбрасываемой воды для формирования незамерзающей водной поверхности в зимний период и таким образом препятствовали образованию льда, предохраняли корпус драги. Коллектив сталелитейного цеха Оротуканского ремонтного завода горного оборудования (пос. Оротукан, Магаданская область) в 1958 г. освоил технологию выплавки высокомарганцевистой стали («Г-13»), которая была востребована для отливки и термической обработки компонентов черпаков драг.

В начале 1960-х гг. на дражных полигонах успешно испытывалась и внедрялась новая высокопроизводительная техника – станки ударно-вращательного действия (ВУД), станки вибровращательного действия (СДВВ), а также гидрофицированный станок (БГСГ-1), их производительность в 2–3 раза превышала показатели применявшихся станков ГП-1. Кроме того, большинство станков ГП-1, использовавшихся для погружения игл (и уже устаревавших), были модернизированы, что позволило увеличить их производительность на 20–30%. Для правки изогнутых гидроигл был изготовлен и успешно прошел испытания специальный станок [3. Д. 816. Л. 13].

Весьма востребованным направлением инновационной работы являлось улучшение процесса обогащения полезных ископаемых. На драгах, полигоны которых содержали крупное золото, были установлены самородкоулавливающие электрические аппараты (ЭСУ-3), с их помощью извлечение золота на драгах возросло на 1% и более. Данный положительный опыт использовался и на промывочных приборах. В 1959 г. на промприборах совнархоза функционировало 155 самородкоуловителей и 10 отсадочных машин с концентрационными столами. В 1960 г. на 11 драгах и 5 промывочных приборах была внедрена автоматизация процесса улавливания самородков. Другим способом снижения потерь валютного металла стало внедрение на ряде приисков контейнерной съемки концентратов с последующей их доводкой на шихтообогащительных фабриках.

На рудной добыче золота, так же как на рудной добыче олова, недостаточно высокий уровень механизации объяснялся, главным образом, отсутствием малогабаритных погрузочных машин и невозможностью применения на многих рабочих горизонтах электровазной откатки вследствие ограниченных объемов для транспортировки и малых сечений выработок. На золотодобывающем руднике им. Матросова в начале 1960-х гг. осуществлялись работы по внедрению высокопроизводительной системы разработки подэтажными штреками с отбойкой руды глубокими скважинами.

В конце 1950-х гг. была внедрена автоматизация работы дробильных цехов на фабрике рудника им. Матросова, на фабриках оловодобывающих рудников «Галимый» и «Валькумей». Это позволило уменьшить обслуживающий персонал, минимизировать вредное воздействие на здоровье работников. Также фабрики указанных рудников были оборудованы громкоговорящей производственной связью. На золотоизвлекательной фабрике им. Матросова в 1961 г. по опыту других предприятий РСФСР был внедрен метод скоростной флотации.

Образцы новой техники в обязательном порядке проходили заводские и промышленные испытания. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. этот процесс вышел на новый качественный и количественный уровень. Испытания приняли массовый и вместе с тем упорядоченный характер. Так, в течение 1960 г. были проведены заводские испытания опытного образца автоматизированной скреперной установки АСУ–0,5, автоматизированных подъемных установок АПУ–1,5, отсадочной машины ОМТ–1–800 для драги, отсадочной машины с двухрешетной подвижной камерой конструкции Г.Г. Кузнецова, вибровращательного бурового станка и комплектов буровых приспособлений к нему. В этом же году прошли промышленные испытания опытных образцов шурфопроходческого агрегата, парогенератора для подавления буровой пыли паром, отсадочных машин ОМТ–1–550 и ОМТ–1–800, золотоотдувочной машины, промприбора МПП–1 производительностью 300 м³/сутки, бурового станка для дражных полигонов ГП–1 и комплекта приспособлений к нему, опытных образцов реле утечки типа РУН–М. Промышленные испытания проводились комиссионно, с участием специалистов из Магадана и, как правило, под председательством главных инженеров приисков. При этом зачастую выявлялись конструктивные недостатки, и опытные образцы дорабатывались (принимались меры по их «доводке»).

В целом изобретения и рационализаторские предложения в Магаданском совнархозе проходили достаточно качественный экспертный отбор, и часть заявок отклонялась на стадии изучения проектной документации. Другая их часть отклонялась по результатам испытаний. Например, в 1958 г. прошли полигонные испытания опытной землеройной планетарно-метательной машины ЗПМА–250 конструкции инженера Магаданского совнархоза А.А. Агафонова, однако в дальнейшем в совнархозе она применения не нашла. В 1959 г. после испытаний был отклонен вибродавильный промприбор авторов А.Е. Сидорова и В.И. Крапивина из-за неудовлетворительной конструкции сотрясательного шлюза, дававшего пониженное извлечение металла и низкую производительность. В конце 1950-х гг. прорабатывался проект введения в эксплуатацию на Северо-Востоке драги с объемом черпаков в 600 литров, но подходящего полигона для такого колоссального объекта подобрать не удалось, и проект не был реализован. На рубеже 1950-х – 1960-х гг. проводились подготовительные работы для промышленных испытаний разработанного ВНИИ–1 метода предпостроечного электроподогрева мерзлых грунтов током высокого напряжения с последующей

механизированной их разработкой. Однако в дальнейшем к этой идее не обращались.

Испытания новых механизмов и технологических процессов в совнархозе проводились на действовавших приисках, главной задачей которых являлось выполнение плана добычи золота. Руководство совнархоза признавало, что, с одной стороны, это нарушало нормальный режим работы предприятия, с другой – замедляло испытания новой техники. Учитывая указанные недостатки, в 1960 г. было принято решение о создании специализированной площадки – прииска «Экспериментальный» (Сусуманский район). Основной задачей этого предприятия являлось проведение испытаний новой техники, новых технологических процессов и промышленной проверки норм расхода основных материалов. Первоначально прииск подчинялся непосредственно ВНИИ–1. Достаточно быстро «Экспериментальный» стал главным испытательным полигоном всего Северо-Востока, именно на этом предприятии было сконцентрировано абсолютное большинство технических новинок совнархоза. Уже через год после создания, в сентябре 1961 г., на прииске «Экспериментальный» прошел семинар по демонстрации образцов новых машин и механизмов, находившихся в опытной эксплуатации. Участникам в работе были показаны кран КТН–3 грузоподъемностью 3 т, шлихообогащительная установка, гидроэлеваторный прибор с двухстадиальным обогащением, промприборы, автоматизированные по схемам центральной энерголаборатории и ВНИИ–1, промприбор производительностью 100 м³ в сутки для старателей и промывки валовых проб при траншейной разведке, буровой станок для погружения гидроигл, изготовленный по предложению автора Клейна, установка автора Нестерова для промывки разведочных проб и другое оборудование [З. Д. 212. Л. 111–118]. Также в 1961 г. на это предприятие была передана драга для проведения экспериментальных работ по повышению пропускной способности обогащительной цепи и увеличению степени извлечения золота. Активные опытно-исследовательские работы по использованию технических новаций на всех переделах золотодобычных работ продолжались на «Экспериментальном» и в последующие годы.

Другим важным мероприятием, но направляемым уже по указаниям из Москвы, стало создание образцово-показательных подразделений, оснащенных новейшей техникой и использовавших в своей работе передовые технологии. В Магаданском совнархозе образцово-показательным стал участок № 2 прииска «Мальдяк» (Сусуманский район). На этом участке были организованы укрупненные комплексные бригады, обслуживавшие весь цикл работ, включая вскрышу торфов, разработку, подачу и промывку песков. Все промприборы на этом участке были автоматизированы по схеме центральной энерголаборатории совнархоза, их среднесуточная производительность достигала весьма высокого для региона показателя в 443 м³. Повсеместно использовалась высокочастотная связь по ЛЭП 6 кВ, а подвижные объекты – экскаваторы – имели связь с диспетчером при помощи ультракоротковолновых радиотелефонных станций. План

1961 г. по добыче металла участок выполнил на 111,3% и достиг самой высокой по совнархозу выработки на списочный бульдозер, занятый на горных работах, – 56,5 тыс. м³, и выработки на кубометр емкости ковша экскаватора в 192 тыс. м³.

Огромную роль в обеспечении процесса внедрения новой техники играли подведомственные совнархозу заводы. В свое время они возникали как ремонтные, но постепенно их функции значительно расширились. Например, только за один 1960 г. на заводах были изготовлены разработанные и созданные конструкторскими организациями совнархоза, рационализаторами 80 модернизированных промывочных приборов МПД–4М, 40 самоходных буровых станков БС–3, 30 тяжелых цепных рыхлителей-кирковщиков, 20 металлических головок терриконигов, 90 установок для бурения с сухим пылеулавливанием на россыпях, 8 станков ИГ–1 для извлечения гидроигл [3. Д. 790. Л. 26]. Для дражных работ в 1961 г. на заводах совнархоза произвели 10 иглоизвлекающих станков ИГ–2, семь потокообразователей и две ледорезные машины. Тем не менее периодически к заводам совнархоза высказывались претензии за затягивание сроков изготовления опытно-промышленных образцов и первых серий нового оборудования, существенно реже возникали нарекания к качеству и комплектности поставок нового оборудования.

Руководство совнархоза внимательно отслеживало ход внедрения новой техники и передовых технологий в течение года, периодически предпринимало проверки. Наряду с несомненными достижениями выявлялись и проблемы. Так, например, за девять месяцев 1958 г. план скоростной нарезки шахтных полей на горных объектах был выполнен только на 79%, проходка вертикальных и наклонных стволов шахт – на 67%. Еще хуже внедрялись скоростные методы на рудниках, где план первого полугодия 1958 г. по проходке горизонтальных выработок скоростными методами был реализован на 88%, а вертикальных – только на 20%. Забои рудников медленно переводились на сухое пылеулавливание, затягивался этот процесс и на угольных шахтах.

В Магаданском совнархозе были выработаны определенные меры по активизации внедренческой работы: конкурсы, денежные премии, награждения значком «Отличник социалистического соревнования», почетными грамотами, вынесение благодарности. В поощрениях и распределении призовых мест наряду с администрацией совнархоза участвовали и представители Магаданского обкома профсоюза рабочих металлургической промышленности. В 1958 г., например, объявлялись конкурсы на лучшее предложение по созданию агрегата для проходки шурфов и промывки проб, на лучшее предложение по борьбе с пылеобразованием при разработке россыпных месторождений подземным способом. В эту деятельность стремились шире вовлекать молодых работников. Так, с 1 марта по 30 сентября 1960 г. Магаданский совнархоз, обком профсоюза, бюро обкома ВЛКСМ организовали проведение конкурса на лучшее изобретение и рационализаторское предложение среди молодежи предприятий и организаций Магаданской области. Свыше 1 236 молодых рационализаторов внесли 1 500 рационализаторских предложений, из них

1 030 были внедрены в производство, условно-годовая экономия составила 7,8 млн руб. (в дореформенном масштабе). По сравнению с 1959 г. число рационализаторов из рабочей молодежи и количество поданных рацпредложений возросло в два раза. Наиболее отличившихся наградили значком «Молодому передовику производства» с занесением в Книгу почета Магаданского обкома ВЛКСМ, выдавали денежные премии, многих поощрили почетными грамотами [3. Д. 145. Л. 55–58].

Руководящие работники совнархоза придавали большое значение своевременному информированию о технических и технологических новациях, однако объемы и темпы развития этой работы самокритично оценивались как недостаточные. Так, в 1958 г. выражалась обеспокоенность, что на большинстве приисков не были организованы технические кабинеты. Не на всех приисках функционировали технические библиотеки, а имевшиеся не располагали достаточным количеством научной и производственно-технической литературы. Особо отмечалось, что в библиотеки не поступали издания отдела технической информации совнархоза, которые включали в себя ежемесячный технический бюллетень «Колыма», технические информационные листки и другие издания, освещавшие актуальные вопросы горного производства, новинки отечественной и зарубежной техники, материалы по обмену передовым производственным опытом. Незнание этой литературы приводило к тому, что рационализаторы одного предприятия работали над проблемами, которые давно были решены на другом.

В конце 1950-х гг. в Магаданском совнархозе наблюдалась заметная интенсификация процесса внутрирегионального обмена опытом. В течение 1959 г. прошли технические совещания и школы по обмену опытом организации работы драг и подготовки дражных полигонов в двух основных районах дражной золотодобычи – Сусуманском и Тенькинском. На прииске «Мальдяк» была проведена школа по применению вскрыши торфов бульдозерами траншейным способом (по опыту бригады И.А. Лесковского). Аналогичная школа, но с акцентом на работе бульдозеров в зимних условиях прошла на прииске «Бурхала». На «Верхнем Ат-Уряхе» была организована школа передового опыта работу экскаваторной бригады Ю.Н. Устинова, которая в течение нескольких лет добивалась высоких производственных показателей по переработке горной массы на экскаваторе «Шкода». На шахтах прииска им. Фрунзе создавалась межприисковая школа передового опыта организации добычи подземных песков. На прииске «Широкий» провели однодневную межрайонную школу по устройству высокочастотной связи. В последующие годы мероприятия по обмену опытом приняли еще более внушительные масштабы. Так, в 1960 г. было проведено 39 различных школ и семинаров по обмену опытом, которые охватили более 1,5 тыс. чел. В 1961 г. прошло 22 школы-семинара, 29 технических конференций и совещаний по изучению и обмену опытом, в которых участвовало около 2 тыс. чел. [3. Д. 816. Л. 21]. Последовательное развитие механизации и автоматизации на предприятиях совнархоза повлекло за собой необходимость соответствующей подготовки кадров. При Ма-

гаданском горно-геологическом техникуме с октября 1959 г. были организованы постоянно действующие курсы повышения квалификации инженерно-технических работников по автоматизации производства.

Магаданским совнархозом учитывался всесоюзный опыт внедрения новой техники. Так, в 1958 г. Президиум АН СССР при разработке жильных месторождений рекомендовал использование шпуров малого диаметра. По данным института горного дела Академии наук, применение шпуров диаметра 28–30 мм повышало производительность труда на 30–35% и давало возможность существенно снизить себестоимость 1 т руды. Руководство совнархоза достаточно оперативно организовало проведение на золотодобывающем руднике им. Белова опытно-промышленной проверки эффективности применения данной технологии.

В совнархозе владели информацией о разработках новой техники для геолого-разведочных работ, осуществлявшихся в центре. Так, в мае 1959 г. сотрудник ЦКБ К.Ф. Кубиков на заседании технико-экономического совета совнархоза представил чертежи пневматической отсадочной машины ОУ–8 и машины шурфопроходческой МШ–1 конструкции центрального конструкторского бюро Министерства геологии, передвижной установки для проходки разведочных шурфов и передвижной обогатительной установки для обработки разведочных проб из россыпей Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института цветных и благородных металлов (ЦНИГРИ, г. Москва). После обмена мнениями было решено запросить в указанных организациях дополнительные чертежи, технические расчеты и материалы опытных испытаний, оформить заказы на изготовление опытных образцов уже имевшихся конструкций.

Большое внимание в деле обмена опытом уделялось командировкам на передовые предприятия СССР. В конце 1950-х гг. работники Магаданского совнархоза побывали на совещании по применению высокопроизводительных систем при разработке рудных месторождений на Тырныаузском вольфрамомолибденовом комбинате (Кабардино-Балкария), на научном совещании по применению сухого пылеулавливания при бурении вечномерзлых пород в г. Москва. В 1960 г. на предприятия других совнархозов, а также в проектные и научно-исследовательские учреждения центральных районов страны были командированы 54 специалиста. В результате обмена опытом на предприятиях Северо-Востока были организованы комплексные бригады по опыту Хрустальненского комбината, начала внедряться скоростная флотация по опыту Сихотэ-Алиньского комбината, получили развитие гидроэлеваторный способ промывки по опыту Читинского и Амурского совнархозов и способы борьбы с зимним промерзанием грунтов на дражных полигонах по опыту Хабаровского и Якутского совнархозов. В строительстве в условиях отрицательных температур были использованы достижения Норильска и Ангарска. По опыту института электросварки им. Е.О. Патона (УССР) применялась реставрация деталей путем наплавки. В начале 1960-х гг. сотрудники Магаданского совнархоза выезжали в Индигирское горнопромышленное управление (Якутский

совнархоз), на предприятия трестов «Якутзолото» и «Амурзолото», в города Ангарск, Челябинск, Хабаровск, Новосибирск, Норильск.

Совет министров РСФСР и ВСНХ РСФСР внимательно наблюдали за процессом внедрения новой техники в совнархозах. При этом республиканские органы управления периодически критиковали Магаданский совнархоз. Так, в Постановлении СМ РСФСР № 610 от 22 мая 1961 г. «Об итогах выполнения плана развития и внедрения новой техники в народное хозяйство РСФСР за 1960 г.» Магаданский совнархоз оказался среди отстающих подразделений, выполнив установленное задание всего на 44% (для сравнения: Читинский совнархоз выполнил план на 42%, Якутский совнархоз – на 37%) [3. Д. 176. Л. 72–74].

Подводя итоги, следует указать, что конце 1950-х – начале 1960-х гг. и в центре, и в регионах в контексте общих представлений о значении научно-технического прогресса осознавалась необходимость последовательного технического перевооружения золотодобывающей промышленности новой высокоэффективной техникой. В Магаданском совнархозе часть новой техники и оборудования, произведенных в центральных районах страны (например, перфораторы с сухим улавливанием пыли, металлическая крепь), внедрялись без значительных доработок, что позволяло в сжатые сроки преодолеть отставание от других золотодобывающих подразделений. Другая часть новаций – это образцы, имевшие аналоги в других регионах (гидроэлеваторные промприборы, отсадочные машины), но глубоко доработанные для более эффективной работы в специфических условиях Колымы и Чукотки (низкие среднегодовые температуры, затяжная зима, сырость, вечная мерзлота, сложные породы). Из уникального, не имевшего аналогов оборудования, изобретенного и производившегося в регионе, следует назвать самородкоулавливающий электрический аппарат ЭСУ–3; он был известен еще в Дальстрое, но заверченный вид и повсеместное распространение получил в совнархозе. Иностранная техника производства капиталистических держав в конце 1950-х – начале 1960-х гг. на Северо-Востоке была мало распространена; из техники, поставлявшейся из стран соцлагеря, хорошо себя зарекомендовали экскаваторы «Шкода».

За совнархозовский период на Колыме и Чукотке полностью и качественно обновился парк промывочных приборов. Наиболее эффективными стали целнометаллические промывочные приборы различных типоразмеров с дистанционным управлением, оснащенные самородкоуловителями, отсадочными машинами, виброшлюзами, новыми бункерами-питателями и другими агрегатами. Активная работа нескольких подведомственных заводов позволяла изготавливать в необходимом количестве и без промедления отправлять на горные предприятия образцы новой техники. Поставки техники и оборудования из центральных районов страны, как правило, сильно затягивались.

В Магаданском совнархозе осуществлялся интенсивный обмен передовым опытом, Дальстрой даже в 1950-е гг. в этом отношении существенно отставал. Школы и семинары по обмену опытом, технические

конференции, курсы повышения квалификации проводились абсолютно по всем передлам горных работ, программа была насыщена, наглядна и конкретна. При этом наблюдалось взаимодействие «по горизонтали» между бригадами различных предприятий, приисками, управлениями, налаживалась и обратная связь с руководящими работниками совнархоза. Весьма существенными следует признать усилия по пропаганде технических знаний и передового опыта: Магаданским совнархозом издавались сотни печатных листов соответствующего профиля, выпускался авторитетный в своей сфере бюллетень «Колыма». Достаточно эффективно производился обмен опытом и другие формы взаимного сотрудничества с ведущими горнопромышленными предприятиями, научно-исследовательскими институтами, заводами СССР.

К концу деятельности Магаданского совнархоза по сравнению с 1957 г. горнодобывающая промышленность по уровню механизации и техническому оснащению горных работ вышла на уровень других золотодобывающих регионов, а по отдельным позициям и пре-

взошла их. Особенно эффективной мерой стала организация прииска «Экспериментальный» как регионального испытательного полигона технических новшеств. Темпы технического перевооружения основной отрасли Магаданского совнархоза следует признать достаточно высокими, особенно в сравнении с Северо-Восточным геологическим управлением (г. Магадан), где проблема механизации труда и к середине 1960-х гг. оставалась очень острой. В дальнейшем наработки Магаданского совнархоза по внедрению технических новаций успешно использовались его приемниками – Северо-Восточным совнархозом, а затем и объединением Северовостокзолото. Основными проблемами в процессе внедрения технических новаций являлись претензии к заводам-изготовителям по срокам, изредка – к качеству и комплектности нового оборудования. На приисках периодически затягивались сроки испытания и внедрения новой техники. Острой оставалась проблема маломощных и неприспособленных для работы в суровых северных условиях бульдозеров, однако для ее решения собственных ресурсов совнархоза не хватало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малагин А.П. Магаданский экономический район. Магадан, 1957. 116 с.
2. Побережников И.В. Региональные варианты Российской фронтальной модернизации: сравнительный подход // Региональный фактор модернизации России XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2013. С. 18–27.
3. Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-137. Оп. 1.
4. Богданов Е.И. Промышленные приборы Колымы // Колыма. 1981. № 6–7. С. 22–24.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 марта 2017 г.

THE INTRODUCTION OF TECHNICAL INNOVATIONS IN THE GOLDMINING INDUSTRY OF THE MAGADAN SOVNARKHOZ (1957–1962)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 96–102.

DOI: 10.17223/15617793/428/12

Vitaliy G. Zelyak, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Zelyak75@mail.ru

Keywords: Magadan sovnarkhoz; gold mining; technical innovations; exchange of experience; technical information.

The main aim of the article is to analyze the implementation of technical innovations at gold mines of Kolyma and Chukotka in the late 1950s – early 1960s, to identify differences from the era of Dalstroy. It is achieved by a study of the introduction of new technology for the main types of gold mining: open placer, underground placer, drag gold mining, gold extraction. The research is based on the documents of the State Archive of Magadan Oblast, in particular on the record keeping documentation of Magadan sovnarkhoz (the Economic Council of Magadan Oblast). Many archival materials are first introduced into the broad scientific use. Almost all equipment supplied from other regions of the USSR was subjected to a profound modernization by engineers and constructors. Upgraded machines had higher industrial parameters, were adapted to the extreme conditions of the north of the Far East of Russia. New models were produced in Magadan Oblast, at plants subordinated to the sovnarkhoz. This allowed to quickly deliver them to the mines. To prepare polygons for alluvial mining new drilling machines BS-3 were used. To wash gold-bearing sand metal washing devices of new types were introduced; they replaced the models of wooden construction used in Dalstroy. Washing devices and drags were equipped with electric apparatuses for trapping gold nuggets and with other special devices invented in the region. With their help the sovnarkhoz increased gold extraction. Since the beginning of the 1960s, gold-bearing areas were washed with hydroelevators. In this case the Magadan sovnarkhoz used the experience of Chita and Amur Oblasts in gold mining. The author makes a conclusion that during the short period of activities of the Magadan sovnarkhoz, the gold mining industry was technically upgraded with new equipment, adapted to work in the severe northern conditions. Technical innovations played an important role in overcoming the heavy heritage of Dalstroy, contributed to the growth of gold mining in Kolyma. Also significant is the experience of the mine Eksperimental'nyy [Experimental] as a specialized site for testing all the new equipment and new technological processes for gold mining. At a higher level there was an exchange of best practices and distribution of technical information. The achievements of the Magadan sovnarkhoz in this sphere were widely used in subsequent years.

REFERENCES

1. Malagin, A.P. (1957) *Magadanskiy ekonomicheskii rayon* [Magadan economic region]. Magadan: Magadan. knizhnoe izdatel'stvo.
2. Poberezhnikov, I.V. (2013) [Regional variants of the Russian frontier modernization: a comparative approach]. *Regional'nyy faktor modernizatsii Rossii XVIII–XX vv.* [Regional factor of Russia's modernization of the 18th–20th centuries]. Proceedings of the conference. Ekaterinburg: Ural'skiy izdatel'skiy poligraficheskiy tsentr. pp. 18–27. (In Russian).
3. State Archives of Magadan Oblast. Fund R-137. List 1. (In Russian).
4. Bogdanov, E.I. (1981) *Promyshlennyye pribory Kolymy* [Trammell in Kolyma]. *Kolyma*. 6–7. pp. 22–24.

Received: 12 March 2017

БОРЬБА С СОЦИАЛЬНЫМИ БОЛЕЗНЯМИ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья раскрывает позицию нижегородских медиков и общественных деятелей по отношению к алкоголизму, сифилису и туберкулезу как социально-опасным болезням в годы Первой мировой войны. Источниковой базой являются архивные материалы крупнейших нижегородских архивов, общероссийская и местная периодическая печать 1914–1917 гг. Автором выявлены причины широкого распространения социальных болезней, предложения о способах борьбы с ними, мероприятия по их преодолению. Освещены взгляды наиболее активных представителей нижегородской общественности.

Ключевые слова: Нижегородская губерния; Первая мировая война; социальные болезни; алкоголизм; сифилис; туберкулез.

В современной историографии наблюдается всплеск интереса к тематике общественных девиаций в годы кризисов и общественно-политических перемен. Особый интерес вызывает проблема борьбы с социальными болезнями и, в первую очередь, с алкоголизмом на региональном уровне. Как справедливо отмечает О.А. Чагадаева, «период Первой мировой войны при этом в немногих имеющихся общих исследованиях по алкогольному вопросу в России просто выпадает из поля зрения историков» [1. С. 10]. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении проблематики борьбы с туберкулезом и сифилисом. Между тем совершенно немыслим без проработки событий «кризисного» этапа Первой мировой войны наметившийся в последнее время отказ от резкого противопоставления дореволюционного и советского периодов в отечественной исторической науке XX в. [2. С. 77].

Нижегородская губерния накануне и в годы Первой мировой войны была одним из самых «проблемных» регионов в отношении распространения социальных болезней. Так, заболеваемость сифилисом составляла 90 человек на 10 тыс. жителей в 1912 г. [3. С. 49], 91,8 – в 1913 г., 85,2 человек – в 1914 г. [4. С. 43], что превосходило общероссийский уровень (76,8 – в 1913 г., 74,7 – в 1914 г. соответственно) [Там же. С. 49]. Заражаемость населения туберкулезом также возрастала с каждым годом: 43,3 человека на 10 тыс. жителей в 1912 г. [3. С. 51], 43,9 – в 1913 г., 46,0 человек – в 1914 г. [4. С. 44]. В отношении отрывочных данных военного времени (7 753 вновь выявленных случая сифилиса в 1914 г., 8 043 – в 1915 г., 524 – в 1918 г.; 9 594 туберкулезных больных в 1914 г. и 4 352 – в 1915 г.) врачами был сделан вывод об уменьшении обращаемости населения и росте заболеваемости при сильном сокращении сети лечебных заведений [5. Л. 46]. С 1916 г. ведение регулярной статистики полностью прекратилось в связи с призывом значительной части медицинского персонала на военную службу, закрытием многих врачебных участков и фельдшерских пунктов и возобновилось с 1921 г., когда уже советскими медиками стала восстанавливаться система учреждений по борьбе с социальными болезнями.

Передовая медицинская общественность накануне войны поднимала на страницах периодической печати проблему массовости социальных болезней, их причин, вырабатывала предложения по борьбе с ними и

проводила некоторые общественные мероприятия. Еще на рубеже XIX–XX вв. врачи А.А. Введенский [6], А.А. Чалин [7], Я.П. Гридинский [8] обратили внимание широкой общественности на распространение социальных болезней в регионе, на крупнейшую в России Нижегородскую ярмарку как на главный очаг постоянной угрозы распространения венерических болезней, отметили неудовлетворительную постановку медико-санитарного надзора со сторон врачебно-полицейского комитета и высказались за реорганизацию системы регистрации и осмотров публичных женщин в пользу систематичности, продуманности и обеспеченности.

Наличие крупной промышленности, отсутствие охраны труда, плохие бытовые, жилищные условия жизни основной массы рабочих создавали условия для быстрого распространения туберкулеза. Неудовлетворительное и нерегулярное питание, переутомление, отсутствие организованного досуга и отдыха вели к пристрастию к алкоголю как к «восстанавливающему» средству.

Соответствующими были и предлагаемые мероприятия: поднятие экономического уровня, создание совершенной системы социального обеспечения и страхования, организация охраны труда на предприятиях, открытие дешевых безалкогольных столовых, чайных, читален, реорганизация медико-санитарного надзора и борьбы с проституцией.

Предложения врачей находили отклик у широкой общественности. Накануне Первой мировой войны противотуберкулезное движение достигло своего пика как по всей стране, так и в Нижегородской губернии. Так, Нижегородский отдел Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом занимал одно из первых мест по количеству изданной и распространенной печатной продукции – 40 500 экз. в 1913 г. [9. С. 46]. Фотографии предвоенных лет запечатлели массовые акции на Благовещенской площади, улицах Большая Покровская и Алексеевская губернского города в праздник «Белого Цветка», выливавшиеся в масштабные демонстрации с привлечением губернского начальства, духовенства, купечества [10]. В мероприятиях принимали участие немногочисленные технические новинки – богато украшенные цветами грузовые и легковые автомобили с плакатами антитуберкулезного содержания [11].

Оплотом антиалкогольного движения стали Ярмарочный комитет попечительства о народной трезвости, гу-

бернское попечительство и 11 уездных комитетов. Они проводили массовые мероприятия просветительского характера, театральные постановки, содержали чайные, столовые, читальни для неимущего населения [12. Л. 22].

Однако в целом все рассмотренные мероприятия носили характер благотворительности, не были обеспечены государственной финансовой и организационной поддержкой, носили эпизодический характер.

С началом Первой мировой войны были мобилизованы многие активные деятели антиалкогольного движения: делопроизводитель и смотритель Ярмарочного комитета попечительства А.С. Зеленов, режиссер Лубянского сада П.М. Проскурнин и несколько технических работников. В связи с этим Председатель Ярмарочного комитета А.С. Салазкин предложил устройство праздника трезвости отложить до следующего года, провести в течение месяца спектакли в садах комитета, направив 50% вырученных средств в пользу Российского общества Красного креста, 30% – для выдачи семьям артистам, призванным из запаса и 20% – в пользу театра общества [13]. Данная инициатива встретила противодействие представителей ряда ярмарочных торговых фирм, мотивировавших невозможность проведения мероприятий совпадением с днями православных праздников Преображения Господня и Успения Божьей Матери [14]. Вопросы антиалкогольной борьбы отходили на второй план в свете событий военного времени. Проведение массовой работы и просветительских мероприятий ввиду сокращения поступающих средств становилось убыточным, и уже через месяц Комитет трезвости постановил закрыть Лубянский сад [15].

Главные надежды общественности сосредоточились на «сухом законе». Как и в других городах, в Нижнем Новгороде были введены ограничения на продажу крепких спиртных напитков. Запрещалась продажа водки и водочных изделий в казенных винных лавках и во всех «заведениях трактирного промысла», виноградные вина разрешено было продавать только в ресторанах и трактирах 2-го и 3-го разряда и в ренсковых погребах [16].

Уполномоченный ярмарочного купечества профессор С.С. Салазкин отмечал, что применение правил ограничения продажи спиртных напитков на ярмарке дало «превосходные результаты», ученый внес заявление о возбуждении ходатайства о продлении данных правил на время всей ярмарки. Ярмарочный комитет постановил внести это заявление в собрание уполномоченных, и оно было утверждено [17]. Советание общественных деятелей, созданное по запросу министра финансов 12 августа 1914 г., по вопросу желательности сохранения ограничения продажи крепких спиртных напитков на время войны в составе предводителя нижегородского дворянства М.С. Фон-Брина, управляющего акцизными сборами Г.И. Рыковского, и.д. нижегородского городского головы М.И. Будилова, городских глав и старост городов губернии, председателя Ярмарочного комитета А.С. Салазкина, председателя нижегородской биржи П.И. Лыхина признало желательным на все время войны воспрещение продажи водки, водочных изделий и пива в казенных заведениях [18].

Между тем уже в первый год «сухого закона» отмечались случаи публичного распития алкогольных напитков и массового пьянства. Корреспондент «Нижегородского листка» писал об открытии ренского погреба на территории ярмарки в будний день: «...тут же толпились любители, и тут же распивались спиртные напитки на улице. Вина покупали вскладчину... Некоторые предлагали какие угодно деньги за коньяк или водочные изделия...» [19]. Запрет продажи крепких напитков вызвал всплеск употребления суррогатов. По данным Городской анатомической камеры при Петропавловском кладбище Нижнего Новгорода, в 1914 г. отмечалось увеличение смертности от отравления ядами, политуры, денатурированным спиртом [20. Л. 20]. С 1915 г. в центральных российских губерниях происходит постоянное повышение спроса на денатурат и политуру [1. С. 165].

Поскольку потенциал запретительных мер был исчерпан, а других выработано не было, алкоголизация населения в Нижегородской губернии продолжалась. Негативную роль играли спекуляции в военно-медицинской сфере. Командование Московского военного округа (МВО) в циркуляре от 26 августа 1916 г. № 28802 указывало главным врачам госпиталей и лазаретов «установить самый строгий контроль над расходом винного спирта и принять должные меры, чтобы он не попадал для внутреннего потребления через кандидатов и фельдшеров...» [22. Л. 104]. Росло пьянство среди пациентов лечебных учреждений, как солдат, так и офицеров, ведущее к падению дисциплины и разложению армии. В циркулярах МВО уже с 1915 г. неоднократно цитировались случаи поведения выздоравливающих воинов: «...шатаются массами по улицам, бульварам, и не по форме и неряшливо одеты, часто в нетрезвом состоянии, даже нищенствуют» [23. Л. 222].

Борьба с туберкулезом и венерическими болезнями также осложнялась целым рядом обстоятельств военного времени: значительное число врачей и среднего медицинского и ветеринарного персонала подлежало призыву на военную службу; продолжала свою деятельность ярмарка; активизировали работу промышленные предприятия; средства, выделяемые на борьбу с социальными болезнями, сокращались; в губернию стали пребывать многочисленные раненые, военнопленные, беженцы.

Деятельность Нижегородского отдела Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом была сильно ограничена. На собрании правления Лиги совместно с Дамским комитетом, организованном при Городской управе, 7 августа 1914 г. председатель Г.И. Рыковский доложил, что ввиду последних событий правление Лиги решило не устраивать праздник «Белого Цветка», вместо этого организовать продажу национальных флагов, а вырученные средства направить на лечение туберкулезных и «вообще ослабленных» воинов, на помощь семьям призванных на войну [24]. Проведенный 21 августа День национальных флагов позволил собрать до 20 тыс. руб. и увенчался полным успехом, однако стал последней крупной акцией «единения» широкой общественности. Впервые во время проведения мероприятия некоторые торговцы

выгоняли из своих лавок продавцов Лиги с заявлением: «Надоели!» [25].

Определенную роль в предупреждении распространения туберкулеза играли военные врачи. С началом войны в Нижегородской губернии дислоцировались 30- 31-, 32- и 33-й сводные эвакуационные госпитали, позднее были развернуты 44-, 47-е полевые запасные, 5-й Варшавский, 9-, 180-, 181-, 182-, 184-й сводные эвакуационные госпитали [26. Л. 781]. На средства нижегородской общественности к 1 января 1916 г. было развернуто 17 лазаретов, а к концу войны их общее число увеличилось до 35 [27. С. 3–4]. При этом 180-й сводный эвакуационный госпиталь и лазареты № 7, 8, 12 предназначались для инфекционных больных.

Осмотры военных лечебных заведений Нижегородской губернии, проведенные генерал-майором Чижом, показали, что большинство из них находилось в хорошем состоянии: одежда и обувь были чистыми и аккуратными, посещение бань регулярным, в нужном числе присутствовали плевательницы (как одна из мер профилактики туберкулеза), пищей все были довольны. Особое удовлетворение инспектора вызвал лазарет Гродненской общины Красного креста: во всех помещениях было очень чисто, люди хорошо одеты [28. Л. 41]. Коллективная фотография группы Гродненского лазарета, несмотря на свою постановочность, в целом подтверждает высокую оценку генерала [29]. Однако были и вопиющие случаи. Патронату, расположенному в деревне Поляк, инспектор дал самую негативную характеристику: «Во всех комнатах очень грязно: на полу наплевано, весь пол забросан окурками, в углах кучки сора. Постели в беспорядке» [28. Л. 210 об.]. Подобная обстановка наблюдалась и в ряде других учреждений, вызывая циркулярные предписания командующего МВО генерала от артиллерии И.И. Мрозовского с требованием исправления ситуации [22. Л. 180].

В аспекте борьбы с распространением сифилиса Нижегородский гарнизон оказался в более благоприятной ситуации, поскольку среди врачей 30-, 31-, 32- и 33-го сводных эвакуационных госпиталей оказалось

немало специалистов по кожным и венерическим болезням [26. Л. 46–50]. Тяжелобольные сифилисом военнослужащие содержались в местном нижегородском военном лазарете в довольно хороших условиях, но в палатах воздух был «тяжелый» [30. Л. 116 об.]. Ценный ресурс, однако, был использован практически впустую, поскольку согласно приказу Верховного начальника санитарной и эпидемической части от 16 января 1915 г. № 23, все больные венерическими болезнями, не требующие обязательной госпитализации, должны были безотлагательно выписываться для несения воинской службы с амбулаторным лечением [23. Л. 13]. Неоднократно подтвержденное последующими циркулярами данное распоряжение, по оценке врачей-современников, привело к массовому распространению венерических болезней [31. С. 597–598]. Еще больше ситуация усугубилась осенью 1917 г., когда по приказу МВО № 1226 и в силу п. 1 Приказа по МВО № 789 команды венерических больных в полках уничтожались и довольно значительный контингент больных сифилисом оказывался в неопределенной ситуации. В условиях фактического распада и последовавшей за ним официальной демобилизации российской армии данная категория больных хлынула в сельскую и городскую местность, служа массовым источником заражения.

Таким образом, борьба с социальными болезнями в Нижегородской губернии достигла своего пика накануне Первой мировой войны, проявившись в выдающейся активности Ярмарочного комитета попечительства о народной трезвости, губернского попечительства и 11 уездных комитетов, Нижегородского отдела Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом, Нижегородского врачебно-полицейского комитета. Однако данная деятельность была основана на принципах благотворительности, избирательности и носила эпизодический характер. Первая мировая война показала абсолютную непригодность такого подхода к серьезным социальным проблемам, помогла общественности осознать пагубность самоустранения государства от вопросов здравоохранения и послужила переходным этапом к новой системе организации медицинской помощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чагадаева О.А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы) / Послесловие Александр Шевырев. М., 2016.
2. Долгова Е.А. «Смерть моя была бы громадной семейной катастрофой»: сюжеты из жизни «буржуазного» профессора в 1920-е гг. // Российская история. 2015. № 4. С. 77–89.
3. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1913. Пг., 1915.
4. Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1914. Пг., 1916.
5. Центральный архив Нижегородской области (далее ЦАНО). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 790а.
6. Введенский А.А. О заболеваемости проституток на Нижегородской ярмарке по данным ярмарочной женской больницы // Вестник общественной гигиены и судебной медицины. 1895. Т. XXVI, кн. 2. 170–191.
7. Чалин А.А. Отчет по Нижегородской ярмарке женской больницы за 1900 г. // Вестник общественной гигиены и судебной медицины. 1901. № 2. С. 166–173.
8. Гридинский Я.П. Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством. М., 1910.
9. Бонгард М.И. Всероссийская лига для борьбы с туберкулезом в 1913–1916 гг. // Туберкулез. 1917. № 6–10. С. 41–59.
10. Государственный архив аудиовизуальной документации Нижегородской области (далее ГАрхАДНО). Ф. П-174. Оп. 1.1/2. Ящ. № 4.4. Ед. хр. 749.
11. ГАрхАДНО. Ф. П-174. Оп. 1.1/2. Ящ. № 4.4. Ед. хр. 745.
12. ЦАНО. Ф. 718. Оп. 221а. Д. 42.
13. Из комитета трезвости // Нижегородский листок. 1914. 3 авг.
14. Заявление фирм // Нижегородский листок. 1914. 7 авг.
15. Из комитета трезвости // Нижегородский листок. 1914. 9 сент.
16. Торговля крепкими напитками // Нижегородский листок. 1914. 11 авг.

17. Заявление Салазкина С.С. // Нижегородский листок. 1914. 7 авг.
18. Совещание о крепких напитках // Нижегородский листок. 1914. 12 авг.
19. Открытая выпивка // Нижегородский листок. 1914. 18 авг.
20. ЦАНО. Ф. 1670. Оп. 1772. Д. 3.
22. ЦАНО. Ф. 1877. Оп. 716. Д. 3.
23. ЦАНО. Ф. 1821. Оп. 696. Д. 1.
24. Из Противотуберкулезной лиги // Нижегородский листок. 1914. 10 авг.
25. День национальных флагов // Нижегородский листок. 1914. 21 авг.
26. ЦАНО. Ф. 1877. Оп. 716. Д. 2.
27. Краткий баланс сумм по оборудованию и содержанию лазаретов за время от начала операций по 1-е января 1916 г. и положительная записка к нему / Нижегородский комитет Всероссийского союза городов. Н.й Новгород, 1916.
28. ЦАНО. Ф. 1877. Оп. 716. Д. 1.
29. ГАрхАДНО. Ф. П-143. Оп. 1.1/4. Ящ. № 4.3. Ед. хр. 89 (63).
30. ЦАНО. Ф. 1877. Оп. 716. Д. 7.
31. Унковский В.Н. Венерические болезни и борьба с ними // Врачебное дело. 1919. № 17. С. 597–598.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 ноября 2017 г.

COMBATING SOCIAL DISEASES IN NIZHNY NOVGOROD PROVINCE ON THE EVE AND DURING THE FIRST WORLD WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 103–107.

DOI: 10.17223/15617793/428/13

Andrey N. Kezhutin, Nizhny Novgorod State Medical Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: kezhutin@rambler.ru

Keywords: Nizhny Novgorod Province; First World War; social illness; alcoholism; syphilis; tuberculosis.

The subject of the research is the position of Nizhny Novgorod doctors and public figures in relation to alcoholism, syphilis and tuberculosis as socially-dangerous diseases before and during the First World War. The relevance of the research is connected with an insufficient development of the topic in historiography. The author considers the social scientific approaches of Nizhny Novgorod physicians to the development of measures against social diseases by determining the causes of their mass distribution, elaborating public measures to combat them and their implementing. The views of the most active representatives of the Nizhny Novgorod community are presented. Before the First World War, the Nizhny Novgorod region was one of the worst in terms of sanitary conditions; during the war, the situation deteriorated significantly. The author notes that this problem troubled not only doctors, but also society as a whole. In this regard, different public organizations were formed. Their activities were quite successful before the war, but gradually stopped by 1917 because of the wartime events. The author determines the main approaches to the problem of mass social diseases associated with the socio-economic development of society and the difficulties of wartime. The place and role of the leaders and members of major public associations are analyzed: the Nizhny Novgorod division of the Russian League of the Fight against Tuberculosis, the Fairgrounds Committee of Trusteeship of the People's Sobriety, the provincial trusteeship and 11 county committees, provincial authorities and the military leaders. A comparative analysis of the main causes of social diseases is carried out. The sources of the research are archival materials from the largest Nizhny Novgorod archives, national and local periodicals of 1914–1917. The research is based on the principles of historicism, scientific objectivity and determinism. Methods of analysis and synthesis, as well as comparative-historical and chronological ones are used. The novelty of the research consists in obtaining new knowledge about the social entity, the specific historical determinism, the cause of widespread social diseases, proposals of public figures of ways of dealing with them, the activities carried out. The views of the most active representatives of the Nizhny Novgorod public on the issue are first presented. The author comes to a conclusion about the need to consider the fight against social diseases in the First World War as a result of the check of the pre-revolutionary concept in extreme conditions.

REFERENCES

1. Chagadaeva, O.A. (2016) *“Sukhoy zakon” v Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny (po materialam Petrograda i Moskvy)* [“Dry law” in the Russian Empire during the First World War (based on materials from Petrograd and Moscow)]. Moscow: Airo-XXI.
2. Dolgova, E.A. (2015) “My death would be a great disaster to my family”: Some episodes from the life of a “bourgeois” professor in the 1920s. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 77–89. (In Russian).
3. Trud Publ. (1915) *Otchet o sostoyanii narodnogo zdравиya i organizatsii vrachebnoy pomoshchi v Rossii za 1913* [Report on the state of public health and organization of medical care in Russia for 1913]. Petrograd: Tipografiya Petrogr. t-va. pech. i izd. dela “Trud”.
4. Ministry of Internal Affairs. (1916) *Otchet o sostoyanii narodnogo zdравиya i organizatsii vrachebnoy pomoshchi v Rossii za 1914* [Report on the state of public health and organization of medical care in Russia for 1914]. Petrograd: Tip. Min. vnutr. del.
5. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund R-102. List 1. File 790a.
6. Vvedenskiy, A.A. (1895) O zaboлеваemosti prostitutok na Nizhegorodskoy yarmarke po dannym yarmarochnoy zhenskoy bol’nitsy [On the disease rate of prostitutes at the Nizhny Novgorod Fair according to the fair women’s hospital]. *Vestnik obshchestvennoy gigieny i sudebnoy meditsiny*. XXVI:2. 170–191.
7. Chalin, A.A. (1901) *Otchet po Nizhegorodskoy yarmarke zhenskoy bol’nitsy za 1900 g.* [Report on the Nizhny Novgorod Fair by the Women’s Hospital for 1900]. *Vestnik obshchestvennoy gigieny i sudebnoy meditsiny*. 2. pp. 166–173.
8. Gridinskiy, Ya.P. (1910) *Pervyy Vserossiyskiy s’ezd po bor’be s p’yanstvom* [The First All-Russian Congress to Combat Drunkenness]. Moscow: Tip. “Nizhegor. pech. delo”.
9. Bongard, M.I. (1917) *Vserossiyskaya liga dlya bor’by s tuberkulezom v 1913–1916 gg.* [The All-Russian League for the Fight against Tuberculosis in 1913–1916]. *Tuberkulez*. 6–10. pp. 41–59.
10. State Archive of Audiovisual Documentation of Nizhny Novgorod Oblast (GArkHADNO). Fund P-174. List 1.1/2. Box 4.4. Unit 749. (In Russian).
11. State Archive of Audiovisual Documentation of Nizhny Novgorod Oblast (GArkHADNO). Fund P-174. List 1.1/2. Box 4.4. Unit 745. (In Russian).
12. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 718. List 221a. File 42. (In Russian).
13. Nizhegorodskiy listok. (1914) Iz komiteta trezvosti [From the Committee of Sobriety]. *Nizhegorodskiy listok*. 3 August.
14. Nizhegorodskiy listok. (1914) Zayavlenie firm [Statement of firms]. *Nizhegorodskiy listok*. 7 August.

15. Nizhegorodskiy listok. (1914) Iz komiteta trezvosti [From the Committee of Sobriety]. *Nizhegorodskiy listok*. 9 September.
16. Nizhegorodskiy listok. (1914) Torgovlya krepkimi napitkami [Strong drinks trade]. *Nizhegorodskiy listok*. 11 August.
17. Nizhegorodskiy listok. (1914) Zayavlenie Salazkina S.S. [Statement of S.S. Salazkin]. *Nizhegorodskiy listok*. 7 August.
18. Nizhegorodskiy listok. (1914) Soveshchanie o krepkikh napitkakh [Meeting on strong drinks]. *Nizhegorodskiy listok*. 12 August.
19. Nizhegorodskiy listok. (1914) Otkrytaya vypivka [Open drinking]. *Nizhegorodskiy listok*. 18 August.
20. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 1670. List 1772. File 3. (In Russian).
22. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 1877. List 716. File 3. (In Russian).
23. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 1821. List 696. File 1. (In Russian).
24. Nizhegorodskiy listok. (1914) Iz Protivotuberkuleznoy ligi [From the Antituberculosis League]. *Nizhegorodskiy listok*. 10 August.
25. Nizhegorodskiy listok. (1914) Den' natsional'nykh flagov [Day of national flags]. *Nizhegorodskiy listok*. 21 August.
26. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 1877. List 716. File 2. (In Russian).
27. Nizhny Novgorod Committee of the All-Russian Union of Cities. (1916) *Kratkiy balans summ po oborudovaniyu i soderzhaniyu lazaretov za vremya ot nachala operatsiy po 1-e yanvarya 1916 g. i polozhitel'naya zapiska k nemu* [Brief balance of amounts on equipment and maintenance of infirmaries for the period from the beginning of operations to January 1, 1916 and a positive note to it]. Nizhny Novgorod: tip. F.I. Serkina.
28. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 1877. List 716. File 1. (In Russian).
29. State Archive of Audiovisual Documentation of Nizhny Novgorod Oblast (GarkhADNO). Fund P-143. List 1.1./4. Box 4.3. Unit 89 (63). (In Russian).
30. Central Archive of Nizhny Novgorod Oblast (TsANO). Fund 1877. List 716. File 7. (In Russian).
31. Unkovskiy, V.N. (1919) Venericheskie bolezni i bor'ba s nimi [Venereal diseases and the fight against them]. *Vrachebnoe delo*. 17. pp. 597–598.

Received: 28 November 2017

ГОРОДА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ В.П. ПАРШИНА

Рассматриваются путевые записки В.П. Паршина – сибирского краеведа второй четверти XIX в. Выявлены основные работы автора, в которых на основе личных наблюдений представлены сведения о городах Восточной Сибири. Особо освещаются такие вопросы, как внешний облик городов, быт и нравы местных жителей. Показана информативность путевых записок для исследователей.

Ключевые слова: В.П. Паршин; мемуары; путевые записки; города; Восточная Сибирь.

В корпусе сибирской мемуаристики XIX в. особое место занимают путевые записки. В данном виде источника обычно описывалась повседневная жизнь обитателей посещаемых автором местностей. Среди мемуарного наследия Сибири интерес представляют произведения Василия Петровича Паршина.

В.П. Паршин известен как мемуарист первой половины XIX в., подготовивший несколько краеведческих работ. О нем сохранились скудные биографические сведения. В.П. Паршин родился в 1805 г. в Иркутске в семье казака-урядника. Василий Петрович воспитывался в местной губернской гимназии и по окончании ее в 1823 г. поступил в Иркутский казачий полк. К 1832 г. он дослужился до чина пятидесятника и был исключен из казачьего звания «для избрания другого рода жизни». В последующие годы В.П. Паршин занимался преподавательской деятельностью в различных городах Иркутской губернии. Он временно жил в Троицкосавске, Нерчинске, Верхнеудинске. Можно предполагать, что для своего времени В.П. Паршин являлся достаточно образованным человеком, так как преподавал самые разные учебные дисциплины. Василий Петрович был учителем русского языка, словесности, рисования, черчения, истории и географии. По роду деятельности его можно отнести к представителям интеллигенции. Он занимался педагогической деятельностью, работал в губернском управлении, прославился как литератор и краевед [1].

В.П. Паршин испытывал тягу к литературной деятельности и входил в круг забайкальской интеллигенции. Во время пятилетнего пребывания в Нерчинске с 1838 по 1843 г. он являлся участником Нерчинского кружка литераторов и краеведов. Члены кружка занимались изучением культурного развития Забайкалья, они активно сотрудничали со столичными газетами и журналами, издавали краеведческие книги, организовали библиотеку. В то время Нерчинский кружок объединил наиболее образованных и передовых людей [2]. Представители местной интеллигенции через свои труды впервые познакомили русскую общественность с культурой, историей, природой и населением своего края. Нерчинский кружок стал прогрессивным явлением того времени. Даже в губернском городе Иркутске значительная часть интеллигенции, относившая себя к «просвещенным» слоям населения, на самом деле обладала невысоким уровнем образования и духовных интересов [3. С. 35]. В.П. Паршин совместно с краеведами и активными участниками кружка А.А. Мордвиным и М.А. Зензи-

новым подготовили несколько рукописных сатирических листков, обличавших произвол и алчность местных чиновников. В 1840 г. он стал чиновником особых поручений при Иркутском Общем губернском правлении, через два года получил звание титулярного советника. В 1845 г. Василий Петрович перешел на должность советника Иркутского губернского суда. Спустя четыре года он вышел в отставку и в этом же году сменил место жительства, переехав из Иркутска в Москву. Точная дата смерти его не установлена, предположительно В.П. Паршин скончался в конце 1850-х или в начале 1860-х гг. [1].

Участие в Нерчинском кружке краеведов и литераторов подвигло Паршина к изучению Забайкалья. Еще в 1830–1840-е гг., занимаясь преподаванием в Нерчинске и Троицкосавске, он начал собирать материал и подготовил несколько путевых записок. Первой работой стала «Поездка в Забайкальский край», изданная в Москве в 1844 г. [2]. В дальнейшем Василий Петрович продолжил исследование других районов Иркутской губернии. Будучи чиновником особых поручений, он написал «Историческое, географическое, статистическое и этнографическое описание Нерчинского округа Иркутской губернии» (1840-е гг.) и «Историко-географическое и этнографическое описание Иркутской губернии» (1849 г.). Данные неопубликованные рукописи хранятся в Архиве Русского географического общества. Произведения относятся к путевым запискам и входят в корпус сибирской мемуаристики. Основная цель сочинений – познакомить читателей с далекими и неизвестными окраинами Российской империи. Во время переезда в Москву В.П. Паршин подготовил путевые записки «Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное в 1849 г. В. Паршиным», которые были изданы в Москве в 1851 г. В своих работах автор охватил не все города Восточной Сибири. В сферу внимания исследователя вошли города Забайкалья и города, расположенные на Московском тракте от Иркутска до Москвы.

Во время работы над путевыми записками В.П. Паршин обязательно отводил место для описания внешнего облика городов. Несколько городов Восточной Сибири оставили у автора приятное впечатление. Особенно ему понравился «красиво устроенный Верхнеудинск», который, по его мнению, походил на «хорошенькую модель и очень красив». Автор относил его к лучшим городам Иркутской губернии и назвал «улыбающимся франтиком». Он писал, что «наслаждался воздухом в этом городе» [4. С. 40].

Интерес представляет рукопись «Предания о некоторых местностях Иркутской губернии». В нее вошли предания, легенды, поверья, записанные, по всей видимости, В.П. Паршиным. В рукописи автор подписался как П-н также не известна дата написания работы, предположительно она была подготовлена в 1840-е гг. Исследователь обратил внимание на достопримечательности Верхнеудинска и со слов горожан зафиксировал легенды, связанные с часовней и крепостью. Исследовательский интерес у него вызвали курганы, расположенные за городом [5. Д. 38. Л. 4].

Среди архитектурных достопримечательностей Верхнеудинска были три каменные и одна деревянная церкви, одна деревянная и одна каменная часовни. Лучшими городскими улицами считались Большая и Береговая [Там же. Д. 15. Л. 320]. Мемуарист описывал центральную часть города: «Большая улица обставлена каменными зданиями. Много домов красивой архитектуры, особенно отличается от других щеголеватый дом купца Курбатова. Каменный гостинный двор соответствует своему назначению» [4. С. 38]. Искреннее восхищение В.П. Паршина внешним видом Верхнеудинска разделяли современники. Ю.А. Гагемейстер лаконично поделился своим впечатлением: «Вид города очень красив. Большая улица, каменные здания» [6. С. 181]. Кроме Верхнеудинска приятное впечатление на В.П. Паршина произвел другой уездный городок Забайкалья – Селенгинск. «В старинном городе, – отмечал он, – красивая архитектура, каменная церковь и каменный гостинный двор» [5. Д. 15. Л. 324].

В путевых записках исследователь особое место занимал его родной город Иркутск. Он считал, что «по красоте местоположения и сосредоточенности населения Иркутск был значительнее Красноярска, Томска, Тобольска и даже Перми. И только по числу и величине он уступал Томску» [7. С. 9]. Автор отмечал великолепие и красоту губернского центра. Он насчитал в городе 16 каменных церквей. По воспоминаниям чиновника В.И. Вагина, в 1840-е гг. Иркутск был исключительно деревянным городом. На Большой улице располагались двухэтажные деревянные дома в три окна и с превысокими крышами [8. С. 75]. В.П. Паршин объяснял отсутствие каменных домов дороговизной материала для строительства и распространенным среди иркутян мнением о вредности подобных зданий для здоровья [5. Д. 15. Л. 202]. В то же время, по мнению В.И. Вагина, Иркутск тех лет был небольшим провинциальным городом. Он писал: «Уличного движения не было. Можно было пройти всю Большую улицу и несколько побочных улиц и не встретить ни одного человека» [8. С. 75].

Побывав в 1849 г. в Красноярске, В.П. Паршин поделился впечатлениями о внешнем облике города. К достоинствам были отнесены планировка, широкие и прямые улицы, большое количество красивых каменных и деревянных домов. Хотя к этому времени центром золотопромышленности стал Енисейск, Красноярск сохранял следы былой роскоши. Доказательством служили огромные вывески магазинов и погребов. В городе сохранилась даже вывеска «скрыпок». Наряду с показной роскошью не могла остаться

незамеченной убогость деревянного гостиного двора, представлявшего довольно жалкий вид. В городе была спокойная и размеренная жизнь, что позволило мемуаристу сравнить Красноярск со «спящей барыней, утомленной после бала» [7. С. 45].

В отношении других городов Восточной Сибири автор был сдержан, они не вызвали у него такого восторга, как Верхнеудинск, Иркутск и Красноярск. Находясь на службе в Троицкосавске в 1833–1835 гг., он оставил краткое описание о внешнем облике города. «Большая улица простиралась через весь город, – писал В.П. Паршин, – и по возможности старалась быть прямой. Она застроена довольно приятной архитектурой, деревянными дворами» [Там же. С. 74]. Автор не мог не отметить неудобства от песчаного грунта на городских улицах. В летнюю жару песок нагревался и создавал опасность для горожан. Василий Петрович заметил: «Пешеходы вязнут в песке, экипажи поднимали нестерпимую пыль» [Там же].

Василий Петрович, описывая внешний облик Нерчинска, представил неприглядную картину города. «Строения вообще выражают большую бедность, – заметил он, – сколько жалкие средства города, а не менее того и личное бездействие самих жителей, мешают домостроительству» [5. Д. 13. Л. 60]. По мнению автора, привлекательный вид Нерчинску придавали «живописные окрестности и горы». Центральной части города он посвятил следующие строки: «Лучшая часть города – это середина, так называемая Купецкая улица, украшенная вновь выстроенным каменным гостинным двором, в правой стороне от него стояли в одну линию три каменные здания» [Там же. Л. 59]. У современника В.П. Паршина Ю.А. Гагемейстера сложилось схожее впечатление о Нерчинске. Он заметил, что в основном дома нерчан были «с полуразвалившимися кровлями, плетневыми заборами и окнами затянутыми пузырем, сальной бумагой или берестой с вставленными стеклышками». Подобный непрезентабельный вид жилищ свидетельствовал о бедности местных жителей. В целом Ю.А. Гагемейстер согласился с Паршиным о том, что «окрестности города приятны, но сам город имеет унылый вид» [6. С. 185].

В.П. Паршин описывал новую часть города, но при этом не упомянул старый Нерчинск. Еще в 1812 г. из-за постоянных угроз наводнения город перенесли на четыре версты вверх по левому берегу Нерчи. С тех пор Нерчинск подразделялся на старый и новый город. Старый Нерчинск выглядел гораздо хуже и постепенно приходил в запустение. По этому поводу в 1841 г. М.А. Зензинов упомянул: «Полуразрушенный вид старого Нерчинска, прежнего властителя Даурии. Одни развалины остались от твоей прежней красоты. Где были дома, стали камни и пустыри, поросли высокой полынью» [9. Д. 16. Л. 3].

Василий Петрович уделил внимание описанию быта местного населения. По его наблюдениям, большинство сибирских городов сохраняли деревенский уклад. Основная масса жителей восточно-сибирских городов по образу жизни и занятиям была подобна сельчанам. По мнению автора, «быт сельский замечен – от постройки домов до образа жизни и

одежды жителей» [7. С. 37]. При описании занятий нерчан мемуарист заметил, что городской быт имел много сельского, так как большая часть местных жителей занималась хлебопашеством и скотоводством. В.П. Паршин писал о сохранении деревенских нравов в городе: «Та же простота и радушие, и русское хлебосольство, и тот же гомерический образ жизни» [5. Д. 13. Л. 68].

В Нижнеудинске, считавшемся одним из беднейших городов Иркутской губернии с неразвитой торговлей и промышленностью, местные жители занимались хлебопашеством, скотоводством и звероловством. Город отличался дороговизной на все жизненно важные припасы. Однако это не мешало нижеудинцам жить «весело, дружно и даже роскошно» [Там же. Д. 15. Л. 288]. В.П. Паршин заметил, что город оживал в зимнее время с приездом торговцев и золото-промышленников [Там же. Л. 289]. Автор выделил города с развитой торговлей. Он считал, что Троицкосавск «дышит довольством и торговой деятельностью» [4. С. 74]. Также отмечал, что в Кяхте живут одни купцы и должностные лица [5. Д. 15. Л. 476].

Интересны наблюдения исследователя о занятиях местных жителей. По его замечанию, в Нерчинске ремесленным производством занимались преимущественно поселенцы. Среди них было много портных, сапожников, плотников и кузнецов. В то же время в городе отсутствовали часовщики, живописцы, грагильщики. В.П. Паршин писал, что из-за лености и неисполнительности мастеровые теряли доверие и работу. Женская часть Нерчинска занималась огородничеством и табаководством. Немногие из простолюдинов решались наниматься в прислуги. Они предпочитали переносить дома лишения, нежели подчиняться воле хозяев [Там же. Д. 13. Л. 68 об.]. Автор заметил, что занятие мещан мелочной торговлей являлось больше предлогом для времяпрепровождения. На деле они не проявляли усердия в любом деле и «оттого во внешности хозяев и их домов выражается сильная бедность». Он называл мещан «ленивцами и дурными хозяевами, которые склонны к плутовству и обману». Причину нежелания работать автор объяснял наследственной чертой местных жителей в результате смешения русских с монголами. Слияние разных кровей проявлялось как «в очерке их лиц, так и в движениях тяжелых, неловких и медленных» [Там же. Л. 68].

Практически во всех городах Восточной Сибири ощущалась нехватка квалифицированных ремесленников. Даже в губернском центре Иркутске многие мастера ремесленного производства приобрели дурную репутацию, они плохо и небрежно выполняли заказы. Путевые записки информировали о хвостовстве и шарлатанстве местных ремесленников [Там же. Д. 15. Л. 232].

Учитывая интересы читательской аудитории, Василий Петрович описывал нравы и досуг местных жителей. Отличительной особенностью Верхнеудинска от других городов Иркутской губернии было то, что местные мещане вели уединенный образ жизни и не любили сближаться с чиновниками [Там же. Л. 323]. Вообще горожане отличались грубой нелюдимостью и предпочитали развлекаться и получать

удовольствие в кругу своих семей. По наблюдениям исследователя, подобное поведение было свойственно только верхнеудинцам [4. С. 39]. В результате общения с богатыми горожанами Верхнеудинска В.П. Паршин заметил, что «в их нравах было, что-то грубое, угловатое, отталкивающее». В то же время чиновничья среда произвела на него приятное впечатление. Как правило, чиновники «жили дружно, весело и роскошно, ставя последнюю копейку ребром». В путевых записках отмечалось, что летом они любили устраивать гулянья в пригороде, в зимнее время их повседневная жизнь состояла из карточных игр и маскарардов на святках [5. Д. 15. Л. 323].

Автор рассмотрел особенности характера сибиряков. Он отмечал, что для некоторых из них была свойственна скрытность, которую они переняли у инородцев. Подобная черта являлась характерной для тех русских переселенцев, которые сталкивались по жизненным или служебным обстоятельствам с «неравными силами, занесенными в Сибирь издалека». В целом В.П. Паршин считал, что у сибиряков «откровенный, веселый и несколько насмешливый характер». Он писал: «Твердость характера и сила воли в Сибири не редкость. Здесь встречаются люди с отличительными способностями, что не должно удивлять» [Там же. Д. 13. Л. 70 об.].

Значительное место в путевых записках В.П. Паршин уделил жителям своего родного города Иркутска. О простых иркутянах он с искренностью отзывался как о «добром и честном народе, с бойким смешливым умом и с веселым и насмешливым характером». Автор наделил горожан следующими качествами: опрятность, трудолюбие и деятельность. В целом иркутяне отличались «искренним радушием и гостеприимством, сердечной приветливостью и лаской ко всем приезжим» [Там же. Д. 15. Л. 236]. Подобными качествами обладали жители Нерчинска. Гостеприимство, радушие и хлебосольство были свойственны нерчанам. По мнению автора, доброжелательность проявлялась в отношении горожан друг к другу. «Интриги и сплетни – непереманные условия маленьких городов, здесь еще неглубоко пустили свои корни» [Там же. Д. 13. Л. 70].

Исследователь обратил внимание на стремление иркутян разных социальных слоев к щегольству и позерству. При этом для них не имели значения рост цен и дороговизна. «Даже мелочник торгует в сюртуке из тонкого сукна, – заметил мемуарист, – а зимой щеголяет в лисьей шубе. А если вознесся до лавочного торговца, то уже непременно должен иметь енотовую шубу и шапку отороченную бобром» [Там же. Д. 15. Л. 225]. Особенно отличались купцы, которые «жили совершенными барами, окружали себя блеском и роскошью». Купеческие жены и дочери, осыпанные бриллиантами, вызывали зависть у остальной женской части Иркутска. Купцам принадлежали лучшие меблированные дома, выписанные из столицы экипажи, заводские лошади и столы с каскадом заморских вин. В.П. Паршин заметил стремление чиновников и дворян не отстать от купцов. В неравном соперничестве они «бились из-за всех сил, чтобы поддержать хоть наружное свое значение». Им приходилось отказывать себе во всем, чтобы опла-

тить хотя бы дорожную шубу или шинель. Однако в этом состязании чиновники по причине своей бедности не могли стать достойными конкурентами. В итоге автор пришел к выводу, что высшим сословием Иркутской губернии является местное купечество [5. Д. 15. Л. 227].

В целом в путевых записках В.П. Паршина содержится ценная информация по истории сибирских городов второй четверти XIX в. Автор на основе собственных наблюдений стремился дать полную информацию о внешнем облике, образе жизни, занятиях, обычаях и нравах городского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. URL: // www. dis. academic.ru > dis. nsf/ enc_ biography/98951/ Паршин (дата обращения: 19.10.2017).
2. URL: // www. http: reftop.ru> istoriya-malenekoj-chiti-bila-istoriej... (дата обращения: 19.10.2017).
3. Матханова Е.И., Матханова Н.П. Круг чтения молодого сибирского чиновника: книга в становлении В. И. Вагина // Городская культура Сибири: традиции и новации. Новосибирск : ИИ СО РАН, 2002. С. 29–41.
4. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. М., 1844. Ч. I. 208 с.
5. Архив Русского географического общества. Разряд 59. Оп. 1.
6. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. II. 748 с.
7. Паршин В.П. Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное в 1849 г. В.П. Паршиным. М., 1851. 230 с.
8. Мемуары сибиряков XIX века / сост. Н.П. Матханова. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 346 с.
9. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 333. Оп. 1. Д. 16.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 января 2018 г.

TOWNS OF EASTERN SIBERIA IN THE SECOND QUARTER OF THE 19TH CENTURY IN VASILY PARSHIN'S TRAVEL NOTES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 108–111.

DOI: 10.17223/15617793/428/14

Tatyana A. Kiskidosova, Khakassian Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: tak_74@mail.ru

Keywords: V.P. Parshin; memoirs; travel notes; cities; Eastern Siberia.

The article analyzes the works of the Siberian ethnographer Vasily Parshin about various aspects of everyday life of the cities of Eastern Siberia in the second quarter of the 19th century. Vasily Parshin is a Siberian memoirist, educator and writer of the first half of the 19th century. He prepared several manuscripts on local history and was a member of the intelligentsia of Transbaikalia. His works covering a variety of aspects of life in Siberian towns became widely known. His works are classified as travel notes and are included in the corpus of Siberian memoirs. The main works of the author are identified and the informative value of travel notes for researchers is shown. Some manuscripts are unpublished and stored in the Archive of the Russian Geographical Society. The main purpose of writings was to make readers familiar with the distant and little-known region of the Russian Empire. The works focused on the towns of Transbaikalia and on Irkutsk, which was connected with Parshin's preferences and research objectives. The researcher studied other towns of eastern Siberia to a lesser extent. In his works, Parshin described the appearance of the towns and assessed town infrastructure. He relied on his own experiences and observations; he considered various aspects of town residents' life. Parshin also described citizens' everyday culture. According to his observations, most of the towns continued a rural way of life. The way of life and occupations of the bulk of townspeople were similar to those of rural residents. The author paid attention to activities of the town population and tried to identify the causes of underdevelopment of the towns. Taking into account reader interests, the memoirist described the manners and leisure time of townspeople. He showed specific features of residents of different towns in illustrative examples. On the basis of his personal observations, Parshin determined the features of the local people's psychology. Thus, his travel notes are a valuable historical source in the study of everyday life of Russian provincial towns. On the basis of his own observations, Parshin strove to give full information about the external appearance, way of life, occupations, customs and morals of the town population.

REFERENCES

1. [Online] Available from: www.dis.academic.ru/dis.nsf/enc_biography/98951/Parshin. (Accessed: 19th October 2017).
2. [Online] Available from: http://www.reftop.ru/istoriya-malenekoj-chiti-bila-istoriej. (Accessed: 19th October 2017).
3. Matkhanova, E.I. & Matkhanova, N.P. (2002) Krug chteniya mladogo sibirskogo chinovnika: kniga v stanovlenii V.I. Vagina [Circle of reading a young Siberian official: a book in the formation of V.I. Vagin]. In: Pokrovskiy, N.N. et al. (eds) *Gorodskaya kul'tura Sibiri: traditsii i novatsii* [Urban Culture of Siberia: Traditions and Innovations]. Novosibirsk: IIR SB RAS.
4. Parshin, V. (1844) *Poezdka v Zabaykal'skiy kray* [A trip to Zabaykalsky Krai]. Pt. 1. Moscow: v tipografii Nikolaya Stepanova.
5. Archive of the Russian Geographical Society. Unit 59. List 1.
6. Gagemeyster, Yu.A. (1854) *Statisticheskoe obozrenie Sibiri* [Statistical overview of Siberia]. Pt. 2. St. Petersburg: tip. II Otd. Sobstv. e. i. vel. kantselyarii.
7. Parshin, V.P. (1851) *Opisanie puti ot Irkutsk do Moskvy, sostavlennoe v 1849 g. V.P. Parshinym* [Description of the route from Irkutsk to Moscow, compiled in 1849 by V.P. Parshin]. Moscow: v tip. Aleksandra Semena.
8. Matkhanova, N.P. (2003) *Memuary sibir'yakov XIX veka* [Memoirs of Siberians of the 19th century]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
9. State Archive of Zabaykalsky Krai. Fund 333. List 1. File 16.

Received: 15 January 2018

ФОРМИРОВАНИЕ СИБИРСКОЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ БЮРОКРАТИИ В XVIII в.

На основании дореволюционного законодательства комплексно рассматривается процесс формирования сибирской полицейской бюрократии. Государственное администрирование в XVIII в. как деятельность специальных органов исполнительной власти не было отделено от правоохранительной, полицейской деятельности, в регионе было прочное единство и даже слияние административных и полицейских органов. Автор приходит к выводу о том, что полномочия административно-полицейских органов в регионе имели свою специфику и были значительно более широкими, чем в центральных губерниях Российской империи.

Ключевые слова: История Сибири; власть; местное управление; реформа; администрация; губернатор; полиция; полномочия; выборы; национальная политика.

Возникновение местного управления в Сибири было связано с общими процессами социально-экономического и политического развития России, а также с колонизацией края. Освоение региона началось с Западной Сибири. В 1586 г. воеводы В. Сукин и И. Мясной основали Тюмень, в 1587 г. Д. Чулков заложил Тобольск, в 1593 г. возникли Пелым и Березов, на следующий год были построены Тара и Сургут, в 1598 г. – Нарым, а в 1604 г., в правление Бориса Годунова, – Томск. При Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче владения России распространялись уже до Тихого океана, были присоединены почти вся современная Сибирь и Дальний Восток. В начале XVIII в., при Петре I, в состав Российского государства вошли полуостров Камчатка и прилегающие к нему части материка. Во второй половине XIX в., в правление Александра II, были присоединены Приамурский край и остров Сахалин. Административное устройство и территориальное деление Сибири складывались по мере открытия и освоения русскими первопроходцами Сибири и Дальнего Востока начиная с XVII в. [1. С. 21].

Российское государство, включая в свой состав тот или иной сибирский регион, начинало с его властного освоения, интеграции в государственно-правовое поле страны, в дальнейшем используя окраинные территории как военно-экономические плацдармы для дальнейшего расширения. Расширение на восток Сибири не было ограничено военной экспансией и административно-территориальным закреплением присоединенных земель в Российское государство. Параллельно велось утверждение обычного права крестьян и казаков, игравших главную роль в колонизации, а также корпуса действующих нормативно-правовых актов на окраинах. В процессе формирования системы административного управления регионом переплетались внутривластный и внешнеполитический аспекты правительственного курса сибирской политики. Основной вектор внешнеполитического курса был направлен острием на реализацию, через оптимальную систему регионального управления, планов дальнейшего расширения российского влияния в крае. Внутривластный аспект деятельности коронного правительства был направлен на создание особой модели администрирования сибирской окраины, которая, учитывая особый статус региона, обеспечила бы его слияние с единым административным и правовым полем Российского государства.

Присоединение и интеграция сибирских территорий в XVI–XVII вв. в общероссийскую систему осуществлялись средствами сибирской административной модели, приспособленной к условиям удаленной от центра, пограничной местности, своеобразной по этноконфессиональному составу населения, с низким уровнем плотности его расселения и слабым развитием экономики. Преобладание славяноязычного населения над коренными жителями, отсутствие серьезного сопротивления при присоединении придало Сибирскому региону особые черты среди окраинных территорий Российского государства и предопределило появление особенностей еще на стадии формирования правовой основы сибирского регионального администрирования.

Специфической чертой сибирского администрирования с самого начала была также большая самостоятельность государственного аппарата, чем в центре страны. Она обуславливалась отдаленностью от центра и отсутствием в регионе дворянских корпораций, в связи с чем контролирующие, судебные и попечительские функции, выполнявшиеся в центре дворянством, в Сибири возлагались на государственных служащих.

С установлением институтов абсолютной монархии в империи в XVIII в. была создана, по сути, новая модель сибирского местного управления. Созданную Петром I новую ветвь государственной деятельности – полицейскую, последующее, главным образом екатерининское, законодательство возлагало на губернаторов. Согласно «Учреждениям для управления губерний» 1775 г. губернатор как руководитель всего управления губернией являлся начальником для всех полицейских органов, созданных для обеспечения подданным безопасности и благосостояния [2. С. 39]. Государственное администрирование как деятельность специальных органов исполнительной власти не было отделено от правоохранительной, полицейской деятельности, в регионе было прочное единство и даже слияние исполнительных и полицейских органов. Верховная власть, создавая полицейские органы, не имела четкого представления об их функциях, что, несомненно, отражалось на деятельности сибирского полицейского аппарата. В данном случае под полицией понималась вся совокупность местных государственных учреждений и органов, деятельность которых была направлена как на противодействие преступности в широком смысле этого слова и борьбу со

всем, что нарушало общественный порядок и посягало на личную и имущественную безопасность подданных, так и на саму организацию местного сибирского управления.

К концу XVIII в., после распространения на регион «Учреждений для управления губерний» 1775 г. и «Устава благочиния или полицейского» 1782 г. был создан специализированный и военизированный административно-полицейский аппарат, который стал на долгие годы опорой коронной власти. Это привело к ограничению круга субъектов, которые были наделены административно-полицейскими полномочиями. В результате государственно-правовых преобразований XVIII в. оформились разветвленные и специализированные административно-полицейские бюрократические институты, которые были основаны на разграничении управленческих полномочий, при единоличном решении возникающих проблем и их предварительном коллегиальном обсуждении, а также системе особых учреждений надзора и контроля за их деятельностью.

Возникновение полицейской бюрократии находилось в непосредственной связи со становлением в стране абсолютизма. Абсолютизм (полицейское государство) являлся способом реализации этикратических идей – попыткой организации государства, которое стояло бы над социально-классовыми группами того времени. В стремлении доминировать над всеми сословными группами абсолютизм не мог опираться ни на какую из них. Поэтому возникала потребность в создании особой категории людей, которые в известной мере стояли бы вне сословий и непосредственно занимались государственной службой. Оторванные от общества, эти люди, обязанные всем монарху, являлись послушным инструментом в его руках [3. С. 4]. Из них образовался сплоченный класс, сибирская полицейская бюрократия.

Принятие «Табели о рангах», создание новых административно-полицейских органов выдвинули на первый план вместо вопроса о происхождении того или иного человека, наделенного государственно-властными полномочиями, принцип личных заслуг, а также прохождения по служебной вертикали. Были изменены и принципы вознаграждения: вместо служилых окладов, которые прежде были главным образом поместными, была установлена постоянная заработная плата для лиц, состоявших на государственной службе. В результате высшее и среднее звено гражданских администраций оформилось в бюрократическую группу [4. С. 238]. Уже в начале XVIII в. вместо прежней, воеводской «государевой» службы были заложены основы государственной службы, характеризовавшейся большей публичностью. Начался процесс оформления класса сибирской полицейской бюрократии как круга привилегированных лиц, осуществлявших местное управление.

Сибирская полицейская бюрократия сразу же стала «всесословной» по социальному происхождению группой, которая была оторвана условиями полицейской службы от предпринимательских отношений и полностью зависела от государственного жалованья. В «Учреждениях для управления губерний» 1775 г. [5]

и «Уставе благочиния или полицейском» 1782 г. [6] отсутствовали требования к сословной принадлежности, возрасту, конфессиональной принадлежности, образовательному цензу и имущественному состоянию работников полиции. Служение монарху они обязывались осуществлять в соответствии с нормами права и жесткой организационной дисциплиной. «Устав благочиния или полицейский» 1782 г. представлял образ идеального сотрудника полиции, лишённого пороков и недостатков: он обязан был проявлять человеколюбие, добросовестное отношение к службе, стремиться к достижению общего добра, чинить справедливый суд, руководствоваться законом, покровительствовать невинному и скорбящему, воздерживаться от мзды, ибо она «ослепляет глаза и развращает ум и сердце, уста же налагает узду» [7. С. 334].

В Сибири, наряду с трудностями организации администрирования, в целом присущими империи, такими как обширность территорий, нехватка подготовленных, квалифицированных кадров администраторов, сложность в осуществлении контроля, имели место специфические проблемы, которые были связаны с местной сибирской спецификой. К таким проблемам относилась большая самостоятельность местной власти, чем в центре империи. Кроме того, отсутствие дворянства и дворянского самоуправления освобождало полицейских чиновников от контроля со стороны их корпоративной организации. Другой особенностью региона стало его окраинное положение и роль места каторги и ссылки. Первое известие о массовой ссылке в Сибирь относится еще к 1593 г., когда г. Пелым был заселен жителями Углича, сосланными за восстание после убийства царевича Дмитрия [8. С. 57]. В указе императрицы Анны Иоанновны говорилось: «Нам стало известно, что в Сибири служат воеводами выходцы из казаков и купцов, добившиеся офицерских чинов, не грамотными, а некоторые, без службы, были записаны из казаков в дворяне, и даже беглые и бывшие холопы были определены в воеводы. Они служат с целью обогащения. Мы постановили, чтобы немедленно в Сибирь отправить служить воеводами дворян» [9. С. 279]. Однако указ оказался невыполним. В крае даже было разрешено замещение вакансий на государственной службе ссылными, поскольку важнейшей проблемой системы управления регионом был недостаток квалифицированных кадров администраторов низшего звена.

К концу XVIII в. стало заметным устранение армии от выполнения административно-полицейских полномочий – произошла окончательная специализация армии и регулярной полиции. Однако характерной чертой периода возникновения сибирской администрации являлась ее военизированная организация. Первоначально на административно-полицейскую службу переводились казаки или армейские офицеры. Сибирская полицейская бюрократия была социально неоднородна: высшая происходила из дворянства, средняя – из беспоместных обедневших или сибирских дворян и казаков, канцеляристы – из представителей податных сословий.

Низшие полицейские чины пополнялись унтер-офицерами и солдатами старшего возраста, выпол-

нявшими рекрутскую повинность, но по состоянию здоровья ставшими непригодными к строевой службе. На помощь малочисленной полиции нередко откомандировывались казахи и воинские подразделения. На уровне волостей вообще не существовало штатных полицейских должностей. В огромных по своей территории сибирских уездах было только несколько аттестованных сотрудников полиции, в частности ее начальники – земские исправники и земские заседатели [5].

Коронное правительство стремилось не просто заполнить вакансии в административно-полицейских органах, оно также желало выдержать определенные критерии при подборе сотрудников. Однако недостаток подготовленных работников, нехватка материальных средств, рутинное состояние системы образования в крае, наличие сословных ограничений заставляли верховную власть ограничивать кадровую политику заполнением вакансий, мирясь с низким качеством сибирской полицейской бюрократии. Взятка в XVIII в. в глазах многих полицейских не была предосудительным делом. Оправдывалось это тем, что государство отпускало полицейским мизерное содержание и как бы узаконивало этим коррупцию. Для рядового полицейского взятка являлась необходимым средством для существования. Уличенный во взяточничестве полицейский находил среди своих сослуживцев не осуждение, а даже сочувствие как «жертва». Как незаслуженное несчастье воспринималось им наказание.

Профессиональная подготовка сибирских полицейских строилась почти исключительно на личном опыте работы и его передаче по принципу: научился сам – научи другого, а также на перемещении сотрудников из одной должности в другую, с одних территорий на другие. Сибирские администраторы имели слабую теоретическую подготовку, а часто у них даже не было какого-нибудь систематического образования. Это понижало профессиональный уровень служащих сибирских административно-полицейских органов. Однако система перемещений по службе давала возможность иметь на ключевых должностях полицмейстеров, городничих и земских исправников людей, неоднократно испытывавших на практике все элементы и методы административно-полицейской деятельности.

Огромная территория, неразвитость коммуникаций, слабая интенсивность социально-экономических и политических связей порождали бесконтрольную автономность в действиях местных полицейских органов, недостаточно обеспеченных соответствующей правовой базой. Отдаленность и огромные размеры Сибири порождали неслыханный произвол со стороны местной полицейской бюрократии. История местного сибирского управления XVIII в. – это почти непрерывная череда должностных злоупотреблений и коррупции.

В известной степени коррупцию можно рассматривать применительно к XVIII в. как пережиток системы кормлений, официально существовавшей в России до середины XVI в. Большинство сибирских полицейских продолжали рассматривать службу не только как государственную, но и как главный источник пополнения личного бюджета, превращая свою должность в доходное место. Такое положение на окраине было более

заметным и живучим, чем в центральных губерниях империи, где профессиональный уровень сотрудников и их материальное обеспечение отличались от Сибири в лучшую сторону. Усугублялось положение в регионе также отсутствием должного контроля и противовеса в местном управлении со стороны дворянских землевладельцев.

М.П. Гагарин, первый губернатор Сибири, был повешен за «неслыханное воровство» в 1721 г. Он утаил хлеб, купленный на Вятке для продажи за границей, велел брать казенные деньги и товары на свои расходы, брал взятки за отдачу на откуп винной и пивной продажи, угрожал купцу Гусятникову, чтобы тот прислал ему китайские подарки, что и было исполнено. Взял у купца Карамышева казенные товары и заплатил за них казенными же деньгами, взял у князя Долгорукова для китайской торговли товары без оценки и, не дождавшись купца с караваном, велел выдать деньги вдвое. Удержал три алмазных перстня и алмаз в гнезде, купленный на деньги царицы Екатерины Алексеевны, взял себе товары из караванов купца Худякова и, приняв у купца книги этих караванов, сжег [10. С. 57].

В 1717 г. была учреждена под руководством генерал-майора И.Д. Дмитриева-Мамонова комиссия для проведения следственно-розыскных действий по поводу злоупотреблений, совершенных сибирским губернатором М.П. Гагариным. Член комиссии лейб-гвардии капитан М. Пущин, проводя оперативно-розыскные и следственные мероприятия, установил, что право повышать государственных служащих в должностях и званиях сибирская администрация использовала для личной наживы. При этом действовало неписаное правило, по которому соискатель при приеме на службу или повышении в должности был обязан дать взятку в размере годового денежного оклада начальнику, оформлявшему ему продвижение по службе [11. С. 137].

Иркутскому вице-губернатору А. Желобову, который «злостными вымыслами, из великих себе взяток составил огромное состояние», в 1730 г. отрубили голову. Желобов «забирал тунгусских зайсанов и шуленг в Нерчинск, выданные им нерчинской канцелярией императорские указы отбирал и взяв с них взятки, давал им указы от себя <...> привезенных в Иркутск без поличного двух человек, не исследовав, Желобов безвинно жег огнем и один от этого умер» [10. С. 58].

В своей деятельности сибирские полицейские чиновники достаточно часто прибегали к настоящему произволу. В правление Елизаветы Петровны, в 1758–1760 гг., иркутские купцы встали на пути коммерческих интересов (обогащения винным откупом) генерал-прокурора Сената Глебова. В Иркутск был прислан следователь П. Крылов, который велел в магистрате все, что касалось питейных сборов, изъять, опечатать, а членов магистрата арестовать. Он умышленно сочинил бургомистру Бречалову и ратману Слезову повинные и по этим повинным бил более семидесяти купцов палками и плетью, без допросов подвешивал на дыбе. П. Крылов посадил под арест и заковал в цепи 74 купца, опечатал их лавки и дома и возбудил дела еще против 100 купцов. В ходе прово-

димого расследования от пыток на дыбе один купец умер. Все закончилось тем, что иркутские купцы вручили Крылову огромную взятку в 155 тыс. руб. Самоуправство Крылова вылилось в сечение плетью поручика Юсупова и его жены за «партикулярную свою обиду», а также в арест иркутского вице-губернатора Вольфа и присвоение себе его должности. Сенат постановил наградить Крылова деньгами и впредь обладал награждением. Ситуация изменилась только с восшествием на престол Екатерины II, которая уволила Глебова. Против Крылова было возбуждено уголовное дело, но не столько за погром в Иркутске, а прежде всего за то, что прикрепил к государственному гербу дощечку со своим именем. Крылов был высечен в месте своих злодеяний – Иркутске, и был сослан на пожизненную каторгу [10. С. 65]. Деяния Крылова Екатерина II оценила следующими словами: «Столь страшные последствия имеют те дела, которые страстью производятся, и до каких дерзостей доводят, когда вместо законов страсть ими руководствует, чего нигде так не видно, как из этого дела» [11. С. 4].

Однако всех местных сатрапов и самодуров превзошел крестник императрицы Екатерины II, командир Нерчинских горных заводов В.В. Нарышкин. Он перепутал государственный бюджет с собственным карманом, создал целый гусарский полк, укомплектованный в основном из каторжан-уголовников. Повздорив с иркутским губернатором, Нарышкин «объявил ему войну» и решил штурмовать Иркутск. Войско Нарышкина двину-

лось на город с барабанным боем, колокольным звоном, по пути грабя купеческие обозы и обывателей. Поход закончился арестом Нарышкина, которого отправили в столицу. Императрица Екатерина II в наказание лишь пожурив крестника, назвав его «шалуном» [12. С. 34].

Ситуация усугублялась несоответствием высокого социального статуса, сообщаемого должностью на государственной службе, и относительно невысоким материальным содержанием сибирских администраторов [13. С. 101]. Это создавало и в последующие столетия дополнительные стимулы для существования коррупционной системы. Для подтверждения своего довольно высокого общественного положения государственные служащие в XVIII в. искали дополнительные источники доходов, занимаясь не только предпринимательством, но взяточничеством и казнокрадством. Верховная власть, не имея возможностей создать достойный прожиточный уровень местным администраторам, была вынуждена смотреть сквозь пальцы на коррупцию, процветавшую в Сибири, преследуя лишь единичные и вопиющие случаи [14. С. 82]. Несмотря на то, что значительная часть полицейских добросовестно выполняла свои служебные обязанности, правонарушения, совершенные ими, накладывали крайне негативный отпечаток на отношение к органам полиции у большинства населения края. Уже в XVIII в. слова «сыщик» и «полицай» приобрели ругательное, негативное значение в лексиконе и сознании у большого числа сибиряков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иркутский край. Четыре века. История Иркутской губернии (области). XVII–XXI вв. / под ред. Л.М. Дамешек. Иркутск : Востсибкнига, 2012. 800 с.
2. Лохвицкий А. Губерния. Её земские и правительственные учреждения. СПб., 1864. Ч. 1. 221 с.
3. Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904. 136 с.
4. Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 205–210.
5. Учреждения для управления губерний (№ 14392) // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 20.
6. Устав благочиния или полицейский (№ 15379) // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 21.
7. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М., 1984. Т. 5. 512 с.
8. Памятная книжка Иркутской губернии на 1901 год. Иркутск, 1901. 73 с.
9. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск : Вен-Мер, 1995. 675 с.
10. Прутченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб., 1899. Т. 1–2.
11. История Сибири. М. ; Л.: Наука, 1968. Т. 2–3.
12. Альтшулер М.И. Земство в Сибири. Томск, 1916. 449 с.
13. Гурьев Н.А. Сибирские чиновники былого времени // Дорожник по Сибири и Азиатской России. Томск, 1901. Кн. 3. С. 31–38.
14. Коновалов И.А. Управление и полиция Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. М. : Инфра-М, 302 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 марта 2017 г.

FORMATION OF THE SIBERIAN POLICE BUREAUCRACY IN THE 18TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 112–116.

DOI: 10.17223/15617793/428/15

Igor A. Kononov, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: konov77@mail.ru

Keywords: history of Siberia; power; self-government; reform; administration; governor; police; authorities; elections; national policy.

Based on pre-revolutionary legislation, the article comprehensively considers the formation of the Siberian police bureaucracy. The growing interest in the history of local government is connected not only with the aspiration of historians to look more deeply into the past but also with practical needs. A study of the forgotten traditions of public administration allows taking greater account of historical experience that has been accumulated over the centuries. We also need to take a look at the already known facts and events in the light of today's realities. This approach may help overcome the old myths and misconceptions and also prevent the birth of new ones. The theoretical and methodological basis of the research was such principles of historical knowledge as objectivity, historicism, determinism, alternativeness and a social approach which assume an unbiased approach to the analysis of the researched problems, as well as a critical attitude to the sources. State administration in the 18th century was not separated from police activities,

administrative and police authorities in the region were de facto merged. A specific feature of the Siberian administration was the greater autonomy of the political machinery than in the country's center. It was conditioned by the remoteness from the center and by the absence of noble corporations in the region, so the controlling and judicial functions which in the center were performed by the nobility were laid on civil servants in Siberia. The author concludes that the powers of the administrative and police authorities in the region had their own features and were much broader than in the central provinces of the Russian Empire. Moreover, the absence of the nobility and noble self-government exempted police officers from control by the noble corporate organization. Another feature of the region was its peripheral status and role of a *katorga* [penal labor] area. A characteristic feature of the Siberian administration was its militarized organization. Siberian administrators had weak theoretical training, and often they did not even have any systematic education. This lowered the professional level of the employees of the Siberian administrative police bodies. However, the system of transfers in the service made it possible to have people in key posts who had repeatedly experienced all the elements and methods of administrative and police activities. The vast territory, the underdeveloped communications, the weak intensity of socio-economic and political ties generated uncontrolled autonomy in the actions of the local police bodies that were not adequately provided with an appropriate legal basis. The remoteness and huge size of Siberia generated unprecedented arbitrariness from the local police bureaucracy. The history of the Siberian local government in the 18th century is an almost continuous series of service abuses.

REFERENCES

1. Dameshek, L.M. (ed.) (2012) *Irkutskiy kray. Chetyre veka. Istoriya Irkutskoy gubernii (oblasti). XVII–XXI vv.* [Irkutsk region. Four centuries. History of Irkutsk Province (Oblast). 17th–21st centuries]. Irkutsk: Vostsibkniga.
2. Lokhvitskiy, A. (1864) *Guberniya. Ee zemskie i pravitel'stvennye uchrezhdeniya* [Province. Its zemstvo and government agencies]. Pt. 1. St. Petersburg: tip. I. Bochkareva.
3. Gessen, V.M. (1904) *Voprosy mestnogo upravleniya* [Issues of local government]. St. Petersburg: Tip. i lit. A. E. Landau.
4. Demidova, N.F. (1964) Byurokratizatsiya gosudarstvennogo apparata absolyutizma v XVII–XVIII vv. [Bureaucratization of the state apparatus of absolutism in the 17th–18th centuries]. In: Druzhinin, N.M. et al. (eds) *Absolyutizm v Rossii (XVII–XVIII vv.)* [Absolutism in Russia (17th–18th centuries)]. Moscow: Nauka.
5. Russian Empire. (1830) *Uchrezhdeniya dlya upravleniya guberniy (14392)* [Institutions for the administration of provinces (No. 14392)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 20. St. Petersburg: II Otdelenie Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
6. Russian Empire. (1830) *Ustav blagochiniya ili politseyskiy (15379)* [Charter of the City Police Department (15379)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 21. St. Petersburg: II Otdelenie Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
7. Chistyakova, O.I. (ed.) (1984) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t.* [Russian legislation of the 10th–20th centuries: in 9 vols]. Vol. 5. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
8. Gubernskaya tipografiya. (1901) *Pamyatnaya knizhka Irkutskoy gubernii na 1901 god* [Memorable book of Irkutsk Province for 1901]. Irkutsk: gubernskaya tipografiya.
9. Slovtsov, P.A. (1995) *Istoricheskoe obozrenie Sibiri* [Historical overview of Siberia]. Novosibirsk: Ven-Mer.
10. Prutchenko, S.M. (1899) *Sibirskie okrainy. Oblastnye ustanovleniya, svyazannye s Sibirskim uchrezhdeniem 1822 g., v stroe upravleniya russkogo gosudarstva. Istoriko-yuridicheskie ocherki* [The Siberian borderlands. Regional regulations associated with the Siberian institution in 1822, in the management of the Russian state. Historical and legal essays]. Vols 1–2. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina.
11. Okladnikov, A.P. & Shunkov, V.I. (eds) (1968) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vols 2–3. Moscow; Leningrad: Nauka.
12. Al'tshuler, M.I. (1916) *Zemstvo v Sibiri* [Zemstvo in Siberia]. Tomsk: Tipo-Litografiya Sibirsk. T-va Pechatn. Dela.
13. Gur'ev, N.A. (1901) *Sibirskie chinovniki bylogo vremeni* [Siberian officials of the past]. In: *Dorozhnik po Sibiri i Aziatskoy Rossii* [Road guide on Siberia and Asian Russia]. Book 3. Tomsk. pp. 31–38.
14. Kononov, I.A. (2014) *Upravlenie i politsiya Sibiri v dorevolutsionnyy period: stanovlenie i razvitie* [Management and the police of Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development]. Moscow: Infra-M.

Received: 18 March 2017

А.В. Никулина, И.Д. Зольников, Я.В. Кузьмин, О.В. Софеев,
Д.А. Чупина, Н.В. Глушкова, Д.В. Пчельников

МЕТОДИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПОСЕЛЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ, РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ БАРАБИНСКОЙ НИЗМЕННОСТИ

Работа выполнена в рамках государственного задания, проект № 0330-2016-0018.

Работа посвящена методике анализа пространственного расположения поселений с помощью ГИС-технологий в рамках ландшафтной археологии на примере памятников эпохи бронзы – средневековья центральной части Барабинской низменности. Используемая методика применима к археологическому материалу полупустынных, степных и лесостепных регионов. Выявлены реальные закономерности локализации поселений, зависящие от особенностей климата и хозяйственной деятельности населения.

Ключевые слова: ГИС; ландшафтная археология; Барабинская низменность; палеоклимат; эпоха бронзы; ранний железный век; средневековье; хозяйственная деятельность; палеоландшафт.

Введение. Геоинформационные системы (ГИС) в археологии применяются около 30 лет. ГИС-технологии являются широко востребованной методикой при проведении пространственного анализа археологических объектов. В настоящее время наиболее успешно этот подход реализуется в рамках направления ландшафтной археологии. Центральное место в исследованиях этого направления занимают «культурные ландшафты» – сложные комплексы взаимодействующих природных и антропогенных компонентов [1]. В результате становления ландшафтной археологии были разработаны процедуры, методы и подходы (напр., [2–4]). Несмотря на то, что количество подобных работ постепенно возрастает (см. [5–7]), апробация ГИС-методов в ландшафтной археологии на российских материалах носит пока ограниченный характер. Это связано с тем, что ГИС-технологии еще не стали общеупотребимым инструментом в России, поскольку они требуют от археолога дополнительных знаний и навыков в смежных областях исследований. Предлагаемая авторами комплексная методика апробирована на территории центральной части Барабинской низменности (Новосибирская область, юг Западно-Сибирской равнины) и может быть применена к тем регионам России, для которых в голоцене были характерны полупустынные, степные и лесостепные ландшафты.

Методика и фактический материал. Как было отмечено выше, к настоящему моменту существуют разнообразные методы пространственного моделирования, применяемые в археологии. Остановимся на наиболее популярных из них [1, 2, 4, 7–9]. Совокупный анализ зон видимости (Cumulative Viewshed Analysis) позволяет при создании 3D модели изучаемой местности определить потенциал визуального обзора с определенной точки. Анализ энергетических затрат (Cost Distance Analysis) позволяет учесть энергетические затраты на преодоление расстояния по пересеченной местности. В результате моделируются кратчайшие пути до каких-либо объектов. При построении полигонов Тиссена (Thiessen Tessellation), также называемые диаграммами Дирихле (Dirichlet

diagrams) и диаграммами Вороного (Voronoi diagrams), строятся полигоны, обозначающие зону влияния каждой конкретной точки. Каждый точечный объект окружается многоугольником так, что его границы приходятся на середину расстояния между данной точкой и всеми соседними точками. В археологии эту ограниченную территорию рассматривают как потенциальную экономическую зону вокруг поселения. Для построения адекватной модели необходимо учитывать природные барьеры и вес поселения. Для определения компактности памятников прибегают к измерению плотности точек (Simply Density, Kernel Density). Также существует метод «система центральных поселений и сетка Кристаллера», при помощи которого выделяются поселенческие центры и строится модель системы расселения.

Выбор приемов и способов обработки данных в ландшафтной археологии предопределяется региональной спецификой. В условиях слаборасчлененного рельефа Барабы проведение анализов зон видимости и энергетических затрат вряд ли является целесообразным. Кроме того, в изучаемом регионе ограничена эффективность анализа потенциальных ресурсных зон при помощи построения сеток Кристаллера, полигонов Тиссена и плотностных карт, поскольку отсутствуют данные о том, какие поселения, относящиеся к одной культуре, функционировали одновременно, а какие сменяли друг друга во времени.

Барабинская низменность с высотами в среднем от 90 до 110 м над уровнем моря расположена в южной части Западно-Сибирской равнины на междуречье рек Оби и Иртыша. Согласно традиционным представлениям о геолого-геоморфологическом строении территории [10–12], для Барабинской низменности выделяется две зоны: 1) равнинная (северная); 2) гривно-котловинная (центральная и южная). Северо-западная часть первой зоны характеризуется большим количеством глубоко врезанных рек и ручьев; восточная часть менее дренирована, а ее рельеф имеет равнинно-западинный характер с плоскими котловинами и блюдцами. Северная зона низменности имеет специфические ландшафтные особенности (южная тайга),

поэтому в данной работе не рассматривается. В гривно-котловинной зоне сосредоточены крупные гривы, протягивающиеся на несколько десятков километров и достигающие в высоту более 10 м. На западе и юго-западе зоны гривы меньше, длиной до 2–3 км и высотой до 2–3 м (иногда до 5 м). Межгивные понижения имеют вытянутую форму; часть из них бессточная и замкнутая, а другие соединены между собой небольшими водотоками. В понижениях происходит накопление воды в течение всего года, либо весной и в наиболее дождливое время. Все межгивные понижения характеризуются избыточным увлажнением или заболоченностью. По сравнению с равнинной зоной на территории гривно-котловинного рельефа количество рек меньше; они протекают в слаборазработанных долинах, пересекая озеровидные расширения. Для Барабы характерны озерные котловины – как заполненные водой, так и осушенные. Растительность района исследований представлена луговыми, степными, болотными ассоциациями, березовыми колками. В голоцене ландшафтная обстановка менялась в зависимости от динамики климата (особенно влажности) [13]; при этом большую роль в локализации тех или иных видов растительности играл рельеф. Кроме того, хозяйство многих культур было многоукладным, а преобладание одних его элементов над другими могло неоднократно меняться [14]. Поэтому носители тех или иных культур выбирали места для расположения поселений в разных геоморфологических позициях в соответствии с палеоклиматической обстановкой и структурой хозяйства. Учитывая вышеизложенное, наибольшими перспективами в данном региональном контексте обладает анализ геоморфологической приуроченности поселений; этот подход позволяет рассматривать палеоландшафты, которые обладают разной ресурсной значимостью.

Нами была осуществлена оценка эффективности различных геоморфологических признаков. Для каждого поселения был рассчитан ряд показателей, например, экспозиция и степень крутизны поверхности; характер освещенности; положение относительно доминирующей розы ветров; высоты поселений относительно уровня моря; расстояние от памятников до озер и палеоозерных котловин, расстояние между поселениями одной культуры и др. Большинство этих признаков было признано малоинформативными.

В качестве наиболее информативных были выбрано несколько ключевых показателей. Расстояние памятника до ближайшей реки (в том числе до палеообъектов – покинутых палеорусел, пересохших стариц и т.п.) характеризует обеспечение поселения водными ресурсами. Высота поселения относительно уреза ближайшей реки является гораздо более информативным показателем по сравнению с абсолютной высотной отметкой. Очень важной является характеристика геоморфологической приуроченности памятника (речные долины, эрозионные останцы, прирвовочные поверхности, полого-волнистая равнина, гривы и т.д.). В качестве дополнительного признака для сравнения группировок памятников разных культур и эпох был использован геоморфологический критерий. Все геоморфологические позиции, к кото-

рым приурочены поселения, были объединены в три категории: 1) долины рек, низкое высотное расположение на эрозионных останцах, прирвовочных поверхностях и гривах вблизи долин рек; 2) прирвовочные поверхности средней высоты, а также локализация высоко и на средней высоте на эрозионных останцах внутри долин рек, на всех гривах внутри котловин палеоозер, низкое и среднее высотное расположение на гривах вблизи озер, приуроченность к гривам средней высоты около долин рек; 3) автоморфные ландшафты (высокие прирвовочные поверхности и гривы вблизи долин рек и озер). Заселение первых могло происходить только при сухом климате. При наиболее влажных условиях поселения располагались только в автоморфных ландшафтах. Расположение поселений на позициях второй категории могло происходить как в аридные, так и в гумидные фазы, а также при умеренном увлажнении. Расчет геоморфологического индекса увлажненности производился по формуле:

$$(A*1+B*2+C*3)/100\%,$$

где буквами обозначено количество памятников на разных геоморфологических позициях (в процентах): А – геоморфологические позиции первой категории; В – второй; С – третьей. Предполагается, что чем больше значение индекса, тем более влажными были палеоклиматические условия.

На основе морфометрического анализа рельефа было проведено картографирование геолого-геоморфологического каркаса территории [15]. В качестве основы была использована цифровая модель рельефа (ЦМР) SRTM, находящаяся в свободном доступе (<http://srtm.csi.cgiar.org/>), с пространственным разрешением 3 арксекунды (размер пикселя приведен к 60х60 м). Для выявления особенностей рельефа района исследования проанализированы карты четвертичных отложений масштабов 1:500000 и 1:200000 и объяснительные записки к ним. В результате автоматического распознавания образов по разработанной авторами методике [16] на основе морфометрического анализа были получены контуры таких форм рельефа, как гривы, котловины, полого-волнистая равнина. Долины с озеровидными расширениями были оконтурены вручную по ЦМР. Верификация полученной карто-схемы производилась по космическим снимкам и картам четвертичных отложений.

Вокруг каждого памятника проведено моделирование потенциальной ресурсной зоны. Согласно существующей теории ресурсных зон (Site Catchment Analysis), разные типы хозяйства требуют определенную область вокруг поселения [3, 7, 17]. Например, для занятия земледелием и ведения оседлого образа жизни наиболее интенсивно используется территория радиусом 5 км в центре с поселением. При этом наиболее важные ландшафты сосредоточены в радиусе 1 км для земледелия и 5 км для пастушеского скотоводства. Для ведения охоты и занятия мобильными формами скотоводства использовалась территория радиусом до 10 км вокруг поселения. Размеры ресурсных зон определяют время, затрачиваемое на достижение границы ресурсной зоны. При умеренном темпе ходьбы по достаточно ровной местности для того,

чтобы достичь границу потенциальной ресурсной зоны радиусом 1 км необходимо 10 минут, 5 км – 1 час, 10 км – 2 часа. В соответствии с этим вокруг всех поселений построены буферные зоны радиусами 1, 5 и 10 км; в каждой из них вычислены процентные доли форм рельефа (долины, озерные котловины, полого-волнистая равнина с гривами) от общей площади круга.

Для вычисления показателей, моделирования потенциальной ресурсной зоны и проведения морфометрического анализа использовался программный пакет ArcGIS 10.2.1. Как и при создании карто-схем форм рельефа, для расчета показателей использовалась ЦМР SRTM с пространственным разрешением 3 арксекунды. При размере пикселя 60×60 м отмечается некоторая генерализация полученных значений, однако, величина изменения рельефа в Барабинской низменности невелика; исключения могут составлять останцы, гривы, уступы террас. Статистическая обработка данных производилась в программном пакете Statistica 10.0; для составления базы данных и построения диаграмм использовалась программа Microsoft Excel.

На территории Барабы до недавнего времени специальных работ по ландшафтной археологии практически не велось. Первые шаги в этом направлении были предприняты в 2012–2014 гг. Была составлена база геоданных археологических памятников [18, 19], основанная на информации из опубликованных сводов по ряду районов Новосибирской области [20–22] и материалов, предоставленных сотрудниками Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области. В результате полевых работ в 2012–2014 гг. для каждого археологического памятника были определены географические координаты (с использованием GPS-приемника Garmin 76GSx) и уточнены геоморфологические позиции. В базе данных каждый памятник характеризуется следующими признаками: 1) название; 2) географические координаты; 3) тип памятника (городище, неукрепленные поселения и стоянки, грунтовые и курганные могильники); 4) геоморфологическая приуроченность (долины с озеровидными расширениями, полого-волнистая равнина, эрозионные останцы, гривы, а также бровки, разделяющие долины и полого-волнистую равнину); 5) хронологическая атрибуция (с точностью до эпохи или культуры); 6) ссылка на источник информации; 7) дополнительная информация. Каждый культурно-стратиграфический слой многослойных памятников является в базе отдельным объектом. В настоящем исследовании проведен анализ только поселений от эпохи бронзы до средних веков. Для этого из существующей базы данных была сделана выборка из 92 поселений, включающих 101 объект: 41 – эпохи бронзы, 24 – раннего железного века, 36 – средневековья.

Результаты. На рис. 1, 2 и в табл. 1 приведены средние значения показателей, нормированные на максимальное значение (для каждого параметра за 100% принято максимальное значение), по эпохам, а на рис. 3, 4 и табл. 2 – по культурам. Значения признаков не были одинаковыми на протяжении всего изучаемого хронологического промежутка.

Прежде всего, следует отметить, что при рассмотрении значений признаков, рассчитанных для каждой археологической эпохи, мы получаем усредненную картину, отражающую генерализованные трендовые закономерности по сравнению с данными по отдельным культурам. Так, от эпохи ранней бронзы к раннему железному веку и средневековью значения всех признаков увеличиваются (рис. 1): поселения располагаются все дальше и выше относительно рек. Значения геоморфологического индекса также повышаются, что свидетельствует о том, что со временем население предпочитает более автоморфные ландшафты для обитания.

Содержание долей форм рельефа, а, следовательно, и кормящих палеоландшафтов в границах потенциальных ресурсных зон также изменялось (рис. 2, табл. 1). Наиболее ярко различия между эпохами и культурами по данному признаку проявляются в границах зоны радиусом 5 км. В эпоху бронзы доля речных долин в границах зон была выше, чем в последующие эпохи. Однако на протяжении всего рассматриваемого времени большую часть зоны занимали полого-волнистая равнина и котловины палеоозер.

При рассмотрении значений показателей для каждой культуры (рис. 3, 4, табл. 2) наряду с отмеченным выше увеличением значений геоморфологического индекса, высотных отметок памятников и их расстояний относительно рек, снижения доли речных долин в границах потенциальных ресурсных зон радиусом 5 км вокруг поселений, определяются также специфические особенности пространственной локализации для каждой культуры. Выявлено, что одни археологические культуры объединяются в группы, поскольку обладают сходными геоморфологическими характеристиками. Вместе с тем, некоторые культуры имеют индивидуальные особенности, сильно отличающие их поселения от других культур.

Памятники байрыцкого типа и усть-тартасской культуры относятся к одной группе поселений, поскольку они расположены низко над урезом воды и близко к рекам; геоморфологический индекс имеет самые низкие значения. Кроме этого, в границах потенциальных ресурсных зон высоко содержание доли речных долин.

Поселения одиновской и кротовской культур составляют следующую группу памятников. По сравнению с усть-тартасской культурой и байрыцким типом объектов поселения одиновской, кротовской и ирменской культур имеют более высокие значения геоморфологического индекса, а также расположены выше и дальше по отношению к рекам. Доля речных долин в границах потенциальных ресурсных зон несколько снижается. Поселения андроновской культуры обладают характеристиками, сходными с памятниками одиновской, кротовской и ирменской культур.

Для всех культур раннего железного века и средневековья характерна высокая вариативность средних значений признаков. Высокие значения геоморфологического индекса, положения объектов относительно уреза воды и удаленности от рек отмечаются для памятников саргатской и потчевашской культур. Значения геоморфологического индекса и средние значения

высотных отметок поселений барабинских татар снижаются. Однако расстояния между поселениями и реками увеличиваются.

В границах потенциальных ресурсных зон, построенных вокруг поселений раннего железного века и средневековья, резко снижается удельная площадь долин рек по сравнению с поселениями эпохи бронзы. Полого-волнистая равнина, долины рек и котловины

палеозер сосредоточены в границах потенциальных ресурсных зон радиусом 5 км вокруг поселений саргатской и потчевашской культур примерно в равном процентном отношении. Уникальными характеристиками по данному параметру обладают поселения барабинских татар: для них отмечается самая низкая среди всех культур доля речных долин и самая высокая – котловин палеозер.

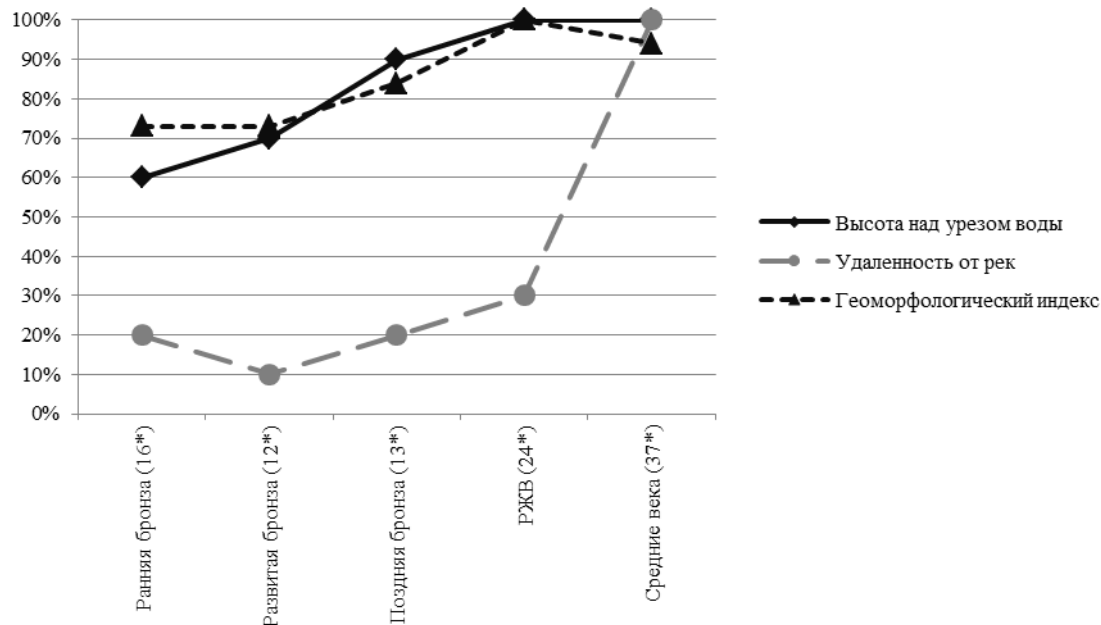

Рис. 1. Средние значения показателей, нормированные на максимум (по эпохам); * общее количество поселений

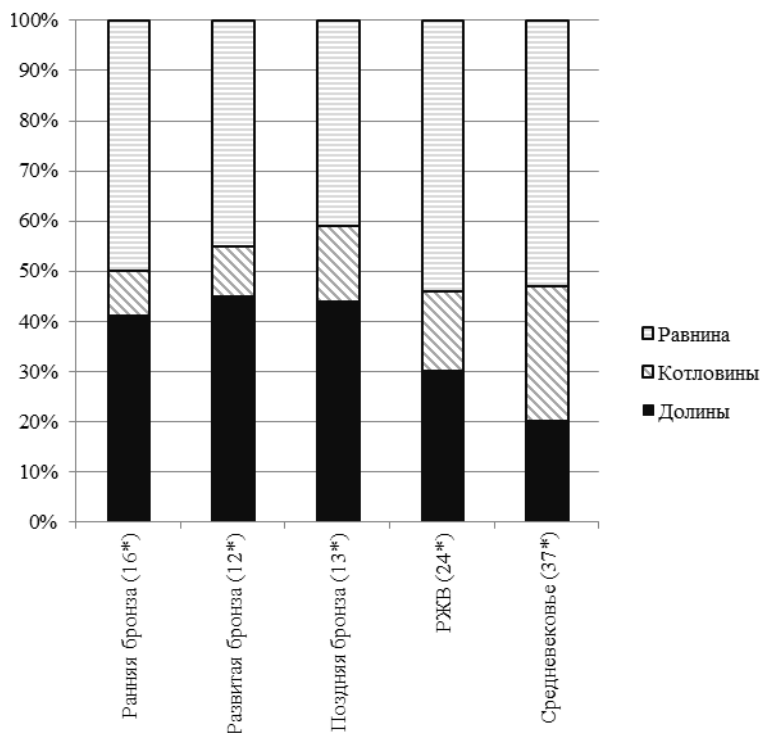

Рис. 2. Средние значения долей форм рельефа в границах потенциальной ресурсной зоны (R=5 км) (по эпохам); * общее количество поселений

Средние значения долей форм рельефа в границах потенциальной ресурсной зоны (R=5 км) (по эпохам)

Эпоха	Форма рельефа		
	Равнина, %	Котловины, %	Долины, %
Ранняя бронза	50	9	41
Развитая бронза	45	10	45
Поздняя бронза	41	15	44
РЖВ	54	16	30
Средневековье	53	27	20

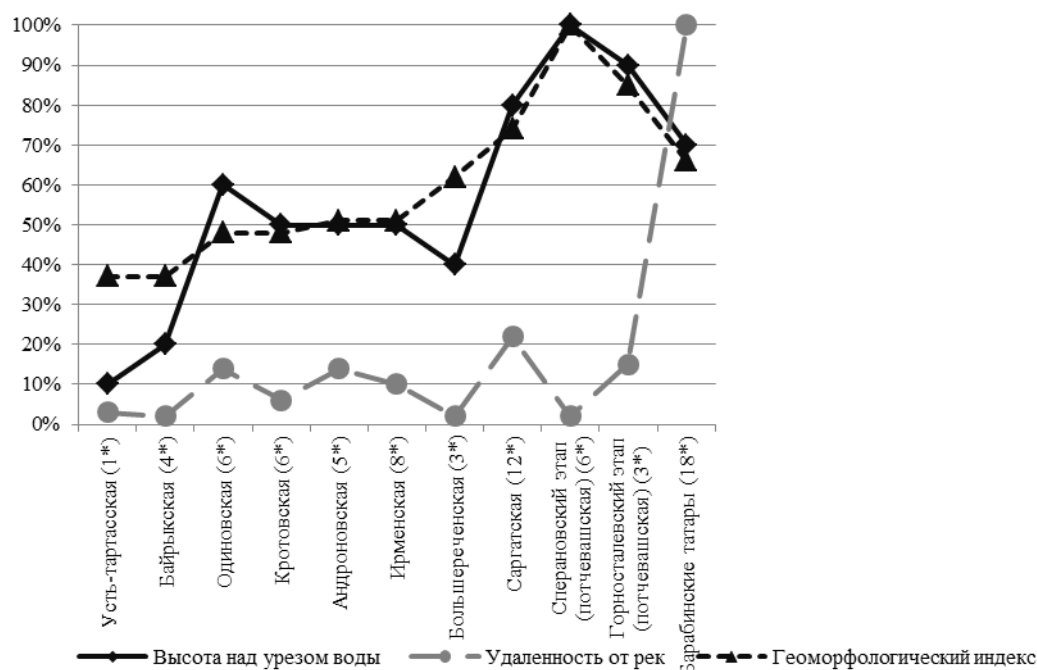

Рис. 3. Средние значения показателей, нормированные на максимум (по культурам); * общее количество поселений

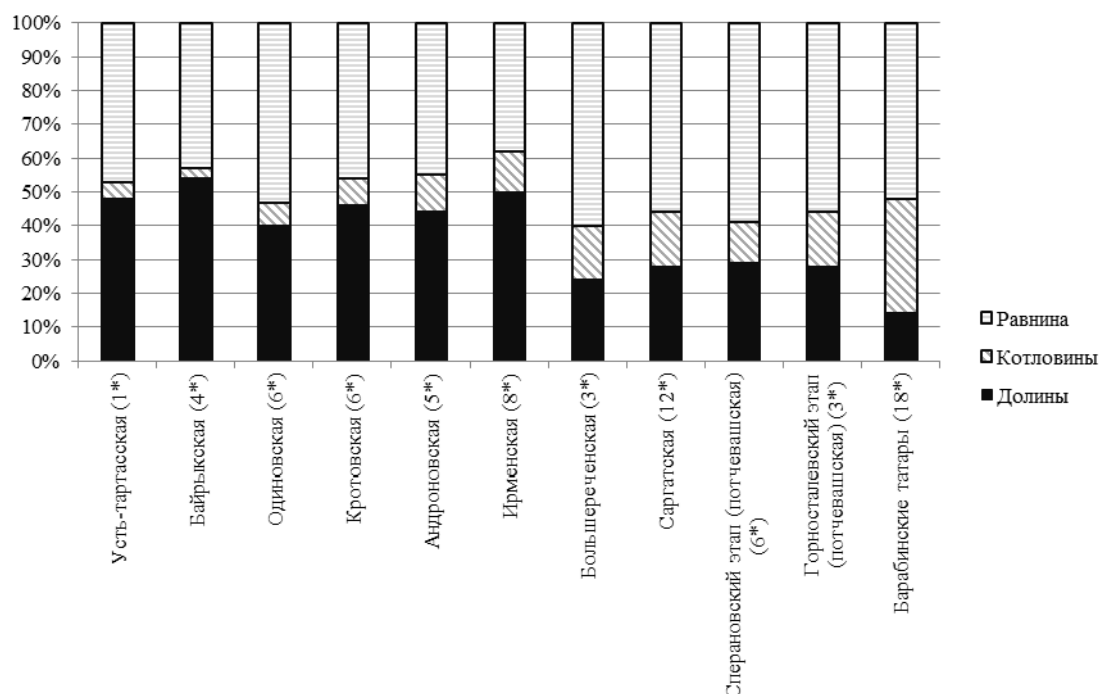

Рис. 4. Средние значения долей форм рельефа в границах потенциальной ресурсной зоны (R=5 км) (по культурам); * общее количество поселений

Средние значения долей форм рельефа в границах потенциальной ресурсной зоны (R=5 км) (по культурам)

Культура	Форма рельефа		
	Равнина, %	Котловины, %	Долины, %
Усть-тартасская ¹	47	5	48
Байрыкская ¹	43	3	54
Одиновская ^{1,2}	53	7	40
Кротовская ^{1,2}	46	8	46
Андроновская ²	45	11	44
Ирменская ³	38	12	50
Большереченская ⁴	60	16	24
Саргатская ⁴	56	16	28
Сперановский этап потчевашской ^{4,5}	59	12	29
Горносталевский этап потчевашской ⁵	56	16	28
Барабинские татары ⁵	52	34	14

Примечание. 1 – ранняя бронза; 2 – развитая бронза; 3 – поздняя бронза; 4 – ранний железный век (РЖВ); 5 – средневековье.

Обсуждение и выводы. При анализе полученных данных становится очевидной общая динамика климатических изменений во второй половине голоцена в Барабе. Наиболее сухие условия существовали в ранней бронзе, когда население могло расселяться в гидроморфных ландшафтах на низких высотах относительно уреза воды ближайших рек. В конце ранней бронзы – развитой бронзы более влажная по сравнению с предыдущим этапом климатическая обстановка повлияла на геоморфологические предпочтения населения: расселение происходило на более автоморфных ландшафтах по сравнению с ранней бронзой. В поздней бронзе и раннем железном веке продолжалось нарастание увлажненности климата, а наиболее влажные условия существовали в раннем средневековье, после чего последовало снижение увлажненности.

Климатические изменения в определенной степени предопределяли территории доступные для расселения. Так, в наиболее сухих условиях население проживало вблизи рек; в границах потенциальной ресурсной зоны высока доля долин. Это связано с тем, что здесь существовали высокопродуктивные луга, которые использовались населением для охоты, собирательства, рыболовства и для скотоводства. На основной части Барабы в сухом климате существовала степная растительность [23]. С нарастанием увлажненности климата доля долин рек в границах потенциальной ресурсной зоны снижается; основную часть площади круга зоны занимают полого-волнистая равнина и котловины палеозер. Отмеченная тенденция связана с тем, что реки становились более полноводными, поэтому озеровидные приречные расширения и первая надпойменная терраса переходили в режим высокой или регулярно затопляемой поймы. В таких условиях степные ландшафты полого-волнистой равнины трансформировались в луговые [23], что делало их пригодными для ведения хозяйственной деятельности.

Как было отмечено выше, наиболее ярко различия в соотношении форм рельефа для разных эпох и культур проявляются в буферных зонах радиусом 5 км. Отсутствие на протяжении всего изучаемого времени культур, хозяйство носителей которых было бы ориентировано только на земледелие или на занятие кочевым скотоводством, также объясняет то, что потенциальные ресурсные зоны радиусами 1 и 10 км были менее значимы для населения.

Следует сопоставить результаты, полученные по геоморфологической приуроченности поселений с данными палинологического анализа голоценовых отложений Барабы. Согласно последним исследованиям, эпоха ранней бронзы характеризовалась сухим климатом [24]. После 5 400 калиброванных лет назад (калиб. л.н.) начинается увлажнение [25]. В целом на этапах развитой и поздней бронзы климат был сухим, но с постепенным увеличением влажности [24, 26]. В переходное от поздней бронзы к раннему железному веку время увлажнение продолжалось, после чего в раннем железном веке последовало усиление влажности. В средние века продолжалось увлажнение климата [24]. Начиная с 1000 калиб. л.н. происходит некоторое иссушение, а с 500 калиб. л.н. отмечается тренд к еще большей аридизации [27].

Таким образом, полученные при анализе геоморфологической приуроченности данные о трендовых климатических изменениях второй половины голоцена изучаемого региона согласуются с результатами палинологических исследований. Наиболее сухие условия существовали в ранней бронзе, после чего имели место климатические изменения в сторону увеличения влажности. Высокая увлажненность существовала в раннем железном веке и раннем средневековье. Начало снижения влажности приходится на развитое средневековье и усиливается в позднем средневековье.

При рассмотрении значений признаков для каждой культуры, наряду с общими трендовыми закономерностями, проявляются более детальные особенности, которые будут рассмотрены в будущих публикациях. Разнообразие значений признаков поселений разных культур отражает различия в хозяйственных укладах их носителей и климатических обстановках времени существования культур.

Заключение. Предложенная авторами методика выявляет закономерности пространственного расположения памятников в полупустынных, степных и лесостепных районах России и сопредельных территорий как на общем уровне (археологические эпохи), так в деталях (археологические культуры). Полученные данные расширили представления о локализации памятников фактически для каждой культуры эпох бронзы – средневековья и продемонстрировали зависимость расположения поселений от палеоклиматической обстановки и хозяйственной деятельности населения. Фактически для каждой археологиче-

ской культуры определен характерный набор признаков, который открывает новые перспективы для исследования. Становится возможным построение

прогнозных моделей, для выявления потенциальных областей обнаружения памятников тех или иных культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбузов Г.П. Археология ландшафта и геоинформатика: теоретические аспекты взаимоотношений // Археология и геоинформатика. М. : ИА РАН, 2007. Вып. 4. (CD-ROM).
2. Leusen M. Viewshed and Cost Surface Analysis Using GIS (Cartographic Modelling in a Cell-Based GIS II) // New Techniques for Old Times. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA98). Oxford : Archaeopress, 1999. P. 215–224.
3. Vita-Finzi C., Higgs E.S. Prehistoric Economy in the Mount Carmel Area of Palestine: Site Catchment Analysis // Proceedings of the Prehistoric Society. 1970. Vol. 36. P. 1–17.
4. Wheatley D. Cumulative Viewshed Analysis: a GIS-based method for investigating intervisibility, and its archaeological application // Archaeology and GIS: A European Perspective. London : Routledge, 1995. P. 171–197.
5. Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. М. : Научный мир, 2004. 240 с.
6. Гарбузов Г.П. Геоинформационные системы и дистанционное зондирование Земли в археологических исследованиях (на примере Таманского полуострова) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 25 с.
7. Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. Т. 1. 610 с.
8. Harris T.W., Lock G.R. Multi-dimensional GIS: exploratory approaches to spatial and temporal relationships within archaeological stratigraphy // Interfacing the Past. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA95). Leiden : University of Leiden, 1996. P. 307–316.
9. Ruggles C.L.N., Medzykij-Scott D.J., Gruffydd A. Multiple Viewshed Analysis Using GIS and its Archaeological Application: a Case Study in Northern Mull // Computing the Past. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA92). Aarhus : Aarhus University Press, 1993. P. 125–132.
10. Архипов С.А., Вдовин В.В., Мизеров Б.В., Николаев В.А. Западно-Сибирская равнина. М. : Наука, 1970. 280 с.
11. Земцов А.А., Мизеров Б.В., Николаев В.А., Суходровский В.Л., Белецкая Н.П., Гриценко А.Г., Пилькевич И.В., Синельников Д.А. Рельеф Западно-Сибирской равнины. М. : Наука, 1988. 192 с.
12. Панади А.Д. Барабинская низменность. М. : Изд-во географической литературы, 1953. 232 с.
13. Архипов С.А., Волкова В.С. Геологическая история, ландшафты и климат плейстоцена Западной Сибири. Новосибирск : ОИГМ СО РАН, 1994. 105 с.
14. Молодин В.И. Этнокультурная мозаика в западной Барабе (эпоха поздней бронзы – переходное время от эпохи бронзы к железному веку. XIV–VIII века до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4. С. 54–63.
15. Чупина Д.А., Зольников И.Д. Геоинформационное картографирование форм и типов рельефа на основе морфометрического анализа // Геодезия и картография. 2016. № 6. С. 35–43.
16. Чупина Д.А. Автоматическое выделение форм и комплексов рельефа на основе морфометрического ГИС-анализа (на примере Венгеровского района Новосибирской области) // Геоморфология. 2014. № 3. С. 43–50.
17. Jarman M.R., Bailey G.N., Jarman H.N. Early European Agriculture. Its Foundations and Development. Cambridge: University Press, 1982. 296 p.
18. Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Новикова О.И., Глушкова Н.В., Чупина Д.А., Софеев О.В., Ануфриев Д.Е., Дементьев В.Н. Анализ пространственного распределения археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи (Венгеровский район Новосибирской области) на основе ГИС-технологий // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 7: Археология и этнография. С. 87–96.
19. Кузьмин Я.В., Софеев О.В., Зольников И.Д., Чупина Д.А., Новикова О.И., Никулина А.В., Ануфриев Д.Е. Адаптация древнего населения центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) к природным условиям в голоцене: анализ на основе ГИС-технологий // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 4. С. 320–323.
20. Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. Новосибирск : Изд-во НПП по сохранению историко-культурного наследия, 1998. 140 с.
21. Молодин В.И., Новиков А.В. Софеев О.В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. Новосибирск : Изд-во НПП по сохранению историко-культурного наследия, 2000. 224 с.
22. Молодин В.И., Соловьев А.И., Чемякина М.А., Сумин В.А., Ануфриев Д.Е., Евтеева Е.М., Князев А.О., Кравченко Е.В. Археологические памятники Чановского района Новосибирской области. Новосибирск : Изд-во НПП по сохранению историко-культурного наследия, ИАЭТ СО РАН, 2011. 258 с.
23. Чупина Д.А., Никулина А.В., Картозия А.А. Влияние процессов иссушения/увлажнения на ландшафтные предпочтения человека на территории Барабы в голоцене // Пути эволюционной географии: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора А.А. Величко. М., 2016. С. 739–744.
24. Жилич С.В., Рудая Н.А., Кривоногов С.К. Природные условия обитания древнего человека в Барабинской лесостепи в эпоху бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. 20. С. 154–157.
25. Krivonogov S.K., Takahara H., Yamamuro M., Preis Y.I., Khazina I.V., Khazin L.B., Kuzmin Y.V., Safonova I.Y., Ignatova N.V. Regional to Local Environmental Changes in Southern Western Siberia: Evidence from Biotic Records of Mid to Late Holocene Sediments of Lake Belaye // Paleogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2012. Vol. 331–332. P. 177–193.
26. Жилич С.В., Рудая Н.А., Кривоногов С.К. Изменение растительности и климата в районе озера Малые Чаны в позднем голоцене // Динамика окружающей среды и глобальные изменения климата. 2016. Т. 7, № 1. С. 68–75.
27. Жилич С.В., Рудая Н.А., Назарова Л.Б., Палагушкина О.В., Кривоногов С.К. Изменения озера Чаны и окружающих ландшафтов во второй половине голоцена // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. 21. С. 232–236.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 декабря 2017 г.

METHODOLOGY OF GIS-BASED SPATIAL ANALYSIS OF THE BRONZE AGE, THE EARLY IRON AGE AND THE MEDIEVAL SETTLEMENTS IN THE CENTRAL PART OF THE BARABA LOWLAND

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 117–125.

DOI: 10.17223/15617793/428/16

Anastasia V. Nikulina, Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nikulina_a@igm.nsc.ru

Ivan D. Zolnikov, Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zol@igm.nsc.ru
Yaroslav V. Kuzmin, Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kuzmin_yv@igm.nsc.ru
Oleg V. Sofeikov, Novosibirsk City Legal Agency (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: tontur@ngs.ru
Daria A. Chupina, Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: chupina_da@igm.nsc.ru
Nadezhda V. Glushkova, Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: hope@igm.nsc.ru
Denis V. Pchel'nikov, Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, Siberian Branch Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denmail@igm.nsc.ru
Keywords: GIS; landscape archaeology; Baraba Lowland; paleoclimatic conditions; Bronze Age; Early Iron Age; Medieval period; ancient economy; paleolandscapes.

The application of GIS-based technologies for spatial analysis of archaeological sites is presented within the landscape archaeology field. The methods developed are tested on the archaeological data of the Bronze Age: the medieval sites of the central Baraba Lowland. Due to the regional features, several standard procedures such as cost distance analysis, cumulative viewshed analysis, and kernel density were found to be ineffective. The main parameters used are localization of sites on certain landforms (river valleys, erosion remnants of watershed surfaces, places near the edge of watershed, hilly plain and ridges), absolute elevation and the degree of remoteness from the nearby river, and also the percentage of landforms (river valleys, paleolake depressions and hilly plain) within the potential resource circle with a radius of 5 km. As an additional criterion to compare the groups of the sites belonging to different epochs and archaeological cultures, the geomorphological index of moistening was used; it was calculated based on the geomorphic position of the sites. It is assumed that the higher the index, the wetter climate existed during the functioning of the site. It was found that the average values of parameters calculated for each epoch allow distinguishing only general trends. When analysis is performed on the level of culture (each epoch consists of several cultures), individual patterns for each culture can be observed. Cultures similar in terms of geomorphological characteristics are combined into groups; for the Bronze Age, they are the Ust-Tartas culture and the Bayryk type, the Odino, Krotovo and Irmen cultures. The Early Iron Age and Medieval cultures have more diverse parameters, and it is not easy to combine them into groups. For each archaeological culture, the exact set of characteristics was determined, this is why the results obtained allowed the authors to get new data on geomorphological localization of sites belong to different cultures. Besides this, the dependence of geomorphological position on paleoclimatic conditions and ancient economy was confirmed for the Baraba Lowland. The methods developed by the authors can be applied to forest steppe, steppe and semi-desert regions. The results generated form the basis for future investigations, including the creation of predictive models for mapping potentially perspective areas to search new sites and more precise cultural attribution of sites determined only to the epoch level today.

REFERENCES

- Garbuzov, G.P. (2007) Arkheologiya landshafta i geoinformatika: teoreticheskie aspekty vzaimootnosheniy [Archeology of the landscape and geoinformatics: theoretical aspects of the relationship]. *Arkheologiya i geoinformatika*. 4. Moscow: IA RAS. (CD-ROM).
- Leusen, M. (1999) Viewshed and Cost Surface Analysis Using GIS (Cartographic Modelling in a Cell-Based GIS II). In: Barceló, J.A., Briz, I. & Vila, A. (eds) *New Techniques for Old Times. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA98)*. Oxford: Archaeopress. pp. 215–224.
- Vita-Finzi, C. & Higgs, E.S. (1970) Prehistoric Economy in the Mount Carmel Area of Palestine: Site Catchment Analysis. *Proceedings of the Prehistoric Society*. 36. pp. 1–17.
- Wheatley, D. (1995) Cumulative Viewshed Analysis: a GIS-based method for investigating intervisibility, and its archaeological application. In: Lock, G. & Stančić, Z. (eds) *Archaeology and GIS: A European Perspective*. London: Routledge. pp. 171–197.
- Afanas'ev, G.E., Savenko, S.N. & Korobov, D.S. (2004) *Drevnosti Kislovodskoy kotloviny* [Antiquities of the Kislovodsk hollow]. Moscow: Nauchnyy mir.
- Garbuzov, G.P. (2006) *Geoinformatsionnye sistemy i dstantsionnoe zondirovanie Zemli v arkheologicheskikh issledovaniyakh (na primere Tamanskogo poluostrova)* [Geoinformation systems and remote Earth sounding in archaeological research (on the example of the Taman Peninsula)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
- Korobov, D.S. (2014) *Sistema rasseleniya alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I tys. n.e. (landshaftnaya arkheologiya Kislovodskoy kotloviny)* [The system of settlement of the Alan of the Central Ciscaucasia in the 1st millennium AD (landscape archeology of the Kislovodsk hollow)]. History Dr. Diss. Vol. 1. Moscow.
- Harris, T.W. & Lock, G.R. (1996) Multi-dimensional GIS: exploratory approaches to spatial and temporal relationships within archaeological stratigraphy. In: Kamermans, H. & Fennema, K. (eds) *Interfacing the Past. Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA95)*. Leiden: University of Leiden. pp. 307–316.
- Ruggles, C.L.N., Medzykyj-Scott, D.J. & Gruffydd, A. (1993) Multiple Viewshed Analysis Using GIS and its Archaeological Application: a Case Study in Nothern Mull. In: Andresen, J., Madsen, T. & Scollar, I. (eds) *Computing the Past. Computer Applications and Quantative Methods in Archaeology (CAA92)*. Aarhus: Aarhus University Press. pp. 125–132.
- Arkhipov, S.A., Vdovin, V.V., Mizerov, B.V. & Nikolaev, V.A. (1970) *Zapadno-Sibirskaya ravnina* [West Siberian Plain]. Moscow: Nauka.
- Zemtsov, A.A. et al. (1988) *Rel'ef Zapadno-Sibirskoy ravniny* [Relief of the West Siberian Plain]. Moscow: Nauka.
- Panadiadi, A.D. (1953) *Barabinskaya nizmennost'* [The Baraba Lowland]. Moscow: Izd-vo geograficheskoy literatury.
- Arkhipov, S.A. & Volkova, V.S. (1994) *Geologicheskaya istoriya, landshafty i klimat pleystotsena Zapadnoy Sibiri* [Geological history, landscapes and climate of the Pleistocene of Western Siberia]. Novosibirsk: OIGGM SO RAN.
- Molodin, V.I. (2014) Ethnic and cultural mosaic in Western Baraba during the Late Bronze to Iron Age transition (14th–8th centuries BC). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia*. 4. pp. 54–63.
- Chupina, D.A. & Zol'nikov, I.D. (2016) GIS-mapping of form and types of relief based on morphometric analysis. *Geodeziya i kartografiya*. 6. pp. 35–43. (In Russian). DOI: 10.22389/0016-7126-2016-912-6-35-43
- Chupina, D.A. (2014) An automatic identification of landforms and their complexes based on GIS analysis of morphometric parameters (Vengerovsk area of Novosibirsk Region as an example). *Geomorfologiya – Geomorphology RAS*. 3. pp. 43–50. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15356/0435-4281-2014-3-43-50>
- Jarman, M.R., Bailey, G.N. & Jarman, H.N. (1982) *Early European Agriculture. Its Foundations and Development*. Cambridge: Cambridge University Press.

18. Kuz'min, Ya.V. et al. (2013) Analiz prostranstvennogo raspredeleniya arkhеologicheskikh pamyatnikov tsentral'noy chasti Barabinskoy lesostepi (Vengerovskiy rayon Novosibirskoy oblasti) na osnove GIS-tekhnologiy [Analysis of the spatial distribution of archaeological monuments in the central part of the Baraba forest-steppe (Vengerovsk area of Novosibirsk Region) on the basis of GIS-technologies]. *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 12:7. pp. 87–96.
19. Kuz'min, Ya.V. et al. (2014) [Adaptation of the ancient population of the central part of the Baraba forest-steppe (Western Siberia) to the natural conditions in the Holocene: an analysis based on GIS-technologies]. Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan. Vol. 4. Kazan. pp. 320–323. (In Russian).
20. Molodin, V.I. & Novikov, A.V. (1998) *Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo rayona Novosibirskoy oblasti* [Archaeological monuments of Vengerovsk area of Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Izd-vo NPTs po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya.
21. Molodin, V.I., Novikov, A.V. & Sofeykov, O.V. (2000) *Arkheologicheskie pamyatniki Zdvinskogo rayona Novosibirskoy oblasti* [Archaeological monuments of Zdvinsk area of Novosibirsk region]. Novosibirsk: Izd-vo NPTs po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya.
22. Molodin, V.I. et al. (2011) *Arkheologicheskie pamyatniki Chanovskogo rayona Novosibirskoy oblasti* [Archaeological monuments of Chanovsk area of Novosibirsk region]. Novosibirsk: Izd-vo NPTs po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya, IAET SO RAN.
23. Chupina, D.A., Nikulina, A.V. & Kartoziya, A.A. (2016) [Influence of drying/moistening processes on landscape preferences of a person in the territory of Baraba in the Holocene]. *Puti evolyutsionnoy geografii* [Ways of Evolutionary Geography]. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the memory of Professor A.A. Velichko. Moscow. pp. 739–744. (In Russian).
24. Zhilich, S.V., Rudaya, N.A. & Krivonogov, S.K. (2014) Prirodnye usloviya obitaniya drevnego cheloveka v Barabinskoy lesostepi v epokhu bronzy [Natural habitats of an ancient man in the Baraba forest-steppe in the Bronze Age]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 20. Novosibirsk: IAET SO RAN. pp. 154–157.
25. Krivonogov, S.K. et al. (2012) Regional to Local Environmental Changes in Southern Western Siberia: Evidence from Biotic Records of Mid to Late Holocene Sediments of Lake Belaye. *Paleogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 331–332. pp. 177–193. DOI: 10.1016/j.palaeo.2011.09.013
26. Zhilich, S.V., Rudaya, N.A. & Krivonogov, S.K. (2016) Late Holocene climate and vegetation changes around Lake Malyye Chany. *Dinamika okruzhayushchey sredy i global'nye izmeneniya klimata – Environmental Dynamics and Global Climate Change*. 7:1. pp. 68–75. (In Russian).
27. Zhilich, S.V. et al. (2015) Izmeneniya ozera Chany i okruzhayushchikh landshaftov vo vtoroy polovine golotsena [Changes in Lake Chany and surrounding landscapes in the second half of the Holocene]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 21. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. pp. 232–236.

Received: 27 December 2017

ОТ ЦАРИЗМА К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ. НАЛОГОВЫЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЭКОНОМИКИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ДИСКУРСЕ ВЛАСТИ

Рассматривается формирование налогового механизма регулирования крестьянской экономики в первое десятилетие советской власти в дискурсе власти и как цельный исторический период. Исследование доказывает, что налоговая политика Советского государства – это, прежде всего, классовая политика. Приоритет политических целей при отсутствии профессионального опыта, налаженного учета и контроля стал особенностью этой политики. Наиболее показательными эти процессы становятся со второй половины 1920-х гг.

Ключевые слова: налоговая политика; крестьянство; продналог; продразверстка; советская власть; новая экономическая политика.

Любая революция, выполняя неизбежные разрушительные функции, несет в себе и созидательное начало. А строительство нового общества выдвигает на передний план задачи управления им. Своеобразие задач управления в Советской России определялось тем, что созидательные задачи пришлось решать в крестьянской стране. В системе взаимоотношений государства с крестьянством важное место принадлежало налоговой политике, которая оказывала существенное влияние на важнейшие социально-экономические процессы в аграрной сфере. Поэтому выявление и анализ связей и закономерностей, а также допущенных ошибок в налоговой практике изучаемого периода могут оказаться действенными для изучения процессов формирования хозяйственного механизма советской экономики. Важно изучить этот феномен, уяснить, что в нем можно развивать, что безнадежно устарело, какие уроки из прошлого опыта необходимо извлекать.

Опыт управления аграрной экономикой в Советской России, формирование каналов воздействия государства на деревню, включая и налоговую политику, были предопределены, прежде всего, конкретно сложившейся ситуацией, связанной с приходом к власти большевиков, поиском модели регулирования крестьянской экономики. Особенно интересным оказался опыт новой экономической политики. Неслучайно, поэтому определена хронология исследования.

Интерес историков к поставленной проблеме проявился сравнительно давно. Большой вклад в исследование истории советской доколхозной деревни внесли труды В.П. Данилова. В его работах наряду с освещением разных сторон социально-экономических отношений рассматривается и налоговая политика первых лет советской власти [1–3]. Отдельные попытки исследования налоговой политики Советского государства в деревне предпринимались и ранее [4–6].

В современной отечественной литературе совершается переоценка существовавших ранее позиций. Происходит становление и развитие новых парадигм изучения советской и российской аграрной истории. Не ослабевает интерес историков и к «налоговым» проблемам [7–9]. Подробный анализ историографии аграрной проблематики представлен в фундаментальном труде «Аграрная история XX века: Историография и источники» [10]. Налоговая проблематика ста-

новится популярной среди современных экономистов и юристов [11–12].

Определенный вклад в изучение поставленной проблемы вносят зарубежные исследователи [13–17]. Правда, зарубежные исследователи-аграрники достаточно редко обращаются к изучению конкретных проблем советской аграрной истории: землеустройству, планированию, финансированию, налоговой политике.

Однако процесс формирования различных каналов воздействия Советского государства на деревню нельзя отнести к числу хорошо изученных проблем. Картина формирования хозяйственного механизма советской экономики не может считаться полной без рассмотрения одного из важных инструментов государственного воздействия на сельскохозяйственную сферу экономики – налоговой политики. Данная исследовательская проблема не рассматривалась в дискурсе власти и как цельный исторический период. В статье предпринята попытка выявить специфику формирования налоговых механизмов управления аграрной сферой экономики с точки зрения изучения особенностей формирования парадигмы, модели взаимоотношений государства с большинством населения страны, не являвшимся политической основой власти. Имеет смысл посмотреть на проблему в методологии дискурса, и прежде всего дискурса политического как анализа явных и скрытых политических смыслов становления новой власти. Предлагаемый исследовательский подход дает возможность в сконцентрированном виде выявить комплекс мер государственной политики, приведших к форсированию одних форм хозяйствования и уничтожению других, и проследить их влияние как на состояние сельскохозяйственного производства в рассматриваемый период, так и на перспективы общественного развития страны.

Победившая революция потребовала коренной перестройки налоговой системы. Советское государство выбрало для себя наиболее приемлемый в тех условиях путь, пытаясь в первый год пролетарской диктатуры упорядочить взимание старых налогов. При этом следует иметь в виду, что согласно весьма авторитетным исчислениям, сделанным экономистом А. Вайнштейном, сельское хозяйство России уже перед войной (1912 г.) имело самую высокую в Европе тяжесть налогового обложения (табл. 1). Платежеспособность крестьянства в то время подошла к критическому рубежу.

Таблица 1
Сравнительная характеристика тяжести довоенного
налогообложения в России и европейских странах*

Страна	На душу населения всех налогов и сборов, руб.	Довоенный национальный доход на душу, руб.	Отношение налога к доходу, %
Россия	11,23	85,47	13,1
Германия	27,38	283,61	9,7
Франция	41,66	359,36	11,6
Австрия	24,61	198,14	12,4
Великобритания и Ирландия	48,54	472,03	10,3
Италия	23,74	217,56	10,9

* Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6990. Л. 120.

В таблице используются данные в расчете на все население. Однако следует учитывать, что в структуре налогообложения западноевропейских стран главную роль играло налогообложение преимущественно городского населения. В России же основное место занимали косвенные налоги: акцизы, таможенные пошлины и другие, платившиеся в очень значительной степени крестьянством [18. Л. 123]. Кроме того, Россия в то время имела значительно меньший процент городского населения. Поэтому налогообложение крестьянства здесь будет более приближаться к среднему на душу, чем в каждой из перечисленных стран.

Однако опора на прежнюю систему налоговых отношений не стало основным содержанием налоговой политики новой власти. К осени 1918 г. национализация банков, исключение из финансовой системы страны внешних займов, безудержная инфляция привели к острому финансовому кризису. В это время уже начала складываться система государственного управления сверху вниз, которая впоследствии получила название политики «военного коммунизма». Советская власть сделала попытку выйти из критического финансового положения издав два декрета ВЦИК и СНК «Об обложении сельских хозяев натуральным налогом» и «О 10-миллиардном революционном налоге на имущие слои населения» [19. С. 467, 470–473]. Первый декрет юридически оформил упразднение поземельного налога и стал началом эксперимента по обложению натуральным налогом вследствие отказа от денег при «военном коммунизме». Второй – последней серьезной попыткой в начальный период существования советской власти покрыть государственные расходы за счет прямого денежного обложения. Эти два налога преследовали не только финансовые, но и, прежде всего, классовые цели. Объединить эти две цели и даже просто собрать налог оказалось исключительно трудным делом.

Сбор налога был поручен исполнительным комитетам советов и комитетам бедноты, а централизованное распределение его находилось в руках Народного комиссариата финансов [20. С. 169]. Местным органам власти была дана большая свобода в выборе конкретных методов сбора налога. Как методы, так и результаты сбора варьировались от губернии к губернии. Официально установленной датой уплаты налога было 15 декабря 1918 г. По данным Народного ко-

миссариата финансов на май 1919 г., общий сбор составил менее 10% обложения [21. С. 21–23]. Менее всего собрали налога в Московской и Петроградской губерниях, на которые, по предварительным расчетам, приходилась половина всего налога. В.И. Ленин впоследствии скажет о нем: «Он был принят – этот закон, вводящий натуральный налог с земледельцев, – но в жизнь он не вошел» [22. С. 28].

Суть натуральных налогов, проводившихся тогда, и прежде всего, как она понималась в то время, заключалась в том, что ими облагали, исходя из предполагаемых нужд, а не из производства. Не случайно, поэтому на I всероссийском съезде заведующих финотделами советов заместитель председателя ВСНХ В.П. Милютин, полемизируя с В.И. Лениным, заявил: «Лично я на прямые налоги не возлагаю надежды. Те опыты, которые мы проделывали, дали незначительные результаты. Налоги эти, конечно, будут проводиться и в дальнейшем, но не приходится возлагать на них серьезные упования. При небольших результатах они дают массу недовольства и требуют сложного аппарата их взимания» [21. С. 50].

Неудача с прямым налогообложением заставила советское правительство искать иные средства для достижения цели. Некое промежуточное положение в процессе этого поиска занимает декрет «Об обязательном товарообмене». В нем предусматривались обязательные поставки продовольствия каждым уездом на суммы не менее 85% стоимости отпущенных кооперативам промышленных товаров. Однако и эта попытка не дала ожидаемых результатов.

В условиях разрухи, отсутствия опыта управления экономикой и революционного пафоса борьбы с классовым врагом предпочтительными казались методы контрибуций, реквизиций, конфискации и в конечном итоге продовольственная разверстка.

Складываются и механизмы осуществления этих методов. Ими стали рабочие продовольственные отряды и комитеты бедноты, создание которых современные исследователи связывают с попыткой новой власти расколоть крестьянство по социальному признаку [7. С. 324]. В начале апреля 1918 г. появилось три декрета, посвященных созданию этого механизма. Согласно первому декрету профсоюзы, фабричные комитеты, городские и уездные советы должны были организовать продовольственные отряды из рабочих и беднейших крестьян и отправлять их в зернопроизводящие губернии, чтобы «добыть хлеб по твердым ценам, или за счет изъятия у кулаков». Половина зерна, получаемого таким способом, предназначалась организациям, пославшим отряды, другая – Народному комиссариату продовольствия. Второй декрет обязывал губернские и уездные Советы, а также комитеты «беднейших крестьян» и профсоюзы организовывать, где необходимо, аналогичные отряды для сбора урожая. В третьем – определялась организация и структура рабочих отрядов, которые должны были включать «не менее 25 человек из числа, безусловно, честных и преданных революции рабочих и беднейших крестьян» [23. Ст. 633; 24. Ст. 638; 25. Ст. 677]. Задуманный механизм начал работать и дал желаемые результаты. К январю 1919 г. только Петроградский

Совет направил 189 отрядов численностью до 72 тыс. человек. Примерно столько же отрядов было сформировано и Московским Советом [26. С. 170, 174].

В январе 1919 г. этот механизм был доведен до логического конца и в организационно-юридическом плане нашел выражение в продовольственной разверстке. Разверстка осуществлялась как натуральная повинность в порядке принудительного отчуждения требуемого количества продуктов. В этом состояло ее отличие от обычного прямого обложения. Согласно декрету Совнаркома от 11 января 1919 г., сопровождаемому подробной инструкцией Народного комиссариата продовольствия, все количество хлеба и зернового фуража, необходимого для удовлетворения государственных потребностей, разверстывалось между производящими губерниями. Губернии должны были провести разверстку среди уездов, уезды – среди волостей, а волости, в свою очередь, распределяли свои квоты между деревнями и отдельными крестьянами [27. Ст. 10, 11].

Предполагалось функции по сбору разверстки возложить на сельскую общину. Восстанавливался принцип коллективной ответственности, на котором основывалось сельское налогообложение царского правительства. Фискальный механизм общины с трудом приспособлялся к новым условиям. Тем не менее в течение Гражданской войны фискальные функции общины год от года увеличивались. Недостатки общинного разверсточного механизма «выправлялись» мощным продовольственным аппаратом, энергичными действиями продармейцев и продотрядчиков, постоянным контролем советских и партийных органов за ходом выполнения продразверстки. Продовольственные органы часто поступали негибко, неумело, с грубейшими нарушениями, что вызывало естественное недовольство крестьян [28. С. 177–179].

Прогрессивность обложения, предусмотренная разверсткой, была очень приблизительной. Трудно было практически соразмерить объем изъятий с действительным наличием продуктов в хозяйстве, с его мощностью и зажиточностью. Как правило, критерии изъятия определялись сельским сходом. Продразверстка доводилась до каждого члена сельского общества и фактически превращалась в подушную раскладку. При таком подходе строгого соблюдения классового принципа не получалось. Больше других страдали основные категории крестьянства середняки, а порой даже и бедняки [Там же. С. 179–180]. И это происходило несмотря на то, что зимой 1918–1919 гг. акцент в политике партии по отношению к крестьянству смещается с поддержки беднейшего крестьянства на внимание к среднему. В резолюции VIII съезда РКП (б) «Об отношении к среднему крестьянству» отмечалось, что среднее крестьянство должно облагаться «чрезвычайно умеренно, лишь в размере вполне посильном и необременительном для него» [29. С. 78].

Метод реквизиций «совершенствовался» и давал свои результаты. VII Всероссийский съезд Советов в декабре 1919 г. принял резолюцию, рекомендуя продолжить политику реквизиций и требуя, чтобы продразверстка была распространена «с хлеба и мяса на

картофель и, по мере необходимости, на другие продукты сельского хозяйства».

Уже во вторую заготовительную кампанию объем заготовок резко возрос. В потребляющей полосе он увеличился в 12 раз, хотя, естественно, удельный вес заготовок там был незначительным – лишь 8% всего хлеба, заготовленного в Европейской России. Из потребляющих губерний перевыполнили разверстку: Московская, Тверская, Смоленская, Северо-Двинская. В производящих губерниях выполнение разверстки возросло на 55% по сравнению с предыдущим сезоном. Наивысший процент выполнения разверстки был в Вятской губернии – 110,9, Екатеринбургской – 93,9 и Симбирской губернии – 79,9. В 1920/21 г. по продразверстке было заготовлено 367 млн пуд. хлеба, 75 млн пуд. картофеля, 14 млн пуд. семян масленичных культур, 24 млн пуд. мяса, 1180 тыс. пуд. льна, 855 тыс. пуд. пеньки, 725 тыс. пуд. шерсти, 8 475 тыс. шкур [28. С. 181–182].

Это привело к тому, что тяжесть налогообложения крестьян значительно превысила уровень предшествующего периода (табл. 2).

Таблица 2
Сравнительная таблица тяжести налогообложения крестьянского населения России в довоенное и революционное время*

Годы	В среднем на душу всех налогов и сборов, довоенные руб.	Отношения налогов и сборов к условно чистому доходу, %
1912	6,35	8,85
1918–1919	3,90	9,7
1920–1921	10,30	25,1
1921–1922	6,34	17,7
1922–1923	4,59	15,0

* Подсчеты А. Вайнштейна см.: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6990. Л. 122.

Из таблицы видно, что абсолютные размеры сумм крестьянских платежей в 1918–1919 гг., по сравнению с предвоенным периодом, даже уменьшились, но превысили их в 1920–1921 гг. Однако вследствие сильного сокращения производства тяжесть обложения резко возросла, составив более 25% условно чистого дохода. Это и явилось одной из причин ухудшения обстановки в деревне, что потребовало смены курса.

Важным звеном новой экономической политики стала перестройка налоговых отношений в деревне. Понятие продовольственного налога не было новым для менявшейся экономической концепции. Продналог, как уже было отмечено, был введен осенью 1918 г. и его никто не отменял. К тому же крестьянство отождествляло оба вида натуральных сборов – и продналог, и разверстку [30. Ст. 1012; 31. Ст. 142, 143]. Тем не менее принятию декрета ВЦИК о замене продовольственной разверстки продналогом предшествовала бурная полемика в комиссиях Политбюро и ЦК партии. О содержании споров дает представление сравнение проектов декрета о замене разверстки натуральным налогом с его окончательным вариантом.

Согласно декрету ВЦИК от 21 марта 1921 г. [32. Ст. 147], разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменялась натуральным налогом. Взимаемый в виде процентного отчисления от собранного урожая, он имел прогрессивное построение, в частности, предлагалось

установить пониженный процент отчисления продукции для маломощных хозяйств. В декрете ВЦИК первоначальный план В.И. Ленина был дополнен предоставлением налоговых скидок крестьянам, расширявшим посевные площади или увеличивавшим урожайность на своих полях в целом. Коллективная порука, которая признавалась в проекте, одобренном Десятым партийным съездом, была отменена в окончательном тексте декрета. Взамен вводилась ответственность каждого крестьянина за выполнение налога. Предполагаемый в проекте товарообмен был направлен на обеспечение потребительскими товарами и сельскохозяйственными орудиями «беднейшей части населения», а в тексте декрета планировался исключительно в обмен на излишки продуктов, добровольно предоставляемые помимо выполненного налога в пределах «местного хозяйственного оборота». Содержание понятия «местный хозяйственный оборот» не разъяснялось. Через несколько дней декрет Совнаркома, дополнив декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г., отменил ограничения, подразумеваемые под термином «местный хозяйственный оборот», разрешив «свободный обмен, продажу и покупку», т.е. восстановил торговлю [32. Ст. 143].

Декретом Совнаркома от 28 марта 1921 г. был установлен хлебный налог в размере 240 млн пудов. За счет торговли и обмена предполагалось дополнительно получить еще 160 млн. Таким образом, планировался необходимый для потребления минимум – 400 млн пудов хлеба. Однако осуществить это решение не удалось. В конце года было официально объявлено, что из 38 млн десятин земли, засеянных в европейских губерниях РСФСР, урожай был полностью уничтожен засухой на более чем 14 млн десятин. Южные и юго-восточные губернии Европейской России охватил голод. Вместо запланированных 240 млн пудов продовольственного налога на 1921/22 г. было собрано только 150 млн [33. С. 80]. Страна встала перед серьезными продовольственными проблемами.

Налог 1921/22 г., как и прежние налоги советской власти, не создавал достаточных стимулирующих условий для развития сельскохозяйственного производства. Определенное количество культур, которые государство принимало в уплату налога, заставляло крестьян разводить их в избытке. Это обстоятельство ограничивало рост товарности крестьянского хозяйства. Стремясь к максимальному охвату источников дохода, новая власть установила обложение налогом молочного скота, птицеводства и др., что привело к множественности налогов. Первоначально продовольственный налог сводился к 13 налогам, которые взимались 18-ю различными продуктами. Вместе с местными налогами в 1922 г. в деревне насчитывалось до 34 видов натурального обложения [34. Л. 202].

Несмотря на происходившие в экономике перемены, налог по-прежнему тяжким бременем лежал на крестьянстве, составив в 1921/22 г. 17,7%, а в 1922/23 г. 15% к условно-чистому доходу на душу крестьянского населения, что в 2 раза превосходило довоенное налоговое бремя (см. табл. 2). Причем это были не просто средние по стране цифры, а минимальные показатели [18. Л. 124].

Кроме того, натуральность налогообложения означала, что помимо непосредственного налога налогоплательщик несет ответственность по доставке его на сыпной пункт или заготконтору. А если учесть довольно строгие требования по кондиционности сдаваемых продуктов и злоупотребления при приемке, то потери крестьян складывались в немалые цифры. Экономисты 20-х гг. Ю. Ларин и А. Вайнштейн определили прибавку на все расходы и потери, связанные с уплатой налогов в натуральной форме, в 20–25% к обложению [18. Л. 125].

Требовались существенные изменения налоговой системы. Но трансформация затронула, прежде всего, организационную сторону проблемы, практически не коснувшись тяжести налогового обложения крестьянского хозяйства. Согласно решениям XI и XII съездов партии были внесены изменения в налоговую систему страны. 10 мая 1923 г. был принят декрет ЦИК СССР и СНК о едином сельскохозяйственном налоге [35. Ст. 451]. Началось формирование аппарата осуществления единого сельскохозяйственного налога. На местах были образованы налоговые комиссии, составлялись налоговые списки.

Новый налог вводился взамен всех ранее существовавших в сельском хозяйстве налогов. Для определения суммы налога с каждого хозяйства устанавливались: группы хозяйств по количеству пахотной сенокосной земли в хозяйстве, группы хозяйств по количеству голов скота (в переводе на крупный рогатый скот) и разряды урожайности начиная с 25 пудов и менее с десятины. Была составлена особая таблица ставок налога. Группы хозяйств и разряды урожайности предполагалось устанавливать на местах соответствующими губернскими и уездными властями, но с таким расчетом, чтобы сумма налога автономной республики, области, губернии, и уезда не были в итоге понижены.

Налог, как правило, должен был взиматься деньгами или натурой. Однако по соглашению комиссариатов продовольствия и финансов из этого правила допускались исключения. Декрет допускал отступление в ту и другую сторону, если по условиям реализации урожая натуральная форма взыскания окажется удобнее денежной или наоборот.

Для удовлетворения местных расходов (содержание школ, больниц, дорог, мостов, и пр.) устанавливалось процентное отчисление с каждого отдельного хозяйства. Размер этих отчислений определялся по соглашению комиссариатов финансов, продовольствия и внутренних дел.

Плательщики обязаны были приступить к сдаче налога сразу после уборки урожая и предъявления им окладных листов. Неисправные плательщики подлежали личной и имущественной ответственности в судебном и административном порядке. За просрочку платежей полагалась пеня. Отмечалось, что на неправильное исчисления и взыскание налога могли приноситься жалобы через налоговую инспекцию, но при этом разъяснялось, что взыскание налога подача жалобы не останавливает [36].

Общая сумма дохода от сельскохозяйственного налога была определена на 1923/24 г. в 420 млн золо-

тых рублей, в то время как поступления от всех налогов с крестьянских хозяйств – государственных и местных – в 1922/23 г. оценивалось в 390 млн золотых рублей. Таким образом, обложение деревни с введением единого сельскохозяйственного налога увеличилось.

С 1924/25 г. единый сельскохозяйственный налог взимался уже полностью в денежной форме. Этому способствовали процессы восстановления внутреннего рынка, укрепление государственных финансов, в частности денежная реформа. Налоги в деревне отделяются от системы заготовок сельскохозяйственных продуктов и переходят в ведение финансовых органов. Создается стройная система государственной налоговой политики.

С введением денежного налога продовольственные органы были упразднены. При этом в народном комиссариате финансов в отделе прямых налогов создавалась особая часть по налогу с сельского хозяйства, которая делилась на подотделы – законодательно-инструкторский, оперативный и статистический [37. Л. 1–2]. Подобную структуру имели и местные налоговые учреждения. В губернских финансовых отделах советов при подотделе прямых налогов создавалась особая часть по сельскохозяйственному обложению, в уездных финотделах – отделения по сельскохозяйственному налогу. При волостных исполкомах существовал налоговый стол «под ответственностью председателя волисполкома», который вел докладную книгу по селениям и вносил в нее сведения о поступлениях по налогу. За работой волостных налоговых столов следил разъездной налоговый инспектор. Во время сбора налогов работали выездные сессии народных судов, в том числе и выездные сессии губернских ревтрибуналов [Там же. Л. 3–4].

С введением денежных налогов тяжесть обложения по-прежнему оставалось высокой. Государственные налоги с крестьянского населения – прямые и косвенные – составили в 1924/25 г. 175 954 тыс. руб. По отношению к товарной массе сельского хозяйства это соответствовало 17% [34. Л. 207]. Кроме единого сельскохозяйственного налога крестьяне платили множество местных налогов и сборов. Общая сумма их к основному налогу в разных регионах колебалась от 20 до 80% [38. Л. 132, 133]. Информация с мест свидетельствовала, что крестьяне повсеместно выражали недовольство существовавшей налоговой политикой.

В 1925 г. в правительственных кругах прошли бурные дебаты о налоговой политике в деревне. А.И. Рыков охарактеризовал существующую налоговую систему как наследие «военного коммунизма», которое чрезвычайно тормозит развитие сельского хозяйства и накопление в нем. По мнению Н.И. Бухарина, высокое обложение сельского хозяйства являлось тормозом в его развитии. Вместе с политикой цен оно ограничивало пределы и перспективы народного хозяйства в целом. «Беря меньше, мы в тоже время сокращаем и “время производства” и “время обращения”, т.е. идя вначале медленно, мы с лихвой догоняем, перегоняем и оставляем далеко позади тот темп, который считаем основным вопросом нашей экономической политики». Среди партийно-

государственной элиты существовали и крайние мнения. Поступали даже предложения отменить сельскохозяйственный налог как государственный с тем, чтобы он стал “деревенским”, т.е. оставался в местном бюджете, а получаемая сумма расходовалась на нужды деревни (школы, больницы, агрономическая помощь и т.п.)» [34. Л. 216–219].

С переходом к социалистической реконструкции народного хозяйства значение налога как источника государственного дохода усилилось. Партия вновь идет по пути реформирования сельскохозяйственного налога. Об этом было сказано в решениях апрельского (1926 г.) пленума ЦК ВКП(б): «Достигнутая степень товарно-денежных отношений и накопления в деревне, с одной стороны, необходимость регулирования накопления в соответствии с интересами пролетарского государства, с другой, выдвигают задачу построения такой системы обложения крестьянского населения, которая по своему типу максимально приближалась бы к системе подоходного обложения» [39. С. 319].

Перестройка сельскохозяйственного налога была начата с 1926/27 г. Прежде всего, изменились принципы налогообложения. Он стал исчисляться по доходу хозяйства, определяемому в натуральных показателях. Исчисленный по натуральным показателям доход не соответствовал реальному доходу ни по размерам, ни по структуре. В наименее выгодных условиях оказалось зерновое направление. При этом общие размеры налоговых платежей увеличились на 31% [40. С. 205]. Это означало, что государство вновь преследовало не только фискальные, но и, прежде всего, политические цели в отношении крестьян. Заметно возросла прогрессия налоговых ставок. В 1924/25 г. бедняки платили 0,76 руб. с каждого члена семьи, середняки – 3,09, кулаки 11,03 руб. В 1926/27 г. ставка налога на едока в бедняцком хозяйстве понизилась до 0,22 руб., в середняцком почти не изменилась (3,13 руб.), а в кулацком достигла 15,42 руб. [1. С. 186].

Изменение курса наиболее отчетливо нашло отражение в усилении мер, направленных на экономическую деградацию зажиточного крестьянства. Согласно решениям XV съезда ВКП(б), потребовавшего дальнейшего усиления прогрессивно-подоходного обложения деревни, ЦК партии принял решение о повышении на 1928/29 г. суммы сельхозналога до 400 млн руб. (в 1927/28 г. было собрано 354,2 млн) при сохранении значительных льгот для колхозов и освобождения от обложения 35% хозяйств [41. С. 191]. Вводилась прогрессивная надбавка к нормативно исчисленному доходу зажиточных хозяйств от 5 до 25%. Причем самые богатые хозяйства стали облагаться в индивидуальном порядке. Немалая часть экономически сильных хозяйств не выдерживала повышенного обложения, утрачивала экономические позиции и переходила в другие слои населения.

Одновременно идет процесс усиления налоговых льгот для колхозов. В 1926/27 г. им предоставлялась скидка в размере 25% исчисленной суммы сельхозналога, а кооперативным товариществам, «применяющим общественную обработку земли без наемных рабочих», – в размере 10%. В 1928/29 г. скидка с

оклада налога была установлена в размере: 30% для коммун, 25% для сельскохозяйственных артелей и 20% для товариществ [42. Ст. 188; 43. Ст. 104].

Признаки серьезного разлада взаимоотношений между важнейшими сферами экономики, между государством и крестьянством обнаружались осенью 1927 г. Учитывая рыночную конъюнктуру, государственную налоговую политику, политику цен и другие факторы, крестьяне снизили удельный вес посевов зерновых культур с 85,1% в 1926 г. до 84,4% в 1927 г. Урожайность зерновых по стране снизилось на 10,5%, что привело к уменьшению заготовок на 12,7% по сравнению с 1926/27 г. К началу 1928 г. хлебный дефицит составил 128 млн пудов [44. С. 104].

Вместо экономических мер выравнивания ситуации к крестьянству были применены административно-репрессивные меры. К тем, кто не сдал всех «хлебных излишков», применялась ст. 107 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшая ответственность за спекуляцию. «Излишки» хлеба, а

точнее обычные хлебные запасы крестьян на случай неурожая, безвозмездно были конфискованы, что еще более подрывало экономику крестьянского хозяйства.

Гораздо серьезнее были политические последствия чрезвычайных мер. Государство более не считает крестьянина равным партнером по рынку. Индивидуальный крестьянин уже не рассматривается советской властью как союзник на длительную перспективу. Опыт налоговых кампаний первого десятилетия советской власти, до предела обострив противоречия между целями пролетарского государства и возможностями крестьянства, показал, что налоговая политика советской власти – это, прежде всего, классовая политика. К концу исследуемого периода складывается ситуация полной разбалансированности экономических отношений между государством и крестьянством. Выход был найден в командной экономике. Экономического партнерства между государством и крестьянством не получилось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов В.П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство, 1917–1927 гг.: сб. ст. / отв. ред. И.М. Волков. М.: Наука, 1977. С. 167–172.
2. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 318 с.
3. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 357 с.
4. Залесский М.Я. Налоговая политика Советского государства в деревне. М.: Госфиниздат, 1940. 120 с.
5. Соколов Н.Г. Ленин и налоговая политика партии в деревне (1917–1929) // Ученые записки Рязанского педагогического института. 1971. Т. 29. С. 34–59.
6. Роголина Н.Л. Налоговая политика Советского государства в отношении деревенской буржуазии до сплошной коллективизации (1926–1929) // Вестник МГУ. Сер. История. 1971. № 5. С. 60–73.
7. Носова Н.П. Управлять или командовать? Государство и крестьянство Советской России (1917–1929). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 345 с.
8. Доброженко Г.Ф. Противоречия налоговой политики в деревне 1921–1927 гг.: Между классовой справедливостью и экономической целесообразностью // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 3 (71). С. 239–243.
9. Гончарова И.В. «Противопоставление крестьянства власти... чувствуется довольно сильно»: Региональные аспекты налоговой политики в деревне в 1920-е годы. На материале Орловской губернии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2010. Вып. 2. С. 65–78.
10. Аграрная история XX века. Историография и источники. Самара: Самар. ун-т, 2014. 486 с.
11. Серпинский В.В. НЭП: практика налогообложения крестьянства // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1993. С. 60–73.
12. Масленникова А.А. Налоговая политика Советской России в 1917–1929 гг. (Историко-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 213 с.
13. Lewin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers. Princeton: Princeton University Press, 1974. 127 p.
14. Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925. Oxford: Oxford University Press, 1972. 253 p.
15. Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907–1917–1922. М.: Весь мир, 1997. 560 с.
16. History of the Russian peasantry in the 20 th Century (volume 1). Tokyo, 2002. 152 p.
17. History of the Russian peasantry in the 20 th Century (volume 2). Tokyo, 2004. 157 p.
18. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 1. Д. 6990.
19. Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т ист. Акад. наук СССР. М.: Политиздат, 1964. Т. III: 11 июля – 9 ноября 1918 г. 664 с.
20. Сборник декретов и распоряжений по финансам. Петроград: Ред.-изд. коллегия Нар. ком. финансов, 1919. Т. 1: 1917–1919 г. 440 с.
21. Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. М.: Ред.-изд. коллегия Нар. ком. финансов, 1919. 167 с.
22. Ленин В.И. Отчет о политической деятельности ЦК РКП (б) // Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 43.
23. Собрание Указаний РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1917–1918. № 57.
24. СУ РСФСР. 1917–1918. № 58.
25. СУ РСФСР. 1917–1918. № 62.
26. Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов. М.: Гос. изд-во, 1921. Ч. 1: Пленумы. 196 с.
27. СУ РСФСР. 1919. № 1.
28. Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М.: Наука, 1988. 302 с.
29. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). 8-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1970. Т. 2: 1917–1924. 543 с.
30. СУ РСФСР. 1918. № 99.
31. СУ РСФСР. 1919. № 14.
32. СУ РСФСР. 1921. № 26.
33. Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов за 1921 г. М.: Редакционно-издательский комитет НКЗ, 1922. 255 с.
34. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 3. Д. 1203.
35. СУ РСФСР. 1923. № 42.
36. Экономическая жизнь. 1923. 20 мая.

37. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 5629.
38. РГАЭ. Ф. 7496. Оп. 37. Д. 28.
39. КПСС в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 3.
40. Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М.: Наука, 1981. 309 с.
41. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970). 8-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1970. Т. 4: 1927–1931. 583 с.
42. Собрание законодательства (далее – СЗ). 1927. № 17.
43. СЗ. 1928. № 1.
44. Экономическое обозрение. 1928. № 11.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 января 2018 г.

FROM TSARISM TO THE NEW ECONOMIC POLICY. THE TAX MECHANISM OF REGULATING THE SOVIET RUSSIA PEASANT ECONOMY IN THE DISCOURSE OF POWER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 126–133.

DOI: 10.17223/15617793/428/17

Natalya P. Nosova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nosova-np@mail.ru

Keywords: tax policy; peasantry; food tax; surplus-appropriation; Soviet government; new economic policy.

The article is devoted to the creation of a tax mechanism for regulation of peasant economy in Soviet Russia. The tax policy is considered to be an efficient government tool regulating the agricultural sphere of economy. The research problem is studied in the discourse of power within a certain historical period – from tsarism to the new economic policy. The methodology of discourse (political discourse, in particular) is considered as the analysis of both explicit and implicit political meanings of the establishment of the new power. The suggested research approach allows to briefly observe (1) the state policy measures which led to the rise of some business patterns and the fall of the others, and (2) their influence on both the state of agriculture in the studied period and the perspectives of the country's social development. The author attempts to identify the peculiarities of tax mechanisms which regulate the agricultural sphere of economy focusing on the features of forming the paradigm, the model of the relationship between the state and the country's population that was not the political basis of power. The experience of tax campaigns, which seriously aggravated the contradictions between the state's goals and the peasants' abilities, showed that the most acceptable relationship was the power pressure method. The study proves that the tax policy of the Soviet state was, primarily, a class policy. The priority of political objectives in the absence of professional experience, an established accounting and control of tax collection became a defining feature of this policy. These processes manifested themselves from the second half of the 1920s, when the state's desire to shift its regulatory influence on grain procurements uniting grain collecting and tax campaigns became increasingly evident. In the course of these campaigns, the peasantry, instead of economic measures to equalize the economic situation, was subjected to administrative and repressive measures. Confiscating part of the peasants' necessary products, the state undermined the already fragile economic basis of the peasant economy. During the new economic policy in the conditions of the declared market economy, the state did not look at the peasants as an equal partner in the market, but used them rather as a source of bread. By the end of the studied period, the situation of the complete misbalance in the economic relations of the state and the peasantry shaped itself. The solution was found in the command economy. The economic partnership between the state and the peasantry did not work.

REFERENCES

1. Danilov, V.P. (1977) Sovetskaya nalogovaya politika v dokolkhoznoy derevne [Soviet tax policy in the pre-kolkhoz village]. In: Volkov, I.M. (ed.) *Oktyabr' i sovetskoe krest'yanstvo, 1917–1927 gg.* [October and the Soviet peasantry, 1917–1927]. Moscow: Nauka.
2. Danilov, V.P. (1977) *Sovetskaya dokolkhoznoy derevnya: naselenie, zemlepol'zovanie, khozyaystvo* [The Soviet pre-kolkhoz village: population, land use, farming]. Moscow: Nauka.
3. Danilov, V.P. (1979) *Sovetskaya dokolkhoznoy derevnya: sotsial'naya struktura, sotsial'nye otnosheniya* [Soviet pre-kolkhoz village farm: social structure, social relations]. Moscow: Nauka.
4. Zaleskiy, M.Ya. (1940) *Nalogovaya politika Sovetskogo gosudarstva v derevne* [The tax policy of the Soviet state in the countryside]. Moscow: Gosfinizdat.
5. Sokolov, N.G. (1971) Lenin i nalogovaya politika partii v derevne (1917–1929) [Lenin and the Party's Tax Policy in the Village (1917–1929)]. *Uchenye zapiski Ryazanskogo pedagogicheskogo instituta*. 29. pp. 34–59.
6. Rogalina, N.L. (1971) Nalogovaya politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii derevenskoy burzhazii do sploshnoy kollektivizatsii (1926–1929) [The tax policy of the Soviet state on the rural bourgeoisie to complete collectivization (1926–1929)]. *Vestnik MGU. Ser. Istoriya*. 5. pp. 60–73.
7. Nosova, N.P. (1993) *Upravlyat' ili komandovat'? Gosudarstvo i krest'yanstvo Sovetskoy Rossii (1917–1929)* [To manage or to command? The state and the peasantry of Soviet Russia (1917–1929)]. Moscow: Moscow *SU.
8. Dobrozhenko, G.F. (2009) Protivorechiya nalogovoy politiki v derevne 1921–1927 gg.: Mezhdru klassovoy spravdlivost'yu i ekonomicheskoy tselesoobraznost'yu [Contradictions of tax policy in the village in 1921–1927: Between class justice and economic expediency]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*. Vyp. 3 (71). pp. 239–243.
9. Goncharova, I.V. (2010) "Protivopostavlenie krest'yanstva vlasti... chuvstvuet'sya dovol'no sil'no": Regional'nye aspekty nalogovoy politiki v derevne v 1920-e gody. Na materiale Orlovskoy gubernii ["The opposition of the peasantry to the government... is felt quite strongly": Regional aspects of tax policy in the countryside in the 1920s on the material of Orel Province]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian history*. 2. pp. 65–78.
10. Kabytova, N.N., Kabytov, P.S. & Kondrashin, V.V. (eds) (2014) *Agrarnaya istoriya XX veka. Istoriografiya i istochniki* [Agrarian history of the 20th century. Historiography and sources]. Samara: Samara State University.
11. Serpinskiy, V.V. (1993) NEP: praktika nalogooblozheniya krest'yanstva [NEP: the practice of taxation of the peasantry]. *Vestnik MGU. Ser. Ekonomika*. 5. pp. 60–73.
12. Maslennikova, A.A. (2004) *Nalogovaya politika Sovetskoy Rossii v 1917–1929 gg. (Istoriko-pravovoy analiz)* [The tax policy of Soviet Russia in 1917–1929. (Historical and legal analysis)]. Law Cand. Diss. N. Novgorod.
13. Lewin, M. (1974) *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers*. Princeton: Princeton University Press, 127 r.
14. Shanin, T. (1972) *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925*. Oxford: Oxford University Press.

15. Shanin, T. (1997) *Revolutsiya kak moment istiny. 1905–1907–1917–1922* [Revolution as a moment of truth. 1905–1907—1917–1922]. Moscow: Ves' mir.
16. Okuda, H. (ed.) (2002) *History of the Russian peasantry in the 20th Century*. Vol. 1. Tokyo: University of Tokyo.
17. Okuda, H. (ed.) (2004) *History of the Russian peasantry in the 20th Century*. Vol. 2. Tokyo: University of Tokyo.
18. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7733. List 1. File 6990. (In Russian).
19. Politizdat. (1964) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of Soviet power]. Vol. 3. Moscow: Politizdat.
20. People's Committee of Finance. (1919) *Sbornik dekretov i rasporyazheniy po finansam* [Collection of decrees and orders for finance]. Vol. 1. Petrograd: Red.-izd. kollegiya Nar. kom. finansov.
21. People's Committee of Finance. (1919) *Trudy Vserossiyskogo s"ezda zaveduyushchikh finotdelami* [Proceedings of the All-Russian Congress of the Heads of the Finance Departments]. Moscow: Red.-izd. kollegiya Nar. kom. finansov.
22. Lenin, V.I. (1970) Otchet o politicheskoy deyatel'nosti TsK RKP (b) [Report on the political activities of the Central Committee of the RCP(b)]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. 43. Moscow: Politizdat.
23. *Sobranie Uzakoneniy RSFSR*. (1917–1918). 57.
24. *Sobranie Uzakoneniy RSFSR*. (1917–1918). 58.
25. *Sobranie Uzakoneniy RSFSR*. (1917–1918). 62.
26. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (1921) *Vtoroy Vserossiyskiy s"ezd professional'nykh soyuzov* [The Second All-Russian Congress of Trade Unions]. Pt. 1. Moscow: Gos. izd-vo.
27. *Sobranie Uzakoneniy RSFSR*. (1919). 1.
28. Kabanov, V.V. (1988) *Krest'yanskoe khozyaystvo v usloviyakh "voennogo kommunizma"* [Peasant farming in the conditions of "military communism"]. Moscow: Nauka.
29. Politizdat. (1970) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenimov TsK (1898–1970)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1970)]. 8th ed. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
30. *Sobranie Uzakoneniy RSFSR*. (1918). 99.
31. *Sobranie Uzakoneniy RSFSR*. (1919). 14.
32. *Sobranie Uzakoneniy RSFSR*. (1921). 26.
33. People's Commissariat of Agriculture. (1922) *Otchet Narodnogo komissariata zemledeliya IX Vserossiyskomu s"ezdu Sovetov za 1921 g.* [Report of the People's Commissariat of Agriculture to the 9th All-Russian Congress of Soviets for 1921]. Moscow: Redaktsionno-izdatel'skiy komitet NKZ.
34. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7733. List 3. File 1203. (In Russian).
35. *Sobranie Uzakoneniy RSFSR*. (1923). 42.
36. *Ekonomicheskaya zhizn'*. (1923). 20 May.
37. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7733. List 1. File 5629. (In Russian).
38. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 7496. List 37. File 28. (In Russian).
39. Fedoseev, P.N. & Chernenko, K.U. (eds) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov i plenimov TsK* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses and plenums of the Central Committee]. 8th ed. Vol. 3. Moscow: Politizdat.
40. Bokarev, Yu.P. (1981) *Byudzhetye obsledovaniya krest'yanskikh khozyaystv 20-kh godov kak istoricheskiy istochnik* [Budgetary surveys of peasant farms of the 1920s as a historical source]. Moscow: Nauka.
41. Fedoseeva, P.N. & Chernenko, K.U. (eds) (1970) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenimov TsK (1898–1970)* [The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1970)]. 8th ed. Vol. 4. Moscow: Politizdat.
42. *Sobranie zakonodatel'stva*. (1927). 17.
43. *Sobranie zakonodatel'stva*. (1928). 1.
44. *Ekonomicheskoe obozrenie*. (1928). 11.

Received: 27 January 2018

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: ИДЕИ И ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ (МАРТ – ОКТЯБРЬ 1917 г.)

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности. Проект «Революционная Россия: смена модели и практик социальной помощи в первой четверти XX века (на материалах Восточной Сибири)» № 16-11-24002.

Рассматривается одна из проблем социальной истории – реализация в чрезвычайных условиях войны и революции либерально-демократических представлений о социальной помощи. На основе архивных документов, журналов заседаний, законодательных актов, материалов периодической печати анализируется деятельность Временного правительства по организации социальной помощи населению в целом и его отдельных социальных групп. Сделан вывод о выработке кардинально нового понимания социальной политики в дооктябрьский период 1917 г.

Ключевые слова: благотворительность; общественное призрение; социальная политика; Временное правительство; Министерство государственного призрения.

Социальная политика включает в себя регулирование процессов развития общества, принятие решений в социальной сфере, меры реальной социальной помощи. Термин «социальная политика» в предреволюционный период получил в литературе, посвященной проблемам социального попечения, широкое распространение. Г.Г. фон Витте – управляющий отделом народного здоровья и общественного призрения Министерства внутренних дел, в 1914 г. утверждал, что «обязательное призрение имеет тенденцию вытесняться социальной политикой (страхованием, воспитанием, мерами трудовой помощи, т.е. предупреждением бедности). Непосредственная же помощь должна оставаться и дальше» [1. Т. 1. С. 486–487]. При этом никакой обязательности в период империи в деле социальной помощи не существовало. Подход с акцентом на «профилактику» бедности был определен в качестве перспективного городскими самоуправлениями в вариантах решения жилищного вопроса, организации здравоохранения, образования и пр. [2. Р. 201]. Либеральные представления и направления работы базировались на идее о возможности преодоления классовых и политических границ, формирования гражданского общества [3. Р. 37].

Первая мировая война кардинально изменила представление о роли государства в социальной помощи: происходило очевидное смещение задач от общественного призрения неимущих, проводившееся в порядке благотворительности, к обеспеченной государством социальной поддержке семей фронтовиков, раненых и увечных воинов, беженцев, чаще всего независимо от их «состоятельности».

В условиях революционного напряжения 1917 г. Временное правительство России попыталось создать единую государственную систему социальной помощи. 16 марта правительством был поставлен вопрос о создании структуры, объединяющей все благотворительные общества. Была учреждена Комиссия комиссаров по благотворительным учреждениям под председательством государственного контролера И.В. Годнева, которая 21 марта начала реорганизацию в варианте переподчинения благотворительных ведомств (комитетов), носивших раньше имена членов царской фа-

милии, министерствам. Верховный совет по призрению раненых и увечных воинов и семей лиц, призванных на войну и Комитет великой княгини Марии Павловны по снабжению одеждою нижних чинов, увольняемых на родину из лечебных заведений, передавались в ведение Военного министерства. Романовский комитет для призрения сирот сельского населения, Попечительство о трудовой помощи – в ведение Министерства внутренних дел. Алексеевский Главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, Комитет имени генерал-адъютанта М.Д. Скобелева для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам – в ведение Министерства народного просвещения [4]. Совет Императорского человеколюбивого общества упразднился с передачей функций канцелярии выборной комиссии из служащих. Сохранялось всероссийское Попечительство по охране материнства и младенчества, поскольку оно действовало, согласно уставу, как частная благотворительная организация [5. С. 283]. Переподчинения носили временный характер, и отражали отсутствие четкого плана в этой области.

Перспективы в деле организации социальной помощи прорабатывались активистами попечительской работы на городских совещаниях. Первое заседание по подготовке законопроекта о системе социальной помощи состоялось в Москве 28 апреля 1917 г. Выработка законов долгосрочного действия была на нем обозначена как «невозможная при данных условиях общественной жизни» [6. Д. 2. Л. 1 об.]. Были акцентированы вопросы перспективной социальной политики: об обязательности призрения; о категориях лиц, подлежащих ему; о центральных и местных органах призрения; о средствах на него (коммунальное финансирование при привлечении государственных средств при нехватке их на местах); об установлении налогов в пользу бедных и т.д. [Там же. Л. 8; 7. Р. 278]. Совещание ориентировалось на общественную активность, на благотворительность, опасалось излишнего вмешательства государства в дела местных самоуправлений.

Новая социальная политика разрабатывалась и в рамках Министерства государственного призрения¹,

созданного после апрельского кризиса Временного правительства 5 мая. Первым министром государственного призрения был назначен князь Д.И. Шаховской, а одним из его заместителей («товарищем министра») впервые в министерской истории России стала женщина – графиня С.В. Панина. На многих заседаниях Временного правительства она присутствовала в качестве представителя от Министерства государственного призрения. Именно Панина концентрировалась на работе по реконструкции системы социальной помощи царистской России [8. Р. 166]. В последующем министрами или исполняющими обязанности были кадеты и прогрессисты (А.А. Барышников, А.И. Бакунин, И.Н. Ефремов, Н.М. Кишкин), заместителями министра – А.И. Бакунин, К.Г. Голубков. В подчинение нового министерства постепенно переводилась большая часть благотворительных ведомств. Принципы работы социального министерства обнаруживаются в подготовленной к печати брошюре «Очерк теории призрения бедных (к образованию в России Министерства государственного призрения)» В.Д. Могульского. Система должна была строиться на децентрализации деятельности в области социальной помощи, при этом участие государства заключалось бы в выработке принципов и общем руководстве, а распределение финансов из центра на места – в дополняющем, субсидиарном. Основное место отводилось мерам социальной профилактики через развитие ссудо-сберегательных касс, народных банков, потребительских обществ, страховых организаций и др. [6. Д. 6. Л. 8–11]. Эти направления сферы социальной помощи соответствовали перспективным задачам Министерства государственного призрения в России, однако реальность войны требовала срочного реагирования в вариантах поддержки конкретных организаций и акций помощи.

В недрах самих организаций социальной помощи прорабатывались вопросы обязательного государственного призрения некоторых категорий граждан. В докладе комиссии, образованной в августе Петроградской городской управой для разработки проекта «Положения об управлении общественным призрением г. Петрограда» под председательством товарища городского головы А.В. Луначарского, говорилось: «Демократическое мирозозерцание не может допускать взгляда на помощь бедняку как на акт милосердия, а заставляет рассматривать ее как обязанность государства...» [Там же. Л. 78 об.]. Изменение социального строя, по мнению участников комиссии, поставило вопрос об организации общественного призрения на одно из первых мест в политике. Обязательное призрение отделялось от благотворительности, «которая совершенно свободна в своих проявлениях». Общественная же помощь «суживает круг своих задач, ограничивая их оказанием помощи только тем беднякам, которые не в состоянии собственными усилиями выбиться из постигшей их нужды и не могут решительно ни от кого в данный момент получить поддержки» [Там же. Л. 78]. Помощь предусматривалась в размере «минимума необходимого» и ставилась в зависимость от причин, вызывавших бедность: причины случайного характера – «открытое» призре-

ние (на дому); дети, калеки, старики – «закрытое» призрение (в специальных заведениях); «слабовольный, апатичный и в значительной мере склонный к преступности элемент, отказывающийся отстоять себя на рынке труда, бессильный вести самостоятельное трудовое существование» – принудительное призрение «с исправительным началом» [6. Д. 6. Л. 79]. Специальные отделения должны были заниматься инвалидами войны. В соответствии с социальными группами предполагалось создание отделений социального попечения при каждой районной думе, опиравшихся на работу домовых комитетов [9]. Участники петроградской комиссии считали важным реализовать идею государственного призрения в трехмиллионном Петрограде, чтобы опыт столицы затем проанализировать, обобщить и распространить на всю страну.

11 августа 1917 г. в Министерстве государственного призрения была образована организационная комиссия под председательством товарища министра В.Н. Половцева, которая к концу сентября выработала положение «О местных уполномоченных Министерства государственного призрения». В обязанности уполномоченных входили: деятельность по ликвидации и передаче учреждений в ведение министерства; временное заведование; содействие местным общественным управлениям и поддержка частной инициативы в организации социальной помощи; организация образцово-показательных учреждений общегосударственного характера; обследование района в отношении состояния дела социальной помощи; представление отчетов в министерство. Уполномоченные могли самостоятельно решать дела и распределять суммы по инструкции [6. Д. 2. Л. 24–24 об.; Д. 6. Л. 2–2 об.]. Район, подведомственный уполномоченному, определялся для каждого случая в отдельности [6. Д. 6. Л. 2–2 об.]. При ликвидации организаций уполномоченный должен был собирать совещания работников. Эти решения закладывали основы системы порайонного социального обеспечения.

Особое значение для организации социальной помощи имело введение Временным правительством в дополнение к системе губернских и уездных земств волостных земских учреждений (21 мая 1917 г.), на которые также возлагалось «попечение о призрении бедных, устройство благотворительных заведений, приютов, богаделен, странноприимных домов и т. п.». Для решения этих задач волостные земства получили право облагать налогами недвижимые имущества, и «устанавливать особые сборы» [10. С. 98–99]. В положении о поселковом управлении (15 июля 1917 г.) также указывалось на обязанность этих управлений проводить мероприятия «по призрению бедных» [11. С. 346; 12. С. 499]. Изменения затронули и действовавшее Городовое положение. Компетенции самоуправлений были дополнены обязанностью устройства попечительства о бедных. В качестве превентивных мер предполагалось устройство общественных работ, бирж труда, посреднических контор по поиску работы, благотворительных заведений, общественных мастерских и ночлежных домов [12. С. 446]. В действительности в городах и поселках формировались дополнительно к органам самоуправления комитеты

общественной безопасности и подобные им организации [13. С. 59]. Это создавало сложные условия для поддержания и реорганизации социальной помощи, вопросы которой были на периферии общественно-политической активности.

Реальная помощь оказывалась решениями правительства по запросам экстренного характера на помощь «беднейшим жителям», пострадавшим от пожаров, наводнений и половодий регионов (Барнаул, Кременчуг, Новороссийск) [10. С. 69, 216, 314].

Вопросами страхования занималось Министерство труда. Постановления о страховании на случай болезни (25 июля 1917 г.), об обеспечении материнства (17 октября 1917 г.) расширяли некоторые положения закона о страховании 1912 г. Подводя итог страховым реформам Временного правительства, реформаторы социального обеспечения уже советского периода писали: «...широкие массы рабочих (все транспортные рабочие, торгово-промышленные служащие, сельскохозяйственные рабочие и все занятые по найму в мелкой промышленности) остались вне поля реформы Временного соглашательски-“социалистического” правительства. Формы “полицейского” надзора были сохранены, лишь с некоторыми изменениями состава органов надзора. Новых видов страхования (кроме лечебной помощи) введено не было» [14. С. 8]. Но были и противоположные оценки: «...во всякое другое время это была бы крупная и смелая реформа... но октябрьский переворот отнял у этой реформы почву под ногами и свел к минимуму ее историческое значение» [15. С. 129]. Современные исследователи считают, что программа социального страхования была провалена [16. С. 130], социальная политика в сфере труда имела позитивные сдвиги [17. С. 13], а закон 25 июля об обеспечении рабочих на случай болезни (больничных кассах под управлением самих рабочих) был определенным (единственным) достижением в этой области [18. С. 71].

Категории населения, нуждавшиеся в организованной социальной помощи, в 1917 г. по терминологии того времени обозначались как «жертвы войны». К ним относились инвалиды и раненые, семьи призванных солдат, беспризорные дети. Одним из первых финансовых решений правительства было продолжение выдачи субсидий комитетам и организациям помощи жертвам войны из средств государственного казначейства [19. С. 27]. Под давлением солдат были приняты решения, увеличивавшие число категорий, которым должны были выдаваться пособия. Так, 5 апреля действие Закона 25 июня 1912 г. «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» было распространено на сверхслужащих [5. Вып. 1. С. 282–283]. 22 июня 1917 г. Временное правительство включило в систему помощи внебрачных жен, детей, матерей, братьев, сестер и приемных детей призванных солдат [20. С. 139–140; 21. С. 208]. Количество выдаваемых пайков выросло к 1 сентября 1917 г. по сравнению с 1 марта того же года в 1,37 раза, а ежемесячные суммы на продовольственное пособие – на 385,7 млн руб. (в 2,28 раза) (подсчитано по: [22. С. 51]). Однако увеличение размера пайкового довольствия и расширение круга его получа-

телей являлись путем, который вел в тупик, справедливо считает Л.А. Булгакова [23. С. 70].

Особого внимания требовали увечные и раненые войны. По предложению министра-председателя князя Г.Е. Львова от 12 марта было сохранено под председательством А.А. Веденяпина Особое совещание по рассмотрению ходатайств о пособиях на организацию помощи больным и раненым воинам («Комиссия Веденяпина») [Там же. С. 82]. 29 июня 1917 г. принято решение об учреждении Временного общегосударственного и местных комитетов помощи военноувечным. В тех регионах, где еще отсутствовали земства и городские самоуправления, предлагалось организовывать комитеты помощи военноувечным из представителей местных общественных благотворительных организаций и местных союзов военноувечных [24. С. 62–63]. В комитетах инвалиды добивались восстановления и расширения прав на пособие: министру государственного призрения вместо пяти категорий инвалидности они предложили восемь [25. С. 17]. На 2-й сессии комитета в сентябре 1917 г. министр государственного призрения И.Н. Ефремов говорил о создании органов «социальной инспекции», «не для контроля, а для координации действий». Объединяющую роль должен был играть Союз земств и городов, проводя законопроекты в жизнь [26. Л. 1]. В рамках Министерства государственного призрения были разработаны «Желательные основания закона о помощи военноувечным», предложено ввести термин «воинские чины армии и флота», не разделявший военных на офицеров и нижних чинов. Государственная помощь по содержанию не менялась. Она выражалась в пенсионном обеспечении (до назначения сучотных), лечении, снабжении протезами, обучении, единовременных пособиях, обеспечении платными занятиями, полного призрения [6. Д. 35. Л. 29–30 об.].

Временное правительство активно занималось проблемами организации помощи детям (сиротам, беспризорникам); вынашивались планы создания системы государственной заботы о детях. Был разработан проект «О государственном комитете по детскому призрению». Устройство приютов и их развитие поручалось, согласно планам 1916 г., земским учреждениям [27. Л. 12]. 10–14 августа 1917 г. в Петрограде по инициативе Министерства государственного призрения состоялось Всероссийское совещание по вопросам организации социальной помощи детям. В нем приняли участие представители социальных заведений ряда губерний и городов, советов рабочих, благотворительных и просветительных организаций. На совещании была выдвинута идея создания социальной «детской» инспекции, которая должна была осуществлять надзор «за состоянием детской беспризорности и нужды», «извлекать» детей из «несоответствующих интересам индивидуума и общества условий существования», размещать их в учреждениях социальной помощи, контролировать уровень гигиены, процессы воспитания и обучения детей [28. С. 185].

В отношении беженцев политика Временного правительства концентрировалась на их трудоустройстве. Согласно «Правилам о мерах привлечения беженцев к сельскохозяйственным работам» от 29 марта особые

уездные комитеты должны были осуществлять посредничество между владельцами земли и артелями беженцев, содействие в поиске жилья, контроль за вознаграждением труда и т.п. Предполагалось организовать регистрацию беженцев, занимавшихся сельхозработами, обеспечение их медицинской, санитарной, юридической помощью, льготным проездом по железной дороге [5. С. 381–383]. Отношение к общественным организациям беженцев заключалось, как говорил Е.Г. Львов, «не в ликвидации, а в реорганизации», нацеленной на «тесное сближение между всеми организациями» [Там же. С. 87], т.е. благотворительными обществами с новыми советами.

Аппаратные работники Министерства государственного призрения придерживались тактики передачи ответственных функций местным земским и городским организациям. Отвечая на просьбы о финансировании, министерство указывало, что «считает возможным удовлетворение прошений частных обществ с мест только при условии сопровождающего их благоприятного отзыва со стороны местного самоуправления» [6. Д. 14. Л. 234, 235]. На запросы о возможности создания приютов для детей-сирот последовало разъяснение, что министерство не осуществляет непосредственную организацию приютов и общежитий, а лишь оказывает содействие общественной инициативе [Там же. Л. 71, 152].

Главную проблему в образовании новой централизованной структуры социальной помощи создавал процесс разрушения прежних систем финансирования, которые сочетали в себе государственные ассигнования, перечисления процентов с неприкосновенных капиталов и имуществ, благотворительные капиталы и др. На содержание социальных ведомств и заведений правительством было ассигновано 55 млн руб. [29. С. 137]. Статьи расхода были классифицированы по различным открытым счетам в соответствии с прежними законами и установленными операциями для каждого учреждения. При этом организационные трудности составили передачи средств из ведомства в ведомство. В Министерство финансов от Главного управления уделов поступил специальный двухмиллионный капитал, из дохода которого начислялись пособия семьям военных и морских чинов, которым помощь должно было оказывать уже Министерство государственного призрения [6. Д. 17. Л. 1]. В Министерство государственного призрения из департамента общих дел Министерства внутренних дел переходили средства по статьям отдела народного здоровья, капиталы приказов общественного призрения (2 млн руб.), распоряжение которыми ограничивали целевые завещания. Было решено в тех областях, где не было земств, например в Сибири, пока они не образуются, оставить учреждения призрения (богадельни, приюты) в ведении Министерства внутренних дел [Там же. Д. 12. Л. 4 об.]. Сложную финансовую картину дополнял процесс разрушения каналов поступлений денег: крестьяне отказывались платить деньги за аренду земли, а эти средства являлись доходными для содержания инвалидов [Там же. Д. 14. Л. 438, 453]. Из бывшего Ведомства учреждений императрицы Марии сообщали, что «в связи с государственным переворо-

том, арендаторы принадлежащих ведомству имуществ, воспользовавшись создавшимся в государстве положением, захватили некоторые имущества и отказываются вносить арендную плату» [6. Д. 3. Л. 19].

Внутри Министерства государственного призрения в течение всего периода его существования шли споры по организационным вопросам. За небольшой (почти шестимесячный срок) было разработано несколько проектов ведомственной организационной структуры. Один из планов включил в министерский аппарат так называемые центральные управления: общих дел, по делам общего призрения, по делам специального призрения, борьбы с нищенством и бродяжничеством, по делам помощи инвалидам, финансово-распорядительное [6. Д. 93. Л. 3–4 об.]. Летом при министерстве формировалось управление по делам детского призрения с отделами охраны материнства и младенчества, призрения малолетних детей, средних учебно-воспитательных заведений. Кроме того, были управления: по делам общего призрения с отделами призрения бедных, призрения престарелых, призрения слепых и глухонемых, призрения хроников и увечных; хозяйственное управление с отделами хозяйственным, финансовым, техническо-строительным; при каждом управлении должны были создаваться особые советы во главе с товарищем министра [Там же. Д. 6. Л. 19–22 об.].

Ведомственная работа осложнялась постоянными пертурбациями, происходившими из-за неопределенности функций, слабой координации действий подразделений. Это сопровождалось снижением трудовой дисциплины, исполнительности и порядка в учреждениях. Приказ по Министерству государственного призрения от 16 мая 1917 г. предписывал всем служащим являться на работу «не позднее одиннадцати часов утра и оставлять оную не ранее пяти часов полудни» [Там же. Д. 1. Л. 1]. В августе эти же требования были вновь повторены. В подразделениях на местах возникали кризисные ситуации. Комиссар Временного правительства от министерства призрения по Москве телеграфировал 13 июня в Петроград, что служащие нижнего звена объявили забастовку во всех попечительских учреждениях, и он вынужденно объявил о сложении своих обязанностей [Там же. Д. 14. Л. 13]. В структуре самого министерства зрело недовольство, а в октябре начались беспорядки. В материалах Особого совещания Министерства государственного призрения за октябрь отражена катастрофическая ситуация в подведомственных министерству учреждениях: бастовали служащие, не работало отопление. Из Москвы вновь сообщали: «положение становится угрожающим», на что министр Н.И. Кишкин только посоветовал: «обратитесь содействием прокурорского надзора» [Там же. Д. 64. Л. 9].

При общей оценке социальной политики Временного правительства, следует учитывать, что она была результатом политического компромисса и в силу малого периода ее осуществления не могла дать немедленных социальных результатов. Как полагает В.Б. Бобровников, Временное правительство «фактически развалило прежнюю систему общественного призрения, складывающуюся в России веками, не

успев создать новую», без ощутимых результатов [30. С. 70]. Такая достаточно категоричная оценка требует уточнений. Социальная политика возникала под давлением чрезвычайных обстоятельств: средства выделялись на экстренную помощь. Министерство призрения «наметило английский тип государственного призрения, при котором вся конкретная деятельность принадлежала общественным организациям, а на центральном ведомстве лежали задачи регистрации, объединения деятельности отдельных учреждений, финансирования» [31. С. 264]. В этом направлении правительству удалось провести определенную работу по систематизации разных по происхождению видов социальной помощи. Решения Временного правительства специально обозначались

им как «временные». Стиль (способ) принятия решений в области социальной политики можно характеризовать как демократический (делегирования в комиссии, обсуждения на совещаниях, передача управленческих функций выборным органам). Правительство имело в качестве программной перспективы систему государственного обеспечения инвалидов, детей и других категорий нуждающихся. Наметившиеся либерально-демократические преобразования прошли стадию разработки и начальной реорганизации. Идеи и практика деятельности Временного правительства помогли уже советскому Временному правительству (Совету народных комиссаров) создать новый тип социальной помощи – систему социального обеспечения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Название министерства подчеркивало намерение перевода социальной ответственности от благотворительных структур государству. В делопроизводственных документах канцелярии Временного правительства наряду с названием министерства как государственного призрения фигурирует название: «Министерство социального обеспечения» (ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 2. Л. 16, 28 об.). Население же по-разному понимало роль и задачи нового ведомства, что нашло отражение в различных его наименованиях при обращениях с мест: «министерство общественного призрения», «министерство благотворительности», «социальное министерство».

ЛИТЕРАТУРА

1. Труды съезда по общественному призрению, созванного Министерством внутренних дел, 11–16 мая 1914 г. : в 2 т. Т. 1: Доклады и журналы заседаний. Пг. : Тип. В. Безобразов и К^о, 1914. [10], XXXVII, 745 с.
2. Bautz A. Sozialpolitik statt Wohltätigkeit? Der Konzeptionswandel städtischer Fürsorge in Sankt Petersburg von 1892 bis 1914. Wiesbaden : Harrassowitz, 2007. 221 p.
3. Lindenmeyr A. Building Civil Society One Brick at a Time: People's Houses and Worker Enlightenment in Late Imperial Russia // *The Journal of Modern History*. 2012. № 84 (March). P. 1–39.
4. Вестник Временного правительства. 1917. № 17 (63). 25 марта.
5. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг. : Государственная типография, 1917. VI, 2, 555 с.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6787. Оп. 1.
7. Pavlova I. Soziale Rechte am Wendepunkt: Das Recht auf Sozialhilfe unter den Bedingungen der russischen Revolution // *Staatsbürgerschaft und Teilhabe: Bürgerliche, politische und soziale Rechte im östlichen Europa*. Hrsg. Katrin Boeck u.a. De Gruyter Oldenburg ; München, 2014. P. 269–288.
8. Lindenmeyr, Adele. «The First Woman in Russia»: Countess Sofia Panina and Women's Political Participation in the Revolutions of 1917 // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2016. № 9. P. 158–181.
9. Вестник городского самоуправления. 1917. № 50. 22 августа.
10. Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года : в 4 т. Т. 2: Май – июнь 1917 года / отв. ред. тома Б.Ф. Додонов ; сост. Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. М. : РОССПЭН, 2002. 511 с.
11. Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года : в 4 т. Т. 3: Июль – август 1917 года / отв. ред. тома Б.Ф. Додонов ; сост. Е.Д. Гринько. М. : РОССПЭН, 2004. 416 с.
12. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2: 5 мая – 24 июля 1917 г. Часть первая. Отделы I–VIII. Пг. : Первая государственная типография, 1918. VII, 799 с.
13. Чудаков О.В. Городское самоуправление, общественные силы в Сибири (март–октябрь 1917 г.) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2013. № 5 (25). С. 59–63.
14. Социальное обеспечение за пять лет (30 апреля 1918 г. – 30 апреля 1923 г.). М. : Мосполиграф, 1923. 44 с.
15. Вигдорчик Н.А. Теория и практика социального страхования. Вып. третий. Страхование на случай болезни в России. Пг. : Книга, 1922. 156 с.
16. Орлова Н.Е. Государственное регулирование в практике Временного правительства (март–октябрь 1917 г.): историко-правовой аспект; Ростовский государственный экономический университет. Ростов н/Д : РГЭУ «РИХН», 2006. 156 с.
17. Фельдман М.А. Заметки о социальной политике Временного правительства в сфере трудовых отношений летом–осенью 1917 г. // *Историко-экономические исследования*. 2010. № 3. С. 5–15.
18. Евдошенко И.В. Временное правительство и реформы трудовых отношений в России (февраль–октябрь 1917 г.) // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право*. 2006. Вып. 13 (68). С. 67–73.
19. Журналы заседаний Временного правительства : в 4 т. Т. 1: Март – октябрь 1917 года / отв. ред. тома Б.Ф. Додонов ; сост. Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская ; Архив новейшей истории России. Сер. «Публикации». М. : РОССПЭН, 2001. 448 с.
20. Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003. 152 с.
21. Булакова Л.А. Невенчанные солдаты: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны // *Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века: исследования, историография, источники*. СПб. : Нестор-История, 2009. С. 183–214.
22. Россия в мировой войне 1914–1918 года: (в цифрах): Центральное статистическое управление. Отдел военной статистики. М. : [Б. и.], 1925. 103 с.
23. Булакова Л.А. Положение солдатских семейств в 1917 году (По материалам правительственной корреспонденции) // *Новейшая история Отечества XX–XXI век*. Саратов : Наука, 2007. Вып. 2. С. 68–84.
24. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2, ч. 1. 5 мая – 24 июля 1917 г. Пг. : Первая государственная типография, 1918. VII, 799 с.
25. Зумпф А. Инвалидность и экспертиза во время Первой мировой войны в России // *Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. Сборник статей / ред. К. Бруиш, Н. Катцер*. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 58–80.

27. Российский государственный исторический архив. Ф. 769. Оп 1. Д. 139.
28. Мейер А. Совещание по вопросам организации социальной помощи детям // Трудовая помощь. 1917. № 7. С. 170–198.
29. Белошапка Н.В. Временное правительство в 1917 г.: механизм формирования и функционирования. М. : Диалог-МГУ, 1998. 175 с.
30. Бобровников В.Г. Социальные преобразования Временного правительства (март–октябрь 1917) // PRIMO ASPECTU. Известия ВолгГТУ. 2014. Т. 16, № 5 (132). С. 67–70.
31. Коваленко Н.А. Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования (Февраль – октябрь 1917 г.) / МГУ им. М.В. Ломоносова; Ин-т гос. упр. и социал. исслед. М. : Университетский гуманитарный лицей, 2000. 347 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 июня 2017 г.

THE SOCIAL POLICY OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT: IDEAS AND EXPERIENCE OF IMPLEMENTATION (MARCH – OCTOBER, 1917)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 134–140.

DOI: 10.17223/15617793/428/18

Irina P. Pavlova, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: iripa@inbox.ru

Tatyana A. Kattsina, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: tkatsina@sfu-kras.ru

Keywords: charity; public contempt; social policy; Provisional Government; Ministry of State Charity.

This article discusses the implementation of the liberal and democratic concepts of social assistance in the extraordinary environment of war and revolution. The activities of the Provisional Government aimed at organization of social assistance to the population in general, and to individual social groups that suffered during World War I (families of recruits, orphans, homeless children, disabled in action, refugees) are analyzed on the basis of archival documents, minutes, regulatory acts, materials of periodicals. It is discovered that some decrees of the Russian Provisional Government were implemented as urgent measures aimed at smoothing the complicated social situation. Simultaneously, the established Ministry of State Charity developed promising fields of assistance to the poor: categories of the poor and principles of social assistance arrangement were determined (participation of state, public authorities, charity societies). The Government supported the concept of preventive measures to avoid poverty: insurance, assistance in searching for jobs, arrangement of welfare works, development of loan agencies, consumer societies and others. For the first time in Russian history the Ministry of State Charity concentrated the aspects of social policy at the governmental level and performed general management of this field. The Government attempted to centralize the system of social care and at the same time to democratize the procedure of social care: to stimulate creativity and responsibility of local authorities and public agencies. An area-distributed system of assistance was developed guided by local governments and supervised by local officers of the Ministry of State Charity. It was proposed to introduce special inspections for child care structures. The main concern was about financing, it was a consequence not only of inflation but also of the destruction of former charity channels of financing. It is concluded that a new cardinal concept of social care was developed in the pre-October period of 1917. The general and challenging trend of further development of social legislation, state charity, was determined; the notion of social care itself appeared. The results of the activities of the Provisional Government became the basis for the development of the Soviet system of social care concerning centralization and unification.

REFERENCES

1. Congress on Public Charity. (1914) *Trudy s'ezda po obshchestvennomu prizreniyu, sozvanogo Ministerstvom vnutrennikh del, 11–16 maya 1914 g.: v 2 t.* [Proceedings of the Congress on Public Charity, convened by the Ministry of Internal Affairs, May 11–16, 1914: in 2 vols]. Vol. 1. Petrograd: Tip. V. Bezobrazov i Ko.
2. Bautz, A. (2007) *Sozialpolitik statt Wohltätigkeit? Der Konzeptionswandel städtischer Fürsorge in Sankt Petersburg von 1892 bis 1914* [Social policy instead of charity? The Conceptual Change of Municipal Care in Saint Petersburg from 1892 to 1914]. Wiesbaden: Harrassowitz.
3. Lindenmeyr, A. (2012) Building a Civil Society One Brick at a Time: People's Houses and Worker Enlightenment in Late Imperial Russia. *The Journal of Modern History*. 84 (March). pp. 1–39. DOI: <https://doi.org/10.1086/663091>
4. *Vestnik Vremennogo pravitel'stva*. (1917). 17 (63). 25 March.
5. Provisional Government. (1917) *Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitel'stva* [Collection of decrees and decrees of the Provisional Government]. Is. 1. Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya.
6. State Archive of the Russian Federation. Fund 6787. List 1. (In Russian).
7. Pavlova, I. (2014) Soziale Rechte am Wendepunkt: Das Recht auf Sozialhilfe unter den Bedingungen der russischen Revolution [Social Rights at the Turning Point: The Right to Social Assistance Under the Conditions of the Russian Revolution]. In: Boeck, K. (ed.) *Staatsbürgerschaft und Teilhabe: Bürgerliche, politische und soziale Rechte im östlichen Europa* [Citizenship and Participation: Civil, Political and Social Rights in Eastern Europe]. Oldenburg; Munich: De Gruyter. pp. 269–288.
8. Lindenmeyr, A. (2016) “The First Woman in Russia”: Countess Sofia Panina and Women's Political Participation in the Revolutions of 1917. *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 9. pp. 158–181.
9. *Vestnik gorodskogo samoupravleniya*. (1917). 50. 22 August.
10. Dodonov, B.F. (ed.) (2002) *Zhurnaly zasedaniy Vremennogo pravitel'stva: Mart – oktyabr' 1917 goda: v 4 t.* [Journals of the meetings of the Provisional Government: March–October 1917: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
11. Dodonov, B.F. (ed.) (2004) *Zhurnaly zasedaniy Vremennogo pravitel'stva: Mart – oktyabr' 1917 goda: v 4 t.* [Journals of the meetings of the Provisional Government: March–October 1917: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: ROSSPEN.
12. Provisional Government. (1917) *Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitel'stva* [Collection of decrees and decrees of the Provisional Government]. Is. 2. Pt. 2. Sections I–VIII. Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya.
13. Chudakov, O.V. (2013) City government and social forces in Siberia during the democratic stage of the revolutionary events (March–October 1917). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5 (25). pp. 59–63. (In Russian).
14. Mospoligraf (1923) *Sotsial'noe obespechenie za pyat' let (30 aprelya 1918 g. – 30 aprelya 1923 g.)* [Social security for five years (April 30, 1918 – April 30, 1923)]. Moscow: Mospoligraf.
15. Vigdorichik, N.A. (1922) *Teoriya i praktika sotsial'nogo strakhovaniya* [Theory and practice of social insurance]. Is. 3. Petrograd: Kniga.
16. Orlova, N.E. (2006) *Gosudarstvennoe regulirovanie v praktike Vremennogo pravitel'stva (mart–oktyabr' 1917 g.): istoriko-pravovoy aspekt* [State regulation in the practice of the Provisional Government (March–October 1917): a historical and legal aspect]. Rostov-on-Don: RGEU “RIKhN”.
17. Fel'dman, M.A. (2010) Zametki o sotsial'noy politike Vremennogo pravitel'stva v sfere trudovykh otnosheniy letom–osen'yu 1917 g. [Notes on the social policy of the Provisional Government in the sphere of labor relations in the summer and autumn of 1917]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. 3. pp. 5–15.

18. Evdoshenko, I.V. (2006) Vremennoe pravitel'stvo i reformy trudovykh otnosheniy v Rossii (fevral'–oktyabr' 1917 g.) [The Provisional Government and the Reform of Labor Relations in Russia (February – October 1917)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo – Bulletin of the South Ural State University. Series Law*. 13 (68). pp. 67–73.
19. Dodonov, B.F. (ed.) (2001) *Zhurnaly zasedaniy Vremennogo pravitel'stva: v 4 t.* [Journals of meetings of the Provisional Government: in 4 vols] Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
20. Pavlova, I.P. (2003) *Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Social care in Russia during the First World War]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University.
21. Bulgakova, L.A. (2009) Nevenchannye soldatki: bor'ba za priznanie grazhdanskikh brakov v gody Pervoy mirovoy voyny [Unmarried Soldiers' Wives: The Struggle for Recognition of Civil Marriages in the Years of the First World War]. In: Tsamutali, A.N. (ed.) *Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii v XIX – nachale XX veka: issledovaniya, istoriografiya, istochniki* [Power, Society and Reforms in Russia in the 19th and Early 20th Centuries: Studies, Historiography, Sources]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
22. Anon. (1925) *Rossiya v mirovoy voyne 1914–1918 goda: (v tsifrakh): Tsentral'noe statisticheskoe upravlenie. Otdel voennoy statistiki* [Russia in the World War of 1914–1918: (in figures): Central Statistical Office. Department of Military Statistics]. Moscow: [s.n.].
23. Bulgakova, L.A. (2007) Polozhenie soldatskikh semeystv v 1917 godu (Po materialam pravitel'svennoy korrespondentsii) [The situation of soldiers' families in 1917 (Based on the materials of government correspondence)]. In: *Noveyshaya istoriya Otechestva XX–XXI vek* [The modern history of Russia in the 20th–21st centuries]. Is. 2. Saratov: Nauka. pp. 68–84.
24. Provisional Government. (1918) *Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitel'stva* [Collection of decrees and decrees of the Provisional Government]. Is. 2. Pt. 1. Sections I–VIII. Petrograd: Pervaya gosudarstvennaya tipografiya.
25. Zumpf, A. (2014) Invalidnost' i ekspertiza vo vremya Pervoy mirovoy voyny v Rossii [Disability and examination during the First World War in Russia]. Translated from German. In: Bruish, K. & Katzer, N. (eds) *Bol'shaya vojna Rossii: Sotsial'nyy poryadok, publichnaya kommunikatsiya i nasilie na rubezhe tsarskoy i sovetskoy epoch* [The Great War of Russia: Social Order, Public Communication and Violence at the Turn of the Tsarist and Soviet Era]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
27. Russian State Historical Archive. Fund 769. List 1. File 139. (In Russian).
28. Meyer, A. (1917) Soveshchanie po voprosam organizatsii sotsial'noy pomoshchi detyam [Meeting on the organization of social assistance to children]. *Trudovaya pomoshch'*. 7. pp. 170–198.
29. Beloshapka, N.V. (1998) *Vremennoe pravitel'stvo v 1917 g.: mekhanizm formirovaniya i funktsionirovaniya* [The Provisional Government in 1917: the mechanism of formation and functioning]. Moscow: Dialog-MGU.
30. Bobrovnikov, V.G. (2014) Sotsial'nye preobrazovaniya Vremennogo pravitel'stva (mart–oktyabr' 1917) [Social transformations of the Provisional Government (March–October 1917)]. *PRIMO ASPECTU. Izvestiya VolgGTU*. 16:5 (132). pp. 67–70.
31. Kovalenko, N.A. (2000) *Tsentral'naya vlast' i apparat upravleniya v Rossii: mekhanizm formirovaniya i funktsionirovaniya (Fevral' – oktyabr' 1917 g.)* [Central power and government apparatus in Russia: the mechanism of formation and functioning (February–October 1917)]. Moscow: Universitetskii gumanitarnyy litsey.

Received: 06 June 2017

ДИЗАЙН И ГОСУДАРСТВО: ПРОСТРАНСТВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Анализируется опыт государственной поддержки дизайна в контексте его экономических, социальных, культурных возможностей. На примере ряда стран рассматриваются организационные формы участия государства в популяризации и развитии дизайна. Представлен подробный анализ истории организации системы дизайна в СССР в 60–80-е гг. Современные проблемы развития дизайна в России рассмотрены с точки зрения необходимости формирования эффективных механизмов его взаимодействия с государством.

Ключевые слова: дизайн; дизайн-мышление; государственная поддержка; перспективы взаимодействия.

История научных исследований, посвященных взаимодействию дизайна и государства, насчитывает в России не более 10–12 лет. Предпосылкой для них стали попытки создания в России государственной системы поддержки дизайна, который в большинстве развитых стран рассматривается в качестве одного из важных инструментов экономической и социальной политики. Аргументы, доказывающие необходимость такой поддержки, представляются весьма убедительными: так, если ведущие экономики мира постоянно увеличивают свои затраты на R&D (Research & Development – это научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), комплекс мероприятий, включающий в себя как научные исследования, так и производство опытных

и мелкосерийных образцов продукции, предшествующий запуску нового продукта или системы в промышленное производство) (при этом на долю промышленного дизайна приходится до 10%, а в целом его доля в ВВП США и стран Европы составляет около 0,3%), то российскому дизайну «достается» не более 0,01% [1. С. 23]. Согласно данным аналитического обзора, подготовленного «Центром стратегических разработок «Северо-Запад» в рамках проекта «Промышленный и технологический форсайт Российской Федерации», Россия занимает место на самой нижней ступени «лестницы дизайна», характеризующей политику государства в отношении дизайна. Для наглядности мы приведем таблицу, составленную авторами отчета.

Связь поколений государственной политики в сфере промышленного дизайна со стадией его развития в регионе и стране (источник [2. С. 48–49])

«Лестница дизайна» (каждая следующая ступень надстраивается над предыдущей)	Поколение политики в сфере промдизайна	Основные механизмы политики	Страны, занимающие положение на данной ступени «лестницы дизайна»
«Отсутствие дизайна»: он не рассматривается как значимый фактор развития	Политика не сформирована	Дизайн – сфера отдельных частных и публичных инициатив	Россия, Болгария, Венгрия, Литва, Мальта и др. (более 40% членов ЕС)
«Дизайн как стиль»: концентрация на разработке уникального или оригинального стиля (школы или продукта)	Первое поколение политики: государственные интервенции, направленные на создание школы дизайна. Рассмотрение дизайна в основном как средства промышленной политики (акцент на промышленном дизайне)	Появление органа, отвечающего за национальную политику в дизайне. Развертывание системы дизайн-центров. Поддержка системы образования и профессиональных консультаций. Введение систем национальных конкурсов. Программы субсидий	Польша, Чехия, Латвия, Румыния, Франция, Италия, Корея, Япония, Германия, Китай Индия, Катар
Дизайн как процесс: включение дизайна в проекты развития как их неотъемлемой составляющей	Второе поколение политики: институционально-образовательная политика.	Развитие системы дизайн-образования, брендинг дизайна и сектора креативной индустрии, поддержка экспорта дизайна. Создание системы стандартов, обязывающих прибегать к дизайну при производстве и решении социальных задач	Эстония, Швейцария, Испания, Швеция, Голландия, Австрия, Бельгия и др.
Дизайн как непрерывный цикл инновационного развития: дизайн обеспечивает разнообразие и оригинальность конструктивных решений, вносит решающий вклад в создание стоимости	Третье поколение политики: интеграция дизайна и инноваций. Развитие дизайна как стратегии социально-экономического и инновационного развития	Включение дизайна в образовательные программы, в т.ч. школьные, принятие государственных стратегий развития дизайна, прежде всего соединение технологий и дизайна, развитие городского дизайна и т.д., постановка целей тотального внедрения «зеленого», «устойчивого», «универсального» и т.п. дизайна. Создание большого количества разнообразных оргформ развития дизайна (Fab Lab, Living Lab, Design Factory, дизайнерских кластеров и кластеров креативной индустрии и пр.)	США, Дания, Финляндия, Великобритания. На региональном уровне – Каталония

Мы еще вернемся к этой таблице, вместе с тем сразу хотелось бы отметить, что немногочисленные исследования в заявленной научной области ориентированы в основном на специалистов сфер экономики и государственного управления и опираются исключительно на анализ зарубежного опыта. Будучи отстранены от исторического опыта нашей страны и современной практики дизайна, в орбиту которой вовлечены тысячи разрозненных специалистов, они оставляют открытыми множество вопросов. Прежде всего, это вопросы, связанные с пониманием сущности и возможностей дизайна в самой профессиональной среде, которая продолжает воспроизводство моделей и образцов деятельности, заложенных еще в советские времена, когда дизайн был жестко встроен в систему производства. Будучи уже в начале 90-х годов «выброшенным» из этой системы, наш дизайн не смог переориентироваться на новые вызовы, выстроить новое позиционирование, соответствующее сути профессии, превратившись в одну из заурядных сфер малого бизнеса. Данная статья адресована профессиональному сообществу и открывает, по нашему замыслу, цикл статей, посвященных месту и роли дизайна в обществе, перспективам развития российского дизайна и дизайн-образования.

На первый взгляд, современный дизайн вполне самодостаточен и в какой-либо внешней поддержке не нуждается. Заявив себя еще в начале прошлого века в качестве деятельности, способной не просто создавать функциональные, эргономичные, эстетически выразительные и технологически совершенные предметы массового потребления, но и обеспечивающей их серьезные конкурентные преимущества, дизайн стал неотъемлемой частью высокотехнологичных производств и маркетинговых программ. История дизайна изобилует примерами того, как удачное дизайнерское решение позволило резко поднять продажи того или иного товара или вывести на лидирующие позиции целую фирму. В качестве одного из ярких примеров можно вспомнить работу известнейшего американского дизайнера французского происхождения Раймонда Лоуи над серией холодильников для компании Sears Roebuck (1936 г.). Радикально изменив компоновку прототипа, увеличив за счет этого внутренний объем, разработав удобную систему хранения и придав изделию элегантный внешний вид, Лоуи не только определил на многие годы характеристики бытовых холодильников для всей мировой промышленности. Продажи его модели по сравнению с прототипом выросли почти в 5 раз [3. С. 206]. Еще более впечатляющий пример, относящийся к тому же периоду истории американского дизайна: обтекаемая форма весов, созданная дизайнером Гарольдом ванн Дореном для Toledo Scale Company, увеличила объем продаж на 900% и при этом позволила сократить производственные издержки [4. С. 314].

Не менее легендарный Питер Беренс стал автором разработки тотального «фирменного стиля» немецкой компании AEG: начиная от проектов промышленных зданий компании, заложивших тренды промышленной архитектуры во всем мире, и заканчивая «сплошным дизайном» корпоративной идентичности, вклю-

чавшим рекламные плакаты, упаковку и даже оформление витрин (1907–1914 гг.). Особое место в этой системе занимала ассортиментная программа бытовых товаров для массового производства, которые позиционировались как архетипы «художественного дизайна», созданного в «хорошем вкусе». Основатель компании AEG Эмиль Ратенау был убежден, что промышленники должны стать основными покровителями искусства и дизайна – не в традиционном смысле меценатства, но как способа улучшения продаваемой ими продукции [4. С. 233–239].

Но несмотря на то, что дизайн давно и прочно рекомендовал себя как эффективный коммерческий инструмент и, казалось бы, мог навсегда остаться исключительно сферой свободного предпринимательства, заинтересованное отношение государственных структур к дизайну во многих странах позволило достичь гораздо более впечатляющих результатов в самых разных направлениях деятельности. Успехи отдельных товаров, фирм и компаний не сопоставимы с успехами государств, регионов, городов, использующих возможности дизайна в решении масштабных и амбициозных задач. С одной стороны, дизайн как система деятельности традиционно является одним из ключевых механизмов развития креативной экономики, обеспечивающей значительную долю ВВП, с другой стороны, дизайн как способ мышления становится инструментом решения самых разных социальных проблем. Не случайно именно в наиболее развитых странах мира дизайн находится под мощной опекой государства.

Например, многолетнее лидерство Великобритании в мировой креативной индустрии в значительной мере обеспечено вниманием правительства к вопросам развития творчества и дизайна. Британский Совет по Дизайну (CoID), основанный еще в 1944 г. (до окончания 2-й мировой войны!) как правительственная организация, был создан с целью оказания помощи национальным производителям в условиях ограниченных ресурсов и ожидаемой конкуренции с американскими товарами. В условиях переориентации военной промышленности на гражданскую, дефицита сырья и технологий необходимость рационального использования ресурсов вдохновляла инженеров и дизайнеров на создание оригинальных и практичных изделий. Например, британский дизайнер Эрнст Рейс в 1945 г. создал модель стула ВА из переплавленного авиационного алюминия, продолжив впоследствии этот подход при проектировании целой линейки частной и общественной мебели [4. С. 388–389]. Стратегия деятельности Совета реализовывалась через популяризационную, просветительскую, консультативную деятельность, тесную связь со школами и высшими учебными заведениями.

Одним из первых шагов стала организация в 1946 г. выставки «Британия это может» с подзаголовком: «Хороший дизайн – хороший бизнес», которую посетили более полутора миллионов (!) человек. Министр торговли Великобритании сэр Стаффорд Криппс заявлял: «Цель выставки – доказать, что промышленный дизайн ни в коей мере не является непрактичным и идеалистическим занятием. Промыш-

ленный дизайн тесно связан с комфортом и счастьем нашей повседневной жизни. Хороший дизайн позволяет наполнить наши дома и рабочие места приятными вещами, которые сочетают хорошую конструкцию и целесообразность с удобством в использовании и привлекательностью формы и цвета» [4. С. 389].

Эстафету выставки принял Британский фестиваль 1951 г., собравший уже многомиллионную публику. Экспозиция Design Review, экспонаты для которой тщательно отбирались CoID во главе с Гордоном Расселом, представляла широчайший спектр возможностей промышленного дизайна. Любопытно, что Уинстон Черчилль был категорическим противником Фестиваля, называя его «трехмерной пропагандой социализма». После его прихода к власти возглавляемое им правительство консерваторов одним из первых своих актов постановило демонтировать выставочные экспозиции. Возрождение Лондонского фестиваля дизайна в 2003 г. в формате масштабного ежегодного международного мероприятия при поддержке правительственных и образовательных организаций по праву принесло Лондону статус мировой столицы дизайна.

Важнейшим звеном в системе популяризационных мероприятий CoID было издание с 1949 г. ежемесячного журнала Design, целями которого стали пропаганда «хорошего дизайна» и внедрение методов дизайна в организацию промышленного производства. В первом номере журнала Гордон Рассел в своей статье «Что такое хороший дизайн?» пишет, в частности, о том, что дизайн – это не то, что можно добавить к продукту на поздней стадии его производства. Только четкое исследование и понимание всего комплекса проблем, связанных с созданием и использованием товара потребителями, может дать удовлетворительный результат. Дизайнер, по его мнению, это координатор, который постоянно общается со всей командой специалистов, работающих на производстве, – менеджерами, конструкторами, технологами, производственными мастерами, представителями отдела продаж, рекламистами, бухгалтерами и т.д., пытаясь понять, что и как можно улучшить в любом из аспектов их деятельности. Изменяя точку зрения многих людей на организацию производства, можно добиться впечатляющих результатов в дизайне – не только коммерческих, но и эстетических, имиджевых, культурных [5. С. 2–6]. По сути, такое понимание дизайна и его роли заложило основы того, что сегодня именуется модным термином «дизайн-мышление» (design thinking). «Принципы дизайн-мышления применимы в самых разных областях: от лечения детского ожирения до профилактики преступлений, от ракетной промышленности до климатических изменений. Дизайн-мышление более не ограничивается созданием новых материальных продуктов, оно распространяется на различные процессы и услуги, а также взаимодействия, общение и сотрудничество» [6].

Не менее важную роль в популяризации дизайна сыграла программа экспертной оценки товаров, реализуемая членами Совета. В 1948 г. CoID опубликовал список из 28 наименований промышленных товаров, наиболее удачных с точки зрения формы и качества. Этот список постепенно расширялся и в резуль-

тате стал основой банка данных Лондонского дизайн-центра, созданного в 1956 г. В дизайн-центр сходила вся информация о производимых в стране товарах, которой активно пользовались владельцы магазинов и оптовых рынков. Поэтому производители были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы попасть в список лучших. Марка дизайн-центра стала своеобразным знаком качества товара. С 1957 г. Лондонский дизайн-центр стал присуждать ежегодные премии в области дизайна.

Уже в 1980-е гг. под непосредственным патронажем Маргарет Тэтчер была разработана долгосрочная государственная программа развития дизайна, компенсирующая часть затрат на дизайн из бюджета, а также награды и преференции компаниям, предлагающим хороший дизайн. Одной из важных составляющих программы стала инициатива в области дизайн-менеджмента (Managing Design Initiative), способствовавшая созданию и внедрению ряда образовательных программ для бизнес-школ. Джон Мейджор, сменивший «железную леди» на посту премьер-министра, продолжил ее политику в отношении дизайна. Выпущенная правительством Великобритании в 1995 г. «Белая книга» (официальный документ, предоставляемый для ознакомления Палате общин и являющийся формой делегированного законодательства) утверждала: «Эффективное использование дизайна лежит в основе создания инновационных продуктов, процессов и услуг. Качественный дизайн может существенно повысить ценность продуктов, привести к росту продаж, обеспечить разработку новых рынков и укрепление существующих... Основная задача состоит в том, чтобы интегрировать дизайн в бизнес-процессы» (цит. по: [7. С. 72]).

В конце 1990-х гг. премьер-министр Тони Блэр поддержал разработанный CoID проект «Millenium Products Initiative» («Инициатива продуктов нового тысячелетия»): «Я ставлю перед национальными компаниями задачу продемонстрировать, что Британия может повести за собой весь мир, создавая продукты и услуги, которые станут примером инновации, креативности и дизайна» (цит. по: [7. С. 72]). Были одобрены программы финансирования (10 млрд фунтов стерлингов в год на дизайн в промышленности). Наибольший объем инвестиций был предусмотрен в авиакосмической и автомобильной промышленности. В 1999 г. Великобритания впервые разработала концепцию развития «творческих индустрий», которые занимают одно из важных мест в ее экономике (более 5%).

2000-е гг. для CoID – это время реализации масштабных социальных исследований и проектных разработок, которые призваны предложить конструктивные решения, отвечающие самым актуальным вызовам современности. Это, например, такие проекты, как «Проектирование будущей экономики: развитие возможностей дизайна для производительности и инноваций», «Трансформация старения», «Дизайн в государственном секторе» и многие другие. Например, Design Council Spark – это программа поддержки и финансирования, призванная помочь начинающим дизайнерам превращать их идеи в коммерчески успешные продукты. С момента своего создания в

2014 г. программа Design Council Spark помогла более чем 100 новаторам и предпринимателям разработать идеи своих продуктов, более 30 из них интенсивно поддерживались наставничеством, финансированием и специализированными семинарами для продвижения на рынок. Программа «Дизайн в государственном секторе» учит госслужащих применять методы дизайна для решения наболевших проблем в их сферах деятельности [8].

Подведем некоторые итоги этой части статьи: согласно данным, приведенным на сайте Британского совета, дизайн в Великобритании обеспечивает значительную экономическую стоимость, генерирующую миллиарды в валовой добавленной стоимости (GVA) и экспорт. Роль государства (это не только финансы и прямое инвестирование, но и поддерживаемый статус дизайн-деятельности) – создание координационного идеологического центра, поддержка популяризации и пропаганды методов, технологий возможностей дизайн-мышления, дизайн-деятельности, дизайн-продукта, формирование системы непрерывного дизайн-образования (начиная от дошкольного и продолжая на всех уровнях сопровождающих жизнеобеспечивающих программ).

Вслед за Британией не менее масштабные усилия по отношению к развитию дизайна были предприняты в ряде других европейских стран, а также в Японии и Южной Корее. Так, в докладе Кендзи Экуана, председателя GK Design Group (Япония), на международной конференции «Экодизайн», проходившей в Санкт-Петербурге в 2002 г., непосредственно говорится о том, что японцам очень повезло благодаря мощнейшей поддержке дизайна со стороны государства – и на локальном, и на международном уровнях. Вскоре после Второй мировой войны во всех 45 регионах Японии появились государственные информационные центры по развитию дизайна, содействовавшие распространению дизайна на местах, а огромное количество мероприятий на международном уровне способствовало развитию всех направлений дизайна. Впрочем, это не просто обычное желание похвастать успехами своей страны: достижения японского дизайна на протяжении многих десятилетий признаются во всем мире. Известный итальянский дизайнер Марио Беллини в культовом дизайнерском журнале DOMUS еще в начале 1990-х опубликовал статью под названием «Страна чудес», в которой не без зависти описал, какие райские условия созданы для его коллег в Японии – «стране, которой в ближайшем будущем суждено стать финансовым и научно-техническим центром мира».

Соотечественница Беллини Кристина Мороцци, анализируя механизмы расцвета творческой индустрии во Франции (на фоне явного спада интереса к итальянской продукции), утверждает, что это было достигнуто посредством «мощного государственного протекционизма национального дизайна, целенаправленной, артикулированной, массовой пропаганды его достижений... Франция сделала ставку на «целостный образ национального дизайна» и добилась невиданного коммерц-культурного успеха... Правительственная администрация начинает понимать, что

имидж национальной идентичности – хороший бизнес и гарант успеха на национальном рынке» (цит. по: [9. С. 526–527]).

Следует особо отметить, что в новом тысячелетии традиционные страны-лидеры в области дизайна – США, Франция, Италия, Япония, Южная Корея и др. – все больше ощущают конкуренцию со стороны Индии, Китая, стран Восточной Европы, где государственные инвестиции в дизайн весьма значительны. При этом любопытно, что стратегические программы поддержки дизайна в странах-новичках становятся все более специфическими, учитывающими не только чужой опыт, но и конкретные особенности, связанные с состоянием экономики, культуры, законодательства и даже национального менталитета.

В частности, в Китае, который долгое время воспринимался как страна, беззастенчиво копирующая чужой дизайн, страна дешевых подделок, государственные стратегии в области дизайна призваны, в том числе, изменить этот негативный образ. Дизайн теперь создается в самом Китае, но «заимствованными» из других стран дизайнерами, для которых созданы максимально привлекательные условия. В 2011 г. Министерством культуры принята программа развития индустриальных парков, а также парков креативных индустрий и дизайна, включающих в себя дизайн-центры и бизнес-инкубаторы. По сути, это целые города дизайна, где молодые талантливые дизайнеры из разных стран, работая над перспективными проектами, должны обеспечить ведущие позиции КНР в мировой экономике. Одним из промежуточных итогов массовой поддержки дизайна можно считать то, что в последние годы на долю Китая приходится более половины общемирового количества патентных заявок на промышленные образцы [10. С. 27].

А в Индии, где государственная программа развития промышленного дизайна и повышения доступности дизайнерских услуг для малого и среднего бизнеса реализуется с 2010 г., правительство пошло по пути «выращивания» собственного дизайна. Основной технологией при этом стало развитие системы дизайн-образования в тесной взаимосвязи с промышленностью. В рамках госпрограммы создано 200 отраслевых кластеров, координируемых Национальным институтом дизайна и предназначенных для экспертной помощи в области дизайна предприятиям и фирмам. Основу кластеров составляют так называемые «дизайнерские клиники» (Design Clinic), которые предоставляют студентам возможность выступать в качестве консультантов по дизайну на быстрых семестровых проектах для реальных клиентов. Студенты работают в командах под руководством опытных дизайнеров, менеджеров, предпринимателей, неся ответственность не только за творческий процесс, но и за взаимодействие с заказчиками, а также за управление проектами. В схему деятельности Design Clinic вовлечены консалтинговые фирмы, независимые дизайнеры, проектные институты, что позволяет говорить о формировании в стране профессионального дизайнерского сообщества. Ожидается, что эти инициативы принесут инновационный и футуристический подход к разработке различных продуктов. В долгосрочной

перспективе ожидается, что усилия будут направлены на экономически эффективные, конкурентоспособные и прорывные решения для бизнеса и позволят обеспечить за счет оригинальных дизайнерских решений реальное возрастание стоимости и ценности создаваемой продукции, усиление национальных брендов [11]. Не случайно опыт Индии уже перенимается рядом других стран (например, Мичиганский Университет, США, Университет Толедо, Испания, Университет Острова Принца Эдуарда, Канада и др.).

Обратимся теперь к ситуации в России. Низкий уровень спроса на дизайн со стороны отечественных производителей обусловлен не только крайне малой осведомленностью топ-менеджмента о возможностях и преимуществах дизайна или представлениями о дизайне исключительно как о средстве «художественного оформления» продукции. Одним из главных факторов, препятствующих использованию инновационного потенциала дизайна, является характерная для высокотехнологичных отраслей промышленности значительная стоимость организации цепочки «исследования – проектирование – внедрение» в сочетании с неизбежными рисками. Как следствие – отказ от инвестиций в дизайн, в итоге – низкая конкурентоспособность продукции, отсутствие сильных национальных и региональных брендов и т.д.

«Почему за двадцать лет «новой и свободной России», когда все, казалось, должно было расцвести, среди профессионалов сложилась шутка: «Прежде у нас был дизайн, хотя и не было дизайнеров, сейчас дизайнеров полно – дизайна нет»? [12]. На этот почти риторический вопрос одного из немногих теоретиков современного российского дизайна Геннадия Вершинина можно ответить по-разному, но один из наиболее адекватных ответов, по нашему мнению, связан с тем, что за эти годы в стране была окончательно разрушена государственная система поддержки дизайна. Созданная в советские времена, но не успевшая основательно укорениться база для развития дизайна, будучи брошена в рыночную стихию, попросту зачахла. Как это часто бывает, повышенный интерес к нашей собственной истории возвращается к нам через «апробацию» за пределами страны. Успех российской экспозиции *«Открывая утопию: забытые архивы советских дизайнеров»* на Лондонской биеннале дизайна в 2016 г. способствовал всплеску воспоминаний, обсуждений, оценок – противоречивых, неоднозначных, но, по видимому, совершенно необходимых в современной ситуации «дизайнерского безвременья».

Опыт создания и функционирования государственной системы поддержки дизайна в СССР в 60–80-е гг. прошлого столетия, на наш взгляд, заслуживает более чем серьезного внимания и, при разумном критическом отношении к нему, использования его элементов в современных условиях. В этой системе многое было завязано на плановом (нерыночном) характере экономики, тотальном дефиците обычных потребительских товаров, административно-командном характере управления и т.д. В то же время она создавалась спустя почти 20 лет после того, как начал свою деятельность Британский совет по дизайну, были развернуты программы поддержки дизайна в дру-

гих странах. Европейский опыт, несомненно, учитывался, но при этом была предложена собственная уникальная модель, структурные элементы которой мы можем и сегодня обнаружить в других странах. Если обратиться к таблице, приведенной в начале статьи, то можно констатировать, что по некоторым позициям советская политика в области дизайна уже в 60–70-е гг. могла претендовать на статус политики «второго поколения».

Сразу оговоримся, что тогда, когда создавалась система государственной поддержки дизайна в СССР, употреблялись такие термины, как «промышленное искусство», «техническая эстетика», «художественное конструирование». Ю.Б. Соловьев, основатель и первый директор Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики (ВНИИТЭ), в своих воспоминаниях писал: «Замечу, что термин “дизайн” как чужестранный и непонятный не разрешалось использовать официально вплоть до 1987 года» [13. С. 117]. Это, впрочем, не мешало представителям профессионального сообщества пользоваться словом «дизайн» не только в личных коммуникациях, но и в публикациях, проектной документации, выставочной деятельности и т.д.

Итак, 28 апреля 1962 г. (официальный «день рождения» советского дизайна) было подписано Постановление Совета Министров СССР «Об улучшении качества продукции машиностроения и товаров культурно-бытового назначения путём внедрения методов художественного конструирования». Постановлением предусматривалось создание системы художественно-конструкторских организаций, научным и методическим центром которых должен был стать Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики с опытным производством и демонстрационным залом. Помимо ВНИИТЭ с сетью филиалов в крупнейших городах страны, в эту систему входили специализированные художественно-конструкторские бюро (СХКБ) при всех отраслевых министерствах, отделы художественного конструирования на крупнейших промышленных предприятиях, в номенклатуре профессий официально появилась должность художника-конструктора. Дизайн был включен в существующую на тот момент систему проектно-конструкторских работ: наряду с главным конструктором проекта по всем разработкам должен был назначаться его заместитель по художественному конструированию [14].

При организации системы ВНИИТЭ перед ней ставились следующие задачи: разработка и внедрение методов художественного конструирования продукции машиностроения и товаров культурно-бытового назначения; разработка типовых требований и рекомендаций по повышению удобства эксплуатации этих изделий и придания им более красивой и технически целесообразной формы; улучшение и упрощение отделки и упаковки, а также разработка других мер, способствующих наилучшему удовлетворению запросов потребителей и рентабельности производства; координация научно-исследовательских работ в области художественного конструирования продукции машиностроения и товаров культурно-бытового

назначения; обобщение и распространение лучшего отечественного и зарубежного опыта художественно-конструирования и др.

К концу 1970-х гг. сложилась уникальная, не имеющая западных аналогов система государственных институтов дизайна во главе с Всесоюзным институтом технической эстетики (ВНИИТЭ), включавшая в себя целую сеть филиалов в крупнейших городах России и столицах союзных республик. При Государственном комитете СССР по науке и технике и Госстандарте СССР был создан Межведомственный совет по проблемам технической эстетики. Остановимся подробнее на ключевых характеристиках этой системы.

Одним из важнейших направлений деятельности ВНИИТЭ стало создание научно-теоретической, методологической и методической базы дизайна. «Было очевидно, что плодотворность деятельности вновь создаваемой системы в немалой степени зависит от научного фундамента, на который она будет опираться. Этим фундаментом не могла стать совокупность разрозненных знаний и рекомендаций, почерпнутых из различных дисциплин. Необходим был синтез знаний, соотношенный со спецификой проектной деятельности в дизайне, раскрывающий проблематику его природы, социальных функций, профессиональных средств и закономерностей творчества. Речь шла о формировании новой науки, расположенной на стыке проблем технического и художественного творчества и закономерно получившей имя *технической эстетики* [14]. Научная деятельность была развернута одновременно по многим направлениям, включавшим в себя исторические исследования и прогнозы развития жилой и городской среды, анализ зарубежного опыта и разработку методических основ оценки качества промышленных изделий, эргономические эксперименты и материаловедение и т.д. и т.д. Научные издания выходили в регулярных сериях «Художественное конструирование за рубежом», «Эргономика», «Техническая эстетика», «Методические материалы» и др. Была учреждена новая научная специальность 17.00.06 – техническая эстетика и начал свою деятельность диссертационный совет. Но самое главное: во ВНИИТЭ сформировалась особая научная среда, в которой проектное мышление как безусловная ценность определяло и направления, и содержание многих исследований. Проектные семинары, в том числе международные под эгидой ICSID (Международного союза промышленных дизайнеров), оргдеятельностные и проектные игры – новые и абсолютно нестандартные для социалистической страны форматы научно-проектной работы – зарождались и развивались именно во ВНИИТЭ и его филиалах. В частности, первая оргдеятельностная игра под руководством Г.П. Щедровицкого прошла на базе Уральского филиала ВНИИТЭ. Одним из важнейших методологических достижений стала разработка принципов и методов проектирования дизайн-программ, которые на тот момент не только продемонстрировали невероятный потенциал дизайна в решении производственных задач, но и стали, по сути, визитной карточкой советского дизайна на различных международных мероприятиях. Первой и наиболее известной из них стала

дизайн-программа «Электромера», выполненная по заказу ВО «Союзэлектроприбор». Сложность исходной ситуации заключалась в том, что в объединение входило порядка 40 предприятий, НИИ и КБ, разбросанных по всей стране, а ассортимент выпускаемой продукции составлял более полутора тысяч наименований. Шестилетняя работа ВНИИТЭ и его филиалов позволила не просто создать единый стиль приборов, рабочих мест, производственных и складских помещений. Все объекты проектирования были рассмотрены «как целостная система, функционирующая в сферах производства и потребления, каждая из которых предъявляет системе свои специфические требования». Основными результатами разработки стали: сокращение разнообразия приборов при увеличении разнообразия их функций; единые технологические и композиционные принципы, общие системообразующие факторы: единая модульная размерная система, унификация элементов, единые технологические решения, ограниченный набор материалов, единые эргономические решения, единые формообразующие принципы, единая цветографическая система [15]. Возможность осуществления подобного замысла, скорее всего, была недостижима даже в условиях плановой экономики (реализовать удалось лишь малую часть программы), но как идеальная модель дизайн-разработки сложнейшей производственно-потребительской системы – это ценнейший методический материал.

1. Уже упоминавшиеся идеи design thinking, которые тогда только зарождались в мировом дизайнерском пространстве, во многом благодаря разработкам ВНИИТЭ сформировали наиболее значимые дизайнерские концепции последних десятилетий.

На наш взгляд, теоретическое и методологическое наследие ВНИИТЭ заслуживает отдельного серьезного анализа, выходящего далеко за рамки данной статьи. Всего один маленький штрих в завершение этой ее части: изданная в 1978 г. (!) книга «Методика художественного конструирования» [16] до сих пор является лучшим учебным изданием, используемым в подготовке промышленных дизайнеров России.

2. Особую роль в развитии дизайна сыграла система государственной экспертизы качества промышленных изделий. Был придуман, продуман и внедрен весьма действенный механизм, обеспечивающий связь подавляющего большинства промышленных предприятий со структурами дизайна. Вкратце суть этого механизма заключалась в следующем. Всем предприятиям, включая оборонные, было вменено в обязанность серийное производство так называемых «товаров народного потребления». Номенклатура этих товаров определялась в соответствии с плановыми заданиями министерств, в ведении которых они находились. В условиях, когда о многих бытовых товарах советские люди знали только понаслышке или вообще не знали, предприятиям предоставлялась уникальная возможность детально ознакомиться с лучшими зарубежными образцами. Для этого при Торгово-промышленной палате были организованы Палаты промышленных образцов – своеобразные «выставки достижений капиталистического хозяйства». Палаты

промообразцов были практически единственным источником информации о зарубежных потребительских товарах – их функциональных, эстетических, эргономических, технических характеристиках, но главное: предприятия имели возможность приобрести товар (из «своей» номенклатуры) для того, чтобы попытаться его скопировать на своих технологиях. Разумеется, о чужой интеллектуальной собственности никто тогда не задумывался. Впрочем, технологии, выделенные под производство потребительских товаров, не позволяли даже приблизиться к качеству образца – не было компактных двигателей с низким уровнем шума, качественной пластмассы, фурнитуры, красок и т.д. Но задача – сделать качественный и эстетически привлекательный товар – ставилась достаточно жестко, на самом высоком уровне. Первоначально решение этой задачи возлагалось на государственный «Знак качества», позднее Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР был запущен механизм обязательной экспертизы практически всех новых товаров через систему ВНИИТЭ:

«Государственному комитету Совета Министров СССР по науке и технике:

- предусматривать в планах научно-исследовательских работ и использования достижений науки и техники в народном хозяйстве СССР задания соответствующим министерствам и ведомствам СССР по решению проблем по созданию новых видов технически сложных товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода, а также комплектующих изделий и специальных материалов, необходимых для их изготовления, с целью улучшения ассортимента и повышения качества важнейших видов товаров;

- совместно с Государственным комитетом стандартов Совета Министров СССР и Министерством торговли СССР разработать и утвердить в 3-месячный срок порядок проведения экспертизы потребительских свойств новых видов товаров народного потребления;

- возложить на Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики проведение оценки эстетического уровня новых видов товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода по перечню, определяемому Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике и Государственным комитетом стандартов Совета Министров СССР.

Установить, что производственные объединения, предприятия и организации, независимо от ведомственной подчиненности, согласовывают со Всесоюзным научно-исследовательским институтом технической эстетики технические задания на разработку товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода, предусмотренных в указанном перечне, в части соответствия их требованиям эстетики» [17].

При всех недостатках и издержках подобной системы ее значение для развития массового производства изделий, предназначенных для массового же потребления, а главное – для развития дизайна, трудно переоценить. Во-первых, предприятия, производившие товары, получали постоянный импульс к совер-

шенствованию своей продукции: экспертные заключения ВНИИТЭ не просто констатировали недостатки или достоинства товаров, они выдавались в виде конкретных, детальных рекомендаций по всем аспектам, связанным с улучшением их качества, функциональных, эргономических, эстетических свойств. Во-вторых, начал формироваться механизм спроса на дизайн со стороны промышленников, все чаще дизайнеры ВНИИТЭ и его филиалов становились авторами промышленных образцов изделий для отечественных предприятий. При этом предприятия самостоятельно изыскивали средства на дизайн-разработки, тем самым постепенно переводя дизайн на «рельсы самокупаемости». В-третьих, начали создаваться собственные службы художественного конструирования на предприятиях, формируя спрос на специалистов в области дизайна.

Следует особо отметить, что экспертиза отдельных промышленных товаров стала только начальным звеном проектов, еще более масштабных для советского дизайна. Уже в начале 80-х гг. прошлого века одним из важных механизмов включения дизайна в создание новых потребительских товаров стала комплексная дизайн-экспертиза, выполнявшаяся как по заказам предприятий и отраслевых министерств, так и в инициативном порядке, и включавшая в себя:

- изучение и прогнозирование потребностей различных групп населения в разных товарных группах (бытовая техника, мебель, посуда, садово-огородный инвентарь и т.д.);

- анализ зарубежного опыта проектирования в этих товарных группах;

- наконец, экспертную оценку самих промышленных производств.

Смысл этой экспертной оценки заключался в анализе технологических и кадровых ресурсов предприятия с точки зрения возможностей производства новых товаров, не представленных на отечественном рынке (напомним, на тот момент весьма дефицитном). В частности, во время работы в Уральском филиале ВНИИТЭ одному из авторов неоднократно приходилось выезжать на предприятия региона, знакомиться с выпускаемой продукцией, общаться с инженерами, технологами, мастерами, выяснять существующие проблемы и особенности производства. Результатом такой системной работы становились развернутые предложения для предприятий по перспективному ассортименту продукции. Более того, иногда эти предложения, воплощенные в форму дизайн-проектов, становились основой для предложений по кооперации различных производств с целью создания уникальных на тот момент товаров. Например, одна из разработок Уральского филиала ВНИИТЭ представляла собой линейку сборно-разборных легко возводимых домиков для дачного строительства, для выпуска которых необходима была интеграция ряда предприятий региона.

3. Сразу вслед за Постановлением 1962 г. «Об улучшении качества» появился приказ [18. С. 245]. К сожалению, сам приказ найти не удалось, но, судя по всему, в части художников-конструкторов он был явно не выполнен. В России к концу 80-х было

всего 3 вуза, готовивших дизайнеров, – это художественно-промышленные училища в Москве и Ленинграде («Строгановка» и «Мухинка») и созданная в 1968 г. кафедра промышленного искусства в Уральском филиале Московского архитектурного института (с 1972 г. – Свердловский архитектурный институт). Но если столичные вузы имели давние традиции художественно-промышленного образования, то в Свердловске все начиналось практически с нуля (хотя, разумеется, связь архитектуры и дизайна на тот момент уже была доказана творчеством многих выдающихся проектировщиков, не только зарубежных, но и тех, кого мы называем «пионерами конструктивизма»). За короткое время сложилась реальная и неразрывная взаимосвязь с вузовским образованием. С одной стороны, именно дизайнеры, работавшие в системе Уральского филиала ВНИИТЭ, составили костяк профессорско-преподавательского состава новой кафедры, осуществлявшей подготовку художников-конструкторов. С другой стороны, ВНИИТЭ и все его филиалы (между которыми существовали постоянная взаимосвязь, сотрудничество и в хорошем смысле соперничество) стали своеобразными инкубаторами для лучших выпускников вузов, которые, попадая в плотно насыщенную творческую среду, быстро получали необходимый профессиональный опыт: участие в выполнении масштабных исследовательских и проектных разработок, работа в междисциплинарных командах, непосредственное взаимодействие с заказчиками. Попасть по распределению на работу во ВНИИТЭ было мечтой большинства студентов-дизайнеров, заставлявшей их уже во время учебы проявлять максимум способностей.

4. Одним из ключевых элементов системы государственной поддержки дизайна стала его активная популяризация. Журнал «Техническая эстетика», издававшийся с 1964 г., без всякого преувеличения стал настольным изданием не только для дизайнеров, но и для большинства руководителей предприятий. Помимо этого, были переведены на русский язык и изданы большими тиражами книги известных зарубежных дизайнеров Дж. Нельсона, Дж.К. Джонса, Г.З. Бегенау и др. В 1970 г. вышла книга В.Л. Глазычева «О дизайне», мгновенно ставшая бестселлером. Эти книги формировали не только представление о собственно профессиональных задачах дизайнера, связанных с разработкой функциональных, конструктивных, эргономических, эстетических характеристик промышленного изделия. Они способствовали формированию особого взгляда на важнейшую роль дизайнера в решении социальных, культурных, экономических и иных задач. Вот, например, как описывает Д. Нельсон задачи дизайнера в системе производства: «На технически отсталом предприятии... дизайнер должен решить две проблемы. Он должен создать такой проект, который полностью соответствовал бы не идеальной, а реальной технике, используемой на предприятии. Вторая проблема – помочь поднять технический уровень предприятия. Некоторые дизайнеры считают, что это не входит в их компетенцию. По-моему, ограничивая свою ответственность, дизайнер в такой же сте-

пени урезывает и свои возможности» [19. С. 70]. Именно с пониманием своей ответственности осуществлялась описанная выше программная, проектная, экспертно-консультационная деятельность дизайнеров ВНИИТЭ на предприятиях.

«Наследство», которое досталось современной России после того, как система государственной поддержки дизайна была разрушена, можно оценивать по-разному. С одной стороны, зачастую приходится слышать о том, что навязанный советской промышленностью дизайн не только не дал сколько-нибудь заметных результатов, но и способствовал длительной «аллергии» бизнес-структур на его услуги. С другой стороны, мы можем констатировать, что четверть века активного развития советского дизайна – это тот фундамент, без которого трудно представить сегодняшнее дизайн-образование, почти затухающую научную жизнь.

Фиксируя нынешнее состояние дизайна в нашей стране, приходится делать вывод о том, что государству не до дизайна. Бродившая несколько лет по министерским кабинетам «Концепция развития дизайна в России на 2006–2008 годы», предполагавшая ряд мер государственной поддержки дизайна, так и не была принята. Действующая ныне программа поддержки инжиниринга и промышленного дизайна, курируемая Минпромторгом России, отводит дизайну третьестепенную роль и какого-либо заметного влияния на дизайн не оказывает.

Перспективы формирования полноценной среды развития дизайна в России в значительной степени зависят от понимания государством возможностей дизайна в решении социальных, культурных и экономических проблем и соответствующей его поддержки. Это и необходимость создания структур, аналогичных Советам по дизайну, действующим в большинстве развитых стран мира и обеспечивающим серьезное влияние дизайна на их социальное и экономическое развитие. Это и необходимость создания сети региональных диссертационных советов по специальности 17.00.06 (техническая эстетика и дизайн), что позволило бы хоть отчасти решить кадровые проблемы вузов, готовящих дизайнеров. Это и поддержка сети бизнес-инкубаторов, в которых могли бы реализовываться студенческие дизайн-проекты.

Резюмируя опыт взаимодействия государственной власти и дизайна в различных странах, можно сделать следующий простой вывод. Каждая из рассмотренных программ государственной поддержки дизайна опирается на принципы дизайн-мышления: в первую очередь, это честная проблематизация, внятная идея (смысл), четкое целеполагание, системность, масштабность (соразмерность программы тем целям и задачам, которые перед ней ставятся), логичная взаимосвязь структурных элементов программы, этапность, последовательность (планомерность) реализации, наконец, привлекательность как для стейкхолдеров, так и для конечных потребителей. Иными словами, для полноценного развития дизайна в России необходимо дизайн-мышление на государственном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад. М., 2017. 136 с.
2. Княгинин В.Н. Промышленный дизайн в Российской Федерации: возможность преодоления дизайн-барьера. СПб. : Изд-во Политехнического университета, 2012. 80 с.
3. Шатин Ю. Раймонд Лоуи (1893–1986) – Хрестоматия по дизайну. Тюмень : Институт дизайна, 2005. С. 202–211.
4. Филл Ш. и Филл П. История дизайна / пер. с англ. С. Бовина. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 512 с.: ил.
5. Gordon R. What is Good Design? // Design. № 1. Design Council, London, 1949. P. 2–6.
6. Браун Т. Дизайн-мышление в бизнесе: от разработки новых продуктов до проектирования бизнес-моделей / пер. с англ. В. Хозинского. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2012. 256 с.
7. Пресс М., Рэйчел К. Власть дизайна: ключ к сердцу потребителя / пер. с англ. А.Н. Поплавская. Минск : Гревцов Паблишер, 2008. 352 с.
8. URL: <https://www.designcouncil.org.uk/what-we-do/social-innovation>
9. Курьерова Г.Г. Что впереди? Хрестоматия по дизайну. Тюмень : Институт дизайна, 2005. С. 526–527.
10. Зеленая книга. Промышленный дизайн (Стандарты. Лучшая практика. Продьюсинг. Дизайн-школы) / под ред. В.Н. Княгинина. СПб. : Центр стратегических разработок «Северо-Запад», 2012. 65 с.
11. URL: <http://www.designclinicsmsme.org/about-dcs>
12. Вершинин Г. В. Русский дух как враг дизайна // Тюменские новости он-лайн. Тюмень, 2012. URL: http://tyumens.com/index.php?option=com_content&view=article&id
13. Соловьев Ю.Б. Моя жизнь в дизайне. М. : Союз дизайнеров России, 2004. 252 с.
14. Соловьев Ю.Б. Советский дизайн. Итоги и проблемы. 1962–1982 // Техническая эстетика. 1982. № 4.
15. Михеева М.М. Основы системного дизайна: методическое указание по курсу «Основы теории и методологии проектирования в промышленном дизайне». М. : МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2010. 59 с.
16. Методика художественного конструирования. М. : ВНИИТЭ, 1978.
17. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 декабря 1976 г. № 1056 «О развитии в 1976–1980 годах производства товаров массового спроса и о мерах по повышению их качества».
18. Строгановка: 190 лет русского дизайна / С.В. Курасов, А.Н. Лаврентьев, Е.А. Заева-Бурдонская, А.В. Сазиков. М. : Русский Мир, 2015. 608 с.
19. Нельсон Дж. Проблемы дизайна. М. : Искусство, 1971.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 марта 2018 г.

DESIGN AND THE STATE: INTERACTION SPACES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 141–150.

DOI: 10.17223/15617793/428/19

Elena E. Pavlovskaya, Ural State University of Architecture and Arts (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: digra2006@list.ru

Viktor A. Klimenko, Siberian Center for Industrial Design and Prototyping (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: klimenko@siberia.design

Keywords: design; design thinking; state support; prospect of interaction.

The study aims to review the programs of the state support of design in the world, to search for ideas of the place and the role of design in society, to see future development of design and design education in Russia. The practical value of the study consists in the analysis of design as one of the trivial small business fields with almost no support from the state. The history of the state support of design in the world and in the USSR is studied. The publication is first in a series of article about design in Russia for the professional community. In the first part of the article, the relevance of the research topic, its aims and objectives are stated, the main points are identified. In the second part, the current state of the subject field is described. In the third part, the example of the state support of design in the UK is considered from the formation of the Council of Industrial Design (CoID) back in 1944 till the present. In the fourth part, examples of the state support of in other foreign countries are given. In the fifth part of the article, the current situation in Russia, as well as the USSR experience in the state support of design in the 1960s–1980s, is described. This part is closely associated with the history of the All-Russian Research Institute of Technical Aesthetics (VNIITE). The key directions in the system are described in detail: the scientific-theoretical and methodological bases of design; the state inspection of industrial products quality; the Higher Education Minister's Decorative & Applied Arts Artists and Designers Training Act No. 506 of July 6, 1962; the active popularization of the state support of design. In the final part of the article, the current status of design in Russia is briefly characterized, the prospects of its full-fledged development environment are described. Also, the experience of relations between the government and design in different countries is summarized to make a conclusion about the method which is necessary for a comprehensive development of design in Russia.

REFERENCES

1. Idrisov, G.I. et al. (2017) *Novaya tekhnologicheskaya revolyutsiya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii. Ekspertno-analiticheskiy doklad* [A new technological revolution: challenges and opportunities for Russia. Expert-analytical report]. Moscow: TsSR.
2. Knyagin, V.N. (2012) *Promyshlennyy dizayn v Rossiyskoy Federatsii: vozmozhnost' preodoleniya dizayn-bar'era* [Industrial design in the Russian Federation: the possibility of overcoming the design barrier]. St. Petersburg: Polytechnic University.
3. Shatin, Yu. (2005) *Raymond Loui (1893–1986) – Khrestomatiya po dizaynu* [Raymond Lowy (1893–1986): a reader for design]. Tyumen: Institute of Design. pp. 202–211.
4. Fill, S. & Fill, P. (2014) *Istoriya dizayna* [History of design]. Translated from English by S. Bovin. Moscow: Izd-vo KoLibri, “Azбука-Attikus”.
5. Russell, G. (1949) What is Good Design? *Design*. 1, pp. 2–6.
6. Brown, T. (2012) *Dizayn-myshlenie v biznese: ot razrabotki novykh produktov do proektirovaniya biznes-modeley* [Design thinking in business: from the development of new products to the design of business models]. Translated from English by V. Khozinskiy. Moscow: Izd-vo “Mann, Ivanov i Ferber”.
7. Press, M. & Rachel, K. (2008) *Vlast' dizayna: Klyuch k serdtsu potrebitelya* [Power of Design: The key to the heart of the consumer]. Translated from English by A.N. Poplavskaya. Minsk: Grevtsov Publisher.
8. Design Council. (n.d.) *What we do*. [Online] Available from: <https://www.designcouncil.org.uk/what-we-do/social-innovation>.

9. Kur'erova, G.G. (2005) *Chto vpered? Khrestomatiya po dizaynu* [What lies ahead? A reader on design]. Tyumen: Institute of Design. pp. 526–527.
10. Knyagin, V.N. (ed.) (2012) *Zelenaya kniga. Promyshlennyy dizayn (Standarty. Luchshaya praktika. Prod'yusing. Dizayn-shkoly)* [The Green Book. Industrial Design (Standards, Best Practice, Producing, Design Schools)]. St. Petersburg: Fond "Tsentr strategicheskikh razrabotok "Severo-Zapad".
11. Design Clinic Scheme. (n.d.) *About DCS-MSMEs*. [Online] Available from: <http://www.designclinicsmsme.org/about-dcs>.
12. Vershinin, G.V. (2012) *Russkiy dukh kak vrag dizayna* [Russian spirit as the enemy of design]. [Online] Available from: http://tyumens.com/index.php?option=com_content&view=article&id.
13. Solov'ev, Yu.B. (2004) *Moya zhizn' v dizayne* [My life in design]. Moscow: Soyuz dizaynerov Rossii.
14. Solov'ev, Yu.B. (1982) *Sovetskiy dizayn. Itogi i problemy. 1962–1982* [Soviet design. Results and problems. 1962–1982]. *Tekhnicheskaya estetika*. 4.
15. Mikheeva, M.M. (2010) *Osnovy sistemnogo dizayna: metodicheskoe ukazanie po kursu "Osnovy teorii i metodologii proektirovaniya v promyshlennom dizayne"* [Fundamentals of system design: a methodological instruction on the course "Fundamentals of the theory and methodology of design in industrial design"]. Moscow: MSTU.
16. Solov'ev, Yu.B. (ed.) (1978) *Metodika khudozhestvennogo konstruirovaniya* [Methods of artistic design]. Moscow: VNIITE.
17. Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR. (1976) *Decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of December 23, 1976 No. 1056 "On the development in 1976–1980 of the production of mass consumer goods and on measures to improve their quality"*. (In Russian).
18. Kurasov, S.V. et al. (2015) *Stroganovka: 190 let russkogo dizayna* [Stroganovka: 190 years of Russian design]. Moscow: Russkiy Mir.
19. Nelson, J. (1971) *Problemy dizayna* [Problems of design]. Translated from English. Moscow: Iskusstvo.

Received: 18 March 2018

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются вопросы, связанные с функционированием исправительно-трудовых учреждений Красноярского края в военное время. С началом войны был усилен режим содержания заключенных. Ухудшилось снабжение осужденных, а продолжительность рабочего дня была увеличена. Было мобилизовано значительное количество вольнонаемных сотрудников исправительно-трудовых учреждений, вместо них были призваны военнообязанные старших возрастов, не имевшие опыта работы в подобных учреждениях, что привело к ослаблению дисциплины в лагерях и колониях и росту числа побегов заключенных. Ухудшение питания и увеличение продолжительности рабочего дня заключенных приводило к росту заболеваемости и смертности среди контингента.

Ключевые слова: Красноярский край; Великая Отечественная война; исправительно-трудовые учреждения; ГУЛАГ.

В годы Великой Отечественной войны исправительно-трудовая система была одной из составляющих экономической жизни страны. Поскольку труд заключенных еще в 1930-е гг. использовался во многих отраслях промышленности, в строительстве и сельском хозяйстве, он продолжал играть важную роль и в экономике военного времени. В том числе и от труда осужденных зависело обеспечение фронта и тыла, поэтому снабжение отбывавших наказание продуктами и промышленными товарами, их отношения с вольнонаемным персоналом лагерей и колоний, состояния производственной базы мест заключения являются актуальными вопросами изучения экономики Советского Союза в военный период.

Деятельность учреждений, подчиненных ГУЛАГу НКВД СССР, вызывает устойчивый интерес у историков в последние годы. Вопросам функционирования исправительно-трудовых учреждений в военное время уделено внимание в монографии Г.М. Ивановой [1].

Медико-санитарное обеспечение осужденных рассматривалось в статьях С.Б. Пономарева, А.Р. Пустовалова и А.А. Черенкова [2], П.В. Виноградова [3] и Е.В. Суверова [4]. Экономическая деятельность учреждений ГУЛАГа была изучена в работе О.В. Хлевнюка [5].

Деятельность исправительно-трудовых учреждений Красноярского края в годы Великой Отечественной войны была исследована в статьях Е.С. Маменковой [6, 7].

Уже 22 июня 1941 г. все НКВД, УНКВД, начальники исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) и оперативных отделов лагерей, а также прокуроры союзных и автономных республик, краев, областей и прокуроры ИТЛ получили телеграммы от наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии и прокурора СССР В.М. Бочкова, в которых содержался приказ о прекращении освобождения из тюрем, лагерей и колоний «контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников» [8. Л. 49].

Заключенные указанных категорий, а также находившиеся в заключении советские граждане (немцы и поляки по национальности) и иностранцы должны были быть сосредоточены в особо охраняемых зонах. Осужденные, на которых имелись материалы об антисоветской деятельности, помещались под арест. Переписка с волей не только заключенных, но и спецпоселенцев, прекращалась [Там же].

Охрана лагерей, тюрем и колоний переводилась на военное положение. Запрещались отпуска для всех вольнонаемных сотрудников исправительно-трудовых учреждений. Находившиеся в отпусках отзывались на работу [8. Л. 49]. Тыл рассматривался как продолжение фронта и начинал жить по законам военного времени.

Вместе с этим шел процесс досрочного освобождения заключенных. По инициативе НКВД СССР 12 июля и 24 ноября 1941 г. были изданы указы Президиума Верховного Совета СССР о досрочном освобождении некоторых категорий заключенных, осужденных за прогулы и незначительные должностные и хозяйственные преступления с передачей освобожденных призывных возрастов в Красную Армию. Исходя из положений этих указов, по всей стране были освобождены 420 тыс. человек [9. С. 135].

Досрочное освобождение происходило следующим образом: выносилось краткое постановление, утверждавшееся начальником лагеря. Каждое освобождение должно было быть подтверждено прокурором краевой прокуратуры. Военкоматами в места заключения направлялись врачебные комиссии, которые производили медицинский осмотр заключенных призывного возраста. Признанные годными к несению воинской службы после соблюдения всех формальностей выходили на свободу и направлялись в распоряжение военкоматов. Освобождавшиеся несовершеннолетние направлялись к родителям, не имевшие родителей трудоустраивались на различные предприятия [10. Л. 117].

Основной задачей вышеназванных указов было получение пополнения для вооруженных сил. К началу марта 1942 г. из мест заключения в крае из 24 863 отбывавших там наказания вышли 6 339 человек, или 25,4%. В распоряжение военкоматов передали 2 905 человек – 45,8% от числа освобожденных. Были осуждены по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство», от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащих ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)», и от 9 апреля 1941 г. «Об уголовной ответственности за самовольный проезд в товарных поездах и самоволь-

ную без надобности остановки поезда стоп-краном», предусматривавших небольшие сроки заключения 243 человека, получивших свободу. 271 человек отбывал наказание за маловажные бытовые преступления. Остальные освобожденные являлись бывшими военнослужащими, женщинами, имевшими несовершеннолетних детей, и инвалидами [10. Л. 117 об.].

Выход на свободу значительного количества заключенных мог спровоцировать всплеск преступности, однако в условиях войны, тем, кто не представлял большую общественную опасность и были осуждены за проступки, которые в другое время и при других обстоятельствах не считались бы преступлениями, государство доверило оружие и большинство из них оправдало доверие.

Убытие значительного количества отбывавших наказание вызвало перебои с рабочей силой в лагерной экономике. Для преодоления нехватки людей к концу января 1942 г. планировалось мобилизовать через райвоенкоматы 5 тыс. мужчин-немцев от 17 до 30 лет, переселенных в Красноярский край из Поволжья [11. Л. 112]. Молодые немцы не подлежали призыву в армию, но обязаны были трудиться в тылу.

Война потребовала усиления дисциплины и бдительности, в том числе и в исправительно-трудовой системе. Места заключения являлись потенциальными источниками дестабилизации особенно опасной в условиях перехода страны на военные рельсы. В соответствии с приказом наркома внутренних дел и прокурора СССР, 23 июня 1941 г. начальник управления Енисейского исправительно-трудового лагеря старший лейтенант госбезопасности Р.П. Филимонов издал собственный приказ «Об усилении охраны и режима содержания заключенных в лагпунктах и колониях» [8. Л. 46].

В приказе от начальников строительства и колоний Енисейлага содержались требования к руководящим работникам провести оперативные совещания с сотрудниками исправительно-трудовых учреждений, на которых необходимо было обратить внимание всего вольнонаемного состава на усиление и укрепление охраны и режима содержания заключенных, повышение производительности труда, усилить боевую и политическую учебу личного состава военизированной охраны (ВОХР), укреплять воинскую и трудовую дисциплину. Усиление режима содержания должно было выразиться в пересмотре списков на расконвоирование осужденных; из числа отбывавших наказания за бытовые и малозначительные преступления, кому разрешалось передвигаться без конвоя, должно было остаться минимальное количество, необходимое для производства. Списки на бесконвойное движение утверждал лично начальник управления Енисейлага. Заключенные, склонные к побегам, и те, на которых имелись компрометирующие материалы, должны были быть сведены в режимные бригады и выводиться на работу под усиленным конвоем.

Личный состав охраны переводился на военное положение, усиливалась охрана казарм и особенно складов с оружием и боеприпасами. Прекращались очередные отпуска личного состава. Находившиеся в отпусках сотрудники отзывались на работу [Там же].

С 28 июня 1941 г. на основании приказа заместителя наркома внутренних дел В.В. Чернышова колониям и стройкам Енисейлага предписывалось до особого распоряжения увеличить продолжительность рабочего дня заключенных до 12 ч, предоставляя им выходные дни не более 2 раз в месяц. А в том случае, если та или иная промышленная колония получала оборонный заказ, дни отдыха отменялись вовсе и могли быть предоставлены лишь после выполнения программы заказа и не чаще, чем 2 раза в месяц. Питание осужденных осуществлялось прямо на рабочих местах [8. Л. 66].

Исправительно-трудовая система вместе со всей страной начинала жить в соответствии с реалиями военного времени. Многие послабления, допустимые в мирной жизни, в период войны могли привести к серьезным последствиям. Ограничение свободы испытывали на себе не только заключенные, но и вольнонаемные сотрудники исправительно-трудовой системы, особенно стрелки ВОХР, которым предстояло трудиться значительно интенсивней, а спрос с них стал гораздо строже.

Режим содержания заключенных особенно усиливался в дни революционных праздников и предшествовавшее им время. 28 октября 1941 г. Р.П. Филимонов отдал приказ по управлению Енисейлага, который открывался следующей преамбулой: «...в дни, когда весь советский народ поднялся на Великую Отечественную войну против озверелых фашистских банд, вероломно напавших на нашу Родину, задачей лагерей и колоний НКВД является полное обеспечение государственной безопасности, обеспечение жесткого режима и порядка в лагере, не допускающего ни одного побега» [Там же. Л. 112].

От вольнонаемного состава и особенно стрелков ВОХР начальник управления требовал дисциплинированности, организованности, политической стойкости. Сотрудники исправительно-трудовых учреждений должны были работать, не считаясь с трудностями, столько сколько требуется «в интересах государственной безопасности и укрепления обороны страны» [Там же]. Лучшим подарком к 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, по мнению старшего лейтенанта Филимонова, было «успешное выполнение каждого задания стрелком, командиром, политработником, сотрудником» [Там же].

Для обеспечения порядка в исправительно-трудовых учреждениях руководители таковых должны были до 3 ноября 1941 г. проверить состояние электроосвещения, сигнализации, связи, отопительных приборов и противопожарных средств. Командирам взводов предписывалось составить план обороны лагеря на случай беспорядков среди заключенных. При взводах устанавливались суточные дежурства из лиц среднего командного состава. В карауле в праздничные и предпраздничные дни находились лучшие бойцы, которых должны были определить политрук взвода и командир караула из партийно-комсомольского актива, ударников и отличников боевой и политической подготовки. С 5 по 10 ноября 1941 г. назначалось дежурное отделение в состав, которого передавался пулеметный расчет [8. Л. 112–112 об.].

До 6 ноября 1941 г. необходимо было провести обыск всех заключенных, изъять запрещенные предметы. Запрещалось их бесконвойное передвижение, а также свидания и прием посылок и передач. Осужденных, находившихся на плохом счету, т.е. склонных к побегу, уличенных в антисоветской агитации, злостных нарушителей режима, хулиганов и отказников от работы изолировали от остальных отбывавших наказание, за ними устанавливалось тщательное наблюдение [8. Л. 112 об].

Подобные меры применялись и в последующие годы. В приказе заместителя начальника управления НКВД по Красноярскому краю подполковника госбезопасности Шустина от 10 апреля 1944 г. содержались не только традиционные положения о проверке освещения и сигнализации, усиления охраны «наиболее важных и опасных в диверсионном отношении объектов (складов с продовольствием, нефтебаз, гараже, мастерских)» [12. Л. 27], переводе личного состава ВОХР на казарменное положение, поголовном обыске заключенных, но и о создании не позднее 28 апреля 1944 г. трехдневного запаса продуктов для отбывавших наказание. Кроме того, запрещались все работы, кроме оборонных и аварийных. Для производства таковых следовало создать бригады из осужденных, в которые не допускались помимо осужденных за «контрреволюционные выступления» и бандитизм признанные виновными в воинских преступлениях и побывавшие на оккупированной территории [Там же].

За случившиеся в праздничные и предпраздничные дни побег, беспорядки, аварии и другие эпизоды спрос был особенно суров. Партийное руководство края стремилось к тому, чтобы революционные праздники проходили в спокойной обстановке и не омрачались неприятными событиями, для чего в указанные дни должна была быть произведена максимальная изоляция заключенных.

В военное время значительно ухудшилось снабжение контингента продовольствием. Уже в июле 1941 г. на 25% была сокращена норма выдачи хлеба отбывавшим наказание. Рыбы, мяса, крупы и других продуктов они стали получать на 10% меньше [6. С. 258]. Много осужденных было эвакуировано из европейской части СССР в Сибирь, что провоцировало скученность в бараках. Вкупе с увеличением рабочего дня и сокращением количества выходных это приводило к истощению отбывавших наказание, следствием чего было снижение трудоспособности и увеличение смертности осужденных. Если в 1940 г. из всех заключенных годных к тяжелому труду (группа «А») было 35,6%, то к 1 января 1942 г. таких оставалось 19,2%. Процент годных к среднему труду (группа «Б») за тот же период снизился с 25,2 до 17. При этом количество годных к легкому труду (группа «В») выросло с 15,6 до 38,3%, а инвалидов и ослабленных (без категории) – с 23,6 до 25,5% [9. С. 138].

В лагпунктах Красноярского исправительно-трудового лагеря на 1 января 1942 г. было 22 243 заключенных, из них 633 женщины. К категории «А» принадлежали 4 150 человек, «Б» – 6 436, «В» – 7 152, вне категорий – 296 человек, 10 были несовершеннолетними, 4 399 – инвалидами. С 1 июля 1941 г. по

1 января 1942 г. в Краслаг прибыл 5 751 заключенный, выбыли в другие лагеря – 608, были освобождены – 3007, умерли – 633 [11. Л. 110–111].

По перечисленным выше причинам наиболее многочисленной являлась категория «В». Поскольку основной задачей Краслага была организация лесозаготовок, такое соотношение категорий заключенных значительно затрудняло выполнение производственных планов. Эта проблема была характерной для мест заключения по всей стране, и руководство НКВД было вынуждено предпринять меры для улучшения положения осужденных.

Опираясь на распоряжение НКВД СССР от 2 марта 1942 г., Р.П. Филимонов, к тому времени являвшийся начальником управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) НКВД по Красноярскому краю, 25 марта 1942 г. отдал приказ по вверенному ему ведомству, в котором предписывалось организовать три оздоровительно-профилактических пункта (ОПП) на 450 коек. Первый такой пункт располагался при строительстве Красноярского гидролизного завода. Он был рассчитан на 300 пациентов и должен был обслуживать контингенты Зыковской, Злобинской и Базаихской колоний массовых работ, Березовской трудовой, Красноярской и Качинской промышленных колоний. Другой пункт на 100 коек организовывался при строительстве Абаканского гидролизного завода, туда доставляли заключенных из Черногорской и Усинской колоний массовых работ, Минусинской промышленной и Ширинской сельскохозяйственной колоний. В рассчитанном на 50 пациентов пункте при строительстве Канского гидролизного завода должны были проходить лечение и восстановление контингенты Канской трудовой и Абанской сельскохозяйственной колоний. Для организации ОПП руководителям строительства указанных предприятий надлежало выделить за счет лагерного жилфонда и отремонтировать в десятидневный срок: директору Красноярского завода Сервилину – 2 барака на 300 коек, Абаканского завода Куликову – 1 барак на 100 коек, Канского завода Тимофееву – 1 барак на 50 коек. Выделенные под пункты бараки, во избежание общения помещенных туда заключенных с общей массой лагерного контингента, следовало отгородить отдельной зоной [12. Л. 27].

Каждый ОПП должен был обслуживать обширную территорию с большим количеством потенциальных пациентов, поэтому количество мест, предусмотренных для размещения больных и истощенных, было явно недостаточным. Нахождение части контингента в более комфортных условиях могло вызвать гнев других осужденных, и во избежание конфликта бараки, определенные под лечебно-восстановительные пункты, отделялись от остальных жилых помещений.

Заключенные часто перебрасывались с места на место, туда, где требовалась рабочая сила. При этом руководители учреждений старались сохранить у себя здоровых осужденных, а больных и истощенных отправить в другие места. Так, начальнику Абаканской колонии массовых работ Курбатову в августе 1942 г. было предписано направить 200 отбывавших наказание на строительство Норильского никелевого ком-

бината. Согласно распоряжению краевого УИТЛК, отправке подлежали исключительно физически здоровые заключенные, годные к работе в районах Крайнего Севера, однако 24 августа 1942 г. из прибывших в первой партии 100 осужденных врачебная комиссия Норильского ИТЛ не приняла 53 человека по состоянию здоровья. Из числа забракованных 24 были больны пеллагрой, 5 оказались инвалидами. 10 человек норильские врачи были вынуждены поместить в стационар. Были признаны годными к легкому физическому труду с пониженной нормой выработки (от 50 до 70% от общепринятой) 16 прибывших из Хакасии, 13 являлись ограниченно годными. Подобные вещи руководство Абаканской колонии проделывало не впервые, 15 августа 1942 г. из 40 заключенных, направленных отсюда на строительство моста через Енисей, 10 оказались нетрудоспособными и были помещены в ОПП. За направление на строительство нетрудоспособного контингента Курбатов был арестован на 10 сут с исполнением служебных обязанностей. Начальник санитарной части Бусоедов и старший инспектор уголовного розыска колонии Лапутин были помещены под арест на 5 сут без исполнения служебных обязанностей каждый. Отбывали наказания они при Хакасском областном управлении НКВД [13. Л. 56–56 об.].

Отправка в другое место сотен физически здоровых заключенных могла поставить под угрозу выполнение производственных планов Абаканской колонией, поэтому ее руководство старалось избежать потери такого количества рабочей силы даже ценой нарушения приказа сверху. Однако Норильский комбинат с 1941 г. входил в список ударных сверхлимитных строек НКВД, где работы должны были производиться за счет других объектов [1. С. 234]. Предприятие имело оборонное значение, и содействовать его строительству надлежало всеми силами.

Положение осужденных во многом зависело от персонала ИТУ. Отношения заключенных и вольнонаемных работников, в особенности охраны, характеризовались диалектическим законом единства и борьбы противоположностей. Часто интересы находившихся по разные стороны колючей проволоки совпадали. От состояния контингента зависело выполнение производственных планов, поэтому лагерное начальство, с одной стороны, было заинтересовано в хорошем снабжении отбывавших наказание, их лечении, моральном состоянии. С другой стороны, стремление заключенных к свободе, порождавшее побег, никак не могло устроить персонал мест заключения.

Состав сотрудников тех или иных ИТУ отражал нужды соответствовавшего учреждения. Так, к началу войны в Красноярской промышленной колонии Енисейского ИТЛ НКВД трудились 99 вольнонаемных сотрудников. Управлением учреждения занимались 5 человек: начальник колонии И.А. Кучец, получавший оклад в размере 800 руб., комендант В.Ф. Прокошин с окладом 500 руб. и др. В бухгалтерии работали 4 человека, главный бухгалтер В.В. Лапин получал 800 руб. В плановой части трудились 7 человек, снабжением занимались 4 сотрудника. В санитарной части трудились 6 сотрудников (начальник, фельд-

шер, зубной врач и санитарки). В гараже работали 5 человек – 1 заведующий, остальные шоферы; водным транспортом занимались 2 человека; в пожарной части трудились 6 человек. В подсобном хозяйстве было задействованы 2 вольнонаемных сотрудника – рабочий свинарника и возчик хлеба [8. Л. 54–55].

Руководили производством в колонии главный инженер П.П. Воскресенский, его оклад составлял 1 000 руб., и начальник мебельного производства В.М. Емельченко, получавший 800 руб. В производственной части работали 4 человека, в мастерских – 7. В охране служили 29 человек. Командир взвода И.Т. Жандаров получал 600 руб., зам. командира по политической части С.Д. Кукуйок – 600 руб., помощник командира взвода П.Ф. Гультьев – 350 руб., командиры отделений Л.С. Карелин, П.К. Евтюшенко, И.В. Бухарь – по 300 руб., рядовые стрелки ВОХР зарабатывали по 230 руб. В других частях трудилось 16 человек [Там же. Л. 55].

Таким образом, вольнонаемные сотрудники занимали в колонии должности, требовавшие достаточной квалификации. В их ведении были управление производством, транспорт, пожаротушение. Это были те ответственные должности, которые нельзя было доверить осужденным. Недоверием к контингенту объяснялся и наем в подсобное хозяйство рабочего свинарника и возчика хлеба. На этих местах, не требовалось особых умений, но было слишком велико искушение похитить продукты.

При средней зарплате в 1940 г. в целом по народному хозяйству СССР в 33,1 руб., и при 69,6 руб. инженерно-технических работников в частности [14. С. 350], служба на руководящих должностях в ИТУ приносила достаточно высокий доход замещающим их лицам. Значение производства для данного учреждения определялось тем, что наиболее высокооплачиваемым сотрудником был не начальник колонии, а главный инженер, а начальник мебельного производства получал столько же, сколько руководитель подразделения. Эти должности требовали определенного уровня образования, опыта работы и предусматривали высокую степень ответственности, что выражалось в размере оклада.

Обстоятельства военного времени внесли серьезные изменения в состав персонала ИТУ. Огромные потери в первые месяцы войны заставили руководство страны искать резервы для пополнения вооруженных сил. 15 сентября 1941 г. было издано Постановление Государственного Комитета обороны «О призыве военнообязанных, пользующихся отсрочками по мобилизации, и граждан 1922 года рождения», предусматривавшего, в числе прочих, призыв работников НКВД [15. Л. 127–129].

В соответствии с приказами Наркомата Обороны от 15 сентября 1941 г. и НКВД от 19 сентября 1941 г., изданными на основании вышеупомянутого Постановления ГКО в ряды РККА подлежали призыву военнообязанные рядового и младшего начальствующего состава запаса РККА, работавшие в органах НКВД и имевшие отсрочку от призыва, т.е. забронированные и состоявшие на спецучете. Под мобилизацию попадали 25% от общего числа забронированных рядовых

и сержантов запаса Красной Армии, работавших в подразделениях НКВД, включая ВОХР. Половина из них должна была быть призвана к 15 октября 1941 г., следующие к 15 ноября 1941 г. При этом от призыва освобождались забронированные сотрудники НКВД, являвшиеся руководителями предприятий и учреждений, инженерно-техническими работниками, мастерами и квалифицированными рабочими с 6-го разряда и выше. Оставались в тылу также занимавшие в органах НКВД должности среднего и старшего начальствующего состава и проводники служебно-розыскных собак. Для исполнения данных нормативных правовых актов заместитель начальника управления Енисейлага М.М. Ларионов 24 сентября 1941 г. отдал приказ подчиненным ему ИТУ немедленно связаться с местными райвоенкоматами и начать персональный отбор сотрудников, подлежащих призыву. Одновременно с этим следовало приступить к отбору лиц из запаса РККА старших возрастов, которых через военкоматы надлежало направить в распоряжение НКВД взамен призванных. Приступить к работе новые сотрудники должны были не позднее, чем за 5 дней до момента призыва, первая очередь к 10 октября 1941 г., вторая к 10 ноября 1941 г. Отобранных на замену мобилизованным сотрудникам ИТУ следовало тщательно проверить как на предмет их деловых качеств, так и на наличие судимости, социального происхождения и предыдущей трудовой деятельности. С кандидатами на открывавшиеся вакансии должно было быть проведено собеседование, их документы должны были быть тщательно проверены, проверкой надлежало затронуть районное отделение НКВД и прежнее место работы будущего сотрудника [16. Л. 28–29].

Мобилизация работников исправительно-трудовых учреждений рассчитывалась таким образом, чтобы основным контингентом призванных были рядовые стрелки и младшие командиры ВОХР, т.е. молодые мужчины, умевшие обращаться с оружием. Боеспособность охраны не должна была пострадать в результате призыва, поэтому убытие сотрудников проходило в два этапа, и некоторое время параллельно с мобилизованными служили новички.

Многие сотрудники исправительно-трудовой системы уходили в армию добровольно, поэтому число покинувших ИТУ края было более многочисленным, нежели предусматривалось приказами НКО и НКВД. Так, во втором полугодии 1941 г. из учреждений Краслага выбыли в РККА 1 397 человек, что составляло около 40% всего состава вольнонаемных рабочих и служащих данного ИТЛ, в том числе из охраны 706 человек, или 50% личного состава ВОХР. Из тех, кто добровольно или по мобилизации становились фронтовиками, был 31 член ВКП(б) и 32 кандидата в партию, что составляло 27% всей численности парторганизации Краслага. Комсомольцев было 34, или 50% состава комсомольской организации [11. Л. 106].

Несмотря на освобождение от мобилизации тех сотрудников ИТУ, которые являлись руководителями предприятий и учреждений, инженерно-техническими работниками, мастерами и квалифицированными рабочими из Краслага во второй половине 1941 г. было в РККА достаточно много специалистов лесоза-

готовок: трактористов, шоферов, механиков, что создало большие трудности в работе автотранспортного парка. Для замены ушедших в армию специалистов силами данного ИТЛ были организованы курсы продолжительностью 2–3 месяца, к концу 1941 г. 31 выпускник этих курсов работал мастерами лесозаготовок, из них 26 женщины; трактористами и шоферами – 40, из них 11 женщин. Всего из вольнонаемных работников лагеря через курсы прошли 95 человек, многие из них были женщины – жены сотрудников, ушедших в РККА. Выпускники краткосрочных курсов не обладали достаточной квалификацией для выполнения служебных обязанностей, что сказывалось на работе производственных частей [11. Л. 107].

Менее квалифицированными были также новые охранники исправительно-трудовых учреждений. Несмотря на тщательную проверку, которой должны были быть подвергнуты вновь принятые на службу, их подготовка оставляла желать лучшего.

Слабость кадрового состава ИТУ, пришедшего на смену мобилизованным, усугублялась ухудшением их вооружения. У охраны Краслага на нужды РККА были изъяты винтовки российского производства, взамен в августе 1941 г. ВОХР получила 415 японских винтовок, однако патронов к новому оружию у стрелков не было до конца 1941 г. [11. Л. 112].

Эти факторы отрицательным образом сказывались на деятельности исправительно-трудовых учреждений, что выражалось в росте числа побегов заключенных, случившихся по вине сотрудников охраны. Так, 29 июля 1942 г. при этапировании осужденных из Красноярской тюрьмы бежал заключенный по фамилии Пинегин. Данный этап состоял из 22 отбывавших наказание и охранялся 5 конвоирами. Начальник конвоя В.П. Белкин разрешил двоим бойцам конвоя уйти по личным делам, а вскоре удалился сам, оставив за старшего стрелка В.Ф. Фролова. Пинегин воспользовался ослаблением конвоя и скрылся. За безответственное отношение к выполнению служебных обязанностей Белкин был арестован на 10 суток, а Фролов на 5, с удержанием с каждого 25% суточной заработной платы за каждые сутки ареста [13. Л. 52].

Действия Белкина, оставившего двоих стрелков против 22 заключенных, могли привести и к более серьезным последствиям, чем побег одного осужденного, поэтому наказание для начальника конвоя выглядело достаточно мягким.

Побеги из Базайской колонии массовых работ были обыденным явлением. За первые 3 квартала 1942 г. оттуда бежали 76 человек. Расследование, проведенное особой инспекцией краевого управления НКВД, показало, что стрелки ВОХР в этой колонии нарушали уставы конвойной и караульной службы, систематически пьянствовали вместе с заключенными, отпускали осужденных без охраны в населенные пункты и на частные квартиры. При этом условия содержания отбывавших наказание находились в неудовлетворительном состоянии, инспекция отметила завышенность контингента, плохое питание, недостаток одежды и обуви. Следствием этого были высокая заболеваемость и смертность заключенных. За первые 9 месяцев 1942 г. в колонии умерли 155 человек.

Бегство из этого учреждения провоцировал и производил, который охрана допускала в отношении осужденных. Имели место случаи, когда охранники избивали отбывавших наказание, склоняли женщин-заклученных к сожительству, незаконно применяли оружие. Так, 26 июля 1942 г. стрелок Варлаков беспричинно выстрелил из винтовки и ранил заключенную Рытникову, за что был подвергнут аресту сроком на 5 суток.

Вопиющий случай произошел в колонии 29 августа 1942 г. В тот день стрелки И.А. Ефимов и В.Г. Лысков охраняли группу осужденных, работавших на угольном складе. По разрешению охранников заключенные Грачев, Светличный и Иванов взяли из стоявшей на складе цистерны ведро спирта, которое было распито совместно работниками колонии и представителями контингента. Во время попойки Грачев бежал. Не добившись от других осужденных ответа об обстоятельствах побега, Ефимов избил прикладом винтовки бригадира заключенных Кравцова, а Лысков расстрелял его. Оба охранника были преданы суду военного трибунала по обвинению в убийстве при особо отягчающих обстоятельствах.

Ответственность за такое положение дел была возложена на руководство Базайской колонии. Приказом по управлению НКВД Красноярского края от 19 ноября 1942 г. начальник колонии Ф.А. Торянский был подвергнут дисциплинарному аресту на 10 суток. Поскольку ранее Федор Артемьевич подвергался подобному наказанию, он был предупрежден, что если в течение месяца не наладит работу вверенного ему учреждения, то будет уволен из органов внутренних дел и отдан под суд. Комендант колонии Кочергин за плохую работу, систематическое пьянство и нарушение трудовой дисциплины был снят с должности [13. Л. 71–71 об.].

Базайская колония являла собой пример острого дефицита кадров, особенно затронувший рядовой состав ВОХР. Заменить не справлявшихся со своими обязанностями сотрудников в условиях войны было сложно, поэтому совершивших преступления привлекали лишь к дисциплинарной ответственности, суду же предавались лишь те, кто был виновен в наиболее тяжких деяниях.

В дальнейшем количество побегов не сокращалось. С 1 января по 20 июня 1944 г. из лагерных подразделений и колоний края бежали 85 заключенных, задержаны были до 20 июня 1944 г. 67 человек. В мае 1944 г. бежали 32 человека, к 20 июня 1944 г. задержан был 21. За первые 20 дней июня 1944 г. совершили побег 15 человек, были задержаны 15. На 20 июня 1944 г. оставалось в бегах 18 осужденных. Руководство исправительно-трудовыми учреждениями объясняло такое положение тем, что «некоторые руководители лагподразделений и колоний продолжают игнорировать приказы и директивы НКВД СССР и краевого управления в деле усиления режима и охраны. Допускаются сон на посту, преступные связи с заключенными, преступно-халатное отношение к исполнению своих обязанностей как работников ВОХР, так и начсостава» [12. Л. 65].

Возможности для улучшения положения с побегами заключенных, количество которых особенно возросло весной и летом, были крайне ограничены.

Притока квалифицированных кадров в военное время ожидать не приходилось, а ротации личного состава ВОХР продолжались из-за призыва стрелков, а с 1944 г. еще и переброски части охранников в освобожденные от оккупации области для укомплектования создававшихся там ИТУ.

Кадровые проблемы являлись одной из основных причин трудностей в решении главной задачи, стоявшей перед исправительно-трудовыми учреждениями в годы войны – выполнении производственных планов.

Как отмечают В.А. Пронько и В.Н. Земсков, «если в мирное время основной продукцией промышленных колоний ГУЛАГа являлись предметы ширпотреба, то с первых дней войны ГУЛАГ организовал на своих предприятиях выполнение заказов для нужд фронта» [9. С. 143].

Перестроить производство на военный лад было сложно, и государственные задания по оборонной продукции в первые месяцы войны не выполнялись. В ноябре 1941 г. Канская промышленная колония задание по изготовлению деревянной тары для боеприпасов (спецукупорки) выполнила только на 20,4%, Минусинская – на 65,6%, Березовская – на 70,1%. За первую декаду декабря 1941 г. Канская колония не изготовила ни одного комплекта спецукупорки, Минусинская выполнила план за тот же срок на 12,8%, Березовская – на 15,5% [8. Л. 132–133].

Освоить выпуск нового вида продукции при мобилизации части технического персонала и предельно сжатых сроках было непросто, но вышестоящее руководство не хотело и могло войти в положение руководителей колоний, начальник УНКВД по Красноярскому краю майор госбезопасности И.П. Семенов обвинял их в том, что работа вверенных им ИТУ не была подчинена интересам фронта, а сами они «проявили самоустранимость, не приняли решительных мер в начале и середине ноября к немедленной перестройке работы на военные рельсы» [Там же. Л. 133].

В вину начальникам колоний вменялось нерациональное использование электроэнергии, которая вместо того, чтобы употребляться на производстве, использовалась для освещения частных квартир. Недостаточно, по мнению майора Семенова, применялся транспорт, был плохо организован труд в бригадах. Борьбу с недостатками в работе колоний начальник краевого УНКВД осуществлял, оказывая давление на руководителей учреждений. Своим приказом он объявил начальнику Канской колонии М.М. Ионову выговор, предупредив его о суровом наказании в случае непринятия мер, обеспечивавших выполнение плана по производству спецукупорки на декабрь 1941 г. Такие же предупреждения получили начальники Минусинской и Березовской колоний Д.Н. Вершинин и И.Н. Кочеров. Особое предупреждение получили начальник промышленного отдела УИТЛК УНКВД Красноярского края Побоев и его заместитель Чепурнов, их уведомили о том, «что их работа в УИТЛК УНКВД Красноярского края будет в прямой зависимости от выполнения программ спецукупорки на декабрь» [8. Л. 134–135].

Побоеву и Чепурнову предписывалось организовать живое руководство и оказание практической по-

мощи колониям, систематически выезжая туда. Вышеперечисленные лица были дополнительно предупреждены о том, что «если они не выполнят декабрьского задания по спецукупорке, то это невыполнение будет рассматриваться как срыв боевого задания фронта» [8. Л. 136].

В тексте приказа не предлагалось никаких конкретных мер для своевременного выполнения особо важного задания оборонного значения. Изыскание ресурсов, за счет которых предполагалось выполнить план, было личным делом начальников колоний и их непосредственных руководителей.

За первый квартал 1944 г. трудовые и воспитательные колонии края выполнили план производства боеприпасов на 108%, по производству спецукупорки – на 86,5%, по отгрузке спецукупорки – на 62%. Канская трудовая колония за этот период произвела 130% от плана тары для боеприпасов, Красноярская трудовая воспитательная колония план по изготовлению и отгрузке боеприпасов выполнила на 108%. При этом Березовская трудовая колония план изготовления спецукупорки за первый квартал 1944 г. исполнила лишь на 69,4% [12. Л. 61].

Таким образом, увеличить производство боеприпасов и тары для них удалось за счет отдельных ИТУ. Некоторые колонии и в завершающий период войны не сумели наладить столь важный участок работы. Ликвидировать дефицит ресурсов и специалистов удалось не везде.

Наиболее острой была транспортная проблема, она сохраняла актуальность и в последующие годы. Так, на 1 декабря 1944 г. на складах Канской трудовой колонии скопилось 16 тыс. комплектов спецукупорки, которую не удалось отгрузить потребителям [17. Л. 38].

Несколько лучше обстояло дело с заготовкой и обработкой древесины. Канский лагерный пункт Краслага выполнил производственную программу по шпалопилению за второе полугодие 1941 г. на 257%, по лесопилению – на 188%, сплаву – на 103%. В Нижне-Ингашском лагпункте показатели за аналогичный период выражались в следующих цифрах: шпалопиление – 103,2%, лесопиление – 106%, сплав был закончен досрочно. Однако и здесь отдельные учреждения не справились с возложенными на них задачами. Нижне-Пойменский лагпункт государственный план по заготовке древесины выполнил на 95,6%, вывозки древесины – на 87,6%, шпалопиления – на 85%, лесопиления – на 68%. Поскольку Нижняя Пойма должна была выполнить 46% всего производственного плана Краслага, лагерь сорвал выполнение производственных программ [11. Л. 104–105].

В других лагерных подразделениях края планы по заготовке древесины находились под угрозой срыва. За первые два месяца 1942 г. ни одна из промышленных колоний, подчиненных краевому УИТЛК, не выполнила план по производству круглого леса. Если Березовская колония в январе–феврале 1942 г. выполнила план лесозаготовок на 70,3%, Минусинская – на 83,6%, то Красноярская лишь на 44,8% [13. Л. 23].

Заготавливавшийся перечисленными колониями лес являлся сырьем для спецпродукции, старший лей-

тенант Филимонов предупреждал начальников учреждений о том, что «срыв плана лесозаготовок является преступлением перед Родиной и виновные в срыве плана должны понести суровые наказания» [Там же].

Помимо взысканий и угроз таковых в отношении начальников промколоний Р.П. Филимонов в своем приказе от 24 марта 1942 г. предписал Побоеву оказать им практическую помощь в выполнении плана лесозаготовок, разработав график сплава древесины. Начальнику отдела снабжения УИТЛК Лорицу надлежало обеспечить занятых на лесозаготовках рабочих обмундированием, продовольствием и торговым фондом. Транспортный отдел должен был обеспечить колонии необходимым инструментом для проведения лесозаготовок и снастями для сплава [Там же. Л. 23–24].

Р.П. Филимонов, руководивший исправительно-трудовыми учреждениями, разбирался в специфике их деятельности лучше своего непосредственного начальника и поэтому понимал, что одними репрессиями нельзя достигнуть нужного результата. Недостаток в рабочем инвентаре, продовольствии, одежде, невозможность закупить нужные товары не могли исправить карательные меры.

Проблемы с вывозом готовой продукции были вызваны несовершенством транспорта в лагерях и колониях. В ИТУ использовался преимущественно гужевой транспорт, при этом содержание, уход за лошадьми и их кормление были организованы плохо, следствием чего были падеж, выбраковка, потеря работоспособности и простой животных. За первые 5 месяцев 1943 г. в исправительно-трудовых учреждениях края простой лошадей выражался в 14 279 конеднях. В Ширинской сельскохозяйственной колонии за этот период было потеряно 924 конедня из-за травматического повреждения лошадей, 830 – вследствие прочих заболеваний. В Качинской колонии в результате травм животных было потеряно 592 конедня [18. Л. 55].

Руководство колоний не уделяло должного внимания содержанию лошадей, потому что все силы были брошены на организацию производства и предотвращение побегов заключенных. Сказывались здесь дефицит кормов и нехватка ветеринаров.

На фоне плохого состояния лошадей, в ИТУ края достаточно успешно развивалось сельскохозяйственное производство. Учреждения Краслага во втором полугодии 1941 г. перевыполнили план по развитию животноводства. По крупному рогатому скоту план был выполнен на 149%, по свиноголовью – на 150% [11. Л. 109].

В 1942 г. сельскохозяйственные колонии и подсобные хозяйства УИТЛК края сумели расширить посевные площади, увеличить поголовье скота, обеспечить лагеря овощами и картофелем, создать новую для краевых ИТУ отрасль сельского хозяйства – птицеводство. В результате сельскохозяйственные предприятия управления исправительно-трудовых лагерей и колоний края заняли третье место в социалистическом соревновании в системе НКВД СССР. За выполнение условий соцсоревнования, увеличение площади посева зерновых, овощей и картофеля, за высокие

показатели по животноводству Л.П. Берия наградила управление грамотой НКВД СССР и денежной премией в сумме 15 тыс. руб. Приказом И.П. Семенова Ширинской сельскохозяйственной колонии УИТЛК было вручено переходящее Красное знамя УИТЛК края с формулировкой: «За лучшие показатели по растениеводству и животноводству, за полное сохранение молодняка, крупного рогатого скота и жеребят» [18. Л. 6].

Часть сельскохозяйственной продукции, производимой в местах лишения свободы, шла на нужды заключенных, что делало их заинтересованными в результатах своего труда. Большинство осужденных были деревенскими жителями, и крестьянский труд был для них привычен, что и объясняет успехи этого вида производства в лагерях и колониях края.

Исправительно-трудовые учреждения переживали вместе со всей страной трудности военного времени.

Выражалось это прежде всего в том, что при меньшем количестве потребляемых калорий трудовая нагрузка на заключенных значительно выросла. Все это вело к истощению и болезням осужденных и, в конце концов, потери их трудоспособности.

Положение контингента усугублялось сложными взаимоотношениями с охраной, с одной стороны, нередко были случаи произвола охранников в отношении заключенных, с другой – панибратства представителей администрации и отбывавших наказание. Подобные аномии провоцировали побег осужденных и затрудняли выполнение производственных планов подразделениями УИТЛК края. Несмотря на все перечисленные проблемы, исправительно-трудовые учреждения внесли свой вклад в Победу. Сотни тысяч бывших заключенных и вольнонаемных сотрудников лагерей и колоний вместе сражались на фронтах, а оставшиеся в местах заключения трудились в тылу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918–1958. М.: Полит. энциклопедия, 2015. 415 с.
2. Пономарев С.Б., Пустовалов А.Р., Черенков А.А. Организация медико-санитарного обеспечения осужденных в годы Великой Отечественной войны // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2012. № 8. С. 24–28.
3. Виноградов П.В. Социально-бытовые условия содержания заключенных в годы Великой Отечественной войны // Уголовно-исполнительная система в годы Великой Отечественной войны: сб. материалов науч.-практ. конф., посвящ. 68-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (г. Новокузнецк, 26 апреля 2013 г.). Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2013. С. 18–21.
4. Суверов Е.В. К вопросу о режиме содержания заключенных в местах лишения свободы в Западной Сибири во время Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1 (33). С. 29–33.
5. Хлевнюк О. В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 30–50-е годы XX в.: Проблемы и источники // Исторические записки. Вып. 5 (123). М.: Наука, 2002. С. 43–69.
6. Маменкова Е.С. Продовольственное снабжение заключенных Красноярского ИТЛ в 1941–1945 гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. № 2. С. 258–263.
7. Маменкова Е.С. Красноярский ИТЛ НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета 2016. № 1 (65). С. 19–23.
8. Государственный архив Красноярского края (далее ГАКК). Ф. Р-1433. Оп. 1. Д. 8.
9. Пронько В.А., Земсков В.Н. Вклад заключенных ГУЛАГа в Победу в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 131–151.
10. ГАКК. Ф. Р-1433. Оп. 1. Д. 290.
11. ГАКК. Ф. Р-1433. Оп. 1. Д. 151.
12. ГАКК. Ф. Р-1433. Оп. 1. Д. 21.
13. ГАКК. Ф. Р-1433. Оп. 1. Д. 9.
14. Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М.: Статистика, 1972. 848 с.
15. Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 644. Оп. 1. Д. 7.
16. ГАКК. Ф. Р-1433. Оп. 1. Д. 7.
17. ГАКК. Ф. Р-1433. Оп. 1. Д. 20.
18. ГАКК. Ф. Р-1433. Оп. 1. Д. 12.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 ноября 2017 г.

SOME ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF CORRECTIONAL LABOR INSTITUTIONS OF KRASNOYARSK KRAI DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 151–159.

DOI: 10.17223/15617793/428/20

Vladimir A. Pecherskiy, Khakassian Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: volody75.75@mail.ru

Keywords: Krasnoyarsk Region; Great Patriotic War; correctional labor institutions; the Gulag.

The aim of this article is to examine various aspects of life of correctional labor institutions of the region during the Great Patriotic War. The source base of the research is documents from the State Archive of Krasnoyarsk Krai, scientific articles introduced into scientific circulation and published for the first time and monographs. At the beginning of the war the release of prisoners convicted of “counterrevolutionary crimes”, banditry and other serious crimes and those having served the sentence was suspended. Those convicted for minor acts were released early, in the autumn of 1941, to replenish the army. By the beginning of March 1942, out of 24,863 people serving their sentences 6,339 people or 25.4 % were released from prison in the region. 2,905 people, 45.8% of the number of the released, were assigned to the military registration and enlistment office. A significant number of the civilian staff of camps and colonies, especially guards who enjoyed the right of deferment from the draft, were also mobilized. 25% of privates and sergeants of the reserve of the Red Army working in the People’s Commissariat of Internal Affairs were subject to the draft, but the number of mobilized employees of correctional labor institutions was much larger, as many of them went to the front voluntarily. Thus, in the second half of 1941, 1,397 people went to the Workers’ and Peasants’ Red Army from the institutions of Kraslag, which amounted to about 40% of the total staff of civilian workers and employees of this correctional labor facility,

including 706 security officers, or 50% of the staff of the Paramilitary Security Service. For those in prison the detention regime was tightened; their food and manufactured goods supply worsened significantly. Moreover, the working day for those in prison was increased up to 12 hours, days off were given not more than twice a month; when fulfilling defense tasks, days off were cancelled at all. All this led to the depletion of people serving sentences, their growing morbidity and mortality. In March 1942, three health and prevention centers were organized in the region to restore the strength and health of prisoners. In extremely severe conditions the camp economy switched to the production of goods necessary for the acting army. The camps and colonies of the region started producing ammunition and wooden containers for it (specialized empties). The production of defense products was constantly behind the schedule. Difficulties with the implementation of tasks for timber logging arose as well. The correctional labor facility of the region was much more successful in agricultural production ranking third in the socialist competition in the system of the USSR People's Commissariat of Internal Affairs in 1942. The author comes to a conclusion that fewer calories consumed by prisoners in the war time and a significant increase in their workload were the reason for the failure of state plans, exhaustion of prisoners, increase of their morbidity.

REFERENCES

1. Ivanova, G.M. (2015) *Istoriya GULAGA: 1918–1958* [History of the Gulag: 1918–1958]. Moscow: Polit. entsiklopediya.
2. Ponomarev, S.B., Pustovalov, A.R. & Cherenkov, A.A. (2012) Organizatsiya mediko-sanitarnogo obespecheniya osuzhdennykh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The organization of medical and sanitary support for convicts during the Great Patriotic War]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*. 8. pp. 24–28.
3. Vinogradov, P.V. (2013) [Social and living conditions of prisoners during the Great Patriotic War]. *Ugolovno-ispolni-tel'naya sistema v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Penal system in the years of the Great Patriotic War]. Proceedings of the conference dedicated to the 68th anniversary of the victory in the Great Patriotic War. Novokuznetsk. 26 April 2013. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 18–21. (In Russian).
4. Suverov, E.V. (2015) To the question of detention regime of prisoners in imprisonment places in West Siberia during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (33). pp. 29–33. (In Russian).
5. Khlevnyuk, O. V. (2002) Ekonomika OGPU-NKVD-MVD SSSR v 30–50-e gody XX v.: Problemy i istochniki [Economics of the OGPU-NKVD-MVD USSR in the 1930s–1950s: Problems and Sources]. *Istoricheskie zapiski*. 5 (123). pp. 43–69.
6. Mamenkova, E.S. (2011) Prodovol'stvennoe snabzhenie zaklyuchennykh Krasnoyarskogo ITL v 1941–1945 gg. [Food supply for prisoners of Krasnoyarsk forced labour camp in 1941–1945]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva – Bulletin of KSPU*. 2. pp. 258–263.
7. Mamenkova, E.S. (2016) Krasnoyarsk forced labour camp of the USSR National Commissariat of Military Affairs during the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Kemerovo State University*. 1 (65). pp. 19–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.21603/2078-8975-2016-1-19-23>
8. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1433. List 1. File 8. (In Russian).
9. Pron'ko, V.A. & Zemskov, V.N. (1996) Vklad zaklyuchennykh GULAGA v Pobedu v Velikoy Otechestvennoy voyne [Contribution of Gulag prisoners to the victory in the Great Patriotic War]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 5. pp. 131–151.
10. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 3. File 290. (In Russian).
11. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-26. List 3. File 151. (In Russian).
12. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1433. List 1. File 21. (In Russian).
13. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1433. List 1. File 9. (In Russian).
14. Statistika. (1972) *Narodnoe khozyaystvo SSSR. 1922–1972 gg. Yubileyny statisticheskiy ezhegodnik* [National economy of the USSR. 1922–1972 anniversary statistical yearbook]. Moscow: Statistika.
15. Russian State Archive of Social and Political History. Fund 644. List 1. File 7. (In Russian).
16. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1433. List 1. File 7. (In Russian).
17. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1433. List 1. File 20. (In Russian).
18. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R-1433. List 1. File 12. (In Russian).

Received: 28 November 2017

УЧАСТИЕ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ АПТЕЧНОГО ДЕЛА СИБИРСКОГО ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ НА ПРИМЕРЕ ТОМСКА

Рассматривается вопрос участия еврейского населения в аптечном деле города Томска во второй половине XIX – начале XX в. Интерес к указанной теме продиктован особой политикой в отношении еврейского населения со стороны правительства Российской империи, а также актуальностью изучения системы здравоохранения сибирского региона. Во второй половине XIX в. выходили нормативно-правовые акты, препятствовавшие содержанию аптек евреями в сибирском регионе, однако развитие аптечной сети и возрастающая потребность в специалистах способствовали допуску евреев в аптечное дело, этот процесс показан на примере развития аптечного дела Томска.

Ключевые слова: еврейское население; Сибирь; Томск; аптека; национальный вопрос.

Забота о сохранении здоровья населения, лечебная и профилактическая деятельность являются важнейшей задачей, составляющей основу социальной политики любого государства, поэтому изучение исторического опыта развития здравоохранения в России представляется актуальным как с точки зрения экономических параметров, так и в социокультурном отношении. Несмотря на существующие работы Н.П. Федотова и Г.И. Мендриной [1], Г.В. Федорова, С.Г. Резникова [2], С.К. Иконникова [3], Н.А. Амелянчик [4] и др. вопрос национальной идентичности организаторов аптечной сети в Сибири, в частности в Томске, требует дополнительного освещения. В данной статье рассматриваются правовые основания участия еврейского населения в работе аптечной сети города Томска в дореволюционный период.

Рассмотрим законодательную базу, регулировавшую работу российских аптек до революции 1917 г. Функционирование аптечной сети в Российской империи, как и вся медико-лечебная сфера, регулировалось Врачебным уставом, опубликованном в Своде законов Российской империи. Врачебный устав за время своего существования выдержал три редакции: в 1857, 1892 и 1905 гг. Согласно положениям Врачебного устава, право изготовления и продажи лекарственных веществ, за исключением тех, которые «получаются из фабрик», принадлежало «исключительно аптекам, законным порядком устроенным» [5. С. 51]. Готовые лекарства, некоторые медицинские инструменты и косметические препараты могли продавать аптекарские магазины. Так же в законе были прописаны принципы работы аптечной сети и правила открытия новых аптек, которые не оставались неизменными в течение рассматриваемого периода. Так, во Врачебном уставе 1892 г. были скорректированы правила открытия аптек: после получения разрешения врачебной управы и положительных отзывов от держателей других аптек прошение передавалось не в Министерство внутренних дел, как это было определено во Врачебном уставе 1857 г., а губернатору (ст. 520). Кроме того, законом допускалось открытие аптеки без согласия на то держателей других аптек в том случае, если на это было получено разрешение Министерства внутренних дел [6. С. 82]. Третья редакция Врачебного устава 1905 г. дополнительно оговаривала процедуру фабричного производства и

оптовой продажи сложных фармацевтических препаратов.

Также во Врачебном уставе были названы медицинские степени, ученые звания и профессиональные обязанности медиков. К фармацевтическим степеням относились аптекарский помощник, провизор, магистр фармации (аптекарь). Для получения фармацевтической степени требовалось «пройти испытание» при любом высшем учебном заведении, готовившем специалистов медицинского профиля [5. С. 81]. Профессиональные обязанности служащего напрямую зависели от его степени, их подробное описание в законе свидетельствует о стремлении законодателя тщательно регламентировать медицинскую сферу Российской империи и не допускать в нее лиц, не имевших требуемых навыков и образования.

Так, например, провизор нередко являлся управляющим аптекой. В его обязанности, согласно законодательству, входили заведование аптекой, обеспечение ее лекарствами, ведение документации и годовой отчетности, наблюдение за работой персонала и соблюдением качества отпускаемых из аптеки медикаментов, проведение судебно-химических исследований. Чтобы стать провизором, соискатель должен был прослужить в аптеке не менее трех лет, прослушать курс в медицинском учебном заведении, только после этого он допускался к сдаче квалификационных экзаменов. Экзамены предполагали устные ответы и демонстрацию практических навыков. В состав экзаменационных предметов входили: минералогия, ботаника (при этом экзаменуемый должен был определить по внешнему виду несколько растений), зоология, физика в связи с химией и фармацией, химия, фармакология, подача первой медицинской помощи. Кроме того, экзаменуемый был обязан по внешнему виду определить и описать два аптекарских материала и два химических препарата, приготовить два медикамента, провести судебно-химическое исследование и продемонстрировать умение вести аптечную документацию и бухгалтерию [Там же. С. 92–93]. Плата за прохождение экзаменационной процедуры при университете составляла 10 руб. [7. Кн. 2. С. 27].

Кроме провизоров, в аптеках работали помощники провизоров (фармацевты) и аптекарские ученики. В их обязанности входили изготовление препаратов, продажа медикаментов и соблюдение чистоты и по-

рядка в помещениях. Лекарства изготовляли преимущественно аптекарские помощники, ученики же выполняли несложную работу и следили за чистотой.

В аптекарские ученики принимались лица, имевшие гимназическое образование. В этой должности они могли служить от двух до трех лет и после этого продолжить движение по карьерной лестнице. В конце XIX в., согласно распоряжению министра народного просвещения, женщины получили право поступать в аптекарские ученицы, если у них было свидетельство об окончании гимназического курса и знание латинского языка. При этом аптека, набиравшая аптекарских учениц, лишалась права одновременно держать учеников-мужчин [7. Кн. 2. С. 3].

Чтобы получить степень аптекарского помощника, соискатель должен был сначала прослужить аптекарским учеником и получить свидетельство, подтверждавшее его квалификацию и заверенное управляющим той аптеки, где он служил. Затем следовали экзаменационные испытания, в которых проверялись знания аптекарского устава, названий лекарственных веществ и растений, дозировки сильнодействующих веществ, навыки чтения рецептур, перевода статей из фармакопеи, изготовления медикаментов. Экзамены проводились при университетах, при этом сдавать их могли лица любых сословий, в том числе и крестьяне, если они платили взнос в 5 руб. для покрытия расходов по изготовлению фармацевтических препаратов.

Как видно из текста Врачебного устава, закон разрешал всякому, кто пожелает, открывать аптеки во всех городах и местечках империи [8. С. 72]. Не исключением были и евреи. Для того чтобы получить разрешение на открытие аптеки, еврею необходимо было представить документы, подтверждавшие, что он имеет соответствующее образование, получить разрешение на свою деятельность от местных властей и местного городского врача, уплатить гербовый сбор [9. Л. 2–5] и представить характеристику от местного полицейского управления [10. Л. 3]. Однако на практике право на открытие аптеки и ее содержание у евреев в Сибири было напрямую связано с правом поселения и жительства в этом регионе.

С 1861 г. Сибирь стала доступной для поселения евреев, имевших ученые степени докторов медицины и хирургии или докторов медицины, а также ученые степени докторов, магистров и кандидатов других факультетов университета [11. С. 509–510]. Этот закон в 1865, 1866 и 1867 гг. был распространен на евреев-врачей, не имевших ученых степеней [12. С. 74–75]. Однако в законе не были названы отдельно фармацевты, в результате они не могли жить и работать вне черты оседлости, что привело к многочисленным ходатайствам евреев в Министерство внутренних дел. Ввиду острой нехватки специалистов в целом по Российской империи вопрос о наделении правом всеместного жительства и деятельности евреев-фармацевтов был рассмотрен в 1873 г. Особой комиссией по устройству быта евреев. Члены Комиссии посчитали обоснованным предоставить евреям, окончившим курс в высших учебных заведениях, право поступления на государственную службу, всеместного жительства и свободной приписки к обществам

вне черты оседлости. Правда, данным правом наделялись только те лица, которые прошли полный курс обучения в учебном заведении, а не просто подготовившимся и сдавшим экзамен на получение медицинского звания. Подобное положение дел объяснялось тем, что «главная задача, к которой, в известной степени, должно стремиться, состоит в содействии возможному слиянию евреев с прочим населением Империи. Прохождение же полного курса наук в учебном заведении, связанное с постоянным общением с русской молодежью, имеет несомненное нравственное влияние, вырывающее евреев из темной народной среды, в которой они чахнут и умственно и нравственно извращаются. Лица же, подготовившиеся дома к экзамену для получения степени, большей частью продолжают вращаться в еврейской среде, и в силу этого вращение нравственно воспитываются в духе, враждебном христианскому учению и гражданскому строю государства» [13. Л. 9–10]. При этом особо оговаривалось, что еврей-студенты, желавшие изучать фармацевтическое, фельдшерское и акушерское дело, могли получить право на повсеместное проживание в Российской империи только при условии, что они действительно обучались и им не более 25 лет. Что же касается евреев, уже состоявших в звании аптекаря, дантиста или акушерки, то эти категории получили право повсеместного проживания в империи. Условия же обязательного содержания ими аптеки для получения права повсеместного жительства было дополнительно прописано. Видимо, на тот момент законодатель посчитал это условие само собой разумеющимся и не нуждающимся в специальном разъяснении. В дальнейшем это станет основанием для закрытия аптек, содержавшихся евреями. Следует отметить, что перечисленные категории евреев не спешили переселяться в Сибирь, предпочитая ей столичные города и ближайшие к ним губернии. Мнение членов Комиссии было подтверждено Высочайшим повелением 19 января 1879 г. [14. С. 26–27].

При следующем монархе, Александре III, радикально меняется политика правительства по отношению к евреям. Прокатившиеся по южным губерниям Российской империи погромы подчеркнули необходимость пересмотра действовавших прав евреев в сторону их ограничения. Одним из основных прецедентов, на основании которого решался вопрос о содержании аптек евреями вне черты оседлости, стало дело поверенного провизора еврея Соловейчика. В результате рассмотрения его жалобы на запрет открытия и содержания им аптеки в г. Харькове Министерство внутренних опубликовало решение, что евреи не могли открывать и содержать аптеки вне черты оседлости, так как в действовавших законах не встречались указания, что фармацевты принадлежали к числу ремесленных званий, а аптеки – к ремесленным заведениям. При этом Высочайшее повеление 19 января 1879 г. перестало считаться основанием для открытия и содержания евреями аптек, так как оно «разрешает лишь повсеместное жительство в Империи, евреям-фармацевтам, но не предоставляется этим лицам каких-либо особых прав по торговле и, следовательно, по содержанию аптек и управления ими» [15. Л. 4].

Принимавшиеся ограничительные постановления не обошли вниманием и евреев в Сибири, где ограничения оказались еще более строгими. В рамках ужесточения правительственной политики существование этого положения в законодательстве привело к тому, что Сибирь была изъята из мест, где евреям дозволено было проживать. Законодатель сделал вывод о том, что формулировки «право проживания повсеместно по империи» недостаточно, если Сибирь не оговорена особо. В результате каждый из проживавших в Сибири евреев должен был подтвердить свое право на жительство и деятельность в данном регионе.

8 октября 1888 г. Министерство внутренних дел разослало циркуляр о проверке прав проживавших во всех российских губерниях евреев-ремесленников ввиду того, что многие из них ремеслом не занимались [16. Л. 1]. Циркуляр был воспринят сибирской администрацией как сигнал к началу немедленной высылки большинства евреев. В дальнейшем сложился такой алгоритм действия: любой запрос о численности и положении евреев приводил к тому, что губернские власти энергично начинали выселять евреев. Иногда выселение принимало такой широкий размах, что центральные власти тормозили инициативы губернских властей. 3 апреля 1880 г. Министерство внутренних дел разослало циркуляр № 30 о приостановлении высылки евреев, не имевших права жительства в Сибири [17. Л. 28]. Крупномасштабное выселение евреев не могло не затронуть интересы и нееврейского населения. Ю. Островский так описывает ситуацию, сложившуюся после издания циркуляра: «Выселяют фармацевтов, зубных врачей и акушеров, студентов-практикантов, и население остается без медицинской помощи...» [18. С. 55].

Очевидно, что в конце XIX в. содержать аптеку в Сибири могли лишь те евреи, кто изначально имел право проживать там и иметь свое дело. Таким образом, на законодательном уровне существовали ограничительные механизмы, препятствовавшие свободному участию еврейского населения в работе медико-лечебной сферы сибирского региона и, в частности, содержанию аптек, однако на практике эта сфера не была полностью недоступна для евреев, что можно увидеть на примере Томска.

Аптечная сеть города развивалась постепенно. В 1806 г. была открыта томская городская больница ведомства Приказа общественного призрения, при ней работала аптека, долгое время она оставалась единственной в городе. В первой половине XIX в. в Томске появилась частная аптека Э. Мальгудовича с правом вольной продажи лекарств [19. Л. 174]. Во второй половине XIX в. в городе открылись вторая частная аптека, принадлежавшая П.С. Ковнацкому, аптеки при городской лечебнице и при клиниках Томского университета с правом вольной продажи лекарств, в начале XX в. — аптека томского городского управления и Еланская аптека [20. Л. 1–25; 21. Л. 178]. Кроме того, в начале XX в. в Томске работало четыре аптекарских магазина. В таком виде аптечное дело просуществовало практически без изменений до 1917 г. [22. С. 39].

Расширение аптечной сети требовало увеличения численности служащих. Помимо провизоров, в штате

томских аптек находилось по 3 аптекарских помощника и 3–4 аптекарских ученика, работавших посменно. Однако их число могло быть и больше. Так, в клинической аптеке при университете служили 6 аптекарских помощников, а в аптеке П.С. Ковнацкого — 5 аптекарских учеников [23. Л. 32–33]. Если говорить о материальном обеспечении служащих, то их доход был эквивалентен жалованию других категорий медицинских работников. Годовое жалование провизора было чуть ниже оклада врача, но в целом сопоставимо с ним по размеру. Управляющий томской аптекой Приказа общественного призрения в 1860-х гг. получал 314 руб. 60 коп., в конце XIX в. — 1 200 руб. в год [24. Л. 2]. Оклад управляющего частной аптекой зависел от размера годовых продаж, но был сравним с размером государственного жалования. Например, П.С. Ковнацкий платил управляющему 1 500 руб. в год, тогда как управляющие клинической и приказной аптеки получали по 1 200 руб., управляющий муниципальной аптекой — 1 800 руб. [25. Л. 1–20]. Заработная плата аптекарского помощника в начале XX в. составляла 900 руб. в год, она была одинаковой во всех томских аптеках. Жалование аптекарского ученика зависело от срока его службы в аптеке: в 1860-х гг. старший аптекарский ученик получал 81 руб. 50 коп. в год, младший — 68 руб. 64 коп. В конце XIX — начале XX в. годовой оклад достиг 480 руб. для ученика третьего года обучения, 420 руб. для ученика второго года обучения и 360 руб. для недавно поступивших учеников [26. С. 228]. Судить о доходах владельцев частных аптек довольно сложно, но, вероятно, содержание аптеки в губернском городе было прибыльным делом, поэтому финансовый фактор мог повлиять на развитие аптечного дела в Томске во второй половине XIX в. Возросшая потребность в профессионалах и достойный размер жалования постепенно привлекали население, в том числе и евреев, в аптечное дело.

Среди фармацевтов государственных аптек г. Томска евреев не встречалось, что было связано с тем, что еще с 1828 г. евреям было запрещено занимать должности на государственной службе в России [27. С. 779–780]. Чуть позже были приняты законы, допускавшие евреев к некоторым должностям на государственной службе по особому разрешению [28. С. 308–323]. Однако это положение не давало евреям права приезда в Сибирь, поэтому заниматься медицинской практикой в данном регионе могли лишь те евреи, кто имел соответствующее образование и при этом был сослан за какое-либо правонарушение [29. С. 575]. То есть право на открытие аптеки для евреев в Сибири было напрямую сопряжено с правом жительства в этом регионе. Вообще из-за нехватки специалистов медицинской практикой в Сибири разрешалось заниматься политическим ссыльным, имевшим медицинскую специальность. Видимо, по этой же причине сибирским евреям позволялось содержать аптеку или аптечный магазин либо работать в них при наличии необходимой степени. Например, в январе 1893 г. томский купец О.Л. Фуксман получил разрешение на открытие аптеки в Томском уезде [30. Л. 2 об.]. В 1899 г. в Томске И. Фуксман содержал аптекарский магазин [31. С. 267]. С начала XX столе-

тия постоянно действовала аптека Д.М. Перевалова и провизора-еврея С.Е. Пойзнера [32. Л. 60].

Кроме того, евреи могли служить и аптекарскими помощниками, и даже подсобными рабочими и приносить пользу в деле снабжения населения лекарствами. Аптеки дорожили постоянными клиентами. По воспоминаниям еврея М.И. Яценецкого, который работал в одной из частных аптек «мальчиком на побегушках», хозяин отправлял его разносить по домам лекарства, «летом развозил на хозяйском велосипеде. Если спрашивали лекарство, которого нет в аптеке, то служащие занимали клиента разговорами, а меня в это время посылали за нужным лекарством в соседнюю аптеку. Отказов не было» [33. Л. 16].

Процент евреев среди служащих аптек колебался в зависимости от занимаемой должности, но при этом мог достигать довольно высокого значения. 26 января 1910 г. во Врачебное отделение поступил циркуляр Министра внутренних дел о немедленной проверке документов на специальные звания у всех зубных врачей, дантистов, фармацевтов, фельдшеров, фельдшериц, повивальных бабок, массажистов, практиковавших в Томске. По сведениям, собранным полици-

ей, оказалось, что в городе 1,6% провизоров, 3,3% фармацевтов и 10,0% аптекарских помощников составляли евреи [34. Л. 11, 20–148]. Как видно, при найме служащих внимание обращалось на образование, опыт работы, практические навыки, а не на происхождение или национальность.

Таким образом, мы видим, что наиболее динамичный численный рост сети аптек в Томске пришелся на вторую половину XIX – начало XX столетия, что было связано с развитием экономики и здравоохранения города. Растущая потребность города в медицинских специалистах требовала гибкого регулирования национального вопроса. Несмотря на существовавшие законодательные ограничения участия еврейского населения в медико-лечебной сфере Сибири, правительство разрешало евреям, имевшим медицинское образование, проживать и работать в соответствии со специальностью в названном регионе. Таким образом, можно отметить, что сибирский город в дореволюционный период был многонациональной средой, и при этом представители еврейского населения работали во всех специальностях аптечного дела, непосредственно участвуя в деле снабжения населения города лекарствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федотов Н.П., Мендрин Г.И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1975. 260 с.
2. Федорова Г.В., Резников С.Г. Медицинские династии Западной Сибири в историко-биографических очерках (конец XIX – XX вв.). Омск, 1999. 495 с.
3. Иконников С.К. Доктор Пирусский. Томск : D'Print, 2005. 372 с.
4. Амелянчик Н.А. Сибирцев Геннадий Евгеньевич // Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. С. 316.
5. Устав врачебный: издание 1857 года // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 13. Тетр. 3. 387 с.
6. Устав врачебный: издание 1892 года // Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 13. 341 с.
7. Известия Императорского Томского университета. Томск, 1890. Кн. 2.
8. Устав врачебный: издание 1905 года // Свод законов Российской империи. СПб., Т. 13. 1905. 349 с.
9. Архив Томского областного краеведческого музея. Ф. 1. Оп. 4. Д. 489.
10. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 40. Д. 46.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVI. Отд. 2. 1861. № 37684. СПб., 1863.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLII. Отд. 1. 1867. № 44195. СПб., 1871.
13. Российский государственный архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 9. Д. 114.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. LIV. Отд. 1. № 59236. СПб., 1881.
15. РГИА. Ф. 821. Оп. 9. Д. 173.
16. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2742.
17. ГАТО. Ф. 433. Оп. 1. Д. 99.
18. Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. 205 с.
19. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109.
20. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 385.
21. ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 172.
22. Семенова К.А. Здравоохранение города Томска: время становления (1860-е – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 158 с.
23. ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 508.
24. ГАТО. Ф. 43. Оп. 3. Д. 33.
25. ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 428.
26. Известия Томского городского общественного управления. Томск, 1908. № 9–12.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 13. 1828. № 2233. СПб., 1830.
28. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. Отд. 2. № 8054. Ст. III. Пп. 3, 4, 5. СПб., 1835.
29. Ulyanova O.S., Chernyak E.I. The regulations about the Jews settlement in Siberia from the second half of the 19th century to the early 20th century // 3rd International Conference on Education and Social Sciences (Intcess-2016). Uslu F., 2016. P. 575–580.
30. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3227.
31. Торгово-промышленная Россия: справочная книга для купцов и фабрикантов / сост. А.А. Блау. СПб., 1899. 1431 с.
32. ГАТО. Ф. 3. Оп. 40. Д. 527.
33. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 5684. Оп. 1. Д. 26.
34. ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3815.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 ноября 2017 г.

THE JEWS' CONTRIBUTION TO THE PHARMACY OF A SIBERIAN CITY IN THE SECOND PART OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES BASED ON TOMSK ARCHIVES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 160–164.

DOI: 10.17223/15617793/428/21

Ksenia A. Prokopenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kseniya.s@mail.ru

Oksana S. Khrulyeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shamaim_7@mail.ru

Keywords: Jews; Siberia; Tomsk; pharmacy; national policy.

The authors describe the Jews' contribution to Tomsk pharmacy in the second part of the 19th – the beginning of the 20th centuries. The issue is considered to be urgent because of particular Russian laws about the Jews, as well as the research of the healthcare system in Siberia. To study Russian laws on the Jews and pharmacy, the authors have researched the laws of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries such as the Medical Regulation, which includes the healthcare system laws of the Czarist-era and other separate rules about the Jews in the Russian Empire, for instance, the Supreme Order of January 19, 1879. According to the sources, the authors come to a conclusion that despite the lack of special laws to prohibit the Jews to open chemist shops in Siberia, they had obstacles to do it. It was connected with the laws and guidance notes of the Ministry of Internal Affairs which limited the settlement of the Jews in Siberia. However, the lack of well-educated people in Siberia and requirements of the healthcare system led to a flexible policy on the Jews and on the opportunities for them to open chemist shops in Siberia. In the second part of the 19th – early 20th centuries, six chemist shops and four drugstores were opened in Tomsk; therefore, the problem to find chemists, their assistants and apprentices was so urgent that their salary was quite high. According to archives and statistics, there were Jews among owners, chemists, assistants and apprentices in Tomsk chemist shops despite the Russian laws. The flexibility of policy on the Jews in medicine is particularly noticeable in the period of Alexander II, when some liberalization of the laws on the Jews in the Russian Empire is observed. During the reign of Alexander III, despite the strict official policy on the Jews, they were included in the healthcare system in Siberia. To sum up, it could be noted that the financial situation and the healthcare system requirements influenced pharmacy in Siberia greatly and led to an increase in the number of chemist shops here in the 19th – early 20th centuries. The same process could be observed in Tomsk, too. The result of the growing need in medical specialists was a flexible policy on national minorities in Siberia, for example, the government allowed the settlement of Jews who had medical education in Tomsk. Due to this fact, Tomsk became a city with a multinational population, and it is possible to see the Jews contribution to Tomsk pharmacy.

REFERENCES

1. Fedotov, N.P. & Mendrina, G.I. (1975) *Ocherki po istorii meditsiny i zdravookhraneniya Sibiri* [Essays on the history of medicine and health of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University
2. Fedorova, G.V. & Reznikov, S.G. (1999) *Meditsinskie dinastii Zapadnoy Sibiri v istoriko-biograficheskikh ocherkakh (konets XIX – XX vv.)* [Medical dynasties of Western Siberia in historical and biographical sketches (late 19th – 20th centuries)]. Omsk: Omskaya oblastnaya tipografiya.
3. Ikonnikov, S.K. (2005) *Doktor Pirusskiy* [Doctor Pirusskiy]. Tomsk: D'Print.
4. Amel'yanchik, N.A. (2004) Sibirtsev Gennadiy Evgen'evich [Gennady Evgenievich Sibirtsev]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Tomsk ot A do Ya. Kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z. A brief encyclopedia of the city]. Tomsk: Izd-vo NTL.
5. Russian Empire. (1857) *Ustav vrachebnyy: izdanie 1857 goda* [Medical Charter: the 1857 edition]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 13:3. St. Petersburg: Kodifikats. otd. pri Gos. sovete.
6. Russian Empire. (1892) *Ustav vrachebnyy: izdanie 1892 goda* [Medical Charter: the 1892 edition]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 13. St. Petersburg: Kodifikats. otd. pri Gos. sovete.
7. Maliev, N.M. (ed.) (1890) *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta* [News of the Imperial Tomsk University]. Book 2. Tomsk: Tip.-lit. P. I. Makushina, Kn. 2.
8. Russian Empire. (1905) *Ustav vrachebnyy: izdanie 1905 goda* [Medical Charter: the 1905 edition]. In: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 13. St. Petersburg: Kodifikats. otd. pri Gos. sovete.
9. Arkhiv Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Fund 1. List 4. File 489. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 40. File 46. (In Russian).
11. Russian Empire. (1863) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. XXXVI:2. No. 37684. Petersburg: II Otdelenie Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
12. Russian Empire. (1871) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. XLII:1. No. 44195. Petersburg: II Otdelenie Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
13. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 821. List 9. File 114. (In Russian).
14. Russian Empire. (1881) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. LIV:1. No. 59236. Petersburg: II Otdelenie Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
15. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 821. List 9. File 173. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 2. File 2742. (In Russian).
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 433. List 1. File 99. (In Russian).
18. Ostrovskiy, Yu. (1911) *Sibirskie evrei* [Siberian Jews]. St. Petersburg: tip. I. Lur'e i K°.
19. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 4. List 1. File 109. (In Russian).
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 4. List 1. File 385. (In Russian).
21. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 40. File 172. (In Russian).
22. Semenova, K.A. (2010) *Zdravookhranenie goroda Tomsk: vremya stanovleniya (1860-e – 1919 g.)* [Public health of the city of Tomsk: the time of formation (1860s – 1919)]. Tomsk: Tomsk State University.
23. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 40. File 508. (In Russian).
24. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 43. List 3. File 33. (In Russian).
25. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 40. File 428. (In Russian).
26. *Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. (1908). 9–12.
27. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 13. No. 2233. St. Petersburg: II Otdelenie Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
28. Russian Empire. (1835) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 10:2. No. 8054. Col. III. Para. 3–5. Petersburg: II Otdelenie Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii.
29. Ulyanova, O.S. & Chernyak, E.I. (2016) The regulations about the Jews settlement in Siberia from the second half of the 19th century to the early 20th century. *3rd International Conference on Education and Social Sciences (Intcess-2016)*. Uslu F. pp. 575–580.
30. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 2. File 3227. (In Russian).
31. Blau, A.A. (ed.) (1899) *Torgovo-promyshlennaya Rossiya: spravochnaya kniga dlya kuptsov i fabrikantov* [Commercial and industrial Russia: reference book for merchants and manufacturers]. St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina.
32. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 40. File 527. (In Russian).
33. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast. Fund 5684. List 1. File 26. (In Russian).
34. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 104. List 1. File 3815. (In Russian).

Received: 28 November 2017

СТАТИСТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ: ОРГАНИЗАЦИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ВКЛАД В РАЗВИТИЕ СИБИРСКОГО КРАЯ

На основе широкого круга источников, документальных публикаций и научной литературы исследуется создание и деятельность статистико-экономического отдела Института исследования Сибири. Анализируется состояние научных сил сибирского региона в области статистики и экономики. Делается вывод о вкладе ИИС в изучение данных дисциплин.

Ключевые слова: Институт исследования Сибири; Томск; статистика и экономика Сибири; В.Я. Нагнибеда; Б.Е. Будде; Губернский статистический комитет; перепись населения Сибири.

Первая мировая война и революция, низвергнувшие Российскую империю, обнажили все проблемы, остро стоявшие перед российским обществом. Главной из них стал поиск новой модели устойчивого модернизационного развития, способной превратить полуотсталую крестьянскую страну в мощную индустриальную державу. Неудивительно, что, в связи с этим, многие современные историки рассматривают Октябрьскую революцию и пришедших к власти большевиков как ответ на модернизационный вызов России, стоявшей перед ней многие десятилетия [1].

Между тем актуальным представляется исследование попыток ответа на модернизационный вызов на региональном уровне, предпринятый сибирским научным сообществом. В условиях изолированности Сибири событиями Гражданской войны сибирская научная общественность приняла решение создать исследовательский институт на территории Сибири, в задачи которого входило бы ее «планомерное» комплексное исследование «в научном и научно-практическом отношении».

В данной статье речь пойдет лишь об одном из его отделов – статистико-экономическом. Его изучение призвано не только дать адекватную оценку состоянию статистики и экономики в Сибири в период Гражданской войны. Оно также позволит обозначить стоявшие перед этими дисциплинами проблемы, показать пути решения этих проблем, предложенных сибирскими учеными, и продемонстрировать то, как эти решения воплощались на практике.

Мы не будем подробно останавливаться на историографии исследований истории ИИС, тем более что она уже получила относительно полное освещение в другой работе автора [2]. Достаточно сказать, что о статистико-экономическом отделе, за исключением статей общего характера, изданных коллективом томских историков, не проводилось специальных исследований [3–4].

Целью данной статьи является формирование целостного представления об истории создания и деятельности статистико-экономического отдела Института исследования Сибири (ИИС). В рамках работы автор попытается дать оценку вкладу изучаемого отдела в развитие статистики и экономики Сибири.

К моменту образования Института исследования Сибири изучение статистики и экономики в Сибири находилось на разных стадиях развития. Статистические исследования проводились органами государственной статистики, а также со стороны обществен-

ных и научных организаций. К первым относились, прежде всего, губернские и областные статистические комитеты с волостными правлениями (собирали данные на местном, первичном уровне). Кроме них статистические исследования осуществляли различные ведомства, в частности Министерство путей сообщения и Министерство земледелия и государственных имуществ. Исследования последнего постепенно перетекли к образованному в 1896 г. Переселенческому управлению, которое имело статистические отделы при Переселенческих районах в сибирских губерниях. Из общественных организаций, занимающихся статистикой на территории Западной Сибири, мы можем выделить деятельность «Томского юридического общества» и «Общества любителей исследования Алтая» [5. С. 23–24]. Статистическую деятельность осуществляли и добровольные корреспонденты.

Наиболее весомых результатов удалось добиться в области статистики сельского хозяйства. С 1901 по 1917 г. в Сибири было проведено 5 переписей: 1901, 1908, 1912, 1916 и 1917 гг. Переписи 1908 и 1912 гг. касались преимущественно изучения конского состава, другие три направлялись на изучение социально-экономического положения крестьян и крестьянского хозяйства. П.Ф. Никулин дает весьма высокую оценку этих переписей, указывая на их полноту в территориальном и категориальном плане [Там же. С. 95]. Хуже дело обстояло в области промышленной статистики, на изучение которой как раз и были направлены исследования статистико-экономического отдела ИИС.

Система статистических учреждений Сибири была тесно связана с отделами Императорского Русского географического общества, в структуре которых важное место отводилось статистическим и экономическим исследованиям. Первые статистические исследования ИРГО в Сибири связаны с организацией в 1866 г. Туруханской экспедиции, в составе которой работал известный историк Щапов. Особенно интенсивно статистические исследования велись при Восточно-сибирском отделении РГО, ввиду чего распространенным было мнение о том, что в Иркутской губернии нет необходимости в учреждении губернского статистического комитета [6. С. 17–18]. В конце XIX в. статистическая секция Восточно-Сибирского отдела вовсе предприняла ведение и издание текущей сельскохозяйственной статистики по Иркутской губернии. Однако в 1901–1906 гг. деятельность ВСОРГО в этой области снизилась ввиду увеличения расходов на содержание музея.

Западно-сибирский отдел РГО занимался изучением быта кочевых народов и, в частности, киргизов, где его исследования находились в тесном контакте с работами Семипалатинского подотдела, открывшегося, к слову, на базе статистического комитета [7].

Большой вклад в развитие статистико-экономических исследований внесли Приамурский отдел РГО и Общество изучения Амурского края. Так, в 1912 г. в Хабаровске вышел двухтомник В.К. Арсеньева, «подытоживший результаты его собственных экспедиций и работы предшественников по изучению природы, населения и экономики Приморья» [8. С. 69].

С началом Первой мировой войны экспедиционная и издательская деятельность отделов практически прекратилась. Так, ЗСОРГО (Западно-Сибирский отдел РГО) с 1914 по 1918 г. провел всего 8 экспедиций, половина которых пришлась на 1914 г. [9. С. 173].

Научные исследования в области статистики и экономики получили импульс с открытием юридического факультета Томского университета с кафедрами политэкономии и статистики и финансового права. Здесь работали такие выдающиеся ученые, как М.Н. Соболев, М.И. Боголепов, П.И. Лященко и С.И. Солнцев, уделявшие в своих работах специальное внимание истории хозяйства Сибири, ее экономическим проблемам и финансовому положению. Их стараниями в Сибири образовалась первая научная экономическая школа [10. С. 337].

Отдельно хотелось бы выделить деятельность виднейшего статистика Сибири В.Я. Нагнибеду, заведующего статистической партией Томского переселенческого района в 1910–1911 гг., участвующего в переписи 1916 и руководившего переписью 1917 г. В 1915–1917 гг. В.Я. Нагнибеда руководил изданием «Статистико-экономического бюллетеня» — органа периодической печати, где публиковались все сведения о явлениях экономической жизни Томской губернии, поступающие в статистический отдел Томского переселенческого района [11. С. 80–84].

Отдельно стоит сказать о деятельности Общества изучения Сибири и улучшении ее быта, созданного в Томке в 1909 г. Одним из направлений деятельности этого общества стали экономические исследования, в частности изучение хлебной торговли, связанное с именем все того же М.И. Боголепова. Из экспедиционной деятельности стоит выделить экспедицию М.Н. Соболева и М.И. Боголепова в Восточную Монголию и Сойотию в связи с изучением русской торговли [12. С. 159–164].

На этом серьезные статистические и экономические исследования в Сибири практически исчерпываются. Мы можем заключить, что, несмотря на интенсивную научную деятельность и достигнутые результаты, статистика и экономика Сибири находились к 1919 г. в весьма плачевном состоянии. Между тем в условиях социально-экономического и политического кризисов России перед сибирскими статистиками и экономистами были поставлены задачи не только в сохранении уже достигнутого, но и в качественном преобразовании исследований с выходом на ответы кризисных явлений, возникших в ходе событий Первой мировой войны, революции и Гражданской вой-

ны. Задачи статистики при этом осложнялись стремительным притоком населения из Европейской России, широким распространением бродяжничества, стремительным ухудшением социально-экономического положения крестьянства и др. Экономисты Сибири же были озабочены созданием мощной индустрии, прежде всего в добывающей промышленности, за счет которой планировалось возрождение не только Сибирского края, но и всей России.

История создания Института исследования Сибири не является предметом данного исследования, ввиду чего мы лишь кратко обозначим ее основные моменты.

Первая серьезная попытка придать ИИС реальное воплощение произошла на Первом сибирском метеорологическом съезде, проходившем в Иркутске в конце октября 1917 г. Его участники пришли к выводу о желательности создания учреждения, которое занималось бы систематизацией уже добытых знаний и координацией исследований в масштабах всей Сибири. Юридически эта идея была оформлена Временным положением об ИИС [13. С. 294–296].

Октябрьская революция и последовавшая за ней Гражданская война помешали претворению в жизнь намеченных планов. Только после установления в ноябре 1918 г. диктатуры адмирала А.В. Колчака началась подготовка к созыву съезда по организации ИИС в Томске. Этот съезд должен был стать «смотром» научных сил Сибири, поскольку здесь ведущие ученые планировали обсудить ключевые проблемы в самых разных отраслях науки.

Съезд по организации ИИС открылся 15 января 1919 г. Несмотря на суровые зимние условия и сложности с железнодорожным транспортом, на съезде было представлено около 240 делегатов от 17 городов Сибири, Урала и Европейской России. Работа велась на общих и секционных заседаниях.

Секция статистики и экономики, расположившаяся в аудитории № 3 Томского университета, являлась одной из самых малочисленных как по количеству участников (20 из 241), так и по числу представленных докладов (3 из 71). Она была представлена профессором Казанского университета Б.Е. Будде, занявшим в Томском университете должность профессора юридического факультета по кафедре финансового права, будущим профессором и заведующим кафедрой теории и техники статистики факультета общественных наук Томского университета В.Я. Нагнибедой, профессором кафедры торгового права юридического факультета Томского университета С.П. Никоновым, ординарным профессором статистики при Всероссийской Академии Генерального штаба генерал-лейтенантом А.И. Медведевым и др. [14. С. 61–62, 178–179].

Всего состоялось 5 заседаний секции. На первом заседании 16 января был избран президиум в составе председателя Б.Е. Будде и товарища председателя В.Я. Нагнибеды, после чего секция смогла приступить к чтению докладов.

В ходе работы статистико-экономической секции было зачитано 3 доклада. Текст доклада В. Ласкина «Институт экономического исследования Сибири» так и не был опубликован в трудах съезда. Организа-

ции статистического отдела был посвящен доклад В.Я. Нагнибеды. Указав на прямое отношение статистики к основополагающему принципу ИИС – широкому сбору сведений о всех сторонах жизни края, он сформулировал следующие задачи статистического отдела: 1) сосредоточение, объединение, обработка и опубликование материалов; 2) составление рационального плана работ; 3) подготовка кадров статистиков; 4) консультационная деятельность; 5) самостоятельное выполнение работ; 6) производство всеобщих переписей [15. 21 янв.]. В то же время В.Я. Нагнибеда указал на следующие направления деятельности статистики при институте: а) статистика народонаселения; б) культурная статистика; в) экономическая статистика (в том числе территориальная статистика; финансов и обложения; путей и средств сообщения; продовольствия и снабжения; промышленности; торговли и кооперации; сельского хозяйства и кустарной промышленности); г) отдел статистики местного самоуправления и хозяйства городского и земского.

Важную сторону дальнейшего экономического развития России, в частности Сибири, после Гражданской войны затронул горный инженер Н.А. Сборовский. Он дал неутешительную картину современного состояния, в котором находилась Россия. С одной стороны, катастрофическое экономическое положение, выраженное в виде прогрессивного падения рубля, отсутствия налоговых поступлений, ничтожности золотого фонда, транспортной анархии и отсюда – жесточайшего товарного голода. С другой стороны, ведущие мировые державы уже готовились выбросить на мировой рынок громадное количество товаров, одновременно заготовленных в военное время. Такая ситуация создавала реальную угрозу превращения некогда великой Российской империи в колонию для вывоза сырья и рынка для ввоза товаров. В данных условиях Сибири – краю, от которого зависело, по словам докладчика, будущее всей России, необходимо было воспользоваться своим выгодным географическим положением. Под ним подразумевалось, прежде всего: 1) удаленность от развитых иностранных государств, вследствие чего поставляемые ими товары становились более дорогими, чем в Европейской России; 2) климатическое разнообразие; 3) обилие естественных богатств – «залог мощного развития обрабатывающей промышленности» и организации самодовлеющего хозяйства [16. Ч. 3. С. 113].

Н.А. Сборовский предложил комплекс мероприятий по укреплению экономики Сибири: от «инвентаризации природных и экономических ресурсов страны» до исследования «международных и местных экономических конъюнктур для разных товаров в связи с оценкой наличных и требуемых путей сообщения». Особую роль в подъеме экономики должны были играть кооперативы, усилившиеся в условиях давления государства на частный капитал и тяготеющие, по словам автора, к созданию предприятий промышленного характера. Для «удовлетворения нужд практической экономической политики» при ИИС докладчик предложил учредить статистико-экономический отдел [Там же. С. 116].

В резолюции секции, принятой по итогам ее работы, была намечена конструкция статистико-

экономического отдела. Отдел учреждался в составе двух подотделов: статистического и экономического, которые именовались дирекциями и работу вели самостоятельно. Во главе объединенного Отдела статистики и экономики стоял Ученый Совет, состоящий из президиумов обеих секций.

Дирекция статистики делилась на 12 секций, действующих по главным направлениям работы. Во главе дирекции стоял президиум в составе председателя, вице-председателя и секретаря. В области сбора материалов и производства исследований «впредь до накопления опыта по строительству местной аппаратуры» дирекция опиралась на местные статистические учреждения общественного и ведомственного характера.

Задачи статистической дирекции включали в себя: 1) объединение, систематизацию и публикацию наличных статистических материалов; 2) координацию деятельности существующих статистических организаций; 3) выполнение работ по поручению ведомственных и общественных организаций; 4) организацию периодических переписей; 5) подготовку кадров практических работников и, наконец, 6) организацию статистических исследований (народонаселения, экономики, культуры и в области санитарии) и др. [17. Л. 562].

Экономическая дирекция делилась на четыре подотдела во главе с директорами. Первый подотдел охватывал население, территорию, сельское хозяйство, промыслы, продовольствие и снабжение. Второй занимался изучением природных экономических ресурсов и транспортом. В третьем отделе изучали промышленность и наемный труд. Наконец, в компетенцию четвертого входила торговля, государственные финансы и обложение, торгово-промышленные ценности, а также юридические вопросы.

В задачи экономической дирекции входило: 1) изучение населения в плане использования им «натуральных экономических благ» на той или иной территории; 2) исследование и инвентаризация природных ресурсов страны; 3) всестороннее обследование добывающей и обрабатывающей промышленности, а также наемного труда по районам и отраслям производства; 4) изучение условий внутреннего и внешнего товарообмена, государственных финансов и обложения; 5) выяснение назревших и назревающих законодательных норм в хозяйственной жизни страны [16. Ч. 4. С. 88–89].

При экономической дирекции предлагалось образовывать исполнительное бюро, бюро иногородней агентуры («для собирания местных районных данных об экономической жизни»), товарный музей («для установки оптимальных качественных норм производства») и бюро труда.

В заключительной части резолюции выражалась необходимость в организации при высших учебных заведениях курсов для подготовки статистиков-исследователей и статистиков-корреспондентов [18. 1 февр.; 19. 5 февр.].

Выработанная конструкция отдела насчитывала 22 человека (по 11 на каждую секцию), что являлось наибольшим числом среди всех проектируемых отделов. Высока была и запрашиваемая смета – 1 млн 400 тыс. руб. на операционные и расходы и 900 тыс. руб. на лич-

ный состав (итого 2 млн 300 тыс. руб. при планируемой смете института в 8 млн руб.). На одном из общих заседаний съезда, во время обсуждения структуры и бюджета ИИС другие участники высказались против намеченного статистико-экономической секцией проекта отдела. Прежде всего, они поставили под сомнение возможность найти 22 ординарных профессора, деятельность которых была бы связана с изучением Сибири в области статистики и экономики [16. Ч. 1. С. 108]. Члены статистико-экономической секции (Н.А. Сборовский, В.Я. Нагнибеда, С.П. Никонов), напротив, доказывали, что необходимое число сотрудников будущей отдел может найти с избытком. Кроме того, С.П. Никонов напомнил, что «если бы статистический и экономический Отделы учреждались самостоятельно, то на каждый из них пришлось бы по 11 членов». В.Я. Нагнибеда же в свою очередь заявил, что «трое из 22 являются представителями высших учебных заведений и съезда статистиков, и поэтому (их) нужно отнести к числу сотрудников» (т.е. состав секции должен сократиться до 19 человек). Он же коснулся финансового содержания будущего отдела, указав на то, что 600 тыс. руб. из указанной сметы можно внести условно, поскольку эта сумма предназначена на содержание губернских статистико-экономических советов и объединения всех аппаратов, работающих в губернии. В итоге с большим трудом 8 голосами против 5 при 22 воздержавшихся были утверждены штат статистико-экономического отдела, а в дальнейшем и его смета.

Однако в итоговом Положении об ИИС штат статистико-экономического отдела все же был сокращен до 15 человек. В подсекцию статистики были избраны: председателем – В.Я. Нагнибеда, членами – А.И. Медведев, П.Н. Лашенков и П.Н. Дорохов. В подсекцию экономики соответственно: председателем – Б.Е. Будде, С.П. Никонов, И.И. Серебренников, А.А. Перлов, А.И. Улинский и А.А. Скворцов.

Таким образом, деятельность секции статистики и экономики, не отличаясь широтой поставленных теоретических проблем, носила сугубо практический характер. Она сосредоточила свое внимание на нуждах текущего момента: объединения статистико-экономических работ в едином исследовательском центре с целью достижения всестороннего изучения Сибири в области экономики и статистики. Это были «обширные трудные, но благородные задачи» для края, желающего сохранить свою экономическую автономность, возвыситься в промышленном и культурном отношении.

Съезд по организации ИИС завершил свою работу 26 января 1919 г. На первое время Институт учреждался в качестве общественной организации «Общество ИИС». Однако, чтобы реализовать свои масштабные исследовательские задачи, ему нужно было утверждение в качестве государственного учреждения со стороны правительства А.В. Колчака.

Утверждение Положения об ИИС началось в мае и продлилось до конца июля. К этому времени члены статистико-экономического отдела разработали план работы на 1919 г. В первую очередь была необходима реорганизация статистико-экономической службы в

Сибири, для чего во всех губернских городах планировалось учредить статистико-экономические советы, куда входили бы как руководители статистических работ губернских учреждений, так и ученые, представители правительства и общественности. При советах учреждались статистические бюро, библиотеки, архивы и редакционные отделы [20. Д. 15. Л. 254 об.]. Однако на первое время, ввиду отсутствия средств и необходимых кадров для работы, предполагалось использовать местные статистические учреждения.

Перед Советами стояли четыре главные задачи: 1) объединение и координация работ местных статистических органов в области методологии и практической работы; 2) сбор, систематизация и синтез статистических данных; 3) использование статистических данных для построения плана культурных и экономических мероприятий в крае; 4) исполнение заданий от ИИС. Последнее обуславливало софинансирование со стороны Института. Каждому из 12 губернских и областных городов предполагалось выделить на первое время около 50 тыс. руб. [Там же. Л. 254].

Однако обстоятельства для института сложились не самым благоприятным образом. В ходе утверждения Положения об ИИС на междоуведомственном совещании, а затем на государственном экономическом совещании Российского правительства А.В. Колчака проект Положения был значительно переработан. Смета была сокращена с 4 млн до 1 млн 635 тыс. руб., а количество отделов института – с одиннадцати до шести. Статистико-экономический, в отличие от многих других, не пострадал в организационном плане, однако на его деятельности отразилось общее сокращение финансирования.

Работу отдела можно условно подразделить на теоретическую, практическую (экспедиционную) и научно-организационную. Однако прежде скажем несколько слов о его составе.

Сотрудниками отдела на сентябрь 1919 г. числились: начальник Томского горного управления В.А. Буштедт, помощник управляющего Томской губернии М.Ф. Дорогов, ординарный профессор по истории русского права С.П. Покровский, ординарный профессор военной статистики, генерал-лейтенант Г.Г. Христиани, профессор Восточного института Н.И. Кохановский, а также доцент Омского политехнического института И.Ф. Победоносцев [Там же. С. 184]. Как мы видим, отдел сотрудничал с достаточно известными и влиятельными лицами.

К июню 1920 г. отдел уже обладал определенным штатом вспомогательного персонала. Сюда входили: вице-директор Земельного департамента Министерства земледелия Д.И. Зверев (занимался сбором и разработкой материалов, характеризующих положение земельного вопроса Сибири за время революции), Н.И. Икингрин, В.Л. Яськов (оба занимались сбором, разработкой и подготовкой к печати материалов для статистического справочника «К познанию Сибири»), экономист-исследователь К.Н. Ивановский (исполнял библиографические работы по периодической печати в области статистики и экономики, а также отдельными поручениями членом отдела), Н.А. Кучина, студентка Томского университета С.А. Кулябко (обе ис-

полняли счетные и контрольные работы по материалам для справочника «К познанию Сибири», курсистка Е.А. Руднева (ведала сводкой и проверкой итоговых сельскохозяйственной статистики по губерниям и областям Сибири) и И.В. Мастеница (работал в качестве курьера и рассыльного) [20. Д. 31. Л. 69, 69 об., 85].

Отдельно стоит упомянуть младшую дочь известного мецената Петра Макушина В.П. Макушину-Скокан, занимающуюся положением земельного вопроса в Сибири до назначения Д.И. Зверева. Однако, отправившись в отпуск в конце 1919 г. в Иркутск, она, ввиду политических событий, не смогла вернуться обратно. В письме, датированном серединой апреля 1920 г., она изъявила желание вернуться к работе, но, не имея возможности вернуться в Томск, ходатайствовала о продлении отпуска на два месяца без содержания. В конечном итоге в конце июня, по возвращении В.П. Макушины-Скокан в Томск, со стороны статистико-экономического отдела было одобрено совместительство ее службы параллельно с работами в Томском губернском статистическом бюро [Там же 1. Л. 94, 94 об., 144].

Приведенный выше перечень отнюдь не исчерпывает список лиц, работающих в отделе, который широко привлекал людей на временно-сдельной основе. Так, в конце мая отдел привлек восемь человек для производства работ по выборке, подсчету и сводке цифрового материала. 14 человек были привлечены для выполнения работ по заданию промышленно-технического отдела, о которых речь пойдет ниже [Там же. Л. 124, 125, 125 об.].

В теоретическом плане главным для отдела являлось составление статистического справочника «К познанию Сибири». Для выполнения этой работы необходимо было создать совещание для выработки программы, выявить необходимые материалы, создать рабочее бюро для их разработки и критики и, наконец, организовать редакционную комиссию выпуска справочника. Ввиду значительного урезания сметы летом 1919 г. сотрудники отдела приняли решение сосредоточить внимание на главах, посвященных населению и сельскому хозяйству. На заседании отдела 2 декабря 1919 г. они приступили к обсуждению программы справочника. За основу были взяты три проекта: В.Я. Нагнибеды, иркутян и Центросоюза. На повестку был поставлен вопрос о привлечении сотрудников для обсуждения программы сборника в дополнение к тем, которые уже изъявили желание: В.Б. Шостаковичу, Н.Н. Бакаю, И.И. Серебренникову. Н.Н. Бакай написал статью «Общий обзор главнейших сведений по истории колонизации Сибири в 16–18 вв. в связи с бытом населения». В.Б. Шостакович же подготавливал текст, посвященный гидрографии и климату Сибири [21. С. 188].

Помимо общей коллективной работы члены отдела, в рамках монографических исследований, занимались разработкой отдельных узкоспециализированных проблем. Так, А.И. Улинскому было поручено составление очерка «Характеристика податного обложения в России и меры борьбы против неправильного показания доходов». Профессор С.П. Никонов взял на себя заботы по важной работе, касающейся

кооперации в Сибири. Б.Е. Будде планировал написать труд на тему «Экономическая роль Сибири в конструкции русского народного хозяйства». П.Н. Дорохов занялся темой ярмарок Семипалатинской области, которую отдел в скором времени призвал территориально расширить до рамок Западной Сибири. Л.А. Скворцов работал по чрезвычайно актуальной тематике современного состояния железнодорожного транспорта, а П.Н. Лашенков изучал условия труда в Сибири в санитарном отношении. И.И. Серебренников исследовал промышленность Восточной Сибири, а В.Я. Нагнибеда – экономическое положение Нарымского края. Кроме того, отдельная работа намечалась по вопросу о положении рабочего класса горной промышленности в Западной Сибири, в частности на Судженских копях [20. Д. 66. Л. 60 об.].

Работу над справочником «К познанию Сибири» планировалось продолжить в 1920 г., издав около 20 листов на сумму 200 тыс. руб. Всего же на печатание материалов справочника «К познанию Сибири», семь монографий членов отдела, материалов текущей экономической статистики, бланков экспедиционного обследования и др. необходима была 121 стопа печатных листов – огромная цифра, учитывая страшный дефицит бумаги, царивший в России. Скорое закрытие института и вовсе помешало претворению намеченных планов в жизнь.

К практической работе отдела следует отнести, в первую очередь, его экспедиционную деятельность. Одной из экспедиций, намеченных отделом, являлась экспедиция С.П. Никонova для сбора материалов о кооперации Восточной Сибири и Дальнего Востока. На заседании отдела 15 октября 1919 г. им была предоставлена смета расходов на командировку в размере 7,5 тыс. руб., включающая проезд по железным дорогам до кооперативных центров, найм канцелярских служащих для копирования материалов по кооперативному строительству, а также приобретение писчей бумаги [Там же. Д. 31. Л. 38, 39, 39 об.]. Совет отдела посчитал предъявленную С.П. Никоновым смету «в размере (даже) меньшем, чем предвидятся фактические расходы» и изъявил свое согласие с ней.

В утвержденном на заседании 16 декабря 1919 г. плане работ следующего года была запланирована организация трех экспедиций:

1) по инвентаризации земель и учету угодий в Сибири, а также по районированию Сибири. Для успешного выполнения этого необходимо было разработать материалы по сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 г. в 8 губерниях и областях Сибири. Выполнение столь масштабной задумки требовало привлечения 66 производителей работ и 35 счетчиков. Общие расходы составляли 1 млн 200 тыс. руб., что, в условиях нехватки финансирования, отодвигало эту экспедицию на второй план;

2) по изучению санитарно-технических условий труда. В 1920 г. намечалось обследование рабочих фабричных предприятий г. Томска на предмет заболеваемости туберкулезом. Итоговый труд по результатам этой экспедиции возлагался на П.Н. Лашенкова;

3) по «санитарно-экономическому обследованию каменноугольно-промышленных предприятий Запад-

ной Сибири и быта рабочих» [21. С. 26–27]. Эта экспедиция была особенно актуальной, ибо должна была помочь поставить «нарождающуюся в Сибири промышленность на прочную экономическую и санитарно-гигиеническую почву и тем самым сделать наиболее продуктивным труд рабочих и сохранить их здоровье» [20. Д. 65. Л. 2]. Планировалось изучить быт около 15 тысяч семей рабочих на 9 предприятиях. Экспедицию в составе 12 человек предполагалось разделить на три партии: 1) Судженские, Анжеровские, Ново-Судженские и Черногорские предприятия; 2) Кольчугинские, Кемеровские и Алтайские; 3) Экибустские и Плещеевские [Там же. Д. 69. Л. 10; Д. 69. Л. 128]. Общие составляли порядка 750 тыс. руб.

Следует сказать и об участии отдела в комплексной Тазовской экспедиции, запланированной на лето 1920 г. Главными задачами статистов-экономистов в ней являлось экономическое обследование рыбных богатств Обской и Тазовской губ, а также изучение быта инородцев и «деловой жизни края» [21. С. 266]. В качестве экономиста-исследователя в гидрографическую экспедицию А.И. Янчевского по обследованию Нижней Оби должен был отправиться Н.П. Панов.

Согласно этой же смете в 1920 г. должен был быть организован институт корреспондентов в наиболее крупных экономических центрах Сибири для мониторинга текущей экономической статистики. Подобные меры уже предпринимались статистическим отделом томского переселенческого района для сбора сведений в пределах Томской губернии, однако теперь рамки использования этого института предполагалось расширить. Корреспондентов планировалось набирать из среды «губернских статистиков, секретарей биржевых комитетов, нотариусов, управляющих отделениями государственного банка» и т.д. [20. Д. 69. Л. 119 об.]. На эти нужды, включая обработку и сводку материалов, необходимо было 150 тыс. руб.

Общий бюджет отдела на 1920 г. составлял 3 млн 786 тыс. руб., однако эта сумма составляла лишь примерное значение, поскольку была утверждена до согласования итогового плана работ. Можно предположить, что итоговая сумма составляла бы намного большее значение, учитывая, сколь много необходимо было сделать отделу в условиях галопирующей инфляции.

В плане научно-организационной работы отдела хотелось бы, в первую очередь, остановиться на фигуре заведующего подотделом статистики В.Я. Нагнибеда.

25 октября 1919 г. В.Я. Нагнибеда подал записку в канцелярию ИИС, в которой предложил опубликовать работу П.Н. Крылова «Вишерский край» за счет средств ИИС. Выход в свет этой работы, содержащей, по словам В.Я. Нагнибеды, «ценные сведения об истории развития, природе и специфике хозяйственного быта Вишерского края, лучше любого другого подарка почтито бы заслуги юбиляра на пользу Сибири» [20. Д. 31. Л. 36, 36 об.].

До декабря 1919 г. В.Я. Нагнибеда дважды командировался в Омск с целью выполнения поручений со стороны ИИС и статистико-экономического отдела. В частности он занимался проведением Положения об

ИИС, представив доклад сначала перед Председателем Совета Министров П.В. Вологодским, а затем и перед Верховным правителем А.В. Колчаком.

Параллельно В.Я. Нагнибеда собирал в архивах и библиотеках материалы для подготовки издания статистического справочника «К познанию Сибири». При помощи двух статистиков ему удалось собрать более 100 таблиц с общим количеством свыше 200 000 цифр [20. Д. 31. Л. 42, 42 об.].

Будучи ответственным за работу статистико-экономического отдела В.Я. Нагнибеда в течение первой половины 1920 г. регулярно ездил в Омск, выполняя важные поручения по представлению и защите нового Положения об ИИС перед Сибревкомом. Когда же стало ясно, что закрытие ИИС неизбежно, Совет института возложил на него ходатайствование об отсрочке исполнения этого постановления, скорейшем утверждении сметы ИИС с переводом кредитов в Томск. 25 февраля 1920 г. В.Я. Нагнибеда по приглашению уполномоченного Центрального статистического управления (ЦСУ) В.Н. Соколова принял участие в работе сибирского съезда статистиков, на котором было принято решение о создании Сибирского статистического управления [22. С. 74].

Другой важной задачей В.Я. Нагнибеды являлось участие вместе с другими сотрудниками статистико-экономического отдела во Всероссийской демографической, профессиональной сельскохозяйственной и учета промышленных предприятий переписи, распоряжение о проведении которой было дано лично В.И. Лениным. В связи с этим отделу была дана установка сократить запланированные им работы до минимума, дабы освободить имеющиеся наличные силы для подготовки к этому масштабному событию [20. Д. 31. Л. 110, 110 об.]. 16 июня 1920 г. В.Я. Нагнибеда направил в канцелярию ИИС копию мандата Томского губревкома, в котором просил о трехнедельном отпуске в связи «с выездом в Томск и другие города Сибири для организации Всероссийской переписи. К тому моменту у него на руках уже имелось удостоверение от председателя Сибревкома В.Н. Соколова о всемерном содействии со стороны всех советских учреждений в выполнении возложенного на него поручения [Там же. Л. 138, 138 об.].

Важной стороной в деятельности отдела была совместная работа с другими отделами, а также научными, общественными и правительственными учреждениями. На заседании 19 ноября 1919 г. был утвержден список из 12 организаций, имеющих право делегировать своих сотрудников в отдел. Среди них Томский и Иркутский университеты, Восточный институт, Сибирский институт сельского хозяйства и промышленности, а также Технологический институт, Академия генерального штаба, Министерства финансов, торговли и промышленности, путей сообщения и др. [21. С. 176].

Совместно с историко-этнологическим отделом статистико-экономический отдел участвовал в работе Комиссии по изучению племенного состава населения России под руководством С.И. Руденко. При отделе истории и этнологии была образована комиссия по изучению племенного состава населения Сибири, ку-

да вошли В.В. Сапожников, профессора А.Д. Григорьев и С.И. Руденко и два представителя от статистико-экономического отдела – профессора П.Н. Лашенков (медик) и В.Я. Нагнибеда (экономист).

На заседании 29 сентября 1919 г. участники отделов высказались по вопросам качества материала, который мог бы лечь в работу исследования. При этом важно было правильно определить границы исследований, включив в них территории с более-менее устойчивым населением, что было актуально в обстановке царящего в России бродяжничества. Участники также коснулись организации исследований еще не изученных территорий и территорий, «по отношению к которым материал окажется прочным» [21. С. 171]. Работы по созданию племенной карты было решено вести в соответствии с инструкцией Академии наук. Советом статистико-экономического отдела для учета племенного состава населения Сибири была составлена специальная карточка.

7 февраля 1920 г. отдел представил Томскому совету народного хозяйства доклад, подкрепленный цифровыми материалами о значении Томска и Томской губернии в народно-хозяйственной жизни Сибири. Вскоре Сибревком потребовал от Комиссии по изучению племенного состава населения Сибири собранных данных, вероятно, для определения подлежащих призыву в армию. Однако члены Комиссии, ссылаясь на незаконченность работы, постановили с предоставлением этих данных повременить.

Тесные контакты статистико-экономический отдел имел с отделом техники и промышленности. В апреле 1920 г. статистико-экономический отдел предоставил промышленно-техническому первые данные, касающиеся населения Сибири, его распределения и ежегодного прироста за последние 20 лет. Кроме этого, были собраны данные о перевозке лесных грузов по железнодорожным и водным путям, о потреблении лесных материалов на местах и о вывозе их за пределы Сибири, о числе, мощности и распределении лесопильных и деревообрабатывающих заводов Сибири, о потреблении разных сортов бумаги и картона. Статистико-экономический отдел предоставил данные о лесных массивах Сибири, их распределении по областям, губерниям и городам, о положении лесного хозяйства в целом и т.д. [20. Д. 35. Л. 71].

Промышленно-технический отдел был готов оплатить все проделанные работы. Постановлением его Совета от 9 мая 1920 г. из 136 000 руб. принятой сметы 68 тыс. (50%) планировалось выдать статистико-экономическому отделу на продолжение работ статистического характера. Однако 17 мая 1920 г. на имя В.Я. Нагнибеды поступило отношение от Совета ИИС, в котором содержалась просьба помочь в работе промышленно-технического отдела в сверхурочной форме без немедленной оплаты. Статистико-экономический отдел отверг эти условия и «ввиду возрастающей дороговизны» указал на необходимость выплаты аванса размере 1/6 от общей стоимости работ, указав, что в противном случае его сотрудники прекратят работу. Вскоре был утвержден список временных сотрудников из 14 человек для выполнения статистических работ [Там же. Д. 31. Л. 111,

111 об., 123, 125]. Материалов для исследований было настолько много, что специальным распоряжением к сверхурочным работам в вечерние часы были привлечены Н.И. Икингрин и В.Л. Яськов, которым было дано право привлекать к ним прочих сотрудников с условием оплаты труда в полуторном размере.

После эвакуации профессорско-преподавательского состава Пермского университета в Сибирь на повестку дня был поставлен вопрос о привлечении отдельных ученых к работам статистико-экономического отдела. Было признано желательным привлечение к работе отдела профессора по кафедре римского права В.Ф. Глушкова, профессора по кафедре административного права В.Н. Дурденевского, профессора по кафедре истории русского права А.Н. Круглевского, профессора по кафедре энциклопедии и истории философии права А.М. Горовцева, а также и.о. помощника заведующего сельскохозяйственными учреждениями К.А. Чердынцева [21. С. 174].

Отдел принимал участие в работе курсов по подготовке исследователей Сибири. Признав курсы полезными, отдел постановил выделить из своего состава необходимый штат преподавателей для подготовки статистиков и экономистов.

Немаловажным мероприятием было участие статистико-экономического отдела в организации лекций и докладов по исследованию Сибири. Члены отдела отказались от чтения «народных» лекций и сосредоточили внимание на организации лекций и докладов научного характера для специалистов. В частности, о своем намерении прочитать ряд сообщений по вопросам экономики, финансов и торговли в ходе командировки в Восточную Сибирь высказался С.П. Никонов.

Отдел имел тесные контакты с библиографической комиссией ИИС. Уже на первом заседании представителем от отдела в нее был избран А.И. Улинский, которому было поручено составление библиографии в области статистики и экономики. В дальнейшем библиографическая работа была возложена на старшую ассистентку отдела В.П. Макушину-Скокан, которой в первую очередь предстояло заняться библиографией журнальных статей по вопросам статистики и экономики за последнее десятилетие [Там же]. После получения разрешения на библиографическую работу со стороны совета института решено было начать с журнальных статей 1915–1919 гг. по вопросам статистики, экономики и права, причем не только Сибири, но и по общим вопросам в рамках дисциплины. Работы по библиографии велись в русле создания статистико-экономического архива. Во все статистические организации и учреждения общественного и государственного характера были посланы извещения с просьбой присылки для создававшегося архива различных статистических материалов, которые заносятся в особые библиографические карточки, заранее выработанные советом отдела [Там же. С. 187].

Любопытна история взаимоотношений отдела с Управлением водного транспорта Обь-Енисейской системы в лице его заведующего В. Назарова. 14 апреля 1920 г. он направил в канцелярию института письмо, в котором просил отдел прислать форму опросной карточки для проведения экономического

обследования населенных пунктов Нижней Оби, а также двух статистиков для выполнения данных работ. Однако отдел, «ввиду неясности задач экспедиции», решил воздержаться от немедленного ответа, предложив Управлению для начала выработать конкретную программу, содержащую задачи предстоящей экспедиции, объем и территорию подлежащих исследований, а также указать имеющиеся на эти цели бюджетные средства. 19 апреля 1920 г. В. Назаров отправил достаточно жесткий ответ, в котором обвинял отдел в нежелании содействовать работе Управления и вернуть опросный лист, который якобы был направлен отделу. Ответ заведующего отделом В.Я. Нагнибеды был деликатным и выдержанным. От лица статистико-экономического отдела он заявлял свою полную готовность содействовать работе Управления и выслать в скором времени опросный лист, а также карточки для подворного опроса населения. В то же время В.Я. Нагнибеда указал на необходимость заключения официального договора между Управлением и ИИС, без которого командировка статистиков была невозможной. На этом конфликт был исчерпан, и уже 2 июня на имя В. Назарова была отправлена карточка для подворного опроса населения [20. Д. 31. Л. 81, 131, 150–152].

После падения власти А.В. Колчака в Сибири и поражения белогвардейцев ИИС пришлось искать пути соглашения с советской властью. Поначалу взаимоотношения эти протекали достаточно благоприятно: институт не был закрыт, его члены (за исключением арестов нескольких деятелей, которые вскоре были освобождены) не преследовались и не подвергались гонениям. Институту даже обещали финансирование, и вскоре был составлен проект нового Положения,

представленный на рассмотрение Сибревкома. Однако ближе к лету 1920 г. поползли слухи о скором закрытии института. 5 июня 1920 г. постановлением Сибревкома институт был закрыт, а ведение его дел передано учреждаемым при Томском университете и ТТИ секциям. Фактическая работа ИИС же продолжалась до весны 1921 г. [3. С. 35].

Переходя к выводам данной работы, мы отмечаем определенную противоречивость. Безусловно то, что, будучи составной частью Института исследования Сибири, статистико-экономический отдел являл собой уникальное явление в истории сибирской статистики и экономики. Уникальность эта была обусловлена тем, что отдел претендовал на координацию всех статистико-экономических исследований в масштабе Сибири и их объединение в едином научно-исследовательском центре с другими дисциплинами: сельским хозяйством, исследованиями в области промышленности и техники и т.д.

В то же время достигнутые отделом результаты представляются более чем скромными. Выдвинув достаточно амбициозную организационную программу, запланировав теоретические и экспедиционные исследования, отдел, находившийся в тяжелых экономических и политических условиях, был лишен возможности для реализации своих замыслов.

Деятельность статистико-экономического отдела не стала прорывом в истории статистико-экономических исследований Сибири, его заслуга заключалась в другом. В тяжелые годы Гражданской войны члены статистико-экономического отдела сумели сохранить имевшееся на тот момент научное наследие и преумножить его по мере своих сил. Многие начинания отдела были продолжены уже в советский период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сенявский А.С. Великая русская революция 1917 года в контексте истории XX века. URL: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/34c8cec29a0050dc1ce2532cab818e27c3d57fdc.pdf> (дата обращения: 07.02.2018).
2. Раскоlec В.В. Организация географического отдела в составе Института исследования Сибири (октябрь 1917 – июль 1919 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сб. материалов Всерос. молодежной науч. школы-конференции. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2017. С. 141–149.
3. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г. и др. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). С. 5–44.
4. Некрылов С.А., Фоминых С.В., Грибовский М.В. и др. Отделы, Средне-Сибирское отделение и комиссии Института исследования Сибири (1919–1921 гг.) // Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 5–41.
5. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. / под ред. В.П. Зиновьева. Томск : ТМЛ-Пресс, 2009. 384 с.
6. Пименова И.А. Организация и деятельность Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (1851–1918 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2007. 23 с.
7. Скопа В.А. Статистические работы и социокультурное изучение региона Западно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества во взаимодействии с региональными статистическими службами в последней трети XIX – начала XX в. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21322> (дата обращения: 02.11.2017).
8. Корнева Л.В. Приамурский отдел РГО и его роль в изучении и освоении российского Дальнего Востока в конце XIX – начале XX века // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2009. № 3 (44). С. 66–77.
9. Чуркин М.К. Экспедиционная и научно-исследовательская деятельность ЗСОИРГО в годы Первой мировой войны и революции // Актуальные проблемы истории Первой мировой войны и перспективы их изучения : сб. материалов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны. Тюмень, 2015. С. 170–176.
10. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. 598 с.
11. Жиликова Н.В. Особенности тематики и проблематики журнала «Статистико-экономические бюллетени» (Томск, 1916–1916 гг.) // Журналистский ежегодник. Томск, 2015. № 4. С. 80–84.
12. Некрылов С.А. Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 258 с.
13. Труды Первого сибирского метеорологического съезда в г. Иркутске 26–30 октября 1917 года. Благовещенск, 1919. 306 с.
14. Профессора Томского университета: биографический словарь. 1917–1945 / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.

15. Голос Сибири (Томск). 1919.
16. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919.
17. НБ ТГУ. ОРКП. Ф. 11 (Институт исследования Сибири).
18. Народная газета (Томск). 1919.
19. Сибирская жизнь (Томск). 1919.
20. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-26 (Институт исследования Сибири). Оп. 1.
21. Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1921 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 358 с.
22. Шишкин В.И. У истоков государственной советской статистики в Сибири // Вестник НГУЭУ. 2010. № 1. С. 72–78.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2018 г.

THE ECONOMICS AND STATISTICS DEPARTMENT OF THE INSTITUTE FOR THE STUDY OF SIBERIA: FOUNDATION, OPERATION AND CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE SIBERIAN REGION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 165–174.

DOI: 10.17223/15617793/428/22

Viktor V. Raskolets, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

Keywords: Institute for the Study of Siberia; Tomsk; Siberian statistics and economics; V.Ya. Nagnibeda; B.E. Budde; Provincial Statistics Committee; census of population of Siberia.

This article explores the foundation and operation of the Economics and Statistics Department of the Institute for the Study of Siberia on the basis of a wide range of sources, documentary publications and scientific literature. It is noted that despite the intensive scientific work and results achieved, statistics and economics were in a very poor state in 1919 in Siberia. Under the ongoing social, economic and political crisis in Russia, the Siberian statisticians and economists were tasked not only with preserving the already achieved, but also with the qualitative transformation of the research process to find the solution to the crisis that arose during the events of the First World War, the Revolution and the Civil War. The Congress on the foundation of ISS started on January 15, 1919. The Statistics and Economics Section, located in Lecture Hall 3 of Tomsk University (TU), was one of the smallest by the number of participants (20 out of 241), and the number of submitted reports (3 out of 71). B.E. Budde, V.Ya. Nagnibeda, S.P. Nikonov, A.I. Medvedev and others participated. While the work did not include a wide set of theoretical problems, it was purely pragmatic in nature. The attention was focused on the prevailing circumstances: combining statistics and economics in the same research center for the purpose of conducting a comprehensive study of Siberia in the field of economics and statistics. The work of the Economics and Statistics Department could be divided into theoretical, practical (expeditionary), and scientific and organizational activities. In the theoretical program, compiling a directory *For the Study of Siberia* was the most important task for the department. In addition to the overall collective work, the department members researched several specialized problems within monographic studies. Practical activities of the department included, first of all, its expeditionary operations. One of them was the expedition of S.P. Nikonov to collect data on the cooperation of Eastern Siberia and the Far East. The meeting on December 16, 1919 approved the work schedule for the following year, in which three expeditions were planned: (1) for accounting lands in Siberia and for zoning of Siberia; (2) for the study of the sanitary conditions of workplaces; (3) for the “sanitary and economic survey of the coal industry of Western Siberia and the life of the workers”. Scientific and organizational work of the department included, first of all, establishing cooperation with the History and Ethnology Department to conduct research on the ethnic composition of the population of Siberia; also, cooperation was made with the Industry and Technology Department to research industry capacities of Siberia. The report concludes on the contribution of ISS to the field of statistics and economics in Siberia. Despite the difficult economic and political conditions of the Civil War, the department was able to not only preserve scientific heritage available at that time, but also to kickstart the research in several key areas.

REFERENCES

1. Senyavskiy, A.S. (2008) *Velikaya russkaya revolyutsiya 1917 goda v kontekste istorii XX veka* [The Great Russian Revolution of 1917 in the context of the history of the twentieth century]. [Online] Available from: <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/09/34c8cec29a0050dc1ce2532cab818e27c3d57fdc.pdf>. (Accessed: 07th February 2018).
2. Raskolets, V.V. (2017) [Organization of a geographical department in the Institute for the Study of Siberia (October 1917 – July 1919)]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical problems of historical research: the view of young scholars]. Proceedings of the all-Russian conference. Novosibirsk: IH SB RAS. pp. 141–149. (In Russian).
3. Nekrylov, S.A. et al. (2008) Iz istorii Instituta issledovaniya Sibiri [From the history of the Institute for the Study of Siberia]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy sojeta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. –16 sentyabrya 1920 g.)* [Journals of the meetings of the Council of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Nekrylov, S.A. et al. (2014) Otdely, Sredne-Sibirskoe otdelenie i komissii Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1921 gg.) [Departments, Middle Siberian Department and the Commission of the Institute for the Study of Siberia (1919–1921)]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1920 gg.)* [Journal of the meetings of departments, the Central Siberian Department and the commissions of the Institute for the Study of Siberia (1919–1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Nikulin, P.F. (2009) *Ekonomicheskii stroy krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX v.* [The economic structure of the peasant economy of Western Siberia at the beginning of the 20th century]. Tomsk: TML-Press.
6. Pimenova, I.A. (2007) *Organizatsiya i deyatel'nost' Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva (1851–1918 gg.)* [Organization and activities of the East Siberian Division of the Russian Geographical Society (1851–1918)]. Abstract of History Cand. Diss. Ulan-Ude.
7. Skopa, V.A. (2015) Statistical work and sociocultural explore the region of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society, in collaboration with regional statistical services in the last third of the XIX – early XX century. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 2-1. (In Russian). [Online] Available from: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21322>. (Accessed: 02nd November 2017).
8. Korneva, L.V. (2009) Priamurskiy otdel RGO i ego rol' v izuchenii i osvoenii rossiyskogo Dal'nego Vostoka v kontse XIX – nachale XX veka [The Amur department of the Russian Geographical Society and its role in the study and development of the Russian Far East in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy nauchnoy biblioteki*. 3 (44). pp. 66–77.

9. Churkin, M.K. (2015) [Expeditionary and research activities of West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in the years of the First World War and revolution]. *Aktual'nye problemy istorii Pervoy mirovoy voyny i perspektivy ikh izucheniya* [Topical problems of the history of the First World War and prospects for their study]. Proceedings of the conference. Tyumen: Tyumen State University. pp. 170–176. (In Russian).
10. Nekrylov, S.A. (2011) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh. gg. – 1919 g.)* [Tomsk University, the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
11. Zhilyakova, N.V. (2015) Features of themes and issues of the magazine “Statistical and Economic Bulletin” (Tomsk, 1915–1916). *Zhurnalistskiy ezhegodnik – Journalist Yearbook*. 4. pp. 80–84. (In Russian).
12. Nekrylov, S.A. (2013) *Nauchnye obshchestva v Tomskom universitete v dorevolutsionnyy period* [Scientific societies at the Tomsk University in the pre-revolutionary period]. Tomsk: Tomsk State University.
13. First Siberian Meteorological Congress. (1919) *Trudy Pervogo sibirskogo meteorologicheskogo s"ezda v g. Irkutske 26–30 oktyabrya 1917 goda* [Proceedings of the First Siberian Meteorological Congress in Irkutsk on October 26–30, 1917]. Blagoveshchensk.
14. Fominykh, S.F. et al. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'. 1917–1945* [Professors of Tomsk University: a biographical dictionary. 1917–1945]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
15. *Golos Sibiri*. (1919).
16. Congress on the organization of the Institute for the Study of Siberia. (1919) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the organization of the Institute for the Study of Siberia]. Tomsk.
17. TSU Research Library. Manuscript and Book Monuments Department. Fund 11 *Institut issledovaniya Sibiri* [Institute for the Study of Siberia].
18. *Narodnaya gazeta*. (1919).
19. *Sibirskaya zhizn'*. (1919).
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26 *Institut issledovaniya Sibiri* [Institute for the Study of Siberia]. List 1.
21. Fominykh, S.F. (2014) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1921 gg.)* [Journals of meetings of the departments, the Central Siberian Department and the commissions of the Institute for the Study of Siberia (1919–1921)]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Shishkin, V.I. (2010) U istokov gosudarstvennoy sovetskoy statistiki v Sibiri [At the sources of state Soviet statistics in Siberia]. *Vestnik NGUEU*. 1. pp. 72–78.

Received: 10 February 2018

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ОТВЕТЫ: ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ ВОСТОКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

*Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-81-01023а(ц)
«Гражданская война в Сибири в антропологическом, институциональном и геополитическом измерениях».*

На основе архивных материалов и периодической печати прослеживается управление железнодорожным транспортом на Урале, в Сибири, Степном крае и на Дальнем Востоке в антибольшевистский период Гражданской войны как фактор внутренней геополитики. Частные железные дороги получали государственные кредиты, что создало предпосылки для их выкупа казной в счет долга. Осуществлялось строительство новых железнодорожных линий, начатое до революции, продолженное Временным правительством и советской властью.

Ключевые слова: железные дороги; геополитика; хозяйственное освоение; Гражданская война; антибольшевистские правительства; Министерство путей сообщения; кредиты; национализация.

В мировой истории освоение пространства всегда происходило благодаря морским коммуникациям, а на континентальных просторах — речным путям. С изобретением железных дорог появилась возможность моделировать пространство, регулировать направление и густоту транспортной сети в интересах общества и государства. В европейской части Российской империи железнодорожное строительство в значительной мере обслуживало уже сформировавшиеся хозяйственные запросы, сокращая издержки по транспортировке пассажиров и товаров из зон избыточного производства до мест переработки или потребления.

На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке «стальные артерии» часто стимулировали освоение территории. Дополняя ориентированные в основном с юга на север речные пути, а кое-где и компенсируя полное их отсутствие, железные дороги почти целиком определяли обмен товарами с соседями, а потому часто задавали поселенческую структуру, создавали предпосылки не только для модернизации обжитых, но и для освоения новых пространств. В Азиатской России сложилось особое функциональное разделение государственных и частных инвестиций в строительство железных дорог. Казна принимала на себя основные расходы, осуществляя перспективное строительство с целью более плотного заселения и хозяйственного освоения новых пространств. Частные акционированные капиталы вкладывались в реализацию коммерчески оправданных проектов [1].

Хорошо известно, что революция, а затем Гражданская война сбили темп транспортного освоения азиатских просторов России, изменили его приоритеты, привели к смене модели организации железнодорожного строительства и обслуживания дорожного хозяйства. Вместо сложившегося до революции государственно-частного партнерства утвердилось полное огосударствление, централизация и жесткое планирование. В перспективе длинных трендов эту проблему основательно изучали [2, 3]. Меньше внимания уделяли хронологически короткому промежутку, являвшемуся «точкой перелома» между царским и советским периодами. Такое положение не кажется оправ-

данным. Напротив, для дополнительного внимания к состоянию железных дорог востока России в указанный временной промежуток появились дополнительные основания. С военной точки зрения Гражданская война в значительной мере была борьбой за транспортные коммуникации, а боевые действия концентрировались вдоль них. Данное обстоятельство подчеркивает стратегическое значение железных дорог для противоборствовавших сторон.

Восточный фронт на протяжении длительного времени являлся главным фронтом Гражданской войны. На востоке России сформировалось Российское правительство, верховенство которого в антибольшевистском движении признавалось военными и политическими силами других окраинных центров: Юга, Севера-Запада и Севера России. Именно восточный лагерь контрреволюции продвинулся дальше всего на пути государственного строительства, восстановив и адаптировав к условиям Гражданской войны дореволюционные государственные и правовые институты. В полной мере это коснулось и транспортной политики. Для ее осуществления во второй половине 1918–1919 гг. действовала сеть правительственных органов и учреждений управления, финансирования и снабжения железных дорог, позволявших сочетать реагирование на непосредственные вызовы войны и перспективное планирование.

Значимость темы несущественно повлияла на степень ее изученности. Наиболее весомый вклад внесли статистики 1920-х гг., отразившие в своих небольших публикациях основные показатели технического состояния железных дорог Урала и Сибири в годы революции и Гражданской войны, динамику грузовых перевозок и темпы строительства новых железнодорожных линий [4, 5]. В центре внимания советских историков долгое время находился только один, правда, важнейший аспект проблемы, связанный с установлением контроля союзников над Транссибирской магистралью [6–9]. В постсоветское время одни исследователи, продолжая советские традиции, сводили значение межсоюзных органов к механизму выкачки ресурсов с территории российского Дальнего Востока [10, 11]. Другие авторы отметили позитивную роль

союзников, ввели в научный оборот данные о международной технической поддержке российских железных дорог [12, 13]. Стали изучаться и другие аспекты транспортной политики восточной контрреволюции. Исследователи обратили внимание на масштабные планы нового железнодорожного строительства, но лишь отчасти интересовались реальным положением железнодорожного хозяйства, ограничивая свое внимание узкими территориальными или хронологическими рамками [14–20].

Тематической узости способствовало состояние источников. В фондах Министерства путей сообщения Российского правительства не сохранились документы ни одного структурного подразделения, связанного с железными дорогами. Документация управлений отдельных железных дорог разбросана по разным архивам, но она позволяет реконструировать ситуацию только на местном уровне. Кроме того, дело-производство железнодорожных предприятий относится к специальным. Оно изобилует техническими деталями, сложными для понимания. Упомянутую проблему частично позволяет преодолеть наличие фонда департамента железнодорожных дел Министерства финансов Российского правительства. Данное подразделение занималось вопросами финансирования частных железных дорог. Но помимо финансовых документов в него стекались сведения, необходимые для обоснования выделяемых дорогам кредитов, характеризующие многие аспекты железнодорожного хозяйства. Следует учесть, что в компетенцию департамента не входило регулирование проблем казенных железных дорог, соответственно, состояние ключевой магистрали в его материалах не отражено. Но обращение к архиву департамента позволяет решить две другие задачи. Во-первых, проследить порядок управления и финансирования частных железнодорожных предприятий, следовательно, понять, как строились взаимоотношения государства и частных владельцев; во-вторых, определить влияние Гражданской войны на эксплуатационные характеристики дорог и действия власти по поддержанию их в работоспособном состоянии.

Еще в конце XIX в. государство взяло курс на усиление контроля над частными железными дорогами. Сохранив гарантии выплаты акционерам твердых минимальных дивидендов, казна при этом требовала от акционерных обществ подчинения единым железнодорожным тарифам. Данное обстоятельство не умерило масштабы вложений частных капиталов в строительство новых железнодорожных магистралей, в том числе на Урале и за Уралом. Дополнительным ускорителем развития железнодорожного транспорта послужила Первая мировая война. Она выявила, в том числе, и узкие места транспортной сети, не позволявшие быстро наращивать вывоз ресурсов с Урала и из Сибири для снабжения продовольствием населения и фронта, сырьем – заводов Центральной России. В 1915 г. в строй были пущены Алтайская железная дорога с веткой от Барнаула до Бийска и строящейся веткой до Семипалатинска, отдельные участки Кольчугинской, в 1916 г. – Западно-Уральской, Северо-Восточной, Уральской, Семиреченской, в 1917 г. –

Кулундинской, Ачинск-Абаканской железных дорог. Всего были сооружены линии протяженностью в 2 521 версту [21. С. 314–319]. Особое междоветовое совещание, созданное для выработки плана железнодорожного строительства, к январю 1917 г. наметило строительство в ближайшее пятилетие еще 5 868 верст путей. Половина из них – разгрузочные дороги, пускающие грузы в обход Транссибирской магистрали, остальное – подъездные дороги в меридиальном направлении, включая дорогу Семипалатинск – Верный [22. С. 8–9]. Предполагалось резко увеличить участие казны в строительстве новых магистралей. Такие масштабные планы во многом связаны с тем, что в 1916 г. железные дороги Азиатской России вышли на максимальные за всю свою историю эксплуатационные показатели. Многие участки при этом работали с перегрузкой.

Дальнейшему наращиванию грузовых перевозок помешали революция и Гражданская война. Сведения о динамике товарных перевозок имеются не по всем железным дорогам восточных регионов России. В Сибири они составили 776 млн пудов в 1915 г. и 775 млн пудов в 1916 г., упали в 1917 г. до 631 млн пудов, в 1918 г. – до 469, в 1919 г. – до 352 млн пудов, т.е. сократились за три года вдвое. Такие показатели отражают серьезный кризис, но не крах железнодорожной отрасли. Следует учесть наличие в 1917 г. 20% подвижного состава, требующего ремонта, тогда как в 1918 г. этот показатель вырос до 33%, а в 1919 г. – до 40% [4. С. 43, 49]. На дальневосточных железных дорогах этот показатель в 1917 г. составил 9,8%, а в марте 1919 г. поднялся до 30% [23. С. 29]. Таким образом, нагрузка на один исправно работавший паровоз и вагон понизилась не очень сильно.

Революция обернулась захватом дорог коллективами рабочих и служащих. На смену прежним управлениям отдельных дорог пришли дорожные комитеты. В результате к январю 1918 г. окончательно оформилась типологически единая структура коллегиальных органов самоуправления, одинаковая и для государственных и для частных дорог [24. С. 98]. Результатами деятельности дорожных комитетов стали падение производительности труда, расход казенных средств на потребительские нужды железнодорожников, реквизиция некоторых грузов и массовые хищения товаров из вагонов в связи с отсутствием должной охраны. Прервались взаиморасчеты между дорогами и предприятиями – поставщиками топлива и железнодорожного оборудования, что привело к серьезным финансовым и техническим проблемам в отрасли.

Смена власти в мае–августе 1918 г. оказалась не менее болезненной. Многие железнодорожники стали активными борцами за советскую власть, покинули свои рабочие места или подверглись репрессиям. При отступлении уводили подвижной состав, вывозили наличные суммы. На Западно-Уральской железной дороге Главный дорожный комитет при эвакуации изъясил все принадлежавшие дороге средства [25. Д. 11. Л. 1–2].

После падения советской власти на востоке России начались возвращение прежней администрации, восстановление централизованного управления дорогами.

ми. Эта задача решалась легче на казенных железных дорогах. Правления частных дорог находились в Петрограде, и администрации, утратившие связь с ними, вынуждены были организовать восстановление работы дорог без соответствующих полномочий. Но даже на казенных дорогах Сибири администрация постепенно возобновила трудовую дисциплину и контроль над принятием кадровых решений, преодолевая сильное сопротивление профсоюзных организаций. На дорогах Поволжья, включая их уральские участки, до осени 1918 г. профессиональные железнодорожные союзы сохраняли весомую роль в принятии кадровых решений.

Урал до конца августа находился под управлением Временного областного правительства Урала. Но по соглашению между ним и Временным Сибирским правительством от 10 августа 1918 г. управление железными дорогами Урала передавалось сибирскому МПС [26. С. 16]. В действительности до конца августа никакого единого контроля над уральскими дорогами установлено не было. К концу лета 1918 г. в ведении Временного Сибирского правительства сосредоточились казенные железные дороги: Омская, Томская, Забайкальская, действующая частная Алтайская железная дорога и строящиеся Ачинск-Минусинская, Кольчугинская, Кулундинская, Южно-Сибирская. Осенью к ним добавились казенные дороги Дальнего Востока – Амурская, Уссурийская и акционерная КВЖД, а также частные железные дороги Урала – Богословская, Волго-Бугульминская, Западно-Уральская, Северо-Восточная Уральская, Троицкая, частично Московско-Казанская, зимой 1918–1919 г. – казенная Пермская. К началу 1919 г. общая протяженность железных дорог, находившихся в ведении Российского правительства, составила 17 тыс. верст действующих и 4 818 верст строящихся [27. Л. 327–327 об.]. На всем протяжении дорог действовали единые ставки оплаты труда, общие правила взаимодействия профессиональных союзов, железнодорожной кооперации и администрации дорог, единый порядок финансирования. На рабочих и служащих казенных железных дорог распространялись все прибавки жалованья, как на других правительственных служащих [28. С. 160]. Частным железным дорогам средства перечислялись с расчетом, чтобы они могли выплачивать равные надбавки и своему персоналу [25. Д. 3; Л. 360; Д. 11. Л. 31–31 об.; 29. Д. 5. Л. 68; Д. 14. Л. 49].

В структуре Министерства путей сообщения (МПС) Временного Сибирского и Российского правительств пять из семи подразделений управляли железнодорожным хозяйством: департамент общих дел, эксплуатационный отдел, отдел строящихся железных дорог и отдел по восстановлению разрушенных путей, финансово-счетное управление. В октябре 1918 г. при Министерстве финансов был учрежден тарифный совет, регулировавший расценки на пассажирские и грузовые железнодорожные перевозки, и железнодорожный отдел (позже – департамент), контролировавший частные железные дороги. Распоряжениями МПС сначала на сибирских, а потом и на уральских дорогах ликвидировали все коллегиальные органы управления, восстанавливалось единоначалие (Цир-

куляр МПС от 26 июня 1918 г.), упразднялись все созданные при советской власти подразделения (распоряжение управляющего МПС от 27 июня 1918 г.) и увольнялись все члены дорожных комитетов и советов (распоряжение товарища управляющего МПС от 16 июля 1918 г.) [27. Л. 183; 30. № 1–3. С. 4]. На Пермскую железную дорогу все распоряжения МПС распространились с 1 января 1919 г. [31].

3 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство распорядилось по всем дорогам перейти на первоочередное обслуживание нужд армии. 5 июля 1918 г. на Самаро-Златоустовской дороге было введено военное положение [32. С. 161]. 15 июля 1918 г. его ввели на прифронтовых дорогах Сибири [33]. Железные дороги Урала с лета 1918 г. целиком перешли на обеспечение потребностей фронта. Коммерческое движение, активизировавшееся на Транссибе, на частных железных дорогах, кроме Алтайской, закрылось. Оставаясь формально самостоятельными предприятиями, они по части управления, выработки распорядка работ и ставок оплаты труда с конца сентября 1918 г. целиком подчинялись МПС Временного Сибирского, позже – Российского правительства. Продвигаясь на запад, войска Сибирской армии забирали для своих нужд все перевозочные средства дорог. Изменения боевой обстановки приводили к тому, что протяженность путей и количество дорожных служб под контролем управлений постоянно менялись, часть коммуникаций и сооружений разрушалась [25. Д. 19. Л. 3]. Важнейшей проблемой стало использование армией подвижного состава, топлива и прочих дорожных материалов без документального подтверждения. Составление сметы расходов прифронтовых дорог оказалось невозможным, и им приходилось запрашивать средства у казны на основании приблизительных калькуляций.

Стабилизация фронта в конце 1918 г. была относительной и недолгой. Уже 30 марта 1919 г. Верховный правитель утвердил положение по управлению железными дорогами в прифронтовом районе. Оно передавалось полевому управлению железных дорог театра военных действий, которое отвечало за эксплуатацию, ремонт и снабжение материалами всех железных дорог на театре военных действий. Руководители управления и отдельных участков дорог назначались МПС по согласованию со штабом Верховного главнокомандующего, получали от штаба задания на перевозки, согласовывали с ним все свои распоряжения [34. Л. 22–23]. Летом 1919 г. театром военных действий считались уральские железные дороги, со 2 сентября 1919 г. – Омская железная дорога. В начале осени рабочие и служащие уральских железных дорог были эвакуированы в Сибирь. Им выплачивались заработная плата и эвакуационные пособия, что легло тяжелым непродуманным бременем на правительственный бюджет [29. Д. 27. Л. 13, 57, 74, 167].

В экстремальных условиях Гражданской войны оптимальным решением для управления частных железных дорог стали бы свертывание всякого строительства новых линий и сокращение расходов до минимума, необходимого для поддержания дороги в потенциально рабочем состоянии. Но именно обстоя-

тельства военного времени этому мешали. Военные настаивали на ускоренном строительстве новых линий. Когда общество Троицкой железной дороги попыталось свернуть сооружение линии Троицк – Орск, то встретило категорические возражения со стороны правительства Оренбургского казачьего войска. Общество получило от Оренбургского казачьего войска 500 тыс. руб. и от Челябинского комитета народной власти 1 млн руб. на продолжение строительства [25. Д. 5. Л. 10–12]. Управление Западно-Уральской железной дороги также вынуждено было строить новые подъездные пути и разъезды по настоянию военных [Там же. Д. 11. Л. 11].

Не убавлялась и общественная коммерческая активность. В труднейшее время войны кооперация, органы местного самоуправления и биржевые комитеты проявили готовность вкладывать средства в строительство новых линий или достройку уже начатых при условии своевременного снабжения строительными материалами. В 1918–1919 гг. был выдвинут ряд проектов, перенацеливавших транспортную систему Сибири и Дальнего Востока на прямой вывоз ресурсов на внешние рынки, минуя Европейскую Россию. Их реализация позволяла использовать сибирские и дальневосточные богатства в интересах местного населения. Например, Южно-Сибирскую магистраль намеревались продолжить через Монголию, Манчжурию и российское Приморье на Посыет. Торгово-промышленники и кооператоры Степного края инициировали амбициозный проект прокладки магистрали от Кокчетава, через Петропавловск, Тобольск до устья Оби. Биржевые комитеты Екатеринбурга и ряда сибирских городов и земств настаивали на начале скорейших изысканий, связанных с прокладкой линии от Красноуфимска до Томска, которая открывала прямой путь для сибирских грузов к портам Белого моря. [25. Д. 14. Л. 1–3; Д. 23. Л. 29; Д. 37. Л. 1–2, 12–23 об.]. Ни одному из таких проектов не суждено было воплотиться [35. С. 5–8].

Однако продолжалось строительство тех линий, которое велось или было начато в 1916–1917 г. С июня 1918 г. по март 1919 г. на Урале и в Сибири уложили 762 версты новых путей, открыли для движения 569 верст, и это не считая ремонтных работ на действовавших линиях и прокладки на них новых подъездных путей [5. С. 40–43; 18. С. 84; 27. Л. 330]. Построенные ветки были небольшими по длине, имели направленность на вывоз хлеба, угля, металла и соли от мест производства и добычи к потребителям не только азиатской, но и европейской части России, таким образом, являлись вложениями в развитие инфраструктуры вывоза ресурсов.

В труднейших условиях Гражданской войны успешное продолжение строительства кажется почти невероятным. В действительности оно объяснялось несколькими обстоятельствами. Прежде всего, укладка рельсов велась «облегченным способом», без подготовки пути прямо на грунт. Стоимость такого строительства была в пять–восемь раз дешевле, чем укладка пути по всем правилам. Но и сооружали такие дороги как временки, рассчитанные на эксплуатацию в течение одного – максимум двух лет [25. Д. 5.

Л. 194–196]. Упрощение технических условий применялось на строительстве новых путей в 1917 г. В последующие два года такая практика нашла еще более широкое применение.

В ряде случаев строительство являлось лишь продолжением работ, на которые последовательно выделяли средства царское, Временное и советское правительства. К таким следует отнести прокладку линии до Караталы Троицкой железной дороги, работы по подготовке строительства линии Петропавловск–Кокчетав, строительство 160 верст путей на Южно-Сибирской железной дороге [5. С. 40, 42; 25. Д. 5. Л. 11–11 об., 42–45 об.].

Нельзя не упомянуть способность МПС централизовать ресурсы. Предприятия, выпускавшие рельсы, шпалы и иные железнодорожные материалы, остались в европейской части России. Запасы, имевшиеся у поволжских железных дорог, при отступлении Народной армии вывезти не удалось. Оставшиеся в распоряжении строившихся дорог материалы перераспределили между ними с учетом срочности ремонтных и строительных работ. В полном объеме заработали крупнейшие Омские, Красноярские и Владивостокские железнодорожные мастерские. Уральские предприятия, в частности Мотовилихинский завод, приспособили для ремонта паровозов, а Усть-Катавский – для выпуска вагонов и запасных частей. На Усть-Катавском заводе к лету 1919 г. изготовили 371 вагон. Конечно, преобладала старая техника, вышедшая из ремонта. К 1 марта 1919 г. в сети железных дорог насчитывалось 97 319 вагонов. Уральские заводы в первой половине 1919 г. поставили Министерству путей сообщения 420 тыс. пудов рельсов и еще почти 500 тыс. пудов других металлических материалов и запасных частей. Пропускная способность дорог по сравнению с осенними месяцами 1918 г. увеличилась на четверть [27. Л. 65–66 об.; 30. № 19. С. 13, 16; 36. Л. 65–66 об.; 37]. Удалось МПС и активизировать перевозку железнодорожных грузов из Владивостокского порта. За годы Первой мировой войны там скопились огромные запасы импортированных грузов на складах, включая рельсы и стрелки. Наконец, 18 марта 1919 г. Совет министров Российского правительства выделил 25 млн руб. для оплаты железнодорожного оборудования и материалов, приобретенных на Дальнем Востоке, в Японии и Америке [38. Ст. 176]. Нужду железных дорог в материалах МПС оценивало примерно в 400 млн руб., из которых упомянутые 25 млн руб. считались первоначальным оборотным капиталом. Для обеспечения составов топливом железнодорожный транспорт переводили на дрова и осуществляли централизованную разработку специально выделенных лесных участков [29. Д. 9. Л. 2; 37]. Все поставки проводились централизованно через отдел снабжения министерства и его дальневосточную и зарубежную агентуру. Министерство определяло и приоритеты поставок разных видов оборудования и материалов [29. Д. 9. Л. 46, 55, 83–83 об., 91, 95, 97; 30. № 16–18. С. 1]. При этом строительство новых путей даже не являлось приоритетным. Более срочной считали работы по исправлению поврежденных войной коммуникаций. Одних только железнодо-

рожных мостов к марту 1919 г. исправили 270 [27. Л. 328]. Российское правительство также финансировало заготовки продовольствия для железнодорожников, превратив дорожные потребительские кооперативы практически в бюджетные организации [39].

Важнейшим условием продолжения строительства стало также его финансирование из государственного бюджета. Казне пришлось взять на себя расходы частных железных дорог. Перечисление средств не могло производиться по смете МПС, как для казенных дорог Транссибирской магистрали. Все частные железнодорожные предприятия получили на льготных условиях коммерческие ссуды через специальный орган – Особое совещание по финансированию городских и земских самоуправлений и предприятий, имеющих общегосударственное значение. Из администрации частных дорог или даже их отдельных участков спешно создавались Временные правления. Российское правительство утверждало их в качестве органов, уполномоченных осуществлять коммерческие операции до того времени, пока не будет восстановлена связь с правлениями дорог постоянного состава.

Сохранились документы с запросами правлений частных дорог на оплату расходов. В них хорошо мотивирована и не вызвала сомнений сама необходимость правительственного субсидирования. Работа большинства дорог, за исключением Алтайской, Кольчугинской и строящейся Ачинск-Минусинской, целиком сводилась к обслуживанию нужд казны. К 22 ноября 1918 г. всем дорогам было выдано 48 млн 385 тыс. руб. 73% отпущенной суммы шло на финансирование строительства новых путей и только 27% – на эксплуатационные расходы. До конца года сумма должна была возрасти до 102 млн руб., из которых 62 млн руб. направлялись строительным управлениям, а 40 млн руб. – эксплуатационным [25. Д. 3. Л. 392–393]. Всего до марта 1920 г. по решениям Временного Сибирского и Российского правительств частным железным дорогам было выдано 305 млн 126 тыс. руб. [40. С. 207].

Условия финансирования частных железных дорог оказались предметом длительной бюрократической дискуссии. Железнодорожные акционерные общества получали ссуды под 7,5% годовых. 19 мая 1919 г., опираясь на многочисленные ходатайства частных железнодорожных кампаний, МПС просило Министерство финансов сложить уплату процентов. Дороги обслуживали нужды казны, подчинялись общим убыточным железнодорожным тарифам. Прифронтовые дороги находились полностью в распоряжении военных. Получаемые ссуды не приносили владельцам прибыли, напротив, они не могли целиком покрыть убытки. Все это лишало государство оснований требовать начисления процентов за выданные ссуды. Но мнение Министерства финансов и Военного министерства оказалось другим. Оба настаивали на том, что государство в трудное время взяло на себя поддержание частных железных дорог в работоспособном состоянии и когда завершится Гражданская вой-

на, справедливо будет потребовать от акционеров компенсации государственных расходов [25. Д. 3. Л. 348–349 об.]. Министерство финансов и Государственный контроль имели в руках многочисленные факты того, что подаваемые частными дорогами сметы составлялись по завышенным расценкам на работы и материалы [Там же. Д. 3. Л. 408–409, 415; Д. 13. Л. 41–41 об.; Д. 35. Л. 5–6]. Вероятно временные правления, лишённые возможности извлекать коммерческую выгоду из своей основной деятельности, пытались получить доходы от использования государственных кредитов.

Сам механизм финансирования частных железных дорог через коммерческие ссуды создавал правовые предпосылки для выкупа дорог казной. Утвержденные ссуды в первые месяцы выдавали под соло-векселя правлений дорог. Но через некоторое время они консолидировались в залоговые обязательства и в дальнейшем производились только при условии передачи Государственному банку железнодорожных предприятий в качестве залогового обеспечения. Несвоевременная выплата начислений на ссуду или неправомерное ее расходование оказывались достаточным основанием для перехода имущества частных дорог в распоряжение казны [25. Д. 3. Л. 47, 51, 71]. К концу зимы 1919 г. в отделениях государственного банка и железнодорожном департаменте Министерства финансов находилось 59 залоговых обязательств практически всех частных железнодорожных предприятий востока России на общую сумму 103 856 тыс. руб. [Там же. Л. 309–309 об.]. Суммы кредитов по каждой железной дороге оказались достаточно велики, чтобы превратить их в безнадежных банкротов, и почти неизбежно предопределили их переход в собственность государства.

Несомненно, что Гражданская война обернулась технической деградацией железнодорожного хозяйства, пик кризиса которого пришелся на послевоенные годы. Но важно за этой технической стороной проблемы увидеть другую, организационную. Не отказываясь в перспективе от участия частного капитала в строительстве и эксплуатации железных дорог, Временное Сибирское и Российское правительства сделали решительный шаг по пути установления почти полного хозяйственного и финансового контроля над уже существовавшими частными железнодорожными предприятиями. Новое железнодорожное строительство и при советской власти в конце 1917 – первой половине 1918 г., и при их противниках в значительной мере шло «по инерции» в рамках намеченных до революции приоритетов и направлений. Но от проектов освоения таежных и приарктических сибирских пространств пришлось отказаться. Они оказались не по силам и советской власти в два последующих десятилетия. Война не помешала, однако, успешному строительству «коротких» магистралей, способствовавших освоению полезных ископаемых и использованию избыточных сельскохозяйственных ресурсов горной и степной зон Южного и Среднего Урала, Южной Сибири и Степного края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталова Т.И. Территориальное размещение частных железных дорог Азиатской России и политика государства // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в. : материалы Всерос. науч. конф. Томск, 2007. С. 134–141.

2. Ламин В.А., Пленкин В.Ю., Ткаченко В.Я. Глобальный трек: развитие транспортной системы на востоке страны. Екатеринбург, 1999. 199 с.
3. Тимошенко А.И. Транссиб и проекты железнодорожного строительства в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 71–74.
4. Мерхалев Д. Железные дороги Сибири в 1917–1919 гг. // Сборник сибирского краевого статистического управления. Новоиколаевск, 1922. Т. 2. С. 41–51.
5. Пинус В. Железнодорожное строительство Сибири за пятилетие 1918–1922 гг. // Жизнь Сибири. 1922. № 3. С. 40–42.
6. Крушанов А.И. К вопросу о роли Межсоюзного комитета и Технического совета в осуществлении империалистических планов США и Японии на Дальнем Востоке и в Сибири в 1918–1919 гг. // Ученые записки Дальневосточного университета. Вып. 2. Сер. обществ.-полит. наук. Владивосток, 1958. С. 69–78.
7. Крушанов А.И. О роли Межсоюзного комитета и Технического совета в осуществлении империалистических планов США и Японии на Дальнем Востоке и в Сибири в 1918–1919 гг. // Труды ДВ филиала СО АН СССР. Сер. История. Т. 2. 1961. С. 15–20.
8. Попова Е.И. Миссия Стивенса и провал железнодорожной политики США в России и Китае в 1917–1922 // Исторические записки. М., 1957. Т. 60. С. 31–85.
9. Индукаева Н.С. Борьба американской дипломатии за установление межсоюзнического контроля на КВЖД (1918 – март 1919 г.) // Сборник научных трудов исторических кафедр. Труды ТГУ. Томск : Из-во ТГУ, 1963. Т. 171. С. 94–101.
10. Гнатовская Е.Н. Из истории железнодорожной политики США на Дальнем Востоке. 1917–1920 гг. // III дальневосточная конференция молодых историков. Владивосток, 1994. С. 68–69.
11. Мухачев Б.И. К вопросу о деятельности Межсоюзного железнодорожного комитета на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) // КВЖД и ее влияние на развитие политических, социально-экономических и культурных процессов в Северо-Восточной Азии : тезисы докл. и общ. науч. конф. Владивосток, 1997. С. 45–47.
12. Дмитриев Н.И. Межсоюзный железнодорожный комитет и его роль в восстановлении Сибирской магистрали в 1919 г. // Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки : тезисы Междунар. науч. конф. Владивосток, 1992. С. 45–47.
13. Дмитриев Н.И., Дмитриева Т.В. Междусоюзный железнодорожный комитет и его роль в восстановлении Сибирской магистрали // Фундаментальные и прикладные исследования по транспорту. Вып. 24 (106). Страницы истории России : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2002. С. 142–155.
14. Гнатовская Е.Н. Состояние железнодорожного транспорта и положение рабочих на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. // Исторический опыт освоения восточных районов России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Владивосток, 1993. Кн. III. С. 49–52.
15. Гнатовская Е.Н. Железные дороги как фактор экономической и геополитической стратегии России на Дальнем Востоке (конец XIX – первые десятилетия XX в.) // Гуманитарные исследования : сб. науч. статей. Уссурийск, 1999. Вып. 3. С. 276–282.
16. Коновалов П.С. Строительство и эксплуатация Ачинск-Минусинской железной дороги (1914–1920 гг.) // Хозяйственное освоение Сибири: вопросы истории XIX – первой трети XX в. : сб. науч. статей. Томск, 1994. С. 49–60.
17. Дмитриев Н.И. Железные дороги востока России в начальный период Гражданской войны // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Березники, 1997. С. 110–113.
18. Дмитриев Н.И. Новое железнодорожное строительство в Сибири при Российском правительстве адмирала А.В. Колчака // История «белой» Сибири : тезисы Второй науч. конф. Кемерово, 1997. С. 81–84.
19. Ижендеев А.Ю. Управление Томской железной дороги в 1917–1920 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 77–80.
20. Климов И.П. Деятельность правительств демократической контрреволюции Сибири и Урала на железнодорожном и водном транспорте весной – осенью 1918 года // Новейшая история России. 2017. № 2. С. 53–67.
21. История железнодорожного транспорта России. Т. 1: 1836–1917 гг. СПб., 1994. 336 с.
22. План железнодорожного строительства в Сибири на ближайшее десятилетие. Пг., 1917. С. 79.
23. Доклады Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтонскую конференцию 1921 года. Владивосток, 1922. 459 с.
24. Сенин А.С. Борьба за власть на российских железных дорогах: Викжель Викжедор, Вспрофжель... // Новый исторический вестник. 2005. № 13. С. 96–141.
25. Государственный архив Омской области (далее – ГАОО). Ф. Р-1858. Железнодорожный отдел Министерства финансов Российского правительства. Оп. 1.
26. Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.) в документах и материалах с вводным очерком А. Танеева. Свердловск, 1929. 233 с.
27. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-341. Политический центр. Оп. 1. Д. 39.
28. Вестник Омской железной дороги. Омск, 1919. № 15–16.
29. ГАОО. Ф. Р-1181. Финансово-счетное управление Министерства путей сообщения Российского правительства. Оп. 1.
30. Вестник Министерства путей сообщения. Омск, 1919.
31. Отечественные ведомости. Екатеринбург, 1919. 30 марта.
32. Вестник Самаро-Златоустовской железной дороги. Самара, 1918. № 11–13.
33. Правительственный вестник. Омск, 1918. 16 августа.
34. ГАОО. Ф. 2045. Управление Омской железной дороги Министерства путей сообщения Российского правительства. Оп. 1. Д. 1.
35. Рынков В.М. Сибирская автономия в вихре Гражданской войны // Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность) : сб. науч. статей. Новосибирск, 2000. Вып. 4. С. 3–25.
36. ГАРФ. Ф. Р-176. Совет министров Российского правительства. Оп. 4. Д. 34. Л. 65–66 об.
37. Вестник Приуралья. Челябинск, 1919. 2 июля.
38. Собрание узаконений и постановлений Российского правительства издаваемое при Правительствующем сенате. Омск, 1919. № 11.
39. Русская армия. Ново-Иколаевск, 1919. 7 марта.
40. Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 гг.). Новосибирск, 2006. С. 440.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 декабря 2017 г.

GEOPOLITICAL CHALLENGES AND MODERNISATION RESPONSES: RAILWAY TRANSPORT IN THE EAST OF RUSSIA UNDER THE CONDITIONS OF THE RUSSIAN CIVIL WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 175–182.

DOI: 10.17223/15617793/428/23

Vadim M. Rynkov, Institute of History, Siberian Branch Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vadvet@list.ru

Keywords: railroad communications; geopolitics; development; Civil War; anti-Bolshevist governments; Ministry of Railways; credits; nationalization.

The article deals with the peculiarities of railway management in the Asian part of Russia in the days of anti-Bolshevist governments. The material is presented within the broad context of railroad construction history. The main railway lines constructed by the

state before the revolution of 1917 in the Asian part of Russia led to the territory development. Private funds were invested in the warrantable projects. The Civil War mostly went along the railroads situated in the East of Russia. It is not unexpected that railway economy incurred substantial costs and, at the same time, railroads became a guide to the source of almost all the goods for the army and citizens. The state of the railway transport in the East of Russia was researched fragmentarily or formally and on the basis of fragmentary data. The author introduces documents of the Railway Department of the Ministry of Finance of the Russian Government and materials of periodical press into scientific use. The author considers it necessary to point out that laying train tracks in the Asian part of Russia was enhanced by private companies before the revolution. At the same time, the state recognized the importance of creation of a single plan of train tracks development, prioritizing and investments in laying train tracks. But the Civil War temporarily disorganized the unity of administration, and transfer of the railroads to railway committees made them unprofitable. Since the autumn of 1918, the Ministry of Railways of the Provisional Siberian Government and All-Russian Government managed to reconstruct the unity of administration and financing of all the state-owned and private railroads of the Urals, Siberia, the Steppe and the Far East. As shown in some sources researched by the author the Ministry used the sources of rail materials effectively, organized manufacturing of new carriages and spare parts in the Urals, which helped restore the damaged communications and build about 505 miles of new railway lines. The Ministry had to abandon the ambitious prerevolutionary plans of railway lines construction in the taiga zone of Siberia, but it continued construction of short railway lines that connected Siberian extractive industries with the Trans-Siberian Railway and the lines that delivered grain from Siberia. Construction of new railway lines and exploitation costs of private railway companies were paid from the funds of the Provisional Siberian and All-Russian Governments. The companies applied for a loan upon the security of the enterprises to the State bank, and it resulted in the transfer of private railroads of the eastern regions of Russia to the state. New railway construction continued within the frame of prerevolutionary directions and priorities. But the authorities had to put an end to the projects of the taiga and subarctic territories.

REFERENCES

1. Batalova, T.I. (2007) [Territorial location of private railways in Asian Russia and state policy]. *Regional'nye osobennosti upravleniya gosudarstvennym khozyaystvom Rossii XVIII – nachala XX v.* [Regional features of management of the state economy of Russia in the 18th – early 20th centuries]. Proceedings of the conference. Tomsk. pp. 134–141. IORR
2. Lamin, V.A., Plenkin, V.Yu. & Tkachenko, V.Ya. (1999) *Global'nyy trek: razvitie transportnoy sistemy na vostoke strany* [Global track: the development of the transport system in the east of the country]. Ekaterinburg: UrB RAS.
3. Timoshenko, A.I. (2000) *Transsib i proekty zheleznodorozhnogo stroitel'stva v Sibiri* [Transsib and projects of railway construction in Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*. 2. pp. 71–74.
4. Merkhalev, D. (1922) *Zheleznye dorogi Sibiri v 1917–1919 gg.* [Railroads of Siberia in 1917–1919]. In: *Sbornik sibirskogo kraevogo statisticheskogo upravleniya* [The collection of the Siberian regional statistics administration]. Vol. 2. Novonikolaevsk: Tipografiya Gubsovnarkhoza 1.
5. Pinus, V. (1922) *Zheleznodorozhnoe stroitel'stvo Sibiri za pyatiletie 1918–1922 gg.* [Railroad construction of Siberia in the five-year period 1918–1922]. *Zhizn' Sibiri*. 3. pp. 40–42.
6. Krushanov, A.I. (1958) *K voprosu o roli Mezhsyuznogo komiteta i Tekhnicheskogo soveta v osushchestvlenii imperialisticheskikh planov SShA i Yaponii na Dal'nem Vostoke i v Sibiri v 1918–1919 gg.* [On the role of the Inter-Union Committee and the Technical Council in the implementation of the US and Japanese imperialist plans in the Far East and Siberia in 1918–19]. *Uchenye zapiski Dal'nevostochnogo universiteta*. 2. pp. 69–78.
7. Krushanov, A.I. (1961) *O roli Mezhsyuznogo komiteta i Tekhnicheskogo soveta v osushchestvlenii imperialisticheskikh planov SShA i Yaponii na Dal'nem Vostoke i v Sibiri v 1918–1919 gg.* [On the role of the Inter-Union Committee and the Technical Council in the implementation of the imperialist plans of the United States and Japan in the Far East and Siberia in 1918–1919]. *Trudy DV filiala SO AN SSSR. Ser. Istoriya*. 2. pp. 15–20.
8. Popova, E.I. (1957) *Missiya Stivensa i proval zheleznodorozhnoy politiki SShA v Rossii i Kitae v 1917–1922* [Stevens mission and the failure of the US railway policy in Russia and China in 1917–1922]. *Istoricheskie zapiski*. 60. pp. 31–85.
9. Indukaeva, N.S. (1963) *Bor'ba amerikanskoy diplomatii za ustanovlenie mezhsyuznicheskogo kontrolya na KVZhD (1918 – mart 1919 g.)* [The struggle of American diplomacy for establishing inter-allied control on the CER (1918 – March 1919)]. *Sbornik nauchnykh trudov istoricheskikh kafedr. Trudy TGU*. 171. pp. 94–101.
10. Gnatovskaya, E.N. (1994) [From the history of the US railroad policy in the Far East. 1917–1920]. *III Far Eastern Conference of Young Historians*. Vladivostok. pp. 68–69. (In Russian).
11. Mukhachev, B.I. (1997) [On the issue of the activities of the Inter-Union Railway Committee in the Far East (1918–1922)]. *KVZhD i ee vliyaniye na razvitie politicheskikh, sotsial'no-ekonomicheskikh i kul'turnykh protsessov v Severo-Vostochnoy Azii* [The CER and its influence on the development of political, socio-economic and cultural processes in Northeast Asia]. Proceedings of the conference. Vladivostok. pp. 45–47. (In Russian).
12. Dmitriev, N.I. (1992) [The Inter-Union Railway Committee and its role in rebuilding the Siberian Railway in 1919]. *Grazhdanskaya voyna na Dal'nem Vostoke Rossii: itogi i uroki* [The Civil War in the Far East of Russia: Results and Lessons]. Proceedings of the international conference. Vladivostok. pp. 45–47. (In Russian).
13. Dmitriev, N.I. & Dmitrieva, T.V. (2002) *Mezhdusyuznyy zheleznodorozhnyy komitet i ego rol' v vosstanovlenii Sibirskoy magistrali* [The Inter-Union Railway Committee and its role in the reconstruction of the Siberian Railway]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya po transportu*. 24 (106). pp. 142–155.
14. Gnatovskaya, E.N. (1993) [The state of railway transport and the situation of workers in the Far East in 1918–1922]. *Istoricheskiy opyt osvoeniya vostochnykh rayonov Rossii* [Historical experience of the development of the eastern regions of Russia]. Proceedings of the international conference. Book 3. Vladivostok. pp. 49–52. (In Russian).
15. Gnatovskaya, E.N. (1999) *Zheleznye dorogi kak faktor ekonomicheskoy i geopoliticheskoy strategii Rossii na Dal'nem Vostoke (konets XIX – pervye desyatiletiya XX v.)* [Railways as a factor in the economic and geopolitical strategy of Russia in the Far East (late 19th – first decades of the 20th centuries)]. In: *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanities Research]. Is. 3. Ussuriysk: USPI. pp. 276–282.
16. Kononov, P.S. (1994) *Stroitel'stvo i ekspluatatsiya Achinsk-Minusinskoy zheleznoy dorogi (1914–1920 gg.)* [Construction and operation of the Achinsk-Minusinsk railway (1914–1920)]. In: *Zinov'ev, V.P. (ed.) Khozyaystvennoe osvoenie Sibiri: voprosy istorii XIX – pervoy trety XX v.* [Economic development of Siberia: issues of the history of the 19th – first third of the 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Dmitriev, N.I. (1997) [The railways of the east of Russia in the initial period of the Civil War]. *Puti soobshcheniya, kommunikatsii, nauchnye dostizheniya narodov Evrazii* [Ways of communication, communications, scientific achievements of the peoples of Eurasia]. Proceedings of the international conference. Berezniki. pp. 110–113. (In Russian).
18. Dmitriev, N.I. (1997) [The new railway construction in Siberia under the Russian government of Admiral A.V. Kolchak]. *Istoriya "beloy" Sibiri* [History of the "white" Siberia]. Proceedings of the conference. Kemerovo. pp. 81–84. (In Russian).
19. Izhendelev, A.Yu. (2011) *Administration of Tomsk railroad in 1917–1920*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 77–80. (In Russian).

20. Klimov, I.P. (2017) "Democratic Counter-revolution" Governments of Siberia and Ural and their Activity on Railways and Water Transport in Spring and Autumn of 1918. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 2. pp. 53–67. (In Russian).
21. Kraskovskiy, E.Ya. & Uzdin, M.M.(eds) (1994) *Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii* [History of railway transport in Russia]. Vol. 1: 1836–1917. St. Petersburg: Ivan Fedorov.
22. Anon. (1917) *Plan zheleznodorozhnogo stroitel'stva v Sibiri na blizhayshee desyatiletie* [Plan for railway construction in Siberia for the next decade]. Petrograd: Sadovaya tipo-lit. N.G. Mazur.
23. Primorsky District Chamber of Commerce and Industry. (1922) *Doklady Primorskoy okruzhnoy torgovo-promyshlennoy palaty po voprosam ekonomiki russkogo Dal'nego Vostoka, predstavlenkiye na Vashingtonskuyu konferentsiyu 1921 goda* [Reports of the Primorsky District Chamber of Commerce and Industry on the economy of the Russian Far East, presented at the Washington Conference in 1921]. Vladivostok: Izd. Prim. okruzhnoy Torgovo-promyshl. palaty.
24. Senin, A.S. (2005) Bor'ba za vlast' na rossiyskikh zheleznykh dorogakh: Vikzhel' Vikzhedor, Vsoprofzhel'... [Struggle for power on the Russian railways: Vikzhel Vikzhedor, Vsoprofzhel'...]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 13. pp. 96–141.
25. State Archive of Omsk Oblast (GAOO). Fund R-1858. *Zheleznodorozhnyy otdel Ministerstva finansov Rossiyskogo pravitel'stva* [Railway Department of the Ministry of Finance of the Russian Government]. List 1.
26. Uralprofsovet. (1929) *Kolchakovshchina na Urale (1918–1919 gg.) v dokumentakh i materialakh s vvodnym ocherkom A. Taneeva* [Kolchakism in the Urals (1918–1919) in documents and materials with an introductory essay by A. Taneev]. Sverdlovsk: Izdanie Uralprofsoveta.
27. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-341. *Politicheskiy tsentr* [Political Center]. List 1. File 39.
28. *Vestnik Omskoy zheleznoy dorogi*. (1919). 15–16.
29. State Archive of Omsk Oblast (GAOO). Fund R-1181. *Finansovo-schetnoe upravlenie Ministerstva putey soobshcheniya Rossiyskogo pravitel'stva* [Financial Accounting Department of the Ministry of Railways of the Russian Government]. List 1.
30. *Vestnik Ministerstva putey soobshcheniya*. (1919).
31. *Otechestvennyye vedomosti*. (1919). 30 March.
32. *Vestnik Samaro-Zlatoustovskoy zheleznoy dorogi*. (1918). 11–13.
33. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918). 16 August.
34. State Archive of Omsk Oblast (GAOO). Fund 2045. *Upravlenie Omskoy zheleznoy dorogi Ministerstva putey soobshcheniya Rossiyskogo pravitel'stva* [Office of the Omsk Railway Ministry of Railways of the Russian Government]. List 1. File 1.
35. Rynkov, V.M. (2000) Sibirskaya avtonomiya v vikhre Grazhdanskoy voyny [Siberian autonomy in the whirlwind of the Civil War]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Sibir': proekty XX veka (nachinaniya i real'nost')* [Siberia: projects of the 20th century (startups and reality)]. Is. 4. Novosibirsk: IH SB RAS.
36. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. *Sovet ministrov Rossiyskogo pravitel'stva* [Council of Ministers of the Russian Government]. List 4. File 34. Pages 65–66 rev.
37. *Vestnik Priural'ya*. (1919). 2 July.
38. Russian Government. (1919) *Sobranie zakonov i postanovleniy Rossiyskogo pravitel'stva izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem senate* [Collection of laws and regulations of the Russian government published at the Governing Senate]. 11.
39. *Russkaya armiya*. (1919). 7 March.
40. Rynkov, V.M. (2006) *Finansovaya politika antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii (vtoraya polovina 1918 – nachalo 1920 gg.)* [The financial policy of the anti-Bolshevik governments of the east of Russia (second half of 1918 – early 1920s)]. Novosibirsk: IH SB RAS.

Received: 17 December 2017

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ «НЕГАТИВНОГО НАСЛЕДИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ НА МАТЕРИАЛЕ ЛАГЕРНЫХ МУЗЕЕВ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Статья посвящена возникновению и формированию единственного в России музея на территории бывшего концентрационного лагеря системы ГУЛАГ – Мемориального комплекса истории политических репрессий в деревне Кучино Пермского края, более известного как «Пермь-36». Рассматриваются условия возникновения лагерных музеев в Пермском крае и конфликты вокруг этого музея до смены его руководства в 2013 г.

Ключевые слова: мемориальный музей; память; репрессии; ГУЛАГ; Пермь-36; СССР.

Во второй половине XX в. многие исследователи обратили внимание на то, что понятие «культурное наследие» является довольно неоднородным и может иметь как позитивный, так и негативный смысл. И если опыт работы с «позитивным» наследием существовал уже давно, то «негативное» наследие поставило вопрос о том, как с ним работать в музеях, а также как его представлять и о нем говорить. Сам термин «негативное наследие» (Negative Heritage) впервые ввела в оборот антрополог Линн Меселл в 2002 г. [1]. В статье «Негативное наследие и освоение прошлого в археологии» она охарактеризовала его как «конфликтное место, которое становится хранилищем отрицательной памяти в коллективном воображении» [Там же. С. 558]. До этого учеными в основном использовался термин «противоречивое наследие» (Dissonant Heritage), предложенный в работе Джона Е. Танбриджа и Грегори Дж. Ашворта в 1994 г. [2. С. 299]. Следует упомянуть и вышедшую в 2015 г. книгу Сары Мосез «Стигматизированное пространство: негативное наследие в исторической консервации» [3. С. 154], в которой она подробно рассматривает проблематику негативного наследия, преимущественно на примерах работы с темой рабства в музеях США. В связи с развитием подобных идей встал вопрос о том, как показывать это «негативное наследие» в музеях, рассказывать истории, связанные с негативным социальным опытом, касающимся прежде всего войн, тоталитарных режимов, рабства, геноцидов и других социальных катастроф. Военные музеи существовали уже с начала XX в., однако в них выставляли оружие и солдатскую форму, не затрагивая тему того, как война влияет на жизни отдельных людей. Впервые выставки, показывающие не военные победы, а влияние войн на жизнь мирного населения, появились в Imperial War Museum в Лондоне [4].

В данной статье нас интересуют музеи, возникшие на местах бывших концентрационных лагерей. В Европе они стали появляться почти сразу после Второй мировой войны. Их главной задачей было сохранение бывших нацистских лагерей на территории Германии и Польши, чтобы, показывая их будущим поколениям, не допустить повторения тех событий. Однако сегодня только самые крупные бывшие лагеря и гетто музеефицированы или на их местах расположены мемориалы. В начале 2000-х гг. на базе Мемориального музея Холокоста в Вашингтоне под руководством Джеффри Мегаржи был запущен проект «Энциклопедия лагерей и гетто», в котором нам удалось найти

информацию о 42 500 местах, где происходили массовые убийства евреев и представителей других народов во время Второй мировой войны [5. С. 327]. Однако в подавляющем большинстве мест присутствуют лишь небольшие мемориальные камни с короткой информацией, а в некоторых отсутствует и она.

Первым мемориальным музеем стал лагерь Аушвиц-Биркенау, открывшийся как музей уже в 1947 г.; в 1979 г. он был включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В апреле 1946 г. Министерство культуры и искусств Польши (Ministerstwo Kultury i Sztuki – MKiS) собрало группу бывших заключенных, при поддержке которых удалось превратить бывшую территорию лагеря в музей. Его торжественное открытие состоялось 14 июня 1947 г., в нем приняли участие десятки тысяч людей, в основном бывших заключенных и их родственников, а также делегации из многих польских и еврейских общин и политических организаций. 2 июля польский парламент принял закон, подтверждающий существование музея; в нем указано, что «территория бывшего нацистского концлагеря Аушвиц-Биркенау вместе со всеми зданиями и оборудованием, обнаруженными там, должна сохраняться как место страдания польского и других народов» [6]. С 1950-х до конца 1970-х гг. большинство основных бывших нацистских лагерей – Бухенвальд, Дахау, Берген-Бельзен, Миттельбау-Дора, Хелмно, Белжец, Црвени Крст и т.д. – стали музеями, прежде всего благодаря требованиям бывших узников, выживших в них в 1940-е гг.

В СССР идеи создания мемориальных музеев, посвященных памяти жертв системы ГУЛАГ, стали возникать в конце 1980-х гг., когда о преступлениях сталинизма заговорили после более чем тридцатилетнего молчания. Помимо «инициатив снизу», в 1990-х гг. группой французских историков была написана «Черная книга коммунизма», описывающая преступления коммунистических режимов по всему миру, прежде всего в СССР; она также послужила росту интереса к данной теме. Однако лагеря ГУЛАГа во многом отличались от лагерей нацистской Германии: если не считать урановых лагерей в Восточной Сибири и больших лагерей вокруг угольных шахт, почти все они строились из дерева и изначально планировались как временные [7. С. 216]. Обычный лагерь для заключенных, работающих на лесоповале, существовал около 2–3 лет, после чего узников перевозили на другое место. Именно этим объясняется тот факт, что в России практически нет музеев, посвященных сталин-

ским репрессиям, которые бы находились в местах концентрации и использования труда заключенных. Сегодня музеи существуют на месте бывшей следственной тюрьмы НКВД в Томске, в монастырских строениях в Соловецком заповеднике со специальной экспозицией в одном из барakov, в бывшем здании управления НКВД в Йошкар-Оле; частично тема репрессий упоминается в музее истории Бутырской тюрьмы в Москве. И существует только один музей, находящийся на территории бывшего лагеря ВС-389/36 (ИТК-36) – «Мемориальный музей истории политических репрессий» в деревне Кучино Пермского края, более известный как «Пермь-36». Он находится на территории бывшего лагеря ГУЛАГа, основанного в 1946 г. (изначально ИТК № 6 была основана в 1942 г. на станции Селянка, на другой стороне реки Чусовая, но до 1946 г. несколько раз меняла местоположение) [8. С. 218–225]. Проблематика создания данного уникального мемориального музея нас и интересует.

Говоря о Пермском крае, нельзя не отметить, что сегодня там находятся три музейные экспозиции на территории бывших лагерей, но только «Пермь-36» можно считать полноценным музеем. Так, на территории бывшего лагеря ИТК-35, который и сейчас является колонией строгого режима (находится в семи-десяти километрах от деревни Кучино), сделана небольшая экспозиция – о ней речь пойдет ниже, – однако из-за того, что колония действующая, туда крайне тяжело попасть. Третье место – это территория бывшего лагеря «Створ» около реки Чусовая между поселком Усть-Койва и городом Чусовой, существовавшего с 1942 г.; даже после смерти Сталина и массовых амнистий и реабилитаций он до 1962 г. оставался «политической» зоной, а после до 1972 г. был преобразован в самостоятельную колонию № 33 [9. С. 17]. После закрытия одноименного поселка в 1975 г. до этого места можно добраться лишь по реке. От самого лагеря практически ничего не осталось, поэтому пермский «Мемориал» создал в 2007 г. на его месте так называемый музей без гида [Там же. С. 15], куда может прийти любой желающий.

Одним из самых важных фактов, который стоит отметить в связи с возникновением «Мемориального музея истории политических репрессий» («Пермь-36»), является сам замысел создания такого музея. Письменных источников о нем нет, однако в интервью, которое дал мне 3 мая 2016 г. создатель музея, историк Виктор Александрович Шмыров, он рассказал, что впервые идея создания музея в бывшем политическом лагере возникла весной 1992 г. не у будущих сотрудников музея «Пермь-36», а у начальника Пермского областного УВД генерал-майора Валерия Ивановича Федорова, ставшего начальником колонии в 1991 г. Массовая амнистия 1987 г. не коснулась заключенных, сидевших за антисоветскую агитацию – они были переведены из пермских и мордовских лагерей в колонию «Пермь-35» (ВС 389/35) в поселке Центральный Пермской области. Лагерь «Пермь-35» стал широко известен в мире как последний действующий советский лагерь; его посетило большое количество зарубежных журналистов, стремившихся побывать в нем до того, как он будет расформирован.

Лагерь действовал, он был переведен в разряд общеуголовных лагерей, однако в нем выгородили небольшую территорию, где несколько последних «до-сидчиков» оставались до февраля 1992 г. – все они были осуждены по статье «измена родине».

В. И. Федоров обратился в пермский «Мемориал» с предложением создать там музей – тогда у него появилась бы возможность пускать в колонию иностранных журналистов. К тому же в 1992 г. пермский «Мемориал» решил провести конференцию с участием бывших политзаключенных и историков, приуроченную к двадцатилетию прибытия первых политзаключенных в Пермскую область (с 2005 г. Пермский край) в 1972 г.; конференция была проведена в ИТК-35. В ее ходе ранее сидевший скульптор Рудольф Борисович Веденеев отлил Мемориальную доску и создал в двух комнатах ИТК-35 небольшую музейную экспозицию.

Помимо этого, участники конференции в 1992 г. посетили другие два лагеря: заброшенные ИТК-36 и ИТК-37. В ходе осмотра стало очевидно, что постройки ИТК-36 отличаются от остальных – сохранившиеся бараки не были похожи на бараки для заключенных, доставленных в Пермскую область в 1960–1970-е гг. Отличался и штрафной изолятор – у него не было типичной для таких строений «кормушки» в двери. Особенно участников конференции поразил полуразрушенный барак особого режима, лагерная тюрьма – заключенные месяцами не выходили из него на улицу; местом прогулки служило маленькое помещение с сеткой из колючей проволоки вместо потолка. В тот момент у участников конференции и возникло предположение, что лагерь здесь появился еще во времена ГУЛАГа, но в 1950-е гг. он был не заброшен, а переоборудован в колонию для политических заключенных, просуществовавшую до конца 1980-х гг. Тогда же прозвучали первые идеи его консервации и музеефикации.

Историки В.А. Шмыров и его жена Татьяна Георгиевна Курсина два года работали в пермских архивах, чтобы понять, что находилось на месте колонии. Архивные документы подтвердили, что там действительно был лагерь ГУЛАГа. К тому же благодаря сведениям «Мемориала» и архивным документам удалось установить, что лагеря системы ГУЛАГ нигде целиком не сохранились: «Пермь-36» оказался единственным местом, где можно было реставрировать и музеефицировать постройки. Конечно, части лагерных строений можно найти на местах бывших лагерей на Колыме, Чукотке и в других удаленных от каких-либо населенных пунктов местах¹, однако из-за отсутствия дорог и сурового климата музеефикация таких мест не представляется возможной.

Чтобы защитить лагерь от разрушения и жителей окрестных деревень, которые постепенно растаскивали лагерные постройки, были наняты два сторожа; местная власть Чусового района была об этом предупреждена. Важно отметить, что одним из сторожей стал Иван Кукушкин, бывший охранник ИТЛ-36, работавший там с 1976 г. вплоть до закрытия лагеря². Чтобы запустить реставрацию барака особого режима – решено было начинать именно с него; понадоби-

лись идеи бизнес-проекта. Так как для реставрации построек была необходима древесина, то оптимальным решением стали лесозаготовки.

Первые деньги на реставрацию лагеря одолжил писатель Леонид Абрамович Юзефович, пожертвовавший на это один из своих писательских гонораров. На них были закуплены бензопилы и другое основное оборудование. Виктор Шмыров и Татьяна Курсина наняли бригаду из местных жителей, заготовили пиломатериалы, весной их продали (сумев вернуть долг Л. Юзефовичу) и запустили проект реставрации. В 1995 г. музей принял первых посетителей. За четырнадцать лет реставрации лагеря не было закуплено ни одной доски, а лесозаготовки продолжались вплоть до 2008 г. Реставрация барачных и административных зданий в основном производилась силами рабочих и волонтеров, но под наблюдением профессиональных реставраторов Пермской области. Итого было отремонтировано и восстановлено 23 постройки [10].

С 1997 г. музей стал получать гранты от зарубежных благотворительных фондов; кроме того, при содействии губернатора Пермской области (с 2005 г. Пермского края) Геннадия Вячеславовича Игумнова Законодательное собрание утвердило целевую программу «Мемориальный музей истории политических репрессий (Пермь-36)» на 1998–2000 гг. и далее, а с 1998 г. финансирование музея предусматривалось законом о бюджете Пермского края [8. С. 224]. Сначала властям не был интересен проект музея в деревне Кучино, однако по мере того, как проект развивался, а популярность музея росла и среди россиян, и среди иностранцев, губернаторы края выделяли все больше субсидий на его развитие. В 2004 г. сотрудниками Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ICOMOS) была признана уникальность «Перми-36» как памятника эпохи ГУЛАГа, они предложили инициировать его включение в список всемирного наследия ЮНЕСКО; музей также был включен в список 100 памятников World Monuments Watch [10]. Особенно большую помощь оказал музею губернатор Олег Анатольевич Чиркунов, занимавший свой пост с 2004 по 2012 г. При нем в рамках проходившей тогда пермской «культурной революции» обсуждались планы развития нового музейного комплекса, который должно было проектировать бюро Ralph Appelbaum Associates.

В 2011–2013 гг. «Мемориальный музей истории политических репрессий» был включен в проект Федеральной программы увековечения памяти жертв политических репрессий при президентском Совете по развитию гражданского общества и правам человека в качестве одного из трех национальных мемориально-музейных центров, наряду с музеями, которые должны были быть созданы в здании бывшей Военной коллегии Верховного суда СССР в Москве и на территории Левашовской пустоши в Санкт-Петербурге [Там же].

Одной из главных проблем создания музея стала его удаленность от крупных населенных пунктов: до того, как была построена новая трасса Пермь–Чусовой, дорога до бывшего лагеря из Перми занимала почти шесть часов в один конец. Однако главная и

до сих пор не решенная проблема заключается в том, что нацистские лагеря никто не пытался оправдать (в Германии это преследуется по закону [11]), в то время как в России до сих пор ведутся споры о том, насколько лагеря системы ГУЛАГ были необходимы и какую роль они сыграли в победе СССР во Второй мировой войне [12. С. 3–8], а также о роли исправительных лагерей, существовавших в СССР в 1960–1980-е гг. Из-за этого вокруг музея неоднократно возникали конфликты с пермскими коммунистами. Например, в ответ на создание мемориального комплекса «Пермь-36» и предложенной там «встречной истории», в конце 1990-х гг. были предприняты усилия по созданию мемориала на месте бывшего исправительного лагеря – уже упомянутой колонии ВС-389/35. Это была инициатива Владимира Кирилловича Кургузова, бывшего надзирателя и ветерана уголовно-исполнительных органов. 9 мая 1998 г., в День Победы, он открыл в поселке Центральном общественный музей ФГУ ИК-35. Цель и направленность его экспозиции диаметрально противоположны тому представлению истории, которое отличает мемориальный музей истории политических репрессий «Пермь-36». Выставка Кургузова повествует об истории уголовно-исполнительных учреждений и лагерного распорядка с точки зрения лагерного персонала и сотрудников государственной исполнительной системы. Заключение рассматривается в этой перспективе в первую очередь как преступники, независимо от статьи, по которой они были осуждены [13. С. 14]. До 2008 г. музей находился в старом здании бывшего детского сада, однако позднее он был расширен и сегодня занимает пять комнат в жилом доме: первая посвящена социально-бытовой жизни сотрудников, вторая – истории организации исправительных учреждений в Чусовом районе Пермского края, третья рассказывает о жизни местных лагерных пунктов во время Великой Отечественной войны, в четвертой находится выставка «Обеспечение охраны и надзора сотрудниками ИТК и военнослужащими внутренних войск МВД СССР в/ч 6658», пятая показывает современную жизнь колонии и поселка Центральный [14].

Несмотря на то что «Пермь-36» по структуре музея является аналогом мемориальных музеев на местах бывших концлагерей нацистской Германии, подходы и условия его создания были совершенно иными. В Европе большинство бывших лагерей было восстановлено и музеефицировано на средства министерств культуры Германии, Польши и других стран, где располагались концентрационные лагеря [15], в то время как в России это были частные инициативы. Даже после выделения Пермским краем финансирования в 1996 г. для развития «Перми-36» приходилось привлекать большое количество иностранных спонсоров: выделенных средств не хватало на восстановление бывших построек [8]. Кроме того, история создания музея «Пермь-36» отличается от европейского опыта составом участников его восстановления. Несмотря на то что его создателями были историки Виктор Шмыров и Татьяна Курсина, идея создания музея на территории бывшего лагеря появилась у начальника колонии ИТК-35, а его охранником много лет работал

бывший надзиратель ИТК-36 – случай уникальный, немислимый при работе с нацистскими лагерями. «Мемориальный музей истории политических репрессий» существует более двадцати лет, однако сегодня «Пермь-36» часто упоминается в связи с насильственной сменой руководства, осуществленной в 2013 г. усилиями нового губернатора Пермского края Виктора Федоровича Басаргина, и с конфликтами, которые разворачиваются вокруг музея в последние годы [16]. Все это еще раз подчеркивает, что

главной проблемой российского общества по-прежнему остаются разные «памяти». Эта раздробленность прошлого в памяти очевидна и в музейных экспозициях, посвященных репрессиям. Эксперт Совета Европы Михаил Борисович Гнедовский считает, что «этот распределенный аналитический процесс, пока довольно стихийный и беспомощный, будет продолжаться еще долго. Он складывается из частного музейного и, отчасти, историографического опыта» [17. С. 368].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сотрудники музея истории ГУЛАГа в Москве проводили в 2014–2015 гг. экспедиции к таким местам, видеоматериалы можно посмотреть на их канале URL: <https://www.youtube.com/user/museumgulag/videos> (дата обращения: 22.04.2017).

² Бывший охранник ИТК-36 Иван Кукушкин работал сторожем музея «Пермь-36» вплоть до смены руководства в 2013 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Meskell L. Negative Heritage and Past Mastering in Archaeology // *Anthropological Quarterly*. 2002. Vol. 75, № 3.
2. Tunbridge J.E., Ashworth G.J. *Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict*. Chichester, Sussex, England: John Wiley & Sons Ltd., 1994. 299 p.
3. Moses S. *Stigmatized Space: Negative Heritage in Historic Preservation* (Masters Thesis). University of Pennsylvania, Philadelphia, PA., 2015. 154 p.
4. Bardgett S. The Imperial War Museum and the history of War. URL: <http://www.history.ac.uk/makinghistory/resources/articles/IWM.html> (дата обращения: 7.04.2017).
5. Ямпольский М. Пространственная история. Три текста об истории. СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013.
6. Auschwitz. History of the Memorial URL: <http://auschwitz.org/en/museum/history-of-the-memorial/> (дата обращения: 10.04.2017).
7. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. М.: CORPUS, 2015.
8. Обухов Л.А. История колонии, ставшей музеем. Труды Томского областного краеведческого музея // Том XVI. Материалы научно-практической конференции «Шатиловские чтения 2009» (15–17 июня 2009 г.). Томск, 2009.
9. Латыпов Р. Место памяти Створ. ГУЛАГ в Российской памяти // Сборник статей участников российско-германской исследовательской группы в Пермском крае. Пермь, 2011. С. 17. URL: <http://www.pmem.ru/index.php?id=282> (дата обращения: 25.03.2017).
10. Шмыров В. Пермь-36: Реабилитация репрессий. URL: <http://zvzda.ru/columns/5269ae370167> (дата обращения: 15.03.2017).
11. Strafgesetzbuch – StGB § 86a. Verwenden von Kennzeichen verfassungswidriger Organisationen URL: http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_86a.html (дата обращения: 20.04.2017).
12. Эйдельман Т. Была ли сталинская политика «эффективной»? Скандалы вокруг новых учебников по истории России. Культура. Россия – анализ культуры. М., 2008. С. 3–8.
13. Путц М. «Воспоминания и память в Пермском крае». ГУЛАГ в Российской памяти // Сборник статей участников российско-германской исследовательской группы в Пермском крае. Пермь, 2011. С. 14. URL: <http://pmem.ru/index.php?id=246> (дата обращения: 25.03.2017).
14. Тарасова К. Тюремные музеи. Хранители истории. URL: <http://www.zakonia.ru/analytics/73/52833> (дата обращения: 17.04.2017).
15. Auschwitz. Sources of the Memorial's financing. URL: http://70.auschwitz.org/index.php?option=com_content&view=article&id=80&Itemid=173&lang=en (дата обращения 19.04.2017).
16. Гизен А. Расколотая память: отражение конфликта вокруг «Мемориального комплекса «Пермь-36» в российских медиа // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 3. С. 363–376.
17. Гнедовский М. Страдание как экспонат, или Музеи строгого режима // История сталинизма, Принудительный труд в СССР: экономика, политика, память: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2011 г. / отв. ред.: Л.И. Бородин, С.А. Красильников, О.В. Хлевнюк. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2013.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2018 г.

MEMORIALIZATION OF THE “NEGATIVE HERITAGE” IN MODERN RUSSIA ON THE BASIS OF THE CAMP MUSEUMS IN PERM KRAI

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 183–187.

DOI: 10.17223/15617793/428/24

Vladislav S. Staf, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: stafvlad@gmail.com

Keywords: memorial museum; memory studies; repressions; Gulag; Perm-36; USSR.

The article is devoted to the emergence and formation of museums at the sites of the former camps of the Gulag system, primarily about the Memorial Complex of the History of Political Repressions in Kuchino (Perm Krai) better known as Perm-36. The conditions of its emergence and conflicts around the museum are considered, up to the change of its leadership in 2013. Based on the experience with negative heritage in Europe and America and on the works of Lynn Mesell, John E. Tunbridge and Gregory J. Ashworth, the article shows the peculiarities of working with such a heritage in Russia by the example of Perm Krai, where sites of the former concentration camps were preserved. The sites of former Nazi concentration camps in Germany and Poland began to open as museums and memorials as early as the end of the 1940s, whereas in Russia work with the legacy of the Gulag began only after the collapse of the USSR. In the post-Soviet Russia the camps of the Gulag are practically not preserved, since most of them were ruined from time, and the surviving buildings are usually very far from any settlements, especially in the remote areas of northern Siberia. This gives the camp in the village of Kuchino a special value. The main emphasis is on the role played by former prisoners, guards and historians in the formation of the museum. The article raises the problem that different participants of those events remember the past differently, which leads to disputes and conflicts. Thus, in response to the establishment of the memorial complex Perm-36 in 1994 and the story about political repressions suggested there, in the late 1990s, efforts were made to establish a museum on the site

of the former correctional camp VS-389/35 in the settlement of Tsentralny. On May 9, 1998, a museum of the Federal State Institution Correctional Facility No. 35 (FGU IK-35) was opened there. Its exhibition tells the story of the penitentiary institutions and the camp schedule from the point of view of camp staff and employees of the state executive system. In this perspective, prisoners are considered primarily as criminals, regardless of the article on which they were convicted. Despite the fact that Perm-36 in its structure is an analogue of memorial museums on the sites of the former concentration camps of Nazi Germany, the approaches and conditions for its establishment were completely different. In Europe, most of the former camps were restored and transformed into museums at the expense of the Ministries of Culture of Germany, Poland and other countries where the concentration camps were located, while in Russia these were private grassroots initiatives. In addition, the history of the museum Perm-36 differs from the European experience by the composition of the participants in its restoration. Despite the fact that its creators were historians Viktor Shmyrov and Tatyana Kursina, the idea of creating a museum on the territory of the former camp belonged to the head of Correctional Labor Facility No. 35, and for many years the former guard of Correctional Labor Facility No. 36 worked as his guard, which is a unique case, unthinkable when working with Nazi camps.

REFERENCES

1. Meskill, L. (2002) Negative Heritage and Past Mastering in Archaeology. *Anthropological Quarterly*. 75:3.
2. Tunbridge, J.E. & Ashworth, G.J. (1994) *Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict*. Chichester, Sussex, England: John Wiley & Sons Ltd.
3. Moses, S. (2015) *Stigmatized Space: Negative Heritage in Historic Preservation*. Masters Thesis. University of Pennsylvania, Philadelphia, PA.
4. Bardgett, S. (n.d.) *The Imperial War Museum and the history of War*. [Online] Available from: <http://www.history.ac.uk/makinghistory/resources/articles/IWM.html>. (Accessed: 7th April 2017).
5. Yampol'skiy, M. (2013) *Prostranstvennaya istoriya. Tri teksta ob istorii* [Spatial history. Three texts about the history]. St. Petersburg: Knizhnye masterskie; Masterskaya "Seans".
6. Auschwitz.org. (n.d.) *Auschwitz. History of the Memorial*. [Online] Available from: <http://auschwitz.org/en/museum/history-of-the-memorial/>. (Accessed: 10th April 2017).
7. Applebaum, E. (2015) *GULAG*. Translated from English. Moscow: CORPUS.
8. Obukhov, L.A. (2009) Istoriya kolonii, stavshey muzeem [The history of a colony which became a museum]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. XVI. Tomsk.
9. Latypov, R. (2011) *Mesto pamyati Stvor. GULAG v Rossiyskoy pamyati* [Place of memory Stvor. Gulag in the Russian memory]. [Online] Available from: <http://www.pmem.ru/index.php?id=282> (Accessed: 25th March 2017).
10. Shmyrov, V. (2016) *Perm'-36: Reabilitatsiya repressiy* [Perm-36: Rehabilitation of repression]. [Online] Available from: <http://zvzda.ru/columns/5269ae370167>. (Accessed: 15th March 2017).
11. Strafgesetzbuch – StGB § 86a. (n.d.) *Verwenden von Kennzeichen verfassungswidriger Organisationen* [Using marks of unconstitutional organizations]. [Online] Available from: http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_86a.html. (Accessed: 20th April 2017).
12. Edel'man, T. (2008) *Byla li stalinskaya politika "effektivnoy"? Skandaly vokrug novykh uchebnikov po istorii Rossii. Kul'tura. Rossiya – analiz kul'tury* [Was Stalin's policy "effective"? Scandals around new textbooks on the history of Russia. Culture. Russia – the analysis of culture]. Moscow.
13. Putts, M. (2011) *"Vospominaniya i pamyat' v Permskom krae". GULAG v Rossiyskoy pamyati* ["Memories and memory in Perm Krai". Gulag in the Russian memory]. [Online] Available from: <http://pmem.ru/index.php?id=246> (Accessed: 25th March 2017).
14. Tarasova, K. (2012) *Tyuremnye muzei. Khraniteli istorii* [Prison museums. Keepers of history]. [Online] Available from: <http://www.zakonia.ru/analytics/73/52833>. (Accessed: 17th April 2017).
15. Auschwitz.org. (n.d.) *Sources of the Memorial's financing*. [Online] Available from: http://70.auschwitz.org/index.php?option=com_content&view=article&id=80&Itemid=173&lang=en. (Accessed 19th April 2017).
16. Giesen, A. (2015) *Raskolotaya pamyat': otrazhenie konflikta vokrug "Memorial'nogo kompleksa "Perm'-36" v rossiyskikh media* [The Shattered Memory: Reflecting the Conflict around the "Perm-36 Memorial Complex" in Russian Media]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Studies*. 3. pp. 363–376.
17. Gnedovskiy, M. (2013) [Suffering as an exhibit, or Museums of the strict regime]. *Istoriya stalinizma, Prinuditel'nyy trud v SSSR: ekonomika, politika, pamyat'* [History of Stalinism, Forced labor in the USSR: economy, policy, memory]. Proceedings of the international conference. Moscow. 28–29 October 2011. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEEN); Fond "Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina". (In Russian).

Received: 10 February 2018

РЕФОРМА ПОЛИТИКИ СПЛОЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 2013 г.

Статья подготовлена в рамках гранта имени Жана Монне № 561105-EPP-1-2015-1-RU-EPPJMO-CHAIR «Европейский регионализм и политика сплочения ЕС».

Рассматриваются основные новации, внесенные в политику сплочения Европейского Союза реформой 2013 г. Анализируются тематические ориентиры и финансовые параметры политики сплочения, введение системы условий выделения средств, алгоритм заключения Соглашений о партнерстве между странами ЕС и Европейской Комиссией. Оценивается значение тенденций, обозначенных реформой 2013 г., для разработки новой «версии» политики сплочения, обсуждение которой началось в ЕС в 2016–2017 гг.

Ключевые слова: политика сплочения Европейского Союза; стратегия «Европа 2020»; Европейские структурные и инвестиционные фонды; Соглашения о партнерстве.

Политика сплочения Европейского Союза (ЕС), являющаяся ключевым и финансово наиболее «весомым» инструментом сглаживания социально-экономических диспропорций в ЕС, модифицируется каждый раз, когда подходит к концу срок действия очередного многолетнего финансового плана Евросоюза. Реформы политики сплочения проводились в 1988, 1993, 1999, 2006 и 2013 гг.; при этом четыре принципа политики сплочения, заложенные реформой 1988 г. (концентрация, программирование, дополняемость и партнерство), оставались неизменными, но содержательные и территориальные приоритеты, инструменты и механизмы реализации политики сплочения подвергались корректировке, а иногда и существенному пересмотру [1. С. 120–126; 2]. В настоящей статье рассматриваются изменения, внесенные в ходе последней реформы, определившей параметры и содержание политики сплочения на 2014–2020 гг. Эти изменения стали отправной точкой для дискуссий о новой реформе политики сплочения, начавшихся в ЕС в 2016–2017 гг.

Реформа политики сплочения 2013 г. впервые проводилась в условиях финансового кризиса еврозоны и политики жесткой экономии. Переговоры о бюджетных и содержательных характеристиках политики сплочения носили беспрецедентно сложный и затяжной характер. Среди стран ЕС выделились две неформальные группы: «Друзья сплочения» (все страны, вступившие в ЕС в 2000-е гг., Греция, Испания и Португалия) и «Друзья эффективных расходов» (Австрия, Великобритания, Германия, Италия, Нидерланды, Финляндия, Франция Швеция) [3. Р. 52]. Компромисс был достигнут в феврале 2013 г., но Европейский Парламент, согласие которого на принятие многолетнего финансового плана ЕС стало необходимым согласно Лиссабонскому договору, отклонил проект этого документа, заявив о необходимости более гибкого подхода к распределению бюджетных расходов [4]. Это потребовало переговоров между Советом и Парламентом. Только в декабре 2013 г. согласие было достигнуто, и Совет и Парламент приняли новые регламенты о политике сплочения и европейских структурных и инвестиционных фондах (Европейском фонде регионального развития – ЕФРР, Европейском социальном фонде – ЕСФ, Фонде сплочения, Евро-

пейском сельскохозяйственном фонде развития села, Европейском морском и рыболовном фонде) [5].

Бюджет ЕС на 2014–2020 гг. был впервые в истории европейской интеграции сокращен в абсолютном выражении. На политику сплочения было выделено 351,8 млрд евро (32,5% от общей расходной части бюджета ЕС). Стержневой идеей реформы стало обеспечение тесной связи политики сплочения со стратегией «Европа 2020» – концепцией экономического развития ЕС на 2010–2020 гг., принятой в июне 2010 г. Стратегия «Европа 2020», пришедшая на смену потерпевшей неудачу Лиссабонской стратегии, направлена на обеспечение «разумного, устойчивого и всеобъемлющего роста» экономики ЕС, сочетающего инновационное, экологическое, социальное и территориальное измерения [6]. Ее задачи состоят в повышении уровня занятости; сокращении бедности; повышении доступности образования; увеличении инвестиций в науку и технологическое развитие; повышении энергоэффективности и содействии применению технологий, обеспечивающих сокращение выбросов углекислого газа. Соответственно, было выделено 11 тематических целей политики сплочения [5. Р. 343]:

- 1) исследования, технологическое развитие и инновации;
- 2) информационно-коммуникационные технологии;
- 3) конкурентоспособность малого и среднего бизнеса;
- 4) переход к экономике с низким уровнем выбросов углерода;
- 5) адаптация к изменению климата, предотвращение и управление рисками;
- 6) сохранение и защита окружающей среды, содействие эффективному использованию ресурсов;
- 7) транспорт и сетевая инфраструктура;
- 8) занятость и поддержка мобильности трудовых ресурсов;
- 9) социальная интеграция, борьба с бедностью и любыми формами дискриминации;
- 10) инвестиции в образование, профессиональную подготовку и непрерывное обучение;
- 11) повышение административной эффективности органов власти.

ЕФРР финансирует все 11 тематических целей, с акцентом на целях 1–4, для ЕСФ главный приоритет составляют цели 8–11 (хотя поддерживаются и цели 1–4), Фонд сплочения концентрирует ресурсы на целях 4–7 и 11.

Реформа 2013 г. установила две рамочных цели политики сплочения: «Инвестиции для роста и занятости» и «Европейское территориальное сотрудничество». Была существенно пересмотрена территориальная структура политики сплочения. В рамках цели «Инвестиции для роста и занятости» была введена трехъярусная классификация регионов: менее развитые регионы, где ВВП на душу населения составляет менее 75% среднего для ЕС показателя; переходные регионы, с ВВП на душу населения от 75 до 90% среднеевропейского; и более развитые регионы, где этот показатель превосходит 90%. Распределение регионов по категориям было возложено на Еврокомиссию, использовавшую для этого данные 2007–2009 гг. и соответствующий средний показатель для ЕС [5. Р. 347]. Для различных категорий регионов были установлены разные уровни софинансирования из фондов ЕС: до 85% для менее развитых регионов, до 60% для переходных регионов и до 50% для более развитых регионов.

Для трех категорий регионов был установлен разный уровень обязательств, связанных с тематической концентрацией ресурсов. Более развитые регионы должны направить не менее 80% средств ЕФРР на как минимум две из четырех целей стратегии «Европа 2020» (исследования и инновации, информационные и коммуникационные технологии, поддержка малого и среднего бизнеса и переход к экономике с низким уровнем выбросов углерода) и не менее 20% – на последнюю цель. Для переходных регионов эти показатели были установлены соответственно в 60 и 15%, а для менее развитых регионов – в 50 и 12%. Более развитые регионы должны потратить как минимум 80% средств ЕСФ на приоритеты стратегии «Европа 2020»; для переходных и менее развитых регионов эти показатели были установлены в 70 и 60%. Во всех регионах не менее 20% средств ЕСФ должны быть направлены на социальную интеграцию и борьбу с бедностью [7. Р. 6]. Для обеспечения достаточной концентрации ресурсов на этих целях и борьбе с безработицей среди молодежи было зафиксировано, что не менее 23,1% ассигнований, выделенных каждой стране в рамках цели «Инвестиции для роста и занятости», должны составлять средства ЕСФ.

Новые регламенты не изменили статуса Фонда сплочения. Этот инструмент по-прежнему нацелен на финансирование проектов в странах, чей ВВП на душу населения составляет менее 90% от среднего по ЕС [5. Р. 347]. В 2014–2020 гг. этому критерию соответствуют все страны, вступившие в ЕС в 2004 и 2007 гг., Хорватия, вступившая в 2013 г., Греция и Португалия. Фонд сплочения инвестирует в транспорт и окружающую среду, в том числе в проекты, направленные на адаптацию к изменению климата, повышение энергоэффективности и развитие возобновляемых источников энергии.

В политику сплочения была частично включена Инициатива молодежной занятости, программа борь-

бы с безработицей среди молодежи в регионах, где ее уровень превышает 25%. Программа с бюджетом в 6 млрд евро была утверждена Европейским Советом в феврале 2013 г. [8. Р. 23]. Половину средств составили целевые инвестиции ЕСФ, а половину – отдельная категория расходов в рамках политики сплочения. Инициатива молодежной занятости охватывает регионы в 20 странах ЕС (кроме Австрии, Германии, Дании, Нидерландов, Люксембурга, Мальты, Финляндии, Эстонии), а основным ее бенефициаром является Испания.

Для сокращения расходов и более эффективного использования ресурсов реформа 2013 г. понизила предельный объем средств, которые страна может получить в рамках политики сплочения, с 4 до 2,35% ВВП страны-реципиента (до 2,59% для стран, чей средний реальный рост ВВП в 2008–2010 гг. составил менее 1%) [Ibid. Р. 18]. Был восстановлен «резерв эффективности», существовавший в 2000–2006 гг., но упраздненный реформой 2006 г. В «резерв» отошли 6% ассигнований Фондов, выделенных каждой стране в рамках цели «Инвестиции для роста и занятости» [5. Р. 347–349]. В 2019 г. Еврокомиссия, на основании предложений национальных правительств, проведет распределение резерва в пользу программ, показавших наибольшую эффективность.

Главным бенефициаром политики сплочения на 2014–2020 гг. осталась Польша, чья доля бюджетного «пирога» увеличилась почти на 10 млрд. евро. Только для четырех стран, Польши, Болгарии, Румынии и Словакии, ассигнования в рамках политики сплочения возросли в абсолютном выражении.

Реформа 2013 г. внесла существенные коррективы в механизм реализации политики сплочения, в целом направленные на усиление контроля Еврокомиссии над расходованием средств. К регламенту Фондов, принятому Советом и Парламентом в рамках обычной законодательной процедуры, были приложены «Общие стратегические рамки» – документ, заменивший существовавшие ранее «Стратегические ориентиры Сообщества».

«Общие стратегические рамки» определяют «механизмы, обеспечивающие вклад Фондов в стратегию разумного, устойчивого и всеобъемлющего роста, согласованность и последовательность в программировании деятельности Фондов»; «положения, обеспечивающие интегрированное использование Фондов»; «положения о координации между Фондами и другими сферами деятельности и инструментами ЕС»; «горизонтальные принципы» и «кросс-секторальные цели деятельности Фондов»; «положения, касающиеся работы над ключевыми территориальными вызовами, стоящими перед городскими, сельскими, прибрежными районами и районами рыболовства, демографическими вызовами регионов или особыми потребностями географических районов, которые страдают от серьезных и постоянных препятствий своему развитию, обусловленных природными или демографическими факторами» [Ibid. Р. 344].

Еврокомиссия была наделена правом самостоятельно дополнять и изменять разделы «Общих стратегических рамок», касающиеся координации между

Фондами и другими сферами деятельности и инструментами ЕС. Кроме того, в случае «значительных перемен в экономической и социальной ситуации в Союзе» или внесения изменений в Стратегию «Европа 2020» Еврокомиссия получила право инициировать пересмотр «Общих стратегических рамок» [5. Р. 344].

Важнейшим нововведением стало принятие множества условий выделения средств Фондов. Был утвержден ряд условий *ex ante* (предварительных условий), связанных с наличием в странах ЕС тщательно проработанных стратегических и политических документов, раскрывающих принятые в ЕС положения и ориентиры, регламентов, обеспечивающих реализацию операционных программ в соответствии с законодательством ЕС, а также призванных гарантировать обеспеченность центральных и региональных органов власти и органов местного самоуправления, реализующих программы, адекватными административными и институциональными ресурсами. Были приняты 7 общих и 29 тематических условий *ex ante*, относящихся к конкретным секторам. Если эти условия не были выполнены ко времени принятия операционных программ, в программы включались планы действий по достижению условий *ex ante* к концу 2016 г. Невыполнение планов могло послужить основанием для приостановки Еврокомиссией финансирования операционной программы. Под условиями *ex post* понимались «рубежные показатели», связанные со Стратегией «Европа 2020», зафиксированные в Соглашениях о партнерстве. Проверка их выполнения была намечена на 2019 г., и отрицательный результат может привести к приостановке или прекращению ассигнований [Ibid. Р. 438–456].

Кроме того, политика сплочения была впервые увязана с макроэкономическими условиями (ранее положение о возможности приостановки финансирования из-за невыполнения макроэкономических показателей фигурировало только в регламенте Фонда сплочения). Невыполнение странами рекомендаций Совета, касающихся исправления макроэкономических дисбалансов (например, сокращения бюджетного дефицита или уровня государственного долга), может послужить основанием для приостановки выплат. Решение о приостановке должно приниматься Советом на основании предложения Еврокомиссии [Ibid. Р. 349–352]. Эта новация была негативно воспринята Комитетом регионов ЕС, региональными ассоциациями и рядом национальных правительств.

Главным документом реализации политики сплочения, согласно реформе 2013 г., стали Соглашения о партнерстве. Был утвержден следующий алгоритм их заключения: проекты соглашений разрабатываются правительствами стран ЕС в сотрудничестве с субнациональными (региональными и / или местными) и негосударственными партнерами и в диалоге с Еврокомиссией. Затем документы предоставляются Еврокомиссии, которая проверяет их соответствие регламентам и «Общим стратегическим рамкам» и может запросить дополнительную информацию или предложить скорректировать документ. В течение четырех месяцев после получения проекта Соглашения Еврокомиссия, при условии, что ее замечания учтены, должна одобрить документ [Ibid. Р. 344–346].

Соглашения о партнерстве содержат, прежде всего, положения, обеспечивающие соответствие использования средств Структурных и инвестиционных фондов целям «Стратегии 2020» и экономического, социального и территориального сплочения (анализ потребностей и потенциала развития, в увязке с тематическими и территориальными целями политики сплочения; общая оценка предложенных операционных программ; список выбранных тематических целей и ожидаемых результатов; примерные суммы ассигнований на каждую цель из каждого Фонда; список программ, поддерживаемых Фондами, с указанием примерных ежегодных ассигнований из каждого Фонда для каждой программы). Кроме того, Соглашения содержат положения, обеспечивающие эффективную реализацию программ, в том числе о координации между Фондами и другими сферами деятельности ЕС, соблюдении принципа дополнительности, оценке выполнения условий *ex ante*, оценке административных возможностей управляющих органов, реализующих программы, и списки измеримых индикаторов или «рубежных показателей» для каждого приоритета операционной программы, согласованные национальным правительством и Еврокомиссией [5. Р. 344–346].

После утверждения Соглашений о партнерстве все страны ЕС в течение трех месяцев разрабатывают операционные программы и подают их в Еврокомиссию. Последняя оценивает программы с точки зрения их соответствия регламентам, тематическим целям и Соглашению о партнерстве. В течение последующих трех месяцев Еврокомиссия должна сформулировать свои замечания; она вправе запросить дополнительную информацию и предложить корректировку программ. В течение шести месяцев со дня подачи операционной программы Еврокомиссия, при условии учета ее замечаний и рекомендаций, должна одобрить документ. Программы реализуются национальными властями и регионами, а мониторинг и контроль осуществляются Еврокомиссией и национальным правительством [Ibid. Р. 353–355].

Таким образом, основным содержанием реформы 2013 г. стали введение системы условий выделения странам и регионам средств Структурных и инвестиционных фондов ЕС и ужесточение финансовой дисциплины. Контекст для обсуждения параметров новой реформы европейской финансовой системы в целом и политики сплочения в частности задал миграционный кризис, поразивший Евросоюз в 2015–2016 гг., начавшийся процесс выхода Великобритании из ЕС и конфликт между правительством Польши и Еврокомиссией, констатирующей нарушение Варшавой принципа верховенства права и предложившей Совету ЕС принять соответствующие меры [9]. В связи с предстоящим сокращением бюджета ЕС после выхода Великобритании из Союза (по экспертным оценкам, на 10,2 млрд евро в год [10. Р. 7]) и явным недовольством стран Западной и Южной Европы отказом стран Центральной Европы внести вклад в разрешение миграционного кризиса, звучали предложения о сокращении бюджета политики сплочения, увязке выделения средств с политикой стран в отношении

мигрантов и беженцев и отходе от традиционного принятия уровня ВВП на душу населения за основной критерий, определяющий распределение средств [11. Р. 5–7].

Еврокомиссия, обычно выступающая главным «адвокатом» политики сплочения, намекнула, что частью расходов на последнюю, возможно, придется пожертвовать. Еврокомиссар Г. Эттингер, известный тесными связями с руководством Германии, предложил обсудить возможность введения «политических» условий выделения странам ЕС средств Структурных и инвестиционных фондов [12], что дало бы Брюсселю мощный рычаг воздействия на Варшаву и Будапешт. Польские официальные лица, со своей стороны, стали делать заявления, приравнивающие платежи из Фондов ЕС едва ли не к возмещению ущерба за потери страны во Второй мировой войне [13]. Очевиден «кризис доверия» между странами-донорами, счита-

ющими, что страны-бенефициары не проявляют должного уровня европейской солидарности, и странами-бенефициарами, полагающими, что на них пытаются оказать политическое давление, используя зависимость от Структурных и инвестиционных фондов, тогда как их права на получение соответствующих выплат безусловны и зафиксированы в основополагающих документах ЕС. В этой связи можно спрогнозировать, что переговоры о параметрах политики сплочения на первую половину 2020-х гг. будут сопровождаться беспрецедентной политизацией проблематики, публичностью и эмоциональной окраской, а наметившаяся в 2013 г. тенденция к сокращению ассигнований, ужесточению финансовой дисциплины, умножению количества условий выделения помощи и расширению контролирующих полномочий Еврокомиссии усилится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яровой Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб. : Норма, 2007.
2. Baun M., Marek D. Cohesion Policy in the European Union. L. ; N.Y. : Palgrave, 2014.
3. European Policy Center. The State of Play on the EU Multiannual Financial Framework (MFF) 2014–2020 Interinstitutional Negotiations. URL: <https://cor.europa.eu/en/documentation/studies/Documents/state-of-play-on-the-eu-mff-2014-2020-interinstitutional-negotiations.pdf>
4. European Parliament. Resolution of 13 March 2013 on the European Council Conclusions of 7/8 February 2013 concerning the Multiannual Financial Framework. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef>
5. Regulation (EU) № 1303/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 laying down common provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the Cohesion Fund, the European Agricultural Fund for Rural Development and the European Maritime and Fisheries Fund and laying down general provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the Cohesion Fund and the European Maritime and Fisheries Fund and repealing Council Regulation (EC) № 1083/2006. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content>
6. European Commission. Europe 2020. A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth. 3 March 2010. URL: [http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET_EN_BARROSO_007 - Europe 2020 - EN version.pdf](http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET_EN_BARROSO_007_-_Europe_2020_-_EN_version.pdf)
7. European Parliament. The Current Key Topics of Cohesion Policy. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/PERI/2017/606779/IPOL_PERI\(2017\)606779_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/PERI/2017/606779/IPOL_PERI(2017)606779_EN.pdf)
8. European Council. Conclusions (Multiannual Financial Framework), February 8, 2013. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/135344.pdf
9. European Commission. Press Release. Rule of Law: European Commission Acts to Defend Judicial Independence in Poland. Brussels, 20 December 2017. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-5367_en.htm
10. European Parliament. Possible Impact of Brexit on the EU Budget and, in particular, CAP Funding. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/602007/IPOL_STU\(2017\)602007_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/602007/IPOL_STU(2017)602007_EN.pdf)
11. European Regional Policy Research Consortium. Reshaping the EU Budget and Cohesion Policy: carrying on, doing less, doing more, or radical redesign? Glasgow : University of Strathclyde, 2017.
12. EUobserver. Political Conditions for EU Funds Prompt Debate. URL: <https://euobserver.com/institutional/138354>
13. The Economist. Poland's Ruling Party Picks a Fight with Germany. URL: <https://www.economist.com/news/europe/21726708-raising-question-reparations-may-not-be-sensible-move-polands-ruling-party-picks-fight>

Статья представлена научной редакцией «История» 17 января 2018 г.

THE EUROPEAN UNION'S COHESION POLICY REFORM OF 2013

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 188–192.

DOI: 10.17223/15617793/428/25

Evgeny F. Troitskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eft@rambler.ru

Keywords: cohesion policy of the European Union; “Europe 2020” Strategy; European Structural and Investment Funds; Partnership Agreements.

The paper aims at highlighting and analyzing the main changes introduced into the EU cohesion policy by the reform of 2013 and assessing their implications for the new round of the cohesion policy future debate launched in the EU in 2016–2017. To this end, the social and economic context of the 2013 reform is evoked, its territorial objectives and thematic priorities are highlighted, and changes to the activities of European Structural and Investment Funds and the new mechanisms of policy implementation are analyzed. Attention is also focused on the background of the new debate on the EU budget and cohesion policy reform. The research relies on the comparative historical analysis of the stages of the cohesion policy evolution. Methods of the analysis of documents, political discourse analysis as well as the descriptive method are used. The original sources include EU regulations, documents of the European Commission, the European Parliament, the European Council, the Committee of the Regions, materials of mass media and news agencies. The author's conclusions are as follows. The reform of 2013 was the first one negotiated under the conditions of the Eurozone crisis and austerity policies. Its main idea was linking cohesion policy with the “Europe 2020” Strategy aimed at stimulating the economic growth and increasing the global competitiveness of the European economy. Eleven thematic priorities of cohesion policy were formulated to reflect the Strategy's objectives. The reform introduced a three-tier classification of regions into more developed, transition and less developed. Different levels of co-financing from the EU Funds as well as different levels of obligations concerning the thematic concentration of resources were established for different categories of the regions. The absorption rate, i.e. the maximum

percentage of allocations a country can receive from the Funds, was lowered from 4 % to 2.35 % of gross national income. A “performance reserve” was also introduced allowing the European Commission to re-distribute part of the resources in favor of development programs recognized as most successful. The author believes that a major innovation was the introduction of a number of conditions linked with the disbursement of funds, including macroeconomic indicators. Partnership Agreements between every member state and the Commission became a new basic document regulating the policy implementation. Partnership Agreements were designed to allow the Commission’s reinforced control over the implementation of cohesion policy at country and regional levels. The debate on the parameters of EU cohesion policy in the 2020s began in 2016–2017 within the context of the migration crisis, the negotiations on the exit of one of the major EU donors and the conflict between the European Commission and the government of Poland, the largest beneficiary of cohesion policy. It might be argued that the donor countries would try to further implement the policies of reduced allocations and tighter disbursement conditions and would meet with the recipients’ increased opposition.

REFERENCES

1. Yarovoy, G.O. (2007) *Regionalizm i transgranichnoe sotrudnichestvo v Evrope* [Regionalism and cross-border cooperation in Europe]. St. Petersburg: Norma.
2. Baun, M. & Marek, D. (2014) *Cohesion Policy in the European Union*. London; New York: Palgrave,
3. European Policy Center. (2014) *The State of Play on the EU Multiannual Financial Framework (MFF) 2014–2020 Interinstitutional Negotiations*. [Online] Available from: <https://cor.europa.eu/en/documentation/studies/Documents/state-of-play-on-the-eu-mff-2014-2020-interinstitutional-negotiations.pdf>.
4. European Parliament. (2013) *Resolution of 13 March 2013 on the European Council Conclusions of 7/8 February 2013 concerning the Multiannual Financial Framework*. [Online] Available from: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef>.
5. European Parliament & European Council. (2013) *Regulation (EU) 1303/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 laying down common provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the Cohesion Fund, the European Agricultural Fund for Rural Development and the European Maritime and Fisheries Fund and laying down general provisions on the European Regional Development Fund, the European Social Fund, the Cohesion Fund and the European Maritime and Fisheries Fund and repealing Council Regulation (EC) 1083/2006*. [Online] Available from: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content>.
6. European Commission. (2010) *Europe 2020. A Strategy for Smart, Sustainable and Inclusive Growth*. March 3. [Online] Available from: <http://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf>.
7. European Parliament. (2017) *The Current Key Topics of Cohesion Policy*. [Online] Available from: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/PERI/2017/606779/IPOL_PERI\(2017\)606779_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/PERI/2017/606779/IPOL_PERI(2017)606779_EN.pdf).
8. European Council. (2013) *Conclusions (Multiannual Financial Framework)*. February 8. [Online] Available from: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/135344.pdf.
9. European Commission. (2017) *Press Release. Rule of Law: European Commission Acts to Defend Judicial Independence in Poland*. Brussels, December 20. [Online] Available from: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-5367_en.htm.
10. European Parliament. (2017) *Possible Impact of Brexit on the EU Budget and, in particular, CAP Funding*. [Online] Available from: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/602007/IPOL_STU\(2017\)602007_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/602007/IPOL_STU(2017)602007_EN.pdf).
11. European Regional Policy Research Consortium. (2017) *Reshaping the EU Budget and Cohesion Policy: carrying on, doing less, doing more, or radical redesign?* Glasgow: University of Strathclyde.
12. EUobserver. (2017) *Political Conditions for EU Funds Prompt Debate*. [Online] Available from: <https://euobserver.com/institutional/138354>.
13. The Economist. (2017) *Poland’s Ruling Party Picks a Fight with Germany*. August 17. [Online] Available from: <https://www.economist.com/news/europe/21726708-raising-question-reparations-may-not-be-sensible-move-polands-ruling-party-picks-fight>.

Received: 17 January 2018

ИЗ ЖИЗНИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА Г. ТОМСКА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «СОБЕСЕДОВАНИЯ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВОПРОСАМ ФИЗИКИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ С НЕЮ ОТРАСЛЕЙ ЗНАНИЯ»

*Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России
(проект № 33.1687.2017/4.6).*

На материалах архивных документов, источников личного происхождения и периодической печати рассматривается история «Собеседований по физике», организованных в Томске в 1918–1920 гг. будущим академиком Н.Н. Семеновым. Анализируется тематика докладов, прослеживаются судьбы участников собеседований, среди которых были будущие академики и профессора. Делается вывод, что «собеседования» стали организационным инструментарием культурного обмена в научном сообществе г. Томска времен Гражданской войны.

Ключевые слова: Н.Н. Семенов; Томск; университет; Гражданская война; научное сообщество; собеседования по физике.

В истории научного сообщества г. Томска революционные события 1917 г. открыли новую страницу. Тяжелые социально-экономические условия и экстремальная повседневность профессоров и преподавателей вузов города – таков фон, на котором развивались важные для этого старейшего культурного центра Северной Азии события.

Летом 1917 г. было окончательно принято решение о запланированном еще при царской власти открытии в составе Томского университета двух новых факультетов – историко-филологического и физико-математического (ранее Императорский Томский университет функционировал в составе медицинского и юридического факультетов, а до 1898 г. – в составе одного медицинского). Октябрьские события в Петрограде привели к консолидации интеллектуальной элиты города: подавляющая часть вузовской интеллигенции города осудила большевиков (более подробно см.: [1]). Позднее многие томские профессора (В.В. Сапожников, В.Н. Саввин, С.П. Мокринский и др.) заняли ответственные должности в белых правительствах, законодательных и судебных органах [2. С. 5].

После свержения советской власти в городе летом 1918 г. существенно изменилась жизнь Томского университета, Томского технологического института (далее – ТТИ) и Сибирских высших женских курсов. Заметно ухудшилось финансирование, практически не поступало нового оборудования для кабинетов и лабораторий, а учебные помещения, клиники и общежития университета нередко использовались для размещения войск, госпиталей, различных эвакуированных учреждений [Там же]. Доцент ТГУ Е.Н. Аравийская, которая в то время была студенткой физико-математического факультета университета, вспоминала о тревожной атмосфере тех лет: выстрелах по ночам, слухах об обысках и арестах. Ее саму, как она пишет, однажды «чуть было не застрелил пьяный белый офицер возле университетской ограды». «Часть северного крыла главного корпуса, – вспоминала Аравийская об университете осени 1918 г., – была взята под постой колчаковских войск, часть южного крыла занята беженцами» [3. С. 23].

Непростой в те годы была и студенческая жизнь. Общежития были почти недоступны. Из-за этого в

небольшом городе «каждый иногородний должен был устраивать свой быт, как мог, снимая комнату или угол у частных лиц» [3. С. 24], что было тогда весьма проблематично. Практически невозможно было достать учебники и научную литературу. Библиотека геометрического кабинета при физико-математическом факультете комплектовалась частично из личных книг профессоров.

При всем этом наблюдался большой наплыв студентов в томские вузы. Так, например, в 1919 г. в Томском университете обучались около 5 тыс. студентов [2. С. 6]. В целом можно сказать, что депрессивная картина, обрисованная выше, контрастно выделялась на фоне позитивных явлений в жизни местного научного сообщества. Вопреки максиме «Когда говорят пушки, музы молчат», сколь это ни парадоксально, Томск в период Гражданской войны переживал время культурного расцвета.

В сентябре 1918 г. в связи с отступлением белой армии из Казани часть преподавателей, студентов и учебно-вспомогательного персонала Казанского университета была эвакуирована в Томск. По постановлению Временного сибирского правительства ряд профессоров, доцентов, ассистентов этого вуза был прикомандирован к Томскому университету для чтения лекций и ведения практических занятий. Среди них были профессора Б.Е. Будде, Н.А. Вырубов, В.В. Чирковский, В.Ф. Залесский, А.А. Смолин и др. [4. Л. 612, 613, 627, 722, 723, 728, 730, 732].

В январе 1919 г. в актовом зале библиотеки Томского университета проходил съезд по организации Института исследования Сибири. Томск был избран местом его проведения по инициативе профессора В.В. Сапожникова как «наиболее богатый научными силами центр». Из 240 членов съезда 199 представляли этот город (включая беженцев из Петрограда, Казани и других городов). Остальные были из Омска и 14 других городов Сибири, от Екатеринбурга до Хабаровска. За недолгий период существования института в нем, при ограниченных финансовых и материальных возможностях, в сложнейших условиях были налажены планирование и координация научных работ, ведшихся на территории Сибири, выполнен целый ряд работ в самых разных областях знания, от

естественных до гуманитарных [5. С. 8–9, 43]. Более подробно картина состояния и развития науки Томска в годы Гражданской войны нашла освещение в монографии профессора С.А. Некрылова [6].

Летом 1919 г. местное научное сообщество усилилось профессорами и преподавателями Пермского университета, эвакуированными в Томск, после чего они активно включились в учебный и научный процесс. Среди них, в частности, были профессор Б.Л. Богаевский, будущие академики А.А. Заварзин, С.П. Обнорский, Г.А. Шайн, И.М. Виноградов. На объединенном заседании профессоров Томского и Пермского университетов было принято решение, что последний не будет производить набор студентов на 1-й курс, а студентам 2-го и 3-го курсов предлагалось перейти в Томский университет [3. С. 23].

К тому времени в Томске уже почти год жил и работал Николай Николаевич Семенов (1896–1986). Будущий академик и Нобелевский лауреат, а тогда – молодой, подающий надежды выпускник физико-математического факультета Петроградского университета, ученик приват-доцента А.Ф. Иоффе, успевший за время обучения опубликовать несколько научных статей, в Томске нашел возможность «вновь отдаться научной работе». История того, как он попал в этот сибирский город, достойна приключенческой повести, с элементами и фарса, и трагедии.

После окончания Петроградского университета с дипломом первой степени Н.Н. Семенов был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. Вплоть до лета 1918 г. он всецело был погружен в научную работу, после чего отправился в отпуск к родителям в Самару. Там его застал Чехословацкий мятеж, и будущий великий ученый своими глазами наблюдал начало Гражданской войны. Семенов позднее признавался: «Будучи увлечен научной работой, я мало интересовался политикой и в событиях разбирался плохо».

Так или иначе в Самаре он добровольцем поступил на службу в Народную армию Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч) и был распределен солдатом-коноводом в артиллерийскую батарею. В течение месяца длилась его армейская служба, из них три недели – непосредственно на фронте. После этого Семенов, осознав, что «никаких стимулов для борьбы с большевиками у него нет» и что нужно «как-нибудь выбираться из той грязной истории, в которую он попал по собственному недомыслию», добился отпуска для визита к больному отцу, жизнь которого вскоре прервалась. Получив затем назначение в формирующуюся Уфимскую батарею, он отправился прямо в Томск, «дезертировав таким образом из белой армии». Это был сентябрь 1918 г. [7. С. 81–82].

Перед Н.Н. Семеновым предстал старый провинциальный университетский центр, обладавший для него важным преимуществом, – здесь можно было работать. Действительно, для оказавшихся в Томске по воле судьбы ученых работа в местных вузах была возможностью сохранить свои профессиональные навыки. Вскоре после приезда Н.Н. Семенова профессор по кафедре физики Томского технологического

института Б.П. Вейнберг (по совместительству с 1917 г. он был профессором физико-математического факультета Томского университета) «тотчас же» предоставил ему возможность работать в лабораториях института. А 15 февраля 1919 г., после открытия вакансии, по представлению ректора Томского университета профессора-физика А.П. Поспелова Семенов был избран советом физико-математического факультета младшим ассистентом и приступил к преподаванию на нем, рассчитывая в скором времени сдать магистерский экзамен (по имеющимся сведениям, он этого так и не сделал) [8. С. 360].

В это время в университете был организован целый ряд семинаров и кружков. Несмотря на то что тогда практически отсутствовал какой-либо контроль за студентами (не контролировалось, в том числе, и посещение лекций), а многие профессора даже не проводили консультаций, учащиеся вузов проявляли интерес к научным мероприятиям. Учеба и первые знакомства с наукой занимали у них подчас весь день. Для многих из них это стало своеобразным стартом в научной деятельности. Профессор Ф.Э. Молин, который в 1918 г. из технологического института перешел в университет, организовал для студентов семинары по теории поверхностей и дифференциальной геометрии, профессор А.П. Поспелов – физический кружок, профессор В.Л. Некрасов – математический кружок.

В памяти студентов университета период Гражданской войны запомнился как время уникального по своему содержанию культурного обмена, когда лекции по определенным интегралам и сферической тригонометрии читал профессор Казанского университета Н.И. Порфирьев, а практические занятия по астрономии вел еще молодой Г.А. Шайн. Сохранился в их памяти и образ Н.Н. Семенова. Е.Н. Аравийская вспоминала: «Очень часто в физической лаборатории университета можно было увидеть Николая Семенова, худощавого молодого человека, впоследствии академика и Нобелевского лауреата» [3. С. 23].

Благодаря его инициативе по руководству «наиболее талантливой студенческой молодежью» у студентов появилась возможность сделать первые шаги в науке. Среди них были будущие профессора В.М. Кудрявцева, М.А. Большанина и академик А.А. Баландин. Большанина позднее отмечала, что в студенческих семинарах, организованных Семеновым на физико-математическом факультете, «некоторые студенты за время обучения сделали по 20–30 докладов» [9. Л. 6]. Возглавлял он и кружок, в котором вместе со студентами они решали физические задачи. М.А. Большаниной Семенов запомнился как «скромный молодой ассистент», который, «несмотря на свою молодость, поражал эрудицией и энтузиазмом» и «впервые открыл» перед ними «большую науку». Н.Н. Семенова она вспоминала не только как начинающего ученого, но и как человека, который относился к ним «необыкновенно просто» и «не прочь был вместе совершить прогулку в лес или на реку» [10. 1967. 10 апр.].

Заметным явлением в жизни местного научного сообщества стали организованные Семеновым «Собеседования (по сути, речь идет о научном семинаре. – С.Ф., А.С.) по отдельным вопросам физики и сопре-

дельных с нею отраслей знания». Ранее Н.Н. Семенов уже имел опыт организации подобных мероприятий. В 1915 г. он совместно с И.В. Обреимовым (также впоследствии академиком) стал заведовать кружком молодых физиков, созданным в Петербургском университете еще в 1908 г. по инициативе П.С. Эренфеста [8. С. 361–362].

Всего с 17 октября 1918 г. по 6 марта 1920 г. состоялось 40 собеседований. Носили они публичный характер и проходили чаще всего по воскресеньям в 10.30, реже (в основном после 27 сентября 1919 г.) в будние дни в 5 или в 6 часов вечера, как правило, в физической лаборатории, а порой и в большой физической аудитории Томского технологического института.

Изложение докладов на собеседованиях шло в русле «знакомства с общим курсом физики в высшей школе» [11. 1918 г. 17 окт.]. Изначально, по всей видимости, планировалось провести собеседования в течение определенного срока – зимы 1918–1919 гг. Затем, однако, они стали регулярными.

Объявления о собеседованиях заранее размещались на страницах местных газет «Сибирская жизнь» и «Народная газета», а с 26 декабря 1919 г., т.е. после восстановления в городе советской власти, – в газете «Знамя революции» (в январе 1920 г. она выходила под названием «Сибирский коммунист»). В газетных материалах отсутствуют сведения лишь о 29-м собеседовании.

Проходили они в основном 3–5 раз в месяц. Однако, например, после 25-го собеседования, состоявшегося 6 апреля 1919 г., газета «Сибирская жизнь» сообщила, что семинары прерываются до 27 апреля [12. 1919. 12 апр.]. Связано это, судя по всему, было с перипетиями в жизни самого Н.Н. Семенова, который еще в марте того года получил повестку о призыве в армию адмирала Колчака. Понадобилось время, чтобы на основании ходатайства ректора университета и Постановления Совета Министров от 4 марта 1919 г. Особое совещание при Главном штабе 27 апреля освободило Н.Н. Семенова, наряду с другими преподавателями университета, от призыва в армию [8. С. 362]. В тот же день состоялось 26-е собеседование. Свои доклады на нем представили В.Д. Кузнецов («Радиоактивное излучение земли и обыкновенных веществ») и Б.П. Вейнберг («О множественности объяснения физических явлений») [12. 1919. 26 апр.].

Следующее, 27-е, собеседование состоялось после длительного перерыва – в конце августа 1919 г. И возобновились они, судя по всему, без Семенова. Летом, во время поездки во Владивосток, он был вынужден обратиться в правление Томского университета с просьбой переслать ему удостоверение об освобождении его от воинской повинности. В сентябре он все же был мобилизован в артиллерийский дивизион Белой армии. Позднее, после прихода в Томск частей Красной армии, он оказался в составе Томских радиотелеграфных мастерских [8. С. 362].

4 января 1920 г. Н.Н. Семенов выступил на 38-м собеседовании, которое было проведено как объединенное заседание физико-математических обществ при Томском и Пермском университетах (в том же форма-

те прошло и 39-е собеседование [13. 1920. 25(12) янв.]) с докладом «К теории электрической проводимости твердых и жидких тел» [Там же. 3 января]. 31 января после ходатайства ректора Томского университета приказом начальника Томских радиотелеграфных мастерских и склада радиобазы 5-й Красной армии Н.Н. Семенов был освобожден от военной службы и «откомандирован в распоряжение университета» [8. С. 362].

Остановимся на анализе состава докладчиков. В повестке дня каждого собеседования заявлялось по 1–2 доклада. Всего в 40 семинарах в качестве докладчиков приняли участие 19 человек. Среди них был и почтенный ученый профессор Б.П. Вейнберг, однако в массе своей доклады делали молодые исследователи и преподаватели, а порой и студенты (В.М. Кудрявцева). Почти все они в дальнейшем состоялись в науке.

Среди участников семинаров было четыре будущих академика. Кроме Н.Н. Семенова, это основатель томской школы физики твердого тела В.Д. Кузнецов, известный астроном Г.А. Шайн (выступал с докладом «Таяние полярных покровов на Марсе в связи с изменением деятельности на солнце» [13. 1920. 25(12) янв.]) и Г.С. Ландсберг, ставший позднее автором одного из канонических школьных учебников по физике. Последний выступал на собеседовании с докладом «Принцип Доплера в связи с теорией относительности» [12. 1919 г. 27 ноября].

10 докладчиков в дальнейшем стали профессорами. Так, на 32-м собеседовании с докладом «О свечении сернистом цинке» выступил будущий профессор, крупный специалист в области отечественной радиологии, геофизики и радиохимии, в советские годы в течение почти 20 лет руководивший радиологической лабораторией, Л.Н. Богоявленский. В Томск он попал в июле 1919 г. вместе с отступающей Белой армией. До этого Богоявленский занимался организацией промышленной переработки радиевого сырья на базе Березняковского содового завода. В 1920–1921 гг. Богоявленский занимался вопросами радиометрической съемки территории Сибири. Затем перебрался в Петроград [14].

С докладом «Динамо-машина с точки зрения использования материала» 22 марта 1919 г. выступил приват-доцент механического факультета ТТИ В.М. Хрущев. В 1930-е гг. он стал одним из организаторов Института энергетики АН УССР и первым его директором (с 1939 г.). В том же году Хрущев был избран действительным членом АН УССР.

На 10-м собеседовании выступал М.А. Великанов (в 1919–1920 гг. преподавал в ТТИ), в дальнейшем один из основоположников гидрологии суши и учения о русловых процессах, член-корреспондент АН СССР.

Были среди выступавших и математики. Это Р.О. Кузьмин (выступал 4 января 1920 г. с докладом «О некоторых арифметических особенностях аналитических функций»), который в 1918–1921 гг. был старшим ассистентом кафедры механики Пермского университета (с 1921 г. – профессор), а после его эвакуации по совместительству преподавал в Томском технологическом институте. В 1946 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР. Математик

В.П. Зылев (выступал 27 декабря 1919 г. с докладом «Задача, обратная краткому определенному интегралу, и решение интегрального уравнения Фредгольма в частности») известен как первый заведующий Томским рабфаком (1920–1921). В дальнейшем, с 1923 г. по 1952 г., он был профессором, а также исполнял обязанности заведующего кафедрой высшей математики Московского института инженеров железнодорожного транспорта имени И.В. Сталина.

Старший ассистент И.А. Соколов (делал доклад по атомной физике) в 1924 г. был утвержден профессором по кафедре физики ТТИ. В 1921 г. профессором Сибирского сельскохозяйственного института стал В.Д. Дудецкий, сделавший в ходе собеседований три доклада. В том же году он перешел в Сибирскую сельскохозяйственную академию, а позднее – в Ярославский педагогический институт.

С.А. Арцыбашев, выступавший в Томске на двух собеседованиях (доклады об опытах отраженных молекул и по электродинамике), в 1919 г. возглавил кафедру физики на открытом физико-математическом факультете Иркутского университета. Вел научные исследования в области радиоактивности водных источников и минералов, лечебных грязей. С этой целью он обследовал более десятка курортов и различных мест Сибири [15. С. 120].

В.А. Ульянин (доклад «О способах незатухающих колебаний») еще в 1920 г. был избран профессором кафедры физики и физической географии Казанского университета. В 1921 г. он выступил как создатель Электротехнического института в Казани, состоял председателем его Совета [16].

Наконец, нельзя не упомянуть и будущего профессора Томского государственного университета В.М. Кудрявцеву, одну из первых женщин-профессоров, докторов физико-математических наук. Вот как позднее она вспоминала о своем участии в собеседовании: «Помню своей первый доклад “О теплостатических зондах» она выступала на семинаре 5 января 1919 г. [11. 1919. 3 янв.]

Больше всего докладов (по 11) презентовали В.Д. Кузнецов и сам Н.Н. Семенов. Б.П. Вейнберг на протяжении 1918–1919 гг. сделал 10 докладов, темы которых разнились от экспериментальных наблюдений («Об установлении веса наблюдения и о применении графических способов для выражения результатов наблюдения рациональной и эмпирической формулами») [Там же. 1918. 17 нояб.] до более глобальных проблем физики того периода («О множе-

ственности объяснений физических явлений по Пуанкаре и Михельсону») [12. 1919. 26 сент.], что вполне отражало широкие научные интересы профессора, который занимался и физикой твердого тела (направление, в дальнейшем развитое В.Д. Кузнецовым), и магнетизмом, и аэротехникой [17. С. 60–61].

В целом, как уже ясно из всего вышесказанного, тематическое и проблемное поле докладов, представленных в ходе 40 собеседований, было достаточно широким и охватывало различные разделы физики, от механики до атомной физики. Выступавшие затрагивали также темы из области астрономии и математики.

После смены власти в городе собеседования постепенно стали изживать себя: в декабре 1919 г. состоялось только одно собеседование, в январе 1920 г. – два. Вечером 6 марта состоялось последнее, 40-е, собеседование. На нем с докладом «Работа Ратнера о подвижности отрицательных ионов при больших электрических силах» выступил Н.Н. Семенов. Еще 9 февраля ему был на год продлен срок поручений ассистента по кафедре физики Томского университета. В марте того же года он был избран в число преподавателей Пермского университета. Однако согласился он на предложение, поступившее от его учителя А.Ф. Иоффе, возглавить лабораторию электронных явлений в физико-техническом отделе Государственного рентгенологического и радиологического института в Петрограде.

Николай Николаевич в дальнейшем сохранил добрую память о своем пребывании в Томске и поддерживал с местными учеными тесные связи. Некоторые из участников «собеседований», в частности М.А. Большанина, Е.Н. Аравийская, А.А. Баландин и В.М. Кудрявцева, через некоторое время после его отъезда в мае 1920 г. в Петроград получили предложение перейти на работу в тот же институт. Во второй половине 1920-х гг. Семенов сыграл не последнюю роль в открытии Сибирского физико-технического института при ТГУ, одним из первых поддержав эту идею, выдвинутую его коллегой профессором В.Д. Кузнецовым. В письме последнему Семенов писал: «Рад, что смог, хотя отчасти, отблагодарить Томск за его бывшее гостеприимство» (цит. по: [8. С. 362]).

В заключение отметим, что на примере томского научного сообщества мы можем убедиться, что вопреки закономерностям всплески коллективной научной активности происходят порой в тревожные и беспокойные времена. Ученые, будто забывая о происходящем вокруг, в такие моменты мобилизуют свой потенциал по самоорганизации. Собеседования Н.Н. Семенова по отдельным вопросам физики и сопредельных с ней отраслей знания стали важным инструментарием культурного обмена, одним из ярких и по-настоящему удивительных эпизодов социально-культурной истории научного сообщества г. Томска в годы Гражданской войны. Данная форма дисциплинарной организации послужила стартовой площадкой для молодых физиков, многие из которых в дальнейшем стали большими учеными, украсившими древо отечественной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Повседневная жизнь университетского сообщества г. Томска в период революционных событий 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 160–170.

2. Профессора Томского университета: Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
3. Аравийская Е.Н. Вела к мысли о мощи человеческого разума // Сибирская старина. 1998. № 15 (20). С. 22–24.
4. Государственный архив Томской области. Ф. 102. Оп. 1. Д. 73.
5. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Маркевич Н.Г., Меркулов С.А. Из истории Института исследования Сибири // Журналы заседания совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 5–43.
6. Некрылов С.А. Томский университет – первый центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. 598 с.
7. Семенов Н.Н. Автобиография // Физики о себе / отв. ред. В.Я. Френкель. Л. : Наука, 1990. С. 81–85.
8. Майер Г.В., Фоминых С.Ф. Томский период в жизни академика Н.Н. Семенова // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75, № 4. С. 360–363.
9. Большанина М.А. История кафедры физики Томского университета // Музей истории физики ТГУ. 23 л.
10. За советскую науку. Орган парткома, ректората, комитета ВЛКСМ, месткома и профкома Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева. Томск.
11. Народная газета. Орган Томской Губернской Земской Управы. Томск.
12. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск.
13. Знамя революции (в январе 1920 г. – «Сибирский коммунист»). Орган Томского Губернского Революционного Комитета. Томск.
14. Пашуков Е.А. В лучах российского радия // Атомная стратегия. 2005. № 18. PRoAtom. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=161> (дата обращения 21.12.2017).
15. Кузнецов С.И. Иркутский государственный университет: ректоры, деканы, профессора (1918–1998). Иркутск : КП-Байкал, Изд-во Иркут. ун-та, 1998. 208 с.
16. Ульянов Всеволод Александрович // Электронная энциклопедия ТГУ. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Ульянин,_Всеволод_Александрович (дата обращения: 21.12.2017).
17. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I: 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та. 1996. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 января 2018 г.

FROM THE LIFE OF THE ACADEMIC COMMUNITY OF TOMSK DURING THE CIVIL WAR: A SCIENTIFIC SEMINAR “INTERVIEWS ON SPECIFIC ISSUES OF PHYSICS AND RELATED BRANCHES OF KNOWLEDGE”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 193–198.

DOI: 10.17223/15617793/428/26

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Alexey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Keywords: N.N. Semenov; Tomsk University; Civil War; scientific community; seminar “Interviews on Physics”.

On the material of archival documents, sources of personal origin and periodicals, the article covers the history of Interviews on Specific Issues of Physics and Related Branches of Knowledge (or a scientific seminar) held during 1918–1920 in Tomsk as one of episodes from the life of the Tomsk academic community in the difficult period of its history. They were organized by N.N. Semenov, the future full member of the USSR Academy of Sciences, a Nobel Laureate, and then a teaching assistant of the Faculty of Physics and Mathematics of Tomsk University. The socio-cultural space of Tomsk on the eve and during the Civil War is considered. At that time, hard financial and living conditions contrasted with the flourishing of cultural life in the scientific and educational complex of the city. This was due to the fact that in connection with the political events in the country, the evacuation of Perm and Kazan universities there was a high concentration of scientific forces at that time in Tomsk. This greatly intensified the educational and scientific life in the city, the most striking manifestation of which was the organization and activities of the Institute for the Study of Siberia (1919–1921). The events of N.N. Semenov’s life preceding his appearance in this cultural center are traced. It is emphasized that he combined the duties of a university teaching assistant with the organizational educational and scientific activities. He started a physical circle and opened a student seminar, and in October 1918 organized the Interviews on Physics. They were public in nature; announcements about them were published in advance on the pages of local newspapers (*Sibirskaya zhizn'*, *Narodnaya Gazeta*, *Znamya revolyutsii*). The thematic and problematic fields of the reports presented during the 40 Interviews are analyzed (they concerned not only different sections of physics, but also astronomy and mathematics), as well as the set of the lecturers. B.P. Weinberg, a professor of Tomsk Technological Institute and concurrently of Tomsk University, attended the Interviews. However, mostly young scientists, teachers and students of local universities took part in the Interviews. It is noted that among them there were four future academicians (N.N. Semenov, V.D. Kuznetsov, G.A. Shain, G.S. Landsberg) and 10 professors (L.N. Bogoyavlenskyy, V.M. Khrushchev, M.A. Velikanov, R.O. Kuzmin and others). It is concluded that the Interviews on Physics became a valuable organizational tool for scientific and disciplinary cultural exchange and one of the brightest episodes of the socio-cultural history of the academic community of Tomsk during the Civil War.

REFERENCES

1. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2017) The daily life of the university community of Tomsk during the revolutionary events of 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 416. pp. 160–170. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/416/24
2. Fominykh, S.F., Nekrylov, S.A., Bertsun, L.L. & Litvinov, A.V. (1998). *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
3. Aravitskaya, E.N. (1998) Vela k mysli o moshchi chelovecheskogo razuma [Led to the idea of the power of the human mind]. *Sibirskaya starina*. 15 (20). pp. 22–24.
4. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 102. List 1. File 73. (In Russian).
5. Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F., Markevich, N.G. & Merkulov, S.A. (2008) Iz istorii Instituta issledovaniya Sibiri [From the History of the Institute for the Study of Siberia]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniya soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.)* [Journals of the meeting of the Council of the Institute for the Study of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University, pp. 5–43.

6. Nekrylov, S.A. (2011) *Tomskiy universitet – pervyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University, the first center in the Asian part of Russia (mid-1870s–1919)]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
7. Semenov, N.N. (1990) *Avtobiografiya* [Autobiography]. In: Frenkel', V.Ya. (ed.) *Fiziki o sebe* [Physicists about themselves]. Leningrad: Nauka.
8. Mayer, G.V. & Fominykh, S.F. (2005) Tomskiy period v zhizni akademika N.N. Semenova [Tomsk period in the life of Academician N.N. Semenov]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 75:4. pp. 360–363.
9. Museum of History of Physics, TSU. Bol'shanina, M.A. *Istoriya kafedry fiziki Tomskogo universiteta* [History of the Department of Physics of Tomsk University].
10. *Za sovetkuyu nauku*.
11. *Narodnaya gazeta*.
12. *Sibirskaya zhizn'*.
13. *Znanya revolyutsii*.
14. Shashukov, E.A. (2005) *V luchakh rossiyskogo radiya* [In the rays of Russian radium]. [Online] Available from: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=161>. (Accessed 21 st December 2017).
15. Kuznetsov, S.I. (1998) *Irkutskiy gosudarstvennyy universitet: rektory, dekany, professora (1918–1998)* [Irkutsk State University: rectors, deans, professors (1918–1998)]. Irkutsk: KP-Baykal, Irkutsk *SU.
16. TSU Electronic encyclopedia. (n.d.) *Ul'yanin Vsevolod Aleksandrovich* [Vsevolod Alexandrovich Ulyanin]. [Online] Available from: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Ul'yanin_Vsevolod_Aleksandrovich. (Accessed: 21st December 2017).
17. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. Biographical dictionary]. Vol. I: 1888–1917. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 27 January 2018

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ АРХИВА ШТАТА ВАШИНГТОН, ПОСВЯЩЕННЫХ ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ДОРОЖНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Работа выполнена при поддержке «Программы повышения международной конкурентоспособности Томского государственного университета на 2013–2020 гг.».

Проведен комплексный источниковедческий анализ письменных исторических источников архива штата Вашингтон, посвященных вопросу использования подневольного труда заключенных на строительстве региональной инфраструктуры – проблеме, малоизученной в современной историографии. В статье дан обобщенный обзор документов, не введенных в научный оборот, осуществлена внешняя и внутренняя критика материала. На основе источниковедческих методов научно-го исследования выявлены проблемы полноты, точности, репрезентативности полученной информации.

Ключевые слова: США; Вашингтон; дороги; строительство; заключенные; тюрьма; лагерь.

В 1907 г. исполнительные органы штата Вашингтон начали привлекать заключенных к строительству дорожной системы. Использование подневольного труда обуславливалось рядом экономических факторов: отсталостью дорожного развития и наличием большого фонда некачественных дорог, стремительной индустриализацией производства и распространением автомобильного транспорта, недостаточным развитием строительного сектора экономики штата, что в совокупности с тяжелыми климатическими и географическими условиями делало вольнонаемную рабочую силу в Вашингтоне одной из самых дорогих в стране [1. Р. 38, 117]. Среди политических причин необходимо обозначить тот факт, что проблема дорожного улучшения стремительно политизировалась в штате в первые годы XX в. В 1902–1903 гг. республиканская партия, стабильно превалировавшая в политическом пространстве Вашингтона, взяла официальный курс на ревизию дорожного законодательства и решение инфраструктурного вопроса. Начиная с 1910 г. к этому процессу присоединились демократы, включив дорожный вопрос в свою предвыборную платформу [2. January 15, 1913]. Важной политической причиной стало заметное ослабление железнодорожного лобби [3 Р. 65], оказывавшего серьезное влияние на принятие решений в легислатуре штата с 1889 г. В этот период времени в республиканской партии продолжалась фракционная борьба между сторонниками сильной центральной власти штата и их противниками, что привело к усилению позиций «централистов» в Законодательном собрании. Последнее, в частности, выразилось в создании в 1905 г. Дорожного департамента штата Вашингтон, государственного органа, в ведение которого перешли надзор за дорожным строительством и разработка проекта тюремных дорожно-строительных лагерей [4. С. 66–73]. Наконец, на принятие решения о привлечении арестантов к дорожным работам в Вашингтоне повлияли высокие показатели по их использованию в других штатах, в первую очередь в Колорадо и Монтане, где труд заключенных успешно применялся в дорожном строительстве с 1905 г. [5. Р. 1].

Использование осужденных для решения дорожной проблемы осуществлялось в Вашингтоне вплоть

до 1917 г. и подразделяется на два этапа: период «охранной системы» (1907–1911 гг.), характеризующийся жестко консервативными методами управления арестантами, и период «системы доверия» (1913–1917 гг.), для которого была характерна существенная либерализация трудового режима и повседневной жизнедеятельности заключенных [6. С. 188–199]. Период с 1911 по 1913 г. следует обозначить как переходный. На этом этапе произошло несколько изменений: а) дорожное строительство в штате было полностью приостановлено вследствие провала законопроекта о транспортном бюджете в легислатуре [7. Р. 622–623, 773–774]; б) на выборах 1912 г. демократической партии сенсационно удалось провести своего представителя на пост губернатора, а также серьезно потеснить республиканцев в Сенате и Палате представителей [3. Р. 77]; в) политические изменения привели к пересмотру дорожного законодательства штата, а также прогрессивной трансформации тюремной дорожно-строительной политики.

Анализ неопубликованных архивных материалов, которые могут пролить свет на процесс развития тюремных дорожных лагерей, представляется актуальным по нескольким причинам. В первую очередь, вследствие того, что проблема очень скудно отражена в историографии¹, а большая часть рассмотренных в статье материалов впервые вводится в научный оборот. Следует обратить внимание и на тот факт, что использование подневольного труда на строительстве инфраструктуры являлось в начале XX в. системным процессом и было представлено в ряде других штатов. И хотя серьезных комплексных исследований этой проблемы пока не проводилось, данная статья может послужить опорой для дальнейшего сравнительно-сопоставительного изучения, а также помочь специалистам при работе над данной проблематикой в архивах США.

Предметом анализа данной работы выступают материалы (общий объем которых составляет около 8 тыс. ед.), представленные в следующих блоках данных (англ. – record groups) архива штата Вашингтон: Дорожного департамента штата [11], Департамента исправительных учреждений штата [12], Контрольного бюро штата [13], губернаторов штата – Альберта Мида [14], Мэриона Хэя [15] и Эрнеста Листера [16].

Большая часть источников из указанных блоков данных представлена материалами делопроизводства, в которые включены:

1) нормативное делопроизводство. Сюда относятся многочисленные указы губернатора, распоряжения дорожного комиссара и Дорожного департамента штата, членов Дорожного совета штата и членов Контрольного бюро, а также начальника тюремного учреждения «Уолла-Уолла» и специальных комитетов верхней и нижней палаты Законодательного собрания штата Вашингтон;

2) деловая переписка, которая по преимуществу состоит из документированной коммуникации между низшими и высшими должностными лицами: официальные доклады, рапорты и иные, в том числе неофициальные отчетные материалы (стенографии телефонных переговоров, телеграфные материалы и пр.); меморандумы и различные выписки из нормативных документов; коммуникация между департаментами штата; переписка с федеральными и муниципальными административными органами. В эту категорию также включена официальная переписка между юридическими или физическими лицами с представителями административного аппарата штата Вашингтон. Деловая переписка является самой значимой по объему группой исторических источников, поскольку содержит материалы по всему спектру проблем, посвященных тюремному дорожному строительству и со всех административных уровней (окружного, штата, федерального);

3) корпоративная финансово-правовая документация. К этой группе относятся материалы, касающиеся финансовых и правовых споров с частными компаниями и физическими лицами по вопросам, связанным с земельной собственностью. Сюда же входят оформленные закупочные сделки между Дорожным департаментом штата Вашингтон и частными предприятиями на покупку продукции, необходимой для организации дорожно-строительных работ (провианта, медикаментов, строительных материалов, инструментов и пр.), а также документы, связанные с осуществлением поставок данных товаров в тюремные лагеря;

4) вследствие особенности изучаемой проблемы, представилось возможным выделить в отдельную группу «тюремную документацию». Данные материалы касаются отбора заключенных в тюремные дорожно-строительные лагеря, характеристики заключенных, материалы по их содержанию в пенитенциарных учреждениях, личные дела арестантов, рапорты персонала тюрьмы «Уолла-Уолла», отчетные, коммуникативные и сопроводительные документы комендантов дорожно-строительных лагерей, журналы повседневного учета трудовой и досуговой деятельности, дисциплинарных взысканий. Сюда же входят материалы, касающиеся повседневной работы лагерей, в том числе эпистолярные источники личного происхождения, принадлежащие персоналу лагерей, заключенным, их родственникам и знакомым.

Внешняя критика исторических источников. Значительное количество рассмотренных документов датируется 1900–1918 гг. Небольшая часть была создана в последней четверти XIX в. и в 1919–1925 гг.

Территориальные рамки создания преобладающего количества документов охватывают границы штата Вашингтон, при этом имеются документы из других штатов США (Орегон, Калифорния, Айдахо, Мичиган, Нью-Йорк, Колорадо, Огайо), Округа Колумбия и Канады. Происхождение и подлинность документов не вызывают сомнений.

Документы, датируемые 1903–1917 гг., находились в хорошем техническом состоянии, не подвергались серьезному внешнему воздействию, не были сильно изношены. С документацией, относящейся к последней четверти XIX столетия, ситуация иная. Большое количество документов находится в плохом состоянии вследствие использования при их создании плохой печатной краски и копировальной бумаги. Часть архивных документов этого периода подвергалась сильному внешнему воздействию (пожар, затопление), поэтому информация, содержащаяся в них, практически утрачена.

Значительная часть архивного материала – это копии документов. При работе с ними не было выявлено каких-либо интерполяций. В то же время некоторые документы (как копии, так и оригиналы) содержали небольшое количество маргиналий, что свидетельствует о дополнительной работе с этими документами уже после их создания. В целом маргиналии не несли дополнительной информации по проблеме тюремного дорожного строительства и никак не влияли на восприятие основной информации архивных документов.

Помимо проблемы технического состояния, в источниках присутствуют палеографические проблемы, такие как наличие разных видов почерка на одном документе и большое количество грамматических ошибок. Последняя усугубляется текстологическими особенностями английского языка конца XIX – начала XX в., которые не используются в письменном выражении сегодня (к примеру, формулировки при обращении, специальные фразеологические обороты и сокращения, употребление терминов и выражений, характерных только для истории США начала XX в. и пр.). Несмотря на проведение герменевтического анализа, детальную проработку отдельных слов и даже букв, некоторые документы (менее 1%) не удалось перевести и проанализировать.

Внутренняя критика архивных материалов. Делопроизводственные документы предоставляют огромный комплекс фактологических данных, однако они не совсем полно отображают некоторые действительные события, имевшие место. К примеру, весьма посредственно (в сравнении с другими вопросами) в них представлен быт заключенных, лишь некоторые материалы принадлежат самим осужденным (жалобы, представления, предложения, благодарности, коммуникация) и выявляют их эмоциональное отношение к проблеме трудовой терапии на дорожном строительстве. Помимо этого, материал несет очень скудную информацию о причинах отказа от тюремного труда как механизма дорожной политики штата в 1917 г.

Вместе с полнотой вызывает вопросы достоверность приводимой в источниках информации. Благодаря логико-смысловому и сравнительно-сопоставительному анализу, было выявлено целенаправлен-

ное искажение некоторых данных, касающихся затрат на проведение дорожно-строительных работ заключенными в 1909–1911 гг. Инициатором фальсификации, по всей видимости, являлся глава Дорожного департамента штата Генри Боулби (1909–1911 гг.), по инициативе которого могли быть завышены данные о затратах на содержание и организацию работы тюремных трудовых лагерей с целью сокрытия проведенных финансовых махинаций [17. September 15]. Стоит отметить, что проблема коррупции в штате в тот период времени стояла очень серьезно. Официальное признание проблемы состоялось в 1909 г., когда губернатор штата Мэрион Хэй (1909–1913 гг.) инициировал создание Специального комитета для расследования дел о превышении должностных полномочий со стороны служащих штата. После проведенного расследования была созвана чрезвычайная сессия легислатуры, за которой последовали коррупционный скандал и отстранение некоторых чиновников [3. P. 70, 75–76].

Изменением информации занимались не только из корыстных финансовых целей, но и политических. К примеру, было установлено, что в 1914 г. председатель дорожного комитета Палаты представителей штата М. МакАрди, стремившийся к должности спикера Палаты, специально изменял данные о затратах, осуществленных Дорожным департаментом на содержание тюремных дорожных лагерей с целью дискредитации администрации губернатора Эрнеста Листера (1913–1919 гг.) [18]. По всей вероятности, именно межличностные противоречия стали причиной коррупционных обвинений в адрес администрации губернатора Листера со стороны экс-президента Вашингтонского отделения национальной ассоциации «Хорошие Дороги» Сэмюэла Хилла, которому губернатор отказал в должности дорожного комиссара штата [19. January 12]. Искажением различных данных в политических целях занимались и сотрудники аппарата губернатора штата М. Хэя [17. December 13]. Помимо недостоверной информации, в источниках содержится ряд фактологических неточностей. Авторами документов иногда приводились неправильные даты, путались факты и имена. Целенаправленного изменения такой информации выявлено не было. Несмотря на указанные примеры, источниковый архивный комплекс в целом предоставляет достоверный материал по ряду узловых и наиболее важных проблем: быту заключенных, работе лагерей, организации досуговой и трудовой деятельности арестантов, техническим вопросам лагерного снабжения и др.

Отдельно следует остановиться на вопросе репрезентативности информации, полученной из архивных

источников. В целом материал очень ограниченно освещает общественную позицию по проблеме организации труда арестантов. Безусловно, она находила отклик среди вашингтонской общественности во втором десятилетии XX в., однако уровень общественно-го отношения к ней проследить довольно сложно.

Во-первых, это связано с тем, что тюремное дорожное строительство проводилось лишь в некоторых округах штата, расположенных в его западно-центральной части. Во-вторых, как было отмечено в начале статьи, методы управления тюремными лагерями в разные годы были диаметрально противоположными и менялись от жестко консервативных до либеральных, что напрямую влияло на результативность работы арестантов, их поведение, дисциплину, количество совершаемых побегов. Поэтому в тех округах, где работа арестантов была наиболее результативной и причиняла наименьший ущерб обществу, у населения складывалось положительное восприятие государственной дорожной политики [17. September 18, 19]. В тех округах, где работа тюремного лагеря приводила к увеличению числа побегов заключенных и количества мелких преступлений в ближайших поселениях, усиливалось общественное недовольство. Наконец, в тех районах, где лагеря не размещались совсем, политика штата зачастую имела отрицательное восприятие среди общественности, как ненужная инициатива на которую расходуется большое количество бюджетных средств [Ibid. December 22]. Следует отметить, что авангардом недовольных граждан выступал профсоюз «Индустриальные рабочие мира», который активно протестовал против использования труда заключенных на строительстве дорожной сети [20. October 19]. Не случайно, когда в одном из дорожных лагерей произошел взрыв динамита, большинство его тюремных работников посчитали случившееся диверсией известной профсоюзной организации [21].

После проведенного анализа, следует резюмировать, что архивные материалы несут в себе большой объем информации по проблеме использования труда заключенных в дорожном строительстве штата Вашингтон. За некоторыми исключениями, приведенная в источниках информация в целом является подробной, полной, точной и достоверной. У некоторых документов имеются проблемы с достоверностью, точностью и репрезентативностью предоставляемой информации, отрицательной характеристикой является отсутствие психологического эффекта, вследствие чего очень плохо прослеживается отношение авторов документов к описываемым ими проблемам.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Проблема использования труда американских заключенных в разное время привлекала внимание многих авторов. В историографии она представлена широким спектром научных и научно-популярных работ. Однако исследований, посвященных организации труда арестантов на строительстве дорог в штате Вашингтон, не так много. Из найденной литературы косвенное упоминание этого вопроса фигурирует в обобщенной статье Джозефа Пратта – «Труд заключенных при дорожном строительстве» [8] и в статье Филиппа Бауэра «Первый год “системы доверия” в Орегоне» [9]. Наиболее информативной работой оказалась магистерская диссертация Сидни Вилмот «Использование труда заключенных на дорожном строительстве на Севере» [10], которая была защищена в Колумбийском университете в 1914 г. На основе узкого круга исторических источников С. Вилмот анализирует становление и развитие уголовно-исполнительной политики некоторых штатов северо-восточной и северо-западной части США. По штату Вашингтон, в частности, автор приводит достаточно небольшую (посвящено 4 страницы из 68), но объективную информацию о причинах трансформации уголовно-исполнительной политики и ее региональной специфике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pennybacker J. Mileage and Cost of Public Roads in the United States in 1909. Washington D.C. : Government printing office, 1912.
2. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Ernest Lister. Subject Files. Box № 81. Penitentiary, Honor camps, 1913–1914.
3. Brazier D. History of the Washington Legislature 1854–1963. Olympia : Published by Washington State Senate, 2000.
4. Шевченко С.А. Организация труда заключенных по «системе доверия» на строительстве дорог в штате Вашингтон (1913–1916 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39).
5. Washington Secretary of State. State Archives. Department of Highways. Administration, Central Files. Subject Files. Box № 27. Convict Labor, 1913. Portion of Address of Honorable John F. Shafroth, Governor of Colorado Before Good Roads Congress in Chicago, September 19, 1911.
6. Шевченко С.А. Положение заключенных в дорожно-строительных «лагерях доверия» штата Вашингтон: снабжение, санитарные условия, досуг и распорядок дня (1913–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411.
7. House Journal of the Twelfth Legislature of the State of Washington, Begun and Held at Olympia, State Capital, 1911 / compiled by L. Grinstead. Olympia : E.L. Boardman, Public Printer, 1911.
8. Pratt J. Convict Labor in Highway Construction // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 46, Prison Labor. March, 1913.
9. Bauer Ph. One Year of Honor System in Oregon // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 46, Prison Labor. March, 1913.
10. Wilmot S. Use of Convict Labor for Highway Construction in the North // Proceedings of the Academy of Political Science in the City of New York. Vol. 4, № 2. Good Roads and Convict Labor. January, 1914.
11. Washington Secretary of State. State Archives. Department of Highways. Administration, Central Files. Subject Files. – Box № 7. – Folder: State road camp № 1 Methow, 1909–1910; Folder: State road camp № 5 Carrollton, 1909–1910; Box № 16. Folder: State road camp № 5 Carrollton, 1911; Folder: State road camp № 3 Lyle, 1911; Box № 23. Folder: State road camp № 1 Methow, 1911–1912; Folder: State road camp № 4 Blanchard, 1910–1912; Box № 27. Folder: Convict Labor, 1913; Box № 29. Folder: Honor Camp № 1 Hoodspport, 1913; Box № 30. Folder: Honor Camp № 2 Kalama, 1913; Box № 36. Folder: Convict Labor, 1914; Box № 38. Folder: Honor Camp № 1 Lilliwaup, 1914; Folder: Honor Camp № 1 Hoodspport, 1914; Folder: Honor Camp № 2 Kalama, 1914; Folder: Honor Camp № 3 Stevenson, 1914; Box № 39. Folder: Honor Camp № 3 Stevenson, 1914; Folder: Honor Camp General, 1914; Box № 48. Folder: Honor Camp № 3 Stevenson, 1915; Box № 49. Folder: Honor Camp № 5 Waterville, 1915; Folder: Honor Camp № 5 Waterville, 1916; Box № 60. Folder: Honor Camps, general 1916; Box № 65. Folder: Convict Labor, 1917.
12. Washington Secretary of State. State Archives. Department of Corrections. State Penitentiary. Daily Record Employment of Convicts, 1891–1912. Box. № 1.
13. Washington Secretary of State. State Archives. Board of Control. Subject Files. Penitentiary. Box № 10. Folder : Correspondence, 1909–1910; Folder: Correspondence, 1911–1912; Folder: Correspondence, 1913–1914; Folder: Correspondence, 1909–1914; Folder: Correspondence with gov. Mead (1905–1907); Box № 11. Folder: Correspondence, 1911–1912.
14. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Albert Mead. Subject Files. Box № 10. Folder: Convict Labor, 1904–1909.
15. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Marion Hay. Subject Files. Box № 11. Folder: Board of Control. Convict labor; Box № 16. Folder: Highway commission. Highway–Quarries, 1909; Folder: Highway commission, 1909; Folder: Highway commission, 1910; Folder: Highway commission, 1911; Folder: Highway commission, 1912.
16. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Ernest Lister. Subject Files. Box № 57. Folder: Highway Commission, 1916; Folder: Highway Commission – 2, 1916; Box № 81. Folder: Penitentiary – Honor Camps, 1913–1914; Folder: Penitentiary – Honor Camps, 1915–1916; Box № 120. Folder: Penitentiary – Honor Camps, 1917–1918.
17. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Marion Hay. Subject Files. Box № 16. Highway commission, 1910.
18. Port Townsend Daily Leader. March 15, 1914.
19. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Ernest Lister. Subject Files. Box № 57. Highway commission, 1916.
20. Washington Secretary of State. State Archives. Department of Highways. Administration, Central Files. Subject Files. Box № 49. Honor Camp № 5 Waterville, 1915.
21. Washington Secretary of State. State Archives. Department of Highways. Administration, Central Files. Subject Files. Box № 49. Honor Camp № 5 Waterville, 1915, explosion.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 января 2018 г.

SOURCE ANALYSIS OF THE WASHINGTON STATE ARCHIVE DOCUMENTS RELATED TO ORGANIZATION OF CONVICTS' LABOR AT ROAD CONSTRUCTION AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 199–203.

DOI: 10.17223/15617793/428/27

Sergey A. Shevchenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Shevchenkovskrs@yandex.ru

Keywords: USA; Washington; road construction; convicts; prisons; penal system.

The article covers source analysis of written historical documents on the problem of organization of convicts' labor at road construction in the State of Washington at the beginning of the 20th century. The article begins with general information on the prison road construction project which was developed and implemented in the state during the period from 1907 to 1917. The relevance of the article is also indicated. The academic significance of this study is determined by the absence of research on the declared problems in historiography and possibility to use some of the conclusions in the further complex study of penal policies in other American states. Description of historical documents based on general methods of source study is specified in the article. During the study documents from different State Archive record groups were researched: documents of the Highway Department, the Department of Corrections, the Board of Control and papers of Governors Albert Mead, Marion Hay and Ernest Lister. Prevalence of office documents among the sources which include normative office documents, business correspondence, corporate financial and legal documentation and prison documentation is noticed. As part of external assessment, primary data of historical sources were identified. Attribution and determination of place and time of sources creation were based on direct and indirect information. Also the condition of documents, the degree of their preservation, the quality of printing ink and copy paper were considered. Availability of marginalia and interpolations was also considered in the article. Such paleographic problems as the existence of different types of handwriting in one document and a large number of grammatical errors were indicated. Internal assessment of documents was devoted to the analysis of the completeness, reliability and representativity of information as well as the possibility of data falsification. In the conclusion, the degree of documents' preservation is highly estimated. Less than one percent of documents were extremely damaged and were not subject to recovery. The considered archival documents contain a lot of factual data on the problem of convicts' employment at

road construction in the State of Washington. Most of the data in the documents are detailed, complete, authentic and exact. At the same time certain representativity issues and absence of psychological effect were identified; as a result, the authors' attitude towards the described problems is traced very poorly. Another important problem was falsification of some financial documents related to the implementation of the prison road development project in the state.

REFERENCES

1. Pennybacker, J. (1912) *Mileage and Cost of Public Roads in the United States in 1909*. Washington D.C.: Government printing office.
2. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Ernest Lister. Subject Files. Box 81. *Penitentiary, Honor camps, 1913–1914*.
3. Brazier, D. (2000) *History of the Washington Legislature 1854–1963*. Olympia: Published by Washington State Senate.
4. Shevchenko, S.A. (2016) Organization of convicts' labor based on the "Honor System" at the road construction in Washington State (1913–1916). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (39). pp. 66–73. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/39/8
5. Washington Secretary of State. State Archives. Department of Highways. Administration, Central Files. Subject Files. Box 27. *Convict Labor, 1913. Portion of Address of Honorable John F. Shafroth, Governor of Colorado Before Good Roads Congress in Chicago, September 19, 1911*.
6. Shevchenko, S.A. (2016) Prisoners' status in road construction "honor camps" of the State of Washington: provision, sanitary conditions, leisure and daily routine (1913–1917). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 411. Pp. 188–194. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/411/26
7. Grinstead, L. (ed.) (1911). *House Journal of the Twelfth Legislature of the State of Washington, Begun and Held at Olympia, State Capital, 1911*. Olympia: E.L. Boardman, Public Printer.
8. Pratt, J. (1913) Convict Labor in Highway Construction. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 46. Prison Labor. March.
9. Bauer, Ph. (1913) One Year of Honor System in Oregon. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 46. Prison Labor. March.
10. Wilmot, S. (1914) Use of Convict Labor for Highway Construction in the North. *Proceedings of the Academy of Political Science in the City of New York*. 4:2. Good Roads and Convict Labor. January.
11. Washington Secretary of State. State Archives. Department of Highways. Administration, Central Files. Subject Files. Box 7. Folder: *State road camp 1 Methow, 1909–1910*.
12. Washington Secretary of State. State Archives. *Department of Corrections. State Penitentiary. Daily Record Employment of Convicts, 1891–1912*. Box. 1.
13. Washington Secretary of State. State Archives. Board of Control. Subject Files. Penitentiary. Box 10. Folder: *Correspondence, 1909–1910*.
14. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Albert Mead. Subject Files. Box 10. Folder: *Convict Labor, 1904–1909*.
15. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Marion Hay. Subject Files. Box 11. Folder: *Board of Control. Convict labor*.
16. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Ernest Lister. Subject Files. Box 57. Folder: *Highway Commission, 1916*.
17. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Marion Hay. Subject Files. Box 16. *Highway commission, 1910*.
18. *Port Townsend Daily Leader*. (1914). March 15.
19. Washington Secretary of State. State Archives. Governor Ernest Lister. Subject Files. Box 57. *Highway commission, 1916*.
20. Washington Secretary of State. State Archives. Department of Highways. Administration, Central Files. Subject Files. Box 49. *Honor Camp 5 Waterville, 1915*.
21. Washington Secretary of State. State Archives. Department of Highways. Administration, Central Files. Subject Files. Box 49. *Honor Camp 5 Waterville, 1915, explosion*.

Received: 11 January 2018

ПРАВО

УДК 070.133

О.А. Богданова

ГРЕЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПЕЧАТНЫХ И ИНТЕРНЕТ-СМИ (1931–2017 гг.)

Рассматривается эволюция права СМИ Греческой республики с момента принятия первого закона о печати в 1931 г. по февраль 2017 г. Греческое законодательство о печати развивалось в основном вокруг следующих тем: мера свободы печати и журналистской работы в целом, запрещенная для публикации тематика и – начиная со второй половины XX в. – государственный контроль деятельности предприятий и рынков СМИ. Собранный материал впервые вводится в российское научное поле, может быть использован при составлении учебных курсов и стать базой для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Греция; СМИ; печать; законодательство о печати; законодательство о СМИ; право СМИ; цензура; анти-монопольное законодательство.

В настоящее время в законодательстве Греческой республики существуют три вида документов, которые регулируют деятельность печатных СМИ: Конституция, Закон о СМИ и распоряжения, которые касаются отдельных сторон работы СМИ.

Анализ системы греческого права СМИ с момента принятия первого закона о печати в 1931 г. по настоящее время показывает, что во многом оно развивалось в основном вокруг следующих тем: мера свободы печати и журналистской работы в целом, запрещенная для публикации тематика и – начиная со второй половины XX в. – государственный контроль деятельности предприятий и рынков СМИ.

Тема настоящей статьи – эволюция законодательства Греческой республики в сфере печати с момента принятия первого закона о печати до настоящего времени, объект – законодательные акты в области печатных СМИ, принятые в период с 1931 г. по февраль 2017 г. Цель – проследить историю формирования корпуса законодательных актов Греческой Республики, регулирующих работу печатных средств массовой информации и Интернета. Задача – проанализировать выбранные законодательные акты и рассмотреть их как в диахроническом аспекте (на протяжении всей истории современной Греции), так и в синхроническом (в рамках каждого выделяемого историками хронологического этапа).

Корпус документов, которые составляют систему права СМИ Греческой республики, до сих пор практически не анализировался в отечественной научной литературе.

Проводя исследование, мы опирались на два текста, один из которых кратко описывает историю права СМИ с 1822 по 1960-е гг. (Γεωργιάδης), а другой дает общий очерк истории греческой печати (Ψυχούριος, 354–397).

Законодательство о СМИ до принятия Закона 5060/1931. До принятия первого закона в СМИ в 1931 г. греческое законодательство о СМИ представляло собой корпус отдельных законодательных документов. Началом истории формирования системы греческого права СМИ служит Конституция 1823 г., в которой свобода слова была закреплена как одно из основных прав граждан нового государства.

Затем в 30-е гг. XIX в. были приняты три закона, которые ограничивали работу СМИ, – регулировали

содержание публикаций (преимущественно политического характера), предписывали условия, необходимые для основания типографии или начала издания газеты или журнала, а также предпосылки для занятия журналистской профессией. В 1834 г. был принят специальный Уголовный закон о СМИ, в котором кодифицировались правонарушения со стороны печати, подлежащие уголовному преследованию.

Несмотря на то, что в принятых в XIX в. Конституциях предварительная цензура была отменена, а печать признавалась свободной, Уголовный закон, который противоречил Конституции, оставался в силе до 1926 г. Кроме того, отдельные законодательные акты, принятые во второй половине XIX в. и в начале XX в., развивали возможности для административного и политического контроля за печатью.

Первый закон о СМИ. Первый греческий документ, который полностью упорядочил систему права печати, был принят в 1931 г., в период правления короля Георга II (1924–1935 гг.). Закон 5060/1931 «О печати, оскорблениях чести в целом и других распоряжениях» упразднял уголовную ответственность за правонарушения печати и заменил многие наказания в виде лишения свободы, которые существовали ранее, денежными штрафами (впоследствии он был дополнен специальными распоряжениями относительно административного надзора за печатью (законы 5633/1932 и 5999/1936)).

Принятие закона 5060/1931 создало предпосылки для развития свободной, впервые в истории Греции не подлежащей уголовным преследованиям прессы, однако затем политическая ситуация в стране резко изменилась, и развитие законодательства о СМИ пошло совсем в другом направлении. В 1936 г. Грецию возглавил диктатор – Иоанн Метаксас.

Диктатура Метаксаса (1936–1940 гг.). Один из первых декретов правительства Метаксаса запретил газетам делать читателям какие бы то ни было подарки – призы за участие в конкурсах, денежные выигрыши и другие, которые были одним из основных способов увеличения тиража. После принятия декрета тиражи газет резко упали. Как следствие, серьезно сократились потенциальные возможности газет влиять на население, распространять неугодные правительству материалы и мнения и т.д. (Этот декрет был отменен только в 1990 г.

[1. С. 384].) Так, с приходом Метаксаса открывшаяся благодаря закону 5060/1931 перспектива развития свободной и независимой прессы была почти закрыта.

В 1938 г. был принят второй в истории Греции Закон «О печати» (1092/1938) и вместе с ним закон 1093/1938, который регламентировал и работу журналистских организаций, и деятельность самих редакционных сотрудников. Правонарушения печати, в отличие от распоряжений Закона 5060/1930, вновь стали караться не только штрафами, но и лишением свободы, работа прессы контролировалась всесторонне и очень жестко (более подробно о содержании закона будет сказано ниже). В 1938 г. Метаксас издал декрет об основании Союза собственников ежедневных афинских газет, который заменил Синдикат печати. Профессиональные журналистские организации также серьезно контролировались со стороны правительства.

Уже в XXI в. закон 1092/1938 был отменен (Закон 4441/2016, ст. 32, п. 12), за исключением статей 1, 2, 4 и 5, в которых определено, какую печатную продукцию можно относить к газетам и журналам и какие правонарушения можно относить к преступлениям печати.

Война, оккупация, Гражданские войны (1940–1967 гг.). Период от начала Второй мировой войны до установления в стране диктатуры «черных полковников» в 1967 г. был наполнен переменами в политической ситуации в Греции: с 1940 по 1943 г. страна была оккупирована немецкими войсками, с 1946 по 1949 и с 1950 по 1967 г. – находилась в состоянии гражданской войны.

Нестабильная внутренняя ситуация не способствовала ни развитию профессиональных журналистских организаций, ни такому законодательству о печати, которое бы обеспечивало журналистам возможность спокойной полноценной работы и уверенность в защите своих прав законом. Те, кто находился у власти, видели в прессе потенциальную опасность, и, следовательно, стремились ужесточить контроль над ней.

В конце 1940-х гг. были приняты два закона об экономическом контроле за печатью (декреты 842/1948, 871/1949 и 896/1949) [2. С. 483].

Конституция 1952 г. отличается от предшествующих заметно большей политизированностью ст. 14, которая регулирует деятельность СМИ. Издатель газеты обязан не только быть греческим гражданином, но и не совершать преступлений политического характера. К основаниям для конфискации тиража газет добавлено размещение материалов, которые содержат подстрекательство к бунту, покушение на национальную неприкосновенность и призыв к бездействию в случае обнаружения государственной измены. Впервые в истории греческого законодательства определена процедура приостановки выхода издания (временной или без временных ограничений). Отныне в случае появления запрещенных законом материалов редактор и издатель несут не только гражданскую, но и уголовную ответственность. Также впервые вводилось наказание за текстовые материалы, которые несут опасность для нравственности подрастающего поколения.

Эпоха «черных полковников» (1967–1974 гг.). 21 апреля 1967 г. в Греции произошел военный переворот, и к власти пришло правительство «черных полковников» во главе с Георгиосом Пападопулусом. В стране установилась военная диктатура.

В отношении права СМИ этот период характеризуется дальнейшим усилением контроля за политическим содержанием публикаций, что находит отражение, в частности, в Конституции 1968 г. Согласно ст. 14, п. 12 основанием для конфискации тиража служит в том числе распространение в политических целях взглядов и мнений организаций, которые действуют вне закона. Конституционно закреплён государственный контроль над экономической деятельностью СМИ (причем результаты ее мониторинга подлежат обнародованию). Впервые конституционно закреплена процедура опровержения публикаций.

Требования к издателям и журналистам, а также условия издания газет и любой другой печатной продукции политического содержания вынесены из конституции в Закон 346/1969 «О печати».

В остальном содержание ст. 14, регулирующей деятельность печати, полностью повторяет содержание аналогичной статьи Конституции 1952 г.

В 1969 г. был принят Закон 346/1969 «О печати». Статья 29 аннулирует законы о прессе и журналистике, принятые во времена Метаксаса, в частности Закон 1093/1938 «О журналистских организациях» (кроме ст. 54, которая регулирует работу торговцев газетами, а именно, предписывает им носить униформу (п. 3), запрещает работать без удостоверения, выдаваемого Ведомством печати и туризма (п. 2) и т.д.

В 1971 г. принят Закон 1004/1971 «О журналистской профессии». Он дополняет Закон 346/1969 «О печати» и регламентирует более частные моменты работы редакторов и фотокорреспондентов, например, определяет часы работы (ст. 8), основания для лишения удостоверения редактора (ст. 4), основания создания профессиональных организаций (ст. 17–20) и др.

Профессиональные организации находились под непосредственным контролем со стороны Министерства печати и информации: они обязаны были предоставлять сведения о своем составе, внутренних распоряжениях и правилах в течение 30 дней после любого в них изменения. Неисполнение этого распоряжения подлежало уголовному преследованию. Закон четко определял категории профессиональных организаций (ст. 19), права и обязанности их участников (ст. 20). Цель создания журналистских и издательских профсоюзов – забота о профессиональной пользе для их участников, контроль за соблюдением ими этических норм и принятие мер, которые будут способствовать их повышению (ст. 18). Как видим, профсоюзы поставлены в очень узкие рамки, сфера их влияния ограничена. О том, чтобы бороться за большую свободу журналистской работы или изменения в законодательстве, не могло быть и речи.

Если сравнить законы о печати двух периодов диктатур – эпохи Метаксаса и «черных полковников», – можно увидеть, что последние менее строги. Так, Закон 346/1969 в первых же строках устанавли-

ваает свободное положение печати, в то время как в Законе 1092/1938 о ней не сказано ни слова, а первые же его положения касаются регламентации преступлений печати. Согласно первому типографию можно открыть свободно, в то время как по закону 1938 г. для этого предусмотрена специальная процедура (издатель и типограф должны внести в специальный реестр свое имя и адрес, в случае невыполнения этого предусматривается штраф в размере от пяти до десяти тысяч драхм. В случае, если в течение шести месяцев с момента взывания штрафа в реестре появятся ложное имя или адрес, к денежному наказанию добавляется также лишение свободы сроком до двух месяцев, ст. 6).

Кроме того, если во времена Метаксаса разнообразным наказаниям подлежала журналистская и издательская деятельность, выходящая из-под контроля со стороны властей (издание газет в непредусмотренном для них формате, нарушение законодательства о типографской бумаге, упоминание неугодных правительству изданий), в эпоху «черных полковников» заметно большее внимание уделялось публикациям материалов, содержание которых могло разрушить общественную мораль, а также таких, которые подрывали доверие к армии (что логично, поскольку во главе правительства стояли именно военные). В Законе 346/1969 наказания за издание газеты в формате, не соответствующем требованиям закона, нарушение законодательства о качестве и условиях закупки типографской бумаги, предоставление со стороны газеты разного рода подарков, выигрышей без получения соответствующего разрешения, продажу газет третьим лицам или реализацию печатной продукции по цене, не соответствующей назначенной Министерством, а также упоминание газеты, к которой предъявлен судебный иск, попросту отсутствуют. Также нет пункта о том, на кого перекладывается ответственность в случае, если виновник появления подлежащей судебному преследованию публикации не найден (согласно п. 1–3 ст. 46 Закона 1092/1938 наказание в этом случае несут работники типографии или распространители тиража, которые имели представление о его содержании). С года до трех месяцев снижен срок за указание ложного имени издателя, редактора или владельца газеты; с года до шести месяцев – за работу во внеурочное время.

Зато в эпоху «черных полковников» ужесточились наказания за неосторожные публикации, связанные с армией. По сравнению со ст. 43 Закона 1092/1938 до шести месяцев был увеличен срок тюремного заключения за публикацию сведений о маневрах, планах, учениях и иных действиях вооруженных сил страны без официального разрешения Министерства (т.е. увеличился вдвое), а минимальный размер штрафа составил 100 тысяч металлических драхм (в эпоху Метаксаса это был максимальный штраф за подобные материалы). Ужесточились наказания за обнародование сведений и материалов, которые могут подорвать доверие к вооруженным силам страны (сухопутным, морским и воздушным), стали подлежать судебному преследованию публикации, которые содержат имена сотрудников секретных служб Греции или стран-союзников, а также описание их целей, условий и методов работы (ст. 50).

Также были запрещены публикации, которые могут подрывать доверие к национальной экономике или валюте (ст. 71), подстрекают к конфликтам на почве политики, содержат неприличные тексты или изображения (в соответствии с п. 1 ст. 34 таковыми признаются произведения, преступающие нормы общественного стыда, но не произведения искусств. В соответствии с п. 2 ст. 34 экспертизу по признанию того или иного текста (изображения) произведением искусства проводит Высшая школа прекрасных искусств). Были запрещены публикации изображений в момент совершения антиобщественных деяний лиц, не достигших 18-летнего возраста (п. 1, 2 ст. 56); обнародование причин, побудивших к самоубийству или покушению на самоубийства, а также описания способов их совершения (ст. 62), е публикации, которые могут нанести ущерб чести, достоинству или имуществу другого лица (п. 1 ст. 60).

В эпоху «черных полковников» впервые в законе о СМИ появляется положение о том, чтобы на титульном листе изданий религиозного содержания было обозначено, к какой конфессии или религии они относятся (Закон 346/1969, ст. 10).

Впервые в законодательстве появляется пункт о цензуре в отношении печатной продукции для детей: в ней не должны быть тексты и изображения, которые содержат любое представление о внутрисоюзной вражде, лжи, кражах, лени, немужественном поведении, ненависти, распущенности и любых поступках, которые являются предосудительным с точки зрения закона и морали, потому что эти материалы представляют опасность для нравственности подрастающего поколения и служат разрушению национального самосознания и отрицанию ценностей греческой и христианской культуры (Закон 346/1969, ст. 10, 74).

Законы «О печати» 1092/1938 и 346/1969 совпадают в некоторых положениях – определении периодичности выхода газеты и журнала (не реже раза в месяц и не реже раза в три месяца соответственно), запрете на определенные действия в ходе продажи печатной продукции в общественных местах (оглашать фразы враждебного, порочащего или клеветнического характера в отношении властей, иностранных держав, лиц или печатных изданий, о которых не написано в распространяемом печатном издании, или же упомянутых, но называемых таким образом, что это может нарушить общественную мораль; ст. 8 и 13), установлении минимальной цены печатной продукции соответствующим Министерством (ст. 34 и 14) и обязательном экономическом контроле предприятий печати со стороны правительства (ст. 35 и 30).

Несколько отличаются требования к редакторам и издателям газет. Во времена Метаксаса, помимо наличия соответствующего образования и недвижимости, редактору требовалось обладать «добрым нравом» (Закон 1092/1938 «О печати»). Оценка этого критерия носит не объективный, а субъективный характер, что давало правительству гораздо больше свободы в плане запрета на издание газет неугодным ему лицам: под определение «недоброго нрава» при желании гораздо проще подобрать материалы, чем

под требования, которые основаны на наличии или отсутствии конкретных официальных документов. Критерии, сформулированные в законах 346/1969 «О печати» и 1004/1971 «О журналистской профессии», носят объективный характер: греческое гражданство, полная дееспособность, пройденная армейская служба или официальное от нее освобождение, соответствующее образование, отсутствие судимости по политическим причинам. В этом смысле эпоха «черных полковников» оказывается более благоприятной для создания новых предприятий печати.

Таким образом, эпоха «черных полковников» характеризуется снижением контроля за политическим содержанием публикаций и повышением контроля за нравственным уровнем журналистских материалов. Больше внимания уделяется публикациям, которые непосредственно касаются армии или спецслужб, что логично для военного правительства. Впервые появляется требование к четкому определению конфессиональной принадлежности СМИ.

Третья республика (с 1975 г. по настоящее время). Начало современного – республиканского – периода в истории Греческого государства ознаменовалось пересмотром и частичной отменой законодательных распоряжений предыдущих эпох.

Политический контроль за печатью был ослаблен, что закрепила Конституция 1975 г.: согласно ст. 14 отныне распространение взглядов организаций, которые находятся вне закона, не является основанием для конфискации (при этом одной из причин для изъятия тиража является призыв к нарушению существующей целостности государства). Государственный контроль за экономической стороной деятельности печатных изданий сохраняется: источники финансирования (как и в соответствии с Конституцией 1968 г.) могут быть обнародованы.

Правительство третьей греческой республики отменило все законодательные распоряжения о СМИ правительства «черных полковников» – Закон 346/1969 «О печати», и, соответственно, автоматически вернуло в силу все законы, которые были им упряднены (5060/1931 «О печати, оскорблениях чести в целом и некоторых других распоряжениях», 1092/1938 «О печати», 582/1945 «О порядке предоставления бумаги для Печати», ст. 4. Закона 73/1944 «О регулировании порядка изданий и распространения газет», 199/1945 «Об исполнении закона 1998/1939 “О знаках”, 265/1945 «О мерах по защите газет, журналов и прочей печатной продукции, распространяемой в соответствии с законом», ст. 30 Закона 2493/1953 «Об изменении и дополнении некоторых положений Уголовного кодекса и Кодекса уголовного судопроизводства», Закон 2943/1954 «О порядке продажи газет и журналов»).

Чтобы избежать противоречий между возвращенными в силу законами периода монархии и современным республиканским строем, согласно ст. 5 Закона 10/1975 во всех случаях, когда в законодательных документах упоминается Царь, отныне следует подразумевать Президента республики. Статья 6 разграничила сферу действия судов в отношении преступлений печати: если они носят непреднамеренный харак-

тер, их разбирает мировой суд из трех человек, в случае преднамеренного правонарушения или преступления – суд из пяти человек.

На первый взгляд, очевидно противоречие между республиканским строем, конституционным ослаблением контроля печати со стороны правительства и возвращением Закона 1092/1938 «О печати» эпохи диктатуры Метаксаса. На самом же деле он вступил в силу в связи с отменой закона 1969 г., и на практике печать не подвергалась предусмотренному им контролю. Греческому правительству понадобилось 20 лет, чтобы вернуться к рассмотрению закона о СМИ. Законом 2243/1994 – ФЕК 162/А/3-10-1994 были официально отменены специальные уголовные распоряжения о печати, содержащиеся в законах 5060/1931 «О печати, оскорблениях чести в целом и других смежных правонарушениях» и закона 1092/1938 «О печати», равно как и другие существенные и судебные и уголовные распоряжения специального закона в связи с печатью, кроме ст. 29 и 30 Закона 5060/1931 и ст. 47 Закона 1092/1938, которая заменена ст. 4 пар. 2 Закона 1738/1987 и ст. 3 Закона 1178/1981.

Остались в силе только правила, предусмотренные ст. 32, 37 и 38 Закона 1092/1938, но их несоблюдение влечет не уголовные, как при Метаксасе, а административные меры наказания.

Можно сказать, что в греческом законодательстве после установления республиканского строя произошло то же, что спустя несколько лет случилось в Испании после прекращения диктатуры Франко: контроль и цензура со стороны государства наконец, были сильно ослаблены. Роднит их и фактическое отсутствие полного закона о СМИ: в Испании специальное законодательство о СМИ и вовсе отсутствует [3. С. 140], а в Греции от предыдущих законов остались только некоторые параграфы и статьи, нового закона сформировано не было.

Одна из основных тем современного греческого законодательства о печати – наказания за причинение морального вреда. Думается, причина повышенного внимания к этому вопросу в том, что печать активно используется в контексте политической борьбы, когда в ход идут самые разнообразные средства снижения доверия к политическим оппонентам. В этом смысле греческое законодательство не является исключением. К примеру, «акты о диффамации» и многочисленные иски по поводу оскорблений в печати характерны для Великобритании [4. С. 193–195]. Только в Британии закон устанавливает максимальный размер возможной компенсации за нанесение морального ущерба [Там же. С. 195], а греческое законодательство в течение семидесяти с лишним лет предписывала минимальный размер компенсации, оставляя определение верхнего предела на усмотрение судей.

Впервые указание о минимальном размере компенсации за нанесение вреда посредством публикаций появилось в греческом законодательстве в 1938 г., когда закон определил нижнюю и верхнюю границу суммы компенсации – от 500 до 20 тыс. драхм со стороны собственника газеты (Закон 1092/1938, ст. 39).

Закон 1178/1981 устанавливал определенную минимальную сумму компенсации за причинение мо-

рального ущерба вне зависимости от спровоцированного публикацией ущерба имущественного («не менее 300 000 драхм для газет и журналов, которые издаются на территории столицы и Салоник и 50 000 для тех, которые издаются в других регионах страны, кроме случаев требования со стороны истца меньшей суммы», пар. 2). Также предусматривались штраф за каждый день задержки публикации решения суда по делу нанесения морального вреда (в размере пятикратной стоимости размещения в газете государственных публикаций, пар. 3) и правило о том, что если в связи с одной и той же публикацией были поданы иск в уголовный суд и иск о причинении морального вреда, последний разбирается независимо от первого, но уже не в гражданском, а в уголовном суде. Практика разбирать в уголовном суде дела об оскорблении чести и нарушении неприкосновенности личной жизни в печати существует не только в Греции, но и в другой стране Южной Европы – Испании [3. С. 140].

Закон 2243/1994 изменил размеры суммы минимальной компенсации (не менее 10 млн драхм для ежедневных газет и журналов Афин и Салоник и 2 тыс. для других газет или журналов, кроме случаев требования со стороны истца меньшей суммы и независимо от требований возмещения имущественного вреда (пар. 2)) и штрафа за каждый день задержки публикации судебного решения (1/10 от суммы минимальной компенсации за нанесение морального вреда).

Статья 37 Закона 4356/2015 внесла в законодательство кардинальные изменения: минимальная сумма компенсации была отменена. Отныне суд может назначать любую сумму компенсации, принимая во внимание «а) последствия публикации в отношении семейного, экономического, общественного и профессионального статуса потерпевшего; б) вид, природу, серьезность, тяжесть и аморальность фактов, действий или характеристик, которые были даны в публикации; γ) разновидность нанесенного оскорбления; δ) степень отклонения от правды опубликованных фактов о потерпевшем; ε) обстоятельства совершения правонарушения, στ) общественное и экономическое состояние обеих сторон» (пар. 2). Кроме того, «если со стороны собственника, издателя или редактора СМИ в течение 10 дней или в следующем выпуске издания, в котором была напечатана публикация оскорбительного характера, ее опровержение было опубликовано на том же месте, то гражданский иск по поводу публикации невозможен» (пар. 5). Возможность получения компенсации после публикации опровержения сохраняется за потерпевшим только в исключительных случаях, если публикация причинила особенно серьезный вред личной, семейной, профессиональной или общественной репутации пострадавшего. При этом если публикация послужила причиной причинения вреда имуществу потерпевшего, он имеет право обратиться в суд за получением компенсации только имущественного вреда.

Можно сказать, что принятые поправки дали ответчикам возможность подвергаться намного менее суровым наказаниям, чем раньше. Следовательно, потенциально новый закон открывает больший про-

стор для использования печати как оружия, например, в политической или экономической борьбе с конкурентами, подрывая их репутацию разного рода публикациями и не боясь подвергнуться строгим судебным преследованиям. Факт появления опровержения может надежно уберечь их от возможных исков, но не обязательно компенсирует имиджевые потери конкурентам, чья репутация была подпорчена.

Ряд важных изменений в системе греческого права СМИ произошел уже в начале третьего тысячелетия. Главная задача государственной политики – борьба против концентрации СМИ, которая происходит на фоне формирования в стране крупных информационных концернов. Цель – принятие законов, которые призваны сделать невозможным преобладание в СМИ мнений и взглядов, высказанных от лица только одной политической партии. Аналогичная ситуация сложилась в Италии, где задача антимонопольного законодательства – сохранение биполярной системы [5. С. 160] и в Англии, где антимонопольное законодательство развивалось в 40–70 гг. XX в. [4. С. 111–113, 191]. Только в Греции антимонопольный закон с целью охраны плюрализма мнений на информационном рынке вступил в силу и не содержит оговорок, как в британском законодательстве [Там же. С. 192]. Отметим, что антимонопольное законодательство характерно для многих европейских стран, но его появление не обязательно имеет политические предпосылки. К примеру, в Швеции задача такого рода законов – поддержание рыночной конкуренции [6. С. 416]. В других странах Европы, как, например, в Финляндии, антимонопольные законы вообще отсутствуют [7. С. 363].

Греческий закон 3592/2007 «Концентрация и предоставление разрешений предприятиям СМИ и другие распоряжения» регулирует антимонопольную политику государства в отношении прежде всего сферы теле- и радиовещания. Газеты и журналы затрагиваются частично, например, ст. 3 подразумевает, что одно и то же СМИ может владеть не более чем 35% всего рынка СМИ данного вида (в том числе газетного или журнального), также в ней подробно указано, какой процент рынка допустимо занимать одному владельцу на рынках разных видов СМИ. Статья 5 запрещает одному лицу или лицам, которые официально состоят в браке, владеть более чем одним СМИ одного вида (например, двумя телеканалами или двумя радиостанциями). На газеты и журналы этот пункт не распространяется. Это говорит, прежде всего, о том, что за ними не признается такого сильного влияния, как за аудиовизуальными СМИ.

Для греческого законодательства периода третьей республики в принципе характерно повышенное внимание к аудиовизуальным СМИ и минимальное – к печати, в чем мы видим сходство с современным законодательством в области СМИ Великобритании [8. С. 55].

Самые последние изменения в области печати произошли совсем недавно: в декабре 2016 г. Законом 4441/2016 был упразднен Закон 1004/1971 «О журналистской профессии». Нового закона, который пришел бы ему на смену, принято не было. На сегодняшний день работа профессиональных журналистских организаций регулируется только их внутренними

морально-этическими кодексами, которые не имеют силы закона.

Таким образом, по итогам почти двухсотлетней истории развития греческого законодательства о печати в целом 75-летней истории со времени принятия первого греческого закона о СМИ в настоящий момент деятельность печать в Греции регулируется следующими документами: Конституцией, ст. 29 и 30 Закона 5060/1931 и ст. 47 Закона 1092/1938, которая заменена ст. 4, пар. 2 Закона 1738/1987, а также Законом 1178/1981, 2-й и 5-й параграфы которого действуют в редакции 2015 г. Новый закон, представляющий собой полный свод законодательных положений относительно печати, не принят. Последний существовавший закон о журналистской профессии отменен, новый не разработан.

Помимо общегосударственного законодательства, существует система саморегуляции печати. Речь идет об этических кодексах, выработанных профессиональными организациями журналистов, прежде всего, Союзом редакторов афинских газет. Эти документы не имеют законодательной силы, более того, с развитием экономического кризиса их авторитет, а следовательно, и значимость выработанных ими документов существенно снизился, хотя документы эти не отменены.

Кроме того, в существующих на территории Греции организациях могут быть приняты также внутренние документы, регулирующие работу учрежденных этими организациями СМИ. Например, в Элладской православной церкви, которая является одним из государственных институтов, существует Отдел по делам печати, который за время своего существования принял ряд одобренных Синодом документов и предписаний. Они существенны для работы церковных СМИ, но их рассмотрение выходит за рамки темы данной статьи.

Законодательство о печати в современном законодательстве Греции развивается не очень активно. Во многом это можно объяснить наступившим кризисом в области печати, который происходит на фоне общего экономического кризиса в стране, а также тем, что в политической борьбе, которая занимает существенное место в жизни страны, основная ставка сделана на аудиовизуальные СМИ. Печать как серьезный инструмент конкурентной борьбы политиками и владельцами информационных корпораций не берется в расчет.

Как будет развиваться ситуация дальше, покажет время. Из первоочередных задач – разработка законодательства в сфере интернет-СМИ. До сих пор в этой области не принято ни одного законодательного документа, что отличает Грецию от других европейских стран (к примеру, такой закон принят в 2009 г. (с. 389)).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ψυχολιός Κ. Δ. Τα έντολα μέσα επικοινωνίας. Από τον πηλό στο δίκτυο. Αθήνα, 2004.
2. Τσαπόγας Μ. Περίγραμμα της ελληνικής νομοθεσίας περί Τύπου // Εγκυκλοπαίδεια του ελληνικού Τύπου 1784–1974. Εφημερίδες, περιοδικά, δημοσιογράφοι, εκδότες. Αθήνα, 2008. Τ. 4. С. 481–484.
3. Паисова А.А. Испания (Королевство Испания) // Энциклопедия мировой индустрии СМИ. М., 2013. С. 139–157.
4. Беглов С.И. Четвертая власть: британская модель. М., 2002.
5. Урина Н.В. Италия (Итальянская Республика) // Энциклопедия мировой индустрии СМИ. М., 2013. С. 158–181.
6. Кушнаренко Г.Д. Швеция (Королевство Швеция) // Энциклопедия мировой индустрии СМИ. М., 2013. С. 415–436.
7. Вартанова Е.Л. Финляндия (Финляндская Республика) // Энциклопедия мировой индустрии СМИ. М., 2013. С. 361–387.
8. Вартанова Е.Л. Великобритания (Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии) // Энциклопедия мировой индустрии СМИ. М., 2013. С. 53–88.

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 февраля 2018 г.

LEGISLATION ON THE PRESS AND ONLINE MEDIA IN GREECE (1931–2017)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 204–210.

DOI: 10.17223/15617793/428/28

Olga A. Bogdanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: otheodorova@gmail.com

Keywords: Greece; press; legislation of media; legislation of the press; law of media; censorship; antitrust legislation.

The subject of the article is the evolution of the legislation on the media in the Greek Republic since the adoption of the first law on the media in 1931 till the present day. The study is done on the basis of the material of legislative documents concerning printed media which were adopted in the period from 1931 till March 2017. The analysis used original texts of the documents, and the quotations in the article are translations made by the author. The documents selected were considered in the diachronic aspect (in the course of the history of modern Greece) and in the synchronic aspect (for each chronological stage). The general method of the study was essentially the comparison of the documents in question: Greek documents from different periods of Greek history, Greek documents compared to the legislation of other European states, and also in the context of the changing political situation in the country. A number of particular scientific methods were also used, which take into account specific features of Greek legal traditions. The following basic problems were solved in the study: to determine the basic themes of the laws on the media; to follow the dynamics of the development of relations between the state and the media in the period of the second half of the 20th c. and the beginning of the 21st c., and to analyze the content of the present corpus of the laws on the media and to assess the significance of the media in the life of modern Greece. After 1931 the Greek legislation on the media developed around the following basic subjects: the measure of freedom of the press and the work of journalists; the spectrum of subjects forbidden for publication and starting from the second half of the 20th c. the state control of the activity of enterprises and markets of the media. Nowadays politicians and owners of information corporations do not consider the press in Greece as a serious instrument in a competitive struggle; due to this the legislation on the media is practically not developing and is represented by only a few legislative acts. Besides the state legislation there is also a system of the self-regulation of the press: codes of ethics elaborated by professional journalistic organizations, in the first place, by the Journalists' Union of Athens Daily Newspapers. These documents do not have legal force; in the course of the economic crisis their authority and importance decreased noticeably, although they remain valid. There is no legislation in the field of the internet-

media. The set of documents which constitute the system of the law on the media of the Greek Republic was practically not analyzed in Russian academic literature so far. However, these documents represent a part of the modern European legislation on the media, and their knowledge is necessary for the understanding of the general situation in the field of the modern European law on the media. The material collected and analyzed in the present article is new in the Russian scientific field, and it fills one of the significant lacunas in this field.

REFERENCES

1. Ψυχογιός, Κ. Δ. (2004) *Τα έντυπα μέσα επικοινωνίας. Από τον πηλό στο δίκτυο* [The printed media. From the clay to the grid]. Athens.
2. Τσαπόγας, Μ. (2008) Περίγραμμα της ελληνικής νομοθεσίας περί Τύπου [Outline of the Greek Legislation on the Press]. In: *Εγκυκλοπαίδεια του ελληνικού Τύπου 1784–1974. Εφημερίδες, περιοδικά, δημοσιογράφοι, εκδότες* [Encyclopedia of the Greek Press 1784–1974. Newspapers, magazines, journalists, publishers]. Vol. 1. Athens.
3. Paisova, A.A. (2013) Ispaniya (Korolevstvo Ispaniya) [Spain (Kingdom of Spain)]. In: Vartanova, E.L. (ed.) *Entsiklopediya mirovoy industrii SMI* [Encyclopedia of the world media industry]. Moscow: Aspekt Press.
4. Beglov, S.I. (2002) *Chetvertaya vlast': britanskaya model'* [The fourth power: the British model]. Moscow: Moscow State University.
5. Urina, N.V. (2013) Italiya (Ital'yanskaya Respublika) [Italy (Republic of Italy)]. In: Vartanova, E.L. (ed.) *Entsiklopediya mirovoy industrii SMI* [Encyclopedia of the world media industry]. Moscow: Aspekt Press.
6. Kushnarenko, G.D. (2013) Shvetsiya (Korolevstvo Shvetsiya) [Sweden (Kingdom of Sweden)]. In: Vartanova, E.L. (ed.) *Entsiklopediya mirovoy industrii SMI* [Encyclopedia of the world media industry]. Moscow: Aspekt Press.
7. Vartanova, E.L. (2013) Finlyandiya (Finlyandskaya Respublika) [Finland (Republic of Finland)]. In: Vartanova, E.L. (ed.) *Entsiklopediya mirovoy industrii SMI* [Encyclopedia of the world media industry]. Moscow: Aspekt Press.
8. Vartanova, E.L. (2013) Velikobritaniya (Soedinennoe Korolevstvo Velikobritanii i Severnoy Irlandii) [United Kingdom (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland)]. In: Vartanova, E.L. (ed.) *Entsiklopediya mirovoy industrii SMI* [Encyclopedia of the world media industry]. Moscow: Aspekt Press.

Received: 19 February 2018

ОБ ОСНОВНОМ ДЕЛЕНИИ ПРАВА

Статья посвящена проблеме основного дуализма права – делению последнего на частноправовую и публично-правовую подсистемы. Используя идеи отечественной правовой школы, автор доказывает, что для выявления структуры обеих подсистем необходимо и достаточно обозначить публично-правовые отрасли, учитывая, что при этом все иные отрасли окажутся частноправовыми. При этом система права в ее современном виде видится как двуглавая пирамида: первую часть пирамиды (публичное право) возглавляет конституционное право, во главе второй (частного права) находится гражданское право.

Ключевые слова: система права; дифференциация системы права; публичное право; частное право; отрасли права.

Дуализм в праве распространен: в силу закона единства и борьбы противоположностей многие юридические явления диалектически распадаются на две части, которые, вместе с тем, образуют неразрывное целое. На этом фоне отчетливо прослеживается разграничение объективного права на относительно обособленные подсистемы – публично-правовую и частноправовую. С другой стороны, существует хорошо изученное деление права на отрасли, не являющееся дихотомией. Как будет показано ниже, оба названные деления, необходимо дополняя друг друга, позволяют выявить структурное строение права по типу «система – подсистемы – элементы», одновременно распределив между юридическими отраслями роли в регулировании общественных отношений.

Юриспруденция (как отечественная, так и зарубежная) предлагает воистину необъятное количество научных трудов, посвященных проблеме основного деления права¹. Однако по-прежнему актуально высказывание М.М. Агаркова, имеющее почти вековую давность: «Нет надобности рассматривать вопрос о разграничении частного и публичного права путем изложения и критики многочисленных теорий, предложенных в литературе. Это было сделано бесконечное число раз. Неудача попыток установить искомое различие значительно усилила... нигилистическую точку зрения на проблему, которая отрицает самую возможность разрешить ее в теоретической плоскости» [2. С. 51].

Так, известным поводом для формирования отрицательного отношения к основному делению права в советской науке послужило ставшее юридической «притчей во языцех» выражение В.И. Ленина: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное» [3. С. 398]². Но и безотносительно к указанному делению наблюдалась близость одних отраслей и некоторая отдаленность других. Поэтому система советского права мысленно рисовалась как пирамида: во главе ставилось конституционное (государственное) право, от которого шли вниз наиболее крупные (фундаментальные, профильные) отрасли, образующие совместно с примыкающим к ним юридическим образованиям *семью отраслей* [5. С. 216]. В качестве же профильных отраслей назывались гражданское право, административное право и уголовное право [6. С. 174–179]. И хотя, как правило, терминология «публичное право» и «частное право» не употреблялась,

выделение той или иной семьи отраслей (например, цивилистического профиля) опиралось на строгую теоретическую основу.

Объективная обусловленность системы права предполагает необходимость такого же объективного выявления образующих данную систему элементов, для чего требуется подобрать адекватное реальной действительности основание соответствующей дифференциации.

В современной науке общепризнанным, по сути аксиоматичным является положение о том, что главными критериями обособления отраслей внутри системы права выступают предмет и метод правового регулирования. Не менее очевидно, однако, что применительно к делению права на публичное и частное, равно как и к заменяющему данное деление пирамидальному построению указанной системы, речь так или иначе идет о группировке именно отраслей, а не иных объединений норм, т.е. *об отраслевой структуре права*³.

Как известно, в результате деления целого на части с одновременным применением такого известного теоретического приема, как сравнение, неизбежно обнаруживается не только различие выделенных частей, но и их несомненное сходство. Вместе с тем для обеспечения достоверности полученного знания анализ предмета исследования и параллельное сопоставление выявленных элементов в целях установления их общих и специфических черт необходимо производить по одному и тому же основанию. И поскольку анализируется система права, внутри которой объективно группируются отдельные отрасли, различающиеся по их предмету и методу, постольку по законам логики точками притяжения этих отраслей будут выступать все те же предмет и метод (которые в действительности и выполняют роль пресловутых «материального» и «формального» критериев основного деления права). Иными словами, предмет и метод правового регулирования позволяют не только разграничить юридические отрасли внутри системы права, но и объединить их там в определенные «семьи» (подсистемы). Соответственно, названные критерии в совокупности должны использоваться также в ходе решения проблемы дуализма права – деления последнего на отрасли, группирующиеся в силу объективной обусловленности юридической материи в публичную и частную подсистемы.

Как ни парадоксально, но методологически верный подход к разграничению публичного и частного

права по предмету регулирования опять-таки можно отыскать в глубинах советской теории, которая, за редким исключением, рассматриваемое деление отвергала.

«Предмет правового регулирования как единое целое, – подчеркивал А.М. Витченко, – можно условно расчленить на две части. Первая – отношения, возникающие в классово организованном обществе (под которым понимается государство, т.е., в современном звучании, речь идет о политической организации общества. – *Прим. авт.*). Они носят временный, переходящий характер (имеется в виду отмирание государства с победой коммунизма. – *Прим. авт.*) и существуют только в правовой форме. К ним относятся межгосударственные отношения, отношения органов власти и управления, процессуальные и многие другие, *которые порождаются деятельностью государства*. Вторая часть – отношения, *вытекающие из деятельности общества* (курсив мой. – В.Г.)» [7. С. 10].

Приведенная цитата наглядно демонстрирует относительную обособленность двух больших, в известном смысле противоположных сфер регулируемых правом отношений – политической (государственно-властной) и неполитической (общественной). Ведь публичная власть – это власть, выделенная из общества и не совпадающая с населением страны или государства, являющаяся одним из признаков, отличающих государство (страну) от общественного строя; публичная власть обычно противопоставляется общественной власти, т.е. власти общества [8].

Значит, применительно к объяснению существования государственно-правовых феноменов термин «публичный» понимается не как «общественный», а наполняется специальным содержанием в смысле «политический», т.е. как раз в качестве антипода «общественный». И подобно тому, как публичная власть противопоставляется общественной, должны противопоставляться оформляющие их правовые явления, а именно: публичное право, объединяющее отрасли, призванные определить политическую организацию общества, и частное право, отраслями которого регулируются отношения, лежащие вне сферы властной деятельности государства. Поэтому, по самой логике вещей, для выявления структуры обеих правовых подсистем необходимо и достаточно обозначить публично-правовые отрасли, учитывая при этом, что все иные отрасли окажутся частноправовыми. Действует характерный для дихотомического деления остаточный принцип: в данном случае в первую очередь выделяются отрасли, регулирующие отношения по поводу власти в государстве, а поэтому образующие публичное право, остальные же известные отрасли представляют частноправовую подсистему (семью)⁴. В этом смысле с равным успехом можно говорить о публичном и «непубличном» праве.

Публично-правовые отрасли регулируют политические отношения, возникающие в сфере организации публичной власти, что необходимо для обеспечения суверенитета государства.

С этой целью, в частности, требуется закрепить форму государства (форму правления и форму государственного устройства), механизм государства, ос-

новы политического, экономического и социального уклада государства, принципы взаимодействия государства с гражданским обществом⁵, порядок деятельности правоприменительных органов при разрешении конкретных юридических дел.

Кроме того, самостоятельность, независимость и верховенство государственной власти предполагает определение круга общественно опасных посягательств (административных проступков и уголовных преступлений) и ответственности за их совершение, установление и взимание обязательных платежей в бюджет и внебюджетные фонды, упорядочивание внешних официальных сношений (в том числе посредством участия в деятельности международных межправительственных организаций).

Соответствующие общественные отношения регулируются нормами конституционного права, административного права, уголовного права, финансового права, международного права, гражданского процесса, арбитражного процесса, уголовного процесса, уголовно-исполнительного права.

Применительно к исследованию публичного права как относительно обособленного комплекса отраслей (подсистемы) научный интерес представляют оба критерия системной дифференциации права. Поэтому теоретическому анализу следует подвергать единые свойства и предмета, и метода публично-правового регулирования.

Напротив, отрасли частного (непубличного) права есть регулятор различных по содержанию общественных отношений, объединяемых по существу одним, к тому же негативным признаком, – данные отношения складываются вне сферы организации публичной власти. В этой связи познавательным значением здесь наделяется главным образом категория правового метода: несмотря на все многообразие указанных отношений, методы их регулирования, подобно методам публичного права, характеризуются общими, принципиально значимыми чертами, выявление которых позволяет уяснить самую суть юридических режимов соответствующих отраслей. Как следствие, теоретическое исследование рассматриваемой подсистемы должно преследовать цель установления единых для всех частноправовых отраслей приемов регулирования⁶.

Человек, как разумное существо, наделен свободой воли, обеспечивающей ему возможность совершения поведенческих актов, естественно-необходимую для удовлетворения осознанных потребностей. В то же время общественные отношения связывают необъятное множество субъектов, индивидуальные воли которых различны и, более того, зачастую противоречивы. Требуется поэтому установление пределов свободы воли, что на самом деле означает определение истинной свободы, поскольку свобода есть сознание необходимости: свобода, не знающая границ, превращается в иное явление – произвол, выразительно именуемый в быту «беспределом».

Существуют разные, хотя и тесно связанные между собой ограничения свободы воли, а именно: внутренние ориентиры, находящиеся в сфере самоконтроля индивида (психические переживания, рели-

гиозные чувствования, моральные принципы и т.п.), и внешние установки, исходящие от общества, роль которых выполняют социальные нормы, в том числе юридические правила. Как справедливо отмечалось в литературе, в качестве непосредственного предмета правового регулирования выступает волевое поведение участников общественных отношений [11. С. 214]. В указанном смысле правовое регулирование предстает как средство ограничения воли отдельных субъектов в целях достижения свободного, равного и справедливого общественного сосуществования (концепция «право как мера свободы воли»), а правовой метод – в качестве приемов подобного ограничения в их системном единстве.

Мыслимы два генеральных направления юридического ограничения свободы воли, отличающихся друг от друга в зависимости от сферы правового регулирования.

Отношения по поводу политической организации общества предполагают известное соподчинение субъектов, без которого нереально выполнение соответствующих публичных функций. При этом отношения власти-подчинения подвержены деформациям следующего плана: принуждающий стремится усилить господство, принуждаемый – выйти из-под господства. Кроме того, государство, чтобы обеспечить монополию на политическую власть, должно запретить какие бы то ни было «вертикальные» отношения без его участия, в связи с чем в условиях верховенства закона соподчинение может производиться только в правовой форме и исключительно в сфере осуществления упомянутой власти. Этим, помимо прочего, объясняется тот факт, что публично-правовые отношения строятся по принципу *numerus clausus*, а основным способом правового регулирования здесь становится обязывание – положительное или негативное (запрет).

С учетом изложенного в рассматриваемой сфере встают следующие основные задачи: расставить субъектов в соподчиненное правовое положение; обеспечить обязательность исполнения властным субъектом возложенных на него полномочий, запретив не предусмотренные законом правоотношения, т.е. исчерпывающе обозначив случаи соподчинения; сконструировать динамику, элементы и формы обеспечения разрешенных правоотношений, предписывая строго определенное поведение как властного, так и подвластного субъекта. Указанные задачи решаются соответственно приемами: субординации, правообязывания, разрешения. Публично-правовые методы, таким образом, ограничивают свободу воли субъекта в вертикальном направлении – в его отношении с неравным (властным или подвластным) субъектом.

Обратная картина наблюдается в отношениях, возникающих в гражданском обществе и внутренне предполагающих равное, независимое положение автономных лиц, непосредственно отражающее свободу воли каждого члена данного общества. Для названных отношений характерна тенденция «перекоса» в одну из сторон ввиду стремления таковой к захвату экономического и прочего неполитического господства над другой стороной. Поэтому требуется обеспечение «горизонтальности» социальных связей путем вырав-

нивания общего правового положения субъектов. Так же речь идет об отношениях, которые существуют и развиваются фактически, независимо от состояния положительного права, – их изначально невозможно охватить юридическими нормами, что и обуславливает потребность в дозволении как основном способе правового регулирования.

Следовательно, в области частного права необходимо: обеспечить равенство общего юридическое положения участников регулируемых отношений; наделить управомоченное лицо возможностью осуществлять принадлежащие ему права по своему усмотрению и в своем интересе, допустив не предусмотренные законом правоотношения; сконструировать динамику, элементы и формы обеспечения дозволенных правоотношений с учетом широкой поливариантности поведения субъектов. Сообразно этому выделяются следующие приемы правового регулирования: координация, правонаделение, дозволение. Использование частноправовых методов, таким образом, сопряжено с ограничением свободы воли субъекта в горизонтальном направлении, т.е. в его отношениях с себе подобными субъектами (индивидуальными или коллективно организованными).

При решении проблемы дуализма права следует принимать во внимание и другую получившую убедительную аргументацию со стороны советских ученых идею – необходимость выделения фундаментальных (профилирующих) отраслей, юридический инструментарий которых является типичным для отраслей соответствующей подсистемы⁷.

С учетом изложенного система права в ее современном виде предстает как двуглавая пирамида: первую часть пирамиды – публичное право – возглавляет конституционное право, во главе второй – частного права – стоит гражданское право⁸.

Итак, конституционное право находится наверху публично-правовой подсистемы, в составе которой также выделяются: административное право, уголовное право, финансовое право, международное право, гражданский процесс, арбитражный процесс, уголовный процесс, уголовно-исполнительное право. Все иные юридические отрасли образуют частноправовую семью (подсистему), где роль главенствующей (фундаментальной) отрасли играет гражданское право.

Граница между публичным и частным правом должна быть отчетливой, строгой, вопреки иному мнению, допускающему ее размытость и, как следствие, переход отрасли из одной подсистемы в другую⁹. Ведь превращение частноправовой отрасли в публично-правовую – это всегда новое ограничение свободы личности, поглощение ее интересов политически-властными устремлениями, что в правовом государстве не может быть произвольным (не говоря уже о выявленной выше объективной детерминированности дуализма права). В то же время внутри каждой подсистемы возможно отпочкование одних отраслей от других, что исторически встречается при переходе регулируемых правом общественных отношений в новое качественное состояние вследствие их количественного роста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О существующих концепциях разграничения публичного и частного права подробнее см., напр.: [1. С. 9–47].

² Вряд ли В.И. Ленин как политик вкладывал в эту фразу специально-юридическое значение, имея в виду противопоставление двух подсистем права. Основателю пролетарского государства важно было подчеркнуть открытость социалистической экономики, предназначенной служить нуждам самых широких («трудящихся») слоев населения. Поэтому скорее речь шла о советском хозяйстве как достоянии народа в противовес наполненному эгоизмом капиталистическому способу производства («публичное» употреблено в смысле «общественное», как-то: публичные слушания, публичное выступление и т.п.). Косвенным подтверждением сказанного является тот факт, что некоторые советские ученые без всякой опаски предлагали свои пути решения проблемы основного дуализма права, не усматривая в ней чего-либо чуждого социалистической идеологии (см., напр.: [4. С. 94–120]). В этой связи предикат «публичный» характеризует экономику любого современного социально-ориентированного государства.

³ Следует помнить, что речь идет об объединении различных отраслей, а не о так называемых комплексных отраслях, идея существования которых превратилась в настоящий юридический кошмар – в связи с отсутствием у комплексных отраслей единого предмета и метода правового регулирования они, выступая исключительно продуктом богатого воображения отдельных авторов, появляются на свет как грибы после дождя.

⁴ Нельзя забывать, что проблема дуализма в праве тянется красной нитью со времен римского частного права сквозь всю историю человеческой цивилизации, где вплоть до утверждения демократических начал во главу угла всегда ставилась публичная власть. Неслучайно В.И. Ленин в свое время отмечал: «**Коренный вопрос всякой революции** есть вопрос о власти в государстве» [9. С. 145].

⁵ Наряду с прочим, государство должно соблюдать признаваемые им основные права и свободы личности, в том числе при разбирательстве конкретных юридических дел. Этим определяется взаимоотношение государства с гражданским обществом и в этом же проявляется непосредственность действия основных прав и свобод человека и гражданина (ст. 18 Конституции РФ). Речь, таким образом, идет о правообязывании властных органов как приеме методов публично-правового регулирования.

⁶ Думается, именно по этой причине представители цивилистической науки, которая, как известно, изучает ядро частнопредметной подсистемы – гражданское право, нередко становятся на сторону формального подхода к основному разделению права (см., напр.: [10. С. 42–44, 46]).

⁷ Так, в юридической литературе справедливо отмечается, что во всяком правопорядке основу частного права составляет именно гражданское право [12. С. 8].

⁸ Тот факт, что Конституция закладывает основы правового регулирования, вовсе не означает, что предметом конституционного права становятся общественные отношения, регулируемые другими отраслями, а само конституционное право превращается в некую «суперотрасль». В противном случае с неизбежностью следовал бы явно ненаучный вывод о поглощении конституционным правом всех иных отраслей.

⁹ Например, И.А. Покровский указывал, что граница между публичным и частным правом на протяжении истории далеко не всегда проходила в одном и том же месте; помимо исторической изменчивости границ надо иметь в виду и то обстоятельство, что даже в каждый данный момент эти границы не представляют резкой демаркационной линии» [10. С. 44–45]. Тем более нельзя смириться с радикальными суждениями о «конвергенции» частного и публичного права (см., напр.: [13]), которые грань между названными внутрисистемными образованиями, по сути, ликвидируют. Подобные суждения – явный уход в сторону от существующей проблемы. Ведь решение любого теоретического вопроса путем выдвижения и попытки обоснования тезиса о некоем взаимопроникновении исследуемых дуалистических противоположностей есть проявление научного бессилия, искусно оформленного, однако, в различного рода «благородные» идеи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорохин С.В. Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М., 2006.
2. Агарков М.М. Ценность частного права // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М., 2002. Т. 1.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 44.
4. Черпахин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве // Труды по гражданскому праву. М., 2001.
5. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975.
6. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008.
7. Витченко А.М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. Саратов, 1974. С. 10.
8. Публичная власть. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Публичная_власть (дата обращения: 26.06.2017).
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 31.
10. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2003.
11. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008.
12. Гражданское право : учебник : в 4 т. / под ред. Е.А. Суханова. М., 2006. Т. 1.
13. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М., 2011.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 ноября 2017 г.

ON THE MAIN DIVISION OF LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 211–215.

DOI: 10.17223/15617793/428/29

Vladislav V. Gruzdev, Novosibirsk State University of Economic and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gruzvld@rambler.ru

Keywords: system of law; differentiation of law system; public law; private law; branches of law.

The subject of the research is patterns of legal regulation of public relations arising in the sphere of public authority organization, on the one hand, and in all other spheres, on the other. These patterns are discussed in the dogmatic, historical and sociological aspects. The aim of the study is to substantiate the idea that the subject and method of legal regulation allows not only to delineate legal industries within the system of law, but also to unite those in the public law and private law subsystems. The objectives of the study are: (1) to outline the research methodology, including to show that the term “public” as applied to the explanation of the essence of state and legal phenomena is not understood as “social” and acquires the special meaning “political”, i.e. the antithesis of “public”; (2) to justify the thesis that the public law sector regulates political relations arising in the sphere of public authority organization, which is necessary to ensure the sovereignty of the state, and the private (non-public) law sector is the regulator of diverse social relations essentially united by one negative sign: these relations are outside the sphere of public authority organization; (3) to show that methods of the public law sector limit the freedom of will of the subject in the vertical direction (in one’s relationship with an unequal (power or dependent) subject), and methods of the private law sector limit the freedom of will of the subject in the horizontal

direction, i.e. in one's relations with similar subjects. The methodological basis of the research is the application of philosophical, general scientific and specific scientific methods of obtaining knowledge, including formal-legal and comparative-legal ones. The following conclusions are made in the study: the subject and method of legal regulation are the criteria of dividing the law into sectors that are grouped into the public and private subsystems due to the objective conditionality of the legal matter. With regard to the study of public law as a relatively separate sector, both criteria of the systemic differentiation of law are of scientific interest. The category of legal method mainly has a cognitive value for the identification of the essence of the private law sector. The system of law in its modern form appears as double-headed pyramid: the first part of the pyramid – the public law – is headed by the constitutional law, the second part of the pyramid – the private law – by the civil law. The boundary between the public law and the private law should be distinct, simply because the transformation of the private sector into the public law is always a new limitation of the freedom of people, the absorption of their interests by the aspirations of the political power, which cannot be arbitrary in a legal state.

REFERENCES

1. Dorokhin, S.V. (2006) *Delenie prava na publichnoe i chastnoe: konstitutsionno-pravovoy aspect* [The division of law to public and private: the constitutional and legal aspect]. Moscow: Volters Kluver.
2. Agarkov, M.M. (2002) Tsennost' chasnogo prava [The value of private law]. In: Agarkov, M.M. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: v 2 t.* [Selected works on civil law: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: AO "Tsentr YurInfoR".
3. Lenin, V.I. (1967) *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Vol. 44. Moscow: Politizdat.
4. Cherepakhin, B.B. (2001) K voprosu o chastnom i publichnom prave [To the question of private and public law]. In: Alekseev, S.S. (ed.) *Trudy po grazhdanskomu pravu* [Works on civil law]. Moscow: Statut.
5. Alekseev, S.S. (1975) *Struktura sovetskogo prava* [The structure of Soviet law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
6. Alekseev, S.S. (2008) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: TK Velbi, Izd-vo Prospekt.
7. Vitchenko, A.M. (1974) *Metod pravovogo regulirovaniya sotsialisticheskikh obshchestvennykh otnosheniy* [The method of legal regulation of socialist social relations]. Saratov: Saratov *SU.
8. Wikipedia. (n.d.) *Publichnaya vlast'* [Public power]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Publichnaya_vlast'. (Accessed: 26th June 2017).
9. Lenin, V.I. (1967) *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Vol. 31. Moscow: Politizdat.
10. Pokrovskiy, I.A. (2003) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main problems of civil law]. Moscow: Statut.
11. Alekseev, S.S. (2008) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: TK Velbi, Izd-vo Prospekt.
12. Sukhanov, E.A. (ed.) (2006) *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t.* [Civil law: a textbook: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Volters Kluver.
13. Korshunov, N.M. (2011) *Konvergentsiya chasnogo i publichnogo prava: problemy teorii i praktiki* [Convergence of private and public law: problems of theory and practice]. Moscow: Norma: INFRA-M.

Received: 17 November 2017

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ВИДОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Предметом исследования являются закономерности формирования таких дискуссионных видов юридической ответственности, как семейная, финансовая и экологическая. Задачи: обосновать отраслевой критерий дифференциации юридической ответственности на виды, выявить предпосылки возникновения новых ее видов, а также их особенности. Методы исследования: диалектический, формально-логический, формально-юридический, сравнительно-правовой. Обосновывается, что особенности охраняемых отраслью субъективных прав и законных интересов диктуют специфику отраслевой ответственности.

Ключевые слова: общая теория права; юридическая ответственность; семейная ответственность; лишение родительских прав, права ребенка; экологическая ответственность; благоприятная окружающая среда; экологический вред; финансовая ответственность; публичные интересы.

Юридическая ответственность как общетеоретическое понятие является результатом процесса научного познания. Позитивное право как объективная реальность имеет дело с отдельными видами юридической ответственности. Обращая на это внимание, Н.В. Витрук пишет: «Дифференциация как процесс, противоположный интеграции, характеризуется разделением юридической ответственности на отдельные виды, для которых законодатель устанавливает различные основания возникновения и действия, различные правовые последствия, определяемые характером соответствующих правонарушений. Видовая дифференциация юридической ответственности имеет научное и практическое значение для законодателя и правоприменителей» [1. С. 155].

Традиционно в российском праве и законодательстве выделяют уголовную, административную, гражданско-правовую, материальную и дисциплинарную ответственность; также теоретическое обоснование получила конституционная ответственность. Вместе с тем доктринальное научное осмысление получают новые виды ответственности, в частности финансовая, экологическая, семейная. Возникает вопрос: есть ли для этого основания?

В рамках данной работы авторы попытаются обосновать отраслевой критерий дифференциации юридической ответственности на виды, выявить предпосылки возникновения таких новых ее видов, как финансовая, семейная и экологическая, определить цели и особенности их содержания.

Отраслевой критерий дифференциации юридической ответственности. На первый взгляд, в основе формирования нового вида ответственности лежит отраслевой критерий. В современной юридической литературе эту точку зрения наиболее последовательно отстаивают Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский. «Наша позиция, – пишут авторы, – заключается в том, что любая отрасль права (если она сформировалась в качестве самостоятельной) должна обладать собственным институтом (видом) юридической ответственности» [2. С. 812]. В разграничении системы юридической ответственности на виды приоритетную роль играют специфические свойства предмета и метода правового регулирования, которые позволяют определить систему юридической ответственности, ее связь с системой права, отраслевую принадлежность

определенного вида юридической ответственности, взаимопроникновение и точки пересечения различных видов юридической ответственности [3. С. 35]. В качестве дополнительного аргумента в пользу этого критерия Д.А. Липинский приводит мнение Н.А. Чечиной и П.С. Элькинд, которые считали факт признания самостоятельной юридической ответственности в качестве «одного из признаков, характеризующих самостоятельность отрасли права» [4. С. 33–34].

Аргументация авторов не является безупречной, на что обращает внимание Н.В. Витрук [1. С. 156–157]. Сам Д.А. Липинский приводит контрдоводы О.Э. Лейста, который пишет, что такое деление «не совпадает с отраслевой структурой права уже по той причине, что видов ответственности меньше, чем отраслей права, причем за нарушение норм права различных отраслей может применяться ответственность одного и того же вида. Отраслевая классификация не объясняет также, почему в пределах одной отрасли права могут существовать различные виды ответственности» [5. С. 24]. Тем не менее, признавая эти доводы «весьма существенными», Д.А. Липинский настаивает на том, что «они не означают неприемлемость отраслевого критерия классификации юридической ответственности» [3. С. 36].

Действительно, все попытки найти иной критерий видовой дифференциации юридической ответственности: функциональный, целевой; субъективный; субъектный; в зависимости от характера принуждения и вида применяемых мер; от вида правоотношений; от субъектов, ее применяющих; от деления отраслей права на публичные и частные, – остаются всего лишь поиском наиболее удачного классификационного основания. Однако с помощью указанных критериев делятся на группы те же виды юридической ответственности: уголовная, гражданская, административная и т.д. Так, Н.В. Витрук к видам ответственности в публичном праве относит конституционную, муниципальную, уголовную, административную, дисциплинарную ответственность, а к видам ответственности в частном праве – гражданско-правовую, которая может иметь внутривидовую дифференциацию (семейно-правовая, материальная, таксовая и др.) [1. С. 167]. С другой стороны, очевидно, прав и О.Э. Лейст, указывая, что не каждая отрасль обладает самостоятельным видом ответственности. Воз-

можно ли разрешить это противоречие? Как нам представляется, да.

Логическое противоречие в рассуждениях авторов видится в том, что они рассматривают нормы, составляющие тот или иной вид юридической ответственности, охранительные по своему содержанию, как жестко корреспондирующие совокупности регулятивных норм той же самой отрасли. Однако такой сцепки нет и быть не может. Связь отраслей права и видов ответственности не является жестко однолинейной. Напротив, как правило, однородная группа общественных отношений регулируется нормами одной отрасли права, правового института (регулятивные нормы), но охраняется одновременно несколькими видами юридической ответственности, имеющими «прописку» в разных отраслях права (охранительные нормы). Например, отношения собственности регулируются нормами гражданского права, но охраняются посредством уголовного, административного, гражданского, материального видов ответственности. В этом плане верно рассматривать нормы юридической ответственности как межотраслевой функциональный правовой институт, внутри которого имеются генетические и функциональные связи [1. С. 150–154]. Вместе с тем изложенное выше не означает, что на базе основных (традиционных) видов юридической ответственности не могут сформироваться новые ее виды (вторичные, производные по своему генезису), точно так же как происходит формирование новых отраслей права на основе профилирующих (базовых) отраслей.

Здесь важно понимать неравнозначность отраслей права, образующих систему российского права. Очень четко сформулировал эту особенность системы права С.С. Алексеев: «Отрасли права рассматриваются обычно в одной плоскости, как равнозначные обширные «совокупности норм», отличающихся по предмету и методу правового регулирования. Между тем при более или менее развитой нормативной системе отрасли права представляют собой сложный, спаянный жесткими закономерными связями организм, отличающийся многоуровневым характером, иерархическими зависимостями» [6. С. 54]. С.С. Алексеев предлагает выделять три группы отраслей права: профилирующие (базовые), специальные и комплексные. К числу профилирующих отраслей российского права ученый относит конституционное право – «своего рода юридическую первооснову», три материальных отрасли: гражданскую, уголовную и административную, три процессуальные отрасли: гражданско-процессуальную, уголовно-процессуальную и административно-процессуальную. Эти отрасли образуют «ведущую часть правовой системы, ее неразрушимое ядро» и в этом качестве «концентрируют главные (генеральные) юридические режимы – режимы качественно своеобразные, исходные по специфике правового регулирования и потому предопределяющие основные типовые особенности юридического инструментария». Являясь юридически первичными, они «содержат исходный правовой материал, который... используется при формировании правовых режимов других отраслей» – специальных и комплексных. Последние формируются и функциониру-

ют на базе собственных «предметов» (видов общественных отношений), и отличаются немалой юридической спецификой [6. С. 54–55].

Нетрудно заметить, что четырем материальным профилирующим отраслям права соответствуют четыре вида юридической ответственности – конституционная, уголовная, гражданская, административная, – обладающих существенными особенностями. На это обратил внимание Д.А. Липинский [3. С. 36]. К числу таких особенностей, безусловно, можно отнести: вид правонарушения как основания возникновения ответственности, вид наказания (неблагоприятных последствий за совершенное деяние), процессуальный порядок привлечения к ответственности. Полагаем, что наличие кодифицированного акта, предусматривающего ответственность, не является содержательным отличительным признаком того или иного вида ответственности, но свидетельствует об уровне ее развития, совершенстве юридической формы.

Что касается дисциплинарной и материальной видов ответственности, то они сформировались по мере обособления трудового права как самостоятельной специальной отрасли, в которой своеобразно переплетаются частноправовые и публично-правовые методы правового регулирования и соответствующий им юридический инструментарий для эффективного регулирования отношений, связанных с наемным трудом. При этом, например, юридическое своеобразие материальной ответственности работников и работодателей вовсе не исключает ее родство, генетическую связь с гражданско-правовой ответственностью, что дает основание некоторым авторам рассматривать ее как разновидность последней, а то и вовсе лишать самостоятельного статуса.

Процесс развития дисциплинарной ответственности, напротив, выводит ее за рамки трудового права. Сейчас можно говорить о дисциплинарной ответственности не только работников, но и государственных и муниципальных служащих, адвокатов, депутатов, судей, осужденных и других категорий граждан. Несмотря на продолжающиеся в научной литературе дискуссии относительно правовой природы этих видов ответственности, сам факт их существования и широкого практического применения ярко демонстрирует нам возможности трансформации права, его способности реагировать на изменяющиеся общественные отношения, его свойство при сохранении жесткости и стабильности юридических конструкций «постоянно оставаться живым» [6. С. 220].

Изложенное дает основание утверждать, что непреодолимых препятствий для формирования новых видов юридической ответственности внутри специальных и даже комплексных отраслей права нет. Признание этого положения ставит новые вопросы. Какие предпосылки, факторы необходимы для утверждения нового вида ответственности как объективной реальности? Какие признаки могут свидетельствовать о самостоятельности того или иного вида юридической ответственности?

Отраслевые социальные потребности как ключевой фактор формирования новых видов юридической ответственности. Исследуя процесс правооб-

разования, В.В. Трофимов указывает, что в основе формирования права (его отдельных элементов) лежат, прежде всего, «факторы как те внешние и внутренние силы, влияющие на саму потребность правового регулирования определенных отношений определенным образом с привлечением необходимого комплекса правовых средств и обуславливающие содержание правового воздействия» [7. С. 33]. Дополним эту мысль: при этом указанная социальная потребность не может быть удовлетворена посредством имеющихся юридических конструкций. Опираясь на этот тезис, рассмотрим, имеются ли предпосылки для формирования в российском праве таких новых видов ответственности, как семейная, финансовая и экологическая.

Изучение отраслевой юридической литературы показывает, что зачастую термин «экологическая ответственность» (равно как и «семейная ответственность», «финансовая ответственность») используется как собирательный, включающий в себя виды ответственности различной правовой природы [8. С. 71; 9. С. 196–203; 10. С. 7–9]. На этом основании делается вывод о комплексном межотраслевом характере соответствующего института и отрицается его самостоятельность. Безусловно, необходимость и возможность исследования юридической ответственности в рамках той или иной отрасли как комплексного института никто не отрицает, подобного рода исследования могут способствовать повышению эффективности этого института в целом. Так, применительно к финансовой сфере актуальной остается отмеченная А.Ю. Ильиным проблема отсутствия «системного характера, а именно взаимосвязей и взаимодействия между различными видами юридической ответственности», в связи с чем автор пишет о необходимости «в рамках единого направления исследования добиваться их согласованности, сближения целей и принципов ответственности» [11. С. 3–6]. Однако полагаем более корректным в таких ситуациях использовать термин «ответственность в экологическом праве» («ответственность в семейном праве», «ответственность в финансовом праве»). Простая же констатация комплексного характера института юридической ответственности в той или иной общественной сфере не приближает нас к пониманию специфики новых видов ответственности.

Степень признания самостоятельности рассматриваемых нами видов ответственности в отраслевых науках различна. В доктрине семейного права существование семейной ответственности не ставится под сомнение, подтверждением чему является широкое использование данного термина в литературе, наличие специальных монографических исследований [12–14]. Характеризуя семейную ответственность, ученые делают попытку сформулировать ее понятие и определить признаки. Так, О.С. Турусова указывает, что семейно-правовая ответственность возникает между субъектами семейных правоотношений и выражается в форме неблагоприятных последствий для правонарушителя. По ее мнению, необходимыми и достаточными признаками для выделения семейно-правовой ответственности в качестве самостоятель-

ной являются следующие: она предусмотрена в семейном законодательстве; опирается на государственное принуждение; является формой реализации санкции правовой нормы; возлагается в процессуальной форме; выражается в виде лишения личного и имущественного характера; наступает только за совершенное семейное правонарушение [12. С. 10]. Внимательное изучение этих признаков показывает, что в большинстве своем они лишь дублируют общие признаки юридической ответственности, выработанные отечественной теорией права [15. С. 429].

Вопрос признания самостоятельности финансовой ответственности пока является дискуссионным. Ряд авторов по-прежнему считает финансовую ответственность разновидностью административной. Например, Н.В. Витрук, несмотря на признание им «своеобразия в составах правонарушений и в мерах наказания, в порядке их назначения и наличии других особенностей в финансово-бюджетных и налоговых отношениях», утверждает о «достаточных основаниях для внутривидовой дифференциации административной ответственности на административно-финансовую, административно-бюджетную, административно-налоговую и т.д.» [1. С. 212]. Д.Л. Комягин настаивает на том, что «специфические санкции, которые можно встретить в бюджетном законодательстве, выступают скорее в качестве предупредительных или обеспечительных мер», и на этом основании отрицает самостоятельность финансовой ответственности и ее подвиды – бюджетной. Впрочем, его позиция представляется не вполне последовательной, поскольку далее он делает вывод о том, что «нарушение бюджетного законодательства может нести за собой уголовную, административную, гражданско-правовую ответственность и бюджетную ответственность» [16. С. 15–19]. Е.В. Шевченко, рассуждая о бюджетной ответственности, утверждает, что ее «надлежит воспринимать только в качестве неотъемлемой части административной ответственности в силу административно-правовой природы самого финансового права» [17. С.11].

С этим вряд ли можно согласиться, поскольку самостоятельность финансового права как отрасли не вызывает сомнений, истоки ее формирования глубоки и уходят в камералистику. В.А. Лебедев еще в XIX в. акцентировал внимание на том, что «в начале под камеральными делами или камеральными занятиями разумели только финансы, и лишь с учреждением камер-коллегий в состав их вошли и другие дела, не финансовые, так называемая полиция» [18. С. 12]. Говоря о специфике денежных взысканий, налагаемых за фискальные нарушения, А.А. Жижиленко подчеркивал их смешанный характер, поскольку они «составляют не только наказание, но и вознаграждение казны за вред и убытки, нанесенные нарушением» [19. С. 565]. Позднее И.И. Розанов указывал, «что отнесение санкций к той или иной отрасли права зависит не от их названия и порядка (способа) применения, а от того, использование норм какой отрасли права они обеспечивают» [20. С. 8]. Идеи ученых дореволюционного и советского периодов развиваются в трудах современных представителей науки финан-

сового права, которые считают финансовую ответственность самостоятельным видом ответственности [21–27].

Наименьшую степень научного признания имеет экологическая ответственность. Ряд ученых до сих пор отрицает саму необходимость нового вида ответственности. Так, по мнению С.А. Боголюбова, выделение эколого-правовой ответственности во многом было обусловлено стремлением подчеркнуть самостоятельность экологического права как такового на первых этапах его формирования, а сейчас, когда экологическое право повсеместно получило такое признание, в этом нет необходимости [28. С. 162–163]. Другие авторы не так категоричны в своих оценках. Н.В. Кичигин осторожно отмечает, что экологическое законодательство предусматривает ряд особенностей возмещения вреда окружающей среде, и признает дискуссионность вопроса и необходимость его дальнейшего теоретического осмысления [29. С. 211–212]. А.А. Иванов заявляет, что «экологическая ответственность начала свое обособление в системе российского законодательства, но данный процесс не является законченным» [30. С. 11–112]. Впрочем, убедительной аргументации в пользу этого вывода автор не приводит.

Как нам представляется, обоснование самостоятельности того или иного нового вида ответственности невозможно без понимания двух ключевых моментов. Первым ключевым фактором является понимание того, в чем именно проявляется ответственность. Следует признать, что суть ответственности – в наступлении определенных неблагоприятных последствий для нарушителя, состоящих в ущемлении его личной или имущественной сферы. Как следствие, любое наказание по своему содержанию представляет собой ограничение или лишение одного или нескольких субъективных прав и свобод правонарушителя. Например, возложение штрафа в уголовном и административном праве либо уплата неустойки или возмещение убытков в гражданском праве ущемляют имущественную сферу нарушителя, т.е. его субъективное право собственности. Лишение свободы ограничивает право на свободу передвижения лица, также оно сопряжено с временным лишением (ограничением) других конституционных прав гражданина (право на свободу выбора труда, право на неприкосновенность, тайну переписки и др.).

Важно, что одинаковые виды наказаний могут составлять содержание разных видов ответственности, в том числе «классических». Тем более они могут использоваться при конструировании новых видов ответственности, никаких препятствий для этого не существует. В связи с этим несостоятельной выглядит аргументация отрицания самостоятельности, например, финансовой ответственности, только на том основании, что она проявляется в наложении штрафа [27. С. 39]. Прав В.Ф. Яковлев, отмечая, что в каждой из отраслей принудительные меры приобретают единую направленность, что предопределяет как круг мер, используемых отраслью, так и известную их общность, единую отраслевую «окраску». В этой связи даже меры, сходные по содержанию, приобретают

в разных отраслях разную направленность [31. С. 155–180].

Выбор той или иной меры неблагоприятных последствий зависит исключительно от целей ответственности. Цель, в свою очередь, определяется тем, какое субъективное право или охраняемый законом интерес (частный или публичный) охраняется отраслью. И это, по нашему мнению, второй ключевой фактор, влияющий на формирование нового (самостоятельного) вида ответственности в праве. Особенности охраняемого субъективного права (законного интереса) и шире – особенности предмета правового регулирования отрасли – становятся предпосылками для становления отраслевой ответственности. Цели ответственности находят свое отражение в ее функциях. При том, что набор функций для любого вида ответственности одинаков, их содержание, а также приоритетность различны.

Иллюстрацией изложенных тезисов может послужить анализ особенностей механизма действия финансового, семейного и экологического видов ответственности.

Дискуссионные вопросы финансовой ответственности. В финансовой сфере принципиальное назначение финансовой ответственности состоит в том, что ее реализация в виде финансовых санкций имеет не только мотивационное, устрашающее воздействие на потенциальных нарушителей финансово-правовых норм, но и восстановительный характер. Восполнение потерь государственной или муниципальной казны может осуществиться в полной мере, если за ним стоит возможность применения особого рода государственного принуждения за нарушения порядка финансовой деятельности [22. С. 10]. В итоге финансовая ответственность, в отличие от административной, сконцентрирована не только и не столько на каре виновного, но на восстановлении финансовых интересов общества, а также компенсации потерь, понесенных государством в результате нарушения положений финансово-правовых актов.

Доктринальное признание на основе данного факта самостоятельности финансовой ответственности имеет практическое значение. Можно согласиться с А.Ю. Ильиным, что «к числу причин роста правонарушений в финансовой сфере следует отнести конфликт интересов между государством, с одной стороны, и частными социально-экономическими интересами – с другой. Обострение этих интересов происходит на фоне всеобщего социально-экономического кризиса в обществе, разбалансированности экономики, спада производства, падения жизненного уровня населения и его резкой социально-экономической дифференциации, отторжения большей части населения страны от участия в эффективной системе экономической и производственной деятельности» [11. С. 3]. Поэтому одним из наиболее важных условий обеспечения реализации эффективной государственной политики в финансовой сфере является полномасштабное определение обязанности участников финансовых правоотношений нести ответственность за неисполнение финансово-правовых предписаний с учетом специфики действия норм финансового права.

Очевидное желание государства сохранять и поддерживать установленный им правовой порядок в финансовой деятельности влечет необходимость правовой охраны этой сферы общественных отношений [32. С. 166], прежде всего, посредством особого вида ответственности – финансовой. Добавим, что решение вопроса о юридической природе финансовой ответственности и установление родовой принадлежности используемых ею принудительных мер необходимы также и для того, чтобы определить общие нормы, регламентирующие данный вид принуждения, в случаях, когда специальные нормы отсутствуют [33. С. 76].

В настоящее время формулирование финансово-правовой ответственности происходит по институциональному признаку – «снизу вверх», поскольку более детальное законодательное оформление и научное осмысление получили ее подвиды: налоговая, бюджетная и др. Переименование в 2013 г. Части IV Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ) с «Ответственности за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации» на «Бюджетные нарушения и бюджетные меры принуждения» (см.: Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 252-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации») привело к возобновлению дискуссии о природе бюджетной ответственности, а также об определении ее места и роли в системе юридической ответственности в целом и финансово-правовой ответственности в частности. Позиции исследователей по данному вопросу кардинально противоположны: от полного отрицания целесообразности выделения бюджетной ответственности [34. С. 18; 35. С. 128; 36. С. 6–9] до утверждения, «что можно говорить о новом виде ответственности – бюджетной, предусмотренной нормами БК РФ» [37. С. 55]. Отметим, что мнение о необходимости обособления бюджетной ответственности в качестве составной части финансовой ученые высказывают с момента принятия БК РФ [38–43].

Вопрос о правовой природе юридической ответственности, применяемой в бюджетной сфере, по-прежнему сводится к разрешению проблем определения бюджетного правонарушения, мер государственного принуждения в бюджетной деятельности государства, а также соотношения санкций, установленных БК РФ, с административными наказаниями, установленными КоАП РФ [44. С. 99]. Среди предусмотренных БК РФ мер принуждения особое место, очевидно, занимает бесспорное взыскание пеней за несвоевременный возврат средств бюджета. В рамках данной работы не представляется возможным детально осветить научную дискуссию по данному вопросу. Отметим лишь, что исследователи (Ю.А. Крохина, С.А. Полякова, О.Г. Воронцов) относят такую пенью к мерам юридической ответственности, хотя и подчеркивают ее правовосстановительную природу [45–47]. Можно констатировать, что на данный момент необходимость в формировании института бюджетной ответственности, придании ему структурированного вида, и, соответственно, в научных изысканиях в данном направлении, имеется [48, 49].

По-прежнему дискуссионным является вопрос обособления налоговой ответственности. Анализ научной литературы позволяет выделить несколько подходов: существует административная ответственность за налоговые правонарушения, основания для выделения налоговой ответственности отсутствуют [50. С. 99]; налоговая ответственность является разновидностью финансовой ответственности [43. С. 38–74]; налоговая ответственность представляет собой самостоятельный вид юридической ответственности [51. С. 62–65]. На наш взгляд, заслуживает внимания позиция высших судебных инстанций России по данному вопросу. Так, Пленум ВАС РФ в свое время четко сформулировал мнение, согласно которому привлечение к административной ответственности в области налогов должностных лиц организации, установленной КоАП РФ, не исключает привлечения самой организации к ответственности, установленной Налоговым кодексом РФ (далее – НК РФ) [52].

В настоящее время налогово-правовое принуждение регламентируется НК РФ и включает в себя такие меры: штраф, выступающий мерой налоговой ответственности (ст. 114, гл. 16 и 18), взыскание недоимки по налогу и пени (ст. 75), приостановление операций по банковским счетам (ст. 76), арест имущества (ст. 77) и другие [53. С. 6]. Финансовые санкции в форме штрафа и пени – это обязанность правонарушителя претерпеть лишения имущественного характера посредством отчуждения определенной суммы принадлежащих ему денежных средств в пользу публичной власти [54. С. 26]. Неоднозначно ученые определяют правовую природу пени. Наиболее распространенной позицией является характеристика пени как меры восстановительного характера [55, 56]. Сторонники другой позиции говорят о том, что по своему функциональному назначению пеня как мера юридической ответственности обладает как восстановительной, так и карательной функцией, так как «налагает дополнительное денежное обременение для правонарушителя и неизбежно связана с появлением новой обязанности, которой ранее не существовало, а также наступлением неблагоприятных последствий для правонарушителя» [57. С. 21], кроме того «если размер пени сильно отличается от ставки рефинансирования Банка России в большую сторону, она может обрести карательный характер наподобие такой формы денежных взысканий, как штраф» [54. С. 29].

Отметим, что аналогичная ситуация существовала и в период действия Федерального закона от 24.07.2009 № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования». Некоторые ученые высказывались в пользу того, что применение мер принуждения согласно данному закону можно считать разновидностью финансово-правовой ответственности, так как ее меры применялись исключительно для обеспечения исполнения юридических обязанностей, имеющих публичное предназначение и носили комплексный характер [58. С. 7]. КС РФ тогда прямо указал на то, что данный закон «отграничивает установленную им ответствен-

ность плательщиков страховых взносов и банков от административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о страховых взносах, которая осуществляется в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, а также от иных видов ответственности» [59].

Эта разрозненность позиций ученых и правоприменителей отчасти объясняет, почему в настоящее время финансово-правовая ответственность не заняла пока своего места среди традиционных, общепризнанных видов ответственности. Полагаем, что основания для выделения финансовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности имеются. Нарушения финансового законодательства неминуемо причиняют вред имущественным интересам государства, поэтому цели финансовых санкций состоят не только в укреплении законности и дисциплины в финансовых отношениях, но и в максимальной компенсации потерь казны, а также восстановлении финансовых прав и интересов общества и возмещении нанесенного финансовым правонарушением ущерба, что невозможно достичь посредством конструкций административной и уголовной ответственности.

Дискуссионные вопросы семейной ответственности. Как было указано выше, ученые-фамилисты не сомневаются в существовании данного вида ответственности как специфического. Между тем эта научная позиция в подавляющем большинстве исследований не подкрепляется анализом ее специфических признаков. В этой связи заслуживают внимания попытки некоторых исследователей их выделить. Так, по мнению Л.М. Звягинцевой, главной чертой семейно-правовых санкций, в числе которых она называет семейно-правовую ответственность, является такая их целевая направленность, как защита (охрана) интересов тех субъектов семейного права, которые наиболее в ней нуждаются (например, несовершеннолетние дети). Отсюда автор справедливо заключает, что формальное нарушение правовых норм не влечет механического применения семейно-правовых санкций [60. С. 5]. Таким образом, наличие вреда как следствия противоправного поведения и необходимого элемента состава правонарушения (а отсюда и причинно-следственной связи между противоправным поведением и наступившим вредным результатом) не является обязательным для применения семейно-правовой ответственности.

В отсутствие привязки к фундаментальным основам юридической ответственности отраслевые ученые порой необоснованно, как нам представляется, причисляют к таковой многообразие «видов» семейно-правовой ответственности, таких, например, как расторжение брака [14. С. 14] или лишение права наследования [12. С. 13]. Полагаем, что расторжение брака является правом гражданина, основанном на принципе свободы брачного союза, а лишение права наследования, в принципе, лежит за пределами сферы специфических семейных отношений.

В одном из современных исследований подчеркивается основанность семейных правоотношений на

семейном союзе, «условием возникновения которого является родство, вступление в брак, принятие в семью детей на воспитание и другие специфические юридические факты». В итоге в нем утверждается возможность применения семейно-правовой ответственности только при «правонарушениях, затрагивающих права субъектов не как граждан или личности, а как членов семьи, в основе которой лежат семейно-правовые связи» [13. С. 14]. В этом контексте к мерам семейной ответственности, полагаем, можно отнести лишь два вида санкций: лишение родительских прав и возложение обязанности по уплате алиментов. Как известно, в случае лишения родительских прав практически утрачивается правовая связь родителей и детей, прекращаются все родительские права и обязанности личного неимущественного характера. Сохраняется лишь имущественная семейно-правовая обязанность содержать своего ребенка (п. 2 ст. 71 Семейного кодекса Российской Федерации, далее – СК РФ). Как нам представляется, данная мера семейно-правовой ответственности нуждается в дальнейшем исследовании. Специальные исследования догматической юриспруденции (П.Н. Мардахаева [61], Г.И. Вавильченкова [62] и А.Л. Кумановская [63]) сосредоточены преимущественно на анализе оснований лишения родительских прав. За пределами исследования остается обсуждение природы родительского права. Отсутствует четкое представление о том, чего, собственно, вследствие применения данной меры ответственности лишаются родители. Не обсуждается вопрос об адекватности употребления в отношении лишения родительских прав термина «мера».

Можно привести пример, в котором недобросовестные родители после лишения родительских прав могут приобрести даже большую, по сравнению с предшествующим положением, свободу в сфере имущественных прав. Например, согласно правилу п. 4 ст. 292 ГК РФ отчуждение жилья, в котором проживают находящиеся под опекой члены семьи собственника либо оставшиеся без родительского попечения несовершеннолетние члены семьи собственника (о чем известно органу опеки и попечительства), допускается при условии получения разрешения органа опеки и попечительства. Добросовестность родителей, по общему правилу, предполагается. Между тем анализируемая норма была признана не соответствующей Конституции РФ в той части, в которой она не позволяет при разрешении конкретных дел обеспечивать эффективную защиту прав тех детей, которые формально не отнесены к находящимся под опекой или попечительством, или к оставшимся без родительского попечения. КС РФ разъяснил, что родители при отчуждении находящегося в их собственности жилья не вправе произвольно и необоснованно ухудшать жилищные условия проживающих совместно с ними несовершеннолетних детей, и тем более их действия не должны приводить к лишению детей жилища [64]. Логично, что при отобрании детей у родителей, лишенных родительских прав, совместное проживание отсутствует, и вопрос об ухудшении жилищных условий несовершеннолетнего при распоряжении родительской квартирой не возникает.

Что касается сферы личных неимущественных отношений, то в ней «неблагополучные» родители, лишённые родительских прав, не только не приобретают неблагоприятных последствий, но фактически получают правовое закрепление своего недобросовестного поведения: необходимость юридических и фактических действий, связанных с заботой о ребёнке, прекращается. Органы и должностные лица, которые принуждали таких родителей к исполнению обязанности заботиться о своём ребёнке, устраняются от вмешательства в их бытовую сферу. В таком ракурсе «крайняя мера» ответственности в её актуальном нормативном оформлении выглядит как полное освобождение от ответственности. В свете изложенного, карательная функция ответственности выглядит несостоятельной.

С другой стороны, автоматическая реализация воспитательной функции института лишения родительских прав без учёта его цели – защиты детей – способна нарушить интересы детей, их право жить и воспитываться в семье. Последствия лишения родительских прав, связанные с изъятием ребёнка из семьи, могут быть более вредными для физиологического и психического развития ребёнка, чем совместное переживание определенных неблагоприятных обстоятельств, сложившихся в «неблагополучной» семье. Как указывает О.А. Хазова: «...разъединение ребёнка и родителя – это колоссальная травма для ребёнка, даже если его потом вернут в семью... детям важнее быть со своими близкими, под защитой своих родителей, даже если семья испытывает трудности и лишения» [65. С. 20].

Чёткое осознание и формулирование цели института лишения родительских прав как меры специфической семейно-правовой ответственности позволило бы прояснить ряд частных теоретических вопросов. Так, например, ученые предлагают закрепить в ст. 69 СК РФ в качестве достаточного основания установление судом факта злоупотребления родителем алкоголем или наркотическими веществами, даже если оно не является хроническим, так как сам факт такого злоупотребления наносит вред психическому здоровью ребёнка [66. С. 4]. Между тем, полагаем, что изложенные выводы предопределяют необходимость оценки негативных последствий для ребёнка, обусловленных поведением родителя. Анализируя ст. 69 СК РФ, П.Н. Мардахаева рассматривает в качестве проблемных ситуаций, в которых родитель, отказавшийся без уважительных причин взять ребёнка из родильного дома, «в любой момент может явиться и предъявить свои права на ребёнка» [61. С. 8]. Однако для целей защиты интересов ребёнка это, скорее, положительное явление (разумеется, при отсутствии иных обстоятельств, угрожающих его интересам).

Обязанности по уплате алиментов в теории семейного права длительный период времени освещаются сквозь призму дискуссии о том, каким образом соотносятся понятия «алименты» и «содержание» [67. С. 17–21]. Решение данного теоретического вопроса влияет в целом на создание теории алиментных обязательств, а также имеет серьезные практические последствия, касающиеся определения круга субъектов

алиментного соглашения и т.д. Учитывая сформированные подходы к пониманию юридической ответственности, предлагаем рассматривать алименты в качестве специфического вида семейно-правовой ответственности в имущественной сфере. Такая позиция коррелирует с выводами Б.М. Гонгалов о том, что «выплата алиментов – это всегда исполнение обязанности по предоставлению содержания, но предоставление содержания далеко не всегда производится путем выплаты алиментов» [67. С. 17–21]. Тем самым предоставление денег или имущества члену семьи лично и добровольно является содержанием, а при заключении соглашения об уплате алиментов или вынесении соответствующего решения суда происходит уплата алиментов, за счет которых и обеспечивается содержание. Содержание представляет собой элемент «здорового» семейного правоотношения. Уплата алиментов основывается на специфической семейно-правовой связи и происходит при условии, что плательщик алиментов не исполняет обязанности по содержанию добровольно в той мере, в которой это необходимо для защиты нуждающегося в материальной поддержке члена его семьи. Думается, что данные неблагоприятные последствия, наступающие в имущественной сфере алиментно-обязанного лица в силу закона либо решения суда, могут быть рассмотрены в качестве меры специфической семейно-правовой ответственности, что, безусловно, является предметом дискуссии.

Таким образом, целями семейно-правовой ответственности, обусловленной природой семейных отношений, является, в первую очередь, защита интересов членов семьи, нуждающихся в правовой поддержке, и только затем – наказание правонарушителя. Это ключевая позиция для развития теоретической основы и практической реализации положений об ответственности в семейно-правовой сфере.

Дискуссионные вопросы экологической ответственности. Идея отграничения экологической ответственности за вред, причиненный окружающей среде, от гражданской-правовой базируется на том, что в экологических отношениях преобладают публичные экологические интересы, заключающиеся в сохранении благоприятной окружающей среды. Наиболее последовательную и обоснованную позицию по данному вопросу занимает М.М. Бринчук [68, 69]. Автор отмечает, что «регулируемый и охраняемый экологическим законодательством интерес сохранения благоприятной окружающей среды, экологического благополучия относится к публичным интересам, подлежащим приоритетной правовой защите. Нарушение этого публичного интереса не может быть предметом и основанием гражданской ответственности». И далее: «В случае нарушения упомянутых охраняемых публичных экологических интересов, а также неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, предусмотренных публичным договором на природопользование и охрану окружающей среды, при причинении вреда природным объектам, находящимся в публичной собственности, применяется не гражданско-правовая (имущественная), а иная юридическая ответственность, которая может быть назва-

на эколого-правовой. Содержание эколого-правовой ответственности образуют, прежде всего, два вида экологических правонарушений, предметом которых являются: возмещение вреда, причиненного природе, т.е. экологического вреда, и неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, предусмотренных договором на природопользование и охрану окружающей среды» [69. С. 35–37]. О необходимости разграничить гражданскую и экологическую ответственность пишут В.Г. Мельникова и Е.М. Суранова [70. С. 196].

Данную позицию разделяет и Л.И. Брославский. «Гражданско-правовой институт “обязательства вследствие причинения вреда”, на основании которого привлекаются к имущественной ответственности экологические правонарушители, традиционно направлен и обеспечивает защиту личных, индивидуальных интересов субъектов права... Причинение экологического вреда – это нарушение не только личных, но и общественных интересов. Предусмотренные российским гражданским и гражданско-процессуальным законодательством средства правовой защиты представляются недостаточными, когда речь идет о деликтной ответственности за нарушения в области экологии и / или возмещении экологического вреда». Считая причинение экологического вреда особым видом деликта, автор аргументирует это тем, что «потерпевшими являются неопределенное число лиц, причем оно может многократно возрастать, имея в виду распространение негативных последствий нарушения среды обитания человека во времени и пространстве. К примеру, появление детей с врожденными дефектами в результате загрязнения питьевой воды или сельскохозяйственных земель вредными химикатами; исчезновение отдельных видов растительного и животного мира; деградация почвы; обезлесение и т.п., что приводит к сокращению, а порой и к прекращению определенной производственно-хозяйственной деятельности человека, направленной на использование природных богатств в целях удовлетворения потребностей людей (сельское хозяйство, лесозаготовки, рыболовство, охота и др.)» [71. С. 153].

Действительно, как мы уже писали, природная среда является весьма специфическим объектом, поскольку выступает одновременно объектом и публичных неимущественных интересов, и частных имущественных прав природопользователей [72. С. 5]. Так, причинение вреда окружающей среде в виде загрязнения земельного участка может нарушать как публичный интерес общества в благоприятной окружающей среде, так и частный интерес физического или юридического лица – землевладельца.

В силу этого природные объекты имеют сложный правовой режим. С одной стороны, они выступают неотъемлемым элементом природных комплексов, естественных экологических систем, их состояние определяет благоприятность окружающей среды в целом. Право каждого на благоприятную окружающую среду закрепляется в ст. 42 Конституции РФ. Это право относят к числу естественных, неотчуждаемых прав, реализуемых как индивидуально, так и (преимущественно) коллективно [73. С. 5]. В этом плане право на благоприятную окружающую среду

является весьма специфичным, так как не может быть реализовано индивидуумом вне общества, поскольку материальным источником экологического права является совокупный общественный интерес в сохранении и воспроизводстве объектов окружающей природной среды, рассматриваемых в качестве необходимого условия существования социума [74. С. 49]. В равной степени верно и обратное: любое причинение вреда окружающей среде, выразившееся в ее загрязнении или повреждении отдельных природных объектов, либо создание реальной угрозы причинения такого вреда всегда являются нарушением публичного (общественного) интереса. С другой стороны, согласно п. 2 ст. 9 Конституции РФ природные объекты (ресурсы) могут быть объектом любой формы собственности. Этот момент определяет частный интерес собственников и природопользователей в отношении природных объектов.

Может ли гражданско-правовая ответственность, изначально сформировавшаяся как институт частного права, защищать и публичные экологические интересы? С одной стороны, в современном праве имеет место тенденция размыwania границ частного и публичного права. Н.Г. Доронина верно отмечает, что «современные тенденции в правовом регулировании экономических отношений свидетельствуют о подвижности границ частного и публичного права, ...защита субъективного права часто основывается на поддержании баланса публичных и частных интересов в конкретном правоотношении» [75. С. 4].

С другой стороны, можно утверждать, что реально действующий на сегодня в экологических отношениях механизм реализации гражданско-правовой ответственности не обеспечивает в полной мере защиту публичных интересов. Действующее российское законодательство, как гражданское, так и экологическое, допускает альтернативное применение в экологических отношениях известных способов возмещения вреда: возмещение убытков или возмещение вреда в натуре, не устанавливая приоритетов и отдавая решение этого вопроса на усмотрение суда в соответствии с обстоятельствами дела (ст. 1082 ГК РФ, ст. 77, 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды»). Данное положение вещей весьма обоснованно, на наш взгляд, критикуется специалистами в области экологического права по следующим основаниям. Возмещение убытков – универсальный способ защиты гражданских прав – способно обеспечить лишь защиту имущественных интересов собственников или пользователей природных объектов, и только при условии, что средства, полученные по искам о возмещении вреда окружающей среде, поступят указанным лицам. Однако действующий правовой механизм этого не позволяет, поскольку право предъявлять иски принадлежит не собственникам (пользователям) природных ресурсов, а контрольно-надзорным государственным органам, а средства поступают преимущественно в муниципальные бюджеты. Защита же нарушенных публичных экологических интересов, состоящих в восстановлении благоприятного состояния окружающей среды, в отсутствие правила целево-

го использования этих поступлений невозможна. Реально обеспечить защиту как частных, так и публичных экологических интересов в условиях действующего законодательства можно только при использовании такого способа защиты, как возмещение вреда в натуре [76]. С учетом этого нельзя согласиться с мнением с А.Г. Ивлиевой, что «объектная» специфика вреда не является достаточным основанием для того, чтобы выстраивать механизм экологической ответственности в части возмещения вреда окружающей среде на каких-либо иных принципах, кроме общих принципов гражданско-правовой ответственности» [77. С. 149].

Очевидно, что необходимость сконструировать и детально урегулировать новый вид юридической ответственности – экологическую – назрела. В этом направлении уже сделаны первые шаги. Большой интерес представляет Постановление КС РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 99, ч. 2 ст. 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений Постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье-нефть» [78]. При рассмотрении этого дела КС РФ фактически столкнулся с необходимостью определить природу экологической ответственности, хотя представители заявителя и не хотели ставить перед судом этот «вопрос высочайшей теоретической сложности». В тексте Постановления КС РФ хотя и указывает на сходство обязанности возместить вред, причиненный окружающей среде, и мер гражданско-правовой ответственности, в то же время делает неоднократные попытки определить вред, причиняемый окружающей среде, как специфический, ввиду того что окружающая среда является общим достоянием, и обозначить, что он затрагивает как частный, так и публичный интерес [77. С. 145].

Интересно, что попытки сформулировать особые правила возмещения экологического вреда предпринимают и арбитражные суды. Так, в качестве «сложившейся» в Западно-Сибирском арбитражном окру-

ге оценивается практика возложения на правонарушителей двойной обязанности: устранить нарушение, т.е. добровольно провести работы по восстановлению нарушенного состояния природного объекта, и возместить вред, т.е. убытки в денежной форме, рассчитанные по таксам и методикам (см., напр.: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30 августа 2013 г. по делу № А81-950/2013).

Ставится вопрос и о новом понимании содержания института возмещения вреда законодателем, правда пока только на уровне законопроектов. Так, в Законопроекте № 504011-6 [79] предлагается установить приоритет натуральной формы возмещения вреда, а в случае технической невозможности проведения таких работ допустить проведение равноценных работ по охране окружающей среды. Данный подход, бесспорно, заслуживает поддержки, так как позволяет реализовать основное назначение указанного правового института – восстановление благоприятного состояния окружающей среды. Вместе с тем очевидно, что необходима более тщательная теоретическая разработка данного вопроса. Многие научные предпосылки по ряду принципиальных положений уже созданы [45; 69. С. 39–47].

Таким образом, в основе формирования экологической ответственности лежит защита права каждого на благоприятную окружающую среду, достижение которой возможно путем восстановления нарушенного состояния окружающей среды.

Итак, в настоящее время идет процесс формирования новых видов ответственности в российском праве. Несмотря на отсутствие на этот счет единого мнения среди представителей отечественной юриспруденции, мы полагаем, что необходимость формирования новых видов юридической ответственности имеет под собой достаточные основания и обусловлена наличием социальных потребностей, которые юридические конструкции «традиционных» видов ответственности не могут удовлетворить в полной мере. Изложенные в работе умозаключения, не претендуя на всесторонний и исчерпывающий характер, могут использоваться в качестве методологической основы для дальнейших отраслевых научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2017. 432 с.
2. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.
3. Липинский Д.А. О системе права и видах юридической ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 27–37.
4. Чечина Н.А., Элькин П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 33–34.
5. Лейст О.Э. Основные виды юридической ответственности за правонарушение // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1977. № 3. С. 24–30.
6. Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 6: Восхождение к праву. М. : Статут, 2010. 558 с.
7. Трофимов В.В. Проблема формирования юридической конструкции: от правообразующих факторов к правотворческому результату // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 26–38.
8. Ерофеев Б.В. Экологическое право : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : ИД «ФОРУМ»; ИНФРА-М, 2013. 400 с.
9. Ершова Е.В. Компенсация морального вреда как способ защиты семейных прав и мера семейно-правовой ответственности // Власть закона. 2015. № 4. С. 196–203.
10. Лагутин И.Б., Урда М.Н. Ответственность в системе денежного права Российской Федерации // Финансовое право. 2015. № 5. С. 7–9.
11. Ильин А.Ю. Юридическая ответственность за финансовые правонарушения // Финансовое право. 2015. № 11. С. 3–6.
12. Турусова О.С. Семейно-правовая ответственность в России и зарубежных странах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 30 с.
13. Карибян С.О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 27 с.

14. Сидорова С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности в семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. 25 с.
15. Теория государства и права : учебник / под ред. А.С. Пиголкина. М. : Городец, 2003. 567 с.
16. Комягин Д.Л. Защита бюджетного процесса: ответственность за нарушения бюджетного законодательства и бюджетные нарушения // Финансовое право. 2016. № 7. С. 15–19.
17. Шевченко Е.В. Административная ответственность за нарушение бюджетного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2009. 22 с.
18. Лебедев В.А. Финансовое право. Т. 1, вып. 1. СПб., 1882. 457 с.
19. Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Петроград : Правда, 1914. 684 с.
20. Розанов И.И. Финансовые средства обеспечения государственной и финансовой дисциплины : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971. 16 с.
21. Батыров С.Е. Финансово-правовая ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 21 с.
22. Сердюкова Н.В. Финансово-правовая ответственность по российскому законодательству: становление и развитие : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. 26 с.
23. Крохина Ю.А. Теоретические основы финансово-правовой ответственности // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 43–51.
24. Емельянов А.С. Реализация охранительной функции финансового права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 327 с.
25. Саттарова Н.А. Принуждение в финансовом праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 43 с.
26. Разгильдиева М.Б. Финансово-правовое принуждение. Тамбов : Изд. дом Тамбов. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2011. 340 с.
27. Мусаткина А.А. О соотношении административно-правовой и финансово-правовой ответственности // Административное право и процесс. 2016. № 3. С. 36–40.
28. Боголюбов С.А. Реализация экологической политики посредством права. М. : НИЦ ИНФРА-М, 2015. 320 с.
29. Кичигин Н.В. Правовые проблемы применения методик при оценке экологического вреда // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения : материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2013. С. 210–218.
30. Иванов А.А. Юридическая ответственность за экологические правонарушения: перспективы развития // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2015. № 2. С. 110–124.
31. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М. : Статут, 2006. 240 с.
32. Крохина Ю.А. Финансовое право России : учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма; НИЦ ИНФРА-М, 2015. 624 с.
33. Мудрых В.В. Ответственность за нарушение налогового законодательства : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 318 с.
34. Комягин Д.Л. Ответственность за нарушения бюджетного законодательства // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2014. № 6. С. 10–19.
35. Толкачева Н.П. Административная ответственность за нарушения бюджетного законодательства: реалии и предложения по совершенствованию // Вестник АКСОР. 2015. № 1 (33). С. 126–132.
36. Трофимова Г.А. Бюджетная ответственность: проблемы теоретической конструкции // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 6–9.
37. Армасова Е.Р. Ответственность, предусмотренная законодательством, связанная с предоставлением бюджетного кредита // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2014. № 3. С. 53–58.
38. Гейхман О.М. Бюджетно-правовая ответственность в системе юридической ответственности // Финансовое право. 2004. № 5. С. 13–17.
39. Архипенко Т.В., Макаров А.В. Соотношение административной и бюджетной ответственности // Финансовое право. 2004. № 4. С. 28–31.
40. Саттарова Н.А. Принуждение в финансовом праве. М. : Юрлитинформ, 2006. 392 с.
41. Конюхова Т.В. Об ответственности за нарушение бюджетного законодательства // Журнал российского права. 2010. № 4(160). С. 37–48.
42. Крохина Ю.А. Бюджетное право России. М. : Юрайт, 2013. 483 с.
43. Ответственность за нарушение финансового законодательства : науч.-практ. пособие / отв. ред. И.И. Кучеров. М. : ИЗиСП; ИНФРА-М, 2014. С. 225.
44. Саттарова Н.А. Меры государственного принуждения в бюджетной сфере как фактор эффективного функционирования финансовой системы // Lex russica. 2015. № 8. С. 96–106.
45. Крохина Ю.А. Финансовое право России : учебник. М. : Норма; ИНФРА-М, 2014. 624 с.
46. Полякова С.А. О бюджетных мерах принуждения // Право и экономика. 2015. № 4. С. 68–78.
47. Воронцов О.Г. Правовая природа бюджетных мер принуждения // Финансовое право. 2016. № 11. С. 25–28.
48. Разгильдиева М.Б. Теоретические проблемы бюджетно-правовой ответственности // Финансовое право и управление. 2013. № 2(2). С. 102–118.
49. Васильева Е.Г. Бюджетно-правовая ответственность в РФ: проблемы правового регулирования и реализации // Финансовое право. 2015. № 9. С. 14–18.
50. Административное право России / А.П. Алехин [и др.]. М. : Зерцало-М, 2013. 520 с.
51. Иванчук В.Ю. К вопросу о соотношении административной и налоговой ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах // Актуальные проблемы права : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М. : Буки-Веди, 2015. С. 62–65.
52. Постановление Пленума ВАС РФ от 27.01.2003 № 2 (ред. от 10.11.2011) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 3.
53. Беликов Е.Г. Социальная направленность принципа сочетания убеждения и принуждения в финансовом праве // Финансовое право. 2016. № 8. С. 6–10.
54. Кучеров И.И. Денежные взыскания: проблемы правовой идентификации // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 22–36.
55. Разгильдиева М.Б. Проблемы теории налогово-правовой ответственности // Очерки налогово-правовой науки современности / под общ. ред. Е.Ю. Грачевой, Н.П. Кучерявенко. Москва ; Харьков : Право, 2013. 680 с.
56. Кайшев А.Е. Меры финансово-правовой ответственности за неуплату налогов (сборов) в установленные сроки: теоретико-правовые аспекты // Финансовое право. 2016. № 12. С. 28–32.
57. Макаров А.В., Архипенко Т.В. Характеристика налоговой ответственности. Санкции за нарушение налогового законодательства // Финансовое право. 2005. № 6. С. 20–22.
58. Попрядухина И.В. К вопросу об ответственности за нарушения законодательства РФ о страховых взносах // Финансовое право. 2016. № 7. С. 7–9.
59. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2016 № 2-П «По делу о проверке конституционности подпункта “а” пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования” в связи с запросами Арбитражного суда города Москвы и Арбитражного суда Пензенской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 3.
60. Звягинцева Л.М. Меры защиты в советском семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1980. 202 с.
61. Мардахаева П.Н. Лишение родительских прав как мера семейно-правовой ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 189 с.
62. Вавильченкова Г.И. Семейно-правовые санкции, применяемые к родителям за ненадлежащее осуществление прав и исполнение обязанностей по воспитанию детей в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 158 с.

63. Кумановская А.Л. Права и обязанности родителей по воспитанию детей в семейном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 169 с.
64. Постановление Конституционного Суда РФ от 08 июня 2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадасовой» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 25. Ст. 3246.
65. Хазова О.А. Отобразение детей: международно-правовые аспекты // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. С. 18–22.
66. Афанасьева И.В. Семейно-правовая защита интересов несовершеннолетних при неисполнении родительских обязанностей по их воспитанию и содержанию // Семейное и жилищное право. 2014. № 5. С. 3–6.
67. Гонгало Б.М. Алиментное обязательство // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 15–18.
68. Бринчук М.М. Так существует ли эколого-правовая ответственность? // Экологическое право. 2009. № 2-3. С. 16–23.
69. Бринчук М.М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид ответственности // Lex russica. 2016. № 6. С. 26–47.
70. Мельникова В.Г., Суранова Е.М. О формах и порядке возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 193–197.
71. Брославский Л.И. Ответственность за окружающую среду и возмещение экологического вреда: законы и реалии России, США и Евросоюза. М. : ИНФРА-М, 2014. 229 с.
72. Данилова Н.В. Совершенствование института возмещения экологического вреда // Экологическое право. 2015. № 3. С. 3–6.
73. Ключанова Л.Г. Эколого-правовой статус личности в нормах Конституции Российской Федерации // Экологическое право. 2014. № 2. С. 3–7.
74. Васильева М.И. Проблемы защиты общественного интереса в экологическом праве // Государство и право. 1999. № 8. С. 49–62.
75. Доронина Н.Г. Предисловие к материалам для Ежегодных VII научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. Новое в гражданском законодательстве. Баланс публичных и частных интересов. М. : Юриспруденция, 2012. С. 3–7.
76. Данилова Н.В. Гражданско-правовая ответственность за экологический вред: проблемы теории и практики // Право и политика. 2014. № 2. С. 1931–1935.
77. Ивлиева А.Г. [Не] дважды за одно: особый характер экологического ущерба и общие принципы юридической ответственности. Комментарий к Постановлению Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 года № 12-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 4. С. 145–158.
78. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации “Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Заполярье”» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 24. Ст. 3547.
79. Проект Федерального закона № 504011-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования вопросов возмещения вреда окружающей среде» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 21.04.2014). URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 21.04.2014).

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 февраля 2018 г.

THE FORMATION OF NEW TYPES OF LIABILITY IN THE RUSSIAN LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 216–229.

DOI: 10.17223/15617793/428/30

Vladimir I. Mayorov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: 1955715@rambler.ru

Natalia V. Danilova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nvdanilova@mail.ru

Olga G. Geymur, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ogeymur1@yandex.ru

Tatiana V. Krasnova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: krasnova-tv@yandex.ru

Keywords: theory of law; legal liability; family liability; parental rights; child rights; environmental responsibility; favorable environment; environmental damage; financial liability; public interest.

The subject of the study is regularities of the formation of the new types of legal liability in Russian law. In the work, legal liability is considered solely in a negative sense, as an occurrence of certain adverse consequences for the offender which consist in the infringement of their personal or property spheres. The authors aim to justify the branch criterion of differentiation of legal liability, to identify the preconditions of its new (family, financial and environmental) types, to determine their features. The methodological basis of the study is a set of methods of scientific cognition: dialectical, formal logical, formal legal, comparative-legal. The analysis of works in the field of the theory of law about the types of legal liability gives grounds to assert that the basic classification criterion is the “branch of law” one. In this context, particular liability depends directly on the place a branch of law occupies in the system of law, its belonging to the basic, special and integrated sectors. The basis of the generation of new types of legal liability is new social needs which cannot be met through existing legal structures including traditional types of legal liability. In the design of new types of liability specific (deprivation of parental rights in family law) or approved (money penalty in financial law, compensation for harm in environmental law) penalties can be used. The latter may be due to the derivative nature of the considered types of liability. Features of subjective rights (legitimate interests) protected by a certain branch of law dictate the specificity of liability including its objectives, functions and content. Financial liability, in contrast to administrative, focuses not only on the punishment of the offender, but on the restoration of the public financial interests and compensation of state losses as a result of a breach of financial regulations. Family liability is expressed in the deprivation or restriction of non-property rights. Legal regulation of individual cases of family liability needs to be improved. In particular, the scientific doctrine recognizes deprivation of parental rights as a form of family liability. However, legal regulation of this issue is contrary to the purpose and essence of legal liability. The aim in this case is to protect the child’s interests. On this basis, the grounds for the deprivation of parental rights should be reconsidered. Consequences of the deprivation of parental rights are often not adverse to unfair parents. Moreover, such parents receive a formal confirmation of the behavior they aspired to. The differentiation of environmental liability and civic liability is based on the idea of protecting public interests. Public interest is the preservation of a favorable environment. Therefore, special provisions are needed to provide restoration of the state of the environment. The conclusions made in the study, without claiming to be comprehensive and exhaustive, can be used as a methodological basis for further scientific research.

REFERENCES

1. Vitruk, N.V. (2017) *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* [General theory of legal liability]. 2nd ed. Moscow: Norma: INFRA-M.

2. Khachaturov, R.L. & Lipinskiy, D.A. (2007) *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* [General theory of legal liability]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press.
3. Lipinskiy, D.A. (2003) O sisteme prava i vidakh yuridicheskoy otvetstvennosti [On the system of law and types of legal liability]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 2 (247). pp. 27–37.
4. Chechina, N.A. & El'kind, P.S. (1973) Ob ugolovno-protsessual'noy i grazhdanskoj protsessual'noy otvetstvennosti [On criminal procedural and civil procedural liability]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 33–34.
5. Leyst, O.E. (1977) Osnovnye vidy yuridicheskoy otvetstvennosti za pravonarushenie [The main types of legal liability for an offense]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 3. pp. 24–30.
6. Alekseev, S.S. (2010) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Works: in 10 vols]. Vol. 6. Moscow: Statut.
7. Trofimov, V.V. (2013) Problema formirovaniya yuridicheskoy konstruktsii: ot pravoobrazuyushchikh faktorov k pravotvorcheskomu rezul'tatu [The problem of the formation of a legal construct: from the law-forming factors to the law-making result]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 7-2. pp. 26–38.
8. Erofeev, B.V. (2013) *Ekologicheskoe pravo: uchebnik* [Environmental law: a textbook]. 5th ed. Moscow: ID "FORUM"; INFRA-M.
9. Ershova, E.V. (2015) Kompensatsiya moral'nogo vreda kak sposob zashchity semeynykh prav i mera semeyno-pravovoy otvetstvennosti [Compensation of moral harm as a way of protecting family rights and a measure of family and legal liability]. *Vlast' zakona*. 4. pp. 196–203.
10. Lagutin, I.B. & Urda, M.N. (2015) Otvetstvennost' v sisteme denezhnogo prava Rossiyskoy Federatsii [Liability in the system of the monetary law of the Russian Federation]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 5. pp. 7–9.
11. Il'in, A.Yu. (2015) Yuridicheskaya otvetstvennost' za finansovye pravonarusheniya [Legal liability for financial violations]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 11. pp. 3–6.
12. Turusova, O.S. (2011) *Semeyno-pravovaya otvetstvennost' v Rossii i zarubezhnykh stranakh* [Family-legal liability in Russia and foreign countries]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
13. Karibyan, S.O. (2016) *Semeyno-pravovaya otvetstvennost': sushchnost' i pravoprimeneniye po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [Family-legal liability: the essence and enforcement of the law of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
14. Sidorova, S.A. (2007) *Voprosy primeneniya mer grazhdansko-pravovoy i semeyno-pravovoy otvetstvennosti v semeynom prave* [The application of measures of civil law and family law liability in family law]. Abstract of Law Cand. Diss. Volgograd.
15. Pigolkin, A.S. (ed.) (2003) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law: a textbook]. Moscow: Gorodets.
16. Komyagin, D.L. (2016) Zashchita byudzhethnogo protsessa: otvetstvennost' za narusheniya byudzhethnogo zakonodatel'stva i byudzhethnye narusheniya [Protection of the budgetary process: liability for violations of budget laws and budgetary violations]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 7. pp. 15–19.
17. Shevchenko, E.V. (2009) *Administrativnaya otvetstvennost' za narusheniye byudzhethnogo zakonodatel'stva* [Administrative liability for the violation of budget legislation]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
18. Lebedev, V.A. (1882) *Finansovoe pravo* [Financial law]. Vol. 1. Is. 1. St. Petersburg: Tipo-lit. A.M. Vol'fa.
19. Zhizhilenko, A.A. (1914) *Nakazanie. Ego ponyatie i otlichie ot drugikh pravookhranitel'nykh sredstv* [Punishment. Its concept and difference from other law enforcement means]. Petrograd: Pravda.
20. Rozanov, I.I. (1971) *Finansovye sredstva obespecheniya gosudarstvennoy i finansovoy distsipliny* [Financial means of ensuring state and financial discipline]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
21. Batyrov, S.E. (2003) *Finansovo-pravovaya otvetstvennost'* [Financial and legal liability]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
22. Serdyukova, N.V. (2003) *Finansovo-pravovaya otvetstvennost' po rossiyskomu zakonodatel'stvu: stanovleniye i razvitiye* [Financial and legal liability under the Russian legislation: formation and development]. Abstract of Law Cand. Diss. Tyumen.
23. Krokhina, Yu.A. (2004) Teoreticheskie osnovy finansovo-pravovoy otvetstvennosti [Theoretical bases of financial and legal liability]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 3. pp. 43–51.
24. Emel'yanov, A.S. (2005) *Realizatsiya okhranitel'noy funktsii finansovogo prava* [Implementation of the protective function of financial law]. Law Dr. Diss. Moscow.
25. Sattarova, N.A. (2006) *Prinuzhdeniye v finansovom prave* [Coercion in financial law]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
26. Razgil'dieva, M.B. (2011) *Finansovo-pravovoe prinuzhdeniye* [Financial and legal coercion]. Tambov: Tambov *SU.
27. Musatkina, A.A. (2016) O sootnoshenii administrativno-pravovoy i finansovo-pravovoy otvetstvennosti [On the correlation of administrative-legal and financial-legal liability]. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*. 3. pp. 36–40.
28. Bogolyubov, S.A. (2015) *Realizatsiya ekologicheskoy politiki posredstvom prava* [Implementation of environmental policy through law]. Moscow: NITs INFRA-M.
29. Kichigin, N.V. (2013) [Legal problems of application of techniques in the assessment of environmental harm]. *Yuridicheskaya otvetstvennost': sovremennyye vyzovy i resheniya* [Legal liability: modern challenges and solutions]. Proceedings for the VIII Annual Scientific Readings in memory of Professor S.N. Bratus'. Moscow. pp. 210–218. (In Russian).
30. Ivanov, A.A. (2015) Yuridicheskaya otvetstvennost' za ekologicheskie pravonarusheniya: perspektivy razvitiya [Legal liability for environmental offenses: development prospects]. *Samarskaya Luka: problemy regional'noy i global'noy ekologii*. 2. pp. 110–124.
31. Yakovlev, V.F. (2006) *Grazhdansko-pravovoy metod regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy* [Civil-law method of regulation of public relations]. Moscow: Statut.
32. Krokhina, Yu.A. (2015) *Finansovoe pravo Rossii: ucheb.* [Financial Law of Russia: a textbook]. 5th ed. Moscow: Norma; NITs INFRA-M.
33. Mudrykh, V.V. (2001) *Otvettstvennost' za narusheniye nalogovogo zakonodatel'stva* [Liability for violation of tax laws]. Moscow: YuNITI-DANA.
34. Komyagin, D.L. (2014) Otvetstvennost' za narusheniya byudzhethnogo zakonodatel'stva [Liability for violations of budget legislation]. *Finansovyy vestnik: finansi, nalogi, strakhovanie, bukhgalterskiy uchët*. 6. pp. 10–19.
35. Tolkacheva, N.P. (2015) Administrativnaya otvetstvennost' za narusheniya byudzhethnogo zakonodatel'stva: realii i predlozheniya po sovershenstvovaniyu [Administrative liability for violations of budget legislation: realities and proposals for improvement]. *Vestnik AKSOR – AKSOR Bulletin*. 1 (33). pp. 126–132.
36. Trofimova, G.A. (2017) Byudzhethnaya otvetstvennost': problemy teoreticheskoy konstruktsii [Budgetary liability: problems of the theoretical construct]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1. pp. 6–9.
37. Armasova, E.R. (2014) Otvetstvennost', predusmotrennaya zakonodatel'stvom, svyazannaya s predstavleniem byudzhethnogo kredita [Liability, stipulated by law, associated with the provision of a budgetary loan]. *Finansovyy vestnik: finansi, nalogi, strakhovanie, bukhgalterskiy uchët*. 3. pp. 53–58.
38. Geykhtman, O.M. (2004) Byudzhethno-pravovaya otvetstvennost' v sisteme yuridicheskoy otvetstvennosti [Budgetary and legal liability in the system of legal liability]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 5. pp. 13–17.
39. Arkhipenko, T.V. & Makarov, A.V. (2004) Sootnosheniye administrativnoy i byudzhethnoy otvetstvennosti [The ratio of administrative and budgetary liability]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 4. pp. 28–31.
40. Sattarova, N.A. (2006) *Prinuzhdeniye v finansovom prave* [Coercion in financial law]. Moscow: Yurlitinform.
41. Konyukhova, T.V. (2010) Ob otvetstvennosti za narusheniye byudzhethnogo zakonodatel'stva [On liability for the violation of budget law]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 4(160). pp. 37–48.
42. Krokhina, Yu.A. (2013) *Byudzhethnoe pravo Rossii* [Budgetary law of Russia]. Moscow: Yurayt.

43. Kucherov, I.I. (ed.) (2014) *Otvetstvennost' za narushenie finansovogo zakonodatel'stva* [Liability for violation of financial legislation]. Moscow: IZiSP; INFRA-M.
44. Sattarova, N.A. (2015) State coercion measures in budget sphere as a factor for the efficient functioning of the financial system. *Lex russica*. 8. pp. 96–106. (In Russian).
45. Krokhnina, Yu.A. (2014) *Finansovoe pravo Rossii: uchebnik* [Financial law of Russia: a textbook]. Moscow: Norma; INFRA-M.
46. Polyakova, S.A. (2015) O byudzhethnykh merakh prinuzhdeniya [On budgetary coercive measures]. *Pravo i ekonomika*. 4. pp. 68–78.
47. Vorontsov, O.G. (2016) Pravovaya priroda byudzhethnykh mer prinuzhdeniya [The legal nature of budgetary coercive measures]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 11. pp. 25–28.
48. Razgil'dieva, M.B. (2013) Teoreticheskie problemy byudzhethno-pravovoy otvetstvennosti [Theoretical problems of budgetary-legal liability]. *Finansovoe pravo i upravlenie*. 2(2). pp. 102–118. DOI: 10.7256/2310-0508.2013.2.9876
49. Vasil'eva, E.G. (2015) Byudzhethno-pravovaya otvetstvennost' v RF: problemy pravovogo regulirovaniya i realizatsii [Budgetary and legal liability in the Russian Federation: problems of legal regulation and implementation]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 9. pp. 14–18.
50. Alekhin, A.P. et al. (2013) *Administrativnoe pravo Rossii* [Administrative Law of Russia]. Moscow: Zertsalo-M.
51. Ivanchuk, V.Yu. (2015) [To the issue of the correlation of administrative and tax liability for violation of legislation on taxes and fees]. *Aktual'nye problemy prava* [Topical problems of law]. Proceedings of IV international conference. Moscow. November 2015. Moscow: Buki-Vedi. pp. 62–65. (In Russian).
52. Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. (2003) Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 27.01.2003 2 (red. ot 10.11.2011) "O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s vvedeniem v deystvie Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh" [Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 27.01.2003 No. 2 (as amended on 10.11.2011) "On certain issues related to the introduction of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation"]. *Vestnik VAS RF*. 3.
53. Belikov, E.G. (2016) Sotsial'naya napravlennost' printsipa sochetaniya ubezhdeniya i prinuzhdeniya v finansovom prave [Social orientation of the principle of combining persuasion and coercion in financial law]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 8. pp. 6–10.
54. Kucherov, I.I. (2013) Denezhnye vzyskaniya: problemy pravovoy identifikatsii [Monetary penalties: problems of legal identification]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 5. pp. 22–36.
55. Razgil'dieva, M.B. (2013) Problemy teorii nalogovo-pravovoy otvetstvennosti [Problems of the theory of tax and legal liability]. In: Gracheva, E.Yu. & Kucheryavenko, N.P. (eds) *Ocherki nalogovo-pravovoy nauki sovremennosti* [Essays on the tax and legal science of modern times]. Moscow; Kharkov: Pravo.
56. Kayshev, A.E. (2016) Mery finansovo-pravovoy otvetstvennosti za neuplatu nalogov (sborov) v ustanovlennyye sroki: teoretiko-pravovye aspekty [Measures of financial and legal liability for non-payment of taxes (fees) in a timely manner: theoretical and legal aspects]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 12. pp. 28–32.
57. Makarov, A.V. & Arkhipenko, T.V. (2005) Kharakteristika nalogovoy otvetstvennosti. Sanktsii za narushenie nalogovogo zakonodatel'stva [Characteristics of tax liability. Sanctions for violation of tax laws]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 6. pp. 20–22.
58. Popryadukhina, I.V. (2016) K voprosu ob otvetstvennosti za narusheniya zakonodatel'stva RF o strakhovykh vzosakh [To the question of liability for violations of the RF legislation on insurance]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 7. pp. 7–9.
59. Constitutional Court of the Russian Federation. (2016) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.01.2016 2-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti podpunkta "a" punkta 22 i punkta 24 stat'i 5 Federal'nogo zakona ot 28 iyunya 2014 goda 188-FZ "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam obyazatel'nogo sotsial'nogo strakhovaniya" v svyazi s zaprosami Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy i Arbitrazhnogo suda Penzenskoy oblasti" [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.01.2016 No. 2-P "On the case on the verification of constitutionality of subparagraph "a" of Paragraph 22 and paragraph 24 of Article 5 of the Federal Law of June 28, 2014 No. 188-FZ "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation on compulsory social insurance" in connection with the requests of the Moscow Arbitration Court and the Arbitration Court of Penza Oblast]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 3.
60. Zvyagintseva, L.M. (1980) *Mery zashchity v sovetskom semeynom prave* [Measures of protection in Soviet family law]. Abstract of Law Cand. Diss. Sverdlovsk.
61. Mardakhaeva, P.N. (2005) *Lishenie roditel'skikh prav kak mera semeyno-pravovoy otvetstvennosti* [Deprivation of parental rights as a measure of family and legal liability]. Law Cand. Diss. Moscow.
62. Vavil'chenkova, G.I. (2008) *Semeyno-pravovye sanktsii, primenyaemye k roditelyam za nenadlezhashchee osushchestvlenie prav i ispolnenie obyazannostey po vospitaniyu detey v Rossiyskoy Federatsii* [Family-legal sanctions applied to parents for improper exercise of rights and the performance of duties for the upbringing of children in the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
63. Kumanovskaya, A.L. (2005) *Prava i obyazannosti roditel'ey po vospitaniyu detey v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii* [Rights and duties of parents in the education of children in the family law of the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
64. Russian Federation. (2010) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 08 iyunya 2010 g. 13-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 4 stat'i 292 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalooboy grazhdanki V.V. Chadaevoy" [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 8, 2010 No. 13-P "On the case on the verification of constitutionality of paragraph 4 of Article 292 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen V.V. Chadaeva]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 3246.
65. Khazova, O.A. (2014) Otobranie detey: mezhdunarodno-pravovye aspekty [The removal of children: international legal aspects]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*. 2. pp. 18–22.
66. Afanas'eva, I.V. (2014) *Semeyno-pravovaya zashchita interesov nesovershennoletnikh pri neispolnenii roditel'skikh obyazannostey po ikh vospitaniyu i soderzhaniiyu* [Family-legal protection of interests of minors in case of non-fulfillment of parental responsibilities for children's upbringing and maintenance]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*. 5. pp. 3–6.
67. Gongalo, B.M. (2016) Alimentnoe obyazatel'stvo [Alimony obligation]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*. 5. pp. 15–18.
68. Brinchuk, M.M. (2009) Tak sushchestvuet li ekologo-pravovaya otvetstvennost'? [So is there an environmental legal liability?]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 2-3. pp. 16–23.
69. Brinchuk, M.M. (2016) Ecological responsibility as an independent type of responsibility. *Lex russica*. 6. pp. 26–47. (In Russian).
70. Mel'nikova, V.G. & Suranova, E.M. (2017) On forms and procedure for compensation of harm caused to the environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 193–197. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/27
71. Broslavskiy, L.I. (2014) *Otvetstvennost' za okruzhayushchuyu sredu i vozmeshchenie ekologicheskogo vreda: zakony i realii Rossii, SShA i Evroosoyuza* [Liability for the environment and compensation for environmental damage: laws and realities of Russia, the United States and the European Union]. Moscow: INFRA-M.
72. Danilova, N.V. (2015) Sovershenstvovanie instituta vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda [Perfection of the institution of compensation for environmental damage]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 3. pp. 3–6.
73. Klyukanova, L.G. (2014) Ekologo-pravovoy status lichnosti v normakh Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Ecological and legal status of a person in the norms of the Constitution of the Russian Federation]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 2. pp. 3–7.
74. Vasil'eva, M.I. (1999) Problemy zashchity obshchestvennogo interesa v ekologicheskoy prave [Problems of protection of public interest in environmental law]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 8. pp. 49–62.
75. Doronina, N.G. (2012) *Predislovie k materialam dlya Ezhegodnykh VII nauchnykh chteniy pamyati professora S.N. Bratusya. Novoe v grazhdanskom zakonodatel'stve. Balans publicnykh i chastnykh interesov* [Foreword to the materials for the Annual VII Scientific Readings in memory of Professor S.N. Bratus'. New in civil law. Balance of public and private interests]. Moscow: Yurisprudentsiya, pp. 3–7.

76. Danilova, N.V. (2014) Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za ekologicheskiy vred: problemy teorii i praktiki [Civil liability for environmental damage: problems of theory and practice]. *Pravo i politika*. 2. pp. 1931–1935.
77. Ivlieva, A.G. (2015) [Ne] dvazhdy za odno: osoby kharakter ekologicheskogo ushcherba i obshchie printsipy yuridicheskoy otvetstvennosti. Kommentariy k Postanovleniyu Konstitutsionnogo Suda RF ot 2 iyunya 2015 goda № 12-P [[Not] twice for one: the special nature of environmental damage and the general principles of legal liability. Commentary to the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 2, 2015 No. 12-P]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 4. pp. 145–158.
78. Russian Federation. (2015) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 2 iyunya 2015 g. 12-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 2 stat'i 99, chasti 2 stat'i 100 Lesnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i polozheniy postanovleniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii “Ob ischislenii razmera vreda, prichinennogo lesam vsledstvie narusheniya lesnogo zakonodatel'stva” v svyazi s zhaloboy obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu “Zapolyarneft”” [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 2, 2015 No. 12-P “On the case on the verification of the constitutionality of Part 2 of Article 99, Part 2 of Article 100 of the Forest Code of the Russian Federation and the provisions of the Resolution of the Government of the Russian Federation” On the calculation of the damage caused to forests due to violations of forest legislation” in connection with the complaint of the limited liability company Zapolyarneft”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 24. Art. 3547.
79. Russian Federation. (2014) *Proekt Federal'nogo zakona 504011-6 “O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon “Ob okhrane okruzhayushchey sredy” i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti regulirovaniya voprosov vozmeshcheniya vreda okruzhayushchey sredy” (red., vnesennaya v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 21.04.2014)* [Draft Federal Law No. 504011-6 “On Amendments to the Federal Law “On Environmental Protection” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding Regulation of Issues of Compensation for Environmental Damage” (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text of 21/04/2014)]. [Online] Available from: <http://asozd.duma.gov.ru>. (Accessed: 21st April 2014).

Received: 19 February 2018

РЕШЕНИЕ СУДОМ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С НАПРАВЛЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ЗАКРЫТОГО ТИПА: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Анализируются процессуальные и организационно-правовые проблемы, связанные с направлением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Внимание читателей акцентируется на специфике данной уголовно-правовой меры и особенностях ее назначения. Анализируются отдельные нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие применение данной меры. Раскрываются причины недостаточной распространенности данной меры в судебной практике.

Ключевые слова: суд; уголовное судопроизводство; несовершеннолетний; принудительные меры воспитательного воздействия; специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Вовлечение несовершеннолетнего правонарушителя в уголовное судопроизводство требует решения ряда специфических задач и применения особых процедур, обусловленных его возрастом и несформированностью личности такого субъекта. Разрешение уголовно-правового конфликта с участием несовершеннолетних закономерно предполагает применение не только уголовного наказания, но и различных воспитательных мер.

Концепция отказа от приоритета уголовной репрессии и допущения ресоциализации подростка-правонарушителя при позитивном педагогическом воздействии имеет более чем столетнюю историю. Зародившееся в конце XIX в. отношение общественности к несовершеннолетним преступникам как к особым субъектам, требующим перевоспитания и социальной поддержки, первоначально получило закрепление в законодательстве отдельных государств, а затем оформилось в некие международные стандарты правосудия в отношении несовершеннолетних. Первоначально в США, а затем и в странах западной Европы детей-правонарушителей стали отправлять не только в тюрьмы, но и в реформатории и воспитательные дома [1. Р. 5].

Не стала исключением из этого правила и Россия, в которой еще в конце XIX в. предпринимались попытки размещения несовершеннолетних в частных воспитательно-исправительных учреждениях, представляющих собой чаще всего земледельческие колонии [2]. Исправительные учреждения различного типа для несовершеннолетних активно создавались уже и в первые годы советской власти, закрепившей приоритет медико-педагогических мер в отношении «трудных подростков» [3]. В начале 60-х гг. прошлого века в была начата работа по преобразованию воспитательно-трудовых колоний для несовершеннолетних в специальные школы и профессионально-технические училища с передачей их под юрисдикцию Министерства просвещения. Фактически это позволило уже к 1965 г. создать систему «учебно-воспитательных учреждений для трудновоспитуемых несовершеннолетних, совершивших правонарушения, но освобожденных от уголовной ответственности по возрасту или в связи с нецелесообразностью применения к ним мер уголовного наказания и нуждающихся в особых

условиях воспитания и строгом педагогическом режиме» [4. С. 160].

В целом в большинстве современных стран реакция государства на преступление, совершенное несовершеннолетним, предполагает не только применение карательных уголовно-правовых мер, но и активное использование возможностей специальных образовательных и психолого-педагогических программ, способствующих ресоциализации юного правонарушителя [5]. Это закономерно требует социально-психологического сопровождения ювенального уголовного судопроизводства. Например, во Франции несовершеннолетние правонарушители могут кратковременно (на несколько месяцев) находиться в специальном воспитательном центре, где они содержатся под усиленным надзором воспитателей, обеспечивающих им активную общественную жизнь, занятия спортом, помощь в профессиональной ориентации, мотивирующих подростков продолжить образование [6].

В настоящее время в России нормы материального права допускают применение к несовершеннолетним правонарушителям, совершившим уголовно наказуемые деяния, определенных принудительных мер воспитательного воздействия. Законодатель устанавливает ряд оснований для освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности или уголовного наказания с альтернативным применением мер социально-педагогической ресоциализации.

Одной из таких мер является помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (СУВУЗТ). Данная мера занимает особое место в уголовно-правовой системе мер, применяемых к несовершеннолетним правонарушителям. Не без оснований исследователи указывают на промежуточное положение помещения в СУВУЗТ между уголовным наказанием и принудительными мерами воспитательного воздействия [7. С. 100–101]. Материально-правовыми основаниями для направления несовершеннолетнего в СУВУЗТ являются нормы Уголовного кодекса РФ (УК РФ), предусматривающие как освобождение от уголовной ответственности и наказания лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, так и освобождение несовершеннолетнего, подлежащего уголовной ответственности от уголовного наказания с приме-

нием данной специфичной меры воспитательного воздействия. В первом случае помещение несовершеннолетнего, совершившего уголовно-наказуемое деяние, в СУВУЗТ будет выполнять «профилактическую, контрольную и реабилитационную функции» [8. С. 9] и будет подчиняться правилам, закрепленным в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [9]. Во втором речь фактически идет о замене уголовного наказания несовершеннолетнему осужденному на применение альтернативной воспитательной меры.

К сожалению, правовое регулирование помещения несовершеннолетнего в СУВУЗТ и в первом и во втором случае отличается противоречивостью и проблемностью, что порождает целый ряд проблем в судебной практике и закономерно ведет к тому, что данная мера применяется в ограниченном количестве случаев. В частности, данные судебной статистики свидетельствуют о том, что в качестве альтернативы уголовному наказанию направление в СУВУЗТ было назначено в 2015 г. к 385 из 22 862 осужденных несовершеннолетних, в 2016 г. – к 402 из 23 912 несовершеннолетних осужденных и в первой половине 2017 г. – соответственно к 193 из 10 286 несовершеннолетних [10]. Таким образом, число осужденных несовершеннолетних, направляемых в СУВУЗТ, в судебной практике не превышает 2%.

Есть все основания полагать, что игнорирование судьями предлагаемых законодательством возможностей, связанных с использованием педагогического потенциала СУВУЗТ применительно к несовершеннолетним правонарушителям, имеет целый ряд объективных причин.

Отчасти такие цифры связаны с необходимостью проведения значительного объема предварительной работы, направленной на сбор информации о несовершеннолетнем и его социальном окружении, принятием профилактических мер в отношении подростка и его родителей и т.д. Однако только этими факторами незначительное количество случаев направления несовершеннолетних в СУВУЗТ вряд ли удастся объяснить, тем более что изначально информация о личности подростка и его социальном окружении входит в расширенный предмет доказывания по данной категории уголовных дел.

Поскольку проблематика помещения несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности, в СУВУЗТ требует отдельного детального исследования, лишь отметим, что существующая процедура весьма несовершенна, несистемно регулируется как нормами федеральных законов, так и подзаконными нормативно-правовыми актами. Не смотря на четко сформировавшуюся доктринальную позицию о необходимости регламентации данных вопросов хотя бы частично на уровне Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), законодатель игнорирует данные предложения. При таком подходе помещение указанных несовершеннолетних в СУВУЗТ, равно как и в центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП), рассматривается как особая административная процедура

с участием суда. Данная процедура видится плохо сбалансированной, с множеством дублирующих функций, не позволяющих уложиться в установленные законом достаточно сжатые сроки. Такой подход несет в себе ряд серьезных рисков, связанных с соблюдением Российской Федерацией признаваемых норм международного права в области прав ребенка. Тем более такие опасения оправданы после вынесения в 2016 г. Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) Постановления 23 марта 2016 г. по делу «Блохин против Российской Федерации» [11]. В своем решении ЕСПЧ признал, что российская процедура помещения несовершеннолетнего в ЦВСНП несет признаки уголовного преследования и должна сопровождаться соответствующими гарантиями.

В целом анализ положений международно-правовых документов, регламентирующих те или иные вопросы защиты прав детей, свидетельствует о том, что пребывание несовершеннолетнего в СУВУЗТ может быть рассмотрено как разновидность лишения свободы. В частности, в Правилах ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, принятых Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1990 г., предлагается под лишением свободы понимать «любую форму задержания или тюремного заключения какого-либо лица или его помещение в государственное или частное исправительное учреждение, которое несовершеннолетнему не разрешается покидать по собственному желанию на основании решения любого судебного, административного или другого государственного органа» [12]. Очевидно, что направление несовершеннолетнего в СУВУЗТ носит принудительный характер, и несовершеннолетний не вправе самостоятельно покидать данное учреждение. В этой связи нельзя не согласиться с мнением тех исследователей, которые предлагают рассматривать помещение в СУВУЗТ как самую строгую принудительную меру воспитательного воздействия [13. С. 55].

Ограничительно-принудительный характер данной меры в определенной степени будет препятствовать и ее широкому применению, поскольку в соответствии с требованиями, сформулированными в п. 19 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), «помещение несовершеннолетнего в какое-либо исправительное учреждение всегда должно быть крайней мерой, применяемой в течение минимально необходимого срока» [14]. Однако даже если рассматривать данную меру в качестве одной из мер, связанных с лишением свободы, станет очевидным, что она имеет ряд преимуществ по сравнению с назначением несовершеннолетнему уголовного наказания с отбыванием в воспитательной колонии. Изначально такое учреждение должно обладать более высоким воспитательным потенциалом и иметь больше возможностей по привитию подростку социально одобряемых вариантов поведения.

Анализ практики направления несовершеннолетних осужденных в СУВУЗТ по приговору суда свидетельствует о том, что низкая эффективность такой меры связана с целым рядом проблем, как правовых, так и организационных. К сожалению, на уровне за-

конодательства формально разрешены вопросы замены уголовного наказания направлением в СУВУЗТ, собственно помещения в данное учреждение, а также исполнения указанной меры. Без преувеличения можно говорить о том, что правовое регулирование данных вопросов отличается значительной степенью пробельности.

В первую очередь, следует сказать о противоречивости норм УК РФ, породивших в числе прочего и множество вопросов процессуального характера.

Так в ч. 2 ст. 90 УК РФ предлагается исчерпывающий перечень принудительных мер воспитательного воздействия. Анализ данной части позволяет прийти к однозначному выводу: помещение несовершеннолетнего в СУВУЗТ в данном перечне отсутствует. Логично было бы предположить, что законодатель сознательно исключил помещение в СУВУЗТ из перечня принудительных мер воспитательного воздействия в связи со спецификой данной уголовно-правовой меры по международным стандартам подпадающей под разновидность лишения свободы с целенаправленным педагогическим воздействием. Однако в ч. 2 ст. 92 УК РФ указывается, что «помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа применяется как принудительная мера воспитательного воздействия в целях исправления несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода». Очевидно, законодатель пытался разграничить воспитательные меры, которые могут стать альтернативой уголовной ответственности и ту единственную, которая может заменить уголовное наказание. Вследствие таких законодательных конструкций «мы имеем дело с системой принудительных мер воспитательного воздействия, закрепленных в ч. 2 ст. 90 УК РФ и специальной мерой – помещением несовершеннолетнего в СУВУЗТ, характер которой до конца не ясен» [15. С. 154].

Такая понятийная неопределенность породила и некорректные формулировки в УПК РФ. С одной стороны, ст. 432 УПК называется «Освобождение судом несовершеннолетнего подсудимого от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия или направлением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа». То есть законодатель с помощью разделительного союза «или» разграничивает принудительные меры воспитательного воздействия и помещение в СУВУЗТ. С другой – анализ п. 16 ст. 397 УПК РФ показывает, что одним из вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора, является вопрос об освобождении от наказания несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 92 УК РФ. То есть помещение несовершеннолетнего в СУВУЗТ рассматривается как принудительная мера воспитательного воздействия. Поскольку направление в СУВУЗТ может рассматриваться только как альтернатива лишению свободы, возникает закономерный вопрос: от чего же освобождается судом несовершеннолетний – от наказания или от его отбывания? Фактически перед направлением подростка в СУВУЗТ суд обязан в силу

прямого указания ч. 2 ст. 92 УК РФ осудить подростка к лишению свободы за совершение тяжкого преступления или преступления средней тяжести. Именно такое осуждение является необходимой предпосылкой для освобождения от наказания и помещения несовершеннолетнего в СУВУЗТ. Получается, что суд все же освобождает несовершеннолетнего не от наказания в виде лишения свободы, а от его отбывания, заменив последнее пребыванием несовершеннолетнего в СУВУЗТ. С формальной точки зрения мы получаем ситуацию с заменой одного исправительного учреждения на другое, имеющее больший воспитательный потенциал и менее строгие правила пребывания.

Очевидно, что в данном случае вполне уместно констатировать неудовлетворительную законодательную технику, которая в итоге затрудняет применение соответствующих норм и не позволяет в полном объеме использовать возможности данной альтернативной уголовному наказанию меры. И терминологической рассогласованностью круг проблем не ограничивается.

С сожалением приходится констатировать, что в приговорах, заменяющих несовершеннолетним уголовное наказание помещением в СУВУЗТ, зачастую не находит отражения целый ряд важных вопросов. В частности, существенно затрудняет направление несовершеннолетнего в такое учреждение отсутствие в приговоре указания на то, что до направления в СУВУЗТ несовершеннолетний должен быть помещен в ЦВСНП, вследствие чего он вынужден до помещения в СУВУЗТ находиться в той же маргинальной, а нередко и криминальной среде, которая способствовала его противоправному поведению [16. С. 120]. В рамках сложившейся судебной практики в силу пробельности законодательства в приговоре не разрешается и вопрос о законном представителе несовершеннолетнего, оставшегося без попечения родителей и направляемого в СУВУЗТ, что в дальнейшем порождает постоянные конфликты между администрацией учреждения и органами опеки и попечительства и существенно ограничивает защиту прав и законных интересов такого несовершеннолетнего.

Определенное недоумение вызывает и то обстоятельство, что несмотря на то, что СУВУЗТ – это альтернатива лишению свободы для несовершеннолетнего, суд не имеет полномочий по определению вида СУВУЗТ, хотя при назначении наказания вид исправительного учреждения определяется судом. Полагая, что данный вопрос должен решаться именно судом на основе рекомендаций медицинского и психолого-педагогического характера, подготовленных специалистами.

Не эффективным видится и законодательно закрепленный механизм медицинского освидетельствования несовершеннолетних, направляемых в СУВУЗТ. На практике нередко суды формально подходят к вопросу о выявлении противопоказаний к пребыванию несовершеннолетнего в таком учреждении, ограничиваются лишь получением справок из психоневрологического и наркологического диспансеров. В ряде случаев проведение освидетельствования затруднено в силу отсутствия в лечебном учре-

ждении соответствующих специалистов, нерешенности на законодательном уровне вопроса о медицинском освидетельствовании несовершеннолетнего, содержащегося в ЦВСНП. Например, И.С. Михайлова, анализирующая данную проблему применительно к Санкт-Петербургу, указывает, что в результате прокурорских проверок «выявлялись многочисленные нарушения порядка проведения медицинского освидетельствования со стороны дознавателей, следователей, связанные с несвоевременным назначением медицинского освидетельствования, с назначением освидетельствования в медицинской организации, не правомочной их проводить, с непринятием мер к доставлению несовершеннолетних в медицинскую организацию» [17. С. 31]. В связи с выявляемыми нарушениями в данной сфере определенные опасения вызывает и механизм досрочного прекращения пребывания несовершеннолетнего в СУВУЗТ. Часть 3 ст. 432 УПК РФ предусматривает возможность прекращения пребывания несовершеннолетнего в СУВУЗТ по медицинским основаниям, препятствующим его содержанию и обучению в указанном учреждении. Однако ч. 4 этой же статьи предусматривает возможность обращения с соответствующим ходатайством по истечении не менее шести месяцев со дня поступления несовершеннолетнего осужденного в указанное учреждение. Получается, что несовершеннолетний, у которого в силу определенных причин не было диагностировано заболевание, препятствующее его содержанию в СУВУЗТ, не может быть освобожден от пребывания в учреждении ранее шести месяцев. Данный подход нельзя признать приемлемым. К сожалению, четко не определен и вопрос о повторном медицинском освидетельствовании несовершеннолетнего, самовольно покинувшего СУВУЗТ и какое-то время, фактически бродяжничавшего. Данный несовершеннолетний должен помещаться в ЦВСНП как уклоняющийся от исполнения особой воспитательной меры до возвращения в СУВУЗТ. Однако Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» не регулирует вопрос получения медицинского заключения о состоянии здоровья такого подростка.

Полагаем, что эти и ряд других вопросов можно было бы снять, внося соответствующие дополнения в ч. 4 ст. 432 УПК РФ и четко определив систему условий, выполнение которых позволит суду принять соответствующее решение.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что воспитательный потенциал помещения в СУВУЗТ отчасти нивелируется отсутствием процессуального механизма, позволяющего суду в случае систематического нарушения несовершеннолетним правил пребывания в СУВУЗТ, его самовольного ухода заменить данную меру уголовно-правового характера на уголовное наказание. Такая ситуация зачастую формирует у подростков чувство безнаказанности и не способствует корректировке их поведения. Следует согласиться с В.И. Качаловым, полагающим, что «суду следовало бы предоставить соответствующие полномочия по замене пребывания несовершеннолетнего в

специальном учебно-воспитательном учреждении более мягкой уголовно-правовой мерой воспитательного воздействия, а также по отмене назначенной меры с направлением несовершеннолетнего для отбывания уголовного наказания» [18. С. 349–350]. Решение проблемы требует наделения суда соответствующими полномочиями в стадии исполнения приговора. Одновременно необходимо предусмотреть возможность участия в производстве в стадии исполнения приговора как органа образования, так и специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа в лице их представителей, наделив последних хотя бы минимальным процессуальным статусом. В данном случае речь идет не об отказе от воспитательной направленности правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей, а поиске разумного баланса между интересами несовершеннолетнего и публичными интересами, о комплексной разработке такой уголовной политики, целью которой будет «является не борьба с преступностью несовершеннолетних, а защита человека и общества от преступных посягательств с их стороны» [20. С. 183].

К сожалению, фактически отсутствует и механизм судебного контроля за исполнением несовершеннолетним альтернативной уголовному наказанию меры в виде помещения в СУВУЗТ. Даже в случае побега несовершеннолетнего из такого учреждения основная работа с ним ведется сотрудниками подразделений ПДН, которые нередко вынуждены перевозить несовершеннолетнего на значительные расстояния между судом по месту жительства несовершеннолетнего, ЦВСНП и СУВУЗТ. Во многих зарубежных странах проблема контроля решается либо за счет создания службы пробации, либо за счет введения должности пенитенциарного судьи. Однако в современных российских реалиях как создание самостоятельной службы пробации, так и организация соответствующей судебной специализации, к сожалению, видятся в числе малореалистичных перспектив. Хотя к настоящему времени уже подготовлено несколько законопроектов, регламентирующих деятельность служб пробации, а сама задача по их созданию стоит в числе приоритетных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. [19]. Необходимость проведения соответствующей работы признается и учеными, справедливо отмечающими, что «создание в России службы пробации позволит сформировать принципиально новую систему работы с осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы, предусматривающую более широкое применение к ним мер социально-реабилитационного и социально-коррекционного характера» [21. С. 85].

Таким образом, существующий механизм направления несовершеннолетнего в СУВУЗТ отличается несбалансированностью и несогласованностью как на законодательном уровне, так и на уровне правоприменения. Этим в значительной степени объясняется недостаточное использование его возможностей судами. Очевидно и то, что выход из данного проблемного поля может быть только ком-

плексным, предполагающим как корректировку целого пакета законов и подзаконных актов, так и решение проблем организационного характера, за-

трудняющих в настоящее время использование воспитательного потенциала помещения несовершеннолетнего в СУВУЗТ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cox Steven M., Allen Jennifer M., Hanser Robert D., Conrad John J. Juvenile Justice: A Guide to Theory, Policy and Practice. SAGE Publications, Inc., 2010. 467 p.
2. Синова И.В. Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних на рубеже XIX–XX веков // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 1. С. 55–59.
3. Марковичева Е.В. Правосудие по делам несовершеннолетних в России начала XX века // История государства и права. 207. № 17. С. 18–20.
4. Кара С.В. Место специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа в системе профилактики преступности несовершеннолетних // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2014. Вып. 29, № 16. С. 159–167.
5. Shoemaker Donald J. International Handbook on Juvenile Justice. Greenwood Publishing Group, 1996. 327 p.
6. Турэ де Кузи Ф. Воспитательное воздействие в системе правосудия по делам несовершеннолетних во Франции // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 3. С. 13–15.
7. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: история и современность. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2002. 256 с.
8. Мамедов А.И. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Омск : Омская академия МВД России, 2007. 136 с.
9. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 07.06.2017) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
10. Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 28.12.2017).
11. Постановление ЕСПЧ от 23.03.2016 «Дело «Блохин (Blokhin) против Российской Федерации» (жалоба « 47152/06) // СПС Консультант Плюс.
12. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (Приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/113 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС Консультант Плюс.
13. Горшенин А.А. Законодательная регламентация принудительных мер воспитательного воздействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2-2. С. 54–58.
14. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года // СПС Консультант Плюс.
15. Марковичева Е.В. Направление несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: проблемы законодательной регламентации // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования : сб. ст. / редкол. А.В. Булыжкин и др. Орел : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017. С. 153–156.
16. Мамедов А., Николок В. Правовое регулирование направления судом несовершеннолетнего осужденного в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа // Уголовное право. 2007. № 1. С. 118–122.
17. Михайлова И.С. Проведение медицинского освидетельствования несовершеннолетних в порядке ч. 3, 4 ст. 421 УПК РФ // Законность. 2016. С. 30–33.
18. Качалов В.И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 492 с.
19. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // СПС Консультант Плюс.
20. Прокументов Л.М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних: вопросы правотворчества и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 183–187. DOI: 10.17223/15617793/421/27.
21. Голодов П.В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 2. С. 81–88.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 февраля 2018 г.

THE SOLUTION OF ISSUES DEALING WITH SENDING MINORS TO SPECIAL CLOSED EDUCATIONAL AND REHABILITATIVE INSTITUTIONS BY COURT: CRIMINAL PROCEDURAL, ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 230–235.

DOI: 10.17223/15617793/428/31

Vyacheslav V. Nikol'yuk, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: nvv56@mail.ru

Elena V. Markovicheva, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: markovicheva@yandex.ru

Keywords: court; criminal procedure; minors; compulsory measures of educational nature; special closed educational and rehabilitative institutions.

The aim of the article is to establish the issues that hinder the Russian judicial practice from the application of the measure of sending minors to special educational and training institutions, as well as to figure out a way to solve these issues. The article emphasizes the special purposes of criminal justice concerning minors and substantiates the necessity of stepping away from criminal repression in favor of social rehabilitation and reintegration of a minor. This approach will help keep the juvenile from any further illegal activities, and will also be in line with the overall worldwide practice and Russian historical traditions in particular. The first special educational and training institutions for juvenile offenders appeared in the 19th century and only kept evolving and developing throughout the 20th century. While the current Russian law does allow releasing minors from criminal liability, applying educational measures and sending them to special educational and training institutions, the application procedure itself is still highly flawed, and the judges rarely apply these measures. The reasons for the application of these measures being as problematic as it currently is are the imperfections of the law itself and the low efficiency of special educational and training institutions. The article criti-

cizes the current legal algorithm for dealing with cases of minors leaving special educational and training institutions by their own will, as well as the algorithm for sending minors to such institutions. More often than not, the decisions made by the court do not actually solve a large part of issues connected with the protection of the rights of minors; they do not always undergo the necessary procedure of a medical checkup. This critique is based on the analysis of international law and case law of the European Court of Human Rights. The authors suggest ways to improve these algorithms and to set up proper judicial control over minors sent to the said institutions. This part of the article also substantiates the necessity of replacing this educational measure with confinement in case the minor escapes from the special educational and training institution several times. The authors conclude the article by stating that solving issues that concern sending minors to special educational and training institutions requires organized reformation of judges' powers and specialties, as well as creating a probation service. The latter is seen as one of the most important goals in Russian criminal policy.

REFERENCES

1. Cox Steven, M., Allen Jennifer, M., Hanser Robert, D. & Conrad John, J. (2010) *Juvenile Justice: A Guide to Theory, Policy and Practice*. SAGE Publications, Inc.
2. Sinova, I.V. (2012) Vospitatel'no-ispravitel'nye zavedeniya dlya nesovershennoletnikh na rubezhe XIX–XX vekov [Correctional institutions for minors at the turn of the 20th century]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye – Terra Humana*. 1. pp. 55–59.
3. Markovicheva, E.V. (2007) Pravosudie po delam nesovershennoletnikh v Rossii nachala XX veka [Justice for minors in Russia at the beginning of the twentieth century]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 17. pp. 18–20.
4. Kara, S.V. (2014) Mesto spetsial'nykh uchebno-vospitatel'nykh uchrezhdeniy zakrytogo tipa v sisteme profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnikh [The place of special closed educational institutions in the system of juvenile delinquency prevention]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 29:16. pp. 159–167.
5. Shoemaker, D.J. (1996) *International Handbook on Juvenile Justice*. Greenwood Publishing Group.
6. Touré de Coucy, F. (2008) Vospitatel'noe vozdeystvie v sisteme pravosudiya po delam nesovershennoletnikh vo Frantsii [Educational impact in the juvenile justice system in France]. *Voprosy yuvenal'noy yustitsii – Issues of Juvenile Justice*. 3. pp. 13–15.
7. Pudovochkin, Yu.E. (2002) *Otvetstvennost' nesovershennoletnikh v ugovnom prave: istoriya i sovremennost'* [Responsibility of minors in criminal law: history and modernity]. Stavropol: Stavropol State University.
8. Mamedov, A.I. (2007) *Pomeshchenie nesovershennoletnego v spetsial'noe uchebno-vospitatel'noe uchrezhdenie zakrytogo tipa* [The placement of a minor in a special educational institution of a closed type]. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
9. Russian Federation. (1999) Federal'nyy zakon ot 24 iyunya 1999 g. 120-FZ "Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh" (red. ot 07.06.2017) [Federal Law of June 24, 1999, No. 120-FZ "On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency" (as amended on 07.06.2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 26. Art. 3177.
10. The Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Sudebnaya statistika po delam, rassmatrivaemym federal'nymi sudami obshchey yurisdiktsii i mirovymi sud'yami* [Court statistics on cases considered by federal courts of general jurisdiction and justices of the peace]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5>. (Accessed: 28th December 2017).
11. Konsul'tant Plyus. (2016) *Postanovlenie ESPCh ot 23.03.2016 "Delo "Blokhin (Blokhin) protiv Rossiyskoy Federatsii" (zhaloba 47152/06)* [ECtHR Order of 23.03.2016 "The case of Blokhin v. The Russian Federation" (complaint 47152/06)]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
12. Konsul'tant Plyus. (1990) *Pravila Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy, kasayushchiesya zashchity nesovershennoletnikh, lishennykh svobody (Prinyaty 14.12.1990 Rezolyutsiei 45/113 General'noy Assamblei OON)* [United Nations Rules for the Protection of Juveniles Deprived of their Liberty (Adopted on 14.12.1990 by UN General Assembly Resolution 45/113)]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
13. Gorshenin, A.A. (2011) Legislative regulation of educational coercive actions. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2-2. pp. 54–58. (In Russian).
14. Konsul'tant Plyus. (1985) *Minimal'nye standartnye pravila Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy, kasayushchiesya otpravleniya pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh (Pekinskie pravila): Prinyaty rezolyutsiei 40/33 General'noy Assamblei ot 29 noyabrya 1985 goda* [United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (The Beijing Rules): Adopted by General Assembly resolution 40/33 of 29 November 1985]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
15. Markovicheva, E.V. (2017) Napravlenie nesovershennoletnego v spetsial'noe uchebno-vospitatel'noe uchrezhdenie zakrytogo tipa: problemy zakonodatel'noy reglamentatsii [Sending a minor to a special educational institution of a closed type: problems of legislative regulation]. In: Bulyzhkin, A.V. et al. (eds) *Obespechenie prav i zakonnykh interesov grazhdan v deyatel'nosti organov predvaritel'nogo rassledovaniya* [Ensuring the rights and legitimate interests of citizens in the activities of the bodies of preliminary investigation]. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia.
16. Mamedov, A. & Nikolyuk, V. (2007) Pravovoe regulirovanie napravleniya sudom nesovershennoletnego osuzhdenno v spetsial'noe uchebno-vospitatel'noe uchrezhdenie zakrytogo tipa [Legal regulation of sending a juvenile convict to a special educational institution of a closed type]. *Ugolovnoe pravo – Criminal Law*. 1. pp. 118–122.
17. Mikhaylova, I.S. (2016) Provedenie meditsinskogo osvidetel'stvovaniya nesovershennoletnikh v poryadke ch. 3, 4 st. 421 UPK RF [Conducting medical examination of minors in the order of Parts 3, 4, Art. 421 of the RF Code of Criminal Procedure]. *Zakonnost' – Legality*. pp. 30–33.
18. Kachalov, V.I. (2017) *Proizvodstvo po ispolneniyu itogovykh sudebnykh resheniy v rossiyskom ugovnom protsesse* [Proceedings on the execution of final court decisions in the Russian criminal procedure]. Law Dr. Diss. Moscow.
19. Konsul'tant Plyus. (2010) *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 14.10.2010 1772-r (red. ot 23.09.2015) "O Kontseptsii razvitiya ugovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda"* [Order of the Government of the Russian Federation 1772-r of 14.10.2010 (as amended on 23.09.2015) "On the Concept of the Development of the Criminal Executive System of the Russian Federation until 2020"]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
20. Prozumentov, L.M. (2017) Russian criminal law policy in regard to juveniles: issues of law-making and law enforcement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 421. pp. 183–187. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/27
21. Golodov, P.V. (2011) Zarubezhnyy opyt i perspektivy sozdaniya sluzhby probatsii v Rossii: organizatsionno-pravovye aspekty [Foreign experience and prospects for creating a probation service in Russia: organizational and legal aspects]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 2. pp. 81–88.

Received: 04 February 2018

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГРАТИН Андрей Евгеньевич – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры мировой литературы Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (г. Москва). E-mail: andrej-agratin@mail.ru

АНИСИМОВА Инна Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: iva0410@mail.ru

БАРАНЦЕВА Наталья Анатольевна – канд. ист. наук, зав. кафедрой всеобщей истории Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан). E-mail: barantzeva@inbox.ru

БОГДАНОВА Ольга Алексеева – аспирант кафедры зарубежной журналистики и литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: otheodorova@gmail.com

БОЛЬШЕВ Александр Олегович – д-р филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: olegovich1955@mail.ru

БУРНАКОВ Венарий Алексеевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. отдела этнографии Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: venariy@ngs.ru

БЫТКО Сергей Станиславович – аспирант кафедры истории России Нижневартковского государственного университета. E-mail: labarum92@rambler.ru

ГЕЙМУР Ольга Геннадьевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета. E-mail: ogeymur1@yandex.ru

ГЛУШКОВА Надежда Владимировна – канд. техн. наук, науч. сотр. лаборатории геоинформационных технологий и дистанционного зондирования № 284 Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: hope@igm.nsc.ru

ГНЕЗДИЛОВА Ирина Сергеевна – мл. науч. сотр. отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: gnezdilova06@mail.ru

ГРУЗДЕВ Владислав Викторович – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ». E-mail: gruzvld@rambler.ru

ДАНИЛОВА Наталья Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета. E-mail: nvdanilova@mail.ru

ДУДАЙТИ Альберт Константинович – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории и политологии Северо-Осетинского государственного университета им. Коста Левановича Хетагурова (г. Владикавказ). E-mail: adudaiti@mail.ru

ЗАВГОРОДНИЙ Алексей Михайлович – соискатель кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института им. А.М. Горького (г. Москва). E-mail: almzav@yandex.ru

ЗЕЛЯК Виталий Григорьевич – д-р ист. наук, доцент кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: Zelyak75@mail.ru

ЗОЛЬНИКОВ Иван Дмитриевич – д-р геол.-минерал. наук, профессор кафедры общей и региональной геологии Новосибирского государственного университета; зав. лабораторией геоинформационных технологий и дистанционного зондирования № 284 Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: zol@igm.nsc.ru

ИВАНОВА Дарья Александровна – инженер-исследователь отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: Nightliro@bk.ru

КАТЦИНА Татьяна Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и методики социальной работы Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: tkatsina@sfu-kras.ru

КЕЖУТИН Андрей Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Нижегородской государственной медицинской академии. E-mail: kezhutin@rambler.ru

КИСКИДОСОВА Татьяна Александровна – канд. ист. наук, зав. сектором истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан). E-mail: tak_74@mail.ru

КЛИМЕНКО Виктор Александрович – руководитель НОЦ «Сибирский центр промышленного дизайна и прототипирования», Томский государственный университет. E-mail: klimenko@siberia.design

КОНОНОВА Наталия Олеговна – аспирант кафедры «История журналистики и литературы» Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова (г. Москва). E-mail: nataliyaolkon@mail.ru

КОНОВАЛОВ Игорь Анатольевич – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: konov77@mail.ru

КРАСНОВА Татьяна Владимировна – канд. юрид. наук, доцент, и.о. зав. кафедрой гражданского права и процесса Тюменского государственного университета. E-mail: krasnova-tv@yandex.ru

КУЗЬМИН Ярослав Всеволодович – д-р геогр. наук, вед. науч. сотр. лаборатории геоинформационных технологий и дистанционного зондирования № 284 Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: kuzmin_yv@igm.nsc.ru

НИКОЛЮК Вячеслав Владимирович – д-р юрид. наук, гл. науч. сотр. отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия (г. Москва). E-mail: nvv56@mail.ru

НИКУЛИНА Анастасия Вячеславовна – инженер-исследователь лаборатории геоинформационных технологий и дистанционного зондирования № 284 Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: nikulina_a@igm.nsc.ru

НОСОВА Наталья Петровна – д-р ист. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тюменского государственного университета. E-mail: nosova-np@mail.ru

МАЙОРОВ Владимир Иванович – д-р юрид. наук, профессор кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета. E-mail: 1955715@rambler.ru

МАРКОВИЧЕВА Елена Викторовна – д-р юрид. наук, гл. науч. сотр. отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия (г. Москва). E-mail: markovicheva@yandex.ru

ПАВЛОВА Ирина Петровна – д-р ист. наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета (г. Красноярск). E-mail: iripa@inbox.ru

ПАВЛОВСКАЯ Елена Эммануиловна – профессор, доктор искусствоведения, декан факультета дизайна Уральского государственного архитектурно-художественного университета (Екатеринбург). E-mail: digra2006@siberia.design

ПЕЧЕРСКИЙ Владимир Арнольдович – канд. ист. наук, вед. науч. сотр. сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории (г. Абакан). E-mail: volody75.75@mail.ru

ПРОКОПЕНКО Ксения Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры культурологии, теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: kseniya.s@mail.ru

ПЧЕЛЬНИКОВ Денис Владимирович – мл. науч. сотр. лаборатории геоинформационных технологий и дистанционного зондирования № 284 Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: denmail@igm.nsc.ru

РАСКОЛЕЦ Виктор Владимирович – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: predator-101@mail.ru

РЫНКОВ Вадим Маркович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: vadsvet@list.ru

СТЕПНОВ Алексей Олегович – лаборант лаборатории социально-антропологических исследований, аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: ASAOM@yandex.ru

СОФЕЙКОВ Олег Валерьевич – руководитель археологической службы ООО «Новосибирское городское юридическое агентство». E-mail: tontur@ngs.ru

СТАФ Владислав Сергеевич – аспирант Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: stafvlad@gmail.com

ТРОИЦКИЙ Евгений Флорентьевич – д-р ист. наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: eft@rambler.ru

ФОМИНЫХ Сергей Фёдорович – д-р ист. наук, профессор кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

ХРУЛЕВА Оксана Сергеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: shamaim_7@mail.ru

ЧУПИНА Дарья Анатольевна – мл. науч. сотр. лаборатории геоинформационных технологий и дистанционного зондирования № 284 Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: chupina_da@igm.nsc.ru

ШЕВЧЕНКО Сергей Александрович – канд. ист. наук, ассистент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: Shevchenkovskrs@yandex.ru

ШУЙСКАЯ Татьяна Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: T.Shuiskaya@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2018. № 428. Март

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28 марта 2018 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 27,9. Тираж 50 экз.
Заказ № 3152. Цена свободная.

Дата выхода в свет 26 апреля 2018 г.

Редактор – Н.А. Афанасьева
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru